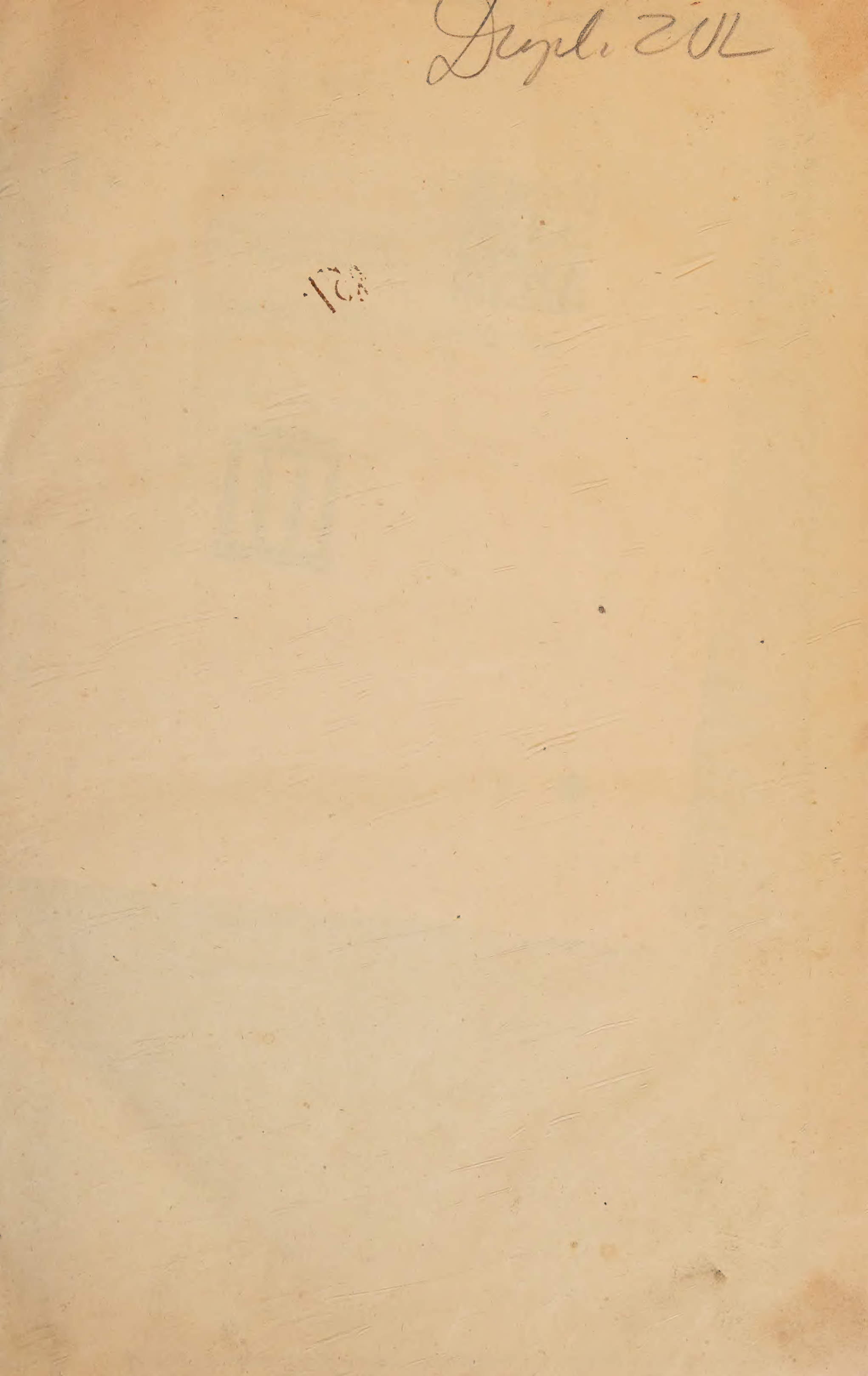
RUSSKII VIESTNIK
V. 13, kn. 1, 1860

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ТРИДЦАТЫЙ

1860

НОЯБРЬ: КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

МОСКВА.
Въ типографіи Каткова и К°.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

ТОМЪ ТРИДЦАТЫЙ.

МОСКВА.
Въ типографіи Каткова и К°.

1860.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 14-го ноября 1860 года.

Ценсоръ *А. Петровъ.*

НАРОДНЫЯ ВООРУЖЕНІЯ ВЪ ПРУССІИ

ВЪ 1813 ГОДУ [1]

Одновременно съ движеніемъ русскихъ войскъ отъ Вислы къ Одеру ополчились на Французовъ жители Пруссіи.

Не будемъ подражать нѣмецкимъ писателямъ, искавшимъ отнять у насъ славу освобожденія Германіи. Воздадимъ должное нашимъ сподвижникамъ. Мы, Русскіе, никогда не колебавшіеся, въ годину бѣдствій матери-Россіи, жертвовать послѣднимъ достояніемъ и самими собою, мы вполнѣ сочувствуемъ великимъ подвигамъ самоотверженія прусскихъ гражданъ. Эти подвиги совершены чужеземцами, но они намъ не чужды: они находятъ отголосокъ въ душѣ нашей.

Чтобы получить ясное понятіе о всеобщемъ возстаніи въ Пруссіи, необходимо бросить взглядъ на современное положеніе этой страны.

По договору, заключенному въ Тильзитѣ, Прусская монархія, возведенная геніемъ Фридриха Великаго на степень первоклассныхъ государствъ, низошла въ рядъ владѣній, порабощенныхъ Наполеономъ. Пространство, народонаселеніе, а вмѣстѣ

---

(1) Изъ неизданнаго сочиненія: *Исторія войны за независимость Германіи, 1813 года.*

съ тѣмъ и средства королевства, уменьшились на половину; государственные доходы были поглащаемы, въ теченіи пяти лѣтъ, военными контрибуціями, наложенными Наполеономъ, и содержаніемъ французскихъ войскъ, оставленныхъ между Эльбой и Вислой; почти всѣ прусскія крѣпости были заняты французскими войсками. Страна обѣднѣла совершенно; многіе землевладѣльцы, войдя въ неоплатные долги, оставили наслѣдственное достояніе свое и скитались по-міру; капиталисты терпѣли огромные убытки отъ застоя въ дѣлахъ, либо скрывали свои капиталы. Общее уныніе подавило духъ народа: многіе, потерявъ надежду на возможность какой-либо перемѣны къ лучшему, освоились съ позоромъ и предлагали скрѣпить цѣпи, въ коихъ держала ихъ мощная рука завоевателя, тѣснѣйшимъ союзомъ съ Франціей, то-есть совершенною покорностію Наполеону. Наконецъ, армія была ограничена условіемъ—содержать не болѣе сорока двухъ тысячъ человѣкъ; да ежелибы и не существовало такого условія, то Пруссія, по недостатку въ средствахъ, не могла бы содержать болѣе многочисленную армію. Ко всему этому присоединилась континентальная система, со всѣми ея послѣдствіями, имѣвшая пагубное вліяніе на торговлю Пруссіи и бывшая причиной ея разрыва съ Англіей, Швеціей и Сѣверо-Американскими Штатами.

Таково было положеніе Пруссіи: казалось, померкъ невозвратно послѣдній лучъ надежды въ душахъ жителей этой несчастной страны. Но Всевышній Промыслъ послалъ имъ въ помощь мужей, не отчаивавшихся въ спасеніи отечества,—Штейна и Шарнгорста. Еще въ то время, когда, вскорѣ по заключеніи тильзитскаго трактата, Пруссія была наводнена французскими войсками, король Фридрихъ - Вильгельмъ III, удалясь на крайнюю черту своихъ владѣній, въ Мемель, поручилъ Штейну составить проектъ преобразованій, имѣвшихъ цѣлію возстановленіе монархіи. 5-го октября 1807 года, ему ввѣрено, въ званіи министра, управленіе всѣми внутренними и иностранными дѣлами. Одаренный въ зрѣлыхъ лѣтахъ (1) пылкостію юноши, Штейнъ соединялъ въ себѣ глубокую вѣру въ божественное Евангеліе съ непреклонною твердостію въ задуманномъ имъ предпріятіи—возвышеніи падшей Германіи

(1) Ему тогда было 51 годъ отъ роду.

во всемъ ея прежнемъ величіи и славѣ. Гордый, какъ феодальный баронъ, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ преисполненъ любви къ народу и душевнаго участія въ судьбѣ его. Самая наружность этого великаго мужа выказывала его душевныя свойства. Постоянно спокойный, погруженный въ глубокія думы, онъ иногда увлекался горячностію своего характера, и въ эти минуты его взоры имѣли блескъ молніи, и голосъ его раздавался подобно грому. Черезъ четыре дня по назначеніи Штейна въ обязанности министра, появилось давно уже задуманное имъ, въ послѣдствіи столь знаменитое уложеніе, въ коемъ заключались основныя преобразованія государственныхъ учрежденій: отмѣненъ законъ, въ силу котораго только лишь одни дворяне могли владѣть помѣстьями; небольшіе крестьянскіе участки земли приписаны къ мызамъ; крѣпостнымъ крестьянамъ дарована личная свобода. По прибытіи, 15-го января 1808 года, короля въ Кенигсбергъ, продолжались реформы: законодательная часть совершенно отдѣлена отъ административной, и всѣ министерства совершенно преобразованы.

Невзгоды, постигшія Пруссію, и порабощеніе Наполеономъ Германіи поселили въ сынахъ ея мысль тѣснѣйшаго соединенія между собою, имѣвшаго цѣлію приготовить средства къ возстанію, въ ожиданіи благопріятнаго къ тому времени. Такимъ образомъ возникъ *Союзъ добродѣтели* (Tugendbund), подъ руководствомъ Штейна. Но реформы, задуманныя и исполненныя великимъ министромъ, вызвали сильное противодѣйствіе: люди отсталые, либо себялюбивые, пользовавшіеся исключительными выгодами при прежнемъ порядкѣ вещей, были естественными врагами Штейна. Въ числѣ ихъ были: по военной части фельдмаршалъ Калькрейтъ, а по гражданской— старый министръ Фоссъ. Нашлись въ Пруссіи люди, не устыдившіеся передать французскому правительству одно изъ Штейновыхъ писемъ по дѣламъ Союза добродѣтели. Слѣдствіемъ этого было удаленіе Штейна отъ должности министра, въ ноябрѣ 1808 года, и конфискація его имѣнія въ нассаусскихъ владѣніяхъ. Его управленіе министерствомъ продолжалось только годъ съ небольшимъ, но составило эпоху новаго порядка дѣлъ, и многіе мудрые уставы, въ послѣдствіи обнародованные при государственномъ канцлерѣ Гарденбергѣ, были приготовлены Штейномъ (1). При открытіи военныхъ дѣйствій въ

(1) Beitzke, *Geschichte der deutschen Freiheitskriege*. I, 53—57.—*Das Leben des Ministers v. Stein*. v: Pertz. Zw. Aufl.

1812 г., Штейнъ, вызванный императоромъ Александромъ изъ Праги въ главную квартиру русской арміи, прибылъ въ Вильну, потомъ отправился въ Петербургъ и находился тамъ до отъѣзда государя въ армію въ концѣ года.

Одновременно съ общими государственными реформами въ Пруссіи, послѣдовало совершенное преобразованіе военныхъ учрежденій. Душой этого важнаго дѣла былъ генералъ Шарнгорстъ. Поступивъ въ прусскую службу изъ ганноверской уже сорока пяти лѣтъ отъ роду, въ 1801 году, когда въ прусской арміи преимущественно гонялись за выправкой и формой, Шарнгорстъ, кривобокій, небрежный въ одеждѣ, объяснявшійся вяло и невразумительно, считался въ кругу своихъ товарищей мало способнымъ, непрактическимъ человѣкомъ. Одинъ изъ подчиненныхъ ему тогда штабъ-офицеровъ сказалъ напрямки, что всякій унтеръ-офицеръ можетъ принести болѣе пользы службѣ нежели Шарнгорстъ. Несмотря однакоже на такіе толки, онъ былъ надлежащимъ образомъ оцѣненъ начальствомъ, и въ 1807 году, уже будучи въ чинѣ полковника, начальникомъ штаба у Лестока, способствовалъ блистательнымъ дѣйствіямъ его въ сраженіи при Прейсишъ-Эйлау. По заключеніи тильзитскаго мира, Шарнгорстъ, произведенный въ генералъ-майоры, былъ назначенъ предсѣдателемъ коммиссіи, учрежденной для возстановленія арміи; въ числѣ членовъ ея были пріобрѣтшіе въ послѣдствіи громкую извѣстность: Гнейзенау, Борстель, Грольманъ и Бойенъ. Подобно Штейну, Шарнгорстъ встрѣтилъ сильное противодѣйствіе со стороны безсознательныхъ поборниковъ системы Фридриха Великаго, полагавшихъ, что коренныя реформы могли поколебать въ самомъ основаніи прусскую военную систему. Но никакія препятствія не могли остановить твердаго, непоколебимаго Шарнгорста; затаивъ во глубинѣ души свои виды и не открывая вполнѣ даже самымъ близкимъ къ нему лицамъ свои намѣренія, онъ приводилъ ихъ въ исполненіе не вдругъ, а по мѣрѣ того, какъ оказывалась необходимость въ нововведеніяхъ: такимъ образомъ успѣлъ онъ незамѣтно приготовить силы и средства, въ ожиданіи зари освобожденія Германіи. Въ эпоху тильзитскаго трактата, прусскія войска состояли всего-на-все изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ; вся матеріяльная часть арміи находилась въ рукахъ Французовъ; нравственныя силы народа и войскъ были въ совершенномъ упадкѣ. Надлежало: создать новую армію,

народную, подобную непріятельской; снабдить войска, при самыхъ ограниченныхъ средствахъ государства, артиллеріей, оружіемъ, одеждой, аммуниціей, лошадьми и сбруей; ввести уставы и тактику, сообразные съ современными требованіями военнаго искусства; наконецъ, вдохнуть въ народъ и армію довѣріе къ собственнымъ силамъ, безъ котораго слабы всѣ вещественныя средства.

Чтобы придать прочность новымъ постановленіямъ, надлежало, прежде всего, поддержать уваженіе къ прежнимъ. Еще во время пребыванія короля въ Мемелѣ послѣдовалъ приказъ о преданіи суду малодушныхъ комендантовъ, сдавшихъ безъ сопротивленія непріятелю ввѣренныя имъ крѣпости; тогда же исключены изъ службы всѣ офицеры, сдавшіеся въ плѣнъ въ 1806 году, у Пренцлова. 3-го августа н. ст. 1808 года, объявленъ новый воинскій уставъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ, на основаніи коего уничтожена гоньба сквозь строй и вообще отмѣнены всѣ тѣлесныя наказанія за какія бы то ни было преступленія, кромѣ безчестныхъ поступковъ. Военная служба сдѣлана обязательною для всѣхъ подданныхъ Пруссіи. На основаніи приказа 6-го августа н. ст. 1808 года, производство въ офицеры уже не зависѣло исключительно отъ происхожденія, а обусловливалось, въ мирное время, образованіемъ, поведеніемъ и свѣдѣніями; въ военное же время давали право на повышеніе только храбрость и отличные подвиги. Вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлены познанія, необходимыя для производства въ офицеры, а для облегченія средствъ къ пріобрѣтенію этихъ познаній учреждены школы. Въ продолженіи 1810 и 1811 годовъ, Шарнгорстъ, съ содѣйствіемъ нѣсколькихъ офицеровъ, составилъ строевой уставъ, отличавшійся простотой и удобствомъ и по справедливости могущій назваться образцовымъ.

Главнѣйшимъ же изъ всѣхъ соображеній Шарнгорста было образованіе вооруженныхъ силъ на случай возстанія противъ Наполеона. По конвенціи, заключенной 8-го сентября н. ст. 1808 года принцемъ Вильгельмомъ съ французскимъ правительствомъ, прусская армія была ограничена числомъ сорока двухъ тысячъ человѣкъ. Но Шарнгорстъ нашелъ средство приготовить несравненно бо́льшія силы, не увеличивая числа войскъ постоянной арміи. Для этого рекруты, получивъ тактическое образованіе, съ содѣйствіемъ кадровъ, составленныхъ изъ старыхъ солдатъ, были распускаемы по домамъ, а на мѣст

ихъ набирались вновь другіе, которые, въ свою очередь, были увольняемы, и т. д. Молодые солдаты, возвратившіеся на родину, числились въ резервѣ, либо употреблялись для сооруженія крѣпостей и на другія государственныя работы. Несмотря на скудость финансовыхъ средствъ Пруссіи въ эту эпоху, артиллерія, оружіе, аммуниція и военные припасы были заготовлены въ большомъ количествѣ, и найдено шестьдесятъ тысячъ лошадей, годныхъ на службу (1).

Уплата военной контрибуціи Наполеону, поглащавшая доходы тогдашней Пруссіи, заставила правительство прибѣгнуть къ ограниченію государственныхъ расходовъ. Король, во время пребыванія своего въ Мемелѣ и потомъ въ Кенигсбергѣ, жилъ весьма просто; а весною, по желанію королевы, переѣзжалъ въ селеніе Гюбенъ, въ сосѣдствѣ Кенигсберга, гдѣ со всѣми дѣтьми помѣщался въ нѣсколькихъ комнатахъ. Примѣръ его побудилъ многихъ изъ окружавшихъ его лицъ къ умѣренности и пожертвованіямъ на общую пользу, но этого было недостаточно для уплаты контрибуціи въ опредѣленные сроки; а въ ожиданіи того, надлежало содержать на свой счетъ огромную французскую армію, занимавшую прусскія владѣнія. Правительство, для удовлетворенія притязаній Наполена, было принуждено прибѣгнуть къ внутреннимъ и внѣшнимъ займамъ, къ продажѣ государственныхъ имуществъ и къ выпуску подъ залогъ ихъ ассигнацій (Schatz-Scheine). Но внѣшнимъ займамъ мѣшали зловѣщіе слухи объ уничтоженіи прусской монархіи, что̀ въ дѣйствительности зависѣло отъ прихоти Наполеона.

6-го іюня н. ст. 1810 года, Гарденбергъ, въ званіи государственнаго канцлера, сталъ въ челѣ управленія Пруссіи; а въ концѣ октября того же года обнародовано состояніе прусскихъ финансовъ и объявлено о предстоявшемъ созваніи областныхъ депутатовъ въ Берлинъ (куда переѣхалъ король еще въ декабрѣ 1809 года), для объясненія нуждъ и желаній народа и для пріисканія средствъ къ окончательному удовлетворенію французскаго правительства. Затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ узаконеній, заключавшихъ въ себѣ многія реформы по косвеннымъ налогамъ (2). 23-го февраля 1811 года было открыто

---

(1) Beitzke, I, 58—63.

(2) 1810 года, 28-го октября, значительно увеличены подати на съѣстные припасы и на предметы роскоши; 30-го октября уничтожены всѣ монастыри, за исключеніемъ тѣхъ, при коихъ находились училища;

собраніе областныхъ депутатовъ рѣчью канцлера, въ которой, стараясь доказать необходимость предпринятыхъ нововведеній, онъ торжественно обѣщалъ отъ имени короля введеніе представительнаго образа правленія. 14-го сентября того же года, обнародовано положеніе о взаимныхъ обязанностяхъ помѣщиковъ и крестьянъ, на основаніи коего послѣдніе получили въ полную и неотъемлемую собственность свои усадьбы, обязываясь платить владѣльцамъ, за надѣлъ прочею землею, ренту, опредѣленную коммиссіей, составленною изъ экспертовъ (1).

Въ 1811 году уже была уплачена половина военной контрибуціи, и, на основаніи договоровъ, слѣдовало Французамъ очистить крѣпость Глогау. Но Наполеонъ нарушилъ это условіе. При открытіи войны между Россіей и Франціей, Пруссія, волнуемая справедливыми опасеніями насчетъ намѣреній императора Французовъ, была въ необходимости заключить съ нимъ союзъ, на какихъ бы то ни было условіяхъ. Наполеонъ, пользуясь выгодами своего положенія, включилъ въ союзный договоръ, 24 февраля 1812 года, условіе о продолженіи занятія Глогау французскими войсками и ввелъ свои гарнизоны во всѣ прочія прусскія крѣпости, за исключеніемъ Грауденца и Кольберга. Такимъ образомъ, въ 1812 году, содержа, насчетъ Пруссіи въ Глогау, Кюстринѣ и Штетинѣ, двадцать три тысячи человѣкъ, онъ увеличилъ гарнизоны въ Магдебургѣ до двѣнадцати и въ Данцигѣ свыше двадцати тысячъ человѣкъ; слѣдовательно, могъ совершенно господствовать въ странѣ, гдѣ, за отбытіемъ прусскаго вспомогательнаго корпуса на Двину, оставалось подъ ружьемъ только двадцать тысячъ человѣкъ собственныхъ войскъ. Наполеонъ безжалостно воспользовался правомъ сильнаго, обременивъ несчастныхъ жителей Пруссіи огромнымъ постоемъ войскъ и доставкой вслѣдъ за ними продовольствія и военныхъ запасовъ.

Неудачный походъ «великой арміи» въ Россію возбудилъ

2-го ноября отмѣнены цехи и разрѣшено свободно заниматься ремеслами, а въ замѣнъ того, наложена на мастеровыхъ общая подать и проч.

(1) На основаніи этого положенія, землевладѣлецъ не имѣлъ права выгнать крестьянина изъ усадьбы, даже и въ такомъ случаѣ, еслибы послѣдній не исполнилъ своихъ обязанностей. Кромѣ того, крестьяне получили въ неотъемлемое владѣніе часть воздѣлываемой ими земли, а за другую, оставшуюся во владѣніи помѣщиковъ, были обязаны платить ренту.

надежды Пруссіи, но жители ея и самъ король, окруженные французскими войсками, по прежнему находились въ совершенной зависимости отъ Наполеона. Къ тому же, Фридрихъ-Вильгельмъ, несмотря на многіе примѣры вѣроломства, поданные Наполеономъ, не рѣшался нарушить заключенные съ нимъ договоры. Таковы были причины, побудившія короля отрѣшить отъ командованія войсками генерала Йорка. Желая избѣжать разрыва съ Франціей, канцлеръ Гарденбергъ покушался согласиться съ Меттернихомъ о нейтралитетѣ Пруссіи совокупно съ Австріей; но вѣнскій кабинетъ остерегался обнаружить свои намѣренія. Фридрихъ-Вильгельмъ былъ принужденъ выжидать, пока французское правительство явно не подастъ ему повода къ сближенію съ императоромъ Александромъ, отказавъ въ справедливыхъ требованіяхъ Пруссіи насчетъ ликвидаціи суммъ, должныхъ ей Наполеономъ, и вывода гарнизоновъ изъ прусскихъ крѣпостей (1). А между тѣмъ, желая быть готовымъ на случай войны, король повелѣлъ, 3-го февраля н. ст. 1813 года, обнародовать, что опасность, которою угрожало государству приближеніе къ его предѣламъ военныхъ дѣйствій, требовала быстраго усиленія арміи, но, что финансовыя средства правительства не позволяли увеличить издержки на содержаніе войскъ; поэтому было постановлено, чтобы молодые люди, отъ 17 до 24-лѣтняго возраста, не обязанные къ поступленію на службу, но имѣвшіе возможность одѣться и пріобрѣсти аммуницію на собственный счетъ, составили пѣшія и конныя дружины вольныхъ егерей (freiwillige Jägerschaaren zu Fusse und zu Pferde), кои предполагалось придавать къ пѣхотнымъ и кавалерійскимъ полкамъ. Этимъ волонтерамъ были предоставлены многія права и преимущества (2). Тѣ же изъ молодыхъ людей, которые отказались бы явиться на призывъ отечества, не были принуждаемы къ службѣ, но не могли надѣяться ни на какія награды, либо повышенія, во все продолженіе войны. Шесть дней спустя, 9-го февраля н. ст., было отмѣнено всякое увольненіе отъ службы въ войскахъ (3).

---

(1) Förster, *Geschichte der Befreiungskriege*, 1813, 1814, 1815. 3-te Aufl. I, 57.

(2) Прусскимъ волонтерамъ были предоставлены: выборъ полковъ, въ коихъ они желали служить, увольненіе отъ службы въ крѣпостныхъ гарнизонахъ, выборъ изъ среды себя своихъ офицеровъ, право на полученіе мѣстъ въ гражданской службѣ по окончаніи войны.

(3) *Das Leben des Minist. v. Stein.* III, 298—299.

Повидимому, Фридрихъ-Вильгельмъ, все еще не надѣясь побудить народъ къ общему вооруженію, повелѣлъ 22-го февраля обнародовать слѣдующее объявленіе: король, находя, что, при общемъ достохвальномъ стремленіи всѣхъ и каждаго принять участіе въ защитѣ отечества, необходимо обнаружить и подвергнуть наказанію немногіе случаи малодушія, либо хладнокровія къ общей пользѣ, постановилъ, чтобы, вопервыхъ, всякая передача недвижимыхъ имѣній отъ отца къ сыновьямъ, не состоящимъ на службѣ, считалась недѣйствительною, если отецъ имѣетъ менѣе пятидесяти, а сыновья достигли двадцати-четырехъ лѣтъ и совершенно здоровы; вовторыхъ, каждый изъ уклоняющихся отъ службы, по какому-либо ничтожному предлогу, лишается правъ состоянія, поступаетъ въ опеку и не можетъ ни носить прусской кокарды, ни занимать общественныхъ должностей, и втретьихъ, каждый отецъ семейства, либо опекунъ, затрудняющій своимъ сыновьямъ, или состоящимъ въ его опекѣ молодымъ людямъ, вступленіе въ военную службу, подвергается также потерѣ правъ состоянія (1).

Въ послѣдствіи оказалось, что прусскій народъ, возбужденный чувствами долга и чести, превзошелъ ожиданія короля и изгладилъ память постыдныхъ событій 1806 года. Еще до обнародованія королевскихъ указовъ о всеобщемъ вооруженіи, на общемъ собраніи областныхъ депутатовъ Восточной Пруссіи, 5-го февраля н. ст., по предложенію генерала Йорка, постановлено: набрать резервъ въ тринадцать тысячъ человѣкъ для укомплектованія его корпуса; выставить ландверъ, силой въ двадцать тысячъ; сдѣлать ландштурмъ (поголовное вооруженіе), изъ всѣхъ людей отъ 18-ти до 45-ти-лѣтняго возраста, и сформировать конный отрядъ изъ семисотъ охотниковъ, которые обяжутся экипироваться на свой собственный счетъ и послужатъ разсадникомъ для офицеровъ ландвера (2). Исполненіе этого проекта было поручено коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ бывшаго государственнаго министра (3), графа

---

(1) *Beihefte zum Milit. Wochen-Blatt*, 1845 и 1846.

(2) *Das Leben des Minist. v. Stein.* III, 289. Письмо къ императору Александру I Штейна изъ Кенигсберга, отъ 25-го января (6 февраля) 1813 года *(Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ)*.

(3) Графъ Дона, будучи назначенъ, на мѣсто Штейна, государственнымъ министромъ, въ 1808 году, оказалъ важныя заслуги; онъ оставилъ эту должность въ 1810 году.

Доны (Dohna), а производителемъ дѣлъ назначенъ извѣстный ненавистью къ Французамъ докторъ правъ Гейдеманъ (1).

Какъ только узнали въ Берлинѣ, тогда еще занятомъ французскими войсками, о вызовѣ короля къ вооруженію, то въ продолженіи трехъ сутокъ поступило въ охотники девять тысячъ молодыхъ людей. Нѣсколько дней спустя, король усмотрѣлъ изъ оконъ своего бреславскаго дворца довольно значительный обозъ: это были нѣкоторые изъ берлинскихъ охотниковъ, пріѣхавшіе въ Бреславль на восьмидесяти повозкахъ. На вопросъ Шарнгорста: «убѣдились ли вы, государь, въ истинѣ словъ моихъ?» король отвѣчалъ слезами, показавшими доблестному министру, что всѣ прежнія сомнѣнія исчезли. И ежели призывъ народа къ оружію требовалъ нѣкоторыхъ побудительныхъ распоряженій со стороны правительства, то, къ вѣчной славѣ Пруссіи, жертвы имуществомъ на алтарь отечества были принесены добровольно, порывомъ общаго народнаго увлеченія. По совершенному истощенію Пруссіи въ 1813 году, пожертвованія частныхъ людей не могли равняться съ огромными суммами, предложенными у насъ дворянскимъ и купеческимъ сословіями въ отечественную войну 1812 года. Но и въ Пруссіи, подобно тому, какъ было въ Россіи, каждый жертвовалъ многимъ, и многіе жертвовали всѣмъ. Большіе города и зажиточные люди выставляли пѣшихъ и конныхъ егерей въ полномъ вооруженіи, не рѣдко обязываясь снабжать ихъ жалованьемъ въ продолженіе всей войны; другіе, имѣвшіе менѣе средствъ, жертвовали, по возможности, на вооруженіе и экипировку волонтеровъ; нѣкоторые предлагали половину получаемаго ими жалованья, или пенсіи, либо отдавали единственную остававшуюся у нихъ пару серебряныхъ ложекъ; довольно значительныя суммы были присланы отъ лицъ, пожелавшихъ остаться неизвѣстными. Многія дамы жертвовали серьгами, браслетами и даже обручальными кольцами, изъявляя сожалѣніе, что имъ болѣе нечего было дать. Въ Бреславлѣ, гдѣ присутствіе короля, нашедшаго тамъ убѣжище отъ враговъ отечества, возбуждало особенный восторгъ, одна молодая дѣвушка, желая участвовать въ пожертвованіяхъ, но не имѣвшая ничего,

---

(1) Гейдеману, умершему на сорокъ-второмъ году отъ роду, въ ноябрѣ 1813 года, отъ усиленныхъ трудовъ, понесенныхъ въ дѣлѣ освобожденія Германіи, поставленъ памятникъ въ Кенигсбергѣ. Beitzke, I, 143—144.

отправилась къ куаферу и просила его оцѣнить ея волосы, красота которыхъ удивляла всѣхъ ее знавшихъ. «Они могутъ стоить десять талеровъ,» отвѣчалъ онъ.—«Ну такъ остригите ихъ и дайте мнѣ за нихъ деньги», сказала великодушная красавица. Пораженный неожиданнымъ предложеніемъ, куаферъ нѣсколько разъ брался за ножницы, и наконецъ объявилъ дѣвушкѣ, что онъ не рѣшается лишить ее такого безцѣннаго сокровища. Но это не остановило ея: она сама обрѣзала свои волосы и отослала ихъ въ комитетъ, учрежденный для принятія пожертвованій, съ слѣдующею запиской: «Куаферъ N. N. предлагалъ десять талеровъ за мои волосы; считаю себя счастливою, имѣя возможность принести отечеству эту ничтожную жертву.» Комитетъ приказалъ сдѣлать изъ присланныхъ волосъ браслеты и кольца, которыя, въ воспоминаніе такого прекраснаго поступка, продавались дорогою цѣной и доставили въ кассу комитета двѣсти пятьдесятъ талеровъ.

Одному изъ берлинскихъ ювелировъ былъ сдѣланъ отъ правительства большой заказъ желѣзныхъ колецъ, опредѣленной формы, съ надписью: *Gold gab ich für Eisen.* 1813. *(Отдалъ золото за желѣзо. 1813.)* На полученіе такого кольца имѣли право исключительно тѣ, кои жертвовали отечеству какою-либо золотою или серебряною вещью. Какъ только узнали объ этомъ распоряженіи, то въ первый же день было обмѣнено полтораста золотыхъ обручальныхъ колецъ на желѣзныя; вообще же доставлено: золотыхъ колецъ, серегъ, цѣпочекъ и прочихъ драгоцѣнныхъ вещей около ста шестидесяти тысячъ. Въ послѣдствіи желѣзныя кольца, съ надписью: *Gold gab ich für Eisen,* сдѣлались сокровищемъ семействъ, служа воспоминаніемъ пожертвованій, ими сдѣланныхъ (1).

Многіе прусскіе граждане жертвовали всѣмъ достояніемъ, а жены и дочери ихъ посвящали себя призрѣнію больныхъ и раненыхъ; были даже и такія, которыя, не ограничиваясь тѣмъ, переодѣвались въ мужское платье, поступали въ ряды воиновъ, сражались храбро и умирали за святую родину: имена восьмнадцатилѣтней Элеоноры Прогаска, вступившей въ партизанскій отрядъ Люцова, подъ именемъ Августа Ренца, и павшей славною смертію въ дѣлѣ при Герде, и Шарлотты Крюгеръ, произведенной въ унтеръ-офицеры и получившей желѣз-

---

(1) Извлечено изъ Берлинскихъ и Бреславльскихъ вѣдомостей 1813 года.

ный крестъ 2-й степени,—эти имена достойны почетнаго мѣста въ исторіи войны за независимость Германіи. Одна молодая дѣвушка, родомъ изъ Стральзунда, служила въ кавалеріи, подъ именемъ Карла Петерсена, была произведена въ вахмистры, получила двѣ раны, и въ награду своихъ подвиговъ украшена желѣзнымъ крестомъ 1-й степени (1).

Испанскій посолъ въ Берлинѣ, донъ Хосе Писарро, писалъ въ Мадридъ, что въ Пруссіи народъ вооружается *по-испански*. Въ одномъ изъ своихъ отзывовъ, онъ говоритъ: «Во всей Германіи господствуютъ въ высшей степени чувства народной самобытности и преданности къ законнымъ владѣтелямъ. Но нигдѣ эти благородныя чувства не обнаружились столь сильно, столь сходно съ событіями нашей славной Испаніи, какъ въ прусскихъ владѣніяхъ..... Сестра короля отослала всѣ свои драгоцѣнныя вещи въ государственное казначейство, на военныя издержки, и тотъ же часъ всѣ женщины пожертвовали своими украшеніями до послѣдней бездѣлицы. Я говорю всѣ, нисколько не преувеличивая, потому что едва ли были какія-либо исключенія, кромѣ бѣдныхъ, ничего не имѣвшихъ. Всѣ обручальныя кольца были принесены на алтарь отечества, и въ замѣну ихъ розданы желѣзные перстни съ надписью: *Я отдала золото за желѣзо*. Эти перстни, драгоцѣнные по напоминаемой ими народной доблести, отличаются изяществомъ работы. Ежели дамы и носятъ еще какія-либо вещи, то единственно желѣзныя. Такіе патріотическіе перстни невозможно достать ни за какую цѣну, потому что они выдаются исключительно въ замѣну пожертвованій золотыми и серебряными вещами.

«Берлинъ представляетъ зрѣлище, столь же величественное, сколько и трогательное. Всѣ улицы наполнены ранеными (2); на каждомъ шагу встрѣчаются увѣчные—на костыляхъ, съ подвязанными руками и проч., либо только одни женщины, старики и дѣти. За то, на всѣхъ площадяхъ учатся цѣлые батальйоны рекрутъ, кавалерійскіе взводы занимаются сабельными пріемами и манежною ѣздой...

«Король—первый солдатъ своей арміи. Благодушіе и важность, которыми украшены черты лица его, простота его одежды, его привѣтливость, бережливость, живое участіе, принимаемое

---

(1) *Aachener Zeitung*, 1844 und 1845.

(2) Письмо это было писано уже осенью 1813 года.

имъ въ благосостояніи своихъ подданныхъ, содѣлываютъ его предметомъ обожанія и восторга прусскихъ гражданъ, которые никогда еще не являли себя столь великимъ народомъ, какъ въ настоящее время...» (1)

Подобное настроеніе народа должно было неминуемо вовлечь правительство въ открытую борьбу съ притѣснителемъ Германіи. Но король, по прибытіи въ Бреславль, все еще колебался въ нерѣшимости, которой главною причиной были внушенія нѣкоторыхъ изъ близкихъ къ нему лицъ, страшившихся разрыва съ Франціей. Вступленіе генерала Шарнгорста снова въ должность генералъ-квартирмейстера, сопряженное съ правомъ присутствовать въ совѣтѣ министровъ, усилило поборниковъ союза съ Россіей, но не доставило имъ несомнѣннаго перевѣса. Нашлись люди, увѣрявшіе короля, что Наполеонъ, послѣ понесеннаго имъ урона въ истекшемъ году, совершенно оставилъ мысль о всемірной монархіи, и что будто бы надлежало преимущественно опасаться преобладанія Россіи. Полагали, что императоръ Французовъ, имѣя въ то время необходимую нужду въ союзѣ съ Пруссіей, готовъ былъ согласиться на всѣ ея требованія и образовать изъ этой монархіи, увеличенной сосѣдственными владѣніями, обширное государство, которое могло бы служить ему преградой противъ Россіи. Къ тому же нѣкоторые, сомнѣваясь въ безкорыстіи видовъ императора Александра I, думали, что онъ, занявъ вооруженною рукой польскія области, прежде принадлежавшія Пруссіи, воспользуется случаемъ удержать ихъ въ своей власти. Носились слухи, что многіе изъ сподвижниковъ нашего государя предлагали ему расширить предѣлы Россіи на счетъ Пруссіи. Несмотря, однакоже, на то, личныя отношенія короля Фридриха-Вильгельма къ императору Александру, сочувствіе прусскаго народа къ Русскимъ и отложеніе Йорка отъ Французовъ должны были неминуемо побудить Пруссію къ союзу съ Россіей. По прибытіи короля въ Бреславль, онъ хотѣлъ немедленно послать довѣренное лицо для переговоровъ къ императору Александру; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не желая подать Наполеону поводъ къ недовѣрчивости, испрашивалъ его согласія на отправленіе переговорщика въ нашу главную квартиру; цѣлію же или предлогомъ переговоровъ съ русскимъ

(1) Изъ письма донъ-Хосе-Писарро къ Антонію-Кано-Маноэлю, въ Мадридъ.

правительствомъ было признаніе нашимъ государемъ нейтралитета Бреславля и южной Силезіи. Наполеонъ отклонилъ это предложеніе; но король все-таки послалъ, въ началѣ февраля н. ст., своего генералъ-адъютанта, полковника Кнезебека, инкогнито, подъ именемъ купца Эделинга, въ главную квартиру русской арміи. 9-го февраля н. ст. Кнезебекъ отправился въ нашу главную квартиру, тогда находившуюся въ Клодавѣ, въ двухъ переходахъ отъ Калиша, и прибылъ туда 3-го (15-го) февраля. Императоръ Александръ, принявъ его въ тотъ же день, объяснилъ ему опредѣлительно свои виды: «Желаю, сказалъ государь, чтобы Пруссія была возстановлена во всемъ прежнемъ, и даже, если успѣхъ увѣнчаетъ наши усилія, еще въ большемъ блескѣ; тотъ день, въ который возвратятся королю законно принадлежащія ему владѣнія, будетъ прекраснѣйшимъ днемъ моей жизни.»

Казалось, такое начало переговоровъ обѣщало столь же быстрый, сколько и успѣшный исходъ ихъ. Вышло иначе: Кнезебекъ не умѣлъ обсудить обоюдное положеніе Россіи и Пруссіи, и вмѣсто того чтобы прямо объясниться съ императоромъ Александромъ, хитрилъ и запутывался въ дипломатическихъ тонкостяхъ. Полагая, что наше правительство стремилось къ пріобрѣтенію Восточной Пруссіи, Кнезебекъ не обратилъ вниманія на дѣйствительные виды нашего государя, клонившіеся къ овладѣнію Варшавскимъ герцогствомъ и къ расширенію предѣловъ Пруссіи на счетъ Саксоніи. Самъ Штейнъ, замѣтивъ, что такіе переговоры вели къ напрасной тратѣ времени и замедляли освобожденіе Германіи, выразилъ о томъ свое мнѣніе, съ отличавшею его откровенностію, Кнезебеку, и писалъ, въ такомъ же смыслѣ, Гарденбергу. Императоръ Александръ, желая ускорить ходъ дѣла, прервалъ переговоры съ мнительнымъ Кнезебекомъ, и отправилъ къ королю, въ Бреславль, Штейна и Анштетта, уполномочивъ ихъ вести переговоры съ прусскимъ правительствомъ. Несмотря на сильную простуду, которою страдалъ, Штейнъ немедленно поѣхалъ въ Бреславль, и прибывъ туда 13 (25) февраля, явился къ королю и объяснилъ ему опасность оставаться въ союзѣ съ Французами, такъ какъ вся Пруссія тому противилась. «Невозможно, сказалъ онъ, вѣрить обѣщаніямъ Наполеона, да еслибъ онъ и дѣйствительно хотѣлъ сдѣлать что-либо полезное для Пруссіи, то едва ли онъ уже въ состояніи исполнить свои намѣренія; съ другой стороны, трудно будетъ противодѣйствовать Россіи,

либо слѣдовать примѣру Австріи, которая находится совсѣмъ въ иномъ положеніи. По моему мнѣнію, продолжалъ Штейнъ, императоръ Александръ твердо рѣшился возстановить Пруссію, и намъ остается одно—отстаивать соединенными силами обоихъ государствъ независимость Германіи. Въ случаѣ же, ежели прусское правительство останется въ союзѣ съ Наполеономъ, императоръ присоединитъ къ своимъ владѣніямъ всѣ области до Вислы и учредитъ въ нихъ русское управленіе (1).»

Успѣшному ходу переговоровъ способствовало прибытіе въ Бреславль депутата Восточной Пруссіи, майора, графа Дона (Dohna), брата бывшаго государственнаго министра, съ извѣстіемъ о постановленіи сейма областныхъ чиновъ—выставить на свой собственный счетъ тридцать тысячъ человѣкъ ландвера. Хотя такое самостоятельное распоряженіе сейма, собраннаго подъ вліяніемъ русскихъ властей, не понравилось Фридриху-Вильгельму, однакоже значительное вооруженіе одной изъ важнѣйшихъ областей Пруссіи должно было оказать — и дѣйствительно оказало — большое вліяніе на короля, убѣдившагося на дѣлѣ, на какія огромныя пожертвованія готовъ былъ народъ въ случаѣ войны съ Наполеономъ. Такое общее настроеніе умовъ, съ одной стороны, ручалось въ успѣхѣ борьбы на жизнь и смерть за независимость Германіи, а съ другой, выказывало неизбѣжность союза съ Россіей: слѣдствіемъ этого было заключеніе союзнаго трактата въ Бреславлѣ 15-го (27-го) февраля, за подписью канцлера Гарденберга и Анштетта; на слѣдующій день, 16-го (28-го), этотъ договоръ былъ подписанъ въ Калишѣ княземъ Кутузовымъ и генераломъ Шарнгорстомъ, присланнымъ, по желанію нашего государя, въ нашу главную квартиру, на мѣсто Кнезебека. Съ этого времени Шарнгорстъ былъ весьма дѣятельнымъ и полезнымъ посредникомъ между войсками обѣихъ союзныхъ державъ (2).

На основаніи трактата, между Россіей и Пруссіей, постановлено: 1) заключить оборонительный и наступательный союзъ, для возстановленія Прусской монархіи въ такихъ предѣлахъ, какихъ требовало обезпеченіе спокойствія обѣихъ державъ; 2) съ этою цѣлію, Россія обязалась выставить 150.000, а

---

(1) *Das Leben des Minist. v. Stein*, III, 300 — 302. Beitzke, I, 168 — 171.

(2) *Das Leben des Minist. v. Stein*, III, 304. Beitzke, I, 171.

Пруссія 80.000 человѣкъ, не считая крѣпостныхъ гарнизоновъ; 3) обѣ державы согласились не заключать отдѣльно ни мира, ни перемирія съ Наполеономъ; 4) употребить всѣ средства для склоненія Австріи къ принятію участія въ союзѣ противъ Франціи и войдти въ переговоры съ Англіей о снабженіи Пруссіи оружіемъ, припасами и субсидіями.

По секретнымъ условіямъ этого же договора, императоръ Александръ I обязался не прекращать войны до тѣхъ поръ, пока Пруссія будетъ возстановлена въ статистическомъ, географическомъ и финансовомъ отношеніяхъ, не только сообразно съ положеніемъ государства до войны 1806 года, но и съ расширеніемъ его предѣловъ областями, которыя послужили бы связью между Старою Пруссіей и Силезіей. Союзныя державы, предвидя необходимость удовлетворенія Англіи, положили не включать Ганновера въ число земель, долженствовавшихъ послужить къ вознагражденію Пруссіи (1).

Договоръ, заключенный въ Калишѣ, не былъ объявленъ немедленно по его подписаніи ни французскому правительству, ни прусскому народу. Король хотѣлъ разорвать союзъ съ Наполеономъ не прежде, какъ по очищеніи прусскихъ владѣній отъ Французовъ нашими войсками. А между тѣмъ, въ Пруссіи, народныя ополченія, съ каждымъ днемъ, получали большее развитіе.

Душой этихъ приготовленій былъ геніяльный Шарнгорстъ. Едва лишь принялъ онъ управленіе военною частію, какъ послѣдовалъ приказъ о призывѣ на службу въ Силезіи (подобно тому, какъ уже было въ Пруссіи и Помераніи) всѣхъ *кримперовъ* (2) и отпускныхъ солдатъ; тогда же сдѣлана перепись всѣмъ рекрутамъ, а равно лошадямъ, годнымъ къ службѣ. Для сбора людей въ Восточной Пруссіи, подъ начальствомъ генерала Бюлова, назначенъ былъ Грауденцъ, а въ Новой-Мархіи (Neumark), подъ начальствомъ Борстеля,—Кольбергъ, единственныя крѣпости въ сихъ областяхъ, занятыя прусскими гарнизонами и могшія служить спорными пунктами для народныхъ вооруженій. Изъ прочихъ же областей, занятыхъ французскими

---

(1) Договоръ, заключенный въ Бреславлѣ и Калишѣ, 15 (27) и 16 (28) февраля, 1813 года. Koch. *Histoire abrégée des traités de paix*, III, 263.

(2) Krümper—обученные рекруты, которые, бывъ распущены по домамъ, составляли резервъ дѣйствующей арміи.

войсками, охотники пробирались кое-какъ на сборные пункты, преимущественно въ Силезію.

Въ 1807 году, по заключеніи тильзитскаго трактата, пѣхота прусской арміи состояла всего-на-все изъ одиннадцати трехбатальйонныхъ полковъ, въ числѣ тридцати тысячъ человѣкъ (въ началѣ 1813 года сформированъ еще одинъ полкъ, 12-й линейный). Эти полки были укомплектованы отпускными солдатами до полнаго числа, на военномъ положеніи, восьми сотъ человѣкъ въ батальйонѣ; а кавалерійскіе полки до полутораста человѣкъ въ эскадронѣ; артиллерія и войска инженернаго вѣдомства также были пополнены. Кромѣ того, сформировано пятьдесятъ два разервные батальйона, также на военномъ положеніи, всего въ числѣ 41.600 человѣкъ, что̀ усилило армію до восьмидесяти тысячъ. Недостатокъ въ офицерахъ, весьма чувствительный при поспѣшномъ формированіи войскъ, былъ устраненъ принятіемъ на службу отставныхъ, производствомъ въ офицеры портупей-прапорщиковъ и способнѣйшихъ унтеръ-офицеровъ, выпускомъ изъ кадетъ и въ особенности повышеніемъ молодыхъ людей, служившихъ въ охотникахъ (freiwillige Jäger). Въ послѣдствіи, во время перемирія, изъ резервныхъ батальйоновъ сформированы резервные полки, трехбатальйоннаго состава, которые, по заключеніи мира, переименованы въ линейные. Недостатокъ финансовыхъ средствъ заставилъ правительство возложить на обывателей страны обмундированіе новосформированныхъ войскъ и поставку всѣхъ ремонтныхъ лошадей для кавалеріи и артиллеріи. Продовольствованіе же съѣстными припасами нижнихъ чиновъ было на попеченіи хозяевъ, у которыхъ отводились для постоя квартиры.

Какъ пѣхотные, такъ и кавалерійскіе полки, на основаніи положенія отъ 3-го февраля, были усилены особыми дружинами (Jäger-Abtheilung), изъ охотниковъ. Комплектное число людей въ дружинѣ равнялось положенному въ ротахъ и эскадронахъ, именно пѣшія дружины были въ двѣсти, а конныя въ полтораста человѣкъ. Образованіе пѣшихъ и конныхъ охотниковъ (freiwillige Jäger zu Fuss und zu Pferd) усилило армію многими тысячами воиновъ; но для рѣшительной борьбы съ Наполеономъ всѣ исчисленныя мѣры были недостаточны: надлежало ополчить весь народъ, и съ этою цѣлію учреждены ландверъ и ландштурмъ.

Основаніями положенія о ландверѣ послужили два проекта, изъ которыхъ одинъ былъ составленъ генераломъ Шарнгор-

стомъ еще въ 1808 году, а другой—о ландверѣ Восточной Пруссіи—поднесенъ королю майоромъ, графомъ Дона, въ Бреславлѣ. Это положеніе, послѣдовавшее 5-го (17-го) марта, было обнародовано въ берлинскихъ вѣдомостяхъ 11-го (23-го) числа того же мѣсяца. Для соображенія вооруженныхъ силъ, которыя надлежало выставить, подъ именемъ ландвера, въ каждой изъ прусскихъ областей, было принято число войскъ, добровольно предложенное чинами Восточной Пруссіи, и вслѣдствіе того опредѣлено сформировать:

Въ Восточной Пруссіи . . .	20 бат.	19 эск.
— Помераніи	12 —	12 —
— Новой-Мархіи.	12 —	8 —
— Куръ-Мархіи.	28 —	21 —
— Силезіи.	60 —	40 —
Всего же	132 —	100 —

Въ послѣдствіи, когда была очищена отъ непріятеля страна за Эльбой, и учреждены въ ней народныя вооруженія, составъ ландвера увеличился до 150 батальйоновъ и 124 эскадроновъ. Эти войска усилили дѣйствующую армію ста двадцатью тысячами человѣкъ пѣхоты и двадцатью тысячами кавалеріи, но, за исключеніемъ ландверовъ Восточной Пруссіи, они были сформированы уже во время перемирія.

Одновременно съ учрежденіемъ ландвера обнародовано положеніе о ландштурмѣ, или вооруженіи всѣхъ людей, способныхъ дѣйствовать оружіемъ, съ наставленіемъ, заключавшимъ въ себѣ правила обученія пѣшаго и коннаго ландштурма.

Кромѣ всѣхъ исчисленныхъ вооруженій, были сформированы: народные кавалерійскіе полки (National-Kavalerie-Regimenter), изъ числа коихъ: одинъ—въ Восточной Пруссіи, состоявшій изъ пяти эскадроновъ, въ 150 человѣкъ каждый, и отряда конныхъ егерей, въ 150 человѣкъ; другой—въ Помераніи, трехъ-эскадроннаго состава, въ числѣ всего четырехъ сотъ пятидесяти человѣкъ, и третій—въ Силезіи, изъ двухъ эскадроновъ гусаръ и отряда 50-ти конныхъ егерей.

Наконецъ, были еще сформированы, преимущественно изъ иностранцевъ, такъ-называемые вольные (партизанскіе) отряды (Freischaaren), чему способствовала общая ненависть обитателей Германіи къ Наполеону. Важнѣйшій изъ нихъ, отрядъ Люцова, мало-по-малу усилился до трехъ батальйоновъ и пяти эскадроновъ, съ одною полубатареей пѣшей и одною же полубатареей конной артиллеріи. Другой отрядъ, подполковника

Рейсса, собранный изъ Вестфальцевъ, состоялъ изъ четырехъ батальйоновъ, а третій, капитана Рейхе,—изъ одного батальйона и егерской дружины.

Вообще же вооруженныя силы Пруссіи собирались на четырехъ пунктахъ: 1) въ Восточной Пруссіи, подъ начальствомъ генерала Йорка; 2) въ Западной Пруссіи, у Грауденца, подъ начальствомъ генерала Бюлова; 3) въ Помераніи и Новой Мархіи, у Кольберга, гдѣ формировалъ войска генералъ-майоръ Борстель, и наконецъ, 4) въ Силезіи сосредоточивалась наибольшая часть силъ, подъ начальствомъ Блюхера.

Послѣдствіями народнаго вооруженія въ Пруссіи были пополненіе и образованіе слѣдующихъ войскъ:

14-ти линейныхъ пѣшихъ, 20-ти конныхъ полковъ, 11-ти батальйоновъ и 3-хъ эскадроновъ съ артиллеріей, всего въ числѣ.	56.350 ч.
52-хъ резервныхъ батальйоновъ, въ числѣ. . .	41.600 —
Волонтерныхъ егерскихъ отрядовъ, въ числѣ до	10.000 —
3-хъ народныхъ кавалерійскихъ полковъ, всего	1.650 —
Ландвера.	140.000 —
Вольныхъ отрядовъ.	5.000 —
Всего около	254.000 — (1)

(1) Вѣдомость прусскимъ войскамъ:

Линейныя войска:

14 пѣхотныхъ полковъ	32.238 чел.
(Изъ числа ихъ два сводныхъ.)	
6 гренадерскихъ батальйоновъ.	4.830 —
4 батальйона егерей и стрѣлковъ.	2.815 —
Образцовый батальйонъ.	805 —
Пѣхоты	40.688 —
19 конныхъ полковъ.	10.356 чел.
Образцовый эскадронъ.	150 —
Эскадронъ гвардейскихъ уланъ.	150 —
Кавалеріи	10.656 —
15 пѣшихъ и 10 конныхъ артиллерійскихъ ротъ. .	4.306 —
7 піонерныхъ ротъ.	700 —
Резервные батальйоны:	
9 батальйоновъ генерала Бюлова, въ Западной Пруссіи и Новой Мархіи.	7.200 —
8 батальйоновъ Борстеля, въ Помераніи. . . .	6.400 —
28 батальйоновъ въ Силезіи	20.800 —
Остальные 9 батальйоновъ Йорка, въ Восточной Пруссіи и пр.	7.200 —
	41.600 —

Изъ числа этихъ войскъ, въ февралѣ и мартѣ, было выставлено болѣе 100.000 человѣкъ, именно: линейные полки, часть резервныхъ батальйоновъ, волонтерныхъ егерскихъ отрядовъ и ландвера Восточной Пруссіи. Слѣдовательно, въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ Пруссія укомплектовала свою постоянную армію и увеличила ее въ два съ половиной раза.

М. Богдановичъ.

МАРОККО

И

ПОСЛѢДНЯЯ ИСПАНСКАЯ ВОЙНА (1)

II.

Исторія внутренней и внѣшней политики Марокко представляетъ собою однообразный и утомительный рядъ междуусобныхъ войнъ, узурпаторствъ, обмановъ, трагическихъ катастрофъ. Мавританскіе властители считаютъ вѣрность данному слову неприличнымъ стѣсненіемъ верховной власти. «Не принимаешь ли ты меня за невѣрнаго, говорилъ одинъ изъ шерифовъ Европейцу,—воображая, что я буду рабомъ своего слова? Не властенъ ли я измѣнить его, когда и какъ мнѣ вздумается?» Они даже дѣлаютъ свое заключеніе о христіянахъ, какъ послѣдователяхъ ложнаго ученія, именно на томъ основаніи, что они не свободны въ своихъ дѣйствіяхъ, что они рабы своего слова и своихъ обѣщаній (2). Такимъ образомъ, сношенія Европы и Америки съ Мароканскою имперіей, ограничиваясь заключеніемъ разныхъ трактатовъ, мирныхъ, дружескихъ и

---

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* № 19.

(2) *Specchio geografico e statistico dell'Impero di Marocco*, del cavaliere conte Jacopo Gråberg di Hemsö; p. 198.

торговыхъ, представляютъ множество затрудненій и даже опасностей. Тѣмъ не менѣе, богатая производительность страны и надежды на будущія выгоды возбуждаютъ во многихъ цивилизованныхъ государствахъ желаніе сблизиться съ западною Берберіей, а Данія и Швеція, какъ мы сказали уже прежде, желая обезопасить себѣ плаваніе по Гибралтарскому проливу и Средиземному морю, а равно и сдѣлать доступными атлантическіе приморскіе города Марокко, но не сумѣвъ заставить мароканскихъ салійскихъ пиратовъ (1) уважать флагъ свой, очень долго платили унизительную и довольно высокую дань султанамъ. До сихъ поръ въ сторонѣ держались только Пруссія да Россія, не признававшія мароканскаго правительства даже законнымъ (2); остальныя же государства всѣ имѣютъ своихъ представителей, то-есть консуловъ и консульскихъ агентовъ, въ Тангерѣ или Тетуанѣ. Впрочемъ, содержаніе этихъ консуловъ, несмотря на всю ограниченность дипломатическихъ сношеній съ имперіей, обходится Европѣ очень дорого: и не платя дани, какъ Швеція и Данія, европейскія государства должны, однако, тратить большія суммы на подарки султану и его приближеннымъ; безъ этихъ подарковъ невозможны никакія сношенія съ Марокко. Притомъ, поддержаніе сношеній сопряжено съ большими опасностями для представителей европейскихъ державъ: они должны обладать большою ловкостью, личнымъ мужествомъ, присутствіемъ духа, необыкновенною изворотливостію, чтобъ удержаться на мѣстѣ и не подвергнуться внезапно самому варварскому обращенію, или чтобъ ихъ насильно не посадили на корабль и не отправили во свояси.

При такомъ положеніи дѣлъ, непріязненныя столкновенія весьма естественны и даже неизбѣжны. У Испаніи же были всегда и другія причины столкновеній съ Марокко: самое близкое, въ сравненіи со всѣми другими европейскими государствами, сосѣдство, воспоминанія вѣковаго господства Арабовъ, неоспоримыя выгоды колоніяльныхъ, болѣе или менѣе значительныхъ, владѣній въ роскошныхъ областяхъ Берберіи, всегда должны были служить сильнымъ возбуждающимъ средствомъ къ завоевательнымъ попыткамъ Испаніи противъ Марокко.

---

(1) То-есть пиратовъ города Сла или Сале.
(2) *Specchio dell'Impero di Marocco*, p. 230.

Этому стремленію обязаны своимъ существованіемъ и тѣ *пресиды*, которыя перечислены нами въ первой статьѣ. До сихъ поръ эти пресиды, требуя отъ метрополіи большихъ непроизводительныхъ тратъ на содержаніе войска и монтировку зданій, не приносятъ еще никакой пользы Испаніи. Но правительство этого государства не теряетъ, вѣроятно, надежды на болѣе-успѣшный для него ходъ событій и пользуется всякимъ случаемъ для расширенія своихъ владѣній въ Берберіи, хотя бы для расширенія самаго незначительнаго.

Единственно этимъ стремленіемъ и объясняется послѣдняя война Испаніи съ Марокко; потому что хотя мы и сказали, что столкновенія неизбѣжны при варварскомъ взглядѣ султановъ на международныя отношенія, однако, въ настоящее время, передъ войной, мароканское правительство держало себя осторожно и серіозныхъ поводовъ къ разрыву совсѣмъ не подавало. Самое роскошное изъ всѣхъ консульствъ Европы, испанское консульство въ Тангерѣ пользовалось особеннымъ почетомъ наравнѣ съ британскимъ консульствомъ, и трактатъ 24 августа 1859, укрѣплявшій за Испаніей владѣніе небольшою территоріей близь Мелиллы и обезпечивавшій, въ подкрѣпленіе трактата 1845 года, испанскія пресиды, не былъ сознательно нарушенъ со стороны мароканскаго правительства. Поводомъ къ объявленію войны послужили Испаніи нападенія на Сеуту дикихъ Рифьянъ, совершенно, какъ мы говорили, непокорныхъ султану, и едва ли, поэтому, могла лежать на султанѣ отвѣтственность за ихъ разбойничьи набѣги. Тѣмъ не менѣе, испанское правительство поставлено было, безъ сомнѣнія, въ необходимость болѣе или менѣе благовидными предлогами объяснить Европѣ объявленіе войны Мароканской имперіи, и вотъ какія соображенія находимъ мы, между прочимъ, въ рѣчи перваго министра Испаніи, маршала О'Доннеля, 22 октября 1859:

«Наши сношенія съ Мароканскою имперіей были всегда двухъ родовъ—по отношенію къ Сеутѣ и по отношенію къ пресидамъ Альусемасъ, Мелилла и Пеніонъ. По смыслу нашихъ трактатовъ съ мароканскимъ императоромъ, султанъ не отвѣчалъ за нападенія на эти три послѣднія мѣста со стороны окружающихъ ихъ полудикихъ ордъ, и постановлено было, что Испанія сама будетъ наказывать Мароканцевъ за ихъ набѣги—*мортирами и пушками*. Но въ Сеуту, въ силу трактата 1845 года, назначался особый мароканскій чиновникъ и при немъ

отрядъ *царскихъ Мавровъ* (Moros de Rey), для защиты гарнизона, крѣпости и нейтральной мѣстности отъ внѣшнихъ нападеній. Такое положеніе дѣлъ держалось довольно твердо, и наши отношенія къ Марокко были довольно дружественны. Но теперь, Мароканцы, вмѣстѣ съ частію самой императорской стражи, или, по крайней мѣрѣ, съ ея согласія, заняли нашу територію и уничтожили каменный столбъ съ гербомъ Испаніи, служившій обозначеніемъ границы между мавританскими и испанскими владѣніями.»

Затѣмъ г. О'Доннель перечисляетъ разныя другія оскорбленія, доказывающія, по его мнѣнію, недоброжелательство мавританскаго правительства—притѣсненіе Испанцевъ и другихъ христіянъ, перестрѣлку съ часовыми, частныя нападенія и стычки и т. п.,—однимъ словомъ, всѣ тѣ мелочныя, внѣшнія придирки, которыя обыкновенно выдвигаются впередъ при дебютѣ всякой завоевательной войны. Выставляются часто и болѣе серіозные и благовидные поводы, которыми чисто-завоевательный характеръ разрыва рекомендуютъ Европѣ какъ мѣру, напротивъ, оборонительную. Превосходнымъ подспорьемъ въ этомъ случаѣ служитъ обыкновенно релегія, и сколько разъ знаменемъ религіозной войны прикрывались самыя матеріяльныя, самыя міркія стремленія къ расширенію владѣній!

Тѣмъ не менѣе, поводы къ войнѣ, выставленные испанскимъ правительствомъ, были ужь слишкомъ слабы, и неосновательность претензій мадридскаго двора очень логически доказана даже въ слѣдующей нотѣ мароканскаго правительства, напечатанной въ *Gibraltar Chronicle* отъ 10 декабря 1859:

«Хвалите Бога единаго! Нѣтъ силы и власти, кромѣ какъ у Бога единаго!

«Нашему славному и даровитому другу, Джону Друммонду Ге, сквайру, кавалеру ордена Бани, ея королевскаго величества повѣренному въ дѣлахъ и генеральному консулу. Молимъ Всевышняго о его благополучіи!

«Имѣемъ честь увѣдомить васъ, что мы получили печатную копію съ письма, адресованнаго испанскимъ министромъ, отъ 29 прошедшаго октября, къ представителямъ иностранныхъ державъ при испанскомъ дворѣ, и въ которомъ говорится какъ о вопросѣ, бывшемъ между нами и Испаніей до начатія войны, такъ и о рифскомъ дѣлѣ, не упомянутомъ нами въ депешѣ 27 рабеа I, адресованной къ представителямъ иностранныхъ дер-

жавъ при императорскомъ дворѣ. Поэтому мы сообщаемъ вамъ теперь истинный и правдивый разказъ о томъ, что̀ произошло, и покорнѣйше просимъ васъ сообщить нашу депешу вашему правительству; мы просимъ также, чтобы правительство ваше изъявило согласіе сообщить ее прочимъ правительствамъ, такъ какъ мы не можемъ сообщить ее имъ сами, по отсутствію въ настоящее время въ Тангерѣ всѣхъ другихъ резидентовъ.

«Вотъ истинный и правдивый разказъ о рифскомъ дѣлѣ:

«Мы не упомянули о рифскомъ вопросѣ въ письмѣ нашемъ отъ 27 рабеа, потому именно, что намъ нечего было сказать о немъ, такъ какъ мы уладили всѣ затрудненія съ испанскимъ представителемъ еще въ августѣ мѣсяцѣ и заключили о томъ мирный трактатъ (24 числа); и можно доказать, что въ послѣднихъ сношеніяхъ нашихъ съ испанскимъ представителемъ вовсе и не упомянуто было о рифскомъ вопросѣ. Мы поэтому чрезвычайно удивились, когда испанскій министръ вздумалъ утверждать, что главною причиной войны былъ именно этотъ рифскій вопросъ. Мы не хотѣли сообщать иностраннымъ правительствамъ о вопросѣ рѣшенномъ; но теперь, когда о немъ говоритъ испанскій министръ, утверждая, что всѣмъ иностраннымъ державамъ вредны дѣйствія Рифьянъ, мы намѣрены изложить дѣло со всею точностью и простотой, и вы, а равно и прочіе иностранные представители въ предѣлахъ имперіи, убѣдитесь, вѣроятно, въ несправедливости взводимаго на насъ обвиненія. Вамъ должно быть извѣстно, что Рифьяне, живущіе въ Кальіи (1), занимались пиратствомъ болѣе чѣмъ тридцать лѣтъ сряду, и нападали съ своими судами на двадцать кораблей, въ чемъ могутъ убѣдить васъ документы вашего консульства; но вотъ уже четыре года, какъ мы вовсе не слышимъ о нападеніи Рифьянъ на иностранные корабли. Государь нашъ Мюлай-Абдеръ-Рахманъ (да покоится въ мирѣ прахъ его!) всегда бывалъ очень огорченъ злодѣйскими поступками Рифьянъ и дѣлалъ все, что̀ могъ, для прекращенія ихъ пиратскихъ набѣговъ; но племя это обитаетъ въ такой неприступной гористой мѣстности, что легко могло противиться своему повелителю, и когда случалось, что Рифьяне изъ Кальіи нападали на какой-либо иностранный корабль, и владѣвшая имъ держава требовала отъ насъ наказанія преступниковъ, мы не

---

(1) У м. Тресъ-Форкасъ, близь Мелиллы.

ограничивались этимъ и желали конечнаго прекращенія пиратствъ и другихъ злодѣяній. Вамъ извѣстно, что четыре года назадъ калыйскіе Рифьяне взяли англійскій корабль, французскій корабль, а также и испанскій *фалукко.* Дѣйствіями государя нашего Абд-еръ-Рахмана (хвала душѣ его!) и при помощи святаго марабута Сиди-Магомета-Эльяди, команды этихъ кораблей были уже освобождены и возвращены въ отечество, согласно повелѣніямъ султана, какъ англійское правительство, черезъ ваше посредство, подало намъ совѣтъ и рекомендовало самому султану послать, для блага имперіи, войско, примѣрно наказать злое племя Калыи и привести его въ повиновеніе. Султанъ (миръ ему!), принимая въ соображеніе добрый совѣтъ, поданный ему четыре года назадъ, два раза посылалъ свое войско въ распоряженіе рифскаго губернатора, строго наказалъ преступниковъ, заставилъ ихъ возвратить все ими похищенное на корабляхъ и выплатить Англіи и Франціи требуемую ими сумму въ вознагражденіе за ихъ корабли. Султанъ распорядился также, чтобы начальники рифскихъ береговъ отвѣчали сами за всякій будущій проступокъ этого племени, съ тѣмъ чтобы положить предѣлъ пиратству; и съ тѣхъ поръ ничего болѣе не слышно о подобныхъ злодѣйскихъ поступкахъ. Но испанское правительство, зная хорошо, что пиратства прекращены, хочетъ, однако, увѣрить прочія державы, будто они все еще существуютъ по рифскимъ берегамъ, почему собственно и кажется, будто бы настоящая война должна быть благодѣяніемъ для всѣхъ народовъ. Но почему же они не выказывали своего стремленія прекратить пиратства въ то время, когда они дѣйствительно существовали? Вамъ извѣстно, что Испанцы въ ихъ владѣніяхъ на рифскомъ берегу, близь Калыи, и съ ихъ береговою стражей запретили Рифьянамъ ихъ законную торговлю съ Тетуаномъ и Тангеромъ ужь послѣ того, какъ пиратство было прекращено, и Рифьяне законно мѣнялись товарами съ Тетуаномъ и Тангеромъ. Но Испанцы, хотя и были тогда въ мирѣ и дружественныхъ отношеніяхъ съ нами, нападали на ихъ корабли и брали ихъ какъ военные призы. Губернаторъ испанскихъ владѣній близъ береговъ Рифа, писалъ даже намъ (письмо это и теперь въ нашихъ рукахъ), что Рифьяне не сдѣлали ни одного нападенія на ихъ владѣнія; но, несмотря на это, Испанцы взяли съ рифскихъ судовъ товаровъ на сумму въ двадцать тысячъ фунтовъ ст. (собственность честныхъ людей, пріобрѣтенную,

какъ мы сказали, законною торговлей), и эти товары находятся еще до сихъ поръ во владѣніи Испанцевъ. Они также взяли въ плѣнъ команду и пассажировъ этихъ судовъ и не освобождали ихъ въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Испанцы также овладѣли судномъ, принадлежащимъ святому марабуту Сиди-Магомету-Эльяди, который, съ своей стороны, весьма способствовалъ освобожденію испанскихъ подданныхъ изъ рукъ пиратовъ, и сдѣлали это, несмотря на то, что мавританскій капитанъ корабля представилъ имъ паспортъ или открытый листъ отъ самого губернатора испанскихъ владѣній; тѣмъ не менѣе, они отказались возвратить судно, или освободить команду, до тѣхъ поръ, пока не вмѣшалось англійское правительство, съ предложеніемъ возвратить незаконно захваченную собственность. Мы не станемъ продолжать разказъ о другихъ подобныхъ поступкахъ, претерпѣнныхъ нами. Мы не отрицаемъ, что часть рифскаго племени имѣетъ разбойничій и вмѣстѣ беззаботный характеръ, что̀ совершенно противорѣчитъ нашему пламенному желанію; но они раздражены были въ своихъ злыхъ поступкахъ относительно другихъ націй нападеніями Испанцевъ на нихъ самихъ. Когда испанское правительство потребовало двухъ тысячъ фунт. стерл. за вышеупомянутый фалукко, взятый и разграбленный Рифьянами близь Мелиллы, мы не могли снизойдти на эту просьбу, потому что, по смыслу мирнаго трактата, заключеннаго между нами, на насъ не лежала отвѣтственность за поступки Рифьянъ, не повиновавшихся султану, и даже еслибъ Испанцы вздумали сами наказать ихъ за ихъ нападеніе, то это не должно было нарушать мирныхъ отношеній, существующихъ между обоими правительствами. Испанцы нѣсколько разъ сражались съ Рифьянами, и мы никогда на жаловались на ихъ поступки, мы ничего не говорили и тогда, когда они брали, какъ призъ, рифскія суда. Поэтому, если строго держаться трактата, было несправедливо съ ихъ стороны требовать чего-либо отъ нашего султана. Хотя мы были въ совершенномъ правѣ отказать въ уплатѣ этихъ 2000 фунт. стерл., требуемыхъ за фалукко (требованіе это повторялось и послѣ), однако вы, согласно инструкціямъ вашего правительства, просили насъ, въ видахъ особеннаго расположенія и въ доказательство дружбы, уплатить эти 2000 ф. ст.; мы согласились на ваше предложеніе и заплатили сумму, но единственно въ видахъ особаго расположенія, считая все-таки несправедливымъ, согласно существующему между нами трактату,

формальное требованіе съ насъ этихъ денегъ. Мы, также по вашему совѣту и посредничеству, уступили и линію до Мелиллы. Вамъ извѣстно, какъ поступалъ испанскій представитель Бланко-дель-Валле, вамъ извѣстны оскорбительныя выраженія, съ которыми онъ не разъ къ намъ обращался; хотя мы и глубоко чувствовали это въ сердцѣ нашемъ, мы, однако, не обращали вниманія на оскорбительныя рѣчи посланника, и все терпѣли, имѣя въ виду сохраненіе дружескихъ отношеній къ испанскому правительству, сосѣднему съ нами, и зная, какъ полезны обоимъ народамъ эти отношенія. Мы полагаемъ, поэтому, что испанское правительство было дурно извѣщаемо обо всемъ этомъ, и что двусмысленныя рѣчи его повѣренныхъ заставили его вѣрить существованію вещей, которыхъ вовсе не было въ имперіи, и вся вина должна теперь пасть на виновниковъ войны, которая, какъ вы очень хорошо знаете, не имѣетъ никакой основательной причины. Имперія сдѣлала значительные успѣхи въ торговыхъ сношеніяхъ съ прочими державами, и если испанскій министръ считаетъ Рифьянъ причиной настоящей войны, то почему же испанское правительство не отправило войскъ и силъ своихъ прямо на рифскіе берега? Какой они имѣли поводъ нападать на наши собственныя владѣнія, не причинившія имъ никакого зла? Очевидно, что испанскій министръ играетъ словами и говоритъ несправедливо. Что̀ касается до Сеуты, то весь свѣтъ и всѣ безпристрастные люди, слышавшіе объ этомъ дѣлѣ, знаютъ хорошо, что̀ мы о немъ писали, и что̀ о немъ писалъ испанскій кабинетъ; всѣ очень хорошо знаютъ, что въ нашей имперіи не существуетъ пиратство, кромѣ того, которое, какъ мы выше сказали, существовало прежде по рифскимъ берегамъ. Достаточно извѣстно и то, что изъ нашихъ портовъ болѣе уже двадцати лѣтъ не выходилъ ни одинъ военный корабль подъ мавританскимъ флагомъ, и что два или три купеческіе корабля, носящіе мавританскій флагъ, имѣютъ экипажъ европейскій. Нѣтъ надобности останавливаться на томъ, что̀ говорится въ испанской депешѣ о Сеутѣ; мы отсылаемъ къ нашему отвѣту, копіи съ котораго разосланы были представителямъ иностранныхъ державъ при депешѣ отъ 27 рабеа I. Всякій человѣкъ, самыхъ обыкновенныхъ способностей, прочитавъ нашу депешу, увидитъ, что съ нами поступлено было несправедливо. Мы убѣдительно просимъ васъ удостовѣрить это передъ вашимъ правительствомъ, такъ какъ вы сами старались о поддержаніи мира, и такъ какъ мы, нѣсколько разъ, изъ ува-

женія къ вамъ и вашему правительству, уступали новымъ требованіямъ испанскаго правительства; вы очень хорошо знаете, что мы твердо и точно сдерживали все, что̀ обѣщали письменно, или при свиданіяхъ нашихъ; между тѣмъ испанское правительство, какъ вамъ извѣстно, дѣлало деклараціи и давало обѣщанія, какъ намъ, такъ и вамъ, а потомъ, по внезапному капризу, безъ права и справедливости, нарушало ихъ. Вы знаете, сколько мы натерпѣлись, чтобы только поступать согласно съ вашими желаніями и требованіями и сохранять добрыя отношенія къ другимъ. Если испанское правительство станетъ отрицать справедливость нашихъ объясненій по рифскому вопросу, то мы готовы всему свѣту сообщить всю нашу переписку по этому дѣлу, съ начала до конца.

«Въ заключеніе, имѣемъ честь извѣстить васъ, что мы намѣрены, черезъ посредство нашихъ друзей въ Англіи и въ другихъ странахъ Европы, напечатать и сдѣлать гласнымъ письмо это, дабы весь свѣтъ могъ узнать, въ чемъ дѣло, и судить, кто здѣсь правъ и кто не правъ.

«Время мира, 5 джьюма элуль 1276 (1 декабря 1859).

«Служитель престола, Богомъ вознесеннаго,

«Магометъ-эль-Катибъ.»

Въ этой нотѣ не много странно желаніе защитить во что̀ бы то ни стало полудикихъ Рифьянъ, и доказать, что они въ послѣдніе четыре года успокоились и перестали производить свои набѣги на испанскія владѣнія, тогда какъ, по характеру своему и образу жизни, они едва ли могутъ отказаться отъ этихъ хищническихъ набѣговъ. За то совершенно справедливо то положеніе, что, по смыслу существовавшихъ между обѣими державами трактатовъ, мароканское правительство не отвѣчало за набѣги Рифьянъ; это положеніе подкрѣпляется и словами самого О'Доннеля. Только въ трактатъ 24 августа 1859 внесено было условіе о содержаніи въ пресидахъ мавританской стражи.

Замѣчательно также въ этой нотѣ смиренное сознаніе собственнаго безсилія и немощи, рѣзко противорѣчащее обычной хвастливости и высокомѣрію восточныхъ деспотовъ. Мароканское правительство прямо признаетъ себя не въ силахъ усмирить буйныя племена, номинально ему подчиненныя, и, униженно отклоняя отъ себя обвиненіе въ продолженіи морскихъ разбоевъ, объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе, что имперія вовсе

не имѣетъ теперь ни флота, ни флага національнаго, и что даже на немногихъ купеческихъ мавританскихъ корабляхъ экипажъ состоитъ изъ Европейцевъ.

Во всякомъ случаѣ, нота Сиди-Магомета-эль-Катиба написана очень ловко и не безъ тонкой ироніи въ отношеніи къ несправедливымъ притязаніямъ испанскаго правительства. Многіе даже приписывали редакцію этого документа самому британскому консулу въ Тангерѣ, г. Джону Друммонду Ге, какъ и вообще Испанцы во все продолженіе войны были увѣрены, что Англичане помогаютъ Мароканцамъ. Гибралтарская англійская газета, *Gibraltar Chronicle*, изъ которой заимствовали мы ноту Магомета-эль-Катиба, обыкновенно называлась въ мадридской журналистикѣ полу-официяльнымъ органомъ мароканскаго правительства. По словамъ корреспондента газеты *Times*, разныя исторіи ходили по испанскому лагерю и поддерживали предположеніе, что Англія помогаетъ мароканскому султану. «Не обойдется стычка, пишетъ корреспондентъ изъ лагеря передъ Сеутой отъ 18 декабря, безъ того чтобы не распространился слухъ, будтобы и Англичане принимали въ ней участіе; въ мавританскихъ отрядахъ узнавали Англичанъ по тонкому бѣлью, красивой одеждѣ и бѣлокурымъ волосамъ; многіе думали видѣть между ними и самого Друммонда Ге. Одни говорили, что г. Ге послалъ сэръ-Уильяму Кодрингтону винтовку, взятую Маврами у Испанцевъ; другіе утверждали, что въ подарокъ послана была шпага генерала Прима; едва ли, однако, генералъ Примъ такъ легко терялъ свои шпаги. Англійскій купецъ, пріѣхавшій сюда на этихъ дняхъ изъ Гибралтара на *Твидсайдѣ* (на которомъ привезена электрическая проволока) и съ нѣсколькими друзьями бродившій по лагерю, возбудилъ волненіе по всей арміи, и едва не былъ побитъ каменьями, потому только, что его приняли, Богъ знаетъ на какомъ основаніи, за редактора *Gibraltar Chronicle*.» Общественное мнѣніе въ Англіи протестовало противъ этого обвиненія и выражало, напротивъ, сочувствіе испанскому походу, хотя и признавая недостаточность вызвавшихъ его причинъ, и сомнѣваясь въ важности результатовъ. «Презрѣнныя созданія, говорила англійская газета *Times*, живущія клеветой на великія націи, распространяютъ мнѣніе, будто бы Англіи непріятны успѣхи испанскаго оружія. Это неправда. Мы говорили, что африканская экспедиція предпринята безъ достаточныхъ основаній, и что она едва ли будетъ выгодна для Испанской

монархіи, въ сравненіи съ рискомъ, съ потерею крови и здоровья. Испанія должна быть увѣрена, что такая страна, какъ Англія, чужда мелкихъ страстей, что ею не руководятъ низкія побужденія. Мы сражались рука объ руку съ испанскими войсками (1), и на одномъ кровавомъ полѣ. Кости многихъ тысячъ Англичанъ бѣлѣются на равнинахъ полуострова, какъ выраженіе истинныхъ чувствъ Великобританіи и Испаніи, и не мы станемъ завидовать ея успѣхамъ надъ ея вѣковыми непріятелями, Маврами.»

Какъ бы то ни было, побудительные поводы къ открытію непріязненныхъ наступательныхъ дѣйствій, со стороны Испаніи придуманы были весьма неудачно, что̀ успѣла замѣтить министерству оппозиціонная партія въ кортесахъ. Энтузіазмъ въ Мадридѣ и во всей Испаніи былъ, правда, общій; но онъ вызванъ былъ въ народонаселеніи не мнимыми обидами со стороны Марокко, а простою жаждой военной славы, давно уже не блиставшею для Испанцевъ, потребностью потратить накопившуюся массу силъ и военной энергіи, невольнымъ, наконецъ, стремленіемъ всѣхъ, относительно цивилизованныхъ, народовъ вносить свѣтъ образованности, хотя бы и силой оружія, въ сосѣднія варварскія страны. Вотъ какими словами опредѣлялъ, между прочимъ, въ сенатѣ, за нѣсколько дней до объявленія войны, маркизъ де-Молино, замѣчательный ораторъ и поэтъ, истинныя причины африканской экспедиціи:

«Сеньйоръ Сіерра спрашивалъ: Зачѣмъ развертываетъ Испанія всѣ эти силы? Зачѣмъ усиливается наша армія? Зачѣмъ всѣ эти приготовленія къ войнѣ? Я отвѣчу ему, что наша исторія требуетъ отъ насъ этихъ усилій, что они предприняты для того, чтобъ усилить насъ извнѣ и соединить внутри. Развѣ вы не видите на противоположныхъ берегахъ, гдѣ держится до сихъ поръ исламъ, гдѣ нѣкогда торжествовало наше оружіе, развѣ вы тамъ не видите нынѣ пустынныхъ пространствъ, едва занятыхъ французскою цивилизаціей? Если мы не наполнимъ пространствъ этихъ, то это сдѣлаютъ за насъ другіе. Между тѣмъ исторія прямо указываетъ на Испанію, какъ на страну, которой предназначено оттѣснить послѣдователей пророка и заступить ихъ мѣсто. Только этимъ можемъ мы достигнуть внѣшняго почета. Иностранныя державы необходимо станутъ

(1) Противъ Французовъ.

уважать насъ, когда узнаютъ, что мы въ силахъ поддержать народную честь нашу; онѣ станутъ уважать насъ, потому что въ дѣйствіи заключается могущество, въ могуществѣ кредитъ, въ кредитѣ благосостояніе. Если мы хотимъ быть могущественными и уважаемыми, мы должны, какъ народъ, показать признаки жизненности.

«Мало того: какъ только не ведемъ мы какой-нибудь внѣшней войны, страна наша непремѣнно раздирается внутренними несогласіями, — таковъ ужь нашъ характеръ. Но укажите намъ великую цѣль, на которой могла бы сосредоточиться наша энергія, и которая могла бы воспламенить духъ всѣхъ партій, и мы тотчасъ становимся едины, велики и могущественны.

«Но какая же цѣль, спросятъ меня, вдохновляетъ насъ теперь такимъ единодушіемъ? Цѣль эта — желаніе водрузить на башняхъ мароканскихъ кастильское знамя, желаніе ввести свѣтъ евангельскаго ученія въ города Марокко. Тѣмъ, которые во всемъ ищутъ согласія иностранцевъ, я скажу одно слово: Англія смотритъ на васъ изъ Гибралтара, Франція изъ Орана (1), а вы сами—Испанцы! Дайте хорошее сраженіе, и вы получите согласіе и одобреніе всего свѣта! И когда-нибудь въ скрижали исторіи занесется, быть-можетъ, что при Изабеллѣ I покорена была Америка, а при Изабеллѣ II просвѣщена Африка.»

Внутреннее состояніе имперіи какъ будто способствовало такимъ намѣреніямъ и попыткамъ. 6 сентября 1859 умеръ султанъ Абдеръ-Рахманъ, род. 1778. Государь этотъ, вступившій на престолъ въ 1823, долго и неумолимо боролся противъ внутреннихъ безпорядковъ и выдержалъ кромѣ того войну съ Франціей за Абдель-Кадера, которая кончилась бомбардированіемъ Тангера и Сале, несчастною битвой при Исли и изгнаніемъ знаменитаго эмира. Въ то же время были непріятности за принца Альберта Прусскаго, раненаго Рифьянами, и за Мелиллу, на которую безпрестанно нападали дикія орды Берберовъ. Какъ бы то ни было, Абдеръ-Рахманъ умѣлъ заставить уважать свою власть внутри и поддержать мнимый блескъ имперіи извнѣ. По смерти же его затрудненія возникли съ новою силой, и наслѣдовавшій ему старшій сынъ его, Мюлай-Магометъ (род. въ 1803 г.), въ первый же день

(1) Въ Алжиріи.

своего царствованія, встрѣтился съ сильными внутренними безпорядками; цѣлыя области поднимали знамя возстанія и выдвинули своихъ претендентовъ на императорскій престолъ. Съ другой стороны, Мюлай-Магометъ поставленъ былъ въ необходимость отвѣчать передъ двумя европейскими державами за нападенія, произведенныя племенемъ Бени-Снасенъ (Кабилы) на алжирскія колоніи и Рифьянами на Мелиллу и Сеуту. Впрочемъ, Франція поспѣшила собственными силами принудить виновное племя къ покорности, и генералъ Мартемпре (Martimprey), въ концѣ 1859 г. вторгнувшись внутрь ущелій, обитаемыхъ Бени-Снасенами, по берегамъ Уадъ-Киса (невдалекѣ отъ рѣки Млуйи), одержалъ надъ ними рѣшительную побѣду, овладѣлъ лагеремъ, ружьями, снарядами, знаменами, и наложилъ на нихъ значительную военную контрибуцію. Испанія не хотѣла прибѣгать къ этому дешевому и вѣрному средству, на которое имѣла полное и законное право, по смыслу существовавшихъ съ имперіей трактатовъ; она не хотѣла ограничиться наказаніемъ однихъ виновниковъ нападеній, она хотѣла имѣть дѣло съ самимъ правительствомъ имперіи, и добровольно придала всему дѣлу, въ сущности ничтожному, самые широкіе размѣры. Въ августѣ 1859 заключенъ былъ трактатъ, освобождавшій мароканское правительство, подобно трактату 1845 года, отъ прямой отвѣтственности за поступки Рифьянъ; въ сентябрѣ и октябрѣ произведены были нападенія на Сеуту, и 22 октября объявлена уже была Испаніей война съ Марокко. Ясно, что войны этой желали, что сами старались ее вызвать. И точно, объявленіе войны произвело всеобщій восторгъ на полуостровѣ, гдѣ тотчасъ же все приняло тогда необыкновенное одушевленіе. Въ массѣ населенія понятно такое безпредметное воинственное настроеніе духа; но правительство О'Доннеля имѣло, безъ малѣйшаго сомнѣнія, болѣе серіозныя мысли и рыцарскимъ духомъ Испанцевъ пользовалось для какихъ-либо цѣлей. Какъ бы то ни было, правительство О'Доннеля само вызвало войну, и вѣроятно знало, чего хотѣло: на немъ одномъ лежитъ вся отвѣтственность въ томъ, какъ ведена была эта война, и къ какимъ повела она результатамъ. Взглянемъ же на то и на другое.

Объявивъ войну на основаніи самыхъ пустыхъ поводовъ, Испанія и начала ее слишкомъ поспѣшно и необдуманно. Нужно удивляться постояннымъ успѣхамъ испанскаго оружія въ первое время кампаніи—такъ мало подумали о необходи-

мыхъ во всякомъ походѣ приготовленіяхъ и такъ нуждались солдаты въ предметахъ самой первой потребности. Правда, такое положеніе дѣлъ было непродолжительно, и черезъ мѣсяцъ уже по открытіи кампаніи войско въ изобиліи снабжено было всѣмъ. Но тѣмъ большее удивленіе возбуждаетъ поспѣшность, съ которою начата была война. Крайности въ немедленномъ открытіи непріязненныхъ дѣйствій не предстояло никакой: нападенія Рифьянъ на Сеуту и Мелиллу можно было отражать и небольшими отрядами. Между тѣмъ подождать нѣсколько началіемъ войны было бы полезно во всѣхъ отношеніяхъ: и матеріяльныя средства были бы заготовлены въ болѣе-широкихъ размѣрахъ, и кампанія открылась бы при болѣе-благопріятныхъ климатическихъ условіяхъ. Испанцы, какъ самые близкіе сосѣди Сѣверной Африки, не могли не знать, что въ ноябрѣ, декабрѣ и январѣ царствуетъ въ Берберіи зима и непогода. Разумѣется, африканская зима не то что̀ зима европейская: зелень и плоды покрываютъ деревья, цвѣты пестрятъ равнины, днемъ солнце печетъ, какъ въ іюльскій день въ Европѣ; но за то ночи въ это время очень холодны, дожди идутъ проливные и свирѣпствуютъ ураганы да симумы. Положеніе войска въ лагерѣ передъ Сеутой было, поэтому, далеко незавиднымъ положеніемъ, несмотря на то, что Испанцы показали себя вообще очень терпѣливыми и умѣренными. Офицеры обѣдали на пняхъ да на кроватяхъ. «Четвертая доля того, что̀ англійская армія оставила послѣ себя въ Крыму (и что̀ въ продолженіи столѣтія будетъ высоко цѣниться въ татарскихъ хижинахъ), было бы совершенною роскошью для всего лагеря, замѣчаетъ корреспондентъ газеты *Times*. За скуднымъ обѣдомъ не засидишься, продолжаетъ онъ, да Испанцы и не любятъ мѣшкать. Грогъ имъ непріятенъ. Послѣ обѣда они большею частію довольствуются чашкой кофе или чаю, и, выкуривъ одну или двѣ сигары, или дюжину *papelitos*, потолковавъ о прежнихъ походахъ да о будущихъ тріумфахъ, они рано отправляются спать. Рѣдко кто, завернувшись въ плащъ, засидится до 11 часовъ. Изъ сутокъ ночь здѣсь далеко не пріятнѣйшая часть. Холстинная покрышка не спасаетъ отъ пронзительнаго холоднаго вѣтра. Я говорю о большинствѣ, а разумѣется, есть такія счастливыя и предусмотрительныя личности, которыя не пренебрегаютъ ничѣмъ для своего комфорта и которыя могутъ смѣло сказать, что онѣ на себѣ, то-есть на мулахъ своихъ,

носятъ съ собою весь домъ свой. Я знаю офицера, который ночью устраивается такъ удобно и покойно, какъ бы въ своемъ домѣ, въ Мадридѣ. Но такихъ одинъ на сто, а большинство, въ томъ числѣ и генералы, довольствуется очень немногимъ. Дурно ли, хорошо ли, ночь проходитъ, причемъ покой воина прерывается струей холоднаго вѣтра, неожиданнымъ появленіемъ сорвавшагося съ мѣста мула, да лаемъ собакъ, приставшихъ къ арміи и имѣющихъ, какъ видно, намѣреніе вести съ нами всю кампанію. Въ шесть часовъ еще совсѣмъ темно, но сонъ уже бѣжитъ изъ лагеря, прогоняемый многоразличными звуками. Едва военный корабль въ бухтѣ зажжетъ фитиль у своей заревой пушки, какъ по лагерю раздается ужь труба, которая, при общей тишинѣ, звучитъ какъ бы надъ самымъ вашимъ ухомъ. Иныя ноты фальшивятъ, какъ будто трубачъ еще не совсѣмъ проснулся, или ему жаль будить товарищей. Онъ, однако, не перестаетъ трубить до тѣхъ поръ, пока мѣдный хоръ какого-нибудь полка не начнетъ *зарю (diana)*; отъ одного полка передается это другому, и весь лагерь наполняется музыкой. Но не ищите въ ней гармоніи: пѣхота, кавалерія, артиллерія имѣютъ каждая свой особый мотивъ; порознь это было бы хорошо, вмѣстѣ—раздираетъ уши. Эти звуки и ночной холодъ дѣйствуютъ на васъ лучше всякой *души*, и вы выскакиваете, какъ гальванизованные, изъ палатки. Звѣзды горятъ на небѣ ярко, мѣсяцъ льетъ свой серебряный свѣтъ на море и на горы, тамъ-и-сямъ горятъ еще сторожевые огни, и темныя фигуры солдатъ копышатся передъ пламенемъ; по изгибамъ береговъ медленно плыветъ корабль, экипажъ котораго какъ будто вымеръ; нѣсколько офицеровъ и раннихъ адъютантовъ шныряютъ взадъ и впередъ, съ страшно-блѣдными лицами, въ черныхъ плащахъ и съ сигарами во рту; слуги суетятся и разводятъ огонь въ своихъ походныхъ кухняхъ, чтобы приготовить господамъ своимъ утреннюю чашку шоколата или чаю; тутъ стоитъ и мой роскошный другъ, только что вставшій съ своей сибаритской постели, во фланелевой фуфайкѣ и такихъ же панталонахъ (какъ будто онъ сбирался играть въ лапту), съ мѣховою шапкой на головѣ, какъ будто бы онъ былъ у Эскимосовъ; онъ очень скоро уходитъ въ свою палатку. Насладившись внѣшнею температурой, вы слѣдуете его примѣру, идете въ палатку, которую вы оставили нѣсколько минутъ передъ симъ за нестерпимый холодъ, и находите въ ней теперь пріятное тепло въ сравненіи съ наруж-

нымъ воздухомъ; вы стараетесь какъ-нибудь зажечь свой фонарь или мрачную лампу и дѣлаете всѣ усилія, чтобъ обриться посредствомъ воды на пять только градусовъ выше точки замерзанія; подвергаясь всѣмъ этимъ непріятнымъ операціямъ, вы осыпаете проклятіями свою голову за то, что въ ней родились надежды на славу, жажда пріобрѣтеній, *ирландская* страсть къ дракѣ, или какое-либо другое побужденіе, приведшее васъ зимой въ варварійскія земли, ради какого-то крестоваго похода противу невѣрныхъ. Пока вы одѣваетесь и умываетесь въ палаткѣ, общей для трехъ человѣкъ и имѣющей всего 11 квадр. фут. въ основаніи, небо проясняется, звѣзды гаснутъ и красныя полосы на востокѣ обѣщаютъ хорошій день. Вы начинаете чувствовать себя пріятнѣе, и ужь не такъ грубо бросаетесь на всякаго встрѣчнаго, вы даже говорите любезность молодому адъютанту, котораго за минуту передъ симъ посылали къ чорту за то только, что онъ перешелъ вамъ дорогу. Вы ужь интересуетесь, нѣтъ ли вамъ писемъ, будутъ ли сегодня упражняться въ *спортѣ* маленькіе Мавры (Moritos), вы приказываете осѣдлать лошадь, чтобъ ѣхать въ Сеуту, или на линію, или куда придется. И такъ проходитъ день за днемъ, говоритъ корреспондентъ въ заключеніе своего интереснаго очерка лагерной жизни: единственное разнообразіе—перестрѣлки и толки о будущихъ событіяхъ кампаніи.»

Но эти холодныя ночи ничто въ сравненіи съ ужасными грозами, ураганами и дождями, продолжавшимися по цѣлымъ суткамъ и даже по нѣсколько сутокъ сряду. Дождь буквально заливалъ лагерь, и приходилось вплавь перебираться съ одного мѣста на другое; вещи уплывали далеко и очень часто потомъ не отыскивались вовсе; палатки, силой вихря, срывались съ мѣста и уносились далеко за горы. «Гдѣ моя палатка?» спрашивалъ кто-нибудь въ отчаяніи. «Спросите по телеграфу!» отвѣчали ему. Дождь тѣмъ сильнѣе давалъ себя чувствовать, что зонтиковъ въ лагерѣ не было. «Можетъ-быть достанемъ мы ихъ у Мавровъ, замѣчаетъ корреспондентъ:—они ихъ любятъ; отъ нихъ и маршалъ Бюжо досталъ свой огромный зонтикъ, который былъ выставленъ въ Тюльерійскомъ саду, въ мирныя времена *гражданскаго короля, короля-гражданина*, когда Лудовикъ-Наполеонъ сидѣлъ еще въ Гамѣ, а Сольферино и Виллафранка еще о немъ и не мечтали.»

Къ тому же, въ лагерѣ свирѣпствовала холера, которая еще въ самомъ началѣ кампаніи довела испанскіе батальйоны до

состава въ 500 человѣкъ; въ продолженіи же всей войны, въ лазаретахъ перебывало до 10.000 холерныхъ. «Мы живемъ здѣсь какъ въ аду, писалъ испанскій офицеръ, умершій потомъ отъ эпидеміи. Непріятель и холера не даютъ намъ ни минуты покоя. Дождь и вѣтеръ слѣдуютъ за нами повсюду, какъ будто боги, покровительствующіе Африкѣ, возбудили противъ насъ не только людей, но и самыя стихіи. Мы спимъ въ грязи, и не знаемъ, поразитъ ли насъ во время нашего сна непріятельская пуля, или станемъ мы добычей холеры, которая, какъ суровый и невидимый рокъ, безпрестанно вырываетъ изъ рядовъ нашихъ новыя жертвы. Если вы не поспѣшите къ намъ на помощь, то вы застанете не дивизію (1), а кладбище. Мы положимъ оружіе не передъ Маврами, а передъ смертью.»

При всѣхъ непріятностяхъ непогоды, при всѣхъ ужасахъ эпидеміи, при всѣхъ другихъ лишеніяхъ и трудностяхъ, испанскіе солдаты сохраняли порядокъ, послушаніе, веселость и какую-то беззаботность; пьянство въ лагерѣ было не извѣстно; во все время кампаніи не было почти ни одного судебнаго случая, ни воровства, ни драки, ничего; какъ на парадѣ въ Мадридѣ, выступалъ каждое утро караулъ, стройно и весело направляясь къ палаткѣ главнокомандующаго. Необыкновенному порядку въ войскѣ способствовала и личность самого О'Доннеля, чрезвычайно популярнаго и всѣми любимаго: не изъ страха наказанія, а изъ чувства неограниченнаго уваженія и довѣрія къ достойному вождю своему, прекрасно держалъ себя испанскій солдатъ. Въ интересныхъ и по многому весьма замѣчательныхъ письмахъ спеціяльнаго корреспондента *Times* находимъ, между прочимъ, слѣдующій очеркъ личности главнокомандующаго: «У шатра стоялъ высокій сѣдой человѣкъ лѣтъ пятидесяти пяти, не обращавшій никакого вниманія на сильный дождь или даже вовсе его не замѣчавшій. На немъ былъ непромокаемый плащъ и единственное военное украшеніе—*ros*, то-есть испанское *кепи*, съ тройнымъ золотымъ галуномъ вокругъ, что̀ обозначаетъ званіе *генералъ-капитана*, то-есть фельдмаршала. Голова у него нѣсколько нагнута, въ выраженіи лица замѣтна строгость, но не безъ добродушія; на лбу видны морщины, но не столько отъ лѣтъ, сколько отъ заботъ, безпокойствъ, безсонныхъ ночей и утомленій дѣя-

(1) Письмо писано было въ самомъ началѣ кампаніи.

тельной, богатой событіями, опасной и честолюбивой карьеры. Походка его тверда, а когда шагъ его внезапно становится шире, вы замѣчаете, что онъ до сихъ поръ еще сохранилъ не малую долю силы и подвижности юныхъ лѣтъ. Человѣкъ этотъ Леопольдъ О'Доннель, графъ Лусена, Испанецъ ирландскаго происхожденія, человѣкъ во многомъ первый въ королевствѣ. Власть его упрочена продолжительностію, а въ народѣ онъ пользуется популярностью, болѣе чѣмъ кто-либо изъ его предшественниковъ.» Въ портретѣ этомъ нельзя не узнать того ловкаго и энергическаго государственнаго человѣка, который въ послѣднюю испанскую революцію первый подалъ знакъ къ возстанію, поднялъ для этого либеральное знамя, которымъ и сокрушилъ ультра-консервативную партію вмѣстѣ съ многомятежною камарильей, а потомъ, чтобъ упрочить власть свою и первенство, сдѣлалъ нѣсколько уступокъ умѣренному консерватизму и оттѣснилъ главнаго представителя и вождя либеральной партіи, поставленнаго имъ же самимъ во главѣ управленія, любимца народнаго, герцога Побѣды, Эспартеро. Положеніе О'Доннеля, какъ перваго министра, министра иностранныхъ дѣлъ, военнаго министра и главнокомандующаго, значительно облегчало ему веденіе войны съ Марокко: требованія его не могли встрѣчать задержки со стороны административныхъ властей, ему подчиненныхъ, и исполнялись безпрекословно. Недостатки и лишенія были только въ первое время, а потомъ, какъ сказано, войска снабжены были всѣмъ въ изобиліи, и можно сдѣлать развѣ только тотъ упрекъ испанскому првительству, что все ведено было слишкомъ неразчетливо и неэкономно, множество суммъ потрачено почти даромъ, и война обошлась вообще несравненно дороже чѣмъ бы это слѣдовало. За то приняты были всѣ мѣры для облегченія войску трудностей кампаніи и для противодѣйствія невыгоднымъ условіямъ завоевательной войны. Въ началѣ кампаніи вся европейская журналистика, припоминая войну гверильясовъ въ Испаніи, пророчила бѣды арміи О'Доннеля; но пророчества не сбылись: въ продовольствіи и аммуниціи недостатка не было, подкрѣпленія прибывали безпрестанно, простой солдатъ окруженъ былъ всѣми возможными удобствами; покойная и немногосложная одежда, непромокаемые плащи, кофе, сигары, вино, рисъ, сало, мясо, плоды были къ его услугамъ. Все обличало цивилизованную націю: черезъ проливъ перекинута была по морскому дну телеграфическая проволока, въ указанномъ

для наступательныхъ дѣйствій направленіи велась прекрасная шоссейная дорога (1), безопасность и собственность туземцевъ строго оберегалась, съ немногими плѣнными обращались человѣколюбиво.

Наскучивъ однообразіемъ лагерной жизни, корреспондентъ ѣздилъ въ Сеуту, и поѣздкѣ этой мы обязаны нѣсколькими интересными подробностями о городѣ, которыя и передаемъ здѣсь *in extenso*. Встрѣтившись съ похоронами и проводивъ ихъ до кладбища, корреспондентъ сворачиваетъ въ широкую, но пустую улицу, вдоль которой по обѣ стороны тянутся высокія стѣны. «Въ двадцати шагахъ отъ начала улицы, говоритъ корреспондентъ, вы встрѣчаете въ правой стѣнѣ открытыя ворота; входите, и глазамъ вашимъ представляется длинный четырехугольникъ, полудворъ, полусадъ, со множествомъ дверей и низкихъ зданій со всѣхъ сторонъ. Поперекъ двора и въ разныхъ направленіяхъ проходитъ садовая рѣшетка; она должна давать въ лѣтнее время тѣнь, которой теперь нечего и ждать отъ сморщенныхъ листьевъ и голыхъ вѣтвей виноградника, ее покрывающаго. На дальнемъ концѣ двора поставлена рѣшетчатая бесѣдка, покрытая огромною вѣтвью виноградника, съ которою переплелась тыква, большой, темнозеленый плодъ съ человѣческую голову, со всѣхъ сторонъ обхватывая бесѣдку своими стройными висячими стеблями. Противъ самой двери (въ бесѣдку) стоятъ много растеній въ глиняныхъ горшкахъ, но въ цвѣту изъ нихъ теперь очень немногія. По сторонамъ же двора растутъ широкіе кусты, богатые цвѣтами. Вотъ, напримѣръ, странный, фантастическій, черный и лиловый цвѣтокъ, какъ будто бы носящій полутрауръ, и къ формѣ котораго, напоминающей нижній конецъ большой трубы, очень идетъ названіе *трубнаго цвѣтка* (flor de la trompeta), подъ которымъ онъ слыветъ здѣсь. А вотъ широкій, ярко-красный цвѣтокъ, съ длинными перовидными лепестками, горизонтально распускающимися вокругъ букета красныхъ и желтыхъ бутоновъ—*flor de pasena* (рождественскій цвѣтокъ, christmas

(1) «Замѣчательно, говоритъ корреспондентъ *Times*, что Мавры не портятъ и не трогаютъ дороги, которую Испанцы, при возвращеніи своемъ на линію, оставляютъ совершенно въ ихъ рукахъ. Или Мавры находятъ, что, по окончаніи войны, дорога пригодится и имъ самимъ, или они думаютъ воспользоваться дорогой, чтобы дать своимъ нападеніямъ болѣе широкіе размѣры.»

blossom), безспорно прекрасный, но которому я предпочитаю нашу британскую омелу и остролистникъ. Вотъ, наконецъ, кустъ блѣдно-голубыхъ цвѣтовъ, до того похожихъ формой и ростомъ на жасминъ, что мы рѣшаемся сорвать одинъ изъ цвѣтковъ, чтобы лучше разсмотрѣть его: но это совсѣмъ не жасминъ, и въ немъ даже нѣтъ запаху. Это пріятное мѣсто называется *Barrio de los Moros* и служитъ жилищемъ потомству прежнихъ владѣтелей Сеуты. Здѣсь живутъ и Альмансоръ, и Гаметъ, и Зораида, и др.; имена ихъ переносятъ васъ въ тѣ романическія времена, когда испанскіе и маврскіе (то-есть арабскіе) рыцари соперничали между собой храбростію и воинскою доблестью на поляхъ Гренады. По большей части, однако, теперь ужь очень мало рыцарскаго и живописнаго внутри этихъ послѣднихъ жилищъ Мавровъ въ Сеутѣ. Они довольно бѣдны и очень грязны на видъ. Впрочемъ, есть и исключенія. Тутъ, за тыквенною перегородкой, живетъ молодой Мавръ, очень красивый собой и веселый на видъ; онъ имѣетъ претензію на очень-высокое происхожденіе и показываетъ вамъ кривой палашъ, славно, какъ говоритъ онъ, работавшій въ рукахъ его предковъ противъ Испанцевъ. Самъ онъ глядитъ совсѣмъ Испанцемъ, говоритъ на чистомъ кастильскомъ нарѣчіи, не вовсе, кажется, не желаетъ успѣха соотечественникамъ его предковъ въ настоящей борьбѣ ихъ съ правительствомъ. Но мой любимецъ, Гаметъ,—старый Мавръ, веселый и общительный, очень опрятный, славный знатокъ въ лошадяхъ, обязательный и готовый на всякую услугу. Онъ былъ бы прекраснымъ натурщикомъ для живописца. Вы вѣрно не разъ видали его (или подобныхъ ему) въ альбомахъ англійскихъ и французскихъ артистовъ, изображающихъ восточные сюжеты и сцены въ Аравіи. Орасъ Вернетъ не одинъ разъ рисовалъ его нѣсколько, быть-можетъ, идеализированнымъ, съ бѣлою тканью на груди и головѣ, такъ хорошо оттѣняющею его смуглое лицо и черную бороду. Обыкновенная одежда Гамета очень проста: но посмотрите на него, когда онъ, въ полномъ убранствѣ, блистающій пурпуромъ, золотомъ и тонкими тканями, гарцуетъ на ворономъ боевомъ конѣ, какъ я однажды встрѣтилъ его у воротъ Сеуты; онъ ѣхалъ въ гости къ одному изъ испанскихъ генераловъ. Видъ его былъ какъ нельзя болѣе величественъ и возбудилъ всеобщее удивленіе на пути черезъ лагерь: солдаты толпились вокругъ него и,

любуясь его фигурой, полагали, что это ѣдетъ посолъ императора марокскаго съ просьбой о мирѣ. Вотъ еще и Зораида просится подъ перо. Она очень недурна собой, съ золотистымъ цвѣтомъ кожи на лицѣ, съ прекрасными черными глазами и съ полнотой совершенно въ восточномъ вкусѣ; сверхъ того, у нея очень пріятный голосъ и неистощимая веселость. Объ остальныхъ женщинахъ, на сколько мнѣ позволено было ихъ видѣть, я могу сказать очень немногое. Онѣ уже не молоды и не свѣжи; носятъ красныя туфли съ голубымъ шитьемъ, и, о ужасъ! совсѣмъ не знаютъ кринолиновъ. Дочери ли они женъ Гамета, и вообще въ какихъ онѣ къ нему отношеніяхъ, я рѣшительно не знаю.

«Почти вся мостовая въ Сеутѣ, продолжаетъ корреспондентъ, сдѣлана каторжными, которые развлекали себя при работѣ тѣмъ, что разноцвѣтными камнями выводили по мостовой разныя фигуры деревьевъ, слоновъ и др. Есть улицы, вдоль которыхъ тянется изображеніе непрерывной вѣтви, разбрасывающей листья по обѣ стороны мостовой. Эти же самые каторжные великолѣпно сражаются, когда имъ даютъ оружіе и посылаютъ въ битву. Между ними есть много старыхъ солдатъ, да есть еще и отличное возбуждающее средство для ихъ рвенія,—такъ какъ, въ случаѣ ихъ неисполнительности, они вернутся къ своимъ цѣпямъ и тяжелымъ работамъ, а въ награду за ихъ хорошую службу они могутъ ожидать или прощенія или уменьшенія ихъ наказанія. Съ хладнокровіемъ и рѣшительностію ветерановъ разсыпаются эти *вооруженные преступники* (confinados armados) въ застрѣльщики, а потомъ, въ случаѣ надобности, сбираются въ кучки и встрѣчаютъ мавританскую кавалерію бѣглымъ огнемъ и штыками. Попытка вооружать преступниковъ была пока такъ удачна, что есть намѣреніе, кажется, развить ее до болѣе-широкихъ размѣровъ.»

Сеута, нѣкогда столица Тингитанской Мавританіи, подъ именемъ *Septem Fratres*, а потомъ Септумъ и Септа, попеременно принадлежала Римлянамъ, Вандаламъ Готамъ, Арабамъ, Генуэцамъ, Португальцамъ. Въ восьмомъ столѣтіи она взята была Арабами у Готовъ и служила точкой отправленія при завоеваніи Испаніи; 21-го августа 1415 Португальцы овладѣли Сеутой, только что ступивъ на берегъ Африки; въ 1578 году, по смерти короля Себастіана, Сеута перешла, вмѣстѣ съ метрополіей и со всѣми другими колоніями, во владѣніе Испаніи; въ 1640 Португалія возстановила свою независимость, но Сеута все-таки

осталась и по сіе время въ рукахъ Испанцевъ. Сеута самый сильный и значительный изъ испанскихъ пресидовъ. Изъ всѣхъ городовъ Марокко (за исключеніемъ развѣ Тангера), то самый чистый и наиболѣе похожій на европейскій городъ; довольно сильныя укрѣпленія: много зданій совершенно въ европейскомъ вкусѣ: нѣсколько церквей; епископство. Жителей считается въ Сеутѣ около 8.000. Высокія, зеленыя, утесистыя горы, которыми оканчивается рядъ лѣсистыхъ холмовъ, окружающихъ старыя мавританскія и новыя испанскія укрѣпленія Сеуты, напоминаютъ, по словамъ корреспондета *Times*, лѣсистые холмы и зеленые сады Гвипускои и Бискаіи. Внутренность бѣднаго сеутскаго порта представляетъ собою крошечную бухту, входящую нѣсколько въ глубь материка; ее окаймляютъ, съ одной стороны, высокая набережная, а съ другой, строенія, едва выглядывающія изъ воды. Бухта, въ видѣ сухой лощины, продолжается на нѣкоторое пространство выше уровня моря, проходитъ подъ каменною аркой и незамѣтно сливается съ почвою тамъ, гдѣ она достигаетъ высоты набережной. Она стѣснена судами, притянутыми къ другой сторонѣ, подъ аркой кучи корабельныхъ канатовъ и цѣпей. Грязь по берегамъ, вмѣстѣ съ другими нечистотами, производитъ, по словамъ корреспондента, *пріятное* разнообразіе запаховъ, заражающихъ атмосферу.

Сеута, какъ мы сказали, расположена на продолговатой неправильной косѣ, вдающейся въ море. Основаніе этой косы крѣпко защищено. Далѣе внутрь страны, городъ подымается возвышеніемъ. На нѣсколькихъ плоскихъ холмахъ этого возвышенія разбитъ былъ испанскій лагерь. Еще впереди, по лѣсистой и крутой дорогѣ, подымаясь все кверху, вы достигаете довольно высокой площадки, на которой построенъ былъ редутъ изъ земляныхъ мѣшковъ круглой формы, съ небольшимъ внѣшнимъ рвомъ. Съ этого возвышеннаго пункта открывается видъ на всю окружающую мѣстность. Она высится цѣлымъ амфитеатромъ горъ, образующихъ какъ бы сплошную стѣну, изрѣдка прерываемую оврагами, изъ которыхъ тоже подымаются разные холмы да пригорки. Почти параллельно этой цѣпи горъ развертывается глубокая долина, которая была поприщемъ первыхъ столкновеній арміи О'Доннеля съ Маврами. Кромѣ этого главнаго редута выстроено было потомъ еще нѣсколько другихъ, такъ что они составили полукругъ, отъ моря со стороны пролива и до моря на югъ отъ Суеты (гдѣ начинается восточ-

ный берегъ Марокко), и служили защитой предполагаемой линіи атаки на Тетуанъ. Правый редутъ называется *Изабелла II*, лѣвый—*Принцъ Астурійскій*. За редутами мѣстность ровнѣе до первой возвышенности у мыса Чернаго (Cabo Negro).

Высадка перваго испанскаго корпуса, подъ начальствомъ генерала Эчагуэ (Echagüe), была 19 ноября. Потомъ непрерывно слѣдовали, одна за другою, новыя высадки. Корреспондентъ *Times* присутствовалъ при одной изъ этихъ высадокъ и очень живо описываетъ трудность выгрузки съ тяжелыхъ большихъ судовъ, ночью, при сомнительномъ свѣтѣ фонарей. «Одинъ случай, совершенно въ испанскомъ вкусѣ, разказываетъ онъ въ концѣ своего описанія, разсѣялъ и развлекъ всѣхъ отъ тяжелой работы. Два быка, только-что высаженные, заняли сухую балку (служащую продолженіемъ бухты) и болѣе часу владѣли этою позизіей, не сдаваясь ни на какую капитуляцію. Нужно было остановить высадку лошадей, потому что эти быки, съ наклоненными и угрожающими лбами, заграждали имъ дорогу. Присутствовавшихъ это очень забавляло. Пока двое или трое смѣльчаковъ безплодно старались опутать быковъ, толпа, наполнивъ причалившія суда, наблюдала за сценой и рукоплескала обоимъ дикимъ животнымъ, когда они напирали на своихъ противниковъ и принуждали ихъ къ отступленію. Наконецъ, быки были побѣждены, и высадка продолжалась. Она затянулась, впрочемъ, далеко за полночь.»

О'Доннель оставилъ Кадиксъ 26 ноября. Но незначительныя стычки были и до него; онѣ начались тотчасъ послѣ высадки генерала Эчагуэ. Стычки эти были 21, 23, 25, 30 ноября, 9, 12, 15, 17, 20, 25 декабря. Характеръ ихъ былъ всегда одинъ и тотъ же: Мавры смѣло нападали на аванпосты и редуты, ихъ каждый разъ отбивали съ большимъ урономъ, и они исчезали еще скорѣе чѣмъ появлялись. Обыкновенное время мавританскихъ атакъ отъ 11 до 5 часовъ. Несмотря на тактическую незначительность этихъ стычекъ, онѣ сопровождаются каждый разъ ужасною жестокостью съ обѣихъ сторонъ. Мавры, по словамъ корреспондента *Times*, первые стали на эту дорогу безчеловѣчныхъ побоищъ, и Испанцы, раздраженные ихъ жестокостью, буквально слѣдовали ихъ примѣру. Немногихъ, взятыхъ на полѣ сраженія, солдаты убивали прежде чѣмъ доводили до лагеря, что̀ всякій разъ приводило О'Доннеля въ большое негодованіе; обѣщаніе доллара за каждаго живаго Мавра мало помогаетъ дѣлу. Солдаты увѣряли, что

Мавры совсѣмъ не даются въ плѣнъ, что они отчаянно дерутся, пока наконецъ не убьютъ ихъ; раненые, они лежатъ и никакъ не хотятъ встать; такое упорство невольно вызываетъ ударъ штыка. Пощада въ войнѣ никогда не была слабостью Испанцевъ; притомъ разказы объ ужасныхъ жестокостяхъ, которымъ Мавры подвергаютъ непріятеля, попавшаго въ ихъ руки (1), произвели свое дѣйствіе, и война, съ самаго начала, получила кровавый и звѣрскій характеръ; всякій Испанецъ предпочиталъ смерть возможности попасть живому въ руки Мавровъ. Первый плѣнникъ, первый живой Мавръ взятъ былъ во время стычки 20 декабря. Это было рѣшительнымъ событіемъ въ лагерѣ и возбудило много толковъ и интереса. «Этотъ плѣнный имѣлъ всего только двѣ или три легкія раны штыкомъ; но съ нимъ не трудно было сладить, и онъ приведенъ былъ въ лагерь, накормленъ и разспрошенъ. Ему около пятидесяти лѣтъ отъ роду; онъ крѣпокъ, мускулистъ и очень грязенъ, какъ всѣ Мавры. Онъ ничего не могъ сказать о численности мавританскихъ войскъ, ни о чемъ другомъ, имѣющемъ какую-либо важность. Вѣроятно, много такихъ бѣдняковъ согнано на войну, какъ стадо барановъ, вовсе не зная причинъ этой войны, зная одно только, что сражаются противъ невѣрныхъ. Когда плѣнникъ былъ приведенъ, одинъ изъ офицеровъ держалъ въ рукѣ долларъ, слѣдующій въ награду за поимку плѣннаго. Несмотря на раны свои и на испугъ, Мавръ бросился на монету, какъ только увидѣлъ ея блескъ. То была преобладающая въ немъ страсть, развившаяся подъ самыми неблагопріятными обстоятельствами—инстинктъ хищника, побѣждающій всѣ прочія чувства. Бѣднякъ кажется какимъ-то дикаремъ, безъ всякой мысли въ головѣ; онъ проводитъ время въ призываніи благословенія на голову Испанцевъ за то, что они не убили его (тогда какъ онъ былъ увѣренъ, что его зарѣжутъ непремѣнно), и въ пожираніи съ волчьимъ аппетитомъ хлѣба, кофе и всего, что случится. Онъ такъ доволенъ обращеніемъ съ нимъ Испанцевъ, что очень желалъ бы передать своимъ сыновьямъ (которые тоже подъ ружьемъ) и всему своему роду, чтобъ они

---

(1) Въ свое время газета *Courrier de Bayonne* сообщила извѣстіе, что 16 плѣнниковъ подвергались разнымъ ужасамъ въ Фесѣ: ихъ принуждали, напримѣръ, отречься отъ христіянства и бросали имъ въ лицо окровавленныя головы ихъ соотечественниковъ.

раздѣлили съ нимъ его трапезы на счетъ великодушныхъ невѣрныхъ.»

Въ первое время у Испанцевъ было не болѣе 30.000 въ строю, въ томъ числѣ около 3000 кавалеріи. Со стороны же Мавровъ и Арабовъ, какъ узнали послѣ, выставлено было огромное войско, во 100.000 пѣхоты и 30.000 кавалеріи. Всѣми мароканскими военными силами командовалъ братъ императора, Мюлай-Аббасъ (1). Вообще въ Марокко командованіе войсками, какъ и всякое другое управленіе болѣе значительнымъ и самостоятельнымъ вѣдомствомъ, не довѣряется *обыкновеннымъ* людямъ, а поручается только членамъ императорскаго дома, что еще болѣе придаетъ мавританскому образу правленія характеръ патріархальный. Верховнымъ главнокомандующимъ, или генералиссимусомъ считается самъ султанъ, который вмѣсто себя посылаетъ на войну или сыновей своихъ, или братьевъ, или другихъ принцевъ. Въ мирное время, регулярная армія располагается по провинціямъ, и въ каждой провинціи войско находится подъ начальствомъ особаго паши, который вмѣстѣ и военный губернаторъ провинціи, и командиръ корпуса, и интендантъ его. Батальйонами, въ 500 чел. каждый, командуютъ *мокаддеми* (полковники); начальникъ пяти батальйоновъ называется *каидъ-хамисъ* (2). Что касается до вооруженія, какъ мавританскихъ войскъ вообще, такъ и той арміи, которая выставлена была въ послѣднюю войну, то объ этомъ трудно сказать что-нибудь опредѣлительное. Главный корпусъ, впрочемъ, вооруженъ былъ длинными мушкетами *(espingarda)*, допотопной конструкціи; заряженіе этихъ ружей стóитъ не малаго труда и времени, а въ сырую погоду они должны очень скоро дѣлаться негодными. Черезъ плечо мавританскіе воины носятъ кожаные мѣшки съ ремнями и

---

(1) Къ нему присоединился потомъ другой братъ султана, Мюлай-Ахметъ.

(2) *Specchio dell' Impero di Marocco*, p. 227.—Приведемъ кстати наименованія высшихъ чиновъ испанской арміи: *генералъ-капитанъ*, званіе О'Доннеля, соотвѣтствуетъ фельдмаршалу, вѣрнѣе—главнокомандующему; въ обыкновенное время генералъ-капитанъ равняется генералъ-лейтенанту, намѣстнику, генералъ-губернатору; *marical-de-campo* въ буквальномъ переводѣ значитъ фельдмаршалъ, но въ самомъ дѣлѣ соотвѣтствуетъ генералъ-майору; *бригадиръ* то же, что нашъ прежній бригадиръ, то-есть среднее между полковникомъ и генераломъ.

хранятъ въ нихъ свой порохъ и снаряды. У кавалеристовъ къ ружьямъ привинчены штыки.

Какъ бы то ни было, и какъ бы недостаточна ни была обмундировка и вооруженіе и безтолковы распоряженія военачальниковъ, Мавры дерутся хорошо, и личной храбрости у нихъ отнять никакъ нельзя.

Таково было взаимное положеніе двухъ армій во всѣ остальные дни 1859 года. 1 января 1860 произошла первая серіозная битва между Испанцами и Маврами, вызвавшая со стороны испанскаго главнокомандующаго рѣшеніе немедленно двинуться къ южному берегу и занять сильную позицію на пути къ Тетуану. Битва продолжалась цѣлый день; утромъ потеряли больше Мавры, вечеромъ Испанцы. Мавры были закрыты, Испанцы слишкомъ выдались впередъ, болѣе чѣмъ слѣдовало по диспозиціи главнокомандующаго. Виной вечерней битвы, не принесшей никакой пользы и только напрасно увеличившей потери, была чрезмѣрная воинственность генерала Прима, который 1 января былъ рѣшительно въ своей сферѣ. «Съ двумя блиставшими на груди звѣздами, разказываетъ корреспондентъ газеты *Times*, съ генеральскимъ жезломъ въ рукѣ, онъ былъ на всѣхъ самыхъ опасныхъ пунктахъ и, къ общему удивленію, не получилъ ни царапинки.» Самымъ замѣчательнымъ эпизодомъ сраженія была атака двухъ гусарскихъ эскадроновъ, подъ начальствомъ Діего Леона. Эта атака, по замѣчанію газеты *Times*, имѣетъ разительное сходство съ подобною же несчастною атакой англійской легкой кавалеріи (подъ начальствомъ Нолана) при Балаклавѣ: та же ошибка адъютанта, то же слѣпое повиновеніе отряда, та же безполезная атака въ долинѣ, сильно укрѣпленной непріятелемъ, то же кровавое отступленіе. «Испанскіе гусары, говоритъ *Times*, кинулись въ свою «долину смерти», съ непоколебимымъ мужествомъ, съ твердымъ убѣжденіемъ, что исполняютъ свой долгъ, точно такъ же, какъ и англійская кавалерія въ октябрѣ 1854; они кинулись прямо на огонь непріятеля и проникли даже въ его лагерь, ничего не вынеся оттуда, кромѣ славной памяти о великомъ воинскомъ подвигѣ. Казалось, духъ ихъ храбраго начальника былъ въ каждомъ изъ нихъ во время ихъ огневой атаки. Ошибка была совершенно та же, что̀ и при Балаклавѣ. Адъютантъ главнокомандующаго, послѣ того, какъ этими двумя эскадронами сдѣлана была первая, незначительная атака, передалъ

какое-то приказаніе начальнику, дурно имъ, должно-быть, понятое, и, говоря о Маврахъ, назвалъ ихъ *трусами*. По роковой ошибкѣ, донъ Діего Леонъ принялъ это названіе на счетъ своего отряда и, мгновенно давъ команду, полетѣлъ въ головѣ своихъ эскадроновъ прямо подъ непріятельскіе выстрѣлы (1). Въ результатѣ было два офицера раненыхъ и пять убитыхъ (2), не говоря о рядовыхъ: очень большая пропорція для двухъ эскадроновъ.» Битва 1 января кончилась бѣгствомъ Мавровъ; но побѣда не дешево обошлась Испанцамъ: они потеряли убитыми и ранеными всего 500 рядовыхъ и 75 офицеровъ. Вообще пропорція убитыхъ и раненыхъ офицеровъ въ эту войну всегда была очень велика, что доказываетъ мужество испанскихъ офицеровъ. Мѣсто, гдѣ совершенъ былъ безплодный подвигъ испанскихъ гусаръ, и названное, вслѣдствіе ихъ кровавой неудачи, *долиною смерти*, дѣйствительно не представляло никакихъ удобствъ для кавалерійской атаки. Ближайшая часть амфитеатра передъ Сеутой бугриста, вся въ рытвинахъ и покрыта кустами; остальная же часть амфитеатра представляетъ собою совершенно плоскую равнину, покрытую ярко-зеленою травой и желтыми цвѣтами. Скаты, къ ней ведущіе, не богаты деревьями, но за то сплошь покрыты хворостникомъ изъ кустовъ дикаго лавра, остролистника и другихъ растеній; хворостникъ этотъ пестрѣетъ верескомъ, тимьяномъ, полевыми гіацинтами, нарциссами и множествомъ другихъ ароматныхъ растеній въ полномъ цвѣту. Эта полоса хворостнику—*chaparral*, какъ ее тамъ называютъ—и высокіе кусты, достигающіе иногда шести футовъ въ вышину, очень опасны для лошадиныхъ ногъ, особенно тамъ, гдѣ были полевые пожары, которые оставили черные острые пни, равно непріятные и для коня и для всадника. Не вдалекѣ отъ равнины, на самомъ высшемъ пунктѣ неровной мѣстности, расположено маленькое бѣлое развалившееся зданіе, *Castillejos*. За равниной къ

(1) «По крайней мѣрѣ, замѣчаетъ корреспондентъ, на разказѣ котораго основана статья *Times*, таково было впечатлѣніе, произведенное на одного ротмистра, который, послѣ атаки, съ дымящимся еще и кровавымъ мечомъ, разказывалъ объ этомъ въ яростномъ негодованіи одному офицеру штаба.»

(2) «Одинъ раненый офицеръ, говоритъ корреспондентъ, попался въ руки Маврамъ, былъ ими раздѣтъ почти донага и въ такомъ видѣ отбитъ былъ товарищами. У другаго лицо и шея были изрѣзаны; онъ получилъ не менѣе дюжины ударовъ прямою короткою саблей.»

мавританскому лагерю, узкіе подъемы въ родѣ дефилеевъ: здѣсь болѣе всего досталось гусарамъ.

О другомъ эпизодѣ сраженія 1 января, корреспондентъ *Times* разказываетъ слѣдующимъ образомъ: «Въ 1 ч. по-полудни, когда главнокомандующій съ своимъ штабомъ и свитой находился близь Кастиллехоса, къ нему подскакалъ офицеръ просить помощи: генералъ О'Доннель приказалъ одному изъ батальйоновъ резервной дивизіи генерала Сабалы двинуться впередъ, и самъ, выхвативъ изъ ноженъ саблю и пришпоривъ коня, поскакалъ вдоль высотъ, встрѣчаемый на пути громкими и восторженными восклицаніями войска; свита не отставала отъ него ни на шагъ. Фельдмаршалъ сдѣлалъ это, безъ сомнѣнія, для ободренія своимъ присутствіемъ тѣхъ частей арміи, которыя, въ ожиданіи подкрѣпленій, выдерживали несоразмѣрно-сильный огонь непріятеля. Но мнѣ кажется, замѣчаетъ корреспондентъ, что вовсе не было крайней надобности подвергать собственную жизнь очевидной опасности. Потеря главнокомандующаго была бы теперь незамѣнимою потерей для арміи и для всей Испаніи. Между тѣмъ, глядя на него и на его штабъ, какъ они съ обнаженными саблями скакали среди самой жаркой перестрѣлки, можно было принять ихъ за кавалькаду искателей приключеній и отличій.»

Вся мароканская кампанія громко говоритъ въ пользу испанской арміи. Солдаты О'Доннеля обнаружили замѣчательныя военныя способности. Они, пословамъ газеты *Times*, не только показали блистательную храбрость на полѣ сраженія, но и въ лагерѣ передъ Сеутой, терпя всевозможныя внѣшнія непріятности, лишенія, непогоду, холеру и пр.; они, своимъ терпѣніемъ и стойкостію, заслужили сочувствіе Европы. Мавры 1 января тоже дрались отлично. Притомъ, несмотря на всю дикость свою и невѣжество, они превосходные стрѣлки. «Всѣ диспозиціи Мавровъ, говоритъ газета *Times*, заключаются въ стратагемахъ, которыя, вѣроятно, употреблялись еще Финикіянами. Они высылаютъ горсть людей, чтобы выманить Испанцевъ изъ ихъ позицій, надѣясь напасть на нихъ изъ засады: вотъ ихъ единственная военная хитрость. Постоянной военной организаціи у нихъ и слѣда нѣтъ; они поступаютъ какъ и всѣ стрѣлки, пользуясь каждымъ деревомъ, каждымъ пригоркомъ, какъ естественною защитой. Мавры, безъ сомнѣнія, безсильны и ничтожны передъ испанскимъ регулярнымъ войскомъ; но тамъ,

гдѣ нужно выставить стрѣлка противъ стрѣлка, Мавры имѣютъ преимущество, и *дрессированные* (trained) стрѣлки испанскіе безсильны противъ вольныхъ мавританскихъ стрѣлковъ, такъ что было даже рѣшено въ испанской арміи не отвѣчать на ружейную стрѣльбу Мавровъ и не тратить даромъ зарядовъ.» За то у Мавровъ только и есть, что стрѣлки, и войс касултана ни разу не могли устоять противъ рѣшительнаго натиска Испанцевъ.

Вообще война Испанцевъ въ Марокко имѣла грандіозный характеръ, и обличала средства цивилизованной монархіи. Сильный флотъ слѣдовалъ по берегу, поддерживалъ и подкрѣплялъ огнемъ своимъ дѣйствія сухопутныхъ войскъ, постоянно снабжая ихъ всѣмъ нужнымъ и производя сношенія съ Сеутой и съ сеутскимъ укрѣпленнымъ лагеремъ, такъ какъ, по мѣрѣ движенія войскъ впередъ, сухопутныя сношенія стали очень затруднительны и не могли быть даже производимы иначе, какъ подъ сильнымъ конвоемъ. Телеграфическая проволока соединяла лагерь съ метрополіей, желѣзная дорога вела отъ него къ морю. Въ большой войнѣ, и тѣмъ болѣе въ войнѣ завоевательной, а особливо въ странѣ варварской и дикой, сраженія гораздо менѣе значатъ для успѣха чѣмъ снабженіе провіянтомъ, пути сообщенія и хорошая администрація. Мавры избѣгаютъ открытой битвы, всѣ ихъ мелкія атаки отбиваются съ значительнымъ для нихъ урономъ: тѣмъ не менѣе опасностей бездна; Мавры небольшими шайками могли окружать испанскую армію, и держать въ страхѣ ея сообщенія, такъ что, не будь флота, ей нельзя было бы шагу двинуться впередъ на пути отъ Сеуты къ Тетуану. Къ этому присоединить должно неудобства почвы, затрудненія мѣстности и прочія неожиданности, узнаваемыя только на мѣстѣ, а не по картѣ. Когда же начиналъ дуть восточный вѣтеръ, страшный *levanter*, арміи предстояла чуть не голодная смерть—суда не могли подходить къ берегу, и продовольствія не доставало. Мужество испанскихъ солдатъ и распорядительность О'Доннеля преодолѣли, однако, всѣ эти препятствія.

Послѣ битвы 1 января, испанская армія значительно подвинулась впередъ, перешла рѣку Кастиллехосъ и стала въ виду Черныхъ горъ (Монте-Негро). Работы на дорогѣ къ Тетуану велись все время очень успѣшно; укрѣпленія воздвига-

лись въ каждую лагерную стоянку (предосторожность, необходимая при такого рода войнѣ) быстро и значительно, чему способствовали хворостникъ (chaparral), множество камней всякой величины (отъ обыкновеннаго булыжника до большихъ каменныхъ глыбъ) и вырываемый изъ-подъ камней грунтъ земли, служившій очень хорошимъ цементомъ. Лагерь *де ла Кондеса* занималъ открытое и ровное мѣсто. Почва этой мѣстности, въ общемъ своемъ характерѣ, песчана и покрыта ароматическими растеніями, наполняющими воздухъ благоуханіемъ и придающими запахъ даже водѣ источниковъ и ключей, находящихся здѣсь въ изобиліи. Впереди и справа высились на горизонтѣ Черныя горы, а почти передъ самымъ лагеремъ разстилалась обширная лагуна, оставлявшая только небольшое пространство по берегу моря. Всѣ удивлялись, какъ могла испанская армія зайдти такъ далеко, сражавшись такъ мало, и не безъ боязни посматривали на лагуну. Войску предстояло идти именно по этому узкому шоссе, между лагуной и моремъ, и дефилировать изъ него у подошвы горъ, на которыхъ непріятель занималъ превосходную позицію. Всѣ разчитывали на огромныя потери (отъ 2.000 до 3.000), и ожидали упорнаго сопротивленія со стороны Мавровъ, которые имѣли тутъ всю возможность вредить Испанцамъ, почти совершенно безнаказанно. Ожиданія эти, къ общему изумленію, вовсе не сбылись: испанская армія не потеряла не только трехъ тысячъ, но и трехъ десятковъ, при переходѣ своемъ мимо лагуны (6 января), да и всего едва ли потеряла она полдюжины человѣкъ. «Поведеніе Мавровъ, разсуждаетъ корреспондентъ *Times*, поражаетъ всѣхъ удивленіемъ. Если они, говоритъ онъ, будутъ такъ же дѣйствовать впередъ, или, вѣрнѣе, такъ же *не дѣйствовать,* какъ и теперь, со времени оставленія сеутской позиціи, то движеніе на Тетуанъ, вмѣсто ожидаемаго ряда самыхъ упорныхъ битвъ, будетъ простою военною прогулкой, диверсіей. Мавританскіе предводители или совсѣмъ ужь нерѣшительны и неспособны, или имѣютъ какой-либо глубоко задуманный и недоступный нашему пониманію планъ, по которому они надѣются quand-même разрушить предпріятія генерала О'Доннеля и уничтожить испанскія силы. Но и въ томъ случаѣ, когда они и вполнѣ увѣрены въ пораженіи Испанцевъ и въ будущемъ торжествѣ своемъ, все-таки непонятно, зачѣмъ они вовсе не пользуются благопріятными

обстоятельствами, чтобъ ослабить непріятеля и затруднить его движеніе. И едва ли представится Маврамъ болѣе удобный случай чѣмъ тотъ, которымъ они теперь не воспользовались. Наша армія сдѣлала сегодня (6 января) переходъ, стóящій любой битвы, и прошла свободно и безпрепятственно по мѣстности, которую нужно было бы брать приступомъ, еслибъ ее сколько-нибудь защищали, и такой приступъ обошелся бы Испанцамъ очень дорого.» Тѣмъ не менѣе корреспондентъ продолжаетъ утверждать, что предпріятіе представляло большія опасности, что оно было почти безумною отвагой, что не знаешь даже, порицать или хвалить О'Доннеля за такой рискованный шагъ, и что лишь одинъ неожиданный успѣхъ оправдываетъ главнокомандующаго. «Сдѣлана была, разумѣется, говоритъ онъ, демонстрація на противоположномъ флангѣ отъ того, гдѣ предположено было главное движеніе: но все-таки непростительно, что Мавры сами дались въ обманъ.» О'Доннель, видно, лучше зналъ своихъ Мавровъ чѣмъ корреспондентъ и чѣмъ все войско; онъ разчиталъ очень вѣрно и безошибочно.

На рѣкѣ *Азмиръ*, гдѣ испанская армія расположилась лагеремъ по выходѣ своемъ изъ мнимо-грознаго дефилея и по минованіи первыхъ кордильеровъ Монте-Негро, налетѣлъ на Испанцевъ страшный ураганъ: все Средиземное море всклокотало и волны свирѣпо забили о берега Берберіи: дождь не могъ быть сильнѣе даже въ тѣ времена, когда Ной строилъ ковчегъ свой; воздушныя стихіи стали далеко страшнѣе всякаго врага; въ Европѣ даже нельзя составить себѣ понятія объ ужасахъ этого урагана и грозы; все пришло въ смятеніе, все разбросано, разнесено, разбито... Но какъ только схлынула эта гроза, настали дни ясные и пріятные. Однимъ утромъ, особенно поразилъ корреспондента *Times* восходъ солнца. «Весь восточный небосклонъ, говоритъ онъ, испещренъ былъ облаками, блиставшими какъ полированная мѣдь на фонѣ, переливавшемся изъ блѣднозеленаго цвѣта ивоваго листа въ почти-изумрудный оттѣнокъ. Солнце, какъ золотой шаръ, выкатилось изъ-за морскаго горизонта, слегка прикрытое нижнимъ слоемъ тумана, и, по мѣрѣ того, какъ оно всходило, облака разсѣивались, очищая ему дорогу и сплетаясь одно съ другимъ.»

10-го января, Мавры, въ числѣ тысячъ четырехъ, напали на позицію Испанцевъ, которую тѣ успѣли уже укрѣпить, и были, какъ всегда, разбиты наголову, при чемъ Испанцы потеряли однако 13 человѣкъ убитыми, двухъ штабъ-офицеровъ, 15 оберъ-

офицеровъ и 149 рядовыхъ ранеными. По поводу этой неожиданной и несвоевременной атаки, корреспондентъ замѣчаетъ: «Мавританскіе генералы, вожди, шейхи, или какъ тамъ еще они себя называютъ, ужасно, должно-быть, глупы! восклицаетъ онъ. Они не трогаютъ пальцемъ испанской арміи во время ея переходовъ по узкимъ дефилеямъ, когда они, ничего почти не теряя, могли бы нанести ей огромный вредъ, а нападаютъ на нее черезъ нѣсколько дней, когда она занимаетъ сильную позицію, когда она защищена полевыми укрѣпленіями, и когда артиллерія испанская можетъ дѣйствовать черезъ пять минутъ послѣ сигнала. И вообще, продолжаетъ корреспондентъ, я считаю большимъ преувеличеніемъ похвалы, расточаемыя мавританскимъ всадникамъ. Имъ часто представлялся случай нападать въ превосходныхъ силахъ на испанскую кавалерію, и они имъ не пользовались. Они предпочитаютъ гарцовать въ почтительномъ разстояніи отъ нашихъ застрѣльщиковъ и выдѣлывать штуки, пригодныя развѣ для цирка, какъ-то: стрѣлять на всемъ скаку, разряжая свои длинныя ружья въ то самое мгновеніе, какъ ихъ кони дѣлаютъ крутой поворотъ, чтобъ понести ихъ назадъ. При неудобствѣ ихъ *espingardas*, такія *атаки* едва ли могутъ причинить какой-либо вредъ непріятелю.» Во время сраженія 10 числа взята была мавританская сабля, принадлежавшая офицеру или какому-нибудь еще болѣе значительному лицу. Она была въ ножнахъ изъ красной кожи съ оконечникомъ и связями изъ латуни, и съ красными снурками вмѣсто портупеи. Впрочемъ, для кавалеріи сабля эта, съ весьма-неудобною рукояткой, была тяжела и неповоротлива. Генералъ Примъ добылъ себѣ *гаикъ* изъ красной матеріи, такъ чистый и приличный, что, по словамъ корреспондента, онъ даже намѣренъ носить его самъ. «Другою, самою интересною находкой 10 числа, разказываетъ корреспондентъ, былъ очень хорошенькій мавританскій альбомъ, въ футлярѣ, съ рисунками здѣшняго мѣстоположенія, разныхъ происходящихъ здѣсь сценъ и съ рукописными замѣтками. Онъ достался генералу Генриху О'Доннелю, брату главнокомандующаго; онъ держалъ его подъ мышкой и, проходя пѣшкомъ по лагерю, какъ-то обронилъ его; всѣ старанія отыскать его оказались безуспѣшными. Объ этой потерѣ нельзя не пожалѣть.»

Но еще больше чѣмъ глупость мавританскихъ вождей, возбуждаетъ негодованіе корреспондента лагерная стоянка на

рѣкѣ Азмирѣ и въ особенности сама рѣчонка эта. «Звучное имя *Азмиръ*, восклицаетъ онъ, не создаетъ ли въ вашей памяти чудной картины кристальныхъ потоковъ, двойныхъ махровыхъ розъ, мелодическихъ соловьевъ, сладострастнаго *far niente?* Не долженъ ли бы этотъ Азмиръ музыкально журчать и нѣжно переливаться по серебряному песку и золотымъ камнямъ, а по берегамъ его не должны ли бы, въ беззаботномъ наслажденіи *кейфа*, сладко покоиться восточныя красавицы въ бесѣдкахъ изъ ясмина и мирта, подъ кровомъ вѣчно-голубаго неба? Но увы! какъ далеко отъ этой поэтической картины до грустной дѣйствительности! Азмиръ не что иное, какъ грязный, жалкій ручей, почти пропадающій въ пескѣ прежде чѣмъ успѣетъ дотащиться до моря. На берегахъ его небольшое количество цвѣтовъ совсѣмъ заглушено колючимъ тростникомъ и ладанникомъ. Лучшею музыкой служитъ здѣсь дикій крикъ морской птицы, прибиваемой къ берегу восточнымъ вѣтромъ, да еще рѣзкіе звуки испанской трубы. Никакая красавица не смотрится въ его мутную поверхность; небо чаще бурное чѣмъ ясное; окрестный запахъ совсѣмъ не благоуханенъ, а скаты къ берегамъ болотисты.»

Войско испанское скоро до такой степени привыкло къ ночнымъ тревогамъ и франтовскимъ набѣгамъ Мавровъ, что и солдаты, и офицеры остаются совершенно спокойны и хладнокровны, тихо и быстро сбираются къ назначенному мѣсту и во всякую минуту готовы сдѣлать непріятелю жаркую встрѣчу. Однажды, когда корреспондентъ *Times* только что заснулъ, и заснулъ сладко, онъ былъ разбуженъ голосомъ его товарища по палаткѣ, а затѣмъ раздались и ружейные выстрѣлы. Въ ту же минуту раскрылись полы палатки.

— Señores, los Moros! сказалъ слуга такимъ же тономъ, какимъ онъ доложилъ бы о посѣщеніи гостя, или о томъ, что кушанье подано.

— Хорошо! отвѣчалъ товарищъ корреспондента точно такъ же, какъ еслибъ онъ сказалъ: «Проси!»

Они одѣлись, зарядили пистолеты и вышли изъ палатки. Тревога оказалась, однако, ложною.

Кромѣ набѣговъ, цѣлыми отрядами, мавританскихъ всадниковъ, случались часто внезапныя появленія Мавровъ въ-одиночку, не для воинской славы, а съ болѣе-прозаическимъ намѣреніемъ— стянуть что-нибудь изъ испанскаго лагеря. Въ подобныхъ случаяхъ Мавры обнаруживали большую неустрашимость и

изобрѣтательность. «Однажды, подъвечеръ, разказываетъ корреспондентъ, какой-то Мавръ, нарядившись въ испанскій гусарскій мундиръ и пользуясь темнотой, пробрался въ лагерь. Съ необыкновенною дерзостью вздумалъ онъ овладѣть конемъ одного артиллерійскаго офицера, несмотря на то, что слуга былъ тутъ же. Не говоря ни слова, занесъ онъ ногу въ стремя. Тогда слуга, ставъ передъ нимъ, спросилъ, что̀ ему надо. Мавръ отвѣчалъ повелительнымъ жестомъ, а слуга, видя такое нахальство, нагнулся, чтобы взять камень. Мавръ быстро вскочилъ въ сѣдло. Мѣсяцъ свѣтилъ ясно, и слуга, разглядѣвъ лицо дерзкаго вора, громко закричалъ: «Мавръ, Мавръ!» Нѣкоторые изъ солдатъ въ ту же минуту выстрѣлили, и импровизованный гусаръ упалъ съ лошади, пронзенный пулями.»

Простоявъ довольно долго на рѣкѣ Азмирѣ, испанская армія перешла кордильеры Чернаго мыса и рѣку Уадъ-эль-Джелу, и, ставъ въ виду Тетуана, занялась укрѣпленіемъ расположенныхъ близь устья рѣки Мартинъ мавританскихъ сооруженій — таможеннаго форта и др., и возведеніемъ собственнаго форта. Генералъ О'Доннель, черезъ взятаго въ плѣнъ *сантона* (марабута) и черезъ особыхъ испанскихъ и мавританскихъ парламентеровъ, требовалъ сдачи Тетуана, грозясь въ противномъ случаѣ не оставить въ городѣ камня на камнѣ. Угроза тѣмъ болѣе дѣйствительная, что испанская армія значительно усилилась вновь прибывшими регулярными подкрѣпленіями и провинціяльными волонтерскими дружинами. Тѣмъ не менѣе, предложенія о сдачѣ приняты не были, и 31 января было самое серіозное, послѣ битвы 1 числа, сраженіе. Зачинщиками, какъ всегда, были Мавры. Въ этомъ сраженіи участвовалъ и братъ Мюлай-Аббаса, Мюлай-Ахметъ. Мавры надѣялись захватить Испанцевъ врасплохъ и отбросить ихъ къ морю, или обойдти и окружить ихъ, кинувшись на таможенный фортъ и на Мартинъ; но дѣло кончилось рѣшительнымъ пораженіемъ Мавровъ. Испанская артиллерія дѣйствовала отлично. Мавры потеряли около 2000; Испанцы до 300 человѣкъ. У Мавровъ отнято было знамя и нѣсколько лошадей. Кавалеріи испанской очень сильно досталось. На лѣвомъ крылѣ генералъ Рубинъ послалъ эскадронъ противъ значительнаго числа Мавровъ и Арабовъ, гарцовавшихъ по болотистой равнинѣ, которая тянулась отъ испанскаго лагеря къ подошвѣ возвышенности, на которой расположенъ Тетуанъ

Эскадронъ попалъ въ предательское болото, лошади увязли по самую подпругу, и 16 или 18 человѣкъ были убиты. Одинъ изъ испанскихъ кавалеристовъ спасся рѣшительно чудомъ. Получивъ ударъ въ кисть, чуть не оторвавшій ея отъ руки, и серіозную рану въ горло, онъ былъ обобранъ догола Маврами и оставленъ почти потонувшимъ въ болотѣ. Онъ пролежалъ тамъ около трехъ часовъ безъ чувствъ; пришелъ потомъ въ себя и, приподнявшись, приблизился къ испанскимъ застрѣльщикамъ, которые, черезъ него, перестрѣливались съ Маврами. Было темно, и Испанцы не знали что̀ дѣлать съ этою странною фигурой: принявъ ее за врага, они даже стали стрѣлять по ней. Несчастный сталъ дѣлать разные знаки, пошелъ какъ только могъ скорѣе, былъ узнанъ, спасенъ и принесенъ въ лагерь.

Генералъ Примъ командовалъ 31 января правымъ крыломъ, и дѣла было у него мало. Это ему надоѣло. Наконецъ ужь въ срединѣ дня сильный отрядъ мавританской кавалеріи, отброшенный огнемъ испанской артиллеріи отъ центра, полетѣлъ къ правому крылу, надѣясь встрѣтить тамъ слабое сопротивленіе. Примъ не имѣлъ кавалеріи, или имѣлъ ее только одну горсточку; но онъ полагался на пѣхоту, и пѣхота довѣрялась ему. Онъ произнесъ, своимъ лаконическимъ слогомъ, слѣдующія слова къ солдатамъ:

— Друзья! передъ нами кавалерія, а мы не можемъ выслать противъ нея нашей; но мы пойдемъ на нихъ со штыкомъ. Стройте каре, и пускай играетъ музыка!

И въ стройно-сплоченныхъ массахъ, со знаменемъ внутри каре, подъ звуки самыхъ вдохновительныхъ мотивовъ, испанская пѣхота пошла противъ Мавровъ; но они, говоритъ корреспондентъ, не дождались ея!

Генералъ Примъ (графъ де-Реуссъ), былъ рѣшительно героемъ мароканской кампаніи. Онъ чрезвычайно храбръ и пользуется полнымъ довѣріемъ солдатъ и уваженіемъ товарищей. Онъ составилъ себѣ репутацію еще во время гражданскихъ войнъ, и въ войну съ Марокко значительно увеличилъ ее. Спокойный, холодный и веселый среди величайшихъ опасностей, онъ однимъ видомъ своимъ вдохновлялъ батальйоны, которые онъ, впереди всѣхъ и съ мечомъ въ рукѣ, велъ противъ непріятеля. Въ битвѣ при Кастиллехосѣ (1 января), когда часть его отряда, засыпанная непріятельскими пулями и тѣснимая гораздо сильнѣйшимъ врагомъ, начала колебаться,

когда Испанцы стали *muy conmovedos* (то-есть были въ сильномъ волненіи, или, по-русски, готовы были навострить лыжи), генералъ схватилъ батальйонное знамя и бросился впередъ съ словами:

— Я отнесу его къ Маврамъ!

Солдаты кинулись за нимъ, и непріятель былъ отбитъ.

Въ сраженіи 31 январа ранено и убито, какъ всегда, очень много испанскихъ офицеровъ. Дивизіи Рубина и Ріоса пострадали болѣе другихъ. Онѣ получили приказаніе пойдти впередъ и остаться на занятыхъ позиціяхъ: Мавры, вѣрные своей системѣ, видя, что Испанцы больше не подвигаются, открыли по нимъ сильный огонь, и продолжали его съ самаго начала сраженія до тѣхъ поръ, пока не стемнѣло.

Нѣкоторые изъ немногихъ мавританскихъ плѣнниковъ говорили, что самъ Мюлай-Аббасъ видитъ невозможность противостоять Испанцамъ, о чемъ нѣсколько уже разъ говорилъ брату своему, императору; но Мюлай-Магометъ всегда отвѣчалъ, что у него много людей и много денегъ, и что онъ не видитъ, почему бы ему не остаться побѣдителемъ.

— Правда, говорилъ одинъ изъ плѣнниковъ, насъ очень много, насъ такъ много, какъ лягушекъ въ болотѣ; но у насъ нѣтъ порядка, нѣтъ вождей и хорошихъ начальниковъ.

Послѣ битвы 31 января, О'Доннель двинулся прямо къ Тетуану (на З. отъ фортовъ, прикрывавшихъ тылъ испанской арміи), съ цѣлію дать рѣшительную битву и овладѣть городомъ. 4 февраля дѣйствительно произошло, подъ стѣнами города, генеральное сраженіе, почти самое упорное во всю кампанію. Сраженіе это корреспондентъ описываетъ подробно.

Атака испанскихъ войскъ была прекрасно диспозирована и блистательно выполнена. По большой равнинѣ, пересѣченной рвами и длинными прудами, Испанцы должны были идти на сильно-укрѣпленную линію массивныхъ брустверовъ, со рвомъ у подножія, съ болотомъ впереди. Мавританская артиллерія мало, впрочемъ, наносила вреда испанскимъ батальйонамъ, пока они не приближались на очень близкій картечный выстрѣлъ. Большую потерю отъ сильнаго ружейнаго огня потерпѣло правое крыло корпуса генерала Прима, когда оно приблизилось къ хворостиннику, прикрывавшему лѣвый флангъ позиціи. Примъ, какъ и всегда, былъ первымъ въ битвѣ. У него было четвертаго числа 400 или

500 Каталонцевъ, присоединившихся къ арміи наканунѣ сраженія. На нихъ была ихъ національная одежда: куртка и штаны изъ голубаго плиса, красные кушаки и длинныя красныя шапки, похожія на такъ-называемую шапку свободы. Между ними были люди всѣхъ возрастовъ, даже мальчики, но всѣ они были дѣятельные и очень рѣшительные ребята. Примъ, самъ Каталонецъ, держалъ къ нимъ въ день ихъ прибытія рѣчь на языкѣ родины. Онъ напомнилъ имъ древнюю славу Каталоніи, сказалъ, что они пришли въ Марокко поддержать честь области и составить себѣ репутацію — словомъ, произвелъ на нихъ такое впечатлѣніе, что нѣкоторые изъ нихъ и до сихъ поръ еще проливаютъ слезы, — слабость, на которую едва ли ихъ можно бы считать способными, судя по ихъ наружному виду. Наканунѣ битвы, въ кругу друзей, Примъ воскликнулъ: «Счастливъ тотъ, кто завтра первый взойдетъ на брешь!» И этимъ счастливцемъ былъ не кто другой, какъ самъ же Донъ-Жуанъ Примъ. Съ саблею въ рукѣ, онъ первый вскочилъ на парапетъ, положивъ на мѣстѣ Мавра, который хотѣлъ заступить ему дорогу. Каталонцы не отставали; начальникъ ихъ былъ убитъ, и потери ихъ были вообще очень сильны.

Это происходило въ центрѣ; правымъ флангомъ командовалъ братъ генерала О'Доннеля; на лѣвомъ—третій корпусъ, который шелъ тоже къ центру, но, увидавъ, что дѣло уже сдѣлано генераломъ Примомъ, повернулъ опять налѣво и попалъ въ болото; одинъ изъ батальйоновъ очень сильно при этомъ потерпѣлъ отъ мавританской картечи. Мавры храбро держались своихъ пушекъ; однимъ изъ залповъ они убили и ранили сорокъ человѣкъ. Кое-какъ освободившись, батальйоны 3-го корпуса поспѣшили далѣе налѣво, но на брустверъ всходила уже дивизія генерала Турона.

Одна изъ дивизій генерала Прима прошла черезъ весь лагерь и довершила пораженіе Мавровъ, а другая пошла на высоты направо, гдѣ встрѣтила слабое сопротивленіе и овладѣла лагеремъ Мюлай-Ахмета. Одна изъ важнѣйшихъ атакъ этого дня, атака на башню Джелели, ведена была братомъ главнокомандующаго, генераломъ Генрихомъ О'Доннелемъ.

«Всѣхъ палатокъ взято 850, говоритъ корреспондентъ, между ними есть превосходныя. Палатку Мюлай-Аббаса О'Доннель намѣренъ послать испанской королевѣ. Палатка эта обтянута

прекрасною матеріей и представляетъ всѣ удобства, какія только можетъ дать палатка. Въ ней были, говорятъ, красивыя одежды, столовые приборы и пр.; но солдаты не теряли времени, и, прежде чѣмъ можно было разставить часовыхъ, они ужь угощали другъ друга кофеемъ въ сервизѣ Мюлай-Аббаса. Три серебряные подносика достались, однако, и на долю главнокомандующаго. Не малое число палатокъ захвачено уже было испанскими солдатами, одержимыми тою же жаждой сувенировъ, которая заставляла англійскихъ солдатъ въ Крыму захватывать все: русскія ружья, шпаги, тесаки, штыки, ядра, гранаты, даже еще неразряженныя. Что же касается до обыкновенной арабской или мавританской солдатской палатки, то человѣкъ мало-мальски осторожный и опрятный ни за что не положитъ ея къ своему багажу, прежде чѣмъ пропуститъ ее черезъ огонь и воду, черезъ мытье и окуриванье. Нѣкоторыя изъ собранныхъ и прибранныхъ палатокъ пойдутъ для войскъ, ожидаемыхъ изъ Испаніи; другія, въ видѣ воспоминанія, предположено дать городамъ тѣхъ провинцій, которыя, въ какомъ-либо отношеніи, участвовали въ войнѣ, а также въ вознагражденіе раненымъ, въ видѣ пенсіи семействамъ убитыхъ, и на другіе подобные патріотическіе предметы.

«Сверхъ всѣхъ этихъ аршинъ грязной парусины (большая и совершенно-неожиданная потеря для Мавровъ въ такое время) Испанцы взяли восемь орудій, множество ружей, снарядовъ, сѣделъ и нѣсколько плѣнныхъ, отъ 20 до 25, большею частію раненыхъ (иные уже умерли). Изъ взятыхъ пушекъ нѣкоторыя носятъ на себѣ клеймо *28 августа 1790* и были, говорятъ, подарены мороканскому императору Фердинандомъ VII, который, безъ сомнѣнія, не полагалъ, что онѣ будутъ обращены противу войскъ его дочери; нѣкоторыя же, очевидно, отлиты самими Маврами.

«Испанцы потеряли въ сраженіи около 600 чел.; но еслибы штурмъ и взятіе мавританскаго лагеря 4-го февраля стоило Испанцамъ и 100 человѣкъ, то все-таки полученныя выгоды были бы куплены совсѣмъ не дорого.

«Мюлай-Аббасъ, въ гнѣвѣ на потерпѣнное пораженіе, велѣлъ обезглавить многихъ вождей, участвовавшихъ въ битвѣ, *pour encourager les autres*. Это возбудило нѣкоторое волненіе въ войскѣ, и Аббасъ, боясь возстанія, уѣхалъ въ Фесъ. Между тѣмъ, справедливость требуетъ замѣтить, что Мавры, не только

въ-одиночку, но и цѣлыми массами, держали себя 4 февраля отлично, особенно артиллеристы, не покидавшіе своихъ осьми орудій, противъ которыхъ направлено было цѣлыхъ сорокъ, не говоря уже о дьявольскихъ ракетахъ, свиставшихъ и змѣившихся надъ ихъ головами, и о четырехъ взрывахъ пороховыхъ ящиковъ въ ихъ собственной батареѣ.

«Испанской кавалеріи не было вчера дѣла. Самыя сильныя потери и самая высокая слава принадлежитъ пѣхотѣ, которая была вчера великолѣпна. Столь славная въ прежніе вѣка и слабо поддерживавшая свою репутацію въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, испанская пѣхота стоитъ на прекрасной дорогѣ, чтобы возстановить свое положеніе въ ряду прочихъ европейскихъ армій.

«Мавры, по многимъ причинамъ, могутъ жалѣть о своемъ лагерѣ. Онъ былъ расположенъ на чудной мѣстности, съ изгородью изъ кактусовъ и алоэ. Деревьевъ было тамъ именно на столько, чтобы, давая пріятную тѣнь, не мѣшать сообщенію и простору довольно значительнаго числа войскъ. Часть мѣстности отъ лагеря къ Тетуану еще красивѣе. Она вся состоитъ изъ узкихъ переулковъ, спускающихся въ крошечныя долинки или взбирающихся на холмы, покрытые роскошною растительностію. За множествомъ живыхъ изгородей, новыхъ для Испанцевъ, не привыкшихъ въ своей странѣ къ такимъ дѣленіямъ, виднѣлись смоковницы, бѣловатыя вѣтви которыхъ не имѣли теперь на себѣ листьевъ и у подошвы которыхъ расла желтая или, вѣрнѣе, оранжевая трава съ ноготками, тогда какъ сама изгородь синѣла любимымъ цвѣткомъ Жанъ-Жака Руссо, звѣздообразнымъ барвинкомъ (pervenche) нѣжно голубаго цвѣта. Внѣ этихъ высокихъ и неправильныхъ живыхъ изгородей, такъ мало похожихъ на гладко-подстриженныя англійскія изгороди, росъ необыкновенно высоко перовидный камышъ. Индѣ можно было вообразить себя въ южной Франціи или и въ другихъ странахъ центральной Европы, еслибы внимательное разсмотрѣніе деревьевъ и кустовъ не указывало на ихъ болѣе южное происхожденіе, и еслибы не громадныя группы кактусовъ и не гигантскія алоэ. Очень много апельсинныхъ деревьевъ, но безъ фруктовъ. Время сбора плодовъ ужь миновало; но еслибы и нѣтъ еще, то едва ли можно допустить, чтобы Мавры оставили на деревьяхъ фрукты для своихъ раззорителей.

«На другой день прибыла изъ Тетуана депутація просить

пощады для города. Депутація эта состояла изъ Еврея, консула многихъ иностранныхъ державъ, говорившаго не дурно по-испански, и еще четырехъ знатнѣйшихъ жителей Тетуана. Они явились представителями своихъ согражданъ. Въ Тетуанѣ должно-быть нѣтъ губернатора отъ короны, или онъ бѣжалъ изъ города. Шестой посланникъ несъ привязанную къ палкѣ бѣлую скатерть вмѣсто парламентерскаго флага. Консулъ имѣлъ бѣлую мантію и красный фесъ и ѣхалъ на красивомъ мулѣ, съ богатою на немъ попоной; Мавры были въ гаикахъ и тюрбанахъ, довольно чистыхъ на видъ, и шли пѣшкомъ. Отвѣтомъ посольству опять таки было предложеніе—сдать городъ *à discrétion* и надѣяться на хорошее обращеніе...»

Ближайшимъ результатомъ жарко оспариваемой побѣды 4-го февраля 1860 было занятіе Тетуана, рѣшившее, хотя и не вдругъ, участь всей войны. Сдачи города ждать было нечего и сопротивленія испанской арміи не было оказано никакого: орды Мюлай-Аббаса не защищали Тетуана, а только предали его разграбленію. Войска испанскія расположились въ городѣ и вокругъ него. Генералъ Ріосъ назначенъ губернаторомъ Тетуана; его дивизія расположена была въ городѣ. Главная квартира была внѣ города, у самыхъ воротъ, на красивомъ мѣстечкѣ съ огромнымъ деревомъ посрединѣ; мѣсто это было все въ садахъ, съ свѣтлыми ручьями, холодными ключами, плодовыми деревьями въ цвѣту, съ благоухающими набережьями, и окружено со всѣхъ сторонъ, куда ни глянетъ глазъ, самыми живописными видами. Погода, притомъ, стояла великолѣпная.

За побѣду 4 февраля и за взятіе Тетуана О'Доннель получилъ грандство 1 степени и титулъ *герцога Тетуанскаго*, на который онъ промѣнялъ свой титулъ *графа Лусены*, простой, мѣстный, родовой титулъ, *titulo de Castilla*.

Тетуанъ одинъ изъ наиболѣе-промышленныхъ и торговыхъ городовъ Марокко. Предметами внѣшней его торговли съ Испаніей, Франціей, Англіей, Италіей, служатъ: шерсть, ячмень, воскъ, сафьянъ, кожи, туфли, цыновки, красильный лакмусъ (1), быки, мулы, съѣстные припасы. Предметы внутренней торговли — шелковыя издѣлія, порохъ, огнестрѣльное оружіе,

---

(1) *Orricello*, tintura fatta con orina d'uomo. *Specchio dell' Impero di Marocco* p. 41.

сабли, полированная черепица, домашняя глиняная посуда, пористые глиняные кувшины, въ которыхъ такъ чудесно сохраняется вода холодною (альбкаразы), превосходный табакъ, шитые золотомъ пояса, шарфы, серебряныя украшенія изъ Тамсны (изъ самой глубины Марокко, близъ Фигига), пузырьки съ духами, разная дребедень и мишура, туфли, стручки краснаго перца, да еще очень вкусное лакомство, въ родѣ нуги, приготовленное на меду. Корреспондентъ *Times* сообщаетъ, кромѣ того, что найденъ былъ въ домахъ старый китайскій фарфоръ (который и отправленъ былъ къ испанской королевѣ). Городъ окруженъ стѣной. Не вдалекѣ находятся, какъ мы сказали, при устьѣ рѣки Мартинъ, укрѣпленія мавританскія: таможенный фортъ, другой фортъ, называемый Мартинъ или Мартилъ, и еще (ближе къ морю) укрѣпленная башня. Тетуанъ очень древняго происхожденія; но исторія его очень малоизвѣстна. Берберы называютъ его Теттегуинъ. Въ началѣ XV столѣтія онъ былъ совершенно раззоренъ Кастильянцами и оставался необитаемымъ до изгнанія Арабовъ изъ Испаніи. Въ 1564 году, Филиппъ II, желая уничтожить этотъ портъ, служившій убѣжищемъ для корсаровъ, завалилъ его корабельными судами, съ каменьями; но это помогло лишь на короткое время. Въ 1567 году, воспользовавшись смятеніемъ въ городѣ, Тетуаномъ очень легко завладѣлъ мароканскій шерифъ Мюлэй-Абд-Аллахъ. Въ прошломъ столѣтіи въ Тетуанѣ были представители европейскихъ державъ; но теперь содержатся въ немъ только консульскіе агенты, избираемые большею частію изъ мѣстныхъ Евреевъ; одна Англія имѣетъ тамъ вице-консула. Жителей въ Тетуанѣ, по Гробергу, 16.000, по Рену, 12.000, по корреспонденту *Times*, отъ 30.000 до 35.000. Тетуанскія женщины (Мавританки), по словамъ графа Гроберга, самыя хорошенькія женщины во всей Берберіи. Тетуанъ очень близко отъ моря; рѣку Мартинъ очень легко сдѣлать судоходною; пространство между моремъ и городомъ очень ровно и удобно для устройства желѣзной дороги; почва даетъ огромное количество самыхъ разнообразныхъ произведеній, свойственныхъ какъ умѣренному, такъ и жаркому поясамъ; окрестности покрыты превосходнѣйшимъ виноградникомъ и роскошнѣйшими апельсинными деревьями, а виноградъ и апельсины тетуанскіе, по справедливости, считаются лучшими въ мірѣ; много мѣстъ для рыбной ловли, множество дичи. Въ рукахъ цивилизованнаго народа, Тетуанъ непремѣнно

сталъ бы однимъ изъ самыхъ цвѣтущихъ городовъ. Вообще внѣшній видъ Тетуана, съ окружающими его роскошными садами, съ его башнями, минаретами и башне-образными батареями (на которыхъ Испанцами, 6-го февраля, взято было болѣе шестидесяти орудій), одинъ изъ самыхъ живописныхъ видовъ въ мірѣ. Внутри же Тетуанъ походитъ совершенно на всѣ другіе марокскіе города: такъ же грязенъ, мраченъ и вонючъ. Вотъ, впрочемъ, нѣсколько подробностей, сообщаемыхъ корреспондентомъ *Times*, разказъ котораго легко можетъ быть приложенъ ко всѣмъ прочимъ городамъ Марокко.

«Городъ состоитъ изъ цѣлаго лабиринта узкихъ улицъ, образуемыхъ бѣлыми домами съ плоскими крышами; отъ нижнихъ этажей перекинуты черезъ улицу арки, и вы идете подъ сводами, въ которые лишь изрѣдка просвѣчиваетъ полоса голубаго неба. Направо и налѣво тянутся безчисленные переулки, часто очень короткіе и глухіе. Дома большею частію не имѣютъ оконъ на улицу, а стоятъ къ ней сплошною бѣлою стѣной; окна продѣланы на внутренній дворъ—*patio*. Кто знакомъ съ характеромъ южныхъ испанскихъ городовъ, особенно Кадикса и Севильи, тотъ очень хорошо знаетъ, что подъ словомъ *patio* разумѣется внутренній дворъ, почти садъ, вымощенный мраморными плитами, съ фонтаномъ посрединѣ, усаженный апельсинными деревьями, олеандрами и другими цвѣтущими растеніями, въ горшкахъ или въ грунтѣ. Такое устройство, превосходное для страны, гдѣ изъ 12 мѣсяцевъ 9 продолжается лѣто, имѣютъ въ Тетуанѣ лишь немногіе лучшіе дома. Здѣшнее *patio* большею частію не что̀ иное, какъ небольшая площадка, вымощенная мозаикой съ цвѣтными фаянсовыми инкрустаціями. Вокругъ площадки идетъ, наравнѣ съ нижнимъ этажемъ, галлерея. Немногіе дома имѣютъ болѣе одного этажа. Полы и лѣстницы во всемъ домѣ мозаичные, пока вы не взберетесь на кровлю *(azotea)*, которая вдругъ ослѣпитъ васъ своею бѣлизной, и вы спѣшите успокоить свои взоры на горшкахъ гераніума и другихъ хорошенькихъ растеній, наполняющихъ собой углы платформы. Вы облокачиваетесь на перила и осматриваетесь: вездѣ все бѣлое; каждая кровля служитъ повтореніемъ сосѣдней кровли; вездѣ известь, и вы ужь считаете себя осужденнымъ на офталмію. По счастію, ваши взоры стремятся далѣе и отдыхаютъ на зеленыхъ пространствахъ, опоясывающихъ городъ: цвѣтущая растительность бѣжитъ по полянамъ, взбирается на холмы и пропадаетъ между

сѣрыми утесами, образующими высшую и послѣднюю окружность этого превосходнаго ландшафта.»

Тетуанъ состоитъ изъ двухъ кварталовъ *(barrios)*: еврейскаго (10.000 ж.) и собственно мавританскаго (25.000 ж.). «Въ послѣднемъ я не встрѣчалъ ни души, говоритъ корреспондентъ; ни звука, ни шороха не раздавалось изъза стѣнъ, мимо которыхъ мы проходили. То былъ какъ бы городъ мертвыхъ. Но внутри, за стѣнами, все было полно жизни, какъ увѣрялъ нашъ проводникъ; — тамъ были дрожащіе люди, которымъ звукъ шпоры и сабли казался звукомъ тревоги и бѣды. Когда мы остановились на минуту, пораженные этою мертвою тишиной, звукъ ключа, который поворачивался въ заржавѣвшемъ замкѣ, вывелъ насъ изъ задумчивости. Звукъ несся изъ глухаго переулка, до входа въ который намъ пришлось сдѣлать только три шага. Ключъ сдѣлалъ второй поворотъ въ замкѣ почти въ ту самую минуту какъ мы входили, и мы очутились лицомъ къ лицу съ пожилымъ Мавромъ, одѣтымъ въ бѣловатый гаикъ, довольно чистый на видъ; сѣдые усы его были хорошо расчесаны. Мавръ держалъ въ одной рукѣ огромный ключъ, чуть не въ 10 дюймовъ длиной, допотопнаго происхожденія, а другою держалъ за руку мальчика, желтаго какъ лимонъ, и съ глазами черными какъ уголь и большими какъ плошки. Мавръ откинулся отъ насъ назадъ, особенно когда мой товарищъ, любопытствуя видѣть мавританскій домъ, еще не покинутый и не раззоренный, выразилъ ему черезъ переводчика желаніе проникнуть въ его жилище. Первымъ его отвѣтомъ былъ отказъ, выраженный очень рѣшительнымъ тономъ; но мы настаивали; тонъ его тогда измѣнился въ просительный: семейство его (старый многоженецъ разумѣлъ подъ нимъ женъ своихъ) не можетъ видѣть чужестранцевъ, и пр. Въ манерахъ и голосѣ Мавра была смѣсь сдерживаемаго негодованія и крайняго униженія; за то глаза его лучше всякихъ словъ показывали, что онъ непремѣнно убилъ бы собаку-христіянина, еслибы только смѣлъ. Мы прекратили его муки и пошли прочь...

«Населеніе Тетуана, взбудораженное грабежомъ полчищъ Мюлай-Аббаса и встревоженное вступленіемъ Испанцевъ, вышло изъ жилищъ своихъ и вынесло оттуда пищу свою и груды нечистотъ, которыхъ Европеецъ не могъ бы себѣ и вообразить. Нужно было чистить городъ. «Вы тревожите грязь трехъ столѣтій», сказалъ одинъ умный мавританскій алькадъ, назначен-

ный Испанцами. За исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ Галаты (1), ничто не можетъ, хотя издали, походить на улицы Тетуана, и особенно на еврейскій кварталъ. Несчастные Евреи очень, кажется, огорчены тѣмъ, что чужеземцы вмѣшиваются въ ихъ старыя злоупотребленія и заставляютъ ихъ скоблить, чистить, мыть и вообще тревожить священныя накопленія цѣлыхъ вѣковъ. Какой-нибудь собственникъ одного изъ самыхъ *гнилыхъ* мѣстечекъ Великобританіи не съ такимъ отвращеніемъ относится къ биллю о реформѣ, съ какимъ здѣсь Евреи смотрятъ на новые порядки въ ихъ городѣ и на очистку улицъ. То было престранное зрѣлище: бѣдные сыны Израиля, въ полосатыхъ бумажныхъ тканяхъ, въ спущенныхъ бѣлыхъ штанахъ, въ желтыхъ туфляхъ на-босу-ногу, смотрѣли очень угрюмо и повѣся голову, какъ вообще народъ, привыкшій къ рабству; ихъ небольшія руки, не привыкшія къ тяжелому труду, едва владѣли киркой и метлой. Съ ними обращались хорошо и понапрасну не мучили работой: испанскій солдатъ не грубъ и не жестокъ; но, совсѣмъ не склонные къ работѣ, Евреи уже одну ея необходимость считали тиранніей.»

Дезертировъ мавританскихъ было очень много, такъ что генералъ О'Доннель хотѣлъ даже, на случай продолженія войны, образовать особый туземный отрядъ. Бывшій шейхъ одного изъ арабскихъ племенъ, лишенный этого званія императорскимъ правительствомъ, обѣщалъ привести 13.000 чел. въ испанское подданство. Вообще въ Марокко есть партія въ пользу европейскаго владычества, называемая Испанцами *Argelino* или *Algerine*, которая предпочитала бы иностранное господство нынѣшнему своему властителю.

По занятіи испанскою арміей Тетуана, начались дѣятельные мирные переговоры. Нѣсколько разъ появлялись въ лагерѣ послы Мюлай-Аббаса, нѣсколько разъ сидѣли они въ палаткѣ главнокомандующаго въ почтительномъ положеніи, съ обращенными кверху ладонями; но все сладиться не могли. 23 февраля самъ Мюлай-Аббасъ пріѣзжалъ въ лагерь, но и его свиданіе съ О'Доннелемъ не повело ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. На ходъ переговоровъ могъ имѣть вліяніе поступокъ бригадира Бусеты, который, вопреки приказаніямъ главнокомандующаго—не вызывать столкновеній съ Маврами,

(1) Предмѣстіе Константинополя къ югу отъ Перы.

вышелъ противъ нихъ изъ Мелиллы, былъ разбитъ и прогнанъ въ городъ съ потерею 70 чел. убитыми и 300 ранеными, за что̀ и преданъ былъ, разумѣется, военному суду. Но самымъ сильнымъ препятствіемъ къ успѣху переговоровъ съ Мюлай-Аббасомъ было требованіе уступки Тетуана: на все готовы были согласиться Мавры, но уступить «невѣрнымъ» *священный* городъ казалось имъ совершенно невозможнымъ. Еще суровѣе принца былъ, въ этомъ отношеніи, сопровождавшій его 23 числа министръ иностранныхъ дѣлъ, Магометъ-эль-Катибъ: онъ первый прервалъ переговоры съ испанскимъ главнокомандующимъ, когда тотъ предъявилъ имъ свои условія. Самъ Мюлай-Аббасъ казался человѣкомъ лѣтъ сорока, средняго роста и прекраснаго сложенія. Вотъ какъ дополняетъ его портретъ Испанецъ донъ-Педро Антоніо де-Аларконъ: «Лицо эмира имѣетъ всѣ черты настоящей южной красоты; оно напоминаетъ Элеазара валенсскихъ живописцевъ. Онъ очень смуглъ и казался еще смуглѣе въ своей голубой туникѣ и въ великолѣпномъ гаикѣ изъ тончайшей шерсти ослѣпительной бѣлизны. Въ черной его бородѣ, длинной и шелковистой, виднѣется нѣсколько серебристыхъ нитей. Линіи его профиля необыкновенно чисты. Его африканскій ротъ имѣетъ энергическія очертанія. Его черные и грустные глаза смотрѣли тихо и спокойно. Можно было догадываться объ огнѣ, который могъ вспыхивать изъ-подъ облака задумчивости, когда они закрыты, или сквозь суровость выраженія, когда они открыты. Мюлай-Аббасъ казался убитымъ, но сосредоточеннымъ; печальнымъ, но гордымъ; побѣжденнымъ, но̀ не подавленнымъ; онъ былъ униженъ, но не утратилъ чувства собственнаго достоинства. Въ его униженіи замѣтна была преданность на волю судьбы; въ его кротости виденъ былъ патріотизмъ.»

Какъ бы то ни было, непріязненныя дѣйствія возобновились, и въ мартѣ мѣсяцѣ было уже опять нѣсколько стычекъ. Такъ, 11-го марта Мавры сами стремительно кинулись на испанскій лагерь впереди Тетуана на тангерской дорогѣ (которая въ то же время ведетъ и въ Фесъ), и въ продолженіи цѣлыхъ шести часовъ корпусы Прима и Эчагуэ должны были отбивать непріятеля, который налеталъ отовсюду, и изъ долины Уад-эль-Джелу, и съ высотъ Самсы, и который казался рѣшительнѣе и яростнѣе чѣмъ когда-либо. На другой день явился въ лагерь новый парламентеръ отъ Мюлай-Аббаса, съ извиненіемъ за вчерашнюю, будто бы нечаянную атаку. Мирные

переговоры, такимъ образомъ, не прекращались. Между тѣмъ по всей линіи, отъ Таможеннаго форта у моря до высотъ Тетуана, испанская армія окружена была непріятельскимъ огнемъ. Солдатъ стало наконецъ забавлять это движеніе парламентеровъ среди непрестаннаго огня, и, слыша выстрѣлы Мавровъ, они весело восклицали: «Вонъ они, подписываютъ миръ!» Желая покончить однимъ ударомъ это двусмысленное положеніе и окончательно принудить упрямаго шерифа согласиться на предложенныя ему условія, маршалъ О'Доннель предпринялъ изъ Тетуана наступательное движеніе на Тангеръ, съ тѣмъ, можетъ-быть, чтобы, въ случаѣ надобности, повернуть даже и на самый Фесъ.

Въ 4 часа утромъ 23 марта, разказываетъ корреспондентъ, *діана* (1) прозвучала по улицамъ Тетуана, и въ обоихъ лагеряхъ, какъ впереди, такъ и сзади, палатки были сняты, мулы навьючены, и еще прежде 6 часовъ вся испанская армія, отъ 20.000 до 25.000 человѣкъ, была въ полномъ движеніи, направляясь къ югозападу отъ города (2). Въ Тетуанѣ оставленъ только небольшой гарнизонъ въ 1500 чел.; три форта, Мартинъ, Гавань и фортъ Звѣзды, заняты были не большимъ числомъ регулярной пѣхоты, нѣсколькими дружинами баскскаго ополченія и необходимымъ числомъ артиллеристовъ. Армія двигалась въ параллельныхъ колоннахъ; впереди шла часть 1 корпуса, не давно прибывшаго въ Тетуанъ изъ Сеуты. Тутъ было восемь батальйоновъ подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Эчагуэ и генералъ-майора Ришара Ла-Соссе (La Saussaye). За ними слѣдовалъ маршалъ О'Доннель со своимъ штабомъ, который былъ усиленъ присутствіемъ многихъ иностранныхъ офицеровъ. Палатки ихъ обыкновенно разбивались близь палатокъ главной квартиры, и въ войскѣ ихъ шутя прозвали иностраннымъ легіономъ; въ немъ было нѣсколько Пруссаковъ, одинъ Русскій, одинъ Австріецъ, нѣсколько Шведовъ, Баварцевъ, и одинъ Французъ, баронъ Клари (Clary). Здѣсь былъ также и графъ д'Э (d'Eu), племянникъ герцога Немурскаго. За штабомъ слѣдовалъ 2 корпусъ, *дѣйствующій* по преимуществу, съ своимъ запальчивымъ командиромъ, донъ-Гуаномъ Примомъ; за нимъ 3 корпусъ подъ предводи-

---

(1) Зоря.

(2) По дорогѣ въ Тангеръ, которая идетъ сначала въ направленіи къ Фесу.

тельствомъ генерала Росъ де-Олано; въ арріергардѣ шелъ обозъ, подъ прикрытіемъ 1 резервной дивизіи. Линія пути была фланкируема 2 резервною дивизіей, подъ начальствомъ генерала Ріоса. Эта дивизія была, можетъ-быть, самою сильною во всей арміи, имѣя въ рядахъ своихъ пять шестыхъ баскскихъ волонтеровъ.

Дѣйствіе началось за милю отъ города, а когда кончилась битва, Испанцы занимали лагеремъ мѣстность еще на полторы мили далѣе. Позиціи, попеременно занимаемыя и оставляемыя Маврами передъ напоромъ главныхъ силъ испанской арміи, очень выгодныя въ тактическомъ отношеніи, состояли изъ холмовъ, частію покрытыхъ кустарникомъ; тамъ и сямъ попадалась деревенька изъ пяти-шести бѣдныхъ хижинокъ. Сраженіе, раскинувшись на очень-большое пространство, состояло большею частію изъ отдѣльныхъ дѣйствій. Планъ Мавровъ былъ очевиденъ. Плохіе тактики, и судя о другихъ по себѣ, они вообразили, что Испанцы подвигаясь впередъ по долинѣ, не станутъ охранять свои фланги на высотахъ, окаймлявшихъ долину. Здѣсь, однако, находился генералъ Ріосъ, который скоро и увидѣлъ передъ собою непріятельскія силы, доходившія до 12.000. Въ то время какъ этотъ генералъ, сдѣлавъ обходъ, задерживалъ лѣвое крыло непріятеля, Эчагуэ, Примъ и часть 3 корпуса сражались въ долинѣ и на холмахъ, ее перерѣзывавшихъ. Самая упорная борьба завязалась послѣ переправы черезъ рѣку (Мартинъ), гдѣ Мавры занимали очень сильную позицію противъ лѣваго крыла испанской арміи. Тутъ армія сдѣлала перемѣну фронта налѣво, и Примъ атаковалъ деревню, въ которой Мавры расположились съ большими силами и оказали самое упорное сопротивленіе. Кавалерійская атака, направленная противъ этой деревни, оказалась, какъ и слѣдовало ожидать, безполезною; она повела только къ потерѣ 80 чел. и лошадей. Два раза переходила деревня изъ рукъ въ руки, пока наконецъ Испанцы не овладѣли ею окончательно. Мавры дрались въ эту пятницу (23 марта) лучше чѣмъ когда-либо во всю кампанію. Ихъ предводители нашли, видно, средства вдохнуть въ нихъ новое мужество, несмотря на ихъ многочисленныя пораженія, и они дѣлали отчаянныя усилія, чтобъ искупить эти пораженія. Собраны были, какъ видно, свѣжія войска изъ внутреннихъ частей имперіи. Черная гвардія (Moros de Rey) была здѣсь въ полномъ составѣ и выказала большое мужество. Были горячія рукопашныя стычки, и Мавры неустрашимо кидались на испанскіе батальйоны. Въ одну изъ такихъ схватокъ

горсть Мавровъ отчаянно ринулась на испанскую колонну и повисла на штыкахъ, не безъ того, однако, чтобы двое или трое не проникли внутрь батальйона. Безъ сомнѣнія, мавританскіе полководцы надѣялись на поддержку со стороны того отряда, который посланъ былъ по высотамъ въ обходъ Испанцамъ, но былъ встрѣченъ дивизіей Ріоса. Соображая характеръ мѣстности и не желая быть отрѣзаннымъ, Ріосъ сдѣлалъ самъ большой обходъ, и Мавры, видя это, старались вторгнуться въ середину между его отрядомъ и главными силами арміи, надѣясь все-таки обойдти ее съ тыла. Они были отброшены, и затѣмъ главная битва завязалась, какъ сказано, на лѣвомъ флангѣ. Съ мѣста на мѣсто, съ одной позиціи на другую, Испанцы дошли наконецъ до пункта, съ котораго глазамъ ихъ открылся мавританскій лагерь. Онъ состоялъ изъ трехъ отдѣльныхъ частей, и всѣ надѣялись, что онъ, подобно прежнимъ, достанется въ добычу побѣдителямъ. Но непріятель сталъ опытнѣе и не долго хранилъ слѣпую вѣру въ возможность удержать позицію. Съ необыкновенною быстротой палатки были сняты. Правда, подъ ними, кажется, не было почти никакого багажа; но все-таки быстрота этой операціи была поистинѣ изумительна. Одинъ изъ офицеровъ штаба, наблюдавшій за этимъ и заносившій сцену въ свой альбомъ, увѣрялъ корреспондента, что прошло не болѣе 10 или 12 минутъ съ того мгновенія, какъ лагерь былъ въ полномъ своемъ составѣ, и тѣмъ, когда онъ внезапно исчезъ изъ глазъ.

Эта упорная битва кончилась въ 4 часа п. п., и послѣдніе выстрѣлы направлены были испанскою артиллеріей противъ разсыпавшейся мавританской кавалеріи. Въ половинѣ пятаго не слышно ужь было ни одного выстрѣла. Сраженіе стоило Испанцамъ огромныхъ потерь: 7 офицеровъ и 130 рядовыхъ убитыми, 97 офицеровъ и 1026 рядовыхъ ранеными. Потеря офицерами, какъ и всегда, велика несоразмѣрно; всѣ командующіе офицеры у *cazadores* (батальйоны легкой пѣхоты) были опалены непріятельскимъ порохомъ.

Передавъ общій ходъ битвы, корреспондентъ переходитъ къ отдѣльнымъ ея эпизодамъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пробуетъ безпристрастно охарактеризовать ее. Любимымъ героемъ его разказа является неизмѣнный Примъ, кидавшійся, какъ и прежде, въ самый пылъ битвы и все-таки не получившій ни одной царапины. Въ битвѣ 23 марта, говоритъ онъ, корпусъ Прима пострадалъ болѣе другихъ. Бывшій въ этомъ корпусѣ отрядъ Каталонцевъ потер-

пѣлъ ужасно: они прибыли сюда наканунѣ битвы 4 февраля въ числѣ 410, а осталось ихъ только 102. Послѣ битвы 24 марта Примъ подошелъ къ остаткамъ отряда и сталъ хвалить ихъ восторженно. Какъ Каталонецъ, онъ гордился ихъ доблестью, хотя и скорбѣлъ объ ихъ потеряхъ. Едва произнесъ онъ нѣсколько словъ, какъ имъ овладѣло непривычное волненіе, и голосъ у него упалъ: «Я поговорю съ вами завтра!» произнесъ онъ быстро и дрожащимъ голосомъ, и ушелъ.

Мавры вообще бились такъ хорошо, что самъ Примъ, минутами, сомнѣвался въ счастливомъ исходѣ дѣла. «Не разъ, бросаясь въ самую сѣчу и ободряя солдатъ словомъ и примѣромъ, онъ отвращалъ отъ войска очевидно грозившую ему опасность.» Впрочемъ, корреспондентъ винитъ нѣсколько и планъ битвы со стороны Испанцевъ, составленный, по его мнѣнію, совсѣмъ не великолѣпно. Кавалерія, напримѣръ, какъ и въ прежнія битвы, была очень неискусно направляема; ею жертвовали безо всякой видимой пользы; артиллерія же, напротивъ, дѣйствовала уже съ чрезмѣрнымъ успѣхомъ и почти даромъ выпускала множество снарядовъ, причемъ пѣхота часто вводима была въ очень-жаркое дѣло, какъ бы для того только, чтобы прикрывать собою артиллерію. По насмѣшливому замѣчанію нѣкоторыхъ, во всю эту кампанію артиллерія играла роль *неизбѣжности*, а кавалерія роль *жертвы*. Мавры же, въ противоположность тому, что прежде было, имѣли у себя какъ будто составленный предварительно планъ. Они показывались со всѣхъ сторонъ и рѣшительно занимали опредѣленныя позиціи. Во многихъ случаяхъ они обнаружили необыкновенную неустрашимость. Въ одной изъ деревенекъ, гдѣ особенно была горяча битва, завязалась самая отчаянная схватка. Кустарники и камышевыя строенія жителей стояли въ пламени, и Испанцы съ Маврами боролись *corps à corps*, стараясь другъ друга ввергнуть въ огонь. Какой-то молодой знаменоносецъ, только что разрядившій свой револьверъ, былъ схваченъ колоссальнымъ Мавромъ и кинутъ въ пылавшую хижину. Товарищи выхватили его оттуда до половины обгорѣвшимъ и почти задохнувшимся отъ дыму. Мавры, растративъ свои снаряды или изломавъ холодное оружіе, хватали съ земли камни и кидали ими въ Испанцевъ.

25 числа былъ данъ по арміи слѣдующій приказъ главнокомандующаго:

«Лагерь Сіерра Бенезидеръ.

«Солдаты! африканская кампанія, такъ высоко поставившая славу и имя испанской арміи, нынѣ кончилась; сраженіе 23-го числа показало Маврамъ, что борьба больше невозможна. Они просили мира, согласившись на условія, ими сначала отвергнутыя. Мюлай-эль-Аббасъ пріѣзжалъ въ нашъ лагерь подписать предварительныя основанія этого мира.

«Никакія трудности, встрѣченныя нами въ негостепріимной странѣ, безъ дорогъ, безъ населенія, безъ продовольствія, причемъ ужасы холеры увеличивали наши страданія и уменьшали ряды, не поколебали вашей твердости; вы все время сохраняли бодрость и полную готовность оправдать довѣріе, возложенное на васъ вашею королевой и вашею страной.

«Предназначенная вамъ цѣль достигнута. Двѣ битвы (4 февраля и 23 марта) и 23 сраженія (1), въ которыхъ вы постоянно побѣждали многочисленнаго и фанатически-храбраго врага, овладѣвая его орудіями, палатками, снарядами, багажомъ, отмстили за оскорбленіе, нанесенное испанскому флагу.

«Вознагражденіе землями и деньгами, которымъ мавританское правительство обязало себя относительно насъ, удовлетворяетъ насъ за это оскорбленіе.

«Воины! я съ гордостію сохраню въ памяти своей черты мужества и героизма, которыхъ я былъ свидѣтелемъ. Разчитывайте всегда на искреннее расположеніе къ вамъ вашего главнокомандующаго,

«Леопольда О'Доннеля.»

Прокламація эта совершенно чужда техъ преувеличеній и хвастовства, которыми отличались въ прежнее время испанскія прокламаціи.

О свиданіи между Мюлай-Аббасомъ и О'Доннелемъ (которое упоминается въ этомъ приказѣ) корреспондентъ разказываетъ весьма подробно, и мы нѣсколько сокращаемъ его разказъ:

«На другой день битвы, въ субботу 24 числа, въ два часа по-полудни два посланныхъ Мюлай-Аббаса, прибыли къ главно-

(1) Впрочемъ, только два изъ нихъ, 1 и 23 января, были сколько-нибудь значительны, а остальныя были перестрѣлки и легкія стычки.

командующему и просили у него свиданія для принца. Генералъ не очень расположенъ былъ согласиться на эту просьбу: онъ боялся, что свиданіе съ принцемъ не поведетъ ни къ какимъ результатамъ, такъ же какъ и прежнее, 23 февраля. Онъ считалъ недостойнымъ ни Мюлай-Аббаса, какъ брата императора и генералиссимуса мавританскихъ войскъ, ни себя, какъ представителя испанской монархіи, тратить время въ пустыхъ разговорахъ. Но посланные принца настаивали.

— Хорошо! сказалъ тогда О'Доннель:—я положилъ провести здѣсь нынѣшній день, чтобъ отправить своихъ раненыхъ въ Тетуанъ, и такъ какъ вы неотступно просите свиданія, то я вотъ что̀ сдѣлаю. Завтра утромъ, въ половинѣ пятаго, мы протрубимъ діану, и солдаты примутся за свой кофе. Я подожду принца до шести часовъ: не пріѣдетъ онъ въ это время, я иду впередъ.

Посланные убѣдительно просили накинуть еще полчаса.

— Что̀ за настойчивость въ такихъ пустякахъ?

— Мюлай-Аббасъ, отвѣчали они, — и отвѣтъ ихъ обнаружилъ очень странное положеніе дѣлъ, — Мюлай-Аббасъ не рѣшится поѣхать прежде чѣмъ разсвѣнетъ, боясь не христіанъ, а Мавровъ, подданныхъ своего брата.

О'Доннель тогда согласился.

— Итакъ, сказалъ онъ значительно,—завтра, здѣсь, въ половинѣ седьмаго, или вечеромъ—въ Фондахѣ.

На другое утро, въ четверть седьмаго, прискакалъ въ галопъ одинъ посланный, узнать который часъ. Ему показалось, что снимается лагерь, ему послышались выстрѣлы, сдѣланные, можетъ-быть, разсѣявшимися Кабилами, и онъ ужь подумалъ, что возобновлены непріязненныя дѣйствія. Мюлай Аббасъ, сказалъ онъ, уже на дорогѣ къ лагерю. Разбили для него палатку внѣ лагеря, чтобы взоры любопытныхъ не безпокоили мавританскаго принца. Прошло нѣсколько времени. Когда палатка была готова, О'Доннель направился къ ней, оставивъ за сто шаговъ штабъ свой и сопровождаемый полудюжиной генераловъ и толмачомъ.

Мюлай-Аббасъ прибылъ съ конвоемъ изъ ста всадниковъ въ бѣлыхъ гаикахъ и съ красными фесами на головахъ; его непосредственная свита состояла изъ дюжины престарѣлыхъ воиновъ (отъ 60 до 70 лѣтъ), съ сѣдыми или совсѣмъ бѣлыми бородами, но очень мужественныхъ и подвижныхъ. При конвоѣ было три красныя знамени и одно большое зеленое. Самъ Мюлай-Аббасъ имѣлъ на

себѣ въ этотъ разъ свѣтло-голубую тунику и красный гаикъ; кисейный шарфъ покрывалъ его голову и плечи, а зеленый снурокъ обвивалъ кругомъ тюрбанъ его. По сторонамъ пути его стояли мавританскія регулярныя войска, защищавшія его отъ Кабиловъ, которые, едва признавая марокскаго императора своимъ повелителемъ, могли бы не сдѣлать никакого различія между императорскимъ принцемъ и всякимъ другимъ путешественникомъ, слабо конвоируемымъ, но хорошо одѣтымъ. Притомъ, Мюлай-Аббасъ надѣлалъ себѣ множество враговъ своими слабыми успѣхами въ настоящую войну и своими слишкомъ строгими мѣрами. Говорятъ, онъ многимъ поотсѣкалъ головы за ходатайство о томъ же самомъ мирѣ, который онъ теперь явился заключить. Въ сраженіи, кажется 31 января, при видѣ войскъ своихъ, обратившихся въ бѣгство, онъ пришелъ въ такую ярость, что принялся рубить своихъ направо и налѣво и положилъ на мѣстѣ человѣкъ, говорятъ, двѣсти. Ему порядочно пришлось поработать, если, какъ слѣдуетъ предполагать, цифра эта и преувеличена, потому что, по общему увѣренію, черепъ Мавра необыкновенно крѣпокъ. Испанскіе кавалеристы, ворвавшіеся между Мавровъ 23 марта, утверждаютъ, что сабли ихъ отскакивали отъ ихъ голыхъ череповъ: повалить Мавра на землю можно, но разрубить ему голову— другое дѣло (1).

Конференція между Мюлай-Аббасомъ и О'Доннелемъ продолжалась два часа, и миръ былъ подписанъ. Когда оба вождя, мавританскій и испанскій, вышли изъ палатки, выраженіе ихъ лицъ представляло замѣчательную противоположность. Широкое красное лицо О'Доннеля сіяло удовольствіемъ, а лицо Мюлай-Аббаса выражало глубокое отчаяніе: даже уступка, сдѣланная герцогомъ Тетуанскимъ, не смягчила горести несчастнаго Мавра. Сумма, назначенная сперва за военныя издержки,

---

(1) Крѣпость мавританскихъ лбовъ подтверждается свидѣтельствомъ многихъ путешественниковъ: г. Друммондъ Ге, между прочимъ, приписываетъ (*Morocco and the Moors*, p. 57) эту необыкновенную крѣпость тому, что мальчикамъ брѣютъ тамъ головы съ самаго ранняго возраста, и черепа Мавровъ, большею частію ничѣмъ не прикрытые, подвергаются дѣйствію всѣхъ стихій. Мавританскіе мальчики, по словамъ г. Ге, съ такою легкостію разбиваютъ у себя на головѣ, ради собственнаго удовольствія, хорошо-обожженный кирпичъ, съ какою иной не рѣшится разломить у себя на головѣ простой сухарь.

простиралась до 500.000.000 реаловъ (5.000.000 ф. стерл., 32.000.000 р. сер.). То былъ порядочный кушъ.

— No puede usted perdonar nada? сказалъ принцъ. — Не можете ли вы чего-нибудь сбавить?

— Сто милліоновъ реаловъ! быстро отвѣчалъ О'Доннель. Уступка эта была очень великодушна, потому что Мюлай-Аббасъ долженъ былъ бы согласиться и на 500.000.000 реаловъ, или прервать переговоры и приготовиться къ непріятной ночной встрѣчѣ въ Фондахѣ. Вообще полагаютъ, что выговоренныхъ 400.000.000 р. едва хватитъ на покрытіе дѣйствительно-произведенныхъ издержекъ: такъ все было ведено не разчетливо и не экономно.

По окончаніи конференціи, корпусы генерала Ріоса и Баски двинулись обратно къ Тетуану. За ними послѣдовалъ и О'Доннель съ своимъ штабомъ. Въ четыре часа по-полудни главнокомандующій вступилъ въ городъ при колокольномъ звонѣ, при артиллерійскомъ салютѣ съ Алькасаба и другихъ батарей и при громкихъ восклицаніяхъ толпы, состоявшей изъ Испанцевъ и Евреевъ.

Война, такимъ образомъ, кончилась. Уполномоченные съ обѣихъ сторонъ заключили мирный трактатъ, на основаніи постановленныхъ между обоими главнокомандующими условій. Затѣмъ самъ маршалъ О'Доннель и главныя силы испанской арміи вернулись на полуостровъ. Не бо́льшая часть войска продолжала занимать Тетуанъ до окончательнаго выполненія мароканскимъ правительствомъ главнѣйшихъ статей договора (1). Окончательная ратификація мирнаго трактата послѣдовала 26-го (14-го) мая сего года, и уже 1-го іюня выплачена была султаномъ половина условленной контрибуціи, то-есть 200.000.000 испанскихъ реаловъ (12.800.000 руб. сер.). Такая легкость и скорость дѣйствительно заставляютъ повѣрить разказамъ о несмѣтныхъ сокровищахъ шерифовъ, разказамъ, какъ будто взятымъ изъ *Тысячи и Одной Ночи,* въ родѣ того, что у этихъ горъ золота и драгоцѣнныхъ камней часовые, разъ поставленные, такъ и умираютъ на своихъ постахъ не смѣняясь, чтобы не разносилась молва о богатствахъ, ими стрегомыхъ.

11-го мая торжественно вступала въ Мадридъ побѣдо-

---

(1) Испанскія войска и до сихъ поръ еще въ Тетуанѣ. Недавно умеръ начальникъ ихъ, генералъ Ріосъ.

носная армія. При общемъ энтузіазмѣ всего населенія столицы, разубранной и украшенной какъ невѣста къ вѣнцу, шествіе войскъ направлялось по улицамъ Алькала, Пуэрта-дель-Соль, Майоръ и до дворца. Восторженныя восклицанія народа возглашали славу О'Доннеля, Прима (героя каталанскаго, el heroe catalan), Эчагуэ, Росъ-де-Олано, Сервино, Сабалы. Раздавались крики: «Да здравствуетъ единодушіе Испанцевъ! да прекратятся междуусобія!» Члены Принцева клуба (casino del Prince) осыпали войска богатыми букетами цвѣтовъ и золотыми блестками. Въ честь арміи дано было нѣсколько блистательныхъ празднествъ; роскошныя иллюминаціи и фейерверки нѣсколько дней увеселяли жителей. Наконецъ все приняло прежній видъ и успокоилось.

Какіе же были результаты стольких пожертвованій и въ чемъ заключался ратификованный 26-го мая мирный трактатъ? Очень небольшая мѣстность у Мелиллы, уступленная еще по договору 24 августа 1859, подтвержденіе другихъ статей этого договора, еще меньшая мѣстность близъ Сеуты, мѣсто для рыбной ловли у Санта-Крусъ на океанѣ (близъ города Агадира), учрежденіе особыхъ каидствъ на нейтральной мѣстности у уступленныхъ близъ Мелиллы и Сеуты территорій, допущеніе духовной католической миссіи въ Фесѣ, допущеніе построить въ Тетуанѣ испанскую католическую церковь и покровительство всему церковному клиру, да еще 400.000.000 реаловъ (25.600.000 руб. сер.) военной контрибуціи, которой, говорятъ, едва хватитъ на покрытіе всѣхъ предпринятыхъ для этой войны издержекъ.

Но если такъ велики были пожертвованія и такъ малы результаты, то зачѣмъ же предпринята была война? Испанія была зачинщикомъ, она сама, безъ всякихъ серіозныхъ поводовъ, открыла свой наступательный походъ, имѣя, вѣроятно, въ виду какую-нибудь существенную цѣль. Положимъ, что крестовый походъ дѣло хорошее; но развитіе внутреннихъ средствъ страны, вполовину населенной и не имѣющей даже порядочныхъ путей сообщенія, но устроеніе финансовъ и сбереженіе народныхъ силъ для дѣятельности, собственно *народной*, — еще нужнѣе. Для отдаленныхъ, идеальныхъ, отвлеченныхъ цѣлей никакъ не могла быть предпринята такая серіозная, самопроизвольная и дорогая война. Почему же

маршалъ О'Доннель такъ рано остановилъ побѣдоносное движеніе войскъ своихъ, остановилъ именно тогда, когда наступало самое благопріятное время? Почему предложилъ онъ непріятелю такія легкія условія? Отчасти это объясняется тѣмъ, что побѣдитель, довольный и счастливый, вообще склоненъ къ великодушію, хотя это великодушіе бываетъ часто плодомъ очень корыстнаго разчета, результатомъ предварительнаго и преднамѣреннаго замысла. Великодушія, но только не преднамѣреннаго, очень много въ рыцарской натурѣ Испанца, который и до сихъ поръ еще готовъ на донкихотство. Однако, поступки такаго опытнаго и даровитаго государственнаго человѣка, какъ О'Доннель, нельзя объяснять донкихотствомъ. Главною причиной умѣренности требованій испанскаго главнокомандующаго должно быть что-нибудь посеріознѣе простаго донкихотства, хотя и замѣтны его признаки, напримѣръ, въ мгновенной уступкѣ Мюлай-Аббасу цѣлыхъ ста милліоновъ реаловъ. Маршалъ О'Доннель поставленъ былъ въ затруднительное положеніе интригами партій, воспользовавшихся его продолжительнымъ отсутствіемъ. Полагаютъ даже, что заговоръ генерала Ортеги въ пользу принца Монтемолино задуманъ былъ очень широко, и что карлисты были въ сношеніяхъ съ мароканскимъ правительствомъ съ цѣлію задержать О'Доннеля и его армію въ Африкѣ, а между тѣмъ обрѣзать подвозъ вспомоществованій и тѣмъ поставить армію въ затруднительное положеніе. Сверхъ того, въ виду многихъ интригъ, О'Доннелю нужно было спѣшить возвращеніемъ въ Мадридъ, если только онъ хотѣлъ удержать власть въ своихъ рукахъ. Еслибъ онъ предъявилъ болѣе серіозныя требованія, упрямое и надменное мароканское правительство не приняло бы ихъ, и война необходимо затянулась бы; причемъ, въ случаѣ успѣха политическихъ интригъ, нельзя ужь было бы разчитывать на дѣятельное движеніе подкрѣпленій и продовольствій — силы войска истощились бы, и слава военныхъ подвиговъ испанской арміи безплодно разсѣялась бы, какъ дымъ. О'Доннель видѣлъ очень хорошо крайнюю умѣренность мирныхъ условій, предложенныхъ имъ мароканскому правительству; онъ слышалъ, что сама королева желала бы полной уступки Тетуана, а потому изъ принятія или непринятія мирнаго трактата, подписаннаго уполномоченными обѣихъ сторонъ, сдѣлалъ вопросъ кабинета, вопросъ существованія своего во главѣ управленія, и вмѣстѣ съ трактатомъ послалъ въ Мадридъ, на всякій случай, и просьбу

объ отставкѣ. Но вліяніе О'Доннеля еще было прочно при дворѣ Изабеллы, просьбы его не приняли, присланный имъ договоръ утвердили, и самъ онъ принятъ былъ въ столицѣ какъ тріумфаторъ; съ другой стороны, попытка карлистовъ не удалась, Монтемолино былъ задержанъ и подписалъ актъ отреченія отъ правъ своихъ, а Ортега былъ разстрѣлянъ... Впрочемъ, положительно все-таки нельзя опредѣлить, почему побѣдоносный вождь испанской арміи удовольствовался такими ничтожными результатами: начать войну такъ широко и торжественно, овладѣть всѣми укрѣпленными мѣстами, занять богатый городъ—и все это только для того, чтобы пріобрѣсти какой-то клочокъ земли у Санта-Круса для рыбной ловли!..

Многіе утверждаютъ, что Испанія много выиграла послѣднею войной въ политическомъ отношеніи. Она, говорятъ, удовлетворила самолюбію своему, показавъ Европѣ, что въ случаѣ нужды можетъ поставить на ноги храбрую и прекрасно вооруженную армію, можетъ выставить сильную артиллерію, снабдить войска всѣмъ нужнымъ и вынести на себѣ всѣ издержки, безо всякой посторонней помощи, единственно цѣною пожертвованій ея народонаселенія. Она доказала, что она еще не совсѣмъ истощена, какъ это думали прежде.

Говорятъ еще, что Испанія выиграла и тѣмъ, что узнала, кто друзья ея и кто враги, что Англія противилась ея усиліямъ и даже дѣятельно помогала ея врагамъ, а Франція, напротивъ, расположена къ Испаніи самымъ безкорыстнымъ, самымъ дружескимъ, самымъ родственнымъ образомъ. Дѣйствительно, вскорѣ послѣ войны Испаніи съ Марокко, императоръ Французовъ удивилъ европейскую дипломатію: онъ предложилъ принять Испанію въ число первостепенныхъ европейскихъ державъ, такъ какъ она обнаружила могущество и порядокъ, рѣдкіе въ державахъ второстепенныхъ. Государство можетъ быть поставлено въ первые ряды державъ теченіемъ самихъ событій, силой своего собственнаго политическаго вліянія на общія дѣла; но странно бы возводить его въ этотъ санъ за военныя или иныя заслуги, по чьему-либо предложенію, совершенно такъ, какъ капитановъ производятъ въ полковники. Въ виду возраставшаго италіянскаго движенія, всѣмъ казалось, что Австрія распадется и выйдетъ изъ верховной европейской пентархіи; поэтому-то императоръ Французовъ и спѣшилъ замѣстить вакансію страной, которая *ему* была обязана своимъ повышеніемъ, и на которую можно было бы во всѣхъ случаяхъ

разчитывать, какъ на вѣрнаго и преданнаго союзника. Комбинація эта не удалась, Европа не одобрила предложенія, и Испанія осталась—кандидаткой...

Впрочемъ, если Испанія не много выигрываетъ отъ мароканской войны, то можетъ много выиграть Европа и вообще дѣло цивилизаціи. Просвѣщеніе проникаетъ въ глубь деспотической и полумертвой страны; правительство нѣкогда историческаго, а теперь задавленнаго и усыпленнаго народа, само видитъ преимущество образованія передъ невѣжествомъ, преимущество цивилизованныхъ государствъ даже въ военномъ могуществѣ; великій шерифъ не могъ не удивляться, что у себя дома, при огромныхъ средствахъ и еще болѣе огромной власти, имѣя право заставить всѣхъ своихъ подданныхъ *лечь костьми* на бранномъ полѣ, онъ не могъ, однако, одержать верхъ надъ немногочисленною арміей невѣрныхъ и долженъ былъ, несмотря на свое, чуть не божественное происхожденіе, принять условія счастливаго врага; шерифъ не могъ не усмотрѣть, что успѣхомъ своимъ Испанцы одолжены особымъ условіямъ своего быта, онъ не могъ не почувствовать, что въ цивилизаціи кроется таинственная могучая сила. Марокскій султанъ желалъ бы ближе ознакомиться съ этою пресловутою цивилизаціей — и вотъ, почти непосредственно вслѣдъ за войной, отряжается въ Европу чрезвычайное мароканское посольство: гаджи-Эдрисъ-бен-Магометъ-бен-Эдрисъ, полномочный министръ его величества Мюлая-Магомета, императора мароканскаго, эль-саидъ Эль-Барнуси-бен-Джалуль, хранитель казны императора, каидъ Абдель-Кадеръ-Бухари, начальникъ черной гвардіи императора. Посольство это было ужь въ Парижѣ; оно присутствовало и при парадѣ корпуса волонтеровъ въ Лондонѣ. Политическихъ причинъ этого посольства мы рѣшительно не знаемъ — развѣ заключеніе какихъ-нибудь торговыхъ трактатовъ; вѣрнѣе же, что эти *гаджи*, *саиды* и *каиды* посланы просто для ознакомленія съ бытомъ европейскихъ народовъ. Въ послѣднее путешествіе императора и императрицы Французовъ въ Алжиръ, пріѣзжали видѣться съ ними сынъ и братъ марокскаго султана (но опоздали). Говорятъ даже, что самъ намѣстникъ Бога на землѣ, самъ повелитель правовѣрныхъ, защитникъ ислама и верховный судія имѣлъ было намѣреніе посѣтить Испанію, страну своихъ невѣрныхъ побѣдителей...

Впрочемъ, отъ собственной дѣятельности мароканскаго правительства нельзя ожидать благотворныхъ и существенныхъ результатовъ для цивилизаціи страны. Истинное развитіе и прогрессъ возможны только при инціативѣ самой жизни. Поэтому, заглядывая въ грядущее, нельзя не провидѣть конечнаго паденія этихъ восточныхъ государствъ. Движеніе на Востокъ, прикрываемое священнымъ знаменемъ креста, давно стало невольнымъ стремленіемъ европейскихъ народовъ. «Еслибы не великія морскія открытія Португальцевъ и Испанцевъ, справедливо замѣчаетъ авторъ статьи въ *Лондонскомъ Обозрѣніи* (1), въ XVI столѣтіи повторилось бы зрѣлище, которое такъ напугало принцессу Анну Комненъ въ XI, когда ей казалось, что *Европа, сорвавшись съ основъ своихъ, готова была сплошною массой нахлынуть на Азію.* Восточная Индія и Америка долго отвлекали Европу отъ крестовыхъ походовъ на исламъ и долго оставляли его безопаснымъ въ его завоеваніяхъ. Но теперь на Америкѣ и Индіи уже не сосредоточиваются исключительное вниманіе и дѣятельность европейскаго народонаселенія; онѣ ужь стали его полнымъ достояніемъ. Китай и Японія служатъ теперь поприщемъ европейскихъ предпріятій, а Австралія стала для насъ тѣмъ, чѣмъ была Америка два вѣка тому назадъ. Между тѣмъ прямой путь не только въ Индію, но и въ Китай, Японію и Австралію, пролегаетъ чрезъ самое сердце магометанскаго міра. Законный глава ислама, турецкій султанъ, существуетъ лишь съ позволенія нѣкогда презрѣнныхъ невѣрныхъ. Продолженіе его номинальной власти служитъ политическою необходимостью до тѣхъ только поръ, пока его сосѣди не согласятся между собой въ раздѣлѣ наслѣдія. Но когда придетъ конецъ, когда минуетъ кризисъ, а можетъ-быть еще и ранѣе того, Марокко падетъ въ руки Испаніи или Франціи.»

Событіе это будетъ благодѣяніемъ для страны, пріобрѣтеніемъ для европейской цивилизаціи, если только восточный деспотизмъ не замѣнится тамъ деспотизмомъ западнымъ.

Н. Н.

(1) Апрѣль 1860, стр. 163.

ПИСЬМА

О КРЕСТЬЯНАХЪ И ЗЕМЛЕДѢЛІИ

ВО ФРАНЦІИ (1)

X.

Департаменты Сены, Уазы, Сены-и-Марны, Сены-и-Уазы (прежняя провинція Иль-де-Франсъ).

I.

Я обѣщалъ сообщить вамъ, какимъ образомъ производятся рекрутскіе наборы во Франціи, и какъ гибельны слѣдствія ихъ для сельскаго населенія. Постараюсь теперь исполнить мое обѣщаніе.

Съ основанія монархіи до нашего времени, устройство войскъ подвергалось у насъ частымъ измѣненіямъ. Не стану говорить вамъ о первоначальной организаціи ихъ, а скажу только, что въ средніе вѣка, когда, при слабыхъ преемникахъ Карла Великаго, королевская власть стала терять свое значеніе и не могла оказывать покровительства мѣстнымъ интересамъ, каждый старался упрочить себѣ безопасность собствен-

---

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* № № 13, 15 и 16.

ными средствами. За́мокъ, огражденный крѣпкими башнями, окруженный глубокими рвами и толстыми стѣнами, многочисленные вассалы,—вотъ что̀ въ началѣ среднихъ вѣковъ охраняло сеніоровъ отъ общественныхъ смутъ.

Во главѣ феодальной аристократіи стоялъ король; непосредственно за нимъ слѣдовали герцоги, графы и весь классъ высшихъ бароновъ; затѣмъ шли сеніоры низшаго разряда, прямо зависѣвшіе отъ герцоговъ и графовъ, и подчиненные королю только черезъ посредство своихъ сюзереней. Прибавьте къ этому, что король, герцоги, графы и низшее дворянство имѣли подъ собою, въ городахъ и деревняхъ, безчисленное множество вассаловъ, совершенно имъ подчиненныхъ и обязанныхъ при каждомъ случаѣ служить имъ своею особой и имуществомъ.

Когда король собирался въ походъ, то онъ созывалъ высшихъ бароновъ, которые, въ силу феодальнаго договора, обязаны были сопровождать его на войну. Служба, которою вассалъ обязанъ былъ своему сюзерену, имѣла опредѣленный срокъ, и продолжалась обыкновенно до сорока дней. Когда же герцоги или графы задумывали рѣшать свои частныя ссоры, вооруженною рукой, то созывали въ свою очередь рыцарей и бароновъ, однимъ словомъ, всѣхъ вассаловъ, находившихся на ихъ земляхъ и прямо зависѣвшихъ отъ нихъ.

Въ первыя времена, господство главы феодальнаго общества существовало только по названію, и короли пользовались надъ своими высшими вассалами одною тѣнью власти. Но въ теченіи XII столѣтія все измѣнилось. Тогда королевская власть дала себя почувствовать леннымъ владѣтелямъ почти во всѣхъ провинціяхъ, составляющихъ нынѣшнюю Францію. Короли пріобрѣли болѣе обширный кругъ дѣйствія: они стали предписывать свои законы не только герцогу и высшему барону, своимъ непосредственнымъ вассаламъ, но и подчиненнымъ имъ сеніорамъ, и коснулись всѣхъ людей, способныхъ носить оружіе, посредствомъ *ban* и *arrière-ban*, учрежденій, начало и слѣдствія которыхъ я объяснялъ въ моей *Histoire des paysans*, и на которыхъ позволю себѣ не останавливаться въ настоящую минуту.

Съ своей стороны и города, въ теченіи того же XII столѣтія, достигли большей степени могущества. Когда они почувствовали свою силу, то вступили въ борьбу съ сеніорами, которые владѣли ими, какъ частями своихъ ленъ; города успѣли ускольз-

нуть отъ феодальной расправы и поставить себя *подъ королевскую руку, en la main du roi*. На свой собственный счетъ они доставляли центральной власти множество людей. Они устроили у себя пѣшую милицію. Между тѣмъ какъ одни дворяне имѣли право сражаться на конѣ, городскіе стрѣлки составили правильную пѣхоту королевскихъ войскъ. Къ несчастію, феодализмъ не послѣдовалъ этому мудрому примѣру; презирая народъ, можетъ-быть опасаясь его въ будущемъ, онъ не давалъ оружія своимъ подданнымъ до тѣхъ поръ, пока это было возможно: онъ какъ будто инстинктивно понималъ, что можетъ наступить минута, когда оружіе послужитъ къ освобожденію того, кто умѣетъ имъ пользоваться. Феодалъ сражался одинъ; онъ воображалъ, что ему одному предоставлено право защищать священную почву отечества, и, безумно отклоняя содѣйствіе пѣхоты, получившей уже правильное устройство въ англійскихъ войскахъ, навлекъ на Францію кровопролитныя пораженія при Креси (1346), при Пуатье (1356) и при Азенкурѣ (1415), битвы роковыя, гдѣ цвѣтъ французскаго рыцарства палъ подъ ударами членовъ англійскихъ общинъ, шотландскихъ пастуховъ и ирландскихъ свинопасовъ.

Вотъ откуда получила свое начало наша старинная ненависть къ Англіи.

Нужны были безпрерывныя войны въ теченіи ста лѣтъ и бѣдствія всякаго рода прежде чѣмъ удалось изгнать наконецъ Англичанъ изъ Франціи, и можетъ-быть вѣроломство, соперничество и измѣны главныхъ сеніоровъ и военачальниковъ погубили бы совершенно французскую національность въ этой ожесточенной борьбѣ, еслибы не явилась ей на помощь неожиданная сила въ лицѣ Іоанны д'Аркъ, этой вдохновенной поселянки, которая стала во главѣ войска, утратившаго всякую надежду на спасеніе, и увлекла за собой обезславленное дворянство, умѣвшее только спасаться бѣгствомъ отъ англійскихъ солдатъ. Благородные сеніоры едва не погубили отечества, а простая дѣвушка, изъ угнетеннаго и презрѣннаго класса крестьянъ, какимъ-то чудомъ спасла его. И Парижъ, воздвигнувшій въ стѣнахъ своихъ столько статуй знаменитымъ полководцамъ, не умѣлъ посвятить куска мрамора на изваяніе образа святой дѣвушки, спасшей французскую національность,— онъ не удостоилъ памятникомъ самой великой, самой чистой, самой поэтической личности нашей исторіи!

До этой славной и вмѣстѣ бѣдственной эпохи, то-есть до

половины XV вѣка, Франція не знала ни постоянныхъ налоговъ, ни постоянныхъ войскъ. Налоги назначались въ необходимыхъ случаяхъ, по приговору государственныхъ сословій, созывавшихся на этотъ предметъ: феодальныя милиціи собирались тогда только, когда ихъ созывали съ опредѣленною цѣлію — дать битву или сдѣлать какую-нибудь рѣшительную демонстрацію. По окончаніи битвы, войско распускалось, всѣ расходились по домамъ, и все приходило въ обычный порядокъ. Во время отчаянной борьбы съ Англичанами, государственныя сословія предоставили Карлу VII, неблагодарному монарху, въ пользу котораго совершила чудеса свои Іоанна д'Аркъ, право назначать налоги по его произволу и безъ совѣщанія съ ними. Карлъ поймалъ ихъ на словѣ, и налоги изъ случайныхъ превратились въ ежегодные и постоянные. Съ деньгами ему не трудно было набрать людей. Онъ далъ повелѣніе, чтобы каждый приходъ въ королевствѣ снаряжалъ и содержалъ здороваго человѣка, способнаго къ военному дѣлу, всегда готоваго идти на войну, снабженнаго лукомъ, стрѣлами, кинжаломъ, и обязаннаго въ праздничные дни упражняться въ стрѣльбѣ. Жалованье имъ назначено было по четыре франка въ мѣсяцъ, и то въ продолженіи ихъ дѣйствительной службы. Налоги простирались до одного милліона восьми сотъ тысячъ франковъ, войско только до десяти или двѣнадцати тысячъ человѣкъ.

Какъ ни умѣренны подобныя цифры, все-таки монархія пріобрѣла, вслѣдствіе борьбы съ Англіей, право налагать подати безъ утвержденія государственныхъ сословій, и держать постоянное войско, — эти два мощныя орудія неограниченной власти. Съ тѣхъ поръ налоги давали королю возможность увеличивать до безконечности войско, а съ помощію войска увеличивать по произволу налоги. Дѣйствительно, двѣсти лѣтъ спустя, при Лудовикѣ XIV, налоги возрасли до пятидесяти милліоновъ, а войско до 150 тысячъ человѣкъ; въ наше же время налоги достигли цифры двухъ милліардовъ, а число постояннаго войска простирается до полумилліона!

Военная система феодальной эпохи была благопріятнѣе для народа; въ то время, по окончаніи битвы, каждый возвращался въ свое селеніе, чтобы приняться снова за прерванныя занятія, и бичъ войны исчезалъ вмѣстѣ съ войной, между тѣмъ какъ теперь, даже во время совершеннаго мира, посреди невозму-

тимаго спокойствія, надъ государствомъ тяготѣетъ страшное иго войны.

Старинная монархія руководствовалась только произволомъ и насиліемъ при укомплектованіи войска, состоявшаго изъ двухъ, совершенно отличныхъ классовъ, между которыми лежала непроходимая пропасть: изъ класса начальниковъ, призванныхъ къ этому званію по самому своему рожденію, какъ бы ни велика была ихъ неспособность, и изъ класса солдатъ, которые никогда не могли достигнуть даже унтеръ-офицерскаго званія. Съ этой послѣдней точки зрѣнія, преимущество организаціи войска остается на сторонѣ новѣйшаго времени. Насильственный заборъ былъ уничтоженъ революціей и замѣненъ въ 1792 и 1793 годахъ временными мѣрами, за которыми вскорѣ послѣдовала конскрипція, имѣвшая силу во все время консульства и имперіи. Такъ какъ конскрипція навлекла на себя общую ненависть, вслѣдствіе страшныхъ злоупотребленій Наполеона, то реставрація замѣнила его «рекрутскимъ наборомъ», который есть та же конскрипція, только подъ другимъ именемъ.

Армія пополняется, вопервыхъ, ежегоднымъ призывомъ на службу молодыхъ людей, достигшихъ двадцатилѣтняго возраста, вовторыхъ, пріемомъ охотниковъ. Каждый Французъ, за нѣкоторыми, справедливыми и необходимыми исключеніями, обязанъ служить своей родинѣ: не будучи Французомъ, никто не можетъ быть и солдатомъ. Законъ исключаетъ изъ службы тѣ лица, которыя приговорены были къ опозоривающему или безчестящему наказанію, а равно и къ исправительному двухлѣтнему заключенію и болѣе. Срокъ службы—семь лѣтъ. Такъ какъ личная военная служба обязательна для каждаго Француза, достигшаго двадцати лѣтъ, то всѣ, безъ исключенія, молодые люди этого возраста подлежатъ рекрутской повинности, каково бы ни было общественное положеніе ихъ семейства. Съ этою цѣлію въ каждомъ кантонѣ составляются списки, и всѣ молодые люди, внесенные въ эти списки, образуютъ такъназываемый годовой классъ, *la classe de l'année*. Правительство объявляетъ число нужныхъ для него солдатъ и предлагаетъ его на одобреніе собранію депутатовъ, которое вотъ уже восемь лѣтъ не ведетъ никакихъ преній, а всегда благосклонно утверждаетъ то, что̀ ему предлагаютъ. Жребіемъ опредѣляется порядокъ, въ которомъ молодые люди подвергаются осмотру ревизіоннаго совѣта, рѣшающаго, годны ли они на

службу, или нѣтъ. Признанные способными къ службѣ вносятся въ списокъ годоваго контингента, пока число ихъ не достигнетъ цифры, опредѣленной закономъ. Ревизіонные совѣты утверждаютъ этотъ списокъ и объявляютъ освобожденными отъ службы всѣхъ тѣхъ, кто, благопріятствуемый жребіемъ, не попалъ въ него. Законъ предоставляетъ каждому лицу, входящему въ составъ контингента, право поставить за себя охотника: это право замѣны, *droit de remplacement*. Что̀ касается до добровольнаго поступленія на службу, то оно дозволено, но безъ денежныхъ премій, молодымъ людямъ шестнадцати лѣтъ для сухопутнаго войска и семнадцати лѣтъ для флота.

Могу васъ увѣрить, что нѣтъ дня, столь горестнаго и томительнаго, какъ тотъ, когда вынимаются жребіи. Уже въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, одно ожиданіе этого роковаго дня изгоняетъ радость изъ семейства, потому что молодому поселянину, не терявшему никогда изъ виду родной колокольни, отправляться въ армію все равно, что идти на смерть, а родителямъ его, для которыхъ онъ готовился быть помощью и подпорой, отсутствіе его грозитъ нищетой и раззореніемъ. Впрочемъ, молодые конскрипты быстро перерождаются: хорошъ или дуренъ нумеръ, долженствующій рѣшить ихъ участь, они прикрѣпляютъ его себѣ на шляпу длинными трехцвѣтными лентами, и толпою прохаживаются по улицамъ, оглашая воздухъ громкими пѣснями, потомъ празднуютъ вступленіе свое въ новую жизнь тѣмъ, что отправляются въ шинокъ и напиваются тамъ до-пьяна. По прибытіи въ сборное мѣсто, гдѣ начинается ихъ военное образованіе, до окончательтельнаго распредѣленія ихъ по полкамъ, они необыкновенно скоро проникаются воинственнымъ духомъ, и тѣ самые люди, которые дома казались трусливыми и робкими, становятся львами, когда ихъ выпускаютъ на поле битвы.

Ревизіонные совѣты обязаны наблюдать за производствомъ рекрутскаго набора, выслушивать жалобы, къ которымъ оно можетъ подать поводъ, и обсуживать причины, по которымъ освобождаются отъ службы вынувшіе жребій. Они же разсматриваютъ просьбы рекрутъ о замѣнѣ ихъ охотниками. Рѣшенія ревизіоннаго совѣта окончательны, если только молодые люди, назначенные своимъ нумеромъ въ составъ кантонскаго участка, не предъявили возраженій, состоящихъ въ связи съ разрѣшеніемъ юридическаго вопроса о ихъ состояніи или гражданскихъ правахъ, или если

они не призваны къ суду по обвиненію въ томъ, что они сами себя сдѣлали не способными къ военной службѣ. Эти совѣты, засѣданія которыхъ производятся публично, состоятъ изъ префекта департамента, занимающаго должность президента, или совѣтника префектуры, назначеннаго имъ на свое мѣсто, изъ совѣтника префектуры, изъ члена генеральнаго совѣта департамента, изъ члена окружнаго совѣта, — всѣ трое назначаются префектомъ, — и изъ генерала или штабъ-офицера, назначаемаго императоромъ. Членъ военнаго интендантства присутствуетъ при засѣданіяхъ совѣта, подаетъ свое мнѣніе и можетъ требовать, чтобы замѣчанія его вносились въ протоколъ; вмѣшательство его имѣетъ цѣлію противодѣйствовать вліянію мѣстныхъ отношеній. Подпрефектъ, въ предѣлахъ своего округа, или чиновникъ, замѣнявшій его при выниманіи жребіевъ, присутствуетъ при засѣданіяхъ съ правомъ голоса. Военные медики принимаютъ также участіе въ дѣйствіяхъ совѣта и подаютъ свое мнѣніе, когда нужно освободить рекрута отъ службы по причинѣ болѣзни или тѣлеснаго недостатка.

Право замѣны справедливо въ теоріи, потому что оно полезно для тѣхъ, кто имъ пользуется, и безвредно для тѣхъ, кто имъ не пользуется. Только на практикѣ оказывается, что оно составляетъ привилегію богатства, которое такимъ образомъ всю тягость военной службы передаетъ сельскому населенію. Городское населеніе нашихъ большихъ мануфактурныхъ центровъ становится съ каждымъ годомъ менѣе способно къ доставленію, при рекрутскихъ наборахъ, своего участка конскриптовъ. И вотъ деревни наполняютъ войско цвѣтомъ дѣтей своихъ, самыхъ лучшихъ и самыхъ сильныхъ. По прошествіи же семи лѣтъ, проведенныхъ въ городскихъ гарнизонахъ, весьма немногіе изъ нихъ возвращаются въ деревню, чтобы приняться снова за отцовскій плугъ или заступъ.

Законъ гласитъ, что всѣ граждане участвуютъ во всѣхъ расходахъ государства, пропорціонально съ своимъ состояніемъ. Справедливо ли, что сельскій работникъ, отдающій лучшія семь лѣтъ своей жизни на защиту отечества, о которомъ онъ имѣетъ понятіе только по налогамъ и рекрутскому набору, и на защиту собственности, которой онъ часто не имѣетъ, платитъ за освобожденіе себя отъ рекрутства столько же, сколько самый богатый человѣкъ, а именно двѣ тысячи франковъ?

Въ прежнее время пріисканіе охотниковъ для замѣны рекрутъ предоставлено было страховымъ компаніямъ, основаннымъ съ этою цѣлію. Со времени второй имперіи, государство приняло на себя эту обязанность за ту же сумму, которая, если не ошибаюсь, по прежнему состоитъ изъ двухъ тысячъ франковъ, а если иногда и измѣняется, то весьма незначительно. Этой новой системѣ дали названіе *exonération* (освобожденіе отъ личной повинности). Взявъ на себя пріискивать охотниковъ, правительство по большей части набираетъ на службу отставныхъ солдатъ, выслужившихъ свой срокъ. Нельзя отрицать, что эта новая система представляетъ большія выгоды. Превосходство такъ-называемаго *стараго войска* надъ арміей конскриптовъ есть фактъ неопровержимый. Во время войны, войска слишкомъ молодыя *таютъ*, по общепринятому выраженію, и исчезаютъ почти совершенно, оставляя людей по дорогамъ и госпиталямъ, между тѣмъ какъ опытныя войска приходятъ въ совершенномъ порядкѣ на поле битвы и не обманываютъ ни разчетовъ полководца, ни довѣренности ожиданій отечества. Армія, состоящая изъ большаго числа старыхъ солдатъ и унтеръофицеровъ, содержитъ въ себѣ кадры, всегда готовые къ принятію и ассимилированію новыхъ конскриптовъ; старые солдаты сообщаютъ молодымъ свою опытность, поддерживаютъ ихъ духъ, пріучаютъ ихъ къ дѣлу, и между ними водворяется благородное соревнованіе въ храбрости.

Въ старину, военные чины, какъ и все прочее, составляли привилегію дворянства. Стоило только родиться, чтобы быть капитаномъ, полковникомъ, даже генераломъ, смотря по степени, на которой стоялъ человѣкъ по своему рожденію, а солдатъ умиралъ солдатомъ, и не имѣлъ почти никакой возможности повыситься. Въ настоящее время, благодаря гражданскому равенству, лучшему завоеванію 1789 года, каждый можетъ выказать, чего онъ стóитъ, каждый можетъ всего достигнуть, и каждый французскій солдатъ знаетъ, что у него въ лядункѣ его маршальскій жезлъ. И дѣйствительно, великіе республиканскіе генералы и наполеоновскіе маршалы были большею частію солдаты, волонтеры 1789 или 1792 года, личнымъ достоинствомъ своимъ быстро достигшіе высшихъ степеней. Нѣтъ сомнѣнія, что такому демократическому устройству арміи обязанъ французскій солдатъ своею энергіей, неукротимостію въ нападеніи, своимъ кипящимъ му-

жествомъ, которое Италіянцы величаютъ названіемъ *la furia francese*. И я полагаю, что до тѣхъ поръ, пока прочія европейскія націи не организуютъ войскъ своихъ на тѣхъ же началахъ, мы будемъ имѣть передъ ними огромное преимущество, хотя бы во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ онѣ ничѣмъ не отличались отъ насъ. Въ высшей степени ошибочное понятіе о побужденіяхъ, двигающихъ человѣкомъ, имѣетъ тотъ, кто воображаетъ, будто солдатъ, подвергающій опасности жизнь свою по волѣ другихъ, безъ всякаго личнаго и прямаго интереса, безъ честолюбія и только изъ страха наказанія, можетъ быть такъ же храбръ, какъ тотъ, который знаетъ, что всѣ человѣческія отличія послужатъ наградой за его геройство.

Но это же самое устройство арміи грозитъ большою опасностію Франціи, потому что посреди насъ живетъ пятьсотъ тысячъ человѣкъ, для которыхъ миръ не имѣетъ въ себѣ ничего привлекательнаго, которые, напротивъ, всего надѣются отъ войны, безпрерывно стремятся къ ней, и громко требуютъ ея, нисколько не заботясь о томъ, противъ кого они пойдутъ, и за какое дѣло будутъ сражаться. Опасность эта не существовала во время представительнаго правленія, которымъ мы пользовались при Лудовикѣ-Филиппѣ. Это парламентарное правленіе, противъ котораго такъ громко вопіютъ въ наше время, поддерживало миръ въ Европѣ съ 1815 по 1852 годъ, между тѣмъ какъ, со времени возстановленія имперіи, мы снова ринулись на военное поприще, и встревоженная Европа истощаетъ свои силы на громадныя вооруженія.

Повышеніе въ арміи основано на двухъ принципахъ: старшинствѣ и отличіи. Чтобы примирить между собою право старшинства и право отличія, у насъ постановлено закономъ, чтобы при производствѣ низшихъ чиновъ двѣ трети вакантныхъ мѣстъ занимаемы были по старшинству и одна треть по отличію; при производствѣ высшихъ офицеровъ, одна половина мѣстъ принадлежитъ старшинству, другая заслугамъ; генералы же всѣ производятся не иначе, какъ за отличіе. Чинъ составляетъ собственность офицера, который можетъ лишиться его только по торжественному приговору суда, производимаго публично, съ адвокатскою защитой, аппелляціей и всѣми гарантіями права. Законъ опредѣляетъ, сколько времени нужно прослужить въ какомъ-нибудь чинѣ, чтобы получить повышеніе, и обозначаетъ, какія уклоненія отъ общаго правила допускаются передъ лицомъ непріятеля и въ военное время.

Вообще организація войска устроена во Франціи очень искусно, очень удовлетворительно, и выдерживаетъ самую строгую критику. Но ужаснѣе всего громадная, безпрерывно возрастающая цифра войска, увеличеніе которой ничѣмъ не оправдывается. Въ послѣдніе годы неограниченной монархіи, цифра войска уменьшилась значительно: при Лудовикѣ XVI она не превышала 60 тысячъ; 15 или 20 тысячъ милиціонеровъ, набираемыхъ ежегодно, достаточны были для пополненія этой скромной арміи. А между тѣмъ враждебное соперничество людей и народовъ почиталось тогда нормальнымъ состояніемъ рода человѣческаго, указаннымъ ему Провидѣніемъ. Теперь же, когда начинаютъ понимать, что эти страшныя кровопролитія противны человѣческому разуму, что народы не желаютъ войны, что они негодуютъ на ея бѣдствія и сознаютъ, наконецъ, что всѣ войны не что иное, какъ междуусобія, потому что каждый человѣкъ составляетъ прежде всего часть человѣчества, которое и есть его великая отчизна, а потомъ уже часть малой отдѣльной отчизны, въ которой онъ родился,— для защиты государства оказалось недостаточно даже ежегоднаго набора шестидесяти и восьмидесяти тысячъ человѣкъ, которыхъ совершенно достаточно было лѣтъ десять, двѣнадцать тому назадъ, и нужно набирать ежегодно сто тысячъ и даже до ста сорока тысячъ человѣкъ!

Это называютъ *вооруженнымъ миромъ*.

Противъ кого же нужна эта громадная сила въ 500 тысячъ человѣкъ? Чтобы защитить насъ отъ чужестранцевъ? Но мы вели двадцать наступательныхъ войнъ на одну оборонительную, и мнѣ кажется, что въ Европѣ подумаютъ да и подумаютъ прежде чѣмъ рѣшатся внести войну въ наши предѣлы, какова бы ни была цифра нашей арміи. Для полиціи достаточно жандармовъ, а два милліона національной гвардіи, существовавшіе во Франціи при Лудовикѣ-Филиппѣ, могли бы всегда охранять ея территорію. Но имперія уничтожила національную гвардію. Содержать въ мирное время огромную армію опытныхъ солдатъ, которые бы всегда были въ состояніи вести войну, значитъ разстраивать финансы и разрушать главные элементы народной силы. Французскія селенія не достаточны для этихъ *coupes blanches*, для этихъ поголовныхъ ополченій, которыя уносятъ у нихъ ежегодно все ихъ юное поколѣніе. Это безмѣрное развитіе военной силы болѣе вредно чѣмъ полезно для вліянія Франціи, потому что никто не довѣряетъ ей и всѣ

ея боятся; оно болѣе вредно чѣмъ полезно, для ея внутренней и внѣшней безопасности, потому что оно отдаетъ участь безоружнаго большинства въ распоряженіе дисциплинированнаго и вооруженнаго меньшинства, и чтобы занять это меньшинство, предписывающее законы, необходимо отъ времени до времени давать ему на потѣху войну, которая бы поддерживала въ немъ привычку къ убійству, и которая бы служила предлогомъ къ сохраненію его въ размѣрахъ, вовсе не соотвѣтствующихъ дѣйствительнымъ потребностямъ страны.

Эта воинственнная горячка, изнуряющая насъ, часто усиливается, и по необходимости становится заразительною. Какъ только Франція начинаетъ увеличивать цифру своихъ войскъ, такъ и прочія государства принимаются за то же самое, и въ результатѣ оказывается общее раззореніе. Оттого-то Европа, доведенная до крайности, живетъ займами; многія государства разстроили свои финансы до такой степени, что еслибы частныя лица находились въ подобномъ положеніи, то имъ бы нечѣмъ было жить. Мы бѣдны, владѣя богатствами и торговлей всего міра, и если будемъ набирать безпрестанно солдатъ, то скоро останемся съ одними солдатами и уподобимся полудикимъ племенамъ самыхъ отсталыхъ странъ.

До времени послѣднихъ двухъ войнъ, которыя мы вели и которыя, къ несчастію, пробудили въ Европѣ воинственный духъ, начинавшій приходить въ усыпленіе, послѣ сорокалѣтняго, почти невозмутимаго мира, весь итогъ европейскихъ армій простирался до цифры въ 2.800.000 человѣкъ: они не только потребляли шесть седьмыхъ всего общественнаго богатства различныхъ государствъ, то-есть пять милліардовъ 250 милліоновъ, но еще сверхъ того теряли ежегодную работу, произведенія которой могли бы доставить около 733 милліоновъ франковъ. Прибавьте къ этому имущества, назначенныя для военныхъ потребностей, стоящія болѣе восьмнадцати милліардовъ, и могущія приносить ежегоднаго дохода до 750 милліоновъ; прибавьте еще къ этому общественный долгъ, заключенный для войнъ и простирающійся до 38 милліардовъ, съ которыхъ нужно уплачивать ежегодно процентовъ одинъ милліардъ 748 милліоновъ. Еслибъ эти люди, которымъ платятъ такъ дорого за то, чтобъ убивать и разрушать, возвращены были къ полезной работѣ, къ производству, то всѣ эти цифры, помноженныя на два, составили бы *кредитъ* общественнаго имущества, вмѣсто того чтобы составлять его *дебетъ*.

Для укомплектованія сухопутнаго войска и флота стараются избирать молодыхъ людей, самыхъ стройныхъ и крѣпко сложенныхъ. Но, во время войны, бóльшая часть этихъ молодыхъ людей гибнетъ въ сраженіи, а во время мира падаетъ жертвой климата, убійственнаго для Европейцевъ, въ Африкѣ и въ колоніяхъ; многіе наконецъ, по истеченіи своего служебнаго срока, поступаютъ снова на службу, или, возвращаясь къ домашнему очагу, приносятъ съ собою порочныя привычки, пріобрѣтенныя въ лагерной жизни, и не чувствуютъ ни малѣйшей наклонности къ трудолюбивой и скромной жизни отца семейства. По всѣмъ этимъ причинамъ бóльшая часть солдатъ не женится, и забота о продолженіи поколѣній законнымъ и честнымъ путемъ предоставляется наименѣе красивой и менѣе сильной части мужскаго пола. Вотъ причины хилости, слабости, даже безобразія, замѣчаемыхъ въ породахъ, щедро одаренныхъ отъ природы. Не даромъ замѣчено было, что, во время войнъ имперіи, человѣческая порода значительно измельчала въ Европѣ, и особенно во Франціи.

Народонаселеніе развивается обратно цифрѣ войска. Франція стоитъ въ первомъ ряду по числу солдатъ, и въ послѣднемъ по физическому развитію населенія: у насъ превосходное войско для парадовъ на площадяхъ въ нашихъ большихъ городахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ населеніе недостаточное и хилое для воздѣлыванія почвы и прокормленія отчизны.

Но матеріяльныя неудобства, сопряженныя съ этими громадными, постоянными войсками, ничтожны, въ сравненіи съ нравственными опасностями, которыхъ едва смѣетъ касаться перо мое. Мы содержимъ въ нѣдрахъ отечества до пяти и шести сотъ тысячъ человѣкъ солдатъ, которые, будучи оторваны отъ святыхъ законовъ семейства, не могутъ и не должны нигдѣ основываться, живутъ перелетными птицами и, вездѣ чужіе во Франціи, разносятъ по всѣмъ департаментамъ развратъ и заражаютъ деревни страшнымиболѣзнями, которыя искажаютъ молодыя поколѣнія въ самомъ ихъ зародышѣ.

Можно ли полагать, чтобъ ужасы войны не притупляли въ человѣкѣ нравственнаго чувства, способности различать добро и зло, и наконецъ даже самыхъ обыкновенныхъ понятій о правахъ и обязанностяхъ? Человѣкъ покрылъ бы себя навсегда заслуженнымъ позоромъ, еслибы вздумалъ за свои личныя обиды мстить такъ, какъ мстятъ народы за свои обиды. На по-

единкѣ все честно, оружіе равное, земля одинаково-тверда подъ ногами обоихъ противниковъ, только ловкость и хладнокровіе даютъ одному преимущество передъ другимъ. На войнѣ всѣ хитрости дозволены, великое искусство—обмануть непріятеля, накликать на него всѣ болѣзни, лишь бы только онѣ ослабили его, завлечь его въ такое мѣсто, гдѣ защита невозможна, и гдѣ остается только рѣзать, сколько душѣ угодно. Если возможно раздробить его силы, разбить его по частямъ, съ сотнею тысячъ напасть на двадцать пять или тридцать, которыя можно тотчасъ же изрубить въ куски, то это прославляется какъ великое стратегическое дѣйствіе. Болѣе же всего умѣнье составлять союзы, дающіе возможность двумъ, тремъ, четыремъ и болѣе, стать противъ одного, обнаруживаетъ качества великаго политика и великаго воина, а легкость одержанной побѣды нисколько не уменьшаетъ славы генераловъ, командующихъ союзными войсками. Что̀ же касается до справедливости или несправедливости дѣла, то это въ разчетъ нейдетъ: сильный всегда бываетъ правъ.

Три вѣка тому назадъ, французскій адмиралъ, баронъ де-Ла-Гардъ, велъ въ Средиземное море небольшую эскадру французскаго короля Франциска II, воевавшаго тогда съ Карломъ V. Встрѣтивъ двадцать четыре большіе корабля испанскіе, онъ поднялъ испанскій флагъ и послалъ сказать непріятелю, что везетъ въ Испанію королеву венгерскую, сестру императора и короля, которую тамъ давно ожидали, и требуетъ, чтобы флотъ салютовалъ ей залпомъ изъ всѣхъ своихъ пушекъ. Обманутые Испанцы исполнили его требованіе. Тогда Ла-Гардъ, не давъ имъ времени снова зарядить орудій, поднялъ французскій флагъ, пошелъ на нихъ и захватилъ пятнадцать кораблей и четыреста тысячъ талеровъ золотомъ. Исторія высоко цѣнитъ этотъ великій воинскій подвигъ, который, въ обыкновенной жизни, былъ бы, по справедливости, заклейменъ названіемъ убійства и грабежа.

Какія великія дѣла могли бы совершить народы, какая эра благоденствія могла бы открыться передъ ними, еслибы люди, устраивая разумнымъ образомъ производство, какъ они устраивали до сихъ поръ только одно разрушеніе, употребили на полезныя дѣла мощныя средства и громадные капиталы, до сихъ поръ безумно расточаемые ими на то только, чтобъ обратить эту землю, которую Богъ создалъ столь богатою и плодородною, въ обширное поле битвы, въ мѣсто кровопролитія, въ неизмѣримое поприще бѣдствій, горя и смерти! Что же

оказывается въ результатѣ? Что̀ пріобрѣли мы славой, столь дорого купленною Лудовикомъ XIV и Наполеономъ? Что намъ за дѣло теперь, что Тюреннь, Конде, Люксамбуръ, Вилларсъ одержали великія побѣды, когда, при окончательномъ разчетѣ въ послѣдніе годы царствованія великаго короля, Франція осталась раззоренною, обезлюдѣнною, умирала съ голоду при громозвучномъ пѣніи торжественныхъ молебновъ и наконецъ была захвачена непріятелемъ со всѣхъ сторонъ и на всѣхъ границахъ? Истинно великіе люди этого времени—тѣ, слава которыхъ не стоила никому слезъ, а труды составляютъ наслажденіе и отраду поколѣній, слѣдующихъ одно за другимъ, творили для вѣчности, въ то самое время, какъ герои покрывали Францію и Европу развалинами; таковы Декарты, Паскали, Корнели, Мольеры, Расины, Лафонтены, Пуссени и всѣ блестящіе таланты, сдѣлавшіе XVII вѣкъ великою эпохой нашей исторіи.

Перестанемъ же наконецъ смѣшивать трескъ со славой. Позаботимся лучше о томъ, чтобъ имѣть, какъ можно болѣе, великихъ мыслителей, ученыхъ и художниковъ: вы будете пользоваться нашими, мы будемъ изучать вашихъ, и черезъ посредство ихъ мы сблизимся. Но помолимся Богу, да избавитъ онъ насъ отъ великихъ завоевателей, которые сдѣлаютъ насъ врагами, тогда какъ намъ гораздо выгоднѣе оставаться друзьями. Прославимъ государей, которые дѣйствуютъ въ духѣ вѣка, которые ведутъ свой народъ отъ рабства къ свободѣ. Ихъ только назоветъ великими государями исторія, потому что она пріобрѣла уже теперь зрѣлый взглядъ на людей и событія...

II.

Что̀ сказать вамъ о четырехъ департаментахъ Сены, Уазы, Сены-и-Марны, Сены-и-Уазы? Они окружаютъ Парижъ, это громадное, ненасытное жерло, которое съ своимъ полутора-милліоннымъ населеніемъ поглащаетъ для своихъ гигантскихъ работъ лучшую часть всѣхъ средствъ Франціи, и которое, изъ общаго производства страны, беретъ для своего собственнаго потребленія три милл. гектолитровъ зерноваго хлѣба, до полутора милліона гектолитровъ вина, не считая пива и сидра, 28 милл. килограммовъ говядины, на 18 милл. фр. домашней

птицы и дичи, на 20 милл. масла, на 10 милл. яицъ. Сверхъ того, со всѣхъ сторонъ большіе города, за́мки, императорскія резиденціи, громадныя казармы, однимъ словомъ, все, что̀ вызываетъ производство, размножая рынки, и что̀ въ то же время облегчаетъ его, доставляя земледѣльцу безчисленное множество удобренія. Но эти люди, собранные въ массу, болѣе всего нуждаются въ цѣнныхъ продуктахъ, плодахъ ученой и утонченной обработки, требующей неусыпной дѣятельности человѣка, каково, напримѣръ, производство плодовъ и овощей, то, что̀ извѣстно подъ названіемъ *огородничества.*

Производительность почвы представляетъ цѣлый рядъ степеней, которыя могутъ быть раздѣлены на шесть группъ, соотвѣтственно шести періодамъ или видамъ хозяйства. Первый видъ, называемый *лѣснымъ (forestier)*, тотъ, гдѣ земля еще совершенно дикая, можетъ производить только лѣсъ; второй, или *пастьбищный (pacager)*, можетъ усиливать плодородіе почвы, проводя воду на луга, и такимъ образомъ дѣлая ихъ заливными; третій, или *сѣнокосный (fourrager)*, характеризуется обиліемъ искусственныхъ кормовыхъ травъ; четвертый, или *хлѣбный (céréale)*, тотъ, при которомъ плодородіе почвы, усиленное удобреніемъ, доставляетъ пшеницы по крайней мѣрѣ по двадцати гектолитровъ съ гектара (1); пятый, или *промышленный (industriel)*, тотъ, на которомъ изобильное удобреніе даетъ возможность воздѣлывать растенія, наиболѣе истощающія почву; наконецъ шестой, или *садовый (jardinier)*, представляетъ высшую степень человѣческой промышленности, въ приложеніи къ земледѣлію. Каждый изъ этихъ видовъ соотвѣтствуетъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, той или другой степени цивилизаціи. Изъ одного въ другой можно перебраться только по мѣрѣ того, какъ открываются новые рынки, и потребности человѣка увеличиваются сообразно съ его промышленностію и степенью цивилизаціи, до которой онъ достигаетъ. Усовершенствованіе удобреній есть средство, а не причина прогресса въ сельскомъ хозяйствѣ. «Скажи мнѣ, что̀ ты кушаешь, я скажу тебѣ, кто ты.»

Революціонныя волненія, продолжительныя и раззорительныя войны имперіи остановили у насъ успѣхи огородничества, и оно вступило на путь, по которому идетъ теперь, только по водвореніи спокойствія. По возвращеніи рукъ земледѣ-

(1) Около 10½ четвертей съ казенной десятины въ 2400 кв. саж.

лію, по возстановленіи мира, появились средства къ дѣятельному занятію этою важною отраслію земледѣлія, и множество людей, которыхъ отвлекала война, стали искать себѣ выгоднаго занятія и посвятили садоводству свои силы и способности. Какъ только всѣ убѣдились, что можно жить безопасно, то каждому захотѣлось жить лучше; и вскорѣ, вѣрная надежда на справедливое вознагражденіе за труды, при высокихъ цѣнахъ на продукты садоводства въ сосѣднихъ Парижу департаментахъ, о которыхъ я говорю въ этомъ письмѣ, побудила садовниковъ серіозно приняться за свое дѣло; они умножили парники, оранжереи, теплицы, и достигли наконецъ возможности снабжать столъ богача во всякое время года произведеніями цѣлаго міра.

Такъ какъ воздѣлываніе сада требуетъ работы по крайней мѣрѣ двухъ человѣкъ, прямо заинтересованныхъ его процвѣтаніемъ и занятыхъ безпрерывно, то рѣдко можно встрѣтить садовниковъ или садовницъ не въ брачномъ состояніи. Но садовники никогда не ищутъ жены внѣ своего сословія; они избираютъ дочь одного изъ своихъ собратовъ, и примѣры браковъ, заключаемыхъ иначе, чрезвычайно рѣдки. Дѣйствительно, надобно родиться и воспитаться въ этомъ промыслѣ, чтобъ умѣть переносить всѣ его трудности. Можно сказать, что всѣ огородники составляютъ одну семью, и не рѣдко до четырехъ сотъ гостей собирается на брачное торжество. Послѣ брака, они погружаются въ свою работу, и весь ихъ горизонтъ ограничивается огорожей ихъ сада.

Въ огородномъ заведеніи всѣ встаютъ до разсвѣта, лѣтомъ въ два часа утра, а зимой въ четыре, женщины отправляются на рынокъ для продажи овощей и фруктовъ. Обыкновенно продажа эта оканчивается лѣтомъ въ семь часовъ утра, а зимой въ восемь. Возвращаясь домой, онѣ приносятъ провизію, необходимую для дневныхъ потребностей, и тотчасъ по возвращеніи идутъ въ садъ полоть гряды и собирать плоды и овощи, которые нужно будетъ нести на рынокъ на слѣдующій день. Во всѣхъ этихъ занятіяхъ, хозяйкамъ помогаютъ ихъ дочери. Такая работа, собственно не тяжелая, затруднительна потому, что она заставляетъ ихъ стоять на колѣняхъ бóльшую часть дня, несмотря ни на время года, ни на погоду.

Огородныя работы требуютъ, въ продолженіи цѣлаго года, занятій постоянныхъ и усиленныхъ; оттого въ огородѣ, каждый имѣетъ свои опредѣленныя обязанности. Само собою раз-

умѣется, что мущины исправляютъ всѣ тяжелыя работы, каковы воздѣлываніе земли, поливка, перевозка удобренія, устройство грядъ и пр., женщины полютъ траву, собираютъ плоды, изготовляютъ ихъ на продажу и относятъ на рынокъ. Дѣвушки раздѣляютъ занятіе своей матери, а мальчики съ ранняго возраста пріучаются помогать отцу. Для поощренія ихъ отецъ предоставляетъ имъ съ десяти-или двѣнадцатилѣтняго возраста гряду или уголокъ земли, гдѣ они разводятъ собственными средствами, что̀ имъ кажется наиболѣе выгоднымъ.

Тотчасъ по отправленіи женщинъ на рынокъ, мущины принимаются за свои работы. Въ семь часовъ съѣдаютъ они кусокъ хлѣба за работой, а въ девять завтракаютъ всѣ вмѣстѣ. Лѣтомъ они отдыхаютъ часъ или два середи дня и обѣдаютъ въ два часа. Хозяинъ и хозяйка, дѣти, дѣвушки и молодые люди, нанимаемые для работъ, обѣдаютъ всѣ за однимъ столомъ, что̀ напоминаетъ патріархальные нравы. Хозяинъ никогда не обращается съ своими работниками грубо или свысока, но обходится съ ними какъ съ членами своего семейства. Послѣ обѣда всѣ снова принимаются за дѣло, и работаютъ безъ перерыва до ужина; ужинаютъ же лѣтомъ въ десять часовъ, зимой въ восемь. Вечеромъ мущины поливаютъ гряды, дѣлаютъ соломенные щиты, перевозятъ навозъ, черноземъ и пр., а женщины укладываютъ овощи и плоды въ бураки или корзины различной величины, смотря по свойству отправляемаго товара; потомъ нагружаютъ ихъ на возъ, чтобы завтра быть наготовѣ къ отъѣзду.

Свадьба родственника, похороны пріятеля, праздникъ Св. Фіакра, патрона садовниковъ—вотъ единственныя обстоятельства, которыя могутъ оторвать ихъ отъ работы. По многочисленности своей, они не въ состояніи праздновать всѣ вмѣстѣ день Св. Фіакра, и для того раздѣляются на братства. Каждое изъ этихъ братствъ имѣетъ свой особый уставъ; въ однихъ положено взносить на расходы для пиршества опредѣленную сумму, въ другихъ собираютъ деньги по подпискѣ. Каждое братство имѣетъ президента, одного или двухъ старостъ, избираемыхъ на годъ, и потомъ одного казначея. Послѣ религіозной церемоніи, каждое братство собирается на банкетъ, затѣмъ слѣдуетъ балъ, который прекращается тотчасъ же, когда пробьетъ часъ отъѣзда на рынокъ. Задушевная веселость всегда сопровождаетъ эти праздники; на нихъ не бываетъ никакого безпорядка, нималѣйшаго нарушенія приличій.

Несмотря на эту дѣятельную и трудолюбивую жизнь, при которой ни уму нѣтъ времени развлечься, ни тѣлу отдохнуть, огородники перестаютъ работать лишь въ самыхъ преклонныхъ лѣтахъ; оттого вы никогда не увидите, чтобы старый садовникъ или старая садовница прибѣгали къ общественной благотворительности, что̀ встрѣчается безпрерывно между прочими работниками. Отсюда однако не слѣдуетъ, чтобы никто изъ нихъ не терпѣлъ нужды подъ старость, но они до такой степени привыкли работать, что не могутъ и вообразить себѣ, какъ можно жить иначе какъ трудомъ. Тѣ, кому не удалось скопить что-нибудь, находятъ пріютъ у своихъ дѣтей, и помогаютъ имъ совѣтами, почерпнутыми изъ долгаго опыта; тѣ, у кого нѣтъ дѣтей, что̀ бываетъ очень рѣдко, отправляются предлагать, за самую ничтожную плату, услуги свои болѣе счастливымъ собратамъ, и эти послѣдніе считаютъ всегда за долгъ принять ихъ и доставить имъ занятіе, соотвѣтственное ихъ силамъ.

Распредѣленіе почвы подъ огородныя растенія есть дѣло, требующее значительныхъ соображеній, а распредѣленіе это въ парижскихъ садахъ, дѣйствительно превосходныхъ, доказываетъ какіе неистощимыя сокровища заключаются въ землѣ, и какъ съ удобреніемъ, водой и разнообразными свойствами природы растеній, то-есть, съ деньгами и умѣньемъ, двумя вещами, въ которыхъ наше сельское хозяйство, вообще говоря, терпитъ недостатокъ, можно безпрерывно и безъ числа добывать произведенія почвы, нисколько ея не истощая. Географическое положеніе парижскихъ огородовъ не представляетъ ничего особенно благопріятнаго, и за всѣмъ тѣмъ почва доставляетъ до шести сборовъ въ теченіи года. Правда, продукты снимаются большею частію въ незрѣломъ видѣ и почти никогда не доставляютъ сѣменъ, что̀, какъ извѣстно, болѣе всего истощаетъ почву.

Въ окрестностяхъ Парижа, почти всѣ земли, принадлежащія сосѣднимъ общинамъ, также заняты разведеніемъ овощей и плодовъ. Среднее пространство земли, занимаемой каждымъ огородникомъ, состоитъ изъ пяти гектаровъ, раздѣленныхъ на множество участковъ, часто расположенныхъ далеко одинъ отъ другаго. На обработку этихъ пяти гектаровъ (1)

---

(1) Приблизительно $5\frac{1}{2}$ казенныхъ десятинъ.

употребляется лѣтомъ трое мущинъ и нѣсколько поденьщицъ для полотья, а зимой достаточно одного мущины и одной женщины. Земли, находящіяся исключительно подъ огородами, отдаются въ наемъ по 350 фр. за гектаръ. Внутри Парижа гектаръ земли, окруженный заборомъ, съ колодеземъ для поливки и маленькимъ жилищемъ, стóитъ отъ тридцати до пятидесяти тысячъ фр. и отдается внаймы отъ тысячи до тысячи шести сотъ фр. въ годъ. Припомнимъ кстати, что въ областяхъ, уже описанныхъ нами, то же пространство пахатной земли продается среднимъ числомъ отъ 1500 до 2000 фр., а внаймы отдается отъ 50 до 70 франковъ.

III.

Прогуливаясь вокругъ этого громаднаго города, который въ теченіи стольхихъ вѣковъ распространяетъ по всему міру свои идеи, заблужденія и моды, мыслящій человѣкъ останавливается въ изумленіи передъ чудными богатствами, разсѣянными природой и искусствомъ, исторіей и поэзіей, на этой привилегированной почвѣ, которая носитъ названіе окрестностей Парижа.

Вотъ Версаль и вотъ Венсеннъ, роскошный дворецъ Людовика XIV, зàмокъ, въ которомъ заключенъ былъ великій Конде и въ подземельяхъ котораго Наполеонъ велѣлъ разстрѣлять послѣдняго потомка Конде. Вотъ Сенъ-Жерменъ, колыбель нашихъ королей, и рядомъ съ нимъ Сенъ-Дени, ихъ послѣднее жилище; воздымаясь надъ кровлями Парижа, они какъ бы ведутъ между собой бесѣду о ничтожествѣ властей міра сего и о суетности человѣческаго величія. Здѣсь возвышается Сенъ-Клу, гдѣ угасла династія Валуа подъ кинжаломъ убійцы, и уступила свое мѣсто династіи Бурбоновъ. Народные представители засѣдали тамъ 18-го брюмера, когда побѣдитель при Лоди, Арколѣ и Пирамидахъ, сопровождаемый лучшими своими генералами, выбросилъ ихъ за окно. Тамъ же въ послѣдствіи Блюхеръ, въ нѣмецкомъ мундирѣ и въ сапогахъ со шпорами, отдыхалъ на постелѣ императора. Каковъ бы ни былъ Наполеонъ, но онъ не поступалъ такъ ни въ Шенбруннѣ, ни въ Шарлотенбургѣ. Вотъ Фонтенебло, гдѣ Христина Шведская велѣла умертвить Мональдески; вотъ Компіень, Рамбулье,—послѣднія убѣжища

королевской власти, существовавшей столько вѣковъ и унесенной вихремъ революцій.

Каждый знатный человѣкъ, выходецъ ли или именитый по наслѣдству, старается, по примѣру своего государя, имѣть собственное помѣстье, паркъ или садъ въ окрестностяхъ столицы, по близости отъ двора, невдалекѣ отъ центра, изъ котораго изливаются милости, титулы, пенсіи. Этимъ объясняется, почему въ четырехъ департаментахъ, описываемыхъ нами, встрѣчаются на каждомъ шагу обширныя помѣстья, великолѣпныя земли, избѣжавшія до сихъ поръ раздробленія, которое такъ разрушительно дѣйствуетъ во всѣхъ прочихъ мѣстахъ. Для дворянскихъ семействъ, наслѣдство которыхъ устояло противъ элементовъ распаденія, внесенныхъ къ намъ новымъ закономъ, а равно и для новыхъ богачей, ежедневно увеличивающихъ цифру своего состоянія, необходимы большія земли и обширныя помѣстья. Эти земли и помѣстья перемѣняютъ иногда владѣльца, какъ, пожалуй, и королевскіе за́мки, но никогда не дробятся. Страна отъ этого не терпитъ никакого вреда. Одни изъ богатыхъ собственниковъ имѣютъ пристрастіе къ земледѣльческимъ работамъ, другіе къ болѣе привлекательному занятію садоводствомъ; даже тѣ, кто живетъ въ праздности, не совсѣмъ безполезны, потому что значительные доходы свои они издерживаютъ въ своемъ же имѣніи.

Изъ сказаннаго нами ясно, что это страна крупнаго хозяйства. Поземельныя владѣнія съ доходомъ во сто тысячъ франковъ встрѣчаются часто, а нѣкоторыя приносятъ до милліона. Въ департаментѣ Уазы, земля цѣнится отъ двухъ до трехъ тысячъ франковъ за гектаръ, съ наемною платой отъ 50 до 100 франковъ. Фермы не рѣдко содержатъ въ себѣ отъ ста до трехъ сотъ гектаровъ. Особенно въ департаментѣ Сены-и-Марны, гдѣ почва посредственная, и земли мало раздроблены, встрѣчаются помѣстья, занимающія пространство отъ пяти сотъ до тысячи гектаровъ. Только въ этихъ мѣстахъ и можно во Франціи встрѣтить богатыхъ фермеровъ, обрабатывающихъ нѣсколько сотъ гектаровъ земли и уплачивающихъ собственнику до 25 и 30 тысячъ франковъ и даже болѣе. Мелкое хозяйство занимаетъ едва ли одну треть всѣхъ земель. Что̀ же касается до найма фермъ, то цѣны ихъ измѣняются чрезвычайно, смотря по положенію и качеству почвы; достигая 225 и 250 фр. за гектаръ въ окрестностяхъ Парижа, онѣ падаютъ до 40 и даже до 30 около Провена (Provins), находящагося уже въ Шампани, и около Фонтенебло, лежащаго на границѣ.

Въ противоположность съ прочими частями страны, въ этихъ департаментахъ мелкое хозяйство все болѣе и болѣе отступаетъ передъ крупнымъ, совершенно его поглащающимъ. Прежде замѣтно было обратное движеніе, но со времени переворота 1848 года, и особенно со времени страшныхъ колебаній, которыя въ эти послѣднія двѣнадцать лѣтъ постигли хлѣбную торговлю, многіе изъ мелкихъ земледѣльцевъ платили дурно, даже вовсе перестали платить, и собственники должны были отобрать у нихъ свои земли и ввѣрить ихъ управленію фермеровъ, которые, по богатству своему, въ состояніи выдерживать эти преходящіе кризисы.

Почва, вообще весьма посредственная, занимаетъ своею обработкой только четвертую часть населенія, все остальное живетъ въ городахъ и занимается промышленностью. Свойство земли дозволяетъ обрабатывать ее лошадьми; оттого вы не встрѣтите нигдѣ ни рабочихъ быковъ, ни рогатаго скота, откармливаемаго на убой, чего конечно нельзя похвалить. Въ этой части Франціи слишкомъ много лѣсовъ, а луговъ недостаточно. Лѣса покрываютъ шестую часть почвы и составляютъ государственную собственность, что̀ одно и сохраняетъ ихъ въ цѣлости; безспорно, эти страны много бы выиграли, еслибы значительное количество ихъ предоставлено было земледѣлію. Это нисколько не доказываетъ, чтобы во Франціи былъ избытокъ лѣсу, а только то, что стоитъ онъ не на мѣстѣ. Необходимо было сохранить въ окрестностяхъ Парижа эти обширные и прекрасные лѣса, гдѣ потѣшались охотой наши короли, а вѣдь и эти лѣса много выиграли бы, даже съ ландшафтной точки зрѣнія, еслибы посреди ихъ мрачной чащи были проведены просѣки и еслибы нѣкоторые участки ихъ, теперь никому не доступные, стали доступны экономическому труду.

Но если откармливаніе самихъ быковъ остается здѣсь въ пренебреженіи, то нельзя сказать того же о прочихъ членахъ бычьей породы. Телята изъ Понтуаза славятся во всей Франціи, а дойныхъ коровъ много и всѣ отличнаго качества. Особенно масло и сыръ въ нѣкоторыхъ кантонахъ пользуются совершенно заслуженною репутаціей. Что̀ же касается до урожая, то онъ среднимъ числомъ даетъ отъ 18 до 20 гектолитровъ пшеницы съ гектара (1).

(1) Отъ $9^1/_2$ до $10^1/_2$ четвертей съ казенной десятины.

Изъ домашнихъ животныхъ здѣсь, какъ и въ Шампани, болѣе всего разводится овца, которой привольно жить въ этихъ равнинахъ, большею частію сухихъ. Эта отрасль промышленности, составляющая плодъ долгой и почтенной дѣятельности, обязана своимъ цвѣтущимъ состояніемъ образцовой фермѣ въ Рамбулье, первому заведенію этого рода во Франціи, основанному въ 1785 году подъ покровительствомъ Лудовика XVI. Тамъ производятся земледѣльческіе опыты, сравниваются различные способы обработки, и испытываются новыя земледѣльческія орудія. Это заведеніе потерпѣло неудачи, которыя могли бы привести въ отчаяніе и раззорить частныхъ промышленниковъ, но потомъ мало-по-малу распространило по Франціи породы мериносовъ и метисовъ,—двѣ породы, исключительно тамъ разводимыя. Уже въ 1809 году исчислено было, что оно пустило въ торговлю болѣе ста тысячъ животныхъ чистой породы и до четырехъ милліоновъ метисовъ.

Эти департаменты расположены на границѣ винодѣлія и не имѣютъ хорошихъ виноградниковъ. Но за исключеніемъ винограда, все царство растеній имѣетъ блистательныхъ и многочисленныхъ представителей во множествѣ здѣшнихъ лѣсовъ. Дубъ, береза, каштановое дерево, липа, букъ, грабина, женевская и сѣверная сосна составляютъ господствующіе виды. Въ деревняхъ повсюду разсѣяны въ большомъ количествѣ плодовыя деревья, принадлежащія къ видамъ, наиболѣе распространеннымъ, каковы груша, абрикосъ, слива, вишня, персикъ, яблоня, миндальное дерево и пр. Кто не знаетъ во Франціи, хотя понаслышкѣ, вишенъ Монморанси, персиковъ Монтреля, винограда Фонтенебло? Въ Монтрелѣ, въ Фонтенебло, благодаря ученой садоводственной промышленности, гектаръ земли подъ персиками или сладкимъ виноградомъ, стóитъ 30 тысячъ франковъ и доставляетъ ежегодно продуктовъ на 6 тысячъ франковъ! Городъ Провенъ, съ своими окрестностями, славится разведеніемъ прекрасныхъ розъ, называемыхъ *провенскими (de Provins)*, и часто употребляемыхъ въ медицинѣ. Говорятъ, что онѣ впервые появились во время крестовыхъ походовъ. Во Францію привезъ ихъ знаменитый труверъ, Теобальдъ-Пѣвецъ, графъ Шампанскій.

Но не одни растенія составляютъ богатство этихъ департаментовъ; наряду съ мануфактурами ковровъ Гобеленей. и Бове, роскошныя произведенія которыхъ извѣстны въ цѣ-

ломъ мірѣ, и наряду съ Севрскою фарфоровою мануфактурой, необходимо упомянуть о сахарныхъ, водочныхъ и крахмальныхъ заводахъ, возникающихъ повсюду, о фабрикахъ удобреній и пр.

Воздѣлываніе свекловицы торжествуетъ наконецъ надъ упорнымъ сопротивленіемъ, задерживавшимъ его развитіе, и съ каждымъ днемъ принимаетъ все бо́льшіе размѣры; одна часть ея поступаетъ на сахарные заводы, другая на кормъ овцамъ. Съ нѣкотораго времени встрѣчаются фермы, на которыхъ устроены водочные заводы и фабрики крахмала.

Общепринятый способъ найма земель есть фермерство съ опредѣленною денежною платой. Но существуетъ еще другой способъ, принятый для отдачи въ аренду имуществъ благотворительныхъ заведеній и усвоенный небольшимъ числомъ мелкихъ собственниковъ; это фермерство—наполовину за деньги, наполовину натурой. Но этотъ способъ исчезаетъ съ каждымъ днемъ, и теперь уже, въ общей сложности земель, онъ занимаетъ только сотую часть. Что̀ же касается до срока найма, то онъ бываетъ обыкновенно девятилѣтній для мелкихъ участковъ и двѣнадцати, пятнадцати, и даже восьмнадцатилѣтній для крупныхъ фермъ. Сѣвооборотъ общепринятый—трехпольный, съ паровымъ полемъ; но въ большей части кантоновъ паръ исчезъ и плодоперемѣнный сѣвооборотъ входитъ въ употребленіе, какъ болѣе раціональный, болѣе производительный и болѣе сообразный съ правилами науки и усовершенствованіемъ земледѣлія. Однако въ три послѣдніе года наемнаго срока, трехпольный сѣвооборотъ становится обязательнымъ. Въ случаѣ споровъ между собственникомъ и фермеромъ, судебныя мѣста почти всегда рѣшаютъ въ пользу плодоперемѣннаго сѣвооборота.

Можно сказать, что единственный продуктъ земледѣлія, поступающій въ продажу, есть пшеница; всѣ прочія яровыя хлѣбныя растенія, такъ же какъ сѣно и солома, безъ исключенія потребляются домашними животными. Впрочемъ, есть фермы, на которыхъ пшеницы сѣютъ меньше чѣмъ двадцать лѣтъ назадъ, а собираютъ болѣе: обиліе жатвы гораздо менѣе зависитъ отъ количества засѣянной земли чѣмъ отъ хорошей и разумной обработки. Также ошибочно предполагать, что въ годы сильной дороговизны, фермеры получаютъ самые значительные барыши, потому что они собираютъ менѣе, а имъ нужно употребить то же количество на собственное потребле-

ніе и на посѣвъ. Фермеръ, собирающій тысячу гектолитровъ пшеницы ежегодно, долженъ употреблять двѣсти изъ нихъ на пищу и посѣвъ: стало-быть остается 800 гектолитровъ на продажу. Но если при худомъ урожаѣ онъ соберетъ только 800, то отвезти на рынокъ ему можно 600; такимъ образомъ, хотя въ сборѣ не достаетъ только пятой части, но въ количествѣ, пущенномъ въ продажу, не окажется четвертой части.

Въ окрестностяхъ Парижа высѣвается на гектаръ болѣе сѣменъ нежели въ другихъ мѣстахъ, и на это есть свои причины. Въ Парижѣ можно продать легко и выгодно только пшеницу высшаго качества, а также и солома, особенно хорошая, цѣнится очень высоко. Тамъ и продавать ее можно безъ ущерба для хорошаго хозяйства, потому что тамъ же всегда легко купить огромныя массы удобренія на деньги, вырученныя за продажу соломы. При томъ, густой посѣвъ даетъ ходъ только лучшимъ сѣменамъ, отчего родится много хорошей соломы, и колосья, созрѣвая почти всѣ въ одно время, приносятъ отличныя зерна. Наконецъ опытъ долженъ былъ показать, что пшеница на жирной землѣ гораздо рѣже ложится при густомъ посѣвѣ чѣмъ при рѣдкомъ.

Мы вывозимъ много кукурузы въ Ирландію со времени болѣзни картофеля; это одинъ изъ тѣхъ продуктовъ, которые значительно усилили въ послѣдніе годы отпускъ нашего зерноваго хлѣба въ Англію. По мнѣнію моему, радоваться этому нѣтъ никакой причины. Ни народы, ни частныя лица не могутъ быть распорядителями своей участи, она такъ часто зависитъ отъ различныхъ, совершенно постороннихъ обстоятельствъ.

Россія, относительно прочихъ европейскихъ государствъ, страна новая; не пройдетъ полувѣка, и весьма вѣроятно, что одно освобожденіе ея рабочаго класса удвоитъ цифру ея земледѣльческаго населенія и учетверитъ ея поземельное богатство. Итакъ Россія еще долго должна оставаться житницей, въ которой Европа будетъ черпать себѣ хлѣбъ, недостающій для ея пропитанія. Можетъ-быть, Франціи очень опасно пускаться въ этотъ путь и вступать въ конкурренцію съ Россіей. Никогда страна, не имѣющая слишкомъ богатой почвы и обладающая густымъ населеніемъ, по природѣ своей нетерпѣливымъ, какова Франція, не можетъ безнаказанно браться за отпускъ продуктовъ растительнаго царства въ большомъ количествѣ. Эти продукты добываются только на счетъ богатства почвы, и гектолитръ пшеницы представ-

ляетъ часть производительной способности той земли, на которой онъ выросъ. Если бы мы стали черезъ мѣру развивать производство растительныхъ веществъ, не опираясь на дѣйствительныя средства къ возстановленію первобытнаго плодородія почвы, то произошло бы то же самое, что̀ постигло всѣ прибрежныя страны Средиземнаго моря, которыя были нѣкогда богатыми и цвѣтущими, а теперь бѣдны, ничтожны и безлюдны. Мы должны употреблять всѣ усилія наши на увеличеніе отпуска продуктовъ животнаго царства, мяса, шерсти, сыру, масла. При производствѣ какого-либо продукта животнаго царства, въ то же время производится и удобреніе, то-есть почва не истощается, а обогащается. Для достиженія этой цѣли, необходимо предпринимать большія работы по лѣсосѣянію и орошенію полей, обращать къ землѣ живыя силы націи,—людей и капиталы. Но мы не слѣдуемъ этимъ путемъ. У насъ, стѣсненіе и страданіе были всегда нормальнымъ состояніемъ земледѣлія. Оно даетъ средства жить безбѣдно наиболѣе счастливымъ, но едва ли, въ цѣломъ государствѣ, вамъ назовутъ кого-нибудь, кто бы обогатился земледѣліемъ, тогда какъ разказы о бѣдствіяхъ, постигшихъ земледѣльцевъ, слышатся безпрерывно.

Что̀ касается до недостатка рукъ, то онъ былъ такъ великъ въ эти послѣдніе годы, что правительство принуждено было посылать солдатъ на помощь земледѣльцамъ во время жатвы. Причина этого недостатка заключается въ покровительствѣ и привилегіяхъ, разсыпаемыхъ мануфактурной промышленности на счетъ земледѣлія, тогда какъ свобода, составляющая необходимое условіе его существованія, должна быть общимъ удѣломъ всѣхъ отраслей человѣческой дѣятельности. Земледѣліе требуетъ свободы для себя, но съ условіемъ, чтобы свобода дана была всѣмъ. Торговля также живетъ свободой; по самому свойству своему, она—космополитъ и гражданинъ всего міра. Всякій прибытокъ ей пріятенъ, даетъ ли его отечество или почва чужой страны. Ей кажется помѣхой все, что̀ препятствуетъ ей употребить въ свою пользу почву вселенной.

Дренажъ вводится у насъ медленно, потому что онъ сопряженъ съ большими издержками, которыя не по силамъ фермеру. Устроить его можетъ только самъ собственникъ или фермеръ при содѣйствіи собственника; но во Франціи нѣтъ обыкновенія затрачивать капиталы на улучшеніе земель. Впрочемъ, вотъ какимъ образомъ поступили многіе фермеры, чтобы восторжествовать надъ безпечностію землевладѣльцевъ. Они уговорили

ихъ принять на себя расходы по устройству дренажа, предлагая прибавить къ наемной платѣ за ферму по четыре, пяти и даже по шести процентовъ съ капитала, затраченнаго на эту операцію. Раздѣленіе или, правильнѣе, раздробленіе поземельной собственности представляетъ также много неудобствъ. Чтобы получить позволеніе у сосѣда провести трубы въ его земляхъ, необходимо совершить множество формальностей, медленныхъ и тягостныхъ, какъ все, что дѣлается административнымъ путемъ во Франціи. Все это ведетъ за собою столько хлопотъ, что собственники, а особенно мелкіе, не рѣшаются приступить къ нимъ. Богатый землевладѣлецъ часто можетъ обойдтись безъ сосѣдей, онъ можетъ выкопать водосточные рвы и употребить тысячу средствъ, которыхъ нѣтъ у мелкаго собственника, находящагося всегда въ стѣсненномъ положеніи.

Въ странахъ, изстари и сильно населенныхъ, какова Франція, земледѣліе находится въ положеніи совершенно исключительномъ, которое не имѣетъ аналогій ни съ какою другою отраслію промышленности и въ настоящее время совершенно чуждо вашему отечеству. Впрочемъ, Россіи не худо принять его въ соображеніе, потому что всегда благоразумно приберегать сокровища на будущее время, и лучше предупредить болѣзнь въ зародышѣ чѣмъ врачевать ее, когда она разовьется. Итакъ земледѣліе должно производить не только предметы, поступающіе въ продажу и доставляющіе деньги, но и самые элементы производства въ соразмѣрности. Эти элементы суть удобренія, которыя можно назвать основаніемъ земледѣлія. Итакъ часть производительной силы нашихъ земель должна быть употреблена на воздѣлываніе хлѣбныхъ растеній всякаго рода и безчисленныхъ продуктовъ, требуемыхъ мануфактурною промышленностію, а другая на поддержаніе основнаго начала, удобренія,—и чѣмъ больше мы производимъ первыхъ, тѣмъ болѣе должны заботиться о второмъ. Въ этомъ заключается великое, громадное затрудненіе, борьба между интересомъ настоящаго и интересомъ будущаго. Это напоминаетъ устройство парохода, принужденнаго дѣлить свое помѣщеніе надвое: одна половина идетъ на перевозку товаровъ, доставляющую ему доходъ, другая на уголь, приводящій его въ движеніе. Горе ему, если онъ дастъ слишкомъ много мѣста товарамъ! Горе странѣ, которая слишкомъ много развиваетъ производство растительныхъ продуктовъ на продажу и слишкомъ много отпускаетъ ихъ! Рано или поздно,

она придетъ въ упадокъ. Конечно, искусно составленная система можетъ поддержать равновѣсіе между тѣмъ, что̀ можно назвать приходомъ и расходомъ почвы. Но огромное количество земли (восемь милліоновъ гектаровъ, если не ошибаюсь), остающееся у насъ незасѣяннымъ за недостаткомъ удобренія, доказываетъ, что мы, по несчастію, слишкомъ далеки отъ такого равномѣрнаго распредѣленія элементовъ сельскаго хозяйства.

Величайшее искусство земледѣльца заключается въ достижеженіи равновѣсія между культурами улучшающими и истощающими почву, а средства къ достиженію его—разумно-устроенный сѣвооборотъ и раціональное плодоперемѣнное хозяйство.

Безполезно, да и не возможно предписывать опредѣленныя формулы сѣвооборота, потому что онъ долженъ соображаться съ цѣнностію и плодородіемъ почвы, съ потребностями страны и способами сбыта. Во всякомъ случаѣ, существуютъ нѣкоторыя общія правила, отъ которыхъ трудно отступать безнаказанно. Такимъ образомъ можно принять за общее правило, что почти всегда благоразумно раздѣлить обрабатываемыя земли на двѣ равныя части, изъ которыхъ одна должна быть обречена производству травъ, естественныхъ и искусственныхъ, что̀ дастъ возможность разводить большое количество скота и добывать много удобренія. На другой половинѣ надо разнообразить обработку между растеніями, истощающими почву, и растеніями, ее улучшающими. Искусственныя травы, каковы клеверъ, люцерна, дятлина, занимающія первое мѣсто между растеніями, улучшающими почву, имѣютъ то неудобство, что даютъ ходъ сорнымъ травамъ. Оттого и нужно часто замѣнять ихъ огородными растеніями, свекловицей, картофелемъ, и всѣми видами овощей, горохомъ, простыми и турецкими бобами и пр., главное свойство которыхъ очищать почву. Никогда не должно два года сряду сѣять одно и то же на одной землѣ, а лучше всего сѣять зерновой хлѣбъ послѣ огородныхъ растеній, чтобы какъ можно менѣе было сорныхъ травъ. Приложеніе къ дѣлу плодоперемѣннаго сѣвооборота, по этимъ правиламъ, воздѣлываніе почвы глубокими бороздами, которыя дѣлаютъ ее доступною влагѣ и атмосферическому вліянію, разумное употребленіе удобреній, сообразное съ свойствомъ посѣва и временемъ года, дадутъ возможность добывать ежегодно такую сумму продуктовъ, какую только можетъ доставить поле, и притомъ не истощать почвы и не

оставлять ее подъ паромъ. Болѣе же всего должно разнообразить три главные рода растеній: зерновый хлѣбъ, травы и промышленныя растенія.

Недостатокъ рукъ для земледѣльческихъ работъ нигдѣ не чувствуется такъ сильно, какъ въ окрестностяхъ Парижа, потому что тамъ не только производятся ежегодные рекрутскіе наборы, опустошающіе всѣ французскія деревни, но и совершается безпрерывное переселеніе въ города, и преимущественно въ Парижъ, гдѣ въ послѣднія восемь лѣтъ предприняты работы громадныя, колоссальныя, безумныя, какъ будто съ намѣреніемъ принести всю Францію на жертву столицѣ. Безъ сомнѣнія, Парижъ составляетъ голову и сердце государства, и на этомъ основаніи онъ долженъ быть предметомъ особенныхъ украшеній. Но эта голова и это сердце пріобрѣтаютъ слишкомъ большіе размѣры, и Франція подвергается опасности умереть отъ аневризма или скопленія мокротъ въ мозгу. Корень зла заключается въ преимуществахъ, которыми разнообразныя правительства наши осыпали мануфактурную промышленность, отчего она мало-по-малу поглотила всѣ капиталы, и привлекла къ себѣ всѣ живыя силы народа, безъ большей пользы, впрочемъ, для самой себя.

Такъ какъ земледѣліе производится у насъ почти безъ капиталовъ, то фермеръ не можетъ дать своему работнику такой высокой платы, какую даетъ ему фабрикантъ, имѣющій передъ своимъ соперникомъ еще то огромное преимущество, что онъ можетъ доставлять занятіе регулярно въ продолженіи цѣлаго года, между тѣмъ какъ полевыя работы вовсе не регулярны и даже совершенно останавливаются на нѣсколько мѣсяцевъ.

Въ то время, когда фермеры были бѣдны деньгами, они не дорожили своими продуктами, расточали все непокупное и жили съ своими слугами и поденьщиками въ совершенномъ равенствѣ. Прежнія фермерши были сами и кухарками; все хозяйство дѣлалось ими самими или по крайней мѣрѣ у нихъ на глазахъ, и жизнь эта, къ которой онѣ привыкли, имѣла для нихъ свою прелесть. Но на большихъ фермахъ въ департаментахъ, которые мы теперь описываемъ, фермеръ не что иное, какъ богатый *буржуа*, наблюдающій за работами и большею частію не имѣющій ничего общаго съ крестьянами. Такимъ образомъ прекратились патріархальныя отношенія между господиномъ и слугами; послѣдніе спустились степенью ниже, тогда

какъ первые стали выше въ общественной іерархіи. Это отвлекло ихъ отъ полевой работы. Вскорѣ прекратились обѣды за общимъ столомъ, потомъ перестали даже совсѣмъ кормить поденьщиковъ, и забыли какъ много выиграла нравственность отъ прежняго обращенія фермеровъ съ ихъ работниками. Прежде они составляли одну семью; поденьщики пользовались хорошею пищей, а фермеръ не имѣлъ, подобно фабриканту, у самыхъ воротъ своего жилища, шинка, источника всѣхъ безпорядковъ.

Желая избѣжать необходимости увеличивать жалованье работникамъ, которыхъ перестали допускать къ семейному столу, нѣкоторые хозяева поручили кормить своихъ людей главному служителю; вскорѣ появились такъ-называемые *rogneurs de portions*, то-есть обрѣзчики порцій, и возникло общее неудовольствіе. Иные стали выдавать работникамъ пайки, какъ солдатамъ, другіе отвѣшивать хлѣбъ, но ни тѣмъ, ни другимъ не удалось достигнуть своей цѣли. Когда хозяинъ выказываетъ подозрительность, то очень натурально, что служители стараются его обманывать. Въ хозяйствѣ, гдѣ господствуютъ порядокъ и экономія, необходимо, не ослабляя надзора, оказывать людямъ довѣренность, и, по всѣмъ вѣроятностямъ, они не употребятъ ея во зло. Въ этомъ классѣ, какъ и во всякомъ другомъ, есть свое самолюбіе и чувство чести, только надо умѣть ими пользоваться.

Въ послѣднее время начали водворяться новые обычаи, которые старыя фермерши считаютъ злоупотребленіями, тогда какъ въ дѣйствительности они служатъ доказательствомъ настоящаго прогресса. Въ прежнее время сельскіе жители почти никогда не ѣли мяса. Въ Иль-де-Франсѣ ѣдали ветчину, но не болѣе какъ четыре раза въ недѣлю; теперь же на многихъ фермахъ по воскресеньямъ подаютъ говядину и рисовый супъ, и нѣтъ сомнѣнія, что вскорѣ пища вездѣ будетъ улучшена; получая хорошую пищу, люди въ состояніи будутъ больше работать, а такъ какъ потребленіе мяса сдѣлается всеобщимъ, то сбытъ домашнихъ животныхъ будетъ для фермера и удобнѣе и надежнѣе.

Чѣмъ рѣже становятся деревенскіе работники, тѣмъ неумѣреннѣе ихъ требованія, потому что нѣтъ никакой возможностиобойдтись безъ ихъ помощи. Они нарушаютъ свои обѣщанія безъ зазрѣнія совѣсти, особенно во время жатвы, и очень часто случается, что хозяинъ принужденъ прибавлять

жалованья по ихъ требованію; иначе жатва его останется въ полѣ и пропадетъ.

Существуютъ, особенно на сѣверѣ Франціи, о которомъ мы уже бесѣдовали, цѣлые округи, наполненные населеніемъ, не имѣющимъ опредѣленнаго занятія. Кочующія толпы ихъ прохаживаются по деревнямъ Иль-де-Франса съ предложеніемъ услугъ, которыми всѣ спѣшатъ воспользоваться. По окончаніи работъ, ихъ приглашаютъ на будущій годъ въ такое же время. Иногда они являются по приглашенію; часто случается, что обязательство, голословное и лишенное всякой гарантіи, остается безъ исполненія, и неразумный земледѣлецъ, легкомысленно довѣрившійся незнакомцамъ, въ критическое время года остается въ крайнемъ затрудненіи.

Нѣкоторые хозяева обнаруживаютъ бо́льшую предусмотрительность и заводятъ сношенія съ жителями сѣверныхъ департаментовъ, которые берутся высылать имъ сельскихъ работниковъ. Но эти агенты совершенно имъ неизвѣстны, и обманываютъ ихъ не рѣдко самымъ наглымъ образомъ. Такъ, напримѣръ, агентъ, занимающійся доставкой служителей, помѣщаетъ работника на ферму и получаетъ вознагражденіе отъ земледѣльца, а иногда и отъ самого работника, но онъ не ручается ни за продолжительность его пребыванія, ни за способность его къ работѣ, даже не рѣдко самъ побуждаетъ помѣщеннаго имъ человѣка переходить къ другому хозяину, съ котораго беретъ второе вознагражденіе, а иногда успѣваетъ получить и третье.

Поправить такое печальное положеніе было бы однакожь вовсе не трудно; стоило бы только учредить въ главныхъ городахъ кантона конторы для помѣщенія работниковъ. Обязанность такой конторы, которую бы очень удобно помѣстить при мировыхъ судахъ, должна состоять въ посредничествѣ между земледѣльцами одного департамента и работниками, находящимися въ другихъ. Земледѣлецъ долженъ заранѣе представлять агенту аккуратную записку о своихъ требованіяхъ, съ показаніемъ числа работниковъ обоего пола, которые ему понадобятся, времени, на которое они ему нужны, рода занятій и цѣны, предлагаемой имъ для каждаго, наконецъ всѣхъ условій относительно пищи, помѣщенія и проч. Замѣтимъ однако, что это только палліативное средство, и что настоящее лѣкарство заключается въ томъ, чтобы не расточать

всѣхъ милостей на города и значительно уменьшить цифру постояннаго войска.

Объ оригинальныхъ обычаяхъ деревенской жизни я не могу сообщить вамъ ничего интереснаго. Мы теперь слишкомъ близко отъ Парижа; цивилизація изгоняетъ здѣсь оригинальность. До революціи въ селеніяхъ очень любили забаву, похожую на такъ-называемыя *русскія горы*, которыя мы, судя по названію, заимствовали отъ васъ. Все искусство занимавшихся этою забавой состояло въ томъ, чтобы голову, руки и ноги размѣстить такимъ образомъ, чтобы тѣло представляло видъ шара; въ такомъ видѣ они скатывались съ вершины холма и у подошвы его становились на ноги. Иногда игру производили два человѣка; головы они клали другъ къ другу между ногъ, схватывались и представляли нѣкоторое подобіе шара.

Въ окрестностяхъ же Парижа получилъ въ старину начало свое праздникъ, который былъ нѣкогда весьма популярнымъ во всей Франціи; я разумѣю старинную церемонію вѣнчанія дѣвицы розовымъ вѣнкомъ, *la rosière*. Разказываютъ, что въ V вѣкѣ прелатъ, по имени Св. Медардъ, посѣщавшій хижины и принимавшій у себя королей, установилъ въ Салански, деревнѣ въ департаментѣ Уазы, награду за добродѣтель, ежегодно назначаемую наиболѣе достойной изъ молодыхъ дѣвицъ. Въ послѣдствіи, совершеніе этой церемоніи было назначено въ самый день праздника Св. Медарда, 8-го іюля. Въ день праздника, торжественная процессія появлялась за избранною дѣвицей и при звукахъ барабановъ и волынокъ провожала ее въ церковь, гдѣ совершалась религіозная церемонія, и гдѣ священникъ возлагалъ ей на голову розовый вѣнокъ (откуда названіе *la rosiere)* и надѣвалъ на руку серебряное кольцо, между тѣмъ какъ церковные своды оглашались торжественнымъ пѣніемъ молебна. Потомъ все шествіе сопровождало ее къ господскому зáмку, гдѣ праздникъ оканчивался обѣдомъ и баломъ, который открывалъ самъ господинъ съ увѣнчанною дѣвицей. Около половины прошедшаго столѣтія, при сластолюбивомъ Лудовикѣ XV, когда съ высоты престола распространялся по Франціи плачевный и заразительный примѣръ распутства, селенія наши остались почти единственными убѣжищами чистыхъ нравовъ. Нѣкоторые философы вздумали возстановить трога-

тельное торжество празднованія *Rosière*, приходившее въ упадокъ. Повсюду появились вѣнчанныя избранницы, и трудно перечислить всѣ театральныя піесы, которыя вывели ихъ на сцену съ бо́льшимъ или меньшимъ успѣхомъ.

Каждая изъ нашихъ революцій унесла какой-нибудь изъ нашихъ старинныхъ обычаевъ. До 1848 года существовало еще во многихъ общинахъ обыкновеніе посылать каждую ночь могильщика на улицу, чтобы онъ ровно въ 12 часовъ будилъ жителей звукомъ колокола. Прозвонивши вездѣ, онъ останавливался на каждомъ концѣ улицы и приглашалъ спящихъ прервать сонъ свой и помолиться за усопшихъ. Еще и теперь, когда зарываютъ на кладбищѣ тѣло, онъ даетъ въ руки четыремъ самымъ близкимъ родственникамъ или друзьямъ покойнаго концы погребальнаго покрова и такъ отводитъ ихъ домой, не переставая звонить въ колоколъ. Обычай разносить по домамъ святую воду во всѣ большіе праздники также не вышелъ еще изъ употребленія, и не проходитъ ни одного воскресенья, чтобы такое замаскированное нищенство не постучалось во всѣ двери. Что̀ сказать объ этомъ, когда даже сельскій учитель, *instituteur*, иногда отправляется такимъ образомъ въ воскресенье собирать лепту бѣдняка и даяніе богача, подъ предлогомъ снабженія ихъ святою водой?

Это напоминаетъ мнѣ, что я не сообщалъ еще вамъ ничего объ одномъ изъ самыхъ интересныхъ, если не самыхъ важныхъ лицъ французской общины, о сельскомъ учителѣ. Я долженъ поправить это важное опущеніе, и въ слѣдующемъ письмѣ поговорю съ вами о немъ.

Евгеній Бонмеръ.

КАБАЧОКЪ МАРТЫШКА

ЭПИЗОДЪ 1718—19 ГОДОВЪ.

Драгоцѣнные матеріялы, изданные въ VI томѣ *Исторіи Петра I* г. Устряловымъ, статьи М. П. Погодина въ *Русской Бесѣдѣ,* познакомили читающую русскую публику съ этою историческою драмой, полною живаго интереса; но много пробѣловъ остается еще на страницахъ біографіи Алексѣя Петровича, много возникаетъ вопросовъ, которыхъ рѣшеніе необходимо для полной и безпристрастной оцѣнки преступленій сына и строгости отцовскаго суда.

Дѣтство и молодость царевича не разъяснены. Царевичъ родился въ 1690 году, и до 1698 г. находился при матери своей царицѣ Евдокіи. Гдѣ жилъ онъ, кто окружалъ его, чѣмъ занимали ребенка, какое направленіе дано ему въ тѣ драгоцѣнные годы, когда первыя впечатлѣнія ложатся на душѣ основаніями будущихъ нравственныхъ проявленій? Гдѣ былъ царевичъ и что̀ дѣлалъ послѣ ссылки царицы, потомъ во время

шлиссельбургскаго похода? Чему онъ учился и выучился у Гилена? Все это до сихъ поръ не объяснено. Безъ успѣха ищемъ мы слѣдовъ, указаній, подробностей, какъ въ это время обходился Петръ съ своимъ сыномъ, къ чему приготовлялъ его, въ какихъ отношеніяхъ Алексѣй Петровичъ былъ къ Екатеринѣ и Меншикову? Съ 1707 по 1709 годъ царевичъ въ Москвѣ, по порученію Петра, управляетъ дѣлами государственными,—любопытно знать, какъ онъ управлялъ?—въ духѣ ли Петровскихъ преобразованій и нововведеній? Могъ ли онъ радовать Петра, какъ надежный наслѣдникъ престола? Наконецъ, путешествіе его за границу, долговременное тамъ пребываніе, возвращеніе въ Россію и жизнь супружеская съ Шарлотой извѣстны намъ лишь по нѣсколькимъ строчкамъ австрійскаго резидента въ Россіи, Блеера. Съ такими-то неполными, неудовлетворительными свѣдѣніями, приходимъ мы наконецъ къ страшной развязкѣ его неразгаданной жизни: къ побѣгу изъ Россіи, къ возвращенію въ отечество и къ осужденію на смертную казнь. Трубецкой раскатъ Петропавловской крѣпости и сырыя его стѣны остались единственными, дожившими до насъ свидѣтелями послѣднихъ минутъ страдальца. Но въ тѣхъ стѣнахъ были живые люди,—не одни только тѣ, которые рѣшали судьбу царевича: тутъ были и исполнители приговоровъ, палачи, солдаты, сторожа, мастеровые; у нихъ были жены, дѣти, родственники, друзья, знакомые. Возвращаясь домой, подъ страшною тайной, передавали они своимъ ближнимъ видѣнное и слышанное. Отъ одного переходило къ тысячамъ, и судъ народный, не слышный, невидимый, шелъ рядомъ съ судомъ государственнымъ. Какъ ни старался Петръ запирать Петербургъ, запрещая по всѣмъ заставамъ выѣздъ, какъ ни хлопоталъ онъ о сохраненіи тайны, издавая указъ, чтобы никто, подъ смертною казнью, не смѣлъ даже писать въ затворенной комнатѣ о происшедшихъ событіяхъ,—народъ зналъ, что̀ дѣлалось съ царевичемъ, зналъ, что онъ умеръ не своею смертію...

Народъ любилъ царевича. Алексѣй былъ въ дружбѣ съ духовенствомъ, молился усердно по монастырямъ и церквамъ, пировалъ въ церковные праздники, заступался за монаховъ и монахинь, награждалъ ихъ деньгами, подавалъ часто нищимъ, не любилъ иноземцевъ и сочувствовалъ старинѣ; еще царевичъ былъ ребенкомъ, а въ народѣ говорили уже,

что онъ не любитъ Нѣмцевъ. Слухи о пыткѣ царевича вызывали слезы въ избѣ простолюдина, и возбуждали негодованіе на Петра. На обжорномъ рынкѣ, вблизи царскаго дворца, сбирался народъ толпами, бесѣдовалъ о царевичѣ и бранилъ Петра.

Разказъ, предлагаемый читателямъ и почерпнутый изъ подлинныхъ документовъ, объяснитъ, какими путями переходили въ народѣ вѣсти о царевичѣ, въ то время, когда приняты были всѣ мѣры, чтобы все оставалось въ глубокой тайнѣ.

Въ двадцати верстахъ отъ Петербурга, въ мызѣ Кирпуле, принадлежавшей графу Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину, на большой Стрѣленской проѣзжей дорогѣ, стояла мазанка съ раскрашенными окнами. Рѣдкій мужичокъ не останавливалъ своей лошадки, проѣзжая мимо этого домика, гдѣ въ отворенныя двери такъ привѣтливо блестѣли на ставкѣ бутылки и чарки. Это былъ кабакъ, по прозванію *Мартышка.* Содержатель заведенія, Андрей Порошиловъ, былъ человѣкъ ловкій, привѣтливый, расторопный и къ тому краснобай. Много видѣлъ, много слышалъ въ свою жизнь Порошиловъ; сперва былъ онъ въ Рождественскомъ Владимірскомъ монастырѣ служкой; въ 1704 году нагрянулъ рекрутскій наборъ, Порошилова взяли изъ монастыря и привезли на смотръ въ Москву, къ графу Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину, управлявшему тогда монастырскимъ приказомъ. Высокій, статный служка понравился графу, и изъ монастырскаго платья Порошилова перерядили въ драгунское, съ назначеніемъ въ безсмѣнные деньщики къ графу.

Девять лѣтъ постоянной, преданной службы вызвали отъ графа награду, и Андрей изъ деньщиковъ опредѣленъ прикащикомъ на графскую мызу Кирпуле, съ оставленіемъ при немъ драгунскаго жалованья 15 алтынъ въ мѣсяцъ. Жалованье не завидное, и Андрей началъ придумывать «чѣмъ бы накопить деньгу.» Въ мызѣ былъ кабакъ въ откупномъ содержаніи, у иноземца Карлуса Монсова; у Порошилова были связи, — деньщики и дворецкіе знатныхъ господъ. Дѣло казалось выгодное, и Андрей переняля у Карлуса кабачокъ за 35 рублей въ годъ. Но одному торговать трудно, да и безъ женщины что̀ за хозяйство? У Андрея была короткая знакомая, жена петербургскаго посадскаго человѣка, Ирина Иванова; онъ сдѣлалъ ей предложеніе вступить въ товарищество, и посадская женка

съ радостію приняла предложеніе бывшаго графскаго деньщика.

Время шло; Порошиловъ наживался; этому особенно способствовало знакомство его въ Петербургѣ съ дворецкимъ фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева; къ фельдмаршалу привозили изъ Дерпта вино и табакъ. Дворецкій тайкомъ продавалъ задешево эти продукты Порошилову, а онъ съ барышомъ, и уже открыто, сбывалъ контрабанду въ своей *Мартышкѣ*.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1718 года, рано утромъ, подъѣхала къ кабаку телѣга. Незнакомый Порошилову крестьянинъ вошелъ въ свѣтлицу и потребовалъ пива; хозяинъ завязалъ разговоръ съ пріѣзжимъ, который назвалъ себя крестьяниномъ фельдмаршала Шереметева. Слово за словомъ, хозяинъ самъ выпилъ пивца; пріѣзжій не торопился и остался обѣдать у прикащика; застольный кружокъ былъ не великъ: хозяинъ, его товарищь по откупу, Ирина Иванова, да братъ ея, пріѣхавшій къ нимъ въ гости, Егоръ Леонтьевъ, посадскій петербургскій человѣкъ. Вино и пиво развязали языки собесѣдниковъ, и скоро разговоръ коснулся событія современнаго, кончины царевича Алексѣя Петровича. Всякій передавалъ по своему, и событіе, и свое сочувствіе къ царевичу. Долго слушалъ хозяинъ молча болтовню бабы и ея брата, но когда заговорили о Петрѣ, онъ не вытерпѣлъ и вмѣшался въ разговоръ: «Видишь какую планиту Богъ наслалъ, что сынъ на отца, а отецъ на сына... Нынѣ судьи неправедные, не право судятъ, а государь и сына своего не щадилъ... Какой онъ царь, воскликнулъ въ жару разговора Порошиловъ, сына своего, блаженной памяти (всѣ встали и перекрестились) царевича Алексѣя Петровича, заведши въ мызу, пыталъ изъ своихъ рукъ. Самъ видѣлъ.» Баба Ирина, тоже подъ хмѣлькомъ, прибавила: «Онъ Антихристъ! Да скоро конецъ, Преображенскіе солдаты хотятъ въ строю убить его.» Посадскій человѣкъ осудилъ Петра болѣе съ серіозной стороны: «Промѣнялъ онъ, государь, большаго сына своего на меньшаго, на шведскій духъ,» сказалъ Егоръ Леонтьевъ. «Да нынѣ господа хотятъ ухлопать его за неправду, потому что многую неправду въ корнѣ показалъ, весь народъ его бранитъ,» прибавилъ Егоръ, «и ходитъ-то онъ, государь, безъ памяти.» Пріѣзжій перемѣнилъ разговоръ на кабацкіе доходы, и сообщилъ хозяину о привозѣ къ Шереметеву новаго транспорта вина, предлагая Порошилову познакомить

его съ дворецкимъ фельдмаршала. Порошиловъ хотя и былъ знакомъ съ дворецкимъ, но услышавъ, что вновь привезли къ фельдмаршалу много вина и табаку, умолчалъ о своемъ знакомствѣ, и попросилъ пріѣзжаго свезти бабу Ирину на дворъ фельдмаршала, для покупки товара. Такъ и сдѣлано. Баба Ирина снарядилась на скорую руку, и потянулась въ Питеръ...

Гость Порошилова дорогою протрезвился, и обдумалъ свое положеніе... Вопервыхъ, онъ солгалъ, назвавшись крестьяниномъ Шереметева: онъ былъ крестьянинъ князя Александра Даниловича Меншикова, по прозванію Дмитрій Макаровъ Солтановъ; потомъ весь разговоръ о царѣ и царевичѣ пришелъ ему на память. Дѣло страшное; хула на царя, *слово и дѣло!* Что если кто изъ собесѣдниковъ попадется по какому-нибудь дѣлу подъ кнутъ, и для спасенія скажетъ за собою *слово и дѣло,* чему примѣры были безпрестанные, а въ свидѣтели поставятъ его Солтанова? Если и такъ, съ пьяна, что̀ тоже часто случалось, закричитъ Порошиловъ или посадскій человѣкъ: *слово и дѣло,* и покажетъ на Солтанова,—бѣда, опять бѣда неминучая! Пытка и смертная казнь! Съ этими тревожными мыслями, Солтановъ подъѣхалъ къ дому Шереметева. Что̀ дѣлать? Онъ спустилъ съ телѣги Ирину Иванову, а самъ ударилъ по лошади, и слѣдъ простылъ... Солтановъ рѣшился донести самому царю лично о непристойныхъ словахъ, говоренныхъ на Мартышкѣ. Но какъ объявить доносъ? Свидѣтелей постороннихъ никого не было, все родственники, да друзья; они отопрутся, и первый кнутъ будетъ на его спинѣ. Не лучше ли откровенно донести своему барину, свѣтлѣйшему? Онъ близокъ къ царю, и защититъ его. Въ этомъ предположеніи, Солтановъ обратился за совѣтомъ къ деньщику Меншикова. «Князь этими дѣлами не занимается,» сказалъ ему деньщикъ. Со страху Солтановъ занемогъ, и пролежалъ болѣе полугода. По выздоровленіи, страхъ опасности, грозившей ему за бесѣду въ Мартышкѣ, не оставлялъ его, и едва оправившись, Солтановъ пошелъ съ доносомъ къ Андрею Ивановичу Ушакову, члену тайной канцеляріи.

Въ это время, въ іюнѣ 1719 года, Петръ приказалъ всѣ подобныя дѣла завѣдывать князю Ивану Өедоровичу Ромодановскому, пріѣхавшему на время съ преображенскою канцеляріей въ Петербургъ.

13-го іюня, Солтановъ разказалъ все Ромодановскому. 14 іюня,

рано утромъ, Порошиловъ только что успѣлъ отворить двери своего привѣтливаго домика, какъ подъѣхали двѣ телѣги съ сержантомъ, и двумя солдатами Преображенскаго полка. Хозяинъ встрѣтилъ ихъ привѣтомъ, но не ласковый отвѣтъ дали ему солдаты. Они схватили его и женку Ирину, заковали въ желѣзо, запечатали кабакъ и помчались въ городъ.

Порошилова съ женкой Ириной привезли прямо въ крѣпость, къ допросу, по извѣту Солтанова.

Порошиловъ въ разспросѣ сознался, что въ прошедшемъ году, послѣ обѣда, при Солтановѣ, женкѣ Иринѣ и Егорѣ Леонтьевѣ, онъ говорилъ о пыткѣ царевича, и зналъ объ этой пыткѣ, потому что «когда царевичъ содержался подъ карауломъ въ мызѣ своей, въ четырехъ верстахъ отъ Петербурга, то въ то время на караулѣ у него былъ сынъ его помѣщика, графъ Платонъ Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ; онъ ѣздилъ къ графу Платону, и видѣлъ самъ, какъ царевичъ лежалъ въ той мызѣ пытанный. Отъ словъ же поносныхъ на царя, и о томъ, что царь пыталъ его изъ своихъ рукъ, Порошиловъ отперся.»

Разспросили женку Ирину Иванову.

Ирина объяснила о себѣ, что она жена посадскаго человѣка, Ѳедора Ѳедотова, который кормится отъ шитья мужскихъ шапокъ. Четыре года тому назадъ, она откупила съ Порошиловымъ кабакъ Мартышку, и живетъ съ нимъ въ одномъ домѣ, а мужъ къ ней приходитъ временемъ. Непристойныхъ словъ про царя и царевича не говорила, и ее поклепали напрасно.

Розыскъ шелъ законнымъ, установленнымъ порядкомъ, по уложенію царя Алексѣя Михайловича.

Даны очныя ставки, доносителю и обвинителямъ; на очныхъ ставкахъ каждый остался при своемъ.

Привели Егора Леонтьева, брата Ирины. Онъ жилъ прежде въ Москвѣ, былъ посадскій человѣкъ, а въ настоящую минуту жилъ въ Петербургѣ, въ Бѣлозерской слободѣ, и также кормился шапочною работой. Въ разспросѣ не сознался въ говореніи поносительныхъ рѣчей противъ его царскаго величества.

Сознанія противъ доноса не было. На другой день, 15 іюня, приступили къ пыткѣ. Андрей Порошиловъ сознался, что говорилъ непристойныя слова про царя, *съ пьяна*.

Женка Ирина, послѣ 25 ударовъ, тоже созналась, что непристойныя слова, показанныя доносителемъ, она говорила, а что другіе говорили, не помнитъ, потому что въ то время

гораздо была пьяна, и въ томъ пьянствѣ, что̀ говорила, сказать ничего не помнитъ.

Егоръ Леонтьевъ подъ пыткой объявилъ, что говорилъ ли онъ тѣхъ непристойныхъ словъ, какъ на него доносятъ, онъ не помнитъ, потому что былъ пьянъ, а пуще ему помнится, что онъ тѣхъ словъ не говаривалъ.

Порядокъ розыска, установленный закономъ, пошелъ своею неумолимою постепенностію. Слѣдовало пытать три раза.

Чезъ два дня, 17 іюля, обвиненные приведены опять передъ Ромодановскаго.

Андрей Порошиловъ подъ пыткой показалъ, что говорилъ непристойныя слова про царя съ пьяна, а про царевича о пыткѣ говорилъ со словъ встрѣтившагося ему на дорогѣ, при поѣздѣ въ мызу царевича, человѣка Мусина-Пушкина, Ивана Григорьева, который сказывалъ ему, что царевичъ пытанъ. (Дано ему семь ударовъ.)

Послали въ домъ графа Мусина-Пушкина за Иваномъ Григорьевымъ; графъ отвѣчалъ, что у него такого человѣка нѣтъ, и никогда не было.

Отъ Порошилова потребовали, чтобъ онъ сказалъ сущую правду, кто ему говорилъ о пыткѣ царевича. Порошиловъ, который можетъ-быть думалъ, что онъ отдѣлается отъ пытокъ временемъ, необходимымъ для отыскиванія несуществующаго человѣка, сознался, что показалъ на небывалаго Ивана Григорьева, «вчера при пыткѣ въ безпамятствѣ и второпяхъ, а что когда онъ ѣздилъ въ мызу государя царевича къ графскому сыну Платону, въ то время при немъ, графѣ Платонѣ, былъ графскій человѣкъ Андрей, а чей сынъ и прозвище—запамятовалъ, и у той мызы тотъ Андрей ему, Порошилову, въ разговорахъ сказывалъ одинъ-на-одинъ, что онъ государь царевичъ пытанъ, и чтобъ онъ, Порошиловъ, о томъ инымъ никому не сказывалъ, и по тѣмъ его Андреевымъ словамъ, онъ, Порошиловъ, про него, государя царевича, всѣ слышанныя слова говорилъ.»

Доискались графскаго человѣка Андрея, и 24 іюля привели въ преображенскую канцелярію.

Андрей Рубцовъ показалъ:

«Человѣкъ онъ дому Ивана Алексѣевича Мусина-Пушкина *старинный*, и живетъ у него въ домѣ въ жильцахъ. Въ прошедшемъ 1718 году, лѣтомъ, а въ какое время—не помнитъ, когда государь царевичъ Алексѣй Петровичъ былъ въ мызѣ

своей съ недѣлю или больше, подлинно не помнитъ, а для чего не знаетъ, въ то время при немъ государѣ царевичѣ былъ завсегда графъ Платонъ Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ, да лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка четыре человѣка сержантовъ, а при немъ, Платонѣ, былъ завсегда онъ, Рубцовъ, а вышеписанный Порошиловъ къ нему, Платону, пріѣзжалъ впервые ввечеру, а для чего—не знаетъ, и въ тотъ вечеръ графъ Платонъ приказывалъ ему, Андрею, какъ утромъ будетъ Андрей Порошиловъ, а чтобъ онъ ему сказалъ, чтобъ онъ Порошиловъ ѣхалъ домой, а его, Платона, не дожидался. И какъ тотъ Порошиловъ пріѣхалъ поутру, и онъ Андрей ему сказалъ, чтобъ онъ ѣхалъ домой, теперь-де не до того, для того что онъ, Платонъ, спалъ, а такихъ словъ, что государь царевичъ пытанъ, онъ, Андрей, Порошилову не говаривалъ, и ни отъ кого не слыхалъ; только въ одно время, а въ которое не упомнитъ, какъ пріѣхалъ въ ту мызу царское величество, изъ избы его Андрея выслали вонъ, и онъ, Андрей, стоялъ въ лѣсу отъ той мызы далече, и въ то время въ той мызѣ, въ сараѣ, кричалъ и охалъ, а кто не знаетъ, и послѣ того, спустя дня съ три, видѣлъ онъ, что государь царевичъ говорилъ, что у него болитъ рука, и велѣлъ ту руку подлѣ кисти завязать платкомъ, и завязали, а для чего, и отчего та рука болѣла, не знаетъ.»

7-го августа Андрея Порошилова, Андрея Рубцова, женку Ирину Иванову, посадскаго человѣка Егора Леонтьева, допрашивали снова подъ пыткой, въ потвержденіе сказаннаго ими въ предыдущихъ пыткахъ. Они повторили прежнее безъ всякихъ измѣненій.

Доноситель, крестьянинъ Солтановъ, постоянно присутствовалъ при этихъ допросахъ, и 7-го августа надбавилъ еще новое обвиненіе на посадскаго человѣка Егора Леонтьева, будто онъ говорилъ, «что, когда государя царевича не стало, и въ то время, государь на радости вырядилъ въ флаги фрегатъ и вышелъ передъ лѣтній дворецъ.»

Показанія были не точны, не вполнѣ согласовались между собою, и при томъ не утверждены еще установленнымъ числомъ допросовъ съ *пристрастіемъ.* Но произведенныя пытки изнурили обвиненныхъ;—дали отдыхъ, и только 2-го сентября приступили къ продолженію слѣдованія. Егора Леонтьева допросили на вискѣ; онъ показалъ: «Когда онъ былъ у вышеписаннаго Андрея Порошилова въ, гостяхъ, и въ то время были они пьяны, въ разговорахъ про царевича, а къ чему—не

помнитъ, тотъ Андрей Порошиловъ сперва говорилъ: «Нынѣ судьи неправедные, не право судятъ, а государь «и сына своего государя царевича не щадилъ, заведши въ мызу «пыталъ,» а жена Ирина Иванова говорила, что онъ государь не милостивый и сына своего государя царевича замучилъ, а про Фрегатъ говорилъ, что онъ наряженъ былъ въ флаги, въ день Полтавской баталіи.»

Показаніе Леонтьева о фрегатѣ было справедливо: на другой день смерти царевича, 27 іюня 1718 года, Петръ дѣйствительно праздновалъ годовщину Полтавскаго сраженія (Устряловъ т. VI, стр. 284). Но въ показаніи Леонтьева было новое обвиненіе на Ирину въ словахъ, «что государь немилостивый». Она должна была очистить себя новыми допросами. Ирина повинилась, «что говорила о царѣ, что онъ немилостивый», а говорила потому, «что когда Андрей Порошиловъ пріѣхалъ изъ мызы государя царевича домой, ввечеру въ комнатѣ сидя плакалъ, а она, Ирина, спрашивала Андрея, для чего онъ плакалъ, онъ отвѣтилъ: «Государь въ мызѣ сына своего, царевича, пыталъ», а почему онъ про это зналъ или кто ему сказывалъ, того именно Андрей ей не сказалъ.»

Всякое новое показаніе требовало новаго разспроса. Думалъ ли Андрей, горюя о царевичѣ, что его слезы будутъ ему обвиненіемъ? Но отъ него потребовали оправданія въ его чувствахъ и сострадании къ царевичу; ему предстояло только очистить себя противъ словъ, что Петръ пыталъ царевича. Порошиловъ повторилъ разказъ, какъ дошли къ нему эти свѣдѣнія, и снова запуталъ Андрея Рубцова.

«Какъ-де онъ пришелъ изъ мызы царевича домой, плакалъ, для того, какъ онъ былъ въ той мызѣ ввечеру, и вышеписанный Андрей Рубцовъ, вышедъ изъ избы, ему, Андрею, говорилъ одинъ-на-одинъ: не ходи-де для Христа, поѣзжай-де прочь, что-де теперь дѣлать? И онъ его, Андрея Рубцова, спросилъ, а что-де? И къ тѣмъ словамъ онъ, Рубцовъ, молвилъ: «государь «царевича пыталъ, для Бога о томъ не сказывай.»

Андрею Рубцову «старинному» слугѣ графа Мусина-Пушкина, пришлось разказать все, какъ было. 9-го сентября привели его въ застѣнокъ, раздѣли и поставили у дыбы. Палачъ перекинулъ роковую веревку чрезъ дыбу и вложилъ руки старика въ хомутъ.

Разспросъ у дыбы, въ ожиданіи пытки, былъ страшнѣе самой пытки! Вздернутый на виску, съ каждымъ ударомъ

кнута ожидалъ, что это послѣдній, и эта надежда облегчала его страданія, подкрѣпляла его нравственныя силы; при допросѣ же у дыбы, передъ пыткой, допрашиваемый испытывалъ одно безнадежное ожиданіе неизбѣжныхъ мукъ. Во время пытки, подъ ударами палача, обвиненный терялъ память, соображеніе, часто разсудокъ, и дѣлался безчувственнымъ, истерзаннымъ трупомъ. Въ допросѣ же *у дыбы* онъ съ полнымъ сознаніемъ своего положенія страдалъ еще нравственно, въ лихорадочномъ ожиданіи нестерпимыхъ истязаній.

Старикъ Андрей Рубцовъ началъ разказывать Ромодановскому, какъ пришлось ему узнать о пыткѣ царевича на мызѣ. «Когда онъ былъ съ помѣщикомъ своимъ Платономъ въ мызѣ, гдѣ былъ государь царевичъ, въ одно время помѣщикъ его приказывалъ ему, когда придетъ въ мызу царское величество, чтобъ онъ въ то время не мотался, станутъ-де государя царевича пытать, да и урядники, которые въ то время стояли на караулѣ, а именъ и прозвищъ ихъ не знаетъ, ему же, Рубцову, о томъ же, чтобъ онъ не мотался, въ то же время говорили; только о томъ, для чего бы онъ не мотался, именно они ему не говорили.»

Опять новое показаніе: старикъ замѣшивалъ въ дѣло графа Платона Мусина-Пушкина и преображенскихъ урядниковъ. Если онъ не откажется отъ этого показанія, то придется допрашивать графа и отыскивать всѣхъ урядниковъ, бывшихъ тому годъ назадъ, въ неопредѣленный день, на мызѣ царевича. Старику растолковали его болтовню и вздернули на виску.

Старинный слуга графскій для молодаго графа Платона пожертвовалъ собою и отказался отъ словъ своихъ. «Платонъ ему приказывалъ только, чтобъ онъ не мотался, а что станутъ пытать, именно не выговаривалъ, а сперва въ разспросѣ онъ обмолвился, испугавшись второпяхъ,» сказалъ Андрей Рубцовъ подъ мѣрными ударами палача. «Въ то же время, продолжалъ Рубцовъ, по пришествіи царскаго величества въ мызу, отошелъ онъ, Рубцовъ, въ лѣсъ и смотрѣлъ, какъ вели государя царевича подъ сарай, а тамъ слышалъ въ томъ сараѣ крикъ, охалъ, а кто именно—не знаетъ. Испужавшись отошелъ въ тотъ же лѣсъ далѣе, чтобы кто его не увидалъ—и больше того ничего не видѣлъ и не слышалъ; а сперва въ разспросѣ и съ двухъ пытокъ во всемъ запирался, боясь смерти.» Это показаніе онъ подтвердилъ еще 16-го сентября четвертою пыткой. Егоръ Леонтьевъ, при окончательной

пыткѣ, прибавилъ одно новое показаніе: «А что и государя весь народъ бранитъ, и то онъ говорилъ, а слышалъ на обжорномъ рынкѣ: стояли въ кучѣ, не вѣдомо кто, всякіе люди и межь собой переговаривали про кончину царевича, и въ томъ разговорѣ его государя бранили и говорили, и весь народъ его государя за царевича бранитъ, а что онъ же, государь, ходилъ безъ памяти, и то говорилъ, потому что, когда царевича не стало, и въ тотъ день, будучи на пристани, видѣлъ его, государя, печальна.»

Розыскъ былъ конченъ 16-го сентября, съ соблюденіемъ въ точности порядка, установленнаго Уложеніемъ. Оставалось постановить рѣшеніе и выдать награду крестьянину князя Меншикова за его правдивый доносъ. 17-го сентября Ромодановскій, уѣзжая въ Москву, по приказанію Петра, передалъ все дѣло и колодниковъ въ канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ.

Долго, слишкомъ два мѣсяца, томились въ тюрьмѣ несчастные страдальцы; преступленіе ихъ было велико—они знали о пыткѣ царевича на мызѣ, они осуждали Петра.

«5-го декабря 1719 года, дѣйствительный тайный совѣтникъ и кавалеръ и отъ гвардіи капитанъ, Петръ Андреевичъ Толстой, бригадиръ и лейбъ-гвардіи майоръ, Андрей Ивановичъ Ушаковъ, полковникъ и лейбъ-гвардіи отъ бомбардиръ капитанъ-поручикъ, Григорій Григорьевичъ Скорняковъ-Писаревъ, слушавъ сіе и выписки, приказали: вышеписаннымъ тайнаго совѣтника господина графа Мусина-Пушкина деньщику Андрею Порошилову и посадскому человѣку Егору Леонтьеву и женкѣ Аринѣ, за непристойные ихъ слова про его царское величество, которыя на нихъ вышеписанный крестьянинъ Дмитрій Макаровъ (Солтановъ) показалъ, въ чемъ они въ разспросахъ запирались, а съ очныхъ ставокъ съ нимъ Макаровымъ и съ розысковъ въ томъ повинились, и за такое ихъ воровство, *по Уложенію 157 года, второй главы, первой статьи* (1), учинить имъ смертную казнь, отнять головы, а человѣку его графскому Андрею Рубцову, за то, что онъ помянутому деньщику Порошилову, про царевича блаженной памяти Алексѣя Петро-

---

(1) Будетъ кто какимъ умышленіемъ учнетъ мыслити на государево здоровье злое дѣло, и про то его злое умышленіе, кто извѣститъ, и потому извѣту, про то его злое умышленіе сыщется допряма, что онъ на царское величество злое дѣло мыслилъ и дѣлать хотѣлъ и такого по сыску казнить смертію (*Уложенія* 157 г., 2 главы 1 статья).

вича говорилъ непристойныя же слова, учинить наказаніе бить кнутомъ нещадно и отдать его помѣщику по прежнему. Подписали Петръ Толстой, отъ гвардіи майоръ Ушаковъ, Григорій Скорняковъ-Писаревъ.»

15-го декабря 1719 года. Содержатель Мартышки, его товарищъ по откупу Ирина Иванова, и шляпный работникъ Егоръ Леонтьевъ выведены за кронверкъ Петропавловской крѣпости. У роковаго столба, дьякъ тайной канцеляріи прочелъ имъ приговоръ—и палачъ отрубилъ головы несчастнымъ. Въ это же время, немного въ сторонѣ, стариннаго слугу графскаго, Андрея Рубцова, наказывали кнутомъ нещадно.

Крестьянинъ Меншикова, Солтановъ, въ тотъ же день получилъ изъ тайной канцеляріи пятьдесятъ рублей награжденія.

Домы казненныхъ, въ тѣ времена, долго оставались запечатанными и стереглись караулами, но съ Мартышкой поступили благосклоннѣе. Вскорѣ послѣ казни хозяина и хозяйки, кабачокъ, поступившій къ прежнему содержателю, былъ открытъ для проѣзжихъ, и старинные знакомые Порошилова не рѣдко, хотя и со страхомъ, вспоминали за бутылкой пива прежняго хозяина, а особенно привѣтливую хозяйку.

Г. Е.

АБРЕКИ

РАЗКАЗЪ ЧЕРКЕСА (1).

Насъ у отца было всего двое дѣтей — я да старшій братъ. Выросли мы въ землѣ Абадзеховъ, а родились въ Кабардѣ. Еще ребенкомъ, лѣтъ семи, помню, я разспрашивалъ иногда отца, зачѣмъ онъ переселился въ чужую землю, далеко отъ родственниковъ и друзей. «Какъ тебѣ знать дѣла старшихъ?» отвѣчалъ на это обыкновенно отецъ. Только когда мы подросли и уже могли крѣпко держаться въ сѣдлѣ, отецъ разказалъ намъ причину, почему онъ покинулъ родной край. Видишь ли, дѣло-то изъ чего вышло. Былъ у отца закадычный

(1) Разказъ этотъ дѣйствительно писанъ природнымъ Черкесомъ, который, какъ читатели могутъ видѣть, вмѣстѣ съ полнымъ знаніемъ русскаго языка соединяетъ литературное дарованіе. Разумѣется, авторъ разказываетъ здѣсь не о самомъ себѣ, а возсоздаетъ то, что ему знакомо изъ непосредственныхъ впечатлѣній, изъ видѣннаго и слышаннаго. Нѣсколько разказовъ его, подъ тѣмъ же псевдонимомъ, были помѣщены въ *Библіотекѣ для Чтенія*.

пріятель, съ которымъ онъ чуть не въ одной рубахѣ грѣлся; и горе, и радость, и добыча — все было у нихъ пополамъ. Разъ они поѣхали, по обыкновенію своему, поворовать немножко. День выждали въ лѣсу, а ночью пробрались тихонько въ одинъ аулъ. Здѣсь они разлучились, чтобы высмотрѣть въ одиночку удобнѣйшія мѣста для кражи. (Такъ всегда дѣлается между хорошими ворами; только не привычные къ темнымъ ночамъ бредутъ гурьбой, и за то никогда не знаютъ удачи.) Когда отецъ вернулся въ назначенное для сходки мѣсто, товарища тамъ не оказалось. Онъ простоялъ въ большомъ нетерпѣніи, до полуночи. Товарищъ не ворочался. Тогда отецъ пошелъ къ высмотрѣнной конюшнѣ, вывелъ оттуда, безо всякой помѣхи, трехъ добрыхъ коней и отправился домой, думая, что и пріятель его вернется домой съ такою же добычей. Прошла послѣ этого цѣлая недѣля: пріятеля все еще не было. Отецъ не въ шутку испугался и бросился тотчасъ разузнавать, что̀ бы такое случилось съ его пріятелемъ. Отецъ не не пилъ въ эти дни; по сту разъ въ часъ забѣгалъ въ домъ его навѣдаться, не воротился ли онъ, или по крайней мѣрѣ нѣтъ ли какого о немъ слуха. Наконецъ, въ одинъ вечеръ, пріѣхало къ отцу нѣсколько незнакомыхъ лицъ, съ требованіемъ возвратить украденныхъ коней. Отецъ ахнулъ отъ изумленія и досады, однакожь прикинулся, что ничего непонимаетъ. Онъ подумалъ, что пріѣзжіе только подозрѣваютъ его въ кражѣ, какъ это часто случалось. Но потомъ дѣло разъяснилось. Другъ отца, пойманный на мѣстѣ кражи, въ конюшнѣ, назвалъ своего товарища, и тѣмъ хотѣлъ купить себѣ свободу. Однако, его продержали до тѣхъ поръ, пока не удостовѣрились, что именно отецъ укралъ трехъ коней. Отецъ вынужденъ былъ отдать лошадей, которыхъ все это время держалъ привязанными въ лѣсу. Случай этотъ черною кошкой проскочилъ между пріятелями. Изъ друзей они сдѣлались вдругъ злѣйшими врагами. Ссора не долго протянулась. При одной встрѣчѣ новыхъ враговъ, недостойный другъ отца палъ. Родственники его стали угрожать отцу, хотя, при жизни покойника, они всѣми силами старались сбыть его какъ-нибудь съ рукъ. Отцу моему, волей-неволей, пришлось оглядываться по сторонамъ и избѣгать встрѣчи съ новыми врагами. Дѣло все-таки не обошлось безъ маленькихъ стычекъ и выниманія винтовокъ изъ чахла. Отецъ говорилъ, что еслибы враги захотѣли, на самомъ дѣлѣ, убить его, то случаи къ тому представлялись почти на каждомъ

шагу, но они храбрились только для виду, чтобы люди не считали ихъ трусами, не соблюдающими родовой чести. Подъ конецъ, они предложили отцу, черезъ посредника, оставить край, чтобы не напоминать имъ каждую минуту о не отомщенной крови. Отецъ съ негодованіемъ отвергъ это безстыдное предложеніе, и поручилъ посреднику сказать, что оружіе должно порѣшить это дѣло. Дѣло мало-по-малу перешло въ руки людей. Прибѣгли къ *шарьяту*. На отца пала *плата за кровь*. А какъ у него не было на это ни средствъ, ни охоты, то онъ и удалился къ Абадзехамъ. Здѣсь онъ нашелъ самое радушное гостепріимство. Общество, въ которомъ онъ поселился, взяло на себя прокормленіе его семейства на первую зиму, а весною вспахало ему отдѣльное поле и предоставило, на всегдашнее пользованіе, лучшую часть покоса.

Первые старшины абадзехскіе искали дружбы моего отца; каждый осыпалъ его щедрыми подарками и лаской, желая привлечь къ себѣ. На другаго бѣглеца, пожалуй, никто бы не захотѣлъ даже посмотрѣть, потому что человѣкъ, не ужившійся въ родномъ краю, какъ хочешь, не всякому можетъ показаться хорошимъ. Но отецъ мой былъ не таковъ. Его нелязя было не уважить. Рѣдко кто могъ бы стать впереди его тамъ, гдѣ требовалось умѣнье обворожить знакомаго и незнакомаго. Изъ устъ его словно ручьи меда текли. Если захочетъ, бывало, кому понравиться, такъ будетъ говорить съ тѣмъ хоть цѣлый годъ, а не выронитъ ни одного не приличнаго слова, не сдѣлаетъ ни одного такого движенія, которое могло бы оскорбить *дворянскій вкусъ*. Можетъ, оттого онъ хорошо узналъ всѣ эти тонкости, что рано сиротой остался. А извѣстна доля сироты. Никто не проглотитъ въ жизни столько горькихъ капель, какъ бездомный бѣднякъ. Къ каждому человѣку онъ ласкается, какъ собака, у всѣхъ ищетъ покровительства и защиты, потому и всѣмъ хочетъ понравиться. Бѣдственно, конечно, такое житье—и врагу не слѣдуетъ его пожелать,—но правда и то, что тотъ, кто выросъ въ сиротствѣ, не походитъ уже на прочихъ людей. Онъ несравнимо лучше ихъ. Почему? спросишь. Потому, что онъ не зналъ съ колыбели ни ласкъ, ни нѣжностей; ходилъ зимой босой, въ лохмотьяхъ, ѣлъ объѣдки чужой семьи; если побивалъ его до крови ровесникъ, то онъ сносилъ терпѣливо, хотя могъ бы и больнѣе отплатить за обиду; онъ видѣлъ, какъ мать заботливо окутывала своего сына въ жестокіе морозы,

своимъ дыханіемъ отогрѣвала окоченѣвшіе члены, тогда какъ онъ, бѣдный сирота, продрогнувъ до костей, съ посинѣвшими губами, жался къ чужому очагу, боясь ежеминутно, чтобъ его не столкнули оттуда. Онъ видѣлъ, какъ однолѣтки его скакали въ праздники на рѣзвыхъ лошадкахъ, закинувъ за поясъ красивенькіе пистолеты, между тѣмъ какъ онъ толкался въ толпѣ, глотая обильныя, ни для кого не дорогія, слезы. За то каждая обида, каждая боль сердца, каждая накипѣвшая на душѣ желчь, укрѣпляли его, какъ хрупкое желѣзо закалъ, и, поднявъ голову среди невзгодъ, онъ уже дѣлается не чувствительнымъ къ душевнымъ и тѣлеснымъ страданіямъ; его уже ничто не томитъ. Отецъ мой—дай ему Богъ мѣсто въ раю! — испыталъ на себѣ все это. Чужой очагъ научилъ его, какъ нужно обходиться съ людьми. Не было такого неуживчиваго человѣка, съ которымъ онъ не поладилъ бы. Счастливъ былъ князь, имѣвшій его при себѣ. Отецъ возвышалъ его въ глазахъ людей своими благоразумными совѣтами и знаніемъ *дворянскаго обычая.* За это его такъ и прозвали *княжескимъ спутникомъ.*

Между Адигами такому человѣку вездѣ, какъ дома. Его никогда не посадятъ съ конца, а всегда выдвинутъ впередъ. Имѣя такого главу, семейство наше сдѣлалось вскорѣ какъ бы урожденнымъ въ незнакомомъ краю. А какъ подросли мы, какъ стали выѣзжать, вмѣстѣ съ другими юношами, такъ, повѣришь ли, на насъ начали смотрѣть точно на князей. Кунацкая наша стала любимымъ сборищемъ всѣхъ, кто съ винтовкою на плечѣ садился на коня,—не изъ одного нашего аула, а изъ цѣлаго околотка. Такъ правиломъ и сдѣлалось, чтобы каждая партія непремѣнно выѣзжала съ нашего двора; иначе, думали, и удачи не будетъ.

Отецъ давно твердилъ намъ, что нанесенная ему Кабардинцами обида остается безъ возмездія. «Я, можетъ, скоро умру, говорилъ онъ потомъ,—но помните, что вы *абреки.*» Не разъ водилъ онъ моего брата знакомить съ мѣстностью, и выучилъ его такъ хорошо, что братъ зналъ каждую тропинку въ Кабардѣ и вдоль Кубани: ни темная ночь, и никакіе туманы не могли сбить его съ дороги; хоть съ завязанными глазами онъ могъ бы провести куда угодно. А ты, вѣрно, знаешь, что въ наѣздахъ хорошій вожакъ нужнѣе чѣмъ самый храбрый наѣздникъ. Всякій знакомый съ темными ночами скажетъ тебѣ то же самое. Храбрый человѣкъ только поощряетъ товарищей своимъ примѣромъ, онъ не выпуститъ лишняго

противъ другихъ заряда; но безъ вожака никакая партія, если только въ ней есть хоть одинъ человѣкъ съ мозгомъ въ головѣ, не пустится въ дальній путь. Бывали случаи, да не такъ еще давно, что цѣлыя шайки отборныхъ наѣздниковъ погибали, какъ стадо скотовъ, а все оттого, что оставались безъ проводниковъ въ чужой землѣ, какъ рыба, выброшенная на песокъ. Ужь такого стыда не могло случиться тамъ, гдѣ находились мы съ братомъ. Еслибы разказать тебѣ десятую часть тѣхъ опасностей, черезъ которыя невредимо проскользали мы, уаллахи! ты бы подумалъ, что я вру. Да, такъ! Я самъ, очевидецъ, иногда сомнѣваюсь, не во снѣ ли все это было. Самъ посуди, не похожи ли на продѣлки ходжи, напримѣръ, вотъ эти два случая (беру самую малость, потому что всего и въ мѣсяцъ не перескажешь). Разъ, въ осеннюю пору, когда обнаженная земля не могла укрыть не только человѣка, но и птицу, мы съ братомъ провели шайку мимо воротъ русской крѣпости, подъ самыми носами часовыхъ на каланчѣ. Лошади наши, почуявъ близость жилья, громко ржали. Мы сами очень ясно слышали кашель караульныхъ и звукъ оружій, перебрасываемыхъ, отъ скуки, съ руки на руку. Сорокъ всадниковъ проѣхали мимо крѣпости такъ же незамѣтно, какъ еслибы пролетѣла надъ головами часовыхъ ночная птица. Такіе случаи повторялись всякій разъ, какъ мы отправлялись на добычу, потому что тогда, какъ и теперь, гдѣ переправа черезъ рѣки, тамъ Русскіе выставляли или крѣпость, казачій постъ, или сторожевую вышку. Пѣшеходу даже трудно было обойдти ихъ. Другой разъ, братъ мой оказалъ партіи такую услугу, что его, съ того времени, не иначе называли, какъ первымъ вожакомъ. Случай этотъ разкажу тебѣ подробнѣе, потому что онъ довольно замѣчателенъ. Едва ли отъ кого другаго услышишь что-нибудь подобное, хотя каждый Адиге, если онъ не просидѣлъ вѣкъ свой у очага своей сакли, съ закопченною отъ дыма бородой, засунувъ ноги въ золу, насчитаетъ въ своей жизни тысячи чудесъ.

Въ числѣ пятидесяти отборныхъ всадниковъ, перешли мы Кубань и проникли въ самую глубь казачьихъ земель. Время стояло рабочее. Скрываясь дня два въ темномъ лѣсу, мы видѣли, не въ дальнемъ отъ насъ разстояніи, жнецовъ и косарей. Слышали веселый говоръ и пѣсни гяуровъ, и съ нетерпѣніемъ ждали распоряженія старшихъ въ купѣ (партіи), чтобы броситься на готовую добычу. Назначили минуту напа-

денія подъ вечеръ, когда рабочіе сбирались въ свои хутора. Мы живо приготовились. Поправили сѣдла, осмотрѣли оружіе и, раздѣлившись на двѣ партіи, шагомъ направились изъ лѣса. Партія, въ которой находился я, должна была остановиться на окраинѣ лѣса и ждать, пока другая, пройдя по балкѣ, не преградитъ жнецамъ дороги въ хутора. Помню, какъ сильно во мнѣ билось сердце, какимъ огнемъ пылало все мое тѣло. Развѣ одинъ охотникъ, наскочивъ на раненаго оленя, испытываетъ такое чувство, какое испыталъ я въ тѣ незабвенныя минуты. Я досадовалъ на медленность; уши мои жадно прислушивались, не раздастся ли сигнальный выстрѣлъ и знакомое «бей». Товарищи мои тоже удерживали себя силой. Между тѣмъ, быстро темнѣло. Послѣдняя краска дня исчезла за вершиной лѣса. Наконецъ, послышался сигналъ. Мы съ гикомъ высыпали изъ лѣсу и врубились въ самую гущу жнецовъ. Опорожнивъ винтовки, ударили въ шашки и черезъ полчаса покончили дѣло. Казаки отчаянно оборонялись косами и вилами, а многіе даже оружіемъ, такъ что, имѣй они хоть мало времени собраться съ духомъ, намъ едва ли бы удалась попытка. Въ послѣдствіи я самъ видѣлъ, какъ трудно разорвать таборъ изъ связанныхъ повозокъ. Но въ этотъ разъ, нападеніе было произведено такъ быстро и неожиданно, что каждый гяуръ остался неподвижно на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ. Много мущинъ легло на мѣстѣ, много скрылось въ лѣсъ. Добыча наша была очень велика, потому мы не обратили вниманія на бѣжавшихъ. На каждаго изъ насъ приходилось по три ясыря (плѣнныхъ), все почти изъ мальчиковъ и молодыхъ дѣвушекъ. Мы затруднялись, кого изъ нихъ выбрать, и кого оставить. Бо́льшая часть товарищей забрали по четыре и болѣе плѣнныхъ. Такъ иногда жадность помрачаетъ умы людей! Однако, когда разсѣянная партія наша собралась въ кучу, люди благоразумные, бывалые, совѣтовали бросить по крайней мѣрѣ третью часть добычи. Сначала никто и не думалъ послушаться такого совѣта. Нѣкоторые даже громко высказали противное мнѣніе: «не всякій день можно наткнуться на такой случай, и потому брезгать тѣмъ, что̀ Богъ послалъ, не слѣдуетъ.» За этими толками мы больше провозились чѣмъ за схваткой. Ты самъ знаешь, какой человѣкъ Адиге. Въ пустякахъ онъ шагу не сдѣлаетъ противъ воли старшихъ, притворяется такимъ скромнымъ, безгласнымъ, что, уаллахи, невольно подумаешь, не обратился ли онъ въ того старичка въ сказкахъ, что̀, по одному знаку своего господина, останав-

ливалъ птицъ въ облакахъ и изъ глубины семи полосъ земли вызывалъ невиданныхъ красавицъ. Но какъ только дѣло коснется его интересовъ, въ раздѣлѣ добычи, или въ чемъ другомъ, тогда лучше зажмурь глаза, заткни покрѣпче уши и отвернись въ сторону. На слово старшаго послѣдній молокососъ, только что выпущенный изъ-подъ полы кормилицы, готовъ отвѣчать двадцатью. Въ тотъ вечеръ я самъ не меньше другихъ пѣтушился. «Кто не любитъ добычи, можетъ и съ пустыми руками поѣхать. Легче еще будетъ!» проговорилъ я нѣсколько разъ, довольно громко. Братъ услышалъ меня и такъ погрозилъ нагайкой, что я не только закусилъ губы, но еще и отпустилъ тотчасъ трехъ своихъ плѣнныхъ, оставивъ у себя только одну дѣвушку. Братъ мой началъ увѣщевать и другихъ, только не нагайкой, а умнымъ словомъ.

— Въ этомъ купѣ, сказалъ онъ, — я вижу много достойныхъ *дворянъ,* которые и по уму, и по храбрости выше меня, но, надѣюсь, они меня извинятъ, если я къ ихъ уважаемому голосу осмѣлюсь прибавить и свой. Богъ—да будетъ свята всегда Его воля, и да славится, пока міръ стоитъ, имя Его—благословилъ наше предпріятіе. Мы, шутя, можно сказать, завладѣли огромною добычей, перебили враговъ *истинной религіи.* Ни одинъ товарищъ не оцарапанъ. За все это каждый да вознесетъ въ душѣ своей Аллаха! А теперь подумаемъ о томъ, что мы находимся посреди русскихъ станицъ; путь нашъ не коротокъ, и усѣянъ постами да пикетами. Казачьи отряды безпрестанно снуютъ по дорогамъ. Благородные юноши, собравшіеся здѣсь, избрали меня вожакомъ. Я горжусь этимъ выборомъ и всѣ силы свои употребляю на то, чтобы оправдать довѣріе товарищей по оружію. Въ случаѣ какого несчастія—отъ чего избави насъ Боже!—вся вина падетъ на мою шею. Поэтому я прошу или выслушать мое слово, или же снять съ меня отвѣтственность вожака. Отвѣчать за участь пятидесяти наѣздниковъ, среди враждебной страны, я не берусь; а какъ простой товарищъ готовъ раздѣлять съ вами всѣ опасности.

— Говори свое слово, Харакетъ! сказали старѣйшіе изъ купа.—Кто не послушаетъ тебя, тому да будетъ стыдно предъ этимъ купомъ.

Молодежь притихла, видя, что дѣло идетъ не въ шутку.

— Если позволено мнѣ говорить, продолжалъ братъ,—такъ вотъ что я скажу. Извѣстно каждому, что излишняя добыча

обременительна какъ для коней, такъ и для всадниковъ. Скажите, многіе ли изъ насъ не отказывали утомленному пѣшеходу въ просьбѣ—посадить его позади сѣдла? А теперь, къ сожалѣнію, купъ нашъ не можетъ похвастать благоразуміемъ. Добыча ослѣпила его недостойнымъ образомъ. Бóльшая часть юношей, вижу, нахватили по два, по три ясыря. Что̀ же изъ этого? спросите вы можетъ быть:—вѣдь чѣмъ больше добычи, тѣмъ больше и славы? Такъ. Но подумалъ ли кто, что спина лошади не бревно, что со связанными руками нельзя пробираться по непріятельской землѣ? Бросьте, товарищи, лишній грузъ. Не забудьте, что не рѣдко намъ приходилось довольствоваться парою быковъ, или двумя-тремя клячами. Теперь же, по милости Аллаха, по ясырю всякій себѣ можетъ взять. Но нужно десяти по крайней мѣрѣ человѣкамъ быть свободными отъ всякой тяжести. Пятеро будутъ постоянно впереди и высматривать, нѣтъ ли гдѣ засады; другіе пять—сзади—обманывать погоню. Послушайте моего совѣта. Клянусь, я проведу васъ, какъ на ладони.

Въ купѣ долго шептались. Всѣмъ было жаль разстаться съ половиной добычи. Особенно затруднялись, кого назначить въ прикрытіе. Никто не желалъ, конечно, отказаться отъ добычи, ради славы охраненія отряда. Одинъ указывалъ на другаго, говоря: «ты бы пошелъ въ прикрытіе, лошадь у тебя добрая.» А тотъ, въ свою очередь, тоже ссылался на сосѣда. Если же кто и желалъ внутренно участвовать въ свободномъ отрядѣ, не рѣшался высказать этого, боясь, чтобы не обошли его при дѣлежѣ. И здѣсь прежде всѣхъ заговорилъ мой братъ. Такой ужь онъ былъ странный, не могъ никакъ смолчать. И до сихъ поръ еще удивляюсь, какъ даже знатные, гордые дворяне слушались его. Должно-быть родятся такіе люди на свѣтѣ, которые что̀ ни вымолви, все выходитъ хорошо, и перечить имъ нельзя. Что̀ жь бы ты думалъ? Въ такую минуту, когда совѣты отца роднаго не могли бы ничего сдѣлать, когда корысть затмила весь разумъ, всѣ приличія въ купѣ, слово брата подѣйствовало на всѣхъ. Десять всадниковъ мигомъ побросали добычу и двинулись въ путь. Облегченный купъ тоже тронулся. Братъ съ пятью товарищами поѣхалъ впередъ; пятеро другихъ, на лучшихъ коняхъ, отстали назади, не теряя, однакожь, насъ изъ виду. Небо совершенно стемнѣло. Черныя тучи предрекали или грозу, или сильный дождь. Однако, все обошлось благополучно. Мы ѣхали цѣлую ночь безъ остановки и на разсвѣтѣ были уже на полчаса

ѣзды отъ Кубани. Здѣсь купъ остановился, чтобы посовѣтоваться на счетъ дальнѣйшаго пути. Былъ предложенъ вопросъ: переѣхать ли Кубань, пока еще не совсѣмъ разсвѣло, или подождать до наступленія вечера въ балкѣ? Голоса раздѣлились. Одни утверждали, что чѣмъ скорѣе переѣдемъ рѣку, тѣмъ можемъ быть безопаснѣе отъ неожиданныхъ встрѣчъ, такъ какъ по ту сторону Кубани Русскіе не такъ охотно ѣздятъ. Другіе, напротивъ, полагали, что такъ какъ погоня неизбѣжна, то не лучше ли выждать время, и узнать, куда она направится. Русскіе никакъ не могли бы подумать, что мы, захвативъ такую огромную добычу, рѣшились остаться все еще внутри ихъ страны, потому поиски ихъ должны были устремиться за Кубань. Слѣдовъ своихъ мы не опасались. Сухая трава, начинавшая желтѣть, не могла насъ выдать. Притомъ, ѣхали мы большею частію кошеными или потравлеными лугами. Наконецъ, самые кони, замученные долгимъ путемъ, нуждались въ отдыхѣ. Все это заставило партію принять послѣдній совѣтъ. Купъ расположился въ балкѣ, вблизи ручья. Лошадей разсѣдлали и, спутавъ прочно, загнали въ одну кучку на самомъ травяномъ мѣстѣ. Человѣка четыре присматривали за ними. Бóльшая часть купа, разостлавъ подъ собою бурки, легла отдыхать. Надзоръ за плѣнными поручили двумъ расторопнѣйшимъ молодцамъ. Я съ двумя товарищами, какъ самые младшіе въ партіи, развели живо огонь и начали варить кашу. А какъ котелокъ былъ очень малъ, всего человѣкъ на шесть, то приготовленіе каши для цѣлаго купа производилось въ нѣсколько пріемовъ. Къ полудню обѣдъ былъ готовъ, полъ-барана, остававшагося отъ вчерашняго дня, изжарили отлично на вертелѣ. Мы насилу разбудили купъ. Пока раскладывали доли на листья лопуха, кто имѣлъ обыкновеніе молиться—помолился. Когда всѣ разсѣлись по мѣстамъ, я съ товарищами разнесъ кушанье, по порядку, начиная съ самаго старшаго. Послѣ долгаго поста, каждый съ жадностію принялся за свой кусокъ и вмигъ покончилъ съ нимъ. Плѣннымъ тоже поднесли по куску; но никто изъ нихъ не посмотрѣлъ даже на насъ: не до ѣды, вѣрно, было имъ. Накормивъ партію, мы взяли порціи караульныхъ за лошадьми и отправились было къ нимъ, какъ вдругъ одинъ изъ нихъ прибѣжалъ чуть дыша. Увидѣвъ его всѣ повскакали съ мѣстъ и схватились за оружіе и сѣдла, не разузнавъ еще что̀ такое случилось. Караульный, трусъ, что ли, онъ былъ, или запыхался очень, только ни слова не мог.

проговорить, а все показывалъ рукой въ ту сторону, гдѣ находились лошади. Тутъ, конечно, всякій догадался въ чемъ дѣло, и человѣкъ десять быстро побѣжали къ лошадямъ. Купъ засуетился. Кто всыпалъ порохъ на полку винтовки, кто поправлялъ кремень, кто закручивалъ бурку, чтобы привязать ее къ лукѣ,—никто не стоялъ праздно. Послышался топотъ нашихъ коней, и не больше какъ минутъ черезъ пять весь купъ былъ на коняхъ. Но тутъ-то и обнаружилась затруднительность нашего положенія. Пуститься прямо изъ балки гуртомъ на ровное мѣсто было бы безумно, потому что съ тяжелою добычей партія не сдѣлала бы и версты отъ легкаго отряда казаковъ. Потянуться внизъ, по балкѣ, къ Кубани, значило добровольно отдаться въ руки непріятеля, потому что балка оканчивалась пикетомъ, въ которомъ, по меньшей мѣрѣ, находилось полсотни человѣкъ. Счетъ, положимъ, не великій самъ по себѣ, но очень достаточный чтобы навести раздумье, когда имѣешь позади себя вдвое сильнѣйшаго врага. Пришлось выбрать одно изъ двухъ — бросить всю добычу и искать спасенія въ быстротѣ коней, или дуломъ винтовокъ проложить себѣ путь. Иного выхода не представлялось. Не будь у насъ плѣнныхъ, встрѣча съ сильнымъ отрядомъ никого бы, конечно, не испугала. Мы не удовольствовались бы тѣмъ, чтобы безъ вреда уйдти отъ него, а затѣяли бы съ нимъ непремѣнно драку. Но теперь было не то. Проклятая добыча заставила всѣхъ призадуматься. Что̀ если кто проболтается, по возвращеніи домой, о безстыдномъ бѣгствѣ?—такъ разсчитывалъ каждый про себя:—какими глазами будемъ смотрѣть на людей? Въ этихъ мысляхъ безмолвствовалъ купъ. Между тѣмъ всадникъ, посланный выглянуть изъ балки, донесъ, что отрядъ быстро приближается двумя партіями. Медлить было нельзя. Въ балкѣ не было ни куста. Непріятель тотчасъ же могъ насъ замѣтить. Одинъ выстрѣлъ, и изъ пикета казаки перерѣзали бы намъ дорогу. Что̀ ты ни говори, братъ, а кто не видалъ такихъ опасностей, тотъ не въ правѣ еще называться мущиной. Мнѣ кажется, при одномъ воспоминаніи объ этомъ, я выростаю на цѣлую четверть. Смерть, это пугалище людей, которую мы ждемъ со страхомъ, не такъ ужасна, какъ станешь лицомъ къ лицу съ нею; встрѣчаешь ее съ твердымъ намѣреніемъ не подаваться отъ нея ни на шагъ. Какъ будто вотъ, вотъ, вижу и теперь передъ собою мужественныя лица нашего купа; на каждомъ изъ нихъ такъ и говорилось: «умру,

но не брошу добычи.» Вѣрно купъ остался бы въ этомъ положеніи до прихода непріятеля, еслибы вдругъ не заговорилъ безпокойный мой братъ. Голова безбожника, подумаешь, за всѣхъ работала.

— Настоящая минута, сказалъ онъ, выступивъ среди круга,— одна изъ тѣхъ, въ которыя узнается Черкесъ. Когда дѣло дойдетъ до винтовокъ, ни одинъ человѣкъ изъ этого купа не обратится вспять. Въ этомъ я убѣжденъ также твердо, какъ и въ томъ, что теперь надъ нами свѣтитъ солнце, а съ неба взираетъ міродержавный Аллахъ, готовый помочь любимымъ своимъ сынамъ. Конечно, умирая отъ меча гяуровъ, мы сдѣлаемъ пріятное Аллаху. Но Аллахъ не сказалъ, чтобы рабы его съ завязанными глазами бросались на встрѣчу смерти; онъ требуетъ отъ нихъ только, чтобъ они не бѣжали смерти малодушно, когда онъ пошлетъ ее къ нимъ. Врагъ идетъ теперь на насъ. Избѣжимъ его, если можно; если же нельзя, то да падетъ каждый изъ насъ праведнымъ мученикомъ за вѣру. Давеча я далъ слово провести васъ какъ на ладони и, при помощи Бога, исполню свое обѣщаніе. Только держите мой совѣтъ. Совѣтъ же мой таковъ: всадники съ плѣнными пусть отправятся вверхъ по этой балкѣ. Братъ мой знаетъ дорогу. Онъ выведетъ ихъ изъ оврага въ лѣсъ, который можетъ укрыть хоть десять тысячъ всадниковъ. А я, съ легкимъ отрядомъ, разыграемъ съ непріятелемъ штуку лисицы съ волкомъ.

Едва проговорилъ онъ это, какъ весь купъ зашевелился молча. Я первый пришпорилъ лошадь, за мною и другіе, и сорокъ всадниковъ вытянулись по узкой тропѣ. Братъ съ товарищами быстро двинулись внизъ и, отъѣхавъ на выстрѣлъ отъ насъ, высыпали вдругъ, будто нечаянно, изъ оврага, а потомъ прикинулись испуганными, и крупною рысью понеслись по окраинѣ балки, прямо къ пикету. Оба казачьи отряда, соединившись вмѣстѣ, ударили за ними, думая, вѣроятно, что и мы съ плѣнными тянемся по лощинѣ, въ ту же сторону. Наши молодцы не торопились: непріятель былъ не очень близко, да къ тому же необходимо было беречь коней для дальнѣйшей хитрости. А казаки просто потрясали землю; ихъ крики, свистъ нагаекъ и топотъ коней доносились даже до нашихъ ушей. Надежда разорвать на куски малочисленныхъ враговъ придавала имъ бѣшеное нетерпѣніе, и отнимала всякую возможность обдумать хорошенько, что̀ такое эти десять человѣкъ,

которые осмѣлились открыто явиться передъ ними и, казалось, добровольно рвались на погибель. Эта необдуманная торопливость гяуровъ, можно сказать, спасла нашихъ товарищей отъ неминуемой гибели. Проскакавъ версты двѣ дружно, непріятельскій отрядъ началъ растягиваться въ длинную нить. Чрезчуръ сытные, невыѣзженные ихъ кони не скакали уже, а тащились; иные безцеремонно растянулись по землѣ, и никакія увѣщанія нагаекъ не могло поднять ихъ на ноги. Только человѣкъ двадцать, на хорошо-приготовленныхъ лошадяхъ, выдѣлились изъ отряда и быстро нагоняли нашихъ. Они уже могли послать за ними пули; но этого не сдѣлали. Летучій нашъ отрядъ доскакалъ до пикета, мигомъ перескочилъ его и поворотилъ въ чистое поле. Въ эту самую минуту сѣдлали коней на посту. Непріятель поздно догадался объ обманѣ, и съ новою яростію пустился вслѣдъ за ними.

Между тѣмъ, мы благополучно прошли балку и вступили въ обширный лѣсъ. Опасность миновала. Все безпокойство наше перенеслось теперь къ товарищамъ. Ихъ дерзкая отвага могла кончиться очень плохо. Помочь имъ мы не могли. Оставалось только просить въ душѣ помощи Аллаха, да съ трепетомъ прислушиваться къ каждому порыву вѣтра, съ той стороны, гдѣ остались они. Путь нашъ шелъ все лѣсомъ, гдѣ и тропинки не попадалось. Всадники отставали другъ отъ друга, да такъ далеко, что не рѣдко приходилось крикомъ и свистомъ поддерживать связь. Какъ передовой, я больше всѣхъ натерпѣлся въ этотъ день. Разумѣется, по такой дорогѣ не далеко уѣдешь. До темной ночи мы съ трудомъ проѣхали всего, можетъ, десять верстъ; за то это короткое пространство обошлось намъ гораздо дороже чѣмъ всѣ бывшія на моей памяти странствія. Мы высунули языки, какъ собаки; бóльшая половина лошадей или захромала, или изранилась... Днемъ еще кое-какъ ползли, по крайней мѣрѣ видѣли что-нибудь вокругъ себя, и выбирали удобнѣйшія мѣста. Но съ наступленіемъ ночи, тысячи невзгодъ разомъ обрушились на насъ. Вся наша забота устремилась къ тому, чтобы не отбиться совсѣмъ другъ отъ друга и не заблудиться. Никогда не позабуду этой проклятой ночи. Лѣсъ, темный и среди бѣлаго дня, такъ страшно нахмурился, что лошадь ѣдетъ-ѣдетъ, да вдругъ стукнетъ лбомъ въ дерево и, ошеломленная, замечется во всѣ стороны, или, дрожа, присядетъ. Крики и гамъ наполнили лѣсъ.

Одинъ сразмаху влетѣлъ въ ровъ и просилъ оттуда о помощи; другой, сорванный съ сѣдла упругою вѣткой, кричалъ: «держите лошадь!» Не видишь кто кричитъ, пойдешь отыскивать его ощупью, либо самъ попадешь въ ту же бѣду, либо убьешь цѣлый часъ. Спасибо еще, что плѣнники все время держали себя смирно. Будь они немножко посмѣлѣе да поумнѣе, уаллахи, всѣ до единаго разбѣжались бы. Мы не только ихъ, но и себя не могли беречь. Иногда такая досада брала меня, что я подносилъ кинжалъ къ своему горлу. Не знаешь, куда идти, направо ли, налѣво ли; не видишь ничего подъ самымъ носомъ. Сукъ лѣзетъ прямо въ глаза, и только тогда догадаешься объ опасности, какъ посыплются искры изъ глазъ. Въѣдешь подъ низкое дерево и чуть голова уцѣлѣетъ на плечахъ. Шапокъ никто не смѣлъ надѣвать: ихъ каждую минуту нужно было отыскивать въ темнотѣ, потому всѣ привязали ихъ къ сѣдельнымъ лукамъ. Оружія тоже не мало пострадали. Множество пистолетовъ повисло на вѣткакъ, половина винтовокъ переломалась пополамъ или осталась безъ замка и ложа; съ лошадей срывались уздечки, и всадники ѣхали, куда лошадь хотѣла. Одинъ товарищъ чуть-чуть не лишился жизни самымъ позорнымъ образомъ. Ѣхалъ, ѣхалъ, да повиснулъ на раздвоенномъ суку. Не успѣй онъ визгнуть, такъ живо бы затянуло горло. Къ счастію его, другой товарищъ случился тутъ и выручилъ вовремя. Да перечислять всѣ бѣды этой ночи и словъ не достанетъ. Довольно сказать, что изъ всего купа не осталось человѣка безъ порядочнаго шрама. На утро не было конца шуткамъ и смѣху. Но тогда не до шутокъ было, многіе готовы были съ досады заплакать по-бабьему. Наконецъ, не видя никакой возможности продолжать путь, измученный купъ съ большимъ трудомъ собрался на одной полянѣ. Нѣкоторые хотѣли было остановиться здѣсь, но бóльшая половина не согласилась на это. Какъ бы то ни было, до разсвѣта нужно было соединиться съ летучимъ отрядомъ, если только онъ благополучно избѣжалъ опасности. Но какъ двинуться дальше на избитыхъ, израненыхъ коняхъ, которые едва дышали? Прибѣгли къ единственному средству. Каждый привязалъ какъ можно туже ноги своего плѣннаго къ стременамъ, такъ чтобы, нельзя было имъ соскочить съ сѣдла, а самъ, ведя коня своего подъуздцы, долженъ былъ держаться одною рукой за хвостъ передней лошади: это—чтобы не разлучиться. Составилось подобіе игры мальчишекъ, въ которой всѣ съ зажмуренными глазами держатся

за полы черкесокъ и ходятъ по лугу, съ журавлинымъ крикомъ. Но мы кричали не по-журавлиному, а скорѣе по собачьему. И тутъ вся бѣда опрокинулась на мою несчастную голову. Тогда какъ всѣ прочіе шли въ цѣпи, не заботясь о дорогѣ, я одинъ расплачивался за всѣхъ, по милости моего брата, тычками и сотнями всевозможныхъ непріятностей. Я двигался наобумъ и, разумѣется, очень часто натыкался на непроходимыя мѣста. Тогда я бралъ другое направленіе, совершенно случайно, безъ всякихъ соображеній, а цѣпь послушно вилась по моимъ слѣдамъ. Приходилось полчаса и болѣе вертѣться на одномъ мѣстѣ. Какъ ни почетно было мое положеніе, и какъ оно ни прельщало меня своею новизной, но все-таки я нѣсколько разъ собирался отказаться отъ него. Въ эти минуты, мѣсто въ цѣпи представлялось мнѣ чистымъ раемъ. Но меня ободрялъ примѣръ моего брата, который умомъ и расторопностію, незамѣтно для гордыхъ товарищей, постепенно пріобрѣталъ надъ ними первенство.

Я вспомнилъ его поговорку: «кто хочетъ быть мущиной, тотъ не долженъ ни передъ чѣмъ отступать, никогда не терять присутствія духа.» Идя ощупью въ страшной мглѣ, останавливаемый поминутно ударами сучьевъ, я твердилъ эту поговорку вмѣсто молитвы. Она придавала мнѣ бодрость и силу. Я шелъ смѣлѣе, и мало-по-малу, увлекаемый своими геройскими усиліями, посреди мрачно-нависшаго, непроходимаго лѣса, затягивалъ пѣсню. Эта неожиданная веселость дѣйствовала и на весь купъ. Начинали разговаривать и шутить надъ перенесенными трудностями. «Живя еще на землѣ, мы попали въ адъ,» сказалъ кто-то въ цѣпи; и на это замѣчаніе всѣ отвѣчали дружнымъ хохотомъ. При такомъ настроеніи купа и самая затруднительность нашего положенія дѣлалась какъ-то незамѣтна. Тѣмъ временемъ приближалась полночь. Нѣсколько звѣздъ моргнуло на темномъ небѣ; но напрасно старались мы узнать между ними нашего всегдашняго путеводителя, Темиръ-Козыка (1). На этотъ разъ онъ коварно измѣнилъ намъ.

Среди ободрительныхъ мыслей, которыми я вооружался, ежеминутно приходилъ мнѣ въ голову вопросъ: куда мы идемъ,

---

(1) Буквально значитъ: *желѣзный колъ*. Подъ этимъ именемъ извѣстно между горцами созвѣздіе Большой Медвѣдицы, которое замѣняетъ для опытныхъ наѣздниковъ компасъ.

и гдѣ найдемъ своихъ товарищей? Я не зналъ даже, въ какую именно сторону направлены наши лица — къ сторонѣ ли Кубани, или въ противную. Ждать же разсвѣта для разрѣшенія моего сомнѣнія было не ловко. Мы, пожалуй, могли, подобно слѣпцамъ, набрести къ утру на берегъ Кубани, обставленный станицами. Я зналъ одно, что для соединенія съ летучимъ отрядомъ нужно было ѣхать все лѣсомъ, имѣя по правую руку теченіе Кубани. Эти соображенія приводили меня снова въ отчаяніе. Прибѣгнуть же къ товарищамъ за совѣтомъ я считалъ для себя униженіемъ.

Послѣ долгаго, утомительнаго пути, мы выбрались на обширную поляну, гдѣ насъ вдругъ поразилъ пріятный свѣтъ. Мы обрадовались ему, какъ рѣдкой находкѣ. Наши глаза, доселѣ встрѣчавшіе одну сплошную мглу, отдыхали. Грудь дышала свободнѣе. Легкій вѣтерокъ, вырвавшійся Богъ-вѣсть откуда, отрадно пахнулъ намъ въ лицо. Купъ расположился перевести духъ отъ усталости, держа за повода своихъ коней.

— Мы вышли изъ ада и вступили въ рай, сказалъ прежній голосъ.—Сто тысячъ лѣтъ долой съ плечъ!

— Эй, еще не торопись, отвѣчалъ ему другой, — мы только что миновали одну полосу изъ семи полосъ ада: шесть еще впереди; а это преддверье рая, данное для того, чтобы мы еще болѣе почувствовали новыя трудности. Велики грѣхи наши! А ты какъ думаешь, красавица моя? Э, да чего ты пригорюнилась, словно мокрая кошка? Или спать хочется? Жаль, что мы не на ночлегѣ, а то бы мы съ тобою славно погрѣлись.

— Съ кѣмъ ты болтаешь? спросилъ кто-то.

— Съ кѣмъ? Извѣстно, съ моею плѣнницей. Съ кѣмъ же больше говорить мнѣ такимъ медовымъ языкомъ.

— Спроси-ка прежде у нея, понимаетъ ли она что-нибудь изъ твоихъ словъ.

— Мало, братъ, мнѣ нужды до этого! Пойметъ, когда будетъ нужно. А теперь я самъ себя не очень хорошо понимаю.

— Что̀ такъ?

— Въ пяткахъ моихъ столько иголъ, что я сомнѣваюсь, осталось ли ихъ сколько-нибудь въ лѣсу; а на лицѣ такіе рубцы, что если захочу, увѣрю всѣхъ нашихъ дѣвушекъ, что участвовалъ въ жаркой битвѣ — и никто не подумаетъ, что мы всю свою храбрость положили въ войнѣ съ вѣтками.

Въ это время мнѣ послышалось что-то въ родѣ свистка. Я навострилъ уши—все тихо кругомъ. Товарищи все еще продолжали шутить, значитъ ничего не слыхали. Обманъ, подумалъ я, и ничего не сказалъ товарищамъ. Спустя немного, свистъ раздался снова, нѣсколько яснѣе перваго.

— Намъ, кажется, подаютъ знакъ, сказалъ я.

— Чтò? чтò, какой знакъ? спросили разомъ нѣсколько человѣкъ.

— А вотъ прислушайтесь внимательнѣе.

Наступила совершенная тишина. Свистъ повторился въ третій разъ и уже очень явственно.

— Такъ и есть: это наши молодцы! съ радостію вскричали мы всѣ въ одинъ голосъ. Съ нашей стороны прозвучалъ отвѣтный свистокъ; за нимъ тотчасъ послышался и четвертый.

— Ну, теперь въ дорогу! сказалъ я, взявъ лошадь свою за повода. Отрядъ нашъ впереди. Свистунъ! продолжай свое дѣло. Ну-те, съ Богомъ!

Ободренный купъ шагомъ поднялся съ минутнаго привала, и опять вступилъ въ мракъ лѣса. Неумолкаемый свистъ служилъ мнѣ вѣрнымъ вожакомъ: я шелъ прямо, по тому направленію, откуда онъ доносился. Приближалось къ разсвѣту. Небо очищалось, а вмѣстѣ лѣсъ прояснялся понемногу. Уже птицы шевелились въ листахъ, готовыя съ первымъ лучомъ порхнуть изъ мрачныхъ своихъ жилищъ. Наши молодцы встрѣтили насъ на небольшой полянѣ. Одни изъ нихъ лежали на буркахъ, устремивъ глаза къ мерцавшимъ звѣздамъ; другіе чинили поврежденія въ сбруѣ; а взмыленные ихъ кони стояли, понуривъ головы, сцѣпленные другъ съ другомъ уздечками. Братъ мой сидѣлъ на высокомъ деревѣ, и оттуда подавалъ намъ сигналъ.

— Добро пожаловать! закричалъ онъ, спускаясь съ своего поста, какъ только мы вступили на поляну.

— Будь угоденъ Аллаху, отвѣчали ему съ нашей стороны.

— Гостинецъ каковъ?

— Выбирай любое.

— Ну слава Богу, выбрались изъ чортова притона, говорили наши джигиты.—Отдохните немножко, да въ путь, прямо на сторону Карачая.

— Это какъ? съ изумленіемъ спросили мы.

— Да такъ же. Иного выхода нѣтъ. Всѣ броды заняты.

На другой день два раза натыкались мы на отдѣльные отряды, но они ничего не могли намъ сдѣлать, даже не дали знать объ насъ на линію; иначе намъ бы не уйдти. Еще четверо сутокъ тащились мы все вверхъ по теченію Кубани. На пятый день, вечеромъ, расположились недалеко отъ Каменнаго моста, что̀ при сліяніи Теберды съ Кубанью. Тутъ стоитъ памятникъ И. К., изъ котораго гяуры выстроили сторожевую башню. Десятка два солдатъ постоянно живутъ въ башнѣ, охраняя мостъ. Братъ мой, посланный высмотрѣть переправу ниже моста, донесъ, что рѣка въ разливѣ, и что на нашихъ измученныхъ коняхъ, да еще съ плѣнными за спиной, невозможно и думать о переправѣ. Что̀ тутъ дѣлать? Разсуждали долго, наконецъ, всѣ, по совѣту брата, рѣшили переѣхать по мосту. Но какъ переѣхать мостъ, охраняемый каменною башней, противъ которой винтовки наши были безсильны? А окна башни глядѣли на насъ, грозно нахмурившись. Они, казалось, такъ и говорили: попробуйте лишь сдѣлать шагъ, и посмотрите что̀ съ вами будетъ. Нашъ братъ смерти не боится, если только она предстанетъ открыто передъ лицо, такъ, чтобъ была возможность и самому что-нибудь сдѣлать, а не смотрѣть связаннымъ бараномъ. Придумали хитрость. Братъ тихонько подползъ къ самой башнѣ и, лежа на брюхѣ, высмотрѣлъ все. Часть солдатъ спала въ своихъ конуркахъ среди башни, другіе сидѣли у воротъ башни и, осиливаемые дремотой, то кланялись внизъ, то, очнувшись, осматривались кругомъ, и снова закрывали глаза. Когда братъ разсказалъ видѣнное имъ, многіе изъ купа соблазнились безпечностію часовыхъ и требовали тотчасъ же напасть на башню и перерѣзать всѣхъ солдатъ. Но ихъ предложенія не приняли: вопервыхъ потому, что при этомъ покушеніи, мы сами могли бы пострадать, безъ всякой пользы,—ибо что̀ у бѣднаго солдата можетъ быть, кромѣ черстваго сухаря, который тверже всякаго камня?—а раненый или убитый товарищъ могъ еще болѣе затруднить нашъ и безъ того тяжелый купъ; вовторыхъ, еслибъ даже и удалось намъ, безъ всякой потери, перебить солдатъ, то этимъ мы только раздражили бы враговъ и усилили бы погоню.

— Тутъ ничѣмъ не поможешь дѣлу, какъ только хитростью, сказалъ мой братъ; — если прямо броситься къ мосту, то полудремлющіе солдаты проснутся тотчасъ же и товарищей

своихъ подымутъ, заберутся въ башню — и начнутъ стрѣлять въ насъ изъ отверстій. Этакъ дѣло плохо пойдетъ. А я посмотрю — не удастся ли какъ-нибудь иначе. Хитрость уже разъ выручила насъ — не поможетъ ли она и теперь. Видите ли что̀ мнѣ пришло въ голову? Я поднимусь на эту горку, что̀ вонъ позади башни, и пущу внизъ камень. Солдаты подумаютъ, что это медвѣдь или кабанъ, и пойдутъ въ мою сторону. А вы будьте готовы, и какъ только я прибѣгу назадъ, скачите къ мосту, только не кучкой, а одинъ за другимъ, потому что мостъ не совсѣмъ широкій. Этакъ, дастъ Богъ, дѣло уладится хорошо.

Кончивъ рѣчь, братъ сейчасъ же скрылся въ темнотѣ. Спустя немного, съ горы полетѣлъ огромный камень и съ шумомъ бухнулъ съ высокаго берега въ рѣку. Слышенъ былъ даже плескъ воды. Затѣмъ послышались голоса. Въ это время одинъ изъ плѣнниковъ нашихъ, чувствуя, должно-быть, близость своихъ земляковъ (хотя глаза всѣхъ были крѣпко завязаны), вскрикнулъ что-то по своему, но сильный ударъ по головѣ рукоятью шашки замкнулъ ему уста. Должно-быть, однако, крикъ былъ услышанъ часовыми, хотя не совсѣмъ, за шумомъ рѣки. Нѣсколько человѣкъ на удачу двинулись къ намъ. Мы стояли въ ямѣ и не иначе могли быть замѣчены, какъ еслибъ они приблизились шаговъ на десять. Уже было наведено нѣсколько винтовокъ, готовыхъ вырвать нечестивыя души изъ грязнаго тѣла, какъ вдругъ съ горы покатилась цѣлая глыба камней, земли и гнилыхъ пней. Солдаты остановились. Они, казалось, разчитывали, что̀ бы такое могло это значить. Въ эту минуту послышалось по горѣ глухое мычаніе, что-то похожее на ревъ кабана. Вмигъ солдаты засуетились молча и тихо стали подкрадываться къ площадкѣ, которою оканчивалась гора. Не успѣли мы оглянуться назадъ, какъ тутъ же очутился нашъ мнимый кабанъ. Купъ съ шумомъ выскочилъ изъ ямы и устремился быстро къ мосту, но едва поровнялся онъ съ башней, какъ раздался выстрѣлъ оставшагося у воротъ часоваго. Обманутые солдаты сбѣжали съ горы, производя своими неуклюжими сапогами шумъ, заглушавшій топотъ лошадиныхъ копытъ. Страшный, горловой крикъ, такъ хорошо знакомый намъ съ давнихъ поръ, разрывалъ воздухъ пополамъ. Однако, пальбы не было. Мы преспокойно перешли мостъ и пристегнули коней. И только тогда дали вслѣдъ за нами залпъ,—но ни одна

пуля не прожужжала мимо нашихъ ушей. Точно вѣтеръ относилъ ихъ обратно къ хозяевамъ. Долго еще слышались за нами неистовые крики и бряцаніе оружія, но мало-по-малу все стихло въ ночной темнотѣ. Одинъ лишь гулъ Кубани провожалъ насъ далеко и, казалось, лаялъ на насъ за вражду нашу къ новымъ ея господамъ.

Вотъ какія дѣла дѣлали мы въ былое время! Теперь ничего похожаго не бываетъ. Съ каждымъ днемъ жалко мельчаетъ народъ адигскій; тошно подчасъ становится, какъ оглянешься вокругъ себя, да посмотришь, какими глупостями заняты Черкесы. О! еслибъ эта земля, на которой мы съ тобою стоимъ теперь, еслибъ этотъ прахъ получилъ вдругъ языкъ, онъ бы заговорилъ: «Вы, нынѣшніе Адиги, жалкіе муравьи, вы не достойны топтать своими нечестивыми ногами грудь мою. Оставьте меня! удалитесь въ другое мѣсто! Я честно служила вашимъ отцамъ, и дала въ себѣ пріютъ ихъ гніющимъ костямъ. Вы не въ правѣ лечь подлѣ нихъ. Я васъ не приму. Не ваша теперь я: вы меня продали своими же руками. Такъ ищите же себѣ новой отчизны!» Такъ и сказала бы она, еслибы могла говорить. Гдѣ тѣ отважные, неустрашимые наѣздники, подъ ногами которыхъ тряслась и стонала земля, которые на всю жизнь вѣнчались съ мракомъ ночи, промѣнявъ теплую постель и красивыхъ женъ на сырое ложе подъ открытымъ небомъ, спокойную жизнь на вѣчныя хлопоты. Да, нѣтъ теперь такихъ наѣздниковъ, и не будетъ ихъ ужь никогда! Если въ комъ и осталась душа смѣлая, *кусающаяся*, и тотъ долженъ погибнуть въ постыдномъ бездѣйствіи, въ золѣ домашняго очага, не совершивъ ни одного порядочнаго дѣла, въ примѣръ своимъ дѣтямъ и внукамъ. Да и не такъ еще пропадаютъ свѣжія силы земли адигской... Посмотри вокругъ себя—увидишь ли хоть одного юношу, который бы не пилъ или не желалъ выпить водки, и не тыкалъ въ зубы трубки. А страсть къ нарядамъ? Развѣ одно это не показываетъ уже, что Черкесовъ нѣтъ болѣе, что остались лишь тѣни ихъ, жалкія, пугливыя тѣни, которыхъ во сто разъ лучше мертвый остовъ предковъ. Прежде и первый всадникъ на всей адигской землѣ не носилъ на плечахъ своихъ такихъ пышностей, что̀ видимъ нынѣ на подломъ рабѣ. Гдѣ, наконецъ, увидимъ мы нашихъ славныхъ *гегуако*, гдѣ услышимъ ихъ сильное, жгущее душу слово? Нѣтъ болѣе гегуако! Родъ ихъ вымеръ. Не для нихъ нынѣшнее время. Не рыцарскіе подвиги

прославляютъ теперь наши пѣсни, — онѣ поютъ, какъ окатилась дѣвка въ аулѣ, или, какъ такой-то мужъ не выполняетъ своего долга, и какъ за то бьетъ его жена. Пометъ!—и больше ничего... Однако, я совсѣмъ усталъ, разказывая тебѣ Богъ знаетъ, что̀. Уаллахи, и говорить не стоитъ. Но такъ уже созданы мы, что любимъ болѣе всего свое прошлое: въ немъ только и отдыхаемъ душой. Не думай однако, что я каждому встрѣчному разказываю свои похожденія. Нѣтъ! Не повѣрю чужимъ ушамъ тайнъ души. Но ты... другое дѣло. Въ тебѣ съ перваго раза я нашелъ что-то такое, чего нѣтъ въ другихъ нашихъ юношахъ. Родись ты немного пораньше, изъ тебя могъ бы выйдти порядочный наѣздникъ. Знаю, что многіе изъ нашихъ смотрятъ на тебя косо, также хорошо понимаю твое положеніе, и сердечно тебя уважаю. Тотъ не мущина, кто не умѣетъ крѣпко держаться за то, что̀ разъ взялъ въ руки. Мой совѣтъ: уживайся съ Русскими; но не ради какихъ-либо наградъ, а ради своихъ же братьевъ, которые очень, очень нуждаются въ помощи и хорошихъ совѣтахъ. Вѣдь чего путнаго было ждать отъ тебя, еслибы ты остался навѣки между нашими юношами. Пропалъ бы даромъ; ни я, и никто другой не ставилъ бы тебя и въ грошъ. Ну, прощай, на короткое время. Я скоро заверну опять къ тебѣ. А теперь спѣшу въ сосѣдній аулъ. Тамъ одинъ человѣкъ обѣщалъ мнѣ за маленькія услуги подарить на зиму шубу. Не смѣйся. Теперь ничего не получишь безъ услугъ—вѣкъ, можно сказать, базарный. А не то было прежде. Бездомный человѣкъ, каковъ я, всю жизнь проводилъ въ первой встрѣчной саклѣ, ѣлъ и пилъ наравнѣ съ семействомъ — и съ него ничего не требовали. Прощай! Разказъ, пожалуй, буду продолжать, если онъ тебя занимаетъ.

Вотъ и шуба на зиму, но я не получилъ ея, а почти вырвалъ силой. Охъ, времена! Обѣщалъ человѣкъ чуть не клятвенно, а какъ дѣло дошло до исполненія, вдругъ перемѣнился, и пошелъ сыпать отговорки: «завтра, послѣзавтра.» Только тогда и выпустилъ изъ рукъ шубу, когда я, разсердившись не на шутку, выѣхалъ со двора, съ тѣмъ чтобы никогда не возвращаться.... Но чортъ съ ними, съ этими новообращенными жидами! На чемъ я остановился прошлый разъ? Я говорилъ объ одномъ изъ приключеній за Кубанью.

Подобныхъ приключеній было не мало въ моей жизни. Но я уже упомянулъ тебѣ, что разказывать ихъ долго. Изъ разказаннаго случая можешь судить, сколько разъ находились мы между двухъ огней. Ни для кого, однако, эти путешествія не приносили столько пользы, какъ для нашего дома. Не говоря о хозяйственной части, которая быстро росла, вѣсъ и значеніе наши въ обществѣ увеличивались съ каждымъ днемъ. На насъ смотрѣли теперь не какъ на пришельцевъ, искавшихъ защиты и покровительства, но какъ на самыхъ значительныхъ членовъ аула. Въ ряду молодежи, благодаря высокому уму брата моего, мы заняли самое видное мѣсто, между тѣмъ какъ въ народныхъ совѣщаніяхъ, почетное мѣсто, подлѣ аульныхъ владѣльцевъ, отводилось всегда отцу. Его голосъ могущественно раздавался во всѣхъ спорныхъ дѣлахъ. Содѣйствіе его дорого цѣнилось тяжущимися сторонами. Конечно, не всѣ благосклонно смотрѣли на возраставшее вліяніе абрековъ. Завистниковъ и недоброжелателей было не мало; даже открытыхъ противниковъ насчитывалось десятками. Еслибы вѣсъ нашъ въ обществѣ держался только на минутномъ успѣхѣ, то насъ, кличи, скоро забросили бы въ уголъ, какъ это всегда случается съ выскочками; но дѣло наше, по милости Бога, было прочно. Каждый набѣгъ въ чужія земли, каждое разсужденіе въ народномъ судѣ, укрѣпляли корни нашего вліянія. Безпрестанныя столкновенія съ людьми разныхъ мѣстъ и общія дѣла дали намъ обширный кругъ знакомства, такъ что я нисколько не солгу, если скажу тебѣ, что въ цѣломъ обществѣ, не исключая и богатѣйшихъ старшинъ, не было дома обильнѣе нашего хлѣбомъ-солью и гостями. Не стану много толковать о высокомъ уваженіи, которымъ пользовались мы среди чужаго намъ, по происхожденію, народа абадзехскаго; достаточно сказать, что старшина Ханца-Харунъ, въ аулѣ котораго мы жили, охотно отдалъ дочь свою за моего брата. А родъ нашъ — скрывать нечего — еще не изъ чисто-дворянскихъ, Дѣдъ мой былъ ни больше, ни меньше, какъ *мясоваромъ* князей К....

Но счастіе — вещь странная. И приходитъ оно незамѣтно какъ, и отходитъ также. Отецъ мой часто сравнивалъ счастіе съ отлично-убраннымъ конемъ среди гладкаго поля. Увидѣвъ его, путникъ останавливается, подкрадывается къ нему тихонько, на цыпочкахъ. Вотъ онъ близко къ нему, стóитъ лишь руку протянуть, — и конь его. Не тутъ-то было. Конь порхнулъ, взвился на дыбы и брыкнулъ такъ, что комъ грязи, вылетѣвшій

изъ-подъ его копытъ, высѣкъ искры изъ глазъ словно изъ огнива. Обманутый путникъ, чуть не плача съ досады, что выпустилъ изъ рукъ славную добычу, поѣхалъ уныло по своей дорогѣ; а конь самъ собою пошелъ въ конюшню человѣка, которому онъ и во снѣ никогда не грезился.

Счастіе подшутило и надъ нашимъ семействомъ. Вдругъ явилась холера. Сотни людей перешли въ лучшій міръ. Въ число ихъ попалъ и отецъ нашъ. Послѣднія слова, слышанныя нами отъ него, были таковы: «Живите ладно съ людьми; пусть примѣръ мой будетъ вамъ въ этомъ полезнымъ урокомъ.» Смерть отца не произвела сначала никакихъ перемѣнъ въ нашемъ домѣ. Братъ заступилъ его мѣсто и дѣйствовалъ во всемъ съ такимъ умѣньемъ, что казалось, дѣла наши пойдутъ еще лучше. Можетъ, это намъ такъ показалось оттого, что люди, насъ окружавшіе, были пока заняты каждый своими утратами. Язва выгнала изъ ихъ головы всѣ заботы. Но какъ только она прекратилась, мы догадались, къ чему клонились предсмертныя слова отца. Намъ стало ясно, что вся крѣпость наша заключалась въ отцѣ. Съ потерей его, мы будто крыльевъ лишились, и ничѣмъ уже не отличались отъ большей части молодежи. Голосъ нашъ могъ быть выслушанъ развѣ только въ купѣ, и то не всегда, а въ особенныхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, тѣ, о которыхъ я говорилъ. Враги поняли наше положеніе лучше насъ самихъ, и стали дѣйствовать настойчиво и дерзко. Нашлись между нами такіе молодцы, которые взялись упрекать Ханца-Харуна въ томъ, что онъ своими руками вымазалъ себѣ лицо грязью. «Возьми дочь свою назадъ,» совѣтовали они ему. Конечно, исполнить это было не такъ легко, какъ сказать; но, тѣмъ не менѣе, ужь одна молва объ этихъ происках подрывала нашу силу въ глазахъ народа. Мы были еще такъ малоопытны въ такого рода дѣлахъ, что не могли безъ гнѣва сносить нападки враговъ, и тѣмъ еще болѣе усиливали ихъ. Злѣйшимъ изъ враговъ нашихъ былъ одинъ Баракай, изъ рода *Короткій Мечь.* До насъ онъ считался первымъ вожакомъ и однимъ изъ расторопнѣйшихъ наѣздниковъ въ купѣ. Но на бѣду онъ былъ молодецъ лишь тамъ, гдѣ не было ему соперниковъ, по пословицѣ: на безлюдьи и кабанъ взбирается на холмъ. Онъ молчалъ, когда братъ мой занялъ его мѣсто, и ни однимъ словомъ не высказалъ передъ нимъ своего неудовольствія. За то, за глазами, онъ давалъ полную волю своему бабьему языку и по-

носилъ насъ всѣми средствами, какія только могла изобрѣсти его куриная голова. Злоба такихъ людей неистощима. Работая въ потемкахъ, какъ кроты, они ничего не упускаютъ изъ виду, всѣмъ пользуются съ умѣніемъ и успѣхомъ. Баракай неутомимо ратовалъ противъ насъ и сѣялъ невидимо раздоры между нами и прочею молодежью. Разумѣется, не всякое его слово принималось; одни слушали его отъ бездѣлья и скуки; другіе затѣмъ, чтобы посмѣяться надъ нимъ же; третьи, болѣе простодушные, вѣрили ему во всемъ, и въ свою очередь кричали, «что семейство Таджь зазнается слишкомъ, что это ни на что̀ не похоже, что нужно сбить съ него рога.» Я искалъ не разъ удобнаго случая сцѣпиться какъ-нибудь съ бабою-Баракаемъ; но братъ удерживалъ меня отъ этого, говоря, что не нужно начинать первымъ, чтобы не быть виноватыми передъ обществомъ. «Ты подожди, говорилъ онъ,—Баракай пока лаетъ по-собачьи; но скоро заговоритъ по-человѣчьи, и тогда...» Но судьбѣ было не угодно, чтобы мы дождались окончанія собачьяго лая. Разрушеніе се́мейству нашему подуло, только не со стороны Баракая, а съ такой, откуда ни мы, ни враги наши не ожидали. Разъ вечеромъ, когда я съ братомъ, сидя одни въ кунацкой, разсуждали о необходимости новаго набѣга, къ намъ вбѣжалъ незнакомый молодой человѣкъ и, съ трудомъ переводя духъ, вскричалъ: «ищу покровительства Аллаха и благороднаго дома Таджь.» Мы вскочили быстро съ мѣстъ. Братъ спросилъ его, въ чемъ онъ ищетъ покровительства нашего. Молодой человѣкъ, ничего не говоря, указалъ рукой на дворъ. Мы вышли—и что̀ жь увидѣли? Прислонившись лицомъ къ плетню, стояла молодая дѣвушка. Тутъ же около нея былъ привязанъ взмыленный конь. Ворота ограды, отворенныя обыкновенно до поздней ночи, были заперты. Мы поняли, въ чемъ дѣло.

— Распорядись, Мата, сказалъ братъ и вернулся къ гостю, въ кунацкую.

Я отперъ ворота и, подойдя къ дѣвушкѣ, сказалъ ей: «пойдемъ, красавица, въ домъ.» Дѣвушка не трогалась съ мѣста, отвернулась отъ меня и начала плакать въ рукава своей рубахи. Я хотѣлъ было взять ее подъ руки, но вспомнивъ, что это можетъ не понравиться молодому гостю, крикнулъ изъ дома служанку.

— Ради самого Аллаха, отпустите меня домой, проговорила дѣвушка вдругъ, всхлипывая.

— А что? Ты уже и каешься? спросилъ я, смѣясь.

— Въ чемъ мнѣ каяться, когда я не была никогда согласна... Меня украли безъ моего вѣдома. Сжальтесь надо мною, если вы чтите Бога. Не губите несчастной...

Тутъ подоспѣла служанка и, взявъ ее подъ руку, повела къ дому. Я пошелъ вслѣдъ за ними. Служанка ввела ее въ саклю жены брата. Я далъ служанкѣ наставленія, какъ обходиться съ гостьей, и приказалъ строго не оставлять ее наединѣ. Я уже выходилъ со двора *хозяйской*, какъ служанка догнала меня и сказала, что гостья умоляетъ меня выслушать отъ нея нѣсколько словъ. Я очень удивился такому желанію, но долженъ былъ поневолѣ исполнить просьбу женщины. Ставъ позади сакли жены брата, я приказалъ служанкѣ вывести туда гостью, такъ какъ, по обычаю, мнѣ нельзя было войдти къ женѣ брата. Гостья не замедлила явиться, и ужь на этотъ разъ заговорила очень смѣло. Видно, отчаяніе придало ей силу.

— Я уже говорила тебѣ, начала она, что похитили меня безъ моего вѣдома и согласія. Я никогда не желала и не желаю принадлежать *тому*, кто привезъ меня сюда. Онъ прибѣгнулъ къ вашему покровительству только затѣмъ чтобы сдѣлать свой беззаконный поступокъ законнымъ. Не отвергайте же и униженной просьбы беззащитной дѣвушки. Не допускайте въ вашемъ домѣ позорнаго насилія надъ моею невинностію. Пусть насъ судитъ правовѣрное общество. Если и Коранъ и люди отступятся отъ своей правды и откажутъ въ защитѣ бѣдной дѣвушкѣ, тогда... Что̀ же дѣлать? я постараюсь перенести свое несчастіе. А до того времени, если что случится со мною, вы отвѣчаете передъ Богомъ и людьми. Я же считаю себя безопасною подъ вашимъ кровомъ. Вотъ все, что̀ я хотѣла сказать.

Услышавъ такія слова, я поспѣшилъ сообщить ихъ брату наединѣ. «Дѣло скверное, проговорилъ братъ, выслушавъ меня, подождемъ до завтра.» Послѣ этого разговора, онъ вызвалъ изъ кунацкой молодаго гостя, чтобы переговорить съ нимъ. Но въ это время послышалось нѣсколько голосовъ за оградой. Я вышелъ изъ воротъ и увидѣлъ огромную толпу, шедшую прямо къ нашей кунацкой. Въ толпѣ находились Ханца-Харунъ и лучшіе *тхамады* аула. Тутъ былъ почти и весь аулъ. Всѣ держали въ рукахъ большія дубины, будто шли на охоту за собаками. Я донесъ объ этомъ брату; всѣ мы трое вошли въ кунацкую и сѣли, какъ бы ничего не подозрѣвая. Скоро у го-

ротъ раздался говоръ толпы, вслѣдъ затѣмъ вошли къ намъ два старика.

— Аулъ весь стоитъ у воротъ дома Таджь, сказалъ одинъ изъ нихъ, послѣ селяма.

— Милости просимъ въ кунацкую, отвѣчалъ братъ.—Хотя у насъ не хватитъ силъ угостить цѣлый аулъ, однако рады посѣщенію.

— Благодаримъ за гостепріимство, сказалъ тотъ же старикъ.—Если дѣло дойдетъ до угощенія, мы не сомнѣваемся въ васъ. Но теперь не до него. И ты, Харакетъ, и ты, Мата, слушайте внимательно посланцевъ общества. Хотя вы не родились между нами, однако сдѣлались намъ братьями. Двадцать лѣтъ живемъ мы вмѣстѣ, и до сихъ поръ никто, сколько намъ извѣстно, не имѣлъ причины быть недовольну вами. Надѣемся, и въ вашихъ сердцахъ нѣтъ противъ насъ ничего дурнаго. А потому общество проситъ васъ возвратить похищенную незаконно дѣвушку родственникамъ ея. Отъ этого не будетъ обиды вашему уважаемому очагу... Такъ ли передалъ я порученіе общества? обратился онъ къ своему товарищу.—Если что̀ забылъ, напомни.

— Совершенно такъ, отозвался тотъ.

Братъ долго думалъ, опустивъ глаза въ землю. Я ждалъ его слова. Гость нашъ, забившись въ уголъ, трясся какъ въ лихорадкѣ. Посланцы, изложивъ свое дѣло, постукивали палками о-полъ, давая тѣмъ знать, что обществу должно скорѣе дать отвѣтъ.

— Мы, проговорилъ братъ, не поднимая головы,—будемъ подлы, если не сумѣемъ цѣнить всѣхъ благодѣяній, оказанныхъ намъ обществомъ. Мы поступимъ равно очень глупо, если осмѣлимся не выслушать требованія лучшихъ людей аула, мизинцы которыхъ умнѣе нашихъ головъ. Но выдать человѣка, пришедшаго въ домъ нашъ искать защиты, при всемъ нашемъ уваженіи къ обществу, мы не въ силахъ. Однако, чтобы не быть виновными передъ обществомъ, поручаемъ дѣло его справедливому суду, и повѣрьте, мы снесемъ все, что̀ ему заблагоразсудится на насъ наложить.

— Нѣтъ, душа моя, Харакетъ, не обижайся, если старцы скажутъ тебѣ откровенно, что ты ошибаешься, какъ ребенокъ. Тхамады такъ уважаютъ вашъ кровъ, что никогда не захотятъ наносить ему позоръ. Ты не такъ судишь. Не нужно суда тамъ, гдѣ неправда очевидна. Зачѣмъ же попусту горланить? Вашъ гость, пусть

не во гнѣвъ ему будетъ сказано—сдѣлалъ большую ошибку. Но его пока никто не винитъ, ибо какой юноша не дѣлаетъ ошибокъ? Но вѣдь общество состоитъ не изъ однихъ юношей. Изъ уваженія къ вашему дому, оно, пожалуй, сдѣлаетъ одно снисхожденіе. Пусть Мата съ однимъ товарищемъ спроситъ дѣвушку: согласно ли она пошла за этого молодца? Если такъ, спора не можетъ быть; если же нѣтъ, вы не въ правѣ защищать этого дѣла, не вооружая противъ себя цѣлаго аула.

При этихъ словахъ гость нашъ затрясся пуще прежняго, точно вонзили ему въ грудь острый кинжалъ.

— Никто на свѣтѣ не въ правѣ вырвать у меня жену, вскричалъ онъ дрожащимъ голосомъ, забывъ всякое приличіе передъ почтенными старцами, и блѣдный, какъ мертвецъ, подскочилъ къ нимъ.—Пока я живъ, не позволю и родному брату разспрашивать ее.

— Эй, не пѣтушись, молодецъ! возразилъ старикъ.—Ты не уничтожишь цѣлаго аула. Не городи чепухи. Лучше вложи дѣло въ руки вотъ этихъ мужей, что стоятъ передъ тобой. Если они вывезутъ—счастіе твое. Своею куриною силой ты сдѣлаешь не много.

— Черезъ мой трупъ развѣ дойдете къ женѣ моей! закричалъ юноша, но братъ удержалъ его.

— Если ты нашъ гость, сказалъ онъ ему,—поручи дѣло намъ. Бѣды наши теперь общія. Успокойся же пока.

Старики вышли къ толпѣ и, спустя немного, вернулись, требуя, чтобъ я съ однимъ товарищемъ, изъ толпы, разспросили дѣвушку. Я взглянулъ на брата. Онъ кивнулъ въ знакъ согласія, и я вышелъ, зная заранѣе отвѣтъ дѣвушки. Дѣйствительно, она повторила прежнія слова, еще съ большею силой и настойчивостію, и прибавила, что выдали ее не родственники, а какой-то пріятель нашего гостя, который бывалъ у нихъ въ домѣ. Когда товарищъ мой передалъ отвѣтъ посланцамъ, они оба въ одинъ голосъ вскричали:

— Вотъ видите ли, общество даромъ и шагу не сдѣлаетъ. Дѣло самое вопіющее—что вы скажете на это?

— Суда требуемъ, отвѣчалъ братъ.—Безъ него мы никакъ не можемъ успокоиться.

— Да вѣдь судъ положитъ рѣшеніе по желанію дѣвушки, возразили старики.

— Суда! суда! Какое бы ни было его рѣшеніе! твердилъ братъ.

— Хорошо. Мы скажемъ объ этомъ тхамадамъ. Пусть будетъ по ихъ желанію...

Старики вышли.

— Вѣдь они правы, сказалъ Харакетъ, обращаясь къ гостю.— Судъ не можетъ не уважить голоса дѣвушки. Развѣ имѣешь еще какую надежду?

— Надежда моя на васъ, да на Бога, отвѣчалъ юноша.— Если бывалъ когда-нибудь случай, чтобъ у мужа силою отняли жену, то чтò дѣлать?—проглочу оскорбленіе. Если же это первый примѣръ на землѣ Адигской—и то воля Аллаха.

— Какой судъ! суда нѣтъ на пустяки! раздалось громко въ толпѣ; посыпались ругательства и угрозы. Мы слушали скрѣпя сердце. Волненіе увеличивалось по мѣрѣ того, какъ разгорячались нѣкоторые. Каждое слово, произнесенное во всеуслышаніе, подхватывалось массой и повторялось сотнями народа. «Да мы не только пришельцамъ, но и своимъ никогда не позволяли такихъ вольностей!» заревѣлъ одинъ изъ толпы и со всего размаха ударилъ дубиной въ ограду. Старый плетень пошатнулся и иглы колючника дождемъ посыпались на земь. Мы всѣ трое выскочили изъ кунацкой.

— Чтò это? Непріятели или сосѣди пришли сюда? закричалъ братъ, входя въ толпу.

— Да, мы можемъ сдѣлаться и врагами, если не цѣнятъ нашей дружбы, крикнули изъ толпы.

— По домамъ! Дѣвушка уведена! пронеслось вдругъ съ того конца, который примыкалъ къ нашему дому.

Гость нашъ, стоявшій подлѣ насъ съ пистолетомъ въ рукѣ, однимъ прыжкомъ исчезъ въ толпѣ. Рванулся было и я за нимъ; но братъ схватилъ меня за руку.

— Не горячись, Мата, попусту, проговорилъ онъ.—Дѣло кончено, не воротишь его. Наша кровля покрылась позоромъ.

Удивился я, слыша такія слова въ устахъ Харакета. Въ эту минуту я готовъ былъ отступиться отъ него, такъ недостоинъ показался онъ мнѣ.

— Ты ли это говоришь, братъ? спросилъ я съ упрекомъ, позабывъ всякое уваженіе къ нему.

— Да. Это говорю я, Харакетъ.

— Если такъ, то ты сегодня не тотъ, кого считалъ я первымъ человѣкомъ... Ты... нынче трусъ...

— Пусть будетъ такъ, живо возразилъ братъ, стоя неподвижно на одномъ мѣстѣ. Не знаю, чтò происходило въ ту минуту въ душѣ его, и думалъ ли онъ о чемъ-нибудь. На мой

взглядъ, онъ стоялъ, какъ-будто ничего съ нами не случилось; какъ-будто передъ нашими же глазами не обезчестили нашего дома.

— Умереть бы намъ теперь же, на этомъ мѣстѣ, чѣмъ пережить такое безславіе! вскричалъ я, и слезы невольно выступили изъ глазъ.

— Умереть не важная штука, отвѣчалъ братъ.—Всякій рабъ сумѣетъ умереть. Пользы мало изъ того. Не смерть, а жизнь нужна намъ, чтобы стереть съ лица клеймо.

Въ это время подошла къ намъ гурьба людей, ведя подъ руки нашего молодаго гостя, блѣднаго, какъ полотно, съ опущенными внизъ глазами. Черкеска на немъ новая и очень щеголеватая была разодрана въ клочки. Пистолета не было въ рукахъ.

— Берегите своего гостя, насмѣшливо сказалъ намъ одинъ изъ державшихъ его.—Дѣло потерянное, не слѣдъ ужь гоняться за нимъ. Лучше позабыть о немъ.

— Да, мы постараемся забыть его, возразилъ братъ, такимъ голосомъ, что насмѣшливый господинъ не нашелъ больше что̀ сказать.

Мы взяли своего гостя за руки и оплеванные удалились въ кунацкую; а гурьба шумно отправилась во-свояси. Долго сидѣли мы молча, не поднимая другъ на друга глазъ. Пришелъ крестьянинъ нашъ и разказалъ, какъ увели нашу гостью. Тѣмъ временемъ какъ мы переговаривались съ посланцами, одинъ изъ родственниковъ дѣвушки пробрался въ ворота *хозяйской* (второпяхъ мы забыли распорядиться запереть ихъ и приставить къ нимъ людей) и, ставъ позади сакли, вызвалъ ее оттуда. Разумѣется, она тотчасъ же вышла къ нему. А домашніе наши не смѣли удержать ее. Служанкѣ, замѣтившей ей, что не слѣдовало бы ей такъ дѣлать, она отвѣчала: «Я не рабыня, чтобы не имѣть своей воли.»

Молчаніе наше тянулось чуть не до полночи. Огонь на очагѣ давно истлѣлъ, и мы сидѣли въ потемкахъ.

— Зачѣмъ мы сидимъ? прервалъ, наконецъ, братъ.

— Тебѣ это рѣшить, отвѣчалъ я.—Ты давеча сказалъ, что жизнь намъ нужна, а теперь укажи, для чего она нужна.

— Гость нашъ, идешь ли по слѣдамъ нашимъ? спросилъ вдругъ братъ печальнаго, убитаго юношу.—Мы столько же оскорблены, какъ и ты, если еще не больше.

— Я на все согласенъ, что вы прикажете, проговорилъ юноша.—Готовъ даже отказаться отъ мести, если это вамъ угодно.

— Если такъ, медлить нечего. Въ эту же ночь мы должны оставить аулъ, въ котсромъ нѣтъ уже мѣста для насъ.

— Этого я ожидалъ, конечно, послѣ того, что съ нами произошло. Но какъ это сдѣлать... вѣдь у насъ есть домъ, имущество? началъ я.

— У насъ теперь ничего нѣтъ, кромѣ лошади, шашки, винтовки, да страшнаго позора на лбахъ, перебилъ братъ.

— Все же надо какъ-нибудь устроить. Иначе насъ могутъ считать, Богъ знаетъ, за кого. Нѣтъ, какъ хочешь, братъ, я такъ не выѣду.

Нужно тебѣ сказать, что я больше хлопоталъ изъ-за жены брата, такъ какъ онъ самъ ничего о ней изъ приличія не могъ заговорить. Насчетъ крестьянъ и другаго имущества я не безпокоился. Объяснить свои мысли лично брату я не могъ, разумѣется, хотя обстоятельства наши и могли бы извинить отчасти подобную нескромность. А пока было между нами недоразумѣніе, дѣло тянулось бы, пожалуй, и до утра. Потому я вызвалъ изъ кунацкой нашего гостя, и черезъ него началъ переговариваться съ братомъ. Черезъ часъ мы были готовы къ выѣзду. Харакетъ рѣшился пустить жену на волю, несмотря на всѣ мои увѣщанія не дѣлать этого. Нашъ гость, оказавшійся *ученымъ* человѣкомъ, написалъ на клочкѣ бумаги, приготовленной имъ для собственнаго брака, разводъ брата. Смыслъ этого свидѣтельства былъ такой: Харакетъ не имѣетъ никакого неудовольствія на жену, напротивъ въ продолженіи своего супружества былъ постоянно признателенъ къ ней; что единственною причиной развода послужили обстоятельства, и что, наконецъ, онъ, Харакетъ, при двухъ свидѣтеляхъ, на вѣчныя времена отказывается отъ всѣхъ правъ своихъ на нее и предоставляетъ ей полную свободу выбрать себѣ втораго мужа, а въ вознагражденіе за ея ревностно-исполненныя обязанности удѣляетъ ей сорокъ тумановъ и весь находящійся въ домѣ скарбъ. На другомъ клочкѣ бумаги написали распоряженіе насчетъ крестьянъ и движимаго имущества. Крестьянъ отпустили на волю до тѣхъ поръ, пока мы, или дѣти наши (если они будутъ), не потребуемъ отъ нихъ прежняго холопскаго повиновенія. Скотъ, лошадей и барановъ, предоставили въ ихъ полное распоряженіе. Оба свидѣтельства отдали старшему изъ крестьянъ, присовокупивъ къ нимъ и нѣсколько словесныхъ наставленій.

Затѣмъ мы сѣли на лучшихъ коней, взяли три заводныхъ,

и выѣхали изъ аула, сопровождаемые лишь лаемъ недремлющихъ псовъ. На другой день, вечеромъ, мы были уже въ землѣ Махошевъ. Старшина Каирбекъ, и прежде еще знавшій Харакета, радушно принялъ насъ въ свою кунацкую, сказавъ, что не только аулъ Ханца-Харуна, но и семь королевствъ имѣй мы врагами, и тогда не отказалъ бы намъ въ гостепріимствѣ. Впрочемъ, ни чьей защиты мы не искали, потому что защита наша заключалась въ собственной нашей силѣ.

Недѣли двѣ прожили мы безъ всякаго дѣла. Въ кунацкой Каирбека ежедневно собиралось множество людей. Смѣхъ и веселіе не умолкали до поздней ночи. Стрѣльба и скачка являлись тотчасъ, какъ надоѣдали разговоры. Самъ хозяинъ принималъ во всемъ живое участіе, и вездѣ былъ первымъ. Рѣдко видалъ я человѣка, подобнаго Каирбеку. Это былъ *батыръ* во всѣхъ отношеніяхъ. Ласковый и суровый въ одно и то же время, онъ подчинялъ себѣ каждаго, съ кѣмъ имѣлъ дѣло. Однимъ умомъ онъ отстранилъ отъ власти своего старшаго брата и прибралъ въ руки всѣхъ Махошевъ, ворочалъ ими, какъ своими рабами, отнималъ крестьянъ у господъ, опираясь лишь на томъ, что они дурно съ ними обращаются и тѣмъ заставляютъ ихъ прибѣгнуть къ его защитѣ. Самовластіе его не знало предѣла. Самыя буйныя страсти кипѣли въ этой богатырской, съ виду чуть не женской, душѣ. Во все пребываніе свое въ домѣ Каирбека не помню, чтобъ онъ хоть разъ переночевалъ у себя. Чуть сумерки, онъ уходилъ Богъ знаетъ куда и возвращался только съ восходомъ солнца, прямо въ кунацкую. А въ *хозяйской* сидѣла молодая его жена, очень не дурная, какъ я слышалъ. Съ узденями своими Каирбекъ обращался чрезвычайно гордо, подчасъ надменно и нагло. Языкъ его, словно острая коса, рѣзалъ просто голову. Уаллахи, я скорѣе согласился бы подставить шею подъ шашку чѣмъ выслушать выговоръ Каирбека! Не мало удивлялись мы терпѣнію Махошевъ. Да явись такой удалецъ, какъ Каирбекъ, у насъ, въ Абадзехіи, клянусь, черезъ десять дней отправили бы его на расправу Азраиля. А тутъ и возражать никто не дерзалъ. Сказать правду, мы скоро охладѣли къ Каирбеку, несмотря на радушіе его къ намъ и на его высокія достоинства. Можетъ-быть, это происходило отъ непривычки нашей къ такому *падишахству*. Достоинство и хорошее происхожденіе вездѣ въ почетѣ—противъ того и спора нѣтъ, но ни въ какомъ случаѣ не должно имъ покланяться, сносить отъ нихъ всякія

обиды. *Дворянскій обычай* указываетъ каждому Черкесу приличное ему мѣсто, даетъ знать, что̀ можно ему дѣлать, и чего нельзя. Тому нѣтъ мѣста между Адигами, кто захочетъ стать выше всѣхъ, кто пожелаетъ поставить волю свою закономъ для другихъ. Такого человѣка всякій замѣтитъ, всякій будетъ стремиться какъ бы подрѣзать ему крылья. И будь онъ силой равенъ хоть грому, имѣй на плечахъ своихъ сто головъ, рано или поздно, а сломитъ себѣ шею. Такъ случилось и съ Каирбекомъ.

Не менѣе Каирбека надоѣли намъ и Махоши. Это такой народъ, что и причислять-то его не слѣдовало бы къ Адигамъ. Народъ тихій, скромный—куда до Абадзеховъ! И молодежь ихъ какая-то вялая, мертвая. Нѣтъ въ ней ничего этакого поджигающаго кровь, ничего смѣлаго, дерзкаго. Что за необходимость была намъ жить съ такими людьми? Притомъ же, мы покинули домъ свой вовсе не затѣмъ, чтобы наблюдать житье-бытье Махошевъ. Месть говорила въ насъ ежеминутно. Ничто не могло заглушить ее. Она требовала пищи, а мы еще не поднесли ей ни одного кусочка. Да и что̀ подумалъ бы враждебный намъ аулъ? Не намъ было сидѣть, сложа руки да любуясь неукротимымъ буйствомъ нашего гостепріимнаго хозяина. Каша его становилась въ горлѣ, пока сердце горѣло жаждой мщенія. Посовѣтовавшись между собою, мы осѣдлали своихъ коней и, опоясавшись шашками, явились къ Каирбеку.

— Что̀ это? спросилъ онъ, живо приподнявшись при видѣ насъ:—вы уже собрались оставить меня. Нѣтъ, не думайте этого, я васъ не пущу. Кладите оружіе на мѣсто. Не слыхали вы развѣ пословицы: «гость въ плѣну у хозяина.» Долой сейчасъ же шашки!

— Благодаримъ за ласку, Каирбекъ, отвѣчалъ братъ.—Но дѣло наше таково, что сидѣть долго на одномъ мѣстѣ намъ было бы очень не прилично. Ты самъ, думаю, не одобришь такой праздности.

— Такъ точно. Дѣло ваше не терпитъ замедленія, понимаю душу *мужа*, потому не стану васъ удерживать. Только дайте мнѣ слово воротиться ко мнѣ то̀тчасъ по окончаніи дѣла.

— Слово—дѣло не шуточное для дворянина, сказалъ на это братъ.—Дать его должно съ полною увѣренностію, что сдержишь его. А что̀ съ нами случится—вѣдаетъ одинъ Богъ. Не дѣлай же насъ обманщиками.

— Хорошо, братецъ, хорошо. Быть по твоему! вскричалъ

Каирбекъ, подбѣжавъ къ Харакету.—Богъ дастъ всегда успѣхъ такому мужу, какъ Харакетъ. Дорожите его словомъ, молодые люди! прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ и къ товарищу нашему, Измаилу.—Съ нимъ вы и въ аду найдете себѣ дорогу. Богъ съ вами, прощайте. Если окажется во мнѣ нужда, я готовъ всегда вамъ услужить. Итакъ, счастливаго пути!

Мы поблагодарили хозяина и выѣхали со двора.

Не далеко отъ Ханцовскаго аула находился большой густой лѣсъ. Теперь онъ весь порубленъ Русскими. Въ то время жители рѣдко туда ѣздили за рубкой строеваго лѣса, и то если набиралось ихъ около сотни аробъ. Они опасались Убыховъ, которые цѣлыми партіями скрывались въ лѣсу, въ ожиданіи добычи. Мы расположились въ самомъ недоступномъ мѣстѣ этого лѣса. Лошадей, спутавъ на три ноги, пустили въ лѣсъ, а сами съ помощію кинжаловъ вырубили съ трудомъ десятка два молодыхъ деревъ и сложили изъ нихъ довольно-прочный шалашъ, который могъ защищать насъ отъ непогоды и даже отъ внезапнаго нападенія. Узкій входъ задѣлали такъ искусно, что снаружи никто бы не замѣтилъ его. Внутренность шалаша очистили сначала отъ травъ и корней, потомъ засыпали и утоптали мягкимъ черноземомъ, раздѣливъ ее на три отдѣленія; въ каждое отдѣленіе насыпали свѣжей зеленой травы. Посрединѣ вырыли яму для огня, противъ отверетія, сдѣланнаго наверху шалаша. Отверстіе это приходилось подъ кудрявымъ дубомъ, такъ что дымъ, выходившій изъ отверстія, совершенно исчезалъ въ густой листвѣ. Устроившись такимъ образомъ, мы держали совѣтъ, какъ пропитать себя въ глухомъ лѣсу. Положили обратиться къ одному изъ вѣрнѣйшихъ крестьянъ нашихъ. А чтобы холопъ не напакостилъ какъ-нибудь, рѣшили указать ему большой дубъ при самомъ входѣ въ лѣсъ: въ дуплѣ его онъ долженъ былъ каждую недѣлю класть припасы. Шалашъ же не открывать ему ни подъ какимъ предлогомъ: рабъ и песъ—все одно. На первый разъ мы удовольствовались лѣсными яблоками и грушами.

Когда наступила ночь, собрались въ путь. Чтобы себя не обременять ничѣмъ, оставили лошадей подлѣ шалаша. Для предохраненія отъ волковъ, обложили ихъ натертыми порохомъ тряпками. Поднявъ полы черкесокъ за поясъ, и перебросивъ на плечи винтовки, мы тронулись молча. Ночь стояла такая,

какая и нужна была намъ. Густыя тучи медленно плыли по небу. Каждый изъ насъ молился въ душѣ, чтобъ онѣ не разразились дождемъ. Молитва наша была услышана. Вмѣсто дождя поднялся сильный вѣтеръ. Лѣсъ глухо зашумѣлъ. Гладкое поле возлѣ аула свистѣло какъ-то пронзительно и жалобно. Каждая травка будто плакала. Какое-то унынiе проникло мнѣ въ душу. Недостойныя мущины чувства начинали овладѣвать мною... я плюнулъ и сталъ бормотать про себя какую-то веселую пѣсню. Измаилъ и Харакетъ тоже молчали. Свистъ вѣтра и на нихъ дѣйствовалъ не лучше чѣмъ на меня. Глупыя минуты находятъ иногда на человѣка безъ всякой причины: вдругъ, ни съ того, ни съ сего начинаешь грустить, Богъ вѣдаетъ, по комъ, и внутри тебя словно кто лопатой ворочаетъ. Говорятъ, самъ врагъ людей, проклятый шайтанъ, насылаетъ ихъ на человѣка, чтобъ отнять у него все *мужское* и сдѣлать его бабой. Должно-быть, тутъ не безъ козней нечистой силы, иначе, отчего бы случиться такому стыду съ людьми, которые нарочно изгоняютъ изъ сердца всякiя нѣжности? Чортъ ли, другой ли кто былъ тому причиной, знаетъ одинъ Богъ, только всѣ мы трое въ тотъ вечеръ походили на людей, идущихъ на похороны. Не поднимая другъ на друга глазъ, мы очутились подъ аульною оградой. Насъ поразила необыкновенная тишина. Ни лая собаки, ни мычанiя коровы, разлученной на ночь съ телкомъ, ни даже протяжнаго крика пасѣчника, оберегавшаго обыкновенно по ночамъ свои ульи отъ покушенiя сосѣдей, ничего не слышалось въ непроницаемой мглѣ. Одинъ вѣтеръ свободно разгуливалъ по спящему аулу, срывалъ съ саклей камышевыя крыши и разносилъ ихъ такъ далеко, что хозяева, еслибъ захотѣли на утро собрать ихъ, не нашли бы и щепки; старые плетни скрипѣли и валились отъ сильнаго напора вѣтра. Прежде чѣмъ войдти въ аулъ, мы на минуту остановились. Братъ съ Измаиломъ взялись приготовить все необходимое для предстоящаго дѣла, а мнѣ велѣли переговорить съ крестьяниномъ насчетъ провизiи, да предупредить его, чтобъ онъ въ эту ночь караулилъ весь нашъ дворъ. Мнѣ указали мѣсто, и мы разстались. Съ трудомъ и опасенiемъ я добудился холопа, и, передавъ ему наскоро что̀ нужно, поспѣшилъ оставить мѣсто, которое вызвало во мнѣ воспоминанiе о прошломъ счастiи. Мнѣ казалось, что мѣсто это прожигало мнѣ пятки. Меня тянуло въ нашу кунацкую:

я желалъ хоть разъ еще взглянуть на нее. Я шелъ быстро... ноги мои чуть касались земли, колѣни дрожали... сердце мое билось такъ сильно, что я слышалъ каждый его стукъ, въ ушахъ раздавался ужасный шумъ, будто вблизи меня работалъ кузнецъ; я вбѣжалъ въ ограду, страшный видъ опустѣнія больно кольнулъ меня; я подошелъ къ двери кунацкой и толкнулъ ее дрожащею рукой, но дверь была забита изнутри. Подбѣгаю къ окну, тоже заперто. Сердце мое сжалось, слезы чуть не прошибли изъ глазъ. Какъ мнѣ хотѣлось взглянуть, хоть въ потьмахъ, на внутренность нашей кунацкой, этого теперь и выразить не могу. Я насилу оторвался отъ стѣнъ кунацкой и направился къ назначенному мнѣ мѣсту. Товарищи были готовы и ждали только меня. Послѣ краткаго совѣщанія, мы опять раздѣлились. Братъ взялъ на свою долю середину аула, самую населенную и опасную, а намъ съ Измаиломъ велѣлъ дѣйствовать съ боковъ. По окончаніи дѣла, всѣ трое должны были сойдтись на холмикѣ, тотчасъ за оградой. Разставшись съ товарищами, я бѣгомъ пустился къ своей части, вырубилъ огня, завернулъ горящій трутъ въ тряпку, потомъ взялъ горсть сухой соломы и, вложивъ въ нее тряпку съ трутомъ, размахивалъ до тѣхъ поръ, пока солома не вспыхнула. Тотчасъ я всунулъ ее подъ крышу первой съ краю сакли. Зажегъ другой пукъ соломы и далъ огня сосѣдней саклѣ. Такимъ порядкомъ, не болѣе какъ въ полчаса времени, я успѣлъ обѣжать всѣ строенія назначенной мнѣ половины, не исключая анбаровъ, конюшень, даже курятниковъ. Мы всѣ трое въ одно время столкнулись съ горящими пучками въ рукахъ. Я съ трудомъ узналъ своихъ товарищей. Лицо и руки ихъ были густо вымазаны сажей, а бороды и усы укоротились на половину: второпяхъ пламя запалило ихъ.

— Что, все? спросилъ братъ.—Не забыли ли какой сакли?

Вѣтеръ быстро раздувалъ пламя, и, какъ степную траву, гналъ съ крыши на крышу. Темнобурый дымъ взвился широкими полосами. Раздались крики и вопли. Люди пробуждались изъ глубокаго сна. Не желай никому подобнаго пробужденія!

Скоро мы очутились на своемъ холму и сѣли отдыхать отъ утомленія, имѣя передъ глазами плоды своихъ усилій. Аулъ весь виденъ былъ намъ, какъ на ладони. Обширный костеръ, съ каждымъ порывомъ вѣтра, разгорался сильнѣе. Огненные языки жадно протягивались съ одной стороны въ другую. То была рѣка, выступившая изъ береговъ, только рѣка огнен-

ная, все пожирающая, ничего не щадящая. Никогда болѣе не видывалъ я такого зрѣлища. Аллахъ керимъ! что̀ это была за ночь! У другаго волоса опрокинули бы шапку отъ одного разказа о такомъ происшествіи, а мы чуть не плясали отъ радости. Стоны и вопли дѣтей и женъ, отчаянные крики мужей, спасавшихъ свою семью и самыя необходимыя вещи, какъ напримѣръ, одежды, оставленныя второпяхъ въ саклѣ, ревъ скотины, ржаніе коней, задыхавшихся въ запертыхъ конюшняхъ, протяжный, заунывный вой собакъ, все это слилось въ одинъ общій плачъ, въ одну жалобу. Подъ эту музыку, мы ощущали въ себѣ необыкновенно-свѣтлое чувство. Какъ будто и теперь еще вижу передъ собою Харакета, сидящаго на холмикѣ; лицо его, озаренное отраженіемъ костра, такъ и дышало счастіемъ. Губы его поминутно шевелились, готовясь передать то, что̀ происходило въ душѣ; но обычная твердость сдерживала его. Онъ жадно слѣдилъ за каждымъ извивомъ огня и, казалось, опасался, чтобъ не уцѣлѣло что-нибудь изъ аула. Между тѣмъ, пламя все усиливалось, и багровымъ, зловѣщимъ свѣтомъ озаряло далеко окрестность. Люди кидались въ огонь, стараясь затушить его. Бо́льшая часть ихъ едва была прикрыта исподнимъ платьемъ. Полунагія женщины рыдали въ виду погибавшаго жилища и судорожно прижимали къ себѣ испуганныхъ дѣтей. Быки, прорвавъ рогами хлѣвы, яростно бросались въ толпы народа и свирѣпо топтали все попадавшее на пути. Вѣтеръ завывалъ съ новою силой и страшно колыхалъ огненными волнами, шипѣлъ и свистѣлъ. Жители мало-по-малу перестали суетиться. Они убѣдились въ своемъ безсиліи, и, сложивъ покорно руки на груди, предоставили все волѣ Божіей. Молча взирали они, какъ пламя пожирало плоды ихъ долголѣтнихъ трудовъ. Затѣмъ начали составляться и кружки; послышались ругательства и проклятія, Богъ знаетъ, на кого. Едва ли знали они виновниковъ ужаснаго своего пробужденія, да и не время было имъ разсуждать объ этомъ. Они только тушили ярость свою богохульствами.

— Теперь пора намъ на охоту, сказалъ Харакетъ, поднимаясь съ мѣста.—Смотрите, цѣлиться въ крупныхъ кабановъ, а не въ тощихъ. Промахнуться мудрено: иголку можно поднять съ земли—славное освѣщеніе!

— Это выходитъ, по пословицѣ, сверхъ чесотки вередъ, сказалъ я смѣясь.

— Ничего, Ханцовцы сильные ребята, вынесутъ и ту и другую. Одна чесотка не свалитъ ихъ съ ногъ. Ну, впередъ... Да, еще одно слово—стрѣляйте не съ одного мѣста, а съ разныхъ. Сходиться опять здѣсь.

Мы разсыпались въ разныя стороны. Я подкрался очень близко къ одной кучкѣ, взвелъ курокъ винтовки и началъ водить дуломъ, выбирая на комъ бы остановить его. Я узналъ довольно крупнаго человѣка и сдѣлалъ движеніе, чтобы спустить курокъ...: но рука замерла, точно кто перетянулъ ее палкою, сердце дрогнуло. Я весь сгорѣлъ отъ стыда. За что̀ же я его убью? подумалъ я невольно: вѣдь онъ не видитъ меня, не подозрѣваетъ опасности, онъ безоруженъ. Никогда не одобрялъ я затылочныхъ героевъ, и считалъ ихъ всегда подлыми трусами. Я всталъ, чтобъ идти къ холму, какъ вдругъ на другомъ концѣ аула раздался выстрѣлъ, за нимъ, спустя немного, и другой, и третій, все съ разныхъ точекъ. Народъ снова засуетился и смѣшался какъ стадо овецъ при нападеніи волка. Онъ не зналъ что̀ бъ это значило. «Убійцы! убійцы! ловите ихъ!» кричали со всѣхъ сторонъ, и массы безпорядочно устремились кто куда вздумалъ, надѣясь, вѣрно, тутъ же поймать убійцъ за хвостъ. Выстрѣлы становились все чаще и чаще. До ушей моихъ нѣсколько разъ долетали предсмертные стоны раненыхъ. Кровь опять заиграла во мнѣ. Мнѣ вдругъ представилось, съ какимъ неудовольствіемъ узнаютъ товарищи о моемъ бездѣйствіи. А, главное, я боялся, чтобъ они не стали подозрѣвать меня въ женственной мягкости сердца, и чего добраго, въ постыдной трусости. Потому, я быстро направился къ одной толпѣ, и навелъ снова винтовку. Курокъ звонко щелкнулъ. Рука моя опять затряслась. Винтовка сама собой опустилась съ сошекъ. Мнѣ, наконецъ, стало досадно за себя. Лихорадка начала меня бить. Неужели ты такъ слабъ? словно шепнулъ мнѣ *кто-то*. Дрожа всѣмъ тѣломъ, я приложился и невольно закрылъ глаза... Выстрѣлъ загремѣлъ—и кто-то, выхватившись изъ толпы, съ ревомъ растянулся на землѣ. Въ головѣ моей все помѣшалось. Не помню, какъ добрался я до холма...

Спустя немного, явились и товарищи, держа въ рукахъ еще раскаленныя винтовки.

— На первый разъ довольно, сказалъ Харакетъ.—Теперь можно и отдохнуть.

Мы отправились въ лѣсъ. Зарево пылающаго аула прово-

жало насъ до самой опушки, освѣщая намъ дорогу. Ночь я провелъ безъ сна, несмотря на совершенное изнеможеніе. Картина пожара неотвязчиво носилась передъ моими глазами, а тяжелый стонъ безвинной жертвы невыносимо терзалъ мнѣ уши. Я вскакивалъ и осматривался долго и внимательно вокругъ себя, желая увѣриться, не наяву ли все это происходитъ. Я завидовалъ Измаилу и Харакету. Они храпѣли самымъ безмятежнымъ образомъ. Можно бы подумать, что они заснули на пути изъ Мекки: такъ мало походили они на истребителей цѣлаго аула. Проснувшись утромъ, братъ говорилъ, протирая глаза: «вчера на шеѣ моей висѣло пудовъ двадцать; теперь чувствую, что половина свалилась.» Я сдѣлалъ черпакъ изъ листьевъ, принесъ въ немъ изъ рѣчки воды и далъ умыться Харакету; потомъ высыпалъ передъ нимъ горсть спѣлыхъ грушъ, запасенныхъ еще со вчерашняго дня. Остальное время до вечера мы провели въ глубокомъ молчаніи, развалившись на мягкой травяной постели. Но у каждаго изъ насъ была своя мысль—каждый по своему разсуждалъ о томъ, что еще остается намъ дѣлать, и какъ бы ранить еще больнѣе нашихъ враговъ. Вечеромъ я пошелъ къ назначенному дубу. Въ дуплѣ его лежалъ цѣлый мѣшокъ пшена, узелокъ съ сыромъ и копченкой, котелокъ, двѣ чашки, плоская длинная доска, употребляемая косцами вмѣсто стола, и другія принадлежности полевой жизни. Забравъ все это, я направился было къ нашему шалашу, какъ вдругъ изъ-за ближняго дерева показался довѣренный крестьянинъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что пожаръ истребилъ весь аулъ, кромѣ нашего двора, такъ что жители хотятъ переселиться на другое мѣсто, что убито пять человѣкъ и ранено трое, и что, наконецъ, Ханцовцы единогласно признали насъ виновниками общаго несчастія. Они приняли всевозможныя мѣры къ поимкѣ или умерщвленію насъ. Прежде всего они разослали гонцовъ во всѣ сосѣдніе аулы съ просьбой не принимать насъ нигдѣ какъ гостей; въ противномъ случаѣ Ханцовцы угрожали имъ своею непріязнію.

Къ открытію насъ главнымъ образомъ способствовало то, что дворъ нашъ остался невредимъ отъ огня. Въ порывѣ ярости, общество бросилось было вымещать свою обиду на нашемъ домѣ. И оно исполнило бы это, еслибы крестьяне не объявили секрета, который скрывался дотого времени, то-есть, что они люди свободные. Дѣло кончилось тѣмъ, что Ханца тотчасъ взялъ къ себѣ домой дочь съ отказаннымъ ей добромъ,

а жители разошлись по своимъ пепелищамъ, стуча зубами отъ ярости. Когда я разказывалъ все это товарищамъ, братъ сказалъ: «Пусть Ханцовцы ищутъ насъ по сосѣднимъ ауламъ; а мы будемъ слѣдовать за ними шагъ за шагомъ. Орелъ слетаетъ на цыплятъ въ открытомъ мѣстѣ. Выстроится новый аулъ, и мы не замедлимъ явиться.»

Въ полдень мы покушали съ отличнымъ аппетитомъ и легли спать; а ночью снова очутились въ Ханцовскомъ аулѣ. Удушливый запахъ дыма носился еще въ воздухѣ. Горящіе уголья тлѣли подъ кучами золы, вспыхивая изрѣдка. Разныя фигуры, образовавшіяся изъ глины, торчали на развалинахъ домовъ, какъ пугала въ огородѣ. Видъ разрушенія былъ еще ужаснѣе въ ночной темнотѣ. Это былъ настоящій адъ. Тягостное впечатлѣніе легло мнѣ на сердце и давило невыразимо. Вѣдь такъ еще недавно съ обитателями этой развалины мы братски дѣлились хлѣбомъ-солью! Еще не успѣлъ умолкнуть въ ушахъ голосъ ихъ дружбы. И вотъ, мы виновники ихъ несчастія! Хозяйки, изъ рукъ которыхъ мы ѣли лучшіе куски, дѣвушки, считавшіяся нашими сестрами, дѣти, которыхъ мы качали на рукахъ—всѣ они, по милости нашей, должны теперь ночевать подъ открытымъ небомъ, лишенные первыхъ потребностей жизни. Такія мысли осаждали меня безпрестанно. Даже чувсто тяжкой обиды, нанесенной нашему дому, не могло совершенно оторвать меня отъ малодушныхъ размышленій. Несмотря на то, я готовился нанести новый ударъ врагамъ, и ни однимъ словомъ не выразилъ предъ своими товарищами, что̀ происходило во мнѣ.

Ханцовцы, желая по крайней мѣрѣ избавиться отъ смрада и угара, оставили пепелища и расположились на ночь въ чистомъ полѣ. Но и тутъ мы не дали имъ покоя. Прикрытые мглой, мы невидимо посылали смерть сидѣвшимъ вокругъ костровъ мущинамъ. Бѣдные Ханцовцы, не ожидавшіе новаго горя, послѣ того, что̀ случилось, пришли въ такое смущеніе, что громко взывали къ Аллаху, съ дерзостью, неприличною мусульманамъ. Отчаяніе ихъ было несказанное. Они кучками выбѣжали изъ круга туда, откуда раздались выстрѣлы, но мы не мѣшкали, и въ это время цѣлились въ нихъ съ другаго конца. Такъ обошли мы кругъ, пробѣжали его потомъ посрединѣ, стрѣляя по встрѣчнымъ, и когда весь таборъ поднялся на ноги, отправились шагомъ къ себѣ. Нѣсколько всад-

никовъ выскакали въ погоню, но совсѣмъ по другому направленію. Они кричали во все горло: «ловите! ловите!»

— Если найдете! отвѣчалъ на это, смѣясь, братъ...

На утро я узналъ отъ крестьянина, что раздраженное общество разослало во всѣ стороны людей, съ цѣлію открыть во что̀ бы ни стало наши слѣды. Кромѣ того, оно наняло самыхъ расторопныхъ молодцовъ вывѣдать насъ тайкомъ, войдти въ сношенія, а потомъ выдать насъ ему въ руки или застрѣлить. Составили изъ лучшихъ наѣздниковъ ночной обходъ, и въ то же время начали запасаться матеріяломъ для постройки новаго аула, призвавъ на помощь сосѣдей, такъ какъ у самихъ Ханцовцевъ не осталось отъ пожара и половины аробъ и быковъ. Нашъ лѣсъ долженъ былъ теперь привлечь жителей. Кто-нибудь невзначай могъ набрести на наше убѣжище. Потому, когда наступила ночь, мы покинули лѣсъ, чтобы до окончанія постройки новаго аула скрыться гдѣ-нибудь вблизи. А чтобъ узнать, не открыто ли наше жилище во время нашего отсутствія, оставили въ немъ старую черкеску и нѣсколько газырей съ порохомъ, какъ бы забытые второпяхъ. Тотъ, кому бы пришлось побывать въ шалашѣ, конечно, не могъ бы никакъ отказаться отъ подобной находки. Пріятель, къ которому мы явились, жилъ въ ближайшемъ къ Ханцовцамъ аулѣ, и былъ одинъ изъ отъявленнѣйшихъ враговъ околотка, хотя и не скрывался ни отъ кого. Онъ не рѣдко имѣлъ съ нами дѣла, потому съ большою охотой скрылъ насъ въ своемъ амбарѣ, посреди мѣшковъ проса и кукурузы, а лошадей нашихъ заперъ въ особой конюшнѣ, гдѣ обыкновенно запрятывалось все, что̀ не терпитъ людскаго взора. Три раза въ день хозяинъ самъ приносилъ намъ ѣсть, и сообщалъ при этомъ слухи, доходившіе до него. Долго впрочемъ онъ не засиживался съ нами, опасаясь возбудить въ комъ-нибудь подозрѣніе. Изъ домашнихъ его, одна хозяйка знала о пребываніи нашемъ въ кладовой. Прошла недѣля въ такомъ добровольномъ заточеніи. Разумѣется, въ такой короткій срокъ Ханцовцы не успѣли обзавестись новымъ хозяйствомъ. Между тѣмъ, скука бездѣйствія начинала сильно насъ томить. Да и стыдно было намъ, передъ самими собою, проживать въ душной конурѣ, словно амбарныя крысы. Еще много дѣла предстояло намъ. Не однимъ огнемъ было вымещать обиду и не все таиться подъ кровомъ ночи. Нужно было показать себя врагамъ и середи дня, чтобъ они не по-

думали, будто мы прячемся отъ нихъ изъ боязни. Мы разстались съ хозяиномъ. Онъ до тѣхъ поръ не хотѣлъ насъ отпустить, пока не взялъ съ насъ обѣщанія въ скорости вернуться къ нему.

Около полуденнаго намаза мы явились неожиданно передъ новыми жилищами Ханцовцевъ. Не въ голой степи уже увидѣли мы враговъ своихъ. Толстые колья, воткнутые крѣпко въ землю, большимъ полукружіемъ захватывали огромное пространство: это были зачатки будущей сильной ограды. Кучи хвороста, очищенныя отъ листьевъ, грудами возвышались тамъ и сямъ. Въ иныхъ мѣстахъ былъ выведенъ плетень. Посрединѣ полукруга виднѣлись сакли, еще не мазанныя глиной и слегка прикрытыя зеленою травой. Попадались еще и большіе, просторные шалаши, которые мало чѣмъ уступали саклямъ; изъ тѣхъ и другихъ дымъ валилъ густыми клубами. Видно было, что опустившіяся головы Ханцовцевъ выпрямлялись. Мы быстро въѣхали въ черту аула. Десятка два мальчишекъ играли въ *альчики,* при самомъ входѣ въ ровъ. Увидѣвъ насъ, они оставили игру, и съ любопытствомъ посмотрѣли на наши лица. Казалось, они что-то припоминали. Я съ Измаиломъ тихо приблизились къ нимъ, схватили двухъ изъ нихъ подъ мышки, и повернули коней. Остальные ребята съ криками бросились къ саклямъ. Плѣнники наши вторили имъ, и отчаянно рвались изъ рукъ. Нѣсколько человѣкъ показались на рву съ винтовками, прицѣлились и выстрѣлили по насъ. Пули свиснули мимо. Затѣмъ выскакала изъ аула и погоня. Наши кони, отдыхавшіе цѣлыя двѣ недѣли, неслись какъ изъ лука стрѣла. Но несмотря на это, погоня была уже близка. Ея злобныя восклицанія и ругательства доносились до насъ. Въ ней мы узнали и стараго Ханцу. Харакетъ, скакавшій позади безъ добычи, поворотилъ своего коня, выхватилъ мигомъ винтовку и, какъ вихорь снѣжный, ударилъ въ лицо врагамъ. Прогремѣлъ выстрѣлъ. Дымъ на мгновеніе скрылъ отъ насъ и брата, и погоню. Раздалось еще нѣсколько выстрѣловъ почти въ одно время. Оглянувшись снова, мы увидѣли двухъ коней, мчавшихся къ аулу съ опрокинутыми подъ брюхо сѣдлами, безъ сѣдоковъ. Харакетъ уже нагналъ насъ. Погоня, однако, не отставала. Лѣсъ зачернѣлъ передъ нами. Мы пріударили коней. Харакетъ еще разъ схватился съ погоней, и опѣшилъ снова одного врага. За то у самого подъ правою рукой проскочила пуля, унося съ со-

бой кусокъ черкески и бешмета. Доскакавъ до опушки лѣса, мы тотчасъ же спѣшились. Плѣнныхъ и лошадей поручили мнѣ, съ тѣмъ чтобъ я углубился съ ними какъ можно далѣе въ лѣсъ. А Харакетъ съ Измаиломъ, прикрывшись деревьями, остановили преслѣдователей. Загорѣлась перестрѣлка. Погоня, раздраженная неудачей и подстрекаемая надеждой заразъ уничтожить злѣйшихъ враговъ своихъ, спутала коней и пѣшая ударила со всею яростью на Харакета и Измаила. Но каждый дубъ сталъ передъ нею неприступною крѣпостью. Дорого поплатилась она за свою смѣлость. Харакетъ и Измаилъ, какъ кошки перебѣгая отъ дерева къ дереву, каждую пулю свою посылали навѣрняка, тогда какъ враги палили наудачу, и наносили больше вреда сучьямъ и листьямъ древеснымъ. Перестрѣлка длилась до тѣхъ поръ, пока съ обѣихъ сторонъ не истощился весь запасъ пороха. Тогда поневолѣ они разошлись...

Въ ту же ночь мы пріѣхали къ своему пріятелю и, послѣ короткаго совѣщанія, мы съ нимъ взяли мальчиковъ и пустились въ дорогу. Подобную добычу нельзя было долго укрывать подъ носомъ враговъ; слѣдовало, какъ можно скорѣе, сбыть ее съ рукъ. На слѣдующій день, утромъ, мы слѣзли съ коней передъ кунацкою старшины Каирбека. По обыкновенію, его не было дома. Приходилось ждать его до восхода солнца; до того времени поднялись бы на ноги дворовые и гости; а мы вовсе не желали, чтобы секретъ нашъ сдѣлался извѣстенъ кому-нибудь, кромѣ самого хозяина. Что̀ тутъ дѣлать? Товарищъ мой, Джунисъ, извѣстный мастеръ на штуки, нашелся тотчасъ. Вошелъ прямо на дворъ хозяина, и стукомъ въ окно кухни разбудилъ служанку дома. «Такъ и такъ, говоритъ ей, — по приказанію Каирбека привезли мы двухъ мальчишекъ. Надобно сейчасъ же спрятать ихъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ бы ихъ никто не могъ видѣть. Такъ, молъ, приказалъ самъ хозяинъ. Да чтобъ она, собачья дочь, не проболтнула тайны, иначе пойдетъ путешествовать на хвостѣ коня отъ хозяина къ хозяину.» Послѣ такого наставленія, разумѣется, служанкѣ ничего не оставалось, какъ припрятать подальше нашихъ плѣнниковъ, и натянуть крѣпчайшую узду на бабій свой языкъ. Джунисъ прибавилъ еще, чтобъ она ни подъ какимъ видомъ не заговаривала съ плѣнными, и еслибъ они сами покусились что̀ сказать, то зажала бы имъ ротъ. Успокоившись насчетъ плѣнниковъ,

мы вошли въ кунацкую. Одни изъ гостей молились на разостланныхъ на полу оленьихъ шкурахъ; другіе, сидя на дворѣ, совершали омовеніе, а третьи издавали сильнѣйшій храпъ, какъ будто на свѣтѣ не существовало вовсе ни заботы, ни молитвъ. Мы спросили о Каирбекѣ, хотя можетъ-быть лучше самихъ гостей знали, гдѣ проводитъ онъ это время. Насъ просили подождать. Развѣсивъ свое оружіе на стѣнѣ, мы сѣли на одной изъ длинныхъ скамей, разставленныхъ по угламъ кунацкой. Раннее посѣщеніе наше возбудило любопытство; гости изъ-подлобья осматривали насъ, желая, вѣроятно, по нашей наружности узнать, что̀ мы за люди и зачѣмъ такъ рано пріѣхали. Нѣкоторые даже будто нарочно выходили на-дворъ и, зѣвая да потягиваясь, осматривали нашихъ коней. А прямо насъ спросить никто не рѣшился, зная напередъ, что не получатъ настоящаго отвѣта. Наконецъ воротился и хозяинъ. Увидѣвъ меня, онъ быстро, не давая мнѣ произнести обычнаго привѣтствія, спросилъ: «гдѣ ты, молодецъ, оставилъ своего брата?» Вмѣсто прямаго отвѣта, я сказалъ, что желалъ бы переговорить съ нимъ наединѣ. Каирбекъ схватилъ меня за плечо и поспѣшно вывелъ изъ сакли. Джунисъ послѣдовалъ за мною.

— Это что̀ за человѣкъ? спросилъ живо хозяинъ, когда мы очутились позади сакли, показывая рукой на Джуниса.

— Это мой товарищъ, отвѣчалъ я.

— Ну, такъ говори же, гдѣ оставилъ ты брата?

— Братъ остался пока въ домѣ этого мужа, и прислалъ тебѣ поклонъ да маленькую добычу, съ просьбой зарыть ее въ землю такъ, чтобъ и слѣда ея не осталось.

— Ого, какой молодецъ! проговорилъ весело хозяинъ. — Зарыть въ землю, да еще такъ, чтобы нельзя было и слѣда отыскать! Одно слово: молодецъ твой братъ! Не любитъ, чтобъ изо рта торчалъ кусокъ; нужно, говоритъ, совсѣмъ проглотить. Попробуемъ-ка и мы... да не большой ли кусокъ-то? Пожалуй, не влѣзетъ еще въ ротъ.

— Кусокъ очень не великъ по твоей пасти, сказалъ Джунисъ,—всего двое мальчишекъ.

— А ты когда мѣрилъ мою пасть? спросилъ хозяинъ, впѣривъ острые глаза свои въ Джуниса.

— Нужно только разъ взглянуть на кабана, чтобъ убѣдиться въ ширинѣ его рта, отвѣчалъ тотъ, не раздумывая.

— Гм!.. Да, гдѣ же ваша добыча?

— Въ твоей кладовой.

— Какъ такъ? Безъ моего вѣдома!

Тутъ Джунисъ разказалъ ему хитрость, къ которой мы прибѣгли по необходимости. Каирбекъ остался очень доволенъ нашею продѣлкой. Особенно понравилось ему то, что мы такъ хорошо знали его львиныя замашки. Желая еще болѣе поразить насъ своимъ могуществомъ, онъ оставилъ у себя плѣнныхъ, съ тѣмъ чтобы *подарить* ихъ въ тотъ же день одному изъ гостей своихъ. Намъ же далъ пять отличныхъ коней, выѣзженныхъ такъ, что садись да и поѣзжай. Другой бы на этомъ и остановился, потому что чего болѣе стоили два мальчика? Но Каирбекъ бывало, какъ разгорячится, забывалъ рѣшительно всякіе разчеты. Пригоршнями кидалъ свое добро.

— Вы, говорилъ онъ, — люди бездомные, не кому справить вамъ одежду, и обмѣняться вамъ не съ кѣмъ. Возьмите у меня по одному платью, то-есть, не съ моего плеча, а съ плеча моего дальняго гостя и товарищей его. Раздѣваніе ихъ предоставляю однимъ вамъ, такъ какъ вы сняли съ меня ихъ обузу. Я бы не прочь и своимъ платьемъ подѣлиться съ вами, но, уаллахи, кромѣ того, что̀ видите на мнѣ, нѣтъ ничего лишняго.

Мы, разумѣется, не прочь были отъ такого предложенія, тѣмъ болѣе что платье на насъ начинало сильно расползаться; но воспользоваться предложеніемъ не могли безъ ущерба своему дворянскому достоинству. Какъ ты знаешь, по обычаю, раздѣваніе гостей, получившихъ подарки, принадлежитъ исключительно дворнѣ хозяина и людямъ, особенно близкимъ къ нему. Это мы дали замѣтить Каирбеку.

— Это не помѣха, возразилъ онъ, — я такъ устрою, что ни гости, ни дворня ничего не узнаютъ объ этомъ. Не стыдитесь!

Дѣйствительно, онъ что-то шепнулъ гостямъ, и тѣ безпрекословно исполнили его желаніе. Но все это казалось недостаточнымъ щедрому хозяину. На прощаньи, онъ поднесъ мнѣ еще два двуствольные турецкіе пистолета — одинъ брату, другой мнѣ. Въ то время пистолеты эти такъ же дорого цѣнились, какъ нынче пистолеты съ шестью выстрѣлами. Оружіе самое надежное. Не чета нашимъ кремневымъ: и подъ дождемъ, и при ясной погодѣ грянетъ одинаково, никогда не обманетъ. Главное, двухъ сразу можно положить, одного подлѣ другаго. Послужилъ мнѣ подарокъ Каирбека—спасибо ему,—вотъ онъ и теперь еще при мнѣ, и до послѣдней минуты будетъ со мною.

Еслибы только прибавить къ нему другую такую же парочку, тогда и семь человѣкъ въ полѣ не были бы страшны мнѣ. Особенно добыть бы шестивыстрѣльный — о, это славная выдумка гяуровъ! Поворачивай только колесо, и цѣль прямо въ лобъ: шесть выстрѣловъ! Да это, чортъ побери, находка! Уаллахи, я бы отдалъ все, что̀ у меня есть, лишь бы найдти такой кладъ. Да нѣтъ! Безбожники наши ни за что въ свѣтѣ не промѣняютъ его. Но Богъ дастъ, когда-нибудь добуду его!

И Джуниса не обидѣлъ щедрый Каирбекъ — подарилъ ему славный кинжалъ, за который можно бы сейчасъ дать два тумана. На томъ мы и разстались съ Каирбекомъ. «Вотъ что̀ значитъ сѣдлать коня въ добрый часъ,» твердилъ Джунисъ всю дорогу. Даже самъ братъ, ничему не изумлявшійся, едва повѣрилъ, когда мы представили ему подарки Каирбека.

Отдохнувъ день, мы снова отправились на ловлю. На этотъ разъ и Джунисъ къ намъ присоединился. Ударили среди бѣлаго дня на Ханцовцевъ рубившихъ лѣсъ для постройки, нарочно выбравъ то время, когда всѣ они, утомленные работой съ утра, собрались въ общемъ шалашѣ подкрѣпить себя пищей и отдыхомъ. Отогнали изъ-подъ самого носа ихъ тридцать быковъ. Цѣлый градъ пуль посыпался на насъ на очень-близкомъ разстояніи, но не причинилъ намъ ни малѣйшаго вреда, напротивъ, еще болѣе помогъ намъ: быки, испуганные громомъ выстрѣловъ, понеслись впередъ съ такою быстротой, что кони наши едва успѣвали за ними. Погони никакой не было, потому что верховыхъ между дровосѣками не оказалось. Спокойно пригнали быковъ въ ближній аулъ и продали ихъ на кумачъ бывшимъ тамъ армянскимъ купцамъ. А повѣренные купцовъ немедленно угнали ихъ къ Русскимъ.

Ханцовцы почувствовали наконецъ, какихъ неугомонныхъ враговъ послалъ имъ Богъ въ наказаніе за грѣхи. Да! Они лучше бы согласились имѣть противъ себя цѣлый аулъ нежели трехъ бездомныхъ бродягъ. Съ враждебнымъ ауломъ они бы не побоялись столкнуться лицомъ къ лицу, а укротить насъ не было никакой возможности. Словно ястребъ на стадо цыплятъ, налетали мы на нихъ и, нанося безпощадный ударъ, мгновенно исчезали, не оставивъ по себѣ другаго слѣда, кромѣ слезъ и жалобъ. Имена наши сдѣлались пугалищемъ не для однихъ дѣтей, но и для взрослыхъ.

Ужасъ, наводимый нами, походилъ на трепетъ человѣка при мысли о страшной фигурѣ Азраиля. Не мудрено послѣ этого, если въ цѣломъ околоткѣ только и говорили, что о насъ. И странная вещь! Одни Ханцовцы горѣли къ намъ ненавистью и жаждали нашей крови, чтобы залить ею нанесенныя нами раны; а въ окрестностяхъ, даже ближайшихъ къ Ханцовцамъ, тѣ самые люди, которые во всякой другой бѣдѣ брали на свои шеи одинаковую съ ними долю, которые клятвенно были связаны съ ними, — и тѣ не желали намъ зла, напротивъ, явно сочувствовали дѣламъ нашимъ. Особенно молодежь, страстная ко всему чрезвычайному, просто обожала насъ и брала себѣ въ образецъ. Къ намъ приставали одинъ за другимъ всѣ недовольные праздностію, обиженные несправедливостію людскою и такіе, которые не питали въ душахъ ровно ничего дурнаго, но были соблазнены нашими дѣлами. Даже изъ Ханцовцевъ пришло къ намъ трое молодцовъ. Такимъ образомъ, составилась у насъ большая шайка, изъ отчаяннѣйшихъ головъ въ околоткѣ. Присоединяясь къ намъ, каждый требовалъ взять съ него клятву въ томъ, что онъ до послѣдней минуты останется вѣрнымъ товарищемъ всѣхъ членовъ шайки; но братъ мой не захотѣлъ связывать ничью совѣсть. Вообще Харакетъ не очень благоволилъ къ незваннымъ товарищамъ. Ему не понравилось, что эти люди безъ всякой причины готовы рѣзать перваго встрѣчнаго и причинять вредъ бывшимъ своимъ сосѣдямъ. Это уже дѣлалось разбоемъ и воровствомъ, а мы всѣми силами избѣгали такихъ прозвищъ. Дѣло наше было иного рода. Оно было вызвано местью, слѣдовательно никто насъ не могъ упрекать ни въ корыстолюбіи, ни въ безпричинной жестокости. Если мы угоняли скотъ, увозили людей, то это дѣлали вовсе не изъ видовъ обогащенія, а только изъ желанія причинить какъ можно больше боли врагамъ нашимъ. Злоба сердецъ нашихъ никогда не простиралась за ограду Ханцовскаго аула. Не разъ намъ случалось встрѣтить врасплохъ имущество другихъ ауловъ — и совѣсть не можетъ упрекнуть, чтобы мы когда-нибудь прельстились имъ, даже чтобъ имѣли это въ мысли. Если сосѣди ханцовскіе принимали насъ иногда враждебно, то мы всегда старались внушить имъ, что худа имъ не желаемъ, а если они питаютъ противъ насъ какой-нибудь злой умыселъ, то да судитъ ихъ Аллахъ! Изъ этого легко понять, что мы вовсе не были рады увеличенію нашего кружка. Кромѣ разницы въ цѣляхъ, представлялось и другое важное неудобство.

Шайка въ пятнадцать, двадцать человѣкъ не могла скрыться, въ случаѣ нужды, въ первомъ попавшемся бурьянѣ или аулѣ; а втроемъ мы никогда не задумывались, какъ сгладить слѣды ногъ своихъ. Захоти, мы безъ всякой опасности могли бы жить даже среди самихъ Ханцовцевъ. Несмотря на все это, мы однако не высказали новымъ товарищамъ нашихъ мыслей. Харакетъ говорилъ, что всѣ они мало-по-малу поотстанутъ отъ насъ, и что поэтому не для чего отталкивать ихъ недобрымъ словомъ. Это, пожалуй, еще вооружило бы ихъ противъ насъ. А мы не искали другихъ враговъ, кромѣ Ханцовцевъ. Такую шайку, разумѣется, невозможно было держать въ домѣ Джуниса, потому мы вернулись къ своему шалашу. И черкеска, и газыри лежали на своихъ мѣстахъ. Постройка новаго аула все еще продолжалась и не обѣщала скораго окончанія, а сидѣть праздно въ лѣсу — было до смерти скучно. Купъ сталъ каждую ночь выѣзжать изъ лѣсу двумя партіями, и обѣ возвращались съ разными добычами уже на разсвѣтѣ. Одну партію водилъ Харакетъ; мы съ Измаиломъ неразлучно находились при немъ; другую водилъ Джамгурчи, испытанный юноша, не разъ участвовавшій въ набѣгахъ нашихъ на русскія станицы. Бѣглецомъ онъ сталъ вслѣдствіе отказа въ рукѣ любимой дѣвушки. Трудно повѣрить всему, что̀ совершили мы въ это время. Ужасъ наполнилъ сердца не однихъ уже Ханцовцевъ, а всего околотка, — товарищи наши не разбирали никого. Чуть наступали сумерки, ни одинъ человѣкъ не переступалъ черты аула. Мы опрокидывали вооруженныхъ всадниковъ и вязали ихъ по рукамъ и ногамъ, словно пастуховъ какихъ. Не разъ отгоняли лошадей и скотъ, выжгли все аульное сѣно до послѣдней копны. Враги наши совершенно растерялись.

Въ безпрерывныхъ наѣздахъ протекло мѣсяца полтора. Къ тому времени аулъ выстроился и обнесъ себя двойною оградой изъ колючника. Мы явились къ нему; но предпріятіе на первый разъ не удалось. Отрядъ обходныхъ не допустилъ насъ проникнуть въ аулъ. Тогда Харакетъ придумалъ новое средство. Онъ сдѣлалъ изъ высушеннаго сосноваго дерева тончайшія дощечки и намазалъ ихъ густо толченою сѣрой, смѣшанною съ порохомъ. Такія дощечки загараются отъ солнечной теплоты. Намъ удалось кое-какъ бросить по такой дощечкѣ на крыши саклей около двадцати. Но попытка снова не удалась. Вспыхнувшія крыши тотчасъ же были потушены.

Въ это время попались намъ въ руки пять мальчиковъ. По приказанію Харакета, я, Джунисъ и еще одинъ товарищъ повезли ихъ къ Убыхамъ. Дорога была дальняя и очень утомительная. Дня четыре пробыли у Убыховъ, и какъ только сбыли съ рукъ свою добычу, немедленно пустились назадъ. Темною ночью достигли мы, совершенно изнуренные, нашего притона. Соскочивъ съ лошадей, мы бросились въ шалашъ, и остановились въ недоумѣніи. Вмѣсто узкой двери насъ поразило огромное отверстіе. Стѣны шалаша обвалились, подпорки лежали разбросанныя тамъ и сямъ. Я обошелъ всѣ углы—пусто кругомъ; ощупываю руками стѣны — ни бурокъ, ни башлыковъ и никакого другаго признака жилья. Я съ отчаяніемъ подбѣжалъ къ Джунису и, едва сдерживая слезы, спросилъ: что̀ бы могло значить такое опустошеніе? Джунисъ отвѣчалъ, что должно-быть молодцы наши, соскучившись въ лѣсу, укрылись куда-нибудь въ аулъ; но это, очевидно, были одни слова. Сердце мое не повѣрило Джунису. Оно говорило мнѣ очень ясно, что товарищи наши не могли удалиться на другое мѣсто, не дождавшись насъ. Джунисъ молча досталъ трутъ, отвязалъ съ пояса отвертку и началъ рубить огонь. Я съ трепетомъ ожидалъ, когда освѣтится шалашъ и глаза мои ясно увидятъ окружающіе предметы. Сухое сѣно наконецъ вспыхнуло, и мы увидѣли наше прежнее жилище. Но прежняго въ немъ не осталось ничего. Казалось, голодные волки грызлись въ немъ за нѣсколько минутъ до нашего прихода. Трава, служившая намъ постелью и убитая, какъ полсть, была разбросана клочками. Часть стѣны и верхъ шалаша едва держались, въ ожиданіи перваго напора вѣтра. Глаза мои безпокойно бродили кругомъ, и вдругъ остановились неподвижно на одной точкѣ. Кровь застыла въ жилахъ, сердце перестало стучать... я весь окаменѣлъ.

— Вотъ наша кровь, проговорилъ я, задыхаясь, и указалъ рукою на уголъ, забрызганный весь кровью.

— Да, вонъ еще, отвѣчалъ Джунисъ угрюмо, и показалъ въ противоположный уголъ. И тамъ чернѣла запекшаяся кровь. Я ничего болѣе не видѣлъ, не слышалъ. Не помню, какъ выскочилъ я изъ шалаша, какъ вспрыгнулъ на коня и поскакалъ во всю прыть, не разбирая ни рвовъ, ни пней, готовыхъ размозжить мнѣ голову. Одни кровавыя пятна искрились въ моихъ глазахъ... Зардѣвшійся конь, шатаясь и едва переводя тяжелое дыханіе, сталъ у ограды Ханцовскаго аула

Я бросилъ его на собственный его произволъ, и перескочилъ черезъ плетень. Быстро пробѣжавъ нѣсколько улицъ и дворовъ, я остановился передъ саклей довѣреннаго холопа и застучалъ въ дверь. Съ просонья онъ долго не могъ придти въ себя, и требовалъ, чтобъ я напередъ объяснилъ ему, кто я таковъ и зачѣмъ къ нему пожаловалъ. Вмѣсто объясненій, я сильно ругнулъ собачьяго сына и поклялся шибко отстегать его плетью, если онъ въ ту же минуту не выйдетъ ко мнѣ. Угроза мигомъ протрезвила заспаннаго негодяя. Онъ выскочилъ изъ сакли въ одной рубахѣ. Не помню, было ли на немъ еще что-нибудь.

— Гдѣ наши? вскричалъ я, какъ только рабъ просунулъ голову въ низенькія двери.

— А ты гдѣ былъ? спросилъ онъ въ свою очередь, и съ удивленіемъ и страхомъ уставилъ на меня свои сонные глаза.

— Говори скорѣе, что̀ случилось... ну!

— Да вѣдь ты самъ... залепеталъ онъ, отступая назадъ.

— Говори! закричалъ я, трясясь въ лихорадкѣ:—не то мать будетъ завтра плакать по тебѣ.

Запинаясь и глотая конецъ каждаго слова, рабъ передалъ мнѣ ужасную вѣсть. Какъ деревянный обрубокъ, прислоненный къ стѣнѣ, стоялъ я передъ холопомъ. Каждое слово его остріями десяти кинжаловъ вонзалось мнѣ въ сердце и причиняло нестерпимую боль. Самъ ты посуди, могъ ли я сохранить твердость мущины въ эту ужасную минуту. Нѣтъ, ты не упрекнешь меня въ постыдномъ малодушіи, если когда-нибудь доводилось тебѣ выслушивать подобную вѣсть, если сердце твое хоть разъ болѣло такъ, какъ болѣло оно тогда у меня. Что̀ дороже для человѣка жизни? А я проклялъ ее въ тотъ мигъ...

Дѣло произошло такъ. Ханцовцы, доведенные до отчаянія, прибѣгли наконецъ къ хитрости, чтобъ избавиться какъ-нибудь отъ страшныхъ враговъ. Планъ былъ составленъ, и немедленно приступили къ его выполненію. Одинъ молодой человѣкъ въ аулѣ зналъ, что Джамгурчи тайкомъ видится съ своею возлюбленной. Тайну эту онъ открылъ кому нужно. На другую ночь послѣ нашего отъѣзда съ мальчиками, купъ нашъ, по обыкновенію, выѣхалъ изъ лѣса пошарить вокругъ аула. Джамгурчи отдѣлился отъ купа, какъ и всегда, подъ тѣмъ предлогомъ, что желаетъ посмотрѣть поближе на Ханцовцевъ. Никто, конечно, не подозрѣвалъ въ немъ какой-

либо тайны; всѣ были увѣрены, что онъ, какъ расторопный малый, высматриваетъ добычу, чтобъ извѣстить потомъ и остальныхъ товарищей: такъ онъ всегда и дѣлалъ, такъ же, безъ сомнѣнія, поступилъ бы и въ тотъ вечеръ, еслибы непредвидѣнный случай не повернулъ вдругъ все вверхъ дномъ. Какъ только подкрался Джамгурчи къ саклѣ любовницы, его вдругъ окружили со всѣхъ сторонъ и не дали даже пошевельнуться. Однако, вмѣсто того чтобы скрутить ему руки и поднести дуло подъ носъ, съ нимъ заговорили самымъ ласковымъ голосомъ. Джамгурчи не мало былъ удивленъ, увидѣвъ передъ собою первыхъ тхамадовъ аула, которыхъ нельзя было ожидать въ такую позднюю пору просто на улицѣ, не только что подсматривающихъ за шашнями молодежи. Между тхамадами находился и отецъ возлюбленной Джамгурчи. Одно изъ двухъ предложили на выборъ Джамгурчи: выдать имъ въ руки Харакета съ товарищами, и въ ту же ночь получить руку любимой дѣвушки, или же навсегда выкинуть изъ головы мысль о женитьбѣ. Чтобы вѣрнѣе подѣйствовать на мягкое сердце юноши, опытные старики прибавили еще, что если онъ не выполнитъ требуемаго, то на другое же утро возлюбленная его будетъ волей или неволей отдана другому. Джамгурчи не долго колебался. Сердце его измѣнило обѣту товарищества и предалось сѣтямъ женщины. Заключивъ сначала брачный союзъ съ отцомъ возлюбленной, Джамгурчи поклялся на Алкоранѣ навести, въ слѣдующую ночь, посланныхъ изъ аула на жилище купа. Онъ назначилъ имъ мѣсто въ лѣсу, гдѣ они должны были ожидать его, и вернулся къ товарищамъ, какъ ни въ чемъ не бывалый. Наступилъ срокъ. Купъ, весело болтая, сидѣлъ въ шалашѣ. Огонь пылалъ на очагѣ, освѣщая беззаботныя лица. Шышлыкъ шипѣлъ на вертелѣ; котелокъ, вися надъ огнемъ на деревянной цѣпи, съ шумомъ варилъ пшено. Джамгурчи незамѣтно ускользнулъ въ это время изъ шалаша... Ужинъ былъ готовъ. Лежавшіе на боку приподнялись, собираясь приняться за него... какъ вдругъ раздался выстрѣлъ, и несчастный Харакетъ, сорванный съ мѣста, растянулся въ другомъ углу и испустилъ духъ, успѣвъ только до половины вынуть кинжалъ изъ ноженъ. Пуля попала въ правую лопатку и вышла черезъ лѣвый бокъ, пройдя сердце. Купъ не успѣлъ еще придти въ себя отъ изумленія, какъ послышался другой выстрѣлъ, и Измаилъ лежалъ въ послѣднихъ судорогахъ. Тогда всѣ схва-

тились за оружіе, и въ безпорядкѣ бросились изъ шалаша; но густая цѣпь людей загородила имъ дорогу. Залпъ изъ сорока винтовокъ молніей сверкнулъ во тьмѣ ночи. Бо́льшая половина купа легла тутъ же, какъ подкошенная трава, прежде чѣмъ успѣла щелкнуть курками своихъ ружей. Четверо или пятеро пробились сквозь цѣпь и скрылись въ лѣсу.

Такъ исчезъ грозный купъ, наводившій ужасъ на всю окрестность. Ханцовцы оказались не храбрѣе своихъ сожительницъ. Да иначе и не могли они отдѣлаться отъ такихъ людей, какъ Харакетъ и Измаилъ. Только изъ щели могли они покуситься на ихъ львиныя души. Вѣдь собака кусаетъ человѣка сзади, а не спереди. Стать лицомъ къ лицу съ людьми, въ родѣ Харакета, не всякій дерзнетъ. Не человѣкъ онъ былъ, а левъ—безъ преувеличенія. И мнѣ было лишиться его! Къ чему не привыкаетъ ничтожный человѣкъ? Какія несчастія не скользятъ по его душѣ? Какъ вода разступается передъ брошеннымъ камешкомъ, и потомъ смыкается, такъ точно и сердце наше принимаетъ удары судьбы и поглащаетъ горечь ихъ въ себѣ...

Когда крестьянинъ кончилъ разсказъ, я кинулся вонъ отъ него и долго бродилъ безсознательно по темнымъ улицамъ, сопровождаемый горячимъ лаемъ собакъ. Я не зналъ куда мнѣ дѣться, что̀ дѣлать. Я чувствовалъ, что мозгъ въ головѣ шевелился... Не скажу тебѣ, какія чувства пробѣгали въ это время по моему сердцу. Помню только, что въ ушахъ моихъ, какъ прибой волны, стучалъ лай собакъ, и больше ничего... Прійдя нѣсколько въ себя, я рѣшился было разбудить кого-нибудь изъ жителей, и на немъ выместить смерть товарищей, но потомъ раздумалъ и медленно выбрался изъ аула. Лошадь моя мирно паслась недалеко отъ того мѣста, гдѣ я оставилъ ее. Казалось, она понимала мое теперешнее одиночество и потому не хотѣла меня покинуть. Съ трудомъ и послѣ долгихъ исканій нашелъ я наконецъ мѣсто на опушкѣ лѣса, гдѣ какъ собакъ зарыли, безъ *кефина* и *дженази* (1), брата и Измаила. Свѣжая насыпь, не успѣвшая еще осѣсть, грустно чернѣла. Ноги мои подкосились... я упалъ на могилу милаго брата и зарыдалъ какъ ребенокъ... Душа моя жаждала слезъ, какъ

(1) *Кефинъ*—саванъ; *дженази*—надгробная молитва.

раскаленная зноемъ земля — дождя. Грудь моя разрывалась, но слезъ у меня не было, глаза мои были сухи. Не помню, что̀ далѣе происходило со мною... я очнулся, когда въ воздухѣ пахнуло холодкомъ разсвѣта. Темныя окраины неба быстро приподнимались. Красные лучи утра пробивались сквозь груды тучъ. Тѣни скользили надъ головой, спѣша куда-то скрыться. Я снова припалъ лицомъ къ землѣ, и жарко цѣловалъ ее. Горячо помолился я за неоплаканныя души брата и Измаила и, поклявшись ихъ памятью, мстить за нихъ до послѣднихъ минутъ жизни, поѣхалъ къ шалашу, чтобы прикрыть землей кровь и навсегда разстаться съ несчастнымъ убѣжищемъ.

Выполнилъ ли я свою клятву, и успокоилъ ли тлѣющія кости товарищей, можешь судить изъ дальнѣйшаго разказа. А теперь я не въ силахъ продолжать. Харакетъ и Измаилъ, какъ будто живые, передъ моими глазами. Они меня не упрекнутъ — я это знаю. Но все-таки мнѣ становится тяжело при воспоминаніи о нихъ.

Послѣ долгихъ размышленій, я нашелъ наконецъ что̀ мнѣ дѣлать. Три дня, три ночи ѣхалъ я безостановочно, не жалѣя своей лошади, а на четвертый, вечеромъ, увидѣлъ бѣлые шатры, раскинутые вдоль берега Лабы. Это былъ русскій лагерь. Я въѣхалъ въ него, не какъ врагъ, а какъ другъ. Первый кто говорилъ со мною, былъ какой-то казанскій Татаринъ, знавшій нѣсколько по-черкесски.

— Что̀ тебѣ нужно, кунакъ? спросилъ онъ, подбѣжавъ ко мнѣ.

— Толмачъ! проговорилъ я.

— Я толмачъ, сказалъ Казанецъ, ткнувъ себя пальцемъ въ грудь. — Ты лазутчикъ что-ли?

— Да.

— На что̀ тебѣ толмачъ? продолжалъ допрашивать солдатъ.

Я объяснилъ ему, на что̀ нуженъ толмачъ, и онъ безъ дальнѣйшихъ разспросовъ повелъ меня къ самой большой палаткѣ во всемъ лагерѣ. Въ ней жилъ начальникъ отряда. Меня скоро ввели туда, полагая, вѣроятно, что я пріѣхалъ сообщить что-нибудь очень важное. Начальникъ потребовалъ тотчасъ одного изъ служившихъ при немъ Черкесовъ; а Казанцу сказалъ,

что-то, послѣ чего тотъ, стоявшій до того времени на вытяжку, попятился къ двери и вышелъ задомъ. Черкесъ пришелъ. Меня спросили, зачѣмъ я пріѣхалъ въ лагерь, не имѣю ли чего сообщить? Я отвѣчалъ, что пріѣхалъ единственно изъ желанія *подружиться* съ Русскими, но что готовъ услужить чѣмъ могу. Начальникъ обласкалъ меня и обѣщалъ наградить, если я укажу отряду удобные пути и доставлю нужныя свѣдѣнія о дѣлахъ абадзехскихъ. Послѣ этого, Черкесъ повелъ меня къ своему купу. Такимъ образомъ очутился я посреди Русскихъ, съ которыми никогда не думалъ встрѣтиться иначе, какъ на полѣ битвы. Въ прежнее время, я бы почелъ мысль о такомъ сближеніи величайшею подлостью. Но теперь оно не казалось мнѣ ничѣмъ особеннымъ. Я очень скоро привыкъ къ Русскимъ, и сталъ смотрѣть на нихъ совсѣмъ не такъ, какъ прежде.

Черкесы, находившіеся въ отрядѣ, приняли меня какъ бы стараго своего знакомаго. Они старались угодить мнѣ во всемъ, отводили мнѣ среди себя первое мѣсто. Но скоро я открылъ причину всѣхъ этихъ вниманій. Дѣло въ томъ, что эти почтенные люди лѣзли изъ кожи, чтобъ понравиться начальнику. Потому не удивительно, что они смотрѣли на меня, какъ на средство къ своему возвышенію передъ Русскими. Каждый изъ нихъ домогался овладѣть мною и, вывѣдавши у меня что̀ нужно, донести о томъ начальнику отъ собственной своей особы. Поэтому я вовремя взялъ всѣ предосторожности противъ ихъ умысла, и рѣшился быть съ ними какъ можно осторожнѣе. Не затѣмъ удалился я изъ родной земли, чтобы внести въ нее вопли и слезы, никогда не имѣлъ я желанія помогать Русскимъ противъ моихъ братьевъ. Да избавитъ Богъ отъ этой мысли всѣхъ мужей земли Адигской! Я жаждалъ не черкесской крови, а только крови Ханцовцевъ. Лишь ихъ вопли и стоны могли усладить мой слухъ.

Чуть не каждый день приставалъ я къ начальнику съ предложеніями навести его врасплохъ на непріятелей. Начальникъ, приписывая это моему усердію, давалъ мнѣ денегъ, сукна и разныя другія вещи, а все-таки не двигался съ мѣста. Такъ простояли мы два мѣсяца. Нетерпѣніе мое расло съ каждымъ часомъ. Мысль, что Ханцовцы наслаждаются покоемъ и быть-можетъ вовсе забыли когда-то страшныхъ враговъ, эта мысль точила меня червемъ. Дни проходили за днями. Я сидѣлъ молча въ шатрѣ Черкесовъ, и не хотѣлось молвить ни съ кѣмъ слова.

Я не находилъ ни одного человѣка, сроднаго мнѣ по душѣ, и потому презиралъ всѣхъ окружающихъ. Правда, былъ между милиціонерами одинъ молодой человѣкъ, который провелъ нѣсколько лѣтъ въ бѣгахъ въ землѣ Абадзеховъ. Онъ отчасти понялъ меня, и искреннѣе всѣхъ привязался ко мнѣ, хотя меньше всѣхъ выказывалъ мнѣ вниманія. Онъ пытался не разъ намеками предостеречь меня отъ своихъ товарищей. Но я притворялся не понимающимъ его. Даже на дружеское предложеніе его поселиться въ его домѣ, по возвращеніи милиціи изъ отряда, я отвѣчалъ уклончиво. Но послѣдствія жестоко пристыдили меня за такую холодность къ благородному молодому человѣку. Лишившись брата, я какъ-то сдѣлался неспособенъ любить кого-нибудь. Всѣ люди казались мнѣ или злыми, или подлыми лицемѣрами. Да и можно-ли ожидать любви отъ того, кто ненавидитъ себя? А я, признаюсь, таковъ. Я самъ себѣ опротивѣлъ. Одну цѣль имѣлъ я въ жизни, и цѣль эта достигнута. Не вижу болѣе, для чего мнѣ жизнь. Руки мои выкупались въ крови, душа не находитъ болѣе наслажденія въ ней. Зло не можетъ удовлетворить человѣка, не знавшаго въ жизни ничего, кромѣ зла. И медъ пріѣдается. Но пора мнѣ окончить свой разказъ. Пусть хоть одинъ человѣкъ въ мірѣ узнаетъ, что такое людская злоба и до чего способна она иногда довести человѣка. Пусть кто-нибудь обсудитъ хорошенько печальную повѣсть семейства Таджь. Пусть кто нибудь взвѣситъ безпристрастно, какія послѣдствія имѣли бы неутомимая дѣятельность и умъ двухъ человѣкъ, еслибъ они были направлены постоянно ко вреду врага и къ пользѣ своихъ. Ты способенъ сообразить все это. Сердце мое чуетъ въ тебѣ что-то родное. Но пути наши различны... да будетъ какъ суждено! Я не ропщу, не ропщи же и ты. Ты такой же, какъ и я, сирота... Итакъ, доскажу тебѣ дальнѣйшую свою исторію, хотя ты не найдешь въ ней ничего новаго, а развѣ повтореніе тѣхъ же кровавыхъ подвиговъ, которыми наполнилъ я твои уши. Еслибы разказывалъ я тебѣ какую-нибудь сказку, то пожалуй прибавилъ бы что-нибудь пріятное, ласкающее слухъ, но разказъ мой — быль, сначала до конца истинная быль, изображающая, можетъ-быть, не одно семейство Таджь, а тысячи ему подобныхъ, чтобы не сказать, всѣхъ обитателей Адигской земли. Право, если хорошенько посмотришь, увидишь, что все, случившееся съ нами, ежедневно повторяется передъ глазами, только, раз-

умѣется, въ иномъ видѣ и при иныхъ обстоятельствахъ. Въ молодости еще слышалъ я, какъ одинъ мудрый старецъ говорилъ громко собравшемуся около мечети народу: «родъ Адигскій созданъ Аллахомъ на подобіе собачьему. Никогда не было и не будетъ въ немъ согласія и добраго совѣта. Грызть вѣчно самого себя—его удѣлъ. И погибнетъ онъ не отъ чужой руки, а отъ собственной.» Развѣ слова эти не оправдались теперь. Кто, какъ не сами Адиги погубили Адиговъ?...

Рѣшившись на одно изъ двухъ—вывести Русскихъ въ походъ, или оставить ихъ лагерь, я отправился разъ вечеромъ въ палатку начальника. Со мною былъ и переводчикъ, уже заранѣе наученный мною, что̀ и ка̀къ говорить. Послѣ долгихъ переговоровъ, я объявилъ начальнику, что если онъ упуститъ изъ рукъ готовое счастіе, то оно навсегда станетъ къ нему задомъ. Я говорилъ съ такимъ огнемъ, какъ нѣкогда въ кругу сверстниковъ наканунѣ нападенія на русскія селенія. Месть поджигала мой языкъ. Начальникъ, видя мою упорную настойчивость, усомнился въ искренности моего усердія, и спросилъ меня: чѣмъ я могу ручаться въ успѣхѣ предпріятія. Я отвѣчалъ, что отдаю голову на отсѣченіе, въ случаѣ неудачи. «А если ты думаешь, кончилъ я, — что я какъ-нибудь скроюсь, обманувъ тебя, то держи меня постоянно при себѣ, окружи, если хочешь, часовыми, и въ тотъ часъ, когда убѣдишься въ моемъ обманѣ, прикажи привязать меня къ пушкѣ и выстрѣлить.» Начальникъ подался наконецъ, — чтобъ ему никогда болѣе не знать удачи! Рѣшено было на слѣдующій день сняться съ лагеря. На прощаньи гяуръ протянулъ мнѣ, въ видѣ награды, два тумана. Я ихъ не принялъ, сказавъ, что возьму не прежде, какъ дѣло будетъ окончено. Когда мы вышли изъ палатки, переводчикъ сталъ укорять меня, зачѣмъ я отказался отъ подарка. Онъ крѣпко сожалѣлъ о двухъ туманахъ, какъ будто самъ выронилъ ихъ изъ своего кармана. Но не два тумана занимали меня. Вся внутренность моя такъ и трепетала при мысли, что враги мои снова узнаютъ тяжесть руки Таджь и дорого заплатятъ за минутный отдыхъ и краткое обольщеніе, будто я болѣе не существую, или, если и существую, то немощенъ какъ змѣя, у которой вырвали жало. Ночь я не смыкалъ глазъ. Бурка прожигала мнѣ бока. Все тѣло мое горѣло. Рыданія ханцовскихъ женъ опять раздались въ ушахъ отрадною пѣснію. Палатка показалась мнѣ душною. Я вышелъ на чистый воздухъ и сѣлъ позади шатра. Изрѣдка долетали до

меня полусонные крики съ цѣпи, выдвинутой изъ лагеря, да безсвязный бредъ изъ ближнихъ палатокъ. Легкая прохлада, пронесшаяся въ воздухѣ, освѣжительно коснулась моего горящаго лица. Я почувствовалъ облегченіе. Сердце забилось тише. Съ головы свалился тяжелый свинецъ. Мысли мои укладывались. Незамѣтно прервалась нить ихъ... и мною овладѣлъ сонъ. Я видѣлъ Харакета. Онъ обнажилъ не зажившія еще раны и умолялъ залѣчить ихъ. Я далъ ему свою руку. Видъ мертвеца былъ ужасенъ... Сдѣлавъ отчаянное усиліе, я раскрылъ глаза. Предутренняя свѣжесть дохнула мнѣ въ лицо. Уже черная тѣнь ложилась на землю. Луна была не далеко отъ заката. Я всталъ на ноги, прошелся раза два вокругъ палатки, и сѣлъ опять на прежнее мѣсто. Чтобы снова не заснуть, я началъ слѣдить глазами за быстро-убѣгавшимъ мѣсяцемъ. Стало свѣтать. Лагерь зашевелился. Я вошелъ въ палатку и, набросивъ на себя бурку, притворился спящимъ. Я не хотѣлъ, чтобы товарищи узнали, какъ я провелъ ночь. Это легко бы возбудило въ нихъ всевозможныя подозрѣнія. Стали просыпаться въ палаткѣ. Вѣсть о выступленіи въ походъ вызвала въ миліціонерахъ разные толки. Одни ей радовались, въ надеждѣ, по возвращеніи изъ похода, вернуться домой; другіе чуть не подкидывали шапокъ отъ сладкой мысли отличиться въ дѣлѣ передъ Русскими и получить награды. Едва же рѣчь касалась до меня, всѣ понижали голосъ. Разказъ переводчика о вчерашнемъ посѣщеніи начальника очень не понравился купу. Онъ никакъ не ожидалъ, чтобъ я, безвѣстный какой-нибудь пришлецъ, могъ такъ скоро втереться въ довѣренность къ начальнику. Понятно, что наемные лазутчики пуще всего страшились соперничества. Больше всѣхъ ненавидѣлъ меня переводчикъ. Онъ не жалѣлъ словъ, чтобы возбудить противъ меня и другихъ.

Я терпѣливо сносилъ всѣ обидныя разсужденія про мою особу. Но когда одинъ шутникъ началъ увѣрять всѣхъ честью, будто я изгнанъ изъ общества абадзехскаго старыми бабами за покражу куръ, и за то поклялся жестокою местью, я уже не въ силахъ былъ удержаться и, быстро сбросивъ съ себя бурку, присѣлъ. Всѣ мигомъ притихли, а шутъ самымъ жалкимъ образомъ выказалъ свою заячью храбрость. Онъ весь посинѣлъ и разинулъ ротъ чуть не до ушей. При всемъ моемъ бѣшенствѣ, я не могъ не улыбнуться. Прочіе товарищи чувствовали себя тоже не совсѣмъ ловко. Я не показалъ нима-

лѣйшаго вида, что слышалъ весь ихъ разговоръ... Въ полдень весь лагерь пришелъ въ движеніе. Палатки складывали въ повозки. Солдаты чистили свои ружья и точили тесаки; а наши купали лошадей и подрѣзывали имъ копыта. Я радовался, глядя на волновавшуюся массу людей. Въ ней каждый казался мнѣ поборникомъ и неумолимымъ мстителемъ за кровавую мою обиду. Моя звѣзда будетъ освѣщать путь этой массѣ, и вести ее къ моей цѣли!... Скоро меня потребовали къ начальнику. Я засталъ его, вмѣстѣ съ пятью другими офицерами, за круглымъ столомъ, обставленнымъ бутылками и тарелками съ разными яствами. Начальникъ сидѣлъ посрединѣ и пускалъ изо рта вверхъ кольца табачнаго дыма. «Якши, кунакъ! якши!» закричалъ начальникъ, едва только я занесъ ногу за порогъ шатра, а за нимъ вторили и всѣ остальные.

— Якши, отвѣчалъ я. «Кушалъ твой іокъ?» спросилъ начальникъ, поднося ко рту пустой стаканъ. Я сказалъ: «іокъ.» Но онъ налилъ полный стаканъ водки и, кивнувъ мнѣ головой, проговорилъ: «Алла верди!» «Якши іолъ,» отвѣчалъ я, приложивъ руку ко лбу. Онъ налилъ опять стаканъ до края и протянулъ мнѣ. Я покачалъ головой, давая тѣмъ знать, что не пью.

Начальникъ разспрашивалъ меня чрезъ Казанца, куда я его поведу, какимъ путемъ, и сколько времени придется быть въ дорогѣ. Сначала я затруднялся отвѣтомъ, но потомъ ободрился и сказалъ. «Если ты былъ такъ довѣрчивъ, что рѣшился слѣдовать за незнакомымъ человѣкомъ въ глубь непріятельской земли, и такъ благороденъ, что повѣрилъ простому слову *иновѣрца*, то довершай же, какъ началъ: предоставь мнѣ свободу дѣйствія. Какимъ бы ни было путемъ, а я доведу тебя до цѣли, и съ помощію Божіею устраню всякую опасность. Ты уже знаешь, чѣмъ готовъ я отвѣчать въ случаѣ неудачи. Но если ты не вѣришь дворянскому моему слову, то давай Алъ-Коранъ, я поклянусь на немъ. Больше этого не скажу ничего. Чрезъ три дня ты будешь у цѣли. Если хоть одинъ выстрѣлъ потревожитъ движеніе отряда, то голова моя и мечъ въ твоихъ рукахъ.» «Якши, джигитъ!» закричали въ одинъ голосъ и начальникъ и офицеры.

Не стану утомлять тебя подробностями нашего похода по непроходимымъ мѣстамъ. Я много перенесъ за эти три дня. Товарищи мои старались заподозрить меня въ глазахъ

начальника, войско роптало на трудность дороги. Начальникъ сто разъ въ день призывалъ меня для объясненій. Дѣло мое висѣло на волоскѣ: я каждую минуту трепеталъ за него. Но Богъ мнѣ помогъ. На третью ночь мы уже подошли къ аулу Ханцы, и въ глубокомъ молчаніи обложили его со всѣхъ сторонъ густою цѣпью. Живо отворили ворота, барабаны загрохотали, раздались крики—ура! Половина войска ворвалась въ спящій аулъ и стремительно ударила на сакли. Ханцовцы проснулись—и жестокая рѣзня началась. Сперва жители пытались удержать врага на улицахъ, и храбро оборонялись, но солдаты, ударивъ на штыки, разсѣяли ихъ по домамъ; кто не хотѣлъ попятиться, легъ на мѣстѣ. Пришлось приступомъ брать каждую саклю; но какъ на это нужно было много времени и крови, прибѣгли къ помощи пламени. Пожаръ быстро распространился. Осажденные поневолѣ бросили свои укрѣпленія и пошли искать смерти или плѣна. Грустный *зикиръ* (1) смѣшался съ криками солдатъ. Борьба на жизнь и смерть охватила всѣ пункты аула. Обѣ стороны работали холоднымъ оружіемъ—тутъ некогда было заряжать ружья. Ханцовцы продавали каждый шагъ цѣной своей крови. Каждый изъ нихъ явилъ себя героемъ. Я видѣлъ, какъ мальчикъ, въ предсмертныхъ судорогахъ, уцѣпился одною рукой за воткнутый въ животъ штыкъ, а другою описывалъ вокругъ головы убійцы слабые удары; рука его не могла уже причинить вреда, но стиснутые зубы и зловѣщій огонь закатывавшихся глазъ грозили ужасно. Я носился изъ улицы въ улицу. Мрачныя, забрызганныя грязью и кровью, тѣни, мелькали вокругъ меня. Тамъ съ трескомъ падалъ плетень, за которымъ укрывались нѣсколько отчаянныхъ стрѣлковъ, и солдаты съ дикимъ ревомъ перебѣгали чрезъ него. Догоравшія жилища валились среди удушливаго смрада... Приближалось къ разсвѣту. Пожаръ мало-по-малу слабѣлъ, не имѣя для себя болѣе пищи. Гулъ битвы то вдругъ стихалъ, смѣняемый визгомъ женъ и дѣтей, то съ новою яростью отдавался въ окрестности. Я незамѣтно попалъ въ самый разгаръ битвы. Въ крѣпкой оградѣ одной сакли засѣли человѣкъ пятьдесятъ, и съ бѣшенствомъ отбрасывали всѣ приступы солдатъ. Послѣдніе, находясь въ открытомъ мѣстѣ,

---

(1) Пѣсня, которую Горцы поютъ, готовясь къ битвамъ.

терпѣли ужасный уронъ отъ частой стрѣльбы осажденныхъ. Я спрыгнулъ съ коня, и съ обнаженною шашкой устремился къ воротамъ ограды. Грянуло громкое ура—ободренные солдаты, держа ружья на перевѣсъ, рванулись за мною. Градъ пуль осыпалъ насъ и положилъ человѣкъ двадцать на мѣстѣ. Остальные мигомъ выломали ворота и ворвались въ ограду. Натискъ былъ такъ стремителенъ, что осажденные не успѣли скрыться въ саклю. Зазвенѣли шашки и солдатскіе приклады. Какъ львы дрались Ханцовцы, поклявшись не выходить живыми изъ ограды. На крики бойцовъ сбѣжалось много людей съ обѣихъ сторонъ. Дворъ наполнился биткомъ. Рѣзались долго и упорно. Солдатъ было вдвое больше враговъ, но отчаяніе придало послѣднимъ такую силу, что они одержали бы непремѣнно верхъ, еслибы не подоспѣла во время помощь къ Русскимъ. Напоръ свѣжихъ штыковъ окончилъ кровопролитіе. Пятьдесять Ханцовцевъ сдержали слово, какъ слѣдуетъ мужамъ, и одинъ подлѣ другаго легли въ оградѣ, положивъ кругомъ себя кучи солдатъ. По взятіи этой ограды не было уже ни одной замѣчательной схватки; тамъ и здѣсь только звякали одиночные выстрѣлы. Лучшіе люди аула всѣ до одного схватили мученическіе вѣнцы. Развѣ одни подлѣйшіе трусы, достойные не винтовки, а вертела, да дряхлые старики, остались въ живыхъ. Шумныя улицы опустѣли и притихли. Однѣ пугливыя чадры шныряли туда и сюда, не зная куда дѣться, и слышались вопли грудныхъ младенцевъ и ребятишекъ. Солдаты съ кликами радости разсыпались по попелищу и забирали все, что уцѣлѣло отъ пламени. Отвсюду тащили плѣнниковъ и плѣнницъ и пропасть вещей. Особенно падки были они на все съѣдобное. Открывъ гдѣ-нибудь бочку съ сыромъ или масломъ, солдаты сбивались въ кучку и, подпрыгивая весело на одной ножкѣ, закусывали съ большимъ аппетитомъ, какъ бы справляя тризну по убитымъ товарищамъ. Одинъ случай особенно обратилъ на себя мое вниманіе. Въ низенькой, продранной во многихъ мѣстахъ оградѣ одного пчельника столпилась гурьба воиновъ. Солдаты подхватывали на руки сапетки, и, убѣдясь, что взять ихъ съ собою невозможно, со всего размаха бросали ихъ о-земь. Бѣлые соты выскакивали изъ разбитыхъ сапетокъ; пчелы, вылетѣвъ съ визгомъ изъ своихъ жилищъ, отчаянно кружились надъ головами незванныхъ гостей. Я молча смотрѣлъ, и въ душѣ моей проснулось что-то такое, чего я никогда прежде не чувствовалъ. Мнѣ какъ будто жаль стало этихъ ульевъ. Мнѣ вдругъ пред-

ставился старикъ, съ бѣлою, какъ лунь, бородой. «Смотри, что̀ ты надѣлалъ, казалось, говорилъ онъ: — ты въ одинъ мигъ разрушилъ то, что̀ составляло заботу многихъ лѣтъ моей жизни. Ты топчешь чужими ногами пропитаніе бѣдной моей семьи. Вотъ малыя дѣти, у которыхъ вырвалъ ты послѣдній кусокъ. Богъ накажетъ тебя за ихъ слезы.» Глаза мои невольно отвернулись отъ шумнаго круга моихъ новыхъ товарищей; я ударилъ коня, чтобъ отъѣхать прочь, какъ вдругъ позади меня послышались торопливые шаги. Я быстро обернулся: у хвоста моей лошади стоялъ человѣкъ высокаго роста, покрытый съ головы до ногъ кровью. Онъ приставилъ дуло своей винтовки между моими лопатками и готовился дернуть за курокъ. «Такъ это ты привелъ къ намъ гостей? проговорилъ онъ глухимъ, задыхающимся голосомъ: — ты, значитъ, далъ клятву не оставлять насъ ни минуты въ покоѣ... успокойся же теперь самъ!» Я не успѣлъ пошевельнуться... молнія сверкнула въ глазахъ, что-то прожгло мнѣ внутренность. Я почувствовалъ, что лечу съ большой высоты — далѣе ничего не помню... Я очнулся вечеромъ другаго дня, когда отрядъ нашъ былъ уже почти на полпути къ Лабѣ. Я былъ очень слабъ, чувствовалъ тошноту, и невыносимую боль подъ сердцемъ. Меня подняли замертво прибѣжавшіе на выстрѣлъ солдаты. Русскій *хакимъ* сдѣлалъ мнѣ перевязку. Положеніе мое было самое незавидное среди такихъ людей, какъ милиціонеры. Они бы навѣрное бросили меня, какъ лишнюю обузу, еслибы не нашелся между ними добрый человѣкъ; это былъ молодой Исламъ, тотъ самый юноша, котораго я оттолкнулъ отъ себя въ лагерѣ. Онъ на груди своей довезъ меня до самаго лагеря, а оттуда къ себѣ домой. Семейство его приняло меня какъ роднаго. Старуха — мать Ислама не сдѣлала различія между имъ и мною; а одиннадцатилѣтняя сестра его, пугавшаяся меня сначала, мало-по-малу привыкла ко мнѣ, и стала ухаживать за мною, какъ за роднымъ братомъ; цѣлые дни просиживала она надъ моимъ изголовьемъ, отбивая концомъ своихъ рукавовъ мухъ отъ меня, и ловя на лету всѣ мои желанія; ея каріе глазки замѣняли мнѣ всѣ лѣкарства; отъ взгляда ихъ утихала боль. Я становился просто ребенкомъ... Душная сакля, въ которой я лежалъ, чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе привязывала меня къ себѣ...

Черезъ четыре мѣсяца я всталъ съ постели, и, совѣстно

сказать, но дѣлать нечего, договорю — женился на сестрѣ молодаго моего друга. Какъ это случилось, право, не могу тебѣ объяснить; до сихъ поръ еще я не растолковалъ себѣ этого, Знаю только, что въ этомъ случаѣ я поступилъ какъ будто не въ полномъ своемъ умѣ. Годъ я прожилъ очень спокойно; обзавелся кое-какимъ хозяйствомъ и началъ походить на другихъ людей. Но все это мнѣ наскучило. Я сталъ убѣждаться, что взялся не за свое дѣло. Дни мои тянулись вяло... Я самъ замѣтно киснулъ и дряхлѣлъ. Дошло мало-по-малу до того, что я возненавидѣлъ свое положеніе, и ничѣмъ уже не былъ доволенъ. Я кое-какъ свалилъ съ плечъ непривычную обузу и сталъ по прежнему одиночнымъ скитальцемъ...

И съ тѣхъ поръ вотъ уже прошло три года, какъ я слоняюсь изъ угла въ уголъ, не имѣя ни постояннаго жительства и никакой ясной цѣли. Не осталось въ странѣ Адиговъ такого мѣста, гдѣ бъ не ступила нога моя, да едва ли найдется хоть одинъ, сколько-нибудь извѣстный человѣкъ, между Кабардинцами, Ногайцами, Абазинцами и Карачайцами, который бы не зналъ меня, и котораго, въ свою очередь, я не высмотрѣлъ бы съ ногъ до головы. Не мало между ними встрѣчалъ я хорошихъ мужей, истинныхъ *уарковъ*, которые предлагали мнѣ у себя и постоянный уголъ, и кусокъ хлѣба, безъ косаго взгляда. И не вина ихъ, если я нигдѣ не уживался. Такъ ужь вѣрно суждено мнѣ не знать никогда покоя! Но этимъ еще не кончаются мои похожденія. Еще разъ имѣлъ я случай столкнуться съ Ханцовцами. Какъ-то я узналъ отъ одного плѣннаго Абадзеха, что послѣ погрома, Ханцовцы, ушедшіе отъ смерти и плѣна, то бѣгствомъ, то разными необыкновенными случаями, въ числѣ ста душъ, поселились въ ближнемъ аулѣ; это бъ еще ничего, но между ними находились предатель моего брата, Джамгурчи, и злѣйшій врагъ нашъ, Баракай. Оказалось, что ранившій меня въ ночь погрома былъ некто иной, какъ тотъ же предатель Джамгурчи. Въ пылу битвы онъ догадался, кто виновникъ неожиданнаго посѣщенія Русскихъ, и тотъ же часъ оставилъ ряды сражавшихся, чтобы найдти меня, и кровію моею омыть всеобщее бѣдствіе. Какъ только услыхалъ я это, во мнѣ снова проснулось прежнее безпокойство. Дѣло мое еще не совсѣмъ окончено, подумалъ я, шататься праздно не годится. Имя Ханцовцевъ уже не существовало, но тѣ, которые прежде другихъ должны были погибнуть, тѣ еще живы, ихъ грѣло солнце, уста ихъ не переставали улыбаться. Думалъ я не

долго. Собралъ пять отборныхъ молодцовъ изъ праздной молодежи, не дававшей мнѣ покою вѣчными просьбами вести ее куда-нибудь за добычей, и безъ шума отправился въ дорогу. Я запасся на дорогѣ письменнымъ видомъ отъ знакомаго лабинскаго начальника, подъ предлогомъ разузнанія абадзехскихъ дѣлъ. Билетъ этотъ былъ необходимъ по двумъ причинамъ; онъ отклонялъ отъ меня всякое подозрѣніе въ дружескихъ сношеніяхъ съ Абадзехами, да кромѣ того, съ нимъ мы могли прямо, не дѣлая лишнихъ обходовъ мимо русскихъ крѣпостей, добраться до цѣли. Такъ и сдѣлали. Прибыли въ тотъ самый лѣсъ, гдѣ нѣкогда имѣла притонъ наша шайка. Оставивъ товарищей въ лѣсу, я пѣшкомъ побрелъ въ глухую полночь въ аулъ, перелѣзъ чрезъ плетень, и остановился въ раздумьи предъ ближайшею къ воротамъ саклей. Рѣшившись на отчаянное средство, я стукнулъ въ ставни окна. «Кто тамъ?» спросилъ мужской голосъ. «Гость, ищущій ночлега,» отвѣчалъ я, и отойдя отъ окна, вынулъ кинжалъ на всякій случай и скрылъ подъ буркой. Скоро растворилась дверь и предо мной явился человѣкъ средняго роста, широкоплечій, въ незастегнутомъ бешметѣ, съ пистолетомъ въ рукѣ.

— Милости просимъ — вотъ моя кунацкая, сказалъ онъ, указывая рукой на сосѣднюю саклю и готовясь повести меня туда.

— Благодарю, отвѣчалъ я,—у меня есть здѣсь пріятель, да къ сожалѣнію, я не знаю его сакли, такъ какъ онъ недавно перешелъ сюда.

— Какъ его зовутъ?

— Джамгурчи, если изволишь знать.

— Какъ не знать! Онъ мой сосѣдъ. Вотъ, вотъ его сакля. Видишь?

Я запримѣтилъ саклю.

— А не знаешь, дома ли онъ?

— Дома. Онъ былъ у меня поздно вечеромъ.

Я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ саклѣ Джамгурчи.

— Да гдѣ же твоя лошадь, или ты пѣшкомъ? спросилъ онъ.

Вопросъ озадачилъ меня неожиданностію.

— Чтò ты говоришь? спросилъ я, въ свою очередь, притворившись неслышащимъ, а между тѣмъ обдумывалъ чтò сказать.

— Лошадь твоя! крикнулъ хозяинъ, воображая вѣрно меня глухимъ. Онъ крикнулъ такъ громко, что спавшіе псы проснулись и подняли гвалтъ, и ставни, въ которыя я стучалъ за минуту передъ тѣмъ, съ шумомъ раскрылись.

— Лошадь мою спрашиваешь? повторилъ я.

— Да.

— Я ее оставилъ у воротъ. Вотъ какъ разбужу Джамгурчи, отворимъ ворота и введемъ ее. Да вотъ, было, позабылъ... у меня есть еще здѣсь другой пріятель, Баракай. Нельзя ли ужь заразъ узнать и его домъ?

Услужливый хозяинъ показалъ и жилище Баракая, прибавивъ, что и онъ *сидитъ* дома. Я поблагодарилъ его и быстро направился къ саклѣ Джамгурчи; но едва недавній собесѣдникъ мой вошелъ въ саклю, разговаривая съ какою-то женщиной, вѣроятно, своею женой, и громко захлопнулъ за собою дверь, я перемѣнилъ направленіе, перепрыгнулъ обратно черезъ плетень и поспѣшилъ къ своимъ товарищамъ. Они ждали меня совсѣмъ готовые. Можетъ не болѣе какъ черезъ два часа, мы покончили свое дѣло: вывели изъ конюшни Джамгурчи двухъ коней, оставивъ въ ней одного; изъ Баракаевой же одного коня, а другаго тоже оставили. Выѣзжая съ шумомъ со двора, я подъѣхалъ къ окну Джамгурчи и, сильно ударивъ въ него плетью, крикнулъ: «Эй, хозяинъ! ты спишь, а конюшня твоя взломана, и кони выведены. Покинь теплую постель, если ты мужъ съ усами, а не баба съ волосами.» То же сказали и Баракаю. Затѣмъ, мы тронулись шагомъ по арбяной дорогѣ. Ночь стояла довольно ясная; предметы различались далеко; тѣмъ не менѣе я опасался, чтобы преслѣдователи не сбились какъ-нибудь съ нашего слѣда, и не направились въ другую сторону. Въ предотвращеніе этого, я приказалъ двумъ товарищамъ вести лошадей пока не торопясь, а чуть завидится погоня, пуститься вскачь. Я же съ остальными товарищами своротилъ съ дорогъ и спрятался въ бурьянѣ. Я не обманулся въ разчетѣ. Скоро послышался топотъ лошадиныхъ ногъ; невдалекѣ отъ насъ, на холмѣ, показался всадникъ. Онъ покружился разъ десять на одномъ мѣстѣ, размахивая шапкой, и потомъ вновь опять пустился съ холма. Вслѣдъ за нимъ выскочилъ изъ-за холма и другой всадникъ. Оба въ рядъ вихремъ пронеслись мимо насъ, говоря что-то между собою. Мы тотчасъ выѣхали изъ своей засады и отняли у нихъ всякую возможность обратиться въ бѣгство. Преслѣдователи обернулись

къ намъ лицомъ и стали посреди дороги, точно столбы. Оба придерживали прикладъ своихъ винтовокъ, готовые при первомъ движеніи выхватить ихъ изъ чахла. Когда мы подъѣхали къ нимъ шаговъ на десять, оба въ одинъ голосъ крикнули: «стой! ни шагу дальше!» Но мы продолжали ѣхать, и окружили ихъ съ трехъ сторонъ. «Кто вы и зачѣмъ здѣсь?» вскричалъ одинъ взволнованнымъ голосомъ. Въ немъ я узналъ Джамгурчи. Дѣло было рѣшено. Натянувъ сильно повода, я, что̀ было мочи, ударилъ своего коня; а конь подо мною, на ту пору, былъ такой, какого не сыскать на всей Кубани, тигръ—не конь; рванулся онъ такъ, что искры посыпались изъ моихъ глазъ... Два львиныхъ прыжка, и я очутился подъ носомъ Джамгурчи, который стоялъ неподвижно, не скажу отъ страха—грѣха зачѣмъ брать на себя—а скорѣе отъ удивленія. Еще разъ свернулся клубомъ мой тигръ, фыркнулъ и, налетѣвъ на врага, ударилъ его широкою грудью. Ударъ пришелся какъ нельзя вѣрнѣе, какъ разъ въ бокъ. Лошадь Джамгурчи отлетѣла, какъ пухъ, шаговъ на десять, и съ тяжкимъ стономъ повалилась на земь. Но всадникъ, ловко соскочивъ съ нея, остался на ногахъ, и прежде чѣмъ успѣлъ я выхватить шашку, выстрѣлилъ изъ винтовки. Пуля прошла подъ лѣвою моею рукой, захвативъ часть газырей. Испуганная лошадь взвилась подо мною и шарахнулась назадъ. Джамгурчи сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, и въ упоръ выстрѣлилъ въ меня изъ пистолета. Я упалъ съ лошади, но въ мигъ поднялся снова. Въ эту минуту товарищи прицѣлились въ Джамгурчи. Я крикнулъ, и всѣ они разомъ опустили винтовки. «Теперь очередь моя!» сказалъ я Джамгурчи и, медленно подошедъ къ нему, ударилъ его шашкой въ то самое мѣсто, гдѣ шея сходится съ правымъ плечомъ. Джамгурчи пошатнулся, дернулъ за рукоять своей шашки, но руки его опустились—и онъ тихо присѣлъ. «Я это зналъ...» прошепталъ онъ едва внятно. Я приставилъ дуло пистолета къ его лбу, и онъ принялъ горячій свинецъ не моргнувъ даже глазомъ... Обернувшись, я увидѣлъ трупъ подлаго труса Баракая, который, ни въ какомъ случаѣ, не долженъ бы лежать подлѣ храбраго Джамгурчи. Мы взяли лошадей и оружіе убитыхъ, не тронувъ ихъ одежды, и поѣхали въ обратный путь. Только на отдыхѣ почувствовалъ я маленькую боль въ правомъ боку—то былъ слѣдъ второй пули Джамгурчи. Она прожгла небольшую черту, коснувшись слегка двухъ реберъ. Такъ кончилась вражда наша съ Ханцовцами. Отомстилъ ли я за смерть Хара-

кета и Измаила, и смылъ ли грязь, брошенную въ лицо нашему роду,—суди самъ. Теперь, кажется, не осталось у меня ни одного кровнаго врага... Да, я и забылъ совсѣмъ о кабардинскихъ врагахъ отца. До сихъ поръ еще они не забыли о мести. Я не разъ уже сталкивался съ ними. Что̀ будетъ, то будетъ. Не мнѣ ихъ искать, а имъ меня. Одно вѣрно, что, при встрѣчѣ съ ними, я не сворочу съ дороги. Чье счастіе возьметъ верхъ—знаетъ одинъ Богъ. Но шепну тебѣ, въ заключеніе, что сердце подсказываетъ, сердце съ нѣкотораго времени твердитъ постоянно, что пора мнѣ, наконецъ, успокоиться.

Каламбій.

ПРИХОДСКІЕ СПИСКИ

ПОЭМА ГЕОРГА КРАББА [1]

III.

Вотъ имя дѣвочки-сиротки подлѣ нихъ!
Лишившись матери на утрѣ дней своихъ,
Отца же потерявъ еще до дня рожденья,
Теперь начальницей надъ школою селенья,
Старушкой набожной, въ училище взята
Изъ состраданія малютка-сирота.
О, какъ мнѣ нравится почтенный видъ старушки,
Сидящей средь дѣтей въ дверяхъ своей избушки!
Въ тотъ часъ, когда готовъ погаснуть лѣтній день,
Когда и школьники изъ ближнихъ деревень,
Уставши передъ ней въ лугу весь день рѣзвиться,
Начнутъ по хижинамъ лѣниво расходиться,—
Въ тотъ часъ, при заревѣ пылающихъ лучей,
Я вижу, какъ она предъ хижиной своей
Сидитъ за Библіей и, время сберегая,
Кончаетъ свой чулокъ, вся чтеньемъ занятая.
Сосѣдки праздныя, лепеча всякій вздоръ,
Спѣшатъ къ ней; но она, вперивъ въ нихъ строгій взоръ,
Велитъ имъ набожно внимать, и смолкнувъ, парни
Проходятъ мимо ихъ, гоня овецъ въ овчарни.
Когда жъ погаснетъ день, идетъ она домой,
Святой молитвою кончая трудъ дневной.

Но уклонился я; пришли съ младенцемъ снова,
Опять зовутъ меня для таинства святова.

(1) Въ *Русскомъ Вѣстникѣ* за 1856 годъ были помѣщены первыя пѣсни этой поэмы Георга Крабба, переведенныя Д. Е. Миномъ.

«Что вздумалось вамъ дочь *Лоницерой* (1) назвать?»
Съ улыбкой я спросилъ садовницу; но мать:
«Какое дѣло вамъ?» мнѣ отвѣчала въ шутку,
И вотъ—Лоницерой мы нарекли малютку.
И если сынъ у нихъ родится черезъ годъ,
Его садовникъ мой Нарцисомъ наречетъ;
А если дѣвочка, то вѣрно мужъ ученый
Красавицѣ своей дастъ имя Белладоны (2).
Нашъ садоводъ—большой любитель громкихъ словъ:
На сельскихъ сходбищахъ онъ любитъ простаковъ
Дивить латинскими названьями растеній.
Тутъ *Rhododendron*, *Rhus* предметъ его сужденій
И даже *Allium:* ботаники знатокъ,
Такъ величаетъ онъ нашъ лукъ, простой чеснокъ.
Онъ грубымъ именемъ и травки не обидитъ,
Во всякомъ былiи цвѣтокъ онъ чудный видитъ.
Гдѣ горькую въ поляхъ встрѣчаемъ мы полынь,
Тамъ Артемизію найдетъ его латынь;
Что̀ *одуванчикомъ* слыветъ у насъ въ народѣ
(Есть и грубѣй ему названья въ этомъ родѣ),
Тому *Leontodon* онъ имя придаетъ,
И *Orchis*—что̀ у насъ ятрышникомъ слыветъ.
Но хоть и видитъ онъ во всякой травкѣ диво;
Однакожъ ни щавель, ни жгучая крапива
Не смѣютъ рость въ его расчищенномъ саду,
Гдѣ онъ сенеціи сажаетъ на гряду.
Самъ Дарвинъ (3), кажется, не съ бо̀льшимъ наслажденьемъ
Пѣлъ о любви цвѣтовъ съ весеннимъ пробужденьемъ,
Съ какимъ мой Питеръ Праттъ простой нашъ учитъ людъ
О томъ, какъ пестики, тычинки возстаютъ,
Какъ приклоняются какъ будто къ изголовью
Онѣ одна къ другой съ супружеской любовью
(Вѣдь въ томъ, что̀ пестикомъ, тычинкой встарину
Считали, видитъ онъ и мужа, и жену),
И какъ онѣ живутъ, какъ любятъ страстью нѣжной
Другъ друга въ тишинѣ подъ сѣнью безмятежной
За брачнымъ пологомъ, который мы зовемъ,
Профаны темные, неправильно цвѣткомъ.
Гонясь за славою, такъ садоводъ ученый
Дивитъ своихъ друзей наукою мудреной...

Да! слава всѣмъ мила, и всѣ мы какъ-нибудь

(1) *Lonicera*—Жимолость.
(2) *Белладона*—Ночная красавица.
(3) Дарвинъ, англійскій врачъ и физіологъ, авторъ дидактической поэмы въ двухъ книгахъ: *Botanic Garden*.

Желали бъ въ храмъ ея найдти кратчайшій путь.
Не прочь ея наградъ и селянинъ убогій,
И онъ стремится къ ней проселочной дорогой.
Одинъ гордится тѣмъ, что врядъ ли кто въ селѣ
Такъ прямо борозду прорѣжетъ на землѣ,
Какъ плугъ его; другой тѣмъ славенъ (и не даромъ!),
Что можетъ сбить заразъ всѣ девять кеглей шаромъ;
Тотъ, шапку странную надѣвъ, забавитъ всѣхъ
И радъ-радехонекъ, что возбуждаетъ смѣхъ;
Иль бьется объ закладъ, что цѣлую недѣлю
Въ ротъ, пьяный, не возьметъ ни капли, кромѣ элю;
А этотъ, именемъ забавнымъ окрестивъ
Младенца, думаетъ, что вѣчно будетъ живъ.
Разъ наши старики, чтобъ окрестить находку
И именемъ наречь, явились всѣ на сходку,
Явились, сѣли вкругъ, и пренье началось.
Тутъ много споровъ шло, судили вкривь и вкось
Насчетъ подкидыша, котораго въ оврагѣ
Въ ночи оставили какіе-то бродяги.
Сперва возникъ вопросъ: «Да вправду ли нашли
Ребенка? Пусть внесутъ!» Ребенка принесли.
«Что̀ жь дѣлать съ нимъ? Кому отдать на попеченье?
Онъ мертвый, иль живой?»—Чтобъ разрѣшить сомнѣнье,
Щипнули бѣднаго, онъ страшный поднялъ вой
И разомъ доказалъ, что мальчикъ онъ живой.
«Но чьимъ же именемъ мы назовемъ малютку?»
Спросилъ одинъ, и всѣ смутились не нашутку:
Вѣдь именемъ своимъ назвавши молодца,
Пожалуй, прослывешь и за его отца!
Какъ быть?—«Кто Ричардъ здѣсь? Никто? такъ имя это
Пусть съ нимъ останется!» былъ приговоръ совѣта.
Затѣмъ узнали день, когда несчастный ткачъ,
Нашедшій мальчика, во рву услышалъ плачъ:
«Такъ будь же *Мондеемъ* (1), нашъ маленькій бездѣльникъ
Ужь если ты во рву былъ найденъ въ понедѣльникъ!»
Потомъ поднялся споръ: «Чѣмъ мальчика кормить,
Затѣмъ что негодяй, конечно, хочетъ жить!»
Рѣшивъ и этотъ пунктъ по обсужденьи зрѣломъ,
Витіи, гордые ораторствомъ и дѣломъ,
Отправились домой съ великимъ торжествомъ,
А *Ричардъ Мондей* былъ внесенъ въ рабочій домъ.
Тамъ били мальчика, тиранили, томили,
И сѣкли каждый день, и впроголодь кормили.

(1) *Monday*—понедѣльникъ.

Онъ ко всему привыкъ; безъ ропота и слезъ
Онъ участь горькую, какъ рабъ покорный, несъ,
Всегда увертливый, предъ всѣми молчаливый,
Къ побоямъ сносливый, къ обидамъ терпѣливый,
Съ податливой душой, готовый завсегда
На все безчестное безъ страха и стыда.
Казалось—такъ умѣлъ онъ ловко притворяться!
Въ немъ вѣчно-сонный духъ не могъ и пробуждаться.
Бранить и бить его послѣдній нищій могъ,
Онъ нищему служилъ скамейкою для ногъ.
На побѣгушкахъ вѣкъ, онъ былъ у всѣхъ въ наукѣ,
На все Ричардовы употреблялись руки.
И тѣломъ и душой ворамъ принадлежа,
Онъ по приказу кралъ, безъ выгодъ дѣлежа.
Какой бы споръ въ селѣ, бывало, ни случился,
Онъ лгалъ за каждаго, за каждаго божился;
Во всякой дракѣ онъ къ сильнѣйшимъ приставалъ,
При каждомъ слѣдствіи ихъ первый выдавалъ.
А между тѣмъ, во всемъ снискавъ дурную славу,
Онъ къ каждому умѣлъ подлаживаться нраву;
У всѣхъ въ презрѣніи за низость чувствъ; межъ тѣмъ,
Для всѣхъ услужливый, онъ полюбился всѣмъ.
Однажды слышитъ онъ: «Пора, сказали, въ море
Отправить Ричарда!»—и Ричардъ скрылся вскорѣ—
Куда? никто не зналъ, и міръ рѣшилъ, что онъ
Повѣсился съ тоски, извѣстьемъ устрашенъ.
Лишась услугъ его, сначала потужили
О бѣдномъ мальчикѣ, потомъ — о немъ забыли.

А онъ межъ тѣмъ постигъ секретъ, какъ въ свѣтѣ жить;
Онъ былъ не глупъ; къ тому жь имѣлъ талантъ хитрить,
Умѣлъ онъ каждаго плѣнять привѣтнымъ взоромъ,
И словомъ ласковымъ, и льстивымъ разговоромъ,
Одну лишь мысль тая у сердца, мысль—себѣ
Устроить будущность наперекоръ судьбѣ.
И какъ издалека влечетъ магнитъ могучій
Стальныя крупинки изъ каждой сорной кучи,
Такъ, вѣрный выгодамъ своимъ, и нашъ герой
Умѣлъ во всемъ найдти источникъ золотой,
И, эту цѣль одну имѣвъ всегда въ предметѣ,
Ни друга, ни врага не нажилъ въ цѣломъ свѣтѣ.

Такъ долго онъ для насъ потерянъ былъ; но вдругъ
Нежданно къ намъ въ село объ немъ доходитъ слухъ.
Въ газетахъ разъ прочли мы новость въ черной рамкѣ:
«Сэръ-Ричардъ Мондей жизнь въ Мондейскомъ кончилъ замкѣ.»

Богатства страшныя оставилъ онъ женѣ,
И дочерямъ своимъ, и внукамъ, всей роднѣ.
Онъ завѣщалъ притомъ большіе капиталы
Библейскимъ обществамъ и сдѣлалъ вкладъ не малый
На пользу низшихъ школъ, увѣчныхъ и нѣмыхъ,
Велѣвъ имъ библіи раздать изъ суммъ своихъ.
А нашему селу, гдѣ выросъ онъ убогій,
Оставилъ, подчинивъ отвѣтственности строгой,
Въ два фунта капиталъ, чтобъ на его доходъ
Хлѣбъ нищимъ покупать четыре раза въ годъ,—
Ничтожный, жалкій даръ, дававшій знать приходу,
Что помнилъ онъ нашъ хлѣбъ и дѣтскихъ лѣтъ невзгоду!

За этимъ въ томъ году по сыну Богъ послалъ
Вамъ, наши богачи, Финчъ, Френчъ и Миддльгаллъ.
А рядомъ съ вами здѣсь и Барнаби показанъ—
Несчастный Барнаби, онъ вновь женой наказанъ!
Смирнѣйшій изъ людей, онъ служитъ круглый годъ
Для нашихъ фермеровъ предметомъ ихъ остротъ.
Вонъ подлѣ хижины сидитъ бѣднякъ печально,
А вкругъ насмѣшники трунятъ надъ нимъ нахально,
То хвалятъ скотъ его, то сбрую лошадей,
То знать хотятъ, что̀ далъ онъ за своихъ коней.
«Скажи, гдѣ ты купилъ овецъ такой породы?
Чай, то-то страшные даютъ тебѣ доходы?
Гдѣ прячешь деньги ты? Открой же намъ секретъ,
Съ чего разбогатѣлъ такъ сильно ты, сосѣдъ?
У насъ есть дочери; но, бѣдныя, боятся,
Что сыновьямъ твоимъ въ невѣсты не годятся.
Есть сыновья у насъ, да врядъ ли кто изъ нихъ
Годится въ женихи для дочерей твоихъ!»
Такъ издѣваются; а Джемсъ, убитый, блѣдный,
Сидитъ, потупя взоръ, и все вздыхаетъ бѣдный;
Но этимъ лишь сильнѣй забавитъ остряковъ—
Несчастный Барнаби, бѣднякъ изъ бѣдняковъ!

Между послѣдними въ графѣ новорожденныхъ
Вотъ пятеро сиротъ, изъ жалости внесенныхъ
По смерти ихъ отца чужими въ этотъ листъ,
Затѣмъ что не хотѣлъ нашъ сельскій атеистъ
Вплоть до послѣдняго ужаснаго мгновенья
Надъ ними совершить святой обрядъ крещенья.
Угрюмый, онъ одинъ жилъ съ ними въ рощѣ той,
Гдѣ бродитъ, говорятъ, мертвецъ во мглѣ ночной.
Онъ въ сельскихъ кабакахъ всѣхъ увѣрялъ, бывало,
Что въ жизнь грядущую не вѣритъ онъ ни мало;

Что если грѣшника засыпали землей,
Онъ будетъ вѣчно спать въ могилѣ, какъ святой;
Что самъ пасторъ, уча, что въ рай и адъ онъ вѣритъ,
Иль лжетъ изъ выгоды, иль просто лицемѣритъ;
Что жизнь за гробомъ—бредъ; что каждый, наконецъ,
Кто признаетъ ее, ханжа или глупецъ.
Отъ клерка нашего набравшись этихъ правилъ,
Онъ собственнымъ умомъ развилъ ихъ и добавилъ.
Онъ въ ужасъ набожныхъ старушекъ приводилъ
Своимъ невѣріемъ, которому училъ,
И многія изъ нихъ, когда ему внимали,
Въ чертахъ лица его со страхомъ узнавали
Черты ужасныя нечистаго врага,
Копыта на ногахъ, на головѣ рога.
За то отъявленный невѣрья проповѣдникъ
Для нашихъ пьяницъ былъ и вождь, и собесѣдникъ,
Хоть послѣ пира съ нимъ, проспавшись, иль когда
Случалось имъ хворать, сгорали отъ стыда.
Его боялись всѣ. Предъ грознымъ якобинцемъ
Дрожалъ смотритель самъ надъ герцогскимъ звѣринцемъ,
Гдѣ истреблялъ онъ дичь. Онъ въ шайку игроковъ
Былъ мастеръ завлекать несчастныхъ простаковъ;
Онъ нужды извергов, согласно духу вѣка,
Преважно величалъ «правами человѣка»;
О дѣтяхъ не имѣлъ заботы никакой
И самый бракъ считалъ обузою пустой. —
Что̀ время сдѣлало надъ хищникомъ суровымъ,
Не знаю: онъ всегда казался мнѣ здоровымъ.
Разъ на недоброе пошелъ онъ ремесло;
Ночь бурная была, и въ рощѣ мостъ снесло
Ручьемъ разлившимся; онъ, видно, оступился,
Упалъ въ глубокій ровъ и пьяный утопился,
И если правда то̀, чему училъ народъ,
Теперь онъ вѣчнымъ сномъ заснулъ въ пучинѣ водъ.

Вотъ нѣсколько именъ! Средь жизненнаго моря,
Встрѣчая тихій вѣтръ, иль съ непогодой споря,
Плыветъ ихъ утлый челнъ; но вскорѣ какъ напасть,
Какъ буря грозная, въ нихъ забушуетъ страсть.
Тутъ будетъ нуженъ имъ попутчикъ сердцу милый,
Помощникъ въ бѣдствіяхъ, другъ въ жизни ихъ унылой,
Какой же помощи, какихъ утѣхъ и бѣдъ
Отъ брака ожидать возможно въ цвѣтѣ лѣтъ,—
Объ этомъ свой отчетъ мы вслѣдъ за симъ представимъ,
И въ пристань между тѣмъ на отдыхъ челнъ направимъ.

Дмитрій Минъ.

СОВРЕМЕННАЯ

ЛѢТОПИСЬ

РУССКАГО ВѢСТНИКА

ТОМЪ ТРИДЦАТЫЙ.

МОСКВА.

Въ типографіи Каткова и Ко.

1860.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 14-го сентября 1860 года.

Цензоръ *А. Петровъ*

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

ИЗЪ АМЕРИКИ.

Нью-Йоркъ, (17) 29 октября 1860.

Въ послѣднемъ письмѣ моемъ я сообщалъ вамъ о пребываніи у насъ японскаго посольства. Я говорилъ уже вамъ, что оно насъ оставило. Послѣ того мы получили о немъ извѣстіе съ береговъ Африки; фрегатъ *Ніагара*, отвозившій нашихъ гостей на родину, совершалъ трудное плаваніе противу теченій. Впрочемъ, Японцы не жаловались на эту медленность; они пользовались самымъ радушнымъ гостепріимствомъ и не скучали нисколько; одни читали, другіе писали и переписывали набѣло свои замѣтки; нѣкоторые рисовали или играли между собою. На фрегатѣ ежедневно совершается богослуженіе, и хотя Японцы плохо понимаютъ по-англійски, но присутствуютъ при немъ, и очень признательны за то, что ихъ поминаютъ на молитвѣ. Умѣренность ихъ замѣчательна; они отступили отъ нея, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, только одинъ разъ во время пребыванія своего въ Нью-Йоркѣ; шампанское заставило ихъ забыть обычную важность и даже довело ихъ до пляски.

По отъѣздѣ Японцевъ, надо было приступить къ уплатѣ издержекъ, и можно ли повѣрить этому?—онѣ не уплачены еще до сихъ поръ; издержки эти простираются до 120.000 руб. сер., и когда дѣло дошло до уплаты такой огромной суммы, граждане Нью-Йорка протестовали противъ городскаго совѣта; они потребовали счеты, но имъ отказали. Граждане обратились въ судъ, и если дѣло приметъ надлежащій ходъ, то, по всему вѣроятію, откроются важныя злоупотребленія. Хорошо еще, что добрыхъ Японцевъ нѣтъ здѣсь, и что они не будутъ свидѣтелями этихъ скандалезныхъ сценъ, которыя были бы для нихъ тѣмъ болѣе

прискорбны, что они постоянно обнаруживали большую щедрость; несмотря на то, что союзное правительство, принявъ на себя всѣ ихъ расходы, старалось отнять у нихъ всякую возможность тратить что-либо, — они нашли случай выдать нью-йоркской полиціи въ награду, 30.000 руб. сер. До рѣшенія процесса, о которомъ я говорю, поставщики и хозяева гостиницъ не получатъ никакой платы. Но оставимъ Японцевъ, — пусть они совершаютъ путь свой къ родному берегу, гдѣ, какъ намъ извѣстно, ихъ ждутъ съ нетерпѣніемъ, тѣмъ болѣе что они везутъ богатые дары своему тайкуну—и обратимся къ другому.

Кстати о процессахъ; я могу сообщить вамъ, чего стóитъ поцѣлуй, по судебному приговору. Въ прошедшемъ году одинъ изъ нью-йоркскихъ судовъ приговорилъ къ уплатѣ штрафа въ 25 долларовъ одного слишкомъ пылкаго влюбленнаго, поцѣловавшаго молодую вдову, противъ ея желанія. Поцѣловать дѣвицу стóитъ гораздо дороже. Одинъ молодой человѣкъ, влюбленный въ дѣвушку одного съ нимъ прихода, остановилъ ее на улицѣ и, несмотря на ея сопротивленіе, поцѣловалъ ее въ щеку; обиженная дѣвушка подала прошеніе въ судъ; впрочемъ, по мировой сдѣлкѣ, она согласилась освободить его за 60 долл. Конечно, и это слишкомъ дорого за удовольствіе поцѣловать кого-нибудь, хотя въ Англіи за подобныя шутки приговариваютъ къ каторжной работѣ.

У насъ едва не возникло затрудненіе, несравненно болѣе важное. Здѣсь существуетъ, какъ и должно быть въ каждомъ благоустроенномъ государствѣ, законъ, въ силу котораго духовныя лица обязаны вносить въ книги всѣ совершаемые ими браки и сообщать ежемѣсячно эти книги въ гражданское управленіе. Недавно г. Гегсъ (Hughes), архіепископъ нью-йоркскій, отказался исполнить эту обязанность. Ему сдѣланы были самыя почтительныя представленія, но они не повели ни къ чему. Наконецъ ему сдѣлано было формальное извѣщеніе, на которое архіепископъ отвѣчалъ еще болѣе торжественнымъ отказомъ, объясняя, что онъ позволитъ скорѣе отрубить у себя руку, повести себя на эшафотъ, чѣмъ выдать свои регистры. Общественное мнѣніе возстало противъ такого неуваженія къ закону, и рѣшено было энергически дѣйствовать противъ высокаго духовнаго лица, хотя бы это и вызвало не менѣе энергическое сопротивленіе; какъ бы то ни было, перевѣсъ остался на сторонѣ закона, и архіепископъ нашелъ, что лучше будетъ поберечь свои руки и не всходить на эшафотъ, чѣмъ не выдавать регистровъ. Отказъ этотъ, по словамъ архіепископа, основанъ былъ на общественной нравственности: сообщеніе регистровъ должно было повести къ обнаруженію слабостей, которыя должны были оставаться извѣстными только совѣсти и священнику.

Правительство штата Огайо, заключающаго въ себѣ 2.450.000

жителей, недавно составило статистику богадѣленъ и домовъ умалишенныхъ; изъ нея видно, что въ этомъ штатѣ находится 12.829 человѣкъ, одержимыхъ сумашествіемъ или неизлѣчимыми болѣзнями; въ томъ числѣ 807 идіотовъ, 814 безумнымъ, 415 слѣпыхъ и пр. Статистики доказали, что большое число этихъ несчастныхъ произошло отъ браковъ, заключенныхъ между лицами, находившимися въ слишкомъ близкомъ родствѣ.

Мы приближаемся къ президентскимъ выборамъ, производящимся у насъ каждые четыре года; 6-го ноября (н. с.), на всемъ пространствѣ Соединенныхъ Штатовъ, всѣ воты будутъ брошены въ избирательныя урны. Волненіе по всему государству чрезвычайное, и каждая изъ партій, въ числѣ четырехъ, предсказываетъ отечеству великія бѣдствія, если представляемый ею кандидатъ не будетъ избранъ. Вы бы увидѣли повсюду огромныя знамена, поставленныя поперекъ улицъ съ именами кандидатовъ и ихъ правительственнымъ девизомъ, даже иногда съ ихъ портретами. Кандидатъ, на сторонѣ, котораго болѣе вѣроятностей успѣха, есть г. Линкольнъ изъ штата Иллинойса; въ юности своей онъ былъ дровосѣкомъ, потомъ занимался перевозкой лѣса на Миссиссипи; въ послѣдствіи онъ сдѣлался адвокатомъ и пріобрѣлъ извѣстность на судебномъ поприщѣ (1). На знаменахъ его партіи, часто изображаютъ его съ засученными рукавами и въ положеніи дровосѣка за работой. Въ это время только и видишь, что процессію съ факелами на улицахъ, только и слышишь, что политическія рѣчи. Право, Американцы очень похожи на Аѳинянъ: имъ нужны зрѣлища и перемѣны. Послѣдними болѣе всего интересуются искатели должностей, потому что вступленіе новаго лица въ должность президента Штатовъ предаетъ въ новыя руки всю администрацію съ ея отраслями. Такимъ образомъ, избраніе президента есть скорѣе ловля должностей чѣмъ политическая манифестація въ собственномъ смыслѣ. Впрочемъ, въ сущности нѣтъ особенной важности, кто бы ни былъ президентъ, потому что верховный сановникъ Соединенныхъ Штатовъ никогда не можетъ сдѣлать ни много добра, ни много зла. Тотчасъ, по избраніи президента, волненіе утихаетъ и спокойствіе возстановляется; партіи, наканунѣ еще враждебныя и готовыя растерзать одна другую, протягиваютъ другъ другу руки, и дѣла принимаютъ свой обычный ходъ. Если вы желаете знать, каково поприще, открытое для президентской кампаніи, то вотъ оно:

---

(1) По послѣднимъ извѣстіямъ, выборъ уже кончился и, какъ предполагалъ нашъ корреспондентъ, выбранъ г. Линкольнъ. *Ред.*

Республиканцы требуютъ для федеральнаго правительства безусловнаго и безграничнаго права вмѣшиваться въ законодательство территорій. *Территоріями* въ Соединенныхъ Штатахъ называются обширныя пространства земли между Миссиссипи и Калифорніей, которыя еще не составили себѣ правительства, избраннаго народомъ, за неимѣніемъ достаточнаго населенія. До тѣхъ поръ федеральное правительство назначаетъ туда своихъ чиновниковъ.

Югъ или невольничья партія требуетъ также этого права, но ограничиваетъ его покровительствомъ собственности гражданъ. Эта партія, противная партіи республиканцевъ, носитъ названіе демократической; она желаетъ, чтобы негровладѣльцы, при переселеніи своемъ въ территоріи изъ южныхъ штатовъ, гдѣ допущено невольничество, могли брать съ собою своихъ невольниковъ и сохранять надъ ними свои права.

Третья партія отвергаетъ всякаго рода отношенія къ союзному правительству и требуетъ для населенія территорій полнаго и совершеннаго самодержавія.

Представитель первой изъ этихъ партій г. Линкольнъ, второй— г. Брикенриджъ, нынѣшній вице-президентъ, третьей—г. Дугласъ. Составилась еще четвертая партія, во главѣ которой стоитъ г. Беллъ, предлагающая соглашеніе всѣхъ партій. Это дѣло едва ли сбыточное. На сторонѣ г. Линкольна, какъ мы сказали выше, болѣе всего вѣроятностей на успѣхъ. Негровладѣльцы обнаруживаютъ страхъ, и нью-йоркская торговля, такъ сильно заинтересованная въ поддержаніи мира и въ воздѣлываніи хлопчатой бумаги, раздѣляетъ ихъ опасенія.

Великій флибустьеръ Уокеръ окончилъ свое земное поприще. Въ продолженіи многихъ лѣтъ онъ не переставалъ, по крайней мѣрѣ по наружности, причинять много непріятностей союзному правительству; я говорю *по наружности*, потому что при видѣ слабости, съ которою оно дѣйствовало противъ него, при соображеніи тѣхъ выгодъ, которыя успѣхъ Уокера доставилъ бы южнымъ штатамъ, и наконецъ, при благосклонности правительства къ этимъ штатамъ, невозможно повѣрить, чтобы между ними не было какого-нибудь тайнаго соглашенія. Цѣлью Уокера и его шайки авантюристовъ было занятіе какого-нибудь пункта Центральной Америки, поселеніе тамъ вмѣстѣ съ своими единомышленниками, призваніе къ себѣ Американцевъ, которые бы вскорѣ образовали тамъ большинство, стали бы предписывать странѣ свои законы и потребовали бы присоединенія ея къ Соединеннымъ Штатамъ. Такимъ образомъ поступаютъ въ настоящее время. Если большое государство задумаетъ увеличить свою территорію на счетъ сосѣда, то на земляхъ его возжигаютъ неудо-

вольствіе, заставляютъ народъ вотировать: онъ требуетъ присоединенія, и дѣло завоеванія оканчивается. Это совершенно новый способъ покоренія, начало котораго относится въ Европѣ къ 1848 году, а заимствовала она его отъ Соединенныхъ Штатовъ. Уокеръ былъ человѣкъ предпріимчивый и мужественный; успѣй онъ въ своемъ предпріятіи, его бы провозгласили героемъ; случилось противное, и онъ не болѣе какъ флибустьеръ. Онъ нашелъ въ Центральной Америкѣ людей, болѣе преданныхъ своему отечеству чѣмъ онъ воображалъ себѣ, и еще болѣе страшныхъ враговъ въ Англичанахъ, которые не хотѣли допустить его положить основаніе присоединенію и слѣдовательно новому увеличенію могущества Соединенныхъ Штатовъ. Генералъ Уокеръ, какъ называли его, шелъ изъ тюрьмы на мѣсто казни съ гордымъ видомъ и твердою поступью. Его посадили на стулъ и завязали ему глаза. Три солдата приблизились къ нему на разстояніе двадцати шаговъ и выстрѣлили въ него изъ ружей. Пули достигли цѣли; тѣло Уокера наклонилось напередъ, а такъ какъ въ немъ видны еще были признаки жизни, то четвертый солдатъ подошелъ къ нему на одинъ шагъ, пустилъ ему зарядъ прямо въ черепъ, и мозгъ его разлетѣлся во всѣ стороны.

Между территоріями, о которыхъ я упоминалъ выше, и штатами, расположенными по берегамъ Тихаго-Океана, тянется обширное пространство, пересѣченное цѣпью Скалистыхъ Горъ. Предполагаютъ обратить эти страны въ территоріи, которыя будутъ носить слѣдующія названія: Чиппева, Аризона, Невада, Идаго и Дакотахъ. При той быстротѣ, съ которою совершается переселеніе и увеличивается число жителей, пройдетъ немного времени, и весь американскій материкъ покроется штатами, въ числѣ 40 — 50, изъ которыхъ многіе будутъ обширнѣе иныхъ европейскихъ королевствъ.

Въ настоящее время переселяются преимущественно Ирландцы, которые уже основались на американскомъ материкѣ, и, благодаря промышленности своей и бережливости, доставляютъ своимъ родственникамъ и друзьямъ, оставшимся въ Ирландіи, средства переселяться за океанъ. Изъ Ирландіи выселяется не избытокъ народа, потому что доказано уже, что населеніе Ирландіи постоянно уменьшается въ послѣдніе годы. Ирландія есть резервный капиталъ для населенія Новаго Свѣта. По мѣрѣ удаленія Ирландцевъ, Англичане и Шотландцы берутъ во владѣніе ихъ островъ, и если эмиграція будетъ продолжаться попрежнему, то въ Ирландіи современемъ не останется ни одного Ирландца. Это не слишкомъ безпокоитъ Англичанъ, но ихъ тревожитъ то, что Соединенные Штаты могутъ сдѣлаться болѣе ирландскими чѣмъ англійскими или нѣмецкими, и что, если даже мститель-

ный Кельтъ проститъ угнетеніе, въ которомъ онъ находился подъ владычествомъ Англіи, то это не помѣшаетъ роковому распространенію неугомоннаго племени и развитію гибельныхъ наклонностей въ характерѣ великой американской націи. «Мы вскормили и выростили подлѣ себя, говорятъ Англичане,—могущество, которое будетъ властвовать въ Новомъ Свѣтѣ, пріобрѣтетъ вліяніе на оба океана и овладѣетъ цѣлымъ полушаріемъ: тамъ, на этомъ полушаріи, настоящее и окончательное жилище кельтическаго племени. Мы владѣли Ирландіей только для того, чтобъ обитатели ея могли пріобрѣсти современемъ владычество, передъ которымъ ничтожна та власть, которою мы надъ ними пользовались.» Что̀ касается до насъ, то мы не раздѣляемъ этихъ опасеній, и полагаемъ, что еслибы даже ирландское населеніе сдѣлалось самымъ многочисленнымъ въ Соединенныхъ Штатахъ, то оно все-таки будетъ поглощено цивилизующимъ элементомъ англосаксонской расы; чтобъ убѣдиться въ этомъ, сто́итъ взглянуть на обамериканившагося Ирландца послѣ двухъ поколѣній и даже послѣ одного. Что̀ бы ни случилось, Соединенные Штаты не могутъ довольствоваться только обширною и плодоносною территоріей; необходимо, чтобъ она была населена, необходимо, чтобъ у нихъ были не только земли для раздачи, но и люди, которымъ бы можно было ихъ раздавать. Благопріятствовать всѣми средствами переселенію—вотъ настоящая политика правительства. Въ четыре послѣдніе года въ одинъ нью-йоркскій портъ прибыло: въ 1856 г. 142.000 переселенцевъ, въ 1857—184.000, въ 1858 — 79.000; въ 1859 — 78.000. Статистическія данныя, собранныя по предписанію англійскаго правительства, доказали, что Ирландія въ 1859 г. заключала въ себѣ до шести милліоновъ жителей, милліономъ менѣе чѣмъ въ 1821 г., и двумя милліонами менѣе чѣмъ въ 1841 г. Съ 1848 по 1860 годъ, цифра нѣмецкаго населенія, эмигрировавшаго въ Соединенные Штаты, достигла 900.000 человѣкъ.

Мы попрежнему желаемъ захватить Кубу,—по крайней мѣрѣ желаетъ того правительство, которое скоро должно сойдти съ своей чреды. Было время, когда думали, что дѣло можетъ уладиться, но надежда эта не оправдалась. Испанію начинаютъ нѣсколько болѣе уважать, съ тѣхъ поръ какъ она нашла себѣ поддержку и сама имѣетъ, какъ кажется, виды на несчастную Мексику, гдѣ попрежнему свирѣпствуютъ междуусобія. Впрочемъ, страна эта должна имѣть еще много средствъ, чтобы въ продолженіи стольких лѣтъ удовлетворять потребностямъ правительствъ, смѣняющихся въ ней такъ быстро. Да, есть люди, которые мечтаютъ о пріобрѣтеніи Кубы и Центральной Америки. Но не представляютъ ли тропическія страны запрещеннаго плода для англо-саксонскаго племени?

Племя это одарено, по преимуществу, способностію къ колонизаціи; оно попрежнему одушевлено духомъ предпріимчивости, постоянствомъ, терпѣніемъ, настойчивостію. Болѣе всякаго другаго оно способно къ разселенію по земному шару. Замѣтимъ, однако, что оно никогда не селилось въ тропическихъ странахъ. Племя это принадлежитъ сѣверу; оно двигалось всегда отъ востока къ западу, и никогда отъ сѣвера къ югу. Англія совершила колонизацію Америки и Канады съ величайшимъ успѣхомъ; она сдѣлаетъ то же самое съ Австраліей въ ея умѣренныхъ поясахъ; но есть ли у нея хотя одна колонія между тропикомъ Рака и тропикомъ Козерога, есть ли у нея тамъ что-нибудь иное, кромѣ военныхъ и коммерческихъ пунктовъ, разсѣянныхъ тамъ и сямъ? Она владѣетъ Индіей въ продолженіи полутораста лѣтъ, и за всѣмъ тѣмъ Индія до сихъ поръ не что иное какъ казарма или складочный магазинъ; какой Англичанинъ почитаетъ Индію своимъ отечествомъ, страной, гдѣ, составивъ себѣ состояніе, онъ желалъ бы положить свои кости? Индія принадлежитъ Англіи, но она не сдѣлалась англійскою. То же можно сказать и объ англійскихъ поселеніяхъ на берегу Африки, въ Южной Америкѣ и Вестъ-Индіи. Число Англичанъ, высадившихся въ Новой Англіи до созванія «Долгаго-Парламента», простиралось только до 22.000, а потомки этихъ людей составляютъ теперь болѣе трети населенія Соединенныхъ Штатовъ,—десять милліоновъ! Объ этихъ колоніяхъ Боркъ не даромъ говорилъ въ англійскомъ парламентѣ: «Дѣти ваши едва успѣютъ перейдти изъ младенчества въ зрѣлый возрастъ, какъ въ этихъ колоніяхъ семейства сдѣлаются общинами, а общины превратятся въ націи.»

Попытки Французовъ къ колонизаціи тропическихъ странъ оказались также неудачны; такъ напримѣръ, въ Алжиріи число умиравшихъ всегда превышало число раждавшихся; менѣе чѣмъ въ пятьдесятъ лѣтъ на алжирской почвѣ исчезъ бы послѣдній Французъ, еслибы населеніе ея не пополнялось иммиграціей. Испанцы составляютъ націю, которая повидимому наиболѣе способна къ колонизаціи тропическихъ странъ; и при всемъ томъ, что сталось съ этою благородною испанскою кровью, перенесенною въ Мексику и на острова Мексиканскаго залива, со временъ Кортеса и Писарро до нашихъ дней? Не туземная ли кровь льется теперь въ жилахъ этого населенія?

На чемъ же основать предположеніе, чтобъ англо-саксонское племя могло распространиться и утвердиться на югѣ? Тропическій климатъ, столь благопріятный для черной расы, не перестаетъ ратовать на смерть противъ бѣлыхъ, къ какому бы племени они ни принадлежали. Безъ сомнѣнія, нѣтъ матеріяльной невозможности овладѣть Кубой, Мексикой и Центральною Аме-

рикой. Но что дѣлать съ ними? Обратить ихъ въ государства независимыя и союзныя невозможно; сохранить ихъ можно только въ зависимости. Но это противорѣчитъ духу Американцевъ, который не допускаетъ подданства ни въ какой формѣ, ни въ какой степени. Изъ этого видно, что на земномъ шарѣ существуютъ полосы, назначенныя для различныхъ членовъ человѣческой семьи: и нѣтъ никакой возможности изгнать тѣхъ, кто куда назначенъ.

Соединенные Штаты находятся въ мирѣ со всѣми націями. Они не много заботятся о своемъ военномъ флотѣ, и ихъ четырнадцатитысячная армія достаточна имъ для охраненія ихъ обширнаго континента отъ Тихаго океана до Атлантическаго, отъ великихъ сѣверныхъ озеръ до Мексиканскаго залива. Изъ этихъ 14 тысячъ человѣкъ, довольно-значительная часть употребляется на конвоированіе эмигрантовъ, почтъ и ученыхъ экспедицій. Индѣйцы вымираютъ; и по прошествіи полувѣка, можетъ-быть, найдется историкъ, который совершитъ тризну надъ могилой послѣдняго Индѣйца, какъ Куперъ совершилъ ее, сорокъ лѣтъ тому назадъ, надъ могилой послѣдняго изъ Моиканъ. Между многими индѣйскими племенами поселились внутренніе раздоры, чего никогда прежде не было, и это предвѣщаетъ близкое ихъ разложеніе. Въ послѣднее время между Ирокезами происходили часто убійства, и, что всего замѣчательнѣе, они были слѣдствіемъ политическихъ несогласій; одни защищаютъ невольничество, другіе вооружаются противъ него. Такимъ образомъ они принимаютъ участіе въ распряхъ бѣлаго населенія, и участіе совершенно безкорыстное, потому что Индѣецъ не можетъ имѣть невольниковъ. Несогласіе въ этомъ многочисленномъ племени до такой степени сильно, что если меньшинству не будетъ оказано помощи, то оно будетъ совершенно истреблено.

Союзное правительство старается дать Индѣйцамъ осѣдлость, и отводитъ имъ земли въ замѣнъ тѣхъ, которыя они потеряли. Но цивилизація бѣлыхъ подвигается впередъ неудержимо, и вскорѣ займетъ мѣста, предоставленныя туземцамъ. Что же дѣлать въ такомъ случаѣ, если не раздавать Индѣйцамъ новыхъ земель? Иногда, вмѣсто земель они требуютъ денегъ, и требованіе ихъ исполняется; деньги эти помѣщаютъ въ банкъ, откуда они получаютъ проценты. Такъ, напримѣръ, племя Токавандасовъ получаетъ ежегодно сумму въ 90 тысячъ рублей серебромъ, которая распредѣляется между его членами; но какъ поручиться, чтобъ это распредѣленіе не повело, современемъ, къ ссорамъ, а владѣніе деньгами къ роскоши и къ пьянству, главному пороку этой породы?

Смертною казнію, опредѣляемою нѣкоторыми племенами, еще

не обращенными въ христіянство, служитъ сожиганіе; въ прежнее время оно было въ общемъ обычаѣ. Племена Лисицъ и Оджиббевеевъ (Ojibbeways) прославились искусствомъ мучить своихъ плѣнниковъ. Одинъ молодой воинъ, изъ племени Лисицъ, сынъ женщины изъ племени Оджиббевеевъ, похищенный еще въ младенчествѣ отъ своей матери, взялъ однажды въ плѣнъ дядю своего съ материнской стороны. Желая доказать, что онъ нечувствителенъ къ родственнымъ узамъ, связывавшимъ его съ Оджиббевеями, онъ привязалъ плѣнника своего за руки и за ноги къ двумъ кольямъ, утвержденнымъ въ землю, и развелъ огонь подлѣ него, съ насмѣшкою приглашая его погрѣться. Изжаривъ его съ одной стороны, онъ его перевернулъ на другую. Тѣло оджибевейскаго воина вскорѣ превратилось въ одну ужасную рану. Потомъ мучитель отвязалъ своего дядю и сказалъ ему: «Иди теперь къ своимъ и скажи имъ, что Лисицы не заставляютъ Оджиббевеевъ умирать отъ холода.» Измученный Оджиббевей отправился, и ему потомъ удалось заполонить своего племянника. Онъ отвелъ его въ свое селеніе и привязалъ его нагаго къ двумъ столбамъ, потомъ набросилъ на плеча своего племянника оленью шкуру, пропитанную смолою, и зажегъ ее, говоря: «Племянникъ! когда я былъ у тебя въ гостяхъ, ты меня согрѣлъ у хорошаго огня; я угощаю тебя еще лучше: вотъ тебѣ плащъ, который согрѣетъ тебя еще теплѣе.» Пылающій плащъ вскорѣ обвилъ все тѣло несчастнаго плѣнника. Онъ сгорѣлъ, какъ горѣли тѣ люди-факелы, которые освѣщали нѣкогда сады Нерона.

Республиканская партія, программу которой составляетъ уничтоженіе невольничества, подстрекаетъ мѣстами негровъ-невольниковъ, или манитъ ихъ надеждами на освобожденіе; въ нѣкоторыхъ южныхъ штатахъ были возмущенія, и бѣлые постоянно настсрожѣ; многіе проповѣдники эманципаціи осуждены были на смертную казнь. Эти бѣдные черные и цвѣтные люди несчастны во всѣхъ отношеніяхъ; они несчастны, оставаясь невольниками на югѣ, они несчастны, получая тамъ свободу, потому что остаются въ презрѣніи у бѣлыхъ и черныхъ; они несчастны въ сѣверныхъ штатахъ, гдѣ провозглашаютъ ихъ свободу, а потомъ не допускаютъ ихъ никуда, ни въ общественные экипажи, ни въ театры, ни въ церковь, ни въ семейный кругъ, ни въ высшія училища. Имъ помогаютъ выкупаться на волю, но совершивъ это дѣло, ихъ оставляютъ и не заботятся болѣе о нихъ. Особенно характеристичны два примѣра объ отношеніяхъ бѣлыхъ къ неграмъ.

Въ Виргиніи, въ Ричмондѣ, столицѣ невольничьяго штата, конгрегація нѣсколькихъ цвѣтныхъ людей пріобрѣла покупкой,

совершенно законною, участокъ земли для построенія церкви. Они принялись было за постройку, но имъ запретили это на томъ основаніи, что часть города, въ которой они купили себѣ землю, окружена домами, принадлежащими бѣлымъ, что негры составляютъ общественную *nuisance*, и что зданіе, имъ принадлежащее, поведетъ къ пониженію цѣнъ на собственность бѣлыхъ. Что сказать о подобной филантропіи, законности и равенствѣ? Положимъ, что это происходило въ невольничьемъ штатѣ, но потрудитесь припомнить (я сообщалъ вамъ это въ одномъ изъ моихъ прежнихъ писемъ), какъ въ свободномъ Нью-Йоркѣ священникъ-негръ не могъ найдти себѣ мѣста для богослуженія, и долженъ былъ прибѣгнуть къ газетному объявленію, чтобы человѣколюбивые жители Нью-Йорка сжалились надъ его паствой и согласились отдать ему въ наемъ помѣщеніе за большія деньги! Кстати о газетныхъ объявленіяхъ. Мнѣ недавно случилось прочесть въ газетахъ двѣ интересныя статьи. Одна заключается въ слѣдующемъ объявленіи:

«*Проповѣдь ворамъ и развратнымъ женщинамъ.* Г. Смитъ, пасторъ церкви въ Гринъ-Стритѣ (одной изъ нью-йоркскихъ улицъ, пользующихся самою дурною репутаціей), извѣщаетъ публику, что въ воскресенье такого-то числа онъ будетъ проповѣдывать ворамъ и развратнымъ женщинамъ. Онъ почтительнѣйше приглашаетъ особъ, принадлежащихъ къ каждому изъ этихъ классовъ, удостоить присутствіемъ своимъ его проповѣдь. Сверхъ того, публика извѣщается, что въ этотъ день полицейскіе пріостановятъ исполненіе своихъ обязанностей, и что ничто не обезпокоитъ и не стѣснитъ слушателей.»

Рѣдко случается, чтобы священникъ,—и я полагаю, что это можно примѣнить ко всѣмъ должностнымъ лицамъ, военнымъ и гражданскимъ, въ цѣломъ мірѣ,—отказался отъ прибавки жалованья. Недавно представился подобный случай. Одинъ священникъ получалъ жалованья 300 долларовъ; по прошествіи многихъ лѣтъ службы, ему предложили 400 долларовъ. Это содержаніе производилось ему прихожанами, потому что, на всемъ пространствѣ Соединенныхъ Штатовъ, правительство не платитъ ни копѣйки на богослуженіе, на церковнослужителей, или на содержаніе и построеніе церквей. Вышесказанный священникъ отказался отъ прибавки къ жалованью по слѣдующимъ тремъ причинамъ, которыя онъ изложилъ своимъ прихожанамъ:

1-е. Потому что вы не можете давать болѣе 300 долларовъ.

2-е. Потому что проповѣди мои не стóятъ болѣе 300 долларовъ.

3-е. Потому что трудъ, сопряженный со сборомъ моихъ 300 долларовъ, такъ тягостенъ, что я не вынесу его, если мнѣ придется собирать еще лишнюю сотню.

Между многочисленными благотворительными заведеніями, находящимися въ Нью-Йоркѣ, я укажу вамъ на библіотеки и залы для чтенія, которыя умножаются по мѣрѣ того, какъ благотворное вліяніе ихъ становится ощутительнѣе; я не говорю ни о публичныхъ библіотекахъ, которыхъ очень много, и которыя открыты собственно для достаточныхъ и образованныхъ классовъ, ни о частныхъ обществахъ для чтенія, но о заведеніяхъ, назначенныхъ для средняго, или, лучше сказать, для бѣднаго класса, иногда не имѣющаго занятій: вмѣсто того чтобы оставаться въ праздности или бродить по улицамъ, бѣдные люди могутъ проводить свободные часы въ просторныхъ комнатахъ, очень чистыхъ, хорошо вытопленныхъ и освѣщенныхъ, посреди множества книгъ и журналовъ: политическихъ, ученыхъ, артистическихъ, религіозныхъ и другихъ. Эти учрежденія самыя благодѣтельныя, какими только можетъ похвалиться большой городъ. Я бывалъ въ этихъ залахъ для чтенія и видѣлъ тамъ цѣлую публику ремесленниковъ обоего пола, которые читали и дѣлали выписки. Сверхъ того, по вечерамъ этотъ классъ людей пользуется даровыми лекціями о разныхъ предметахъ, которыя читаются лучшими преподавателями. Такъ какъ это дѣло благотворительности, то для чтенія этихъ лекцій не бываетъ недостатка въ людяхъ, и залы открыты слушателямъ съ 8 часовъ утра до 8 вечера; да и самое число этихъ заведеній безпрерывно увеличивается. Вы можете себѣ легко представить, какую огромную пользу курсы эти приносятъ обществу. Ни правительство, ни муниципальное управленіе, ни полиція не вмѣшиваются никогда въ дѣла этихъ заведеній; никто и не думаетъ испрашивать разрѣшенія для открытія ихъ. Кому-нибудь придетъ мысль, и онъ тотчасъ же исполняетъ ее. Нѣтъ ни малѣйшаго контроля, а между тѣмъ все идетъ прилично и успѣшно. Если то, что̀ заведутъ граждане, хорошо, то оно и поддерживается; если дурно, то общественное мнѣніе тотчасъ же выразитъ свое неодобреніе.

Искусство развивается у насъ медленно. Американецъ одаренъ необыкновенною быстротой соображенія; онъ скорѣе Европейца достигаетъ чего бы то ни было, но такъ же скоро и останавливается; онъ не любитъ ни во что̀ углубляться. Музыка американская очень отстала; живопись повидимому дѣлаетъ нѣкоторые успѣхи. Американскія картины начинаютъ находить *сбытъ* въ Англіи. Простите мнѣ это выраженіе, которое вообще не употребляется, когда рѣчь идетъ объ искусствахъ, но здѣсь оно совершенно вѣрно. И между нашими живописцами начинаетъ наконецъ проявляться нѣкоторая степень независимости, силы и оригинальности, нѣчто такое, что̀ можно принять за начало школы. Впрочемъ, въ большей части населенной Америки природа мало располагаетъ къ

искусству; она грандіозна, но въ высшей степени однообразна; по Америкѣ нечего долго путешествовать, чтобы составить себѣ о ней понятіе. Притомъ, Американцы такъ исполнены духа независимости, что съ трудомъ подчиняютъ себя правиламъ какой-нибудь школы; въ этомъ расположеніи много хорошаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и много неудобствъ, они хотятъ быть сами своими путеводителями, открывать новыя земли или терпѣть крушеніе. Я полагаю, что между ними столько же отвращенія къ ученью, сколько и любви къ независимости. Не требуйте отъ нихъ сильнаго и глубокаго изученія чего бы то ни было. Двигаться быстро, создавать быстро — таково ихъ правило.

Въ архитектурѣ Американцы не отличаются своимъ вкусомъ; они могутъ строить красиво, но только въ такомъ случаѣ, если рабски слѣдуютъ оригиналу; наши архитекторы скорѣе каменьщики, но за то они такъ искусны въ механической части, что въ этомъ никто не сравнится съ ними. Народы воздвигаютъ дворцы своимъ царямъ; они помѣщаютъ въ нихъ великія произведенія своихъ знаменитыхъ живописцевъ и ваятелей; это національные памятники, каменная хроника, народная слава. Въ Америкѣ, гдѣ торговля есть единственный царь, выстраиваютъ магазины, и эти магазины — національные памятники. На ихъ фронтонахъ не видно гербовъ или вензелей, переплетенныхъ лавровыми вѣнками, но только буквы, изсѣченныя въ мраморѣ, обозначающія купеческую фирму или указаніе профессіи. Слава Америки заключается въ ея предпріимчивости, которая прилагается къ торговлѣ, мореплаванію и изысканію всего, что̀ прямо ведетъ къ ихъ усовершенствованію.

Плаваніе по нашимъ озерамъ становится съ каждымъ днемъ значительнѣе. Взгляните на огромное пространство, лежащее между устьемъ рѣки Св. Лаврентія и южною оконечностію озера Мичигана, гдѣ находится Чикаго, или западною оконечностію Верхняго Озера, — все это бороздится судами всякаго рода и всѣхъ размѣровъ, которыя разъѣзжаютъ подъ американскимъ и англійскимъ флагомъ не только у береговъ этихъ озеръ, но спускаются въ устье рѣки Св. Лаврентія, вступаютъ въ океанъ, занимаются каботажною торговлею, а иногда пускаются и за море. Кто бы могъ повѣрить этому лѣтъ шесть назадъ? А все оттого, что дѣла здѣсь дѣлаются очень скоро. Эти суда, замѣтныя по своей особенной конструкціи, назначены собственно для перевозки хлопчатой бумаги вдоль нашихъ береговъ.

Новыя большія суда строятся для трансатлантическаго плаванія въ будущемъ году. Будутъ ли они перевозить почту—неизвѣстно, потому что для этого имъ необходимо получить субсидіи отъ правительства, какъ это дѣлается въ Европѣ; но это про-

тивно духу американскихъ учрежденій. Между тѣмъ Англичане попрежнему исполняютъ это дѣло на другихъ судахъ, которыя пристаютъ въ Гаврѣ или въ Бременѣ. Французы устраиваютъ прямую линію, Англичане усиливаютъ свою между нашею страной и своею. Долго разсуждали объ устройствѣ линіи отъ Нью-Йорка до одного изъ бразильскихъ портовъ. Пока здѣсь толковали, Англичане дѣйствовали, а Бразилія представляетъ для нихъ большія выгоды: тамъ строятся желѣзныя дороги, города освѣщаются газомъ; въ этой имперіи совершаются улучшенія всякаго рода, благодаря дѣятельному и предпріимчивому духу Американцевъ и Англичанъ, которымъ предоставлены тамъ всѣ удобства. Ріо-Жанейро, прозванный южнымъ Нью-Йоркомъ, и заключающій въ себѣ 300 тыс. жителей, Батіа, Фернамбукъ и другіе города находятся на замѣчательной степени благосостоянія. Въ обмѣнъ на свои чисто-земледѣльческіе продукты, Бразилія требуетъ хлопчатой бумаги, земледѣльческихъ орудій и машинъ.

Нашъ купеческій флотъ упалъ въ томъ отношеніи, что въ немъ уже не столько туземныхъ моряковъ, какъ прежде, и что ихъ замѣнили теперь иностранцы. Это объясняется тѣмъ, что моряки получаютъ менѣе вознагражденія чѣмъ работники на сушѣ. Такое положеніе дѣлъ оказываетъ вредное вліяніе на мореплаваніе. Необходимо возвысить моряка, увеличить ему жалованье, образовать его, сдѣлать профессію его болѣе уважаемою и преимущественно избирать его въ разсадникѣ морскихъ школъ, объ устройствѣ которыхъ сильно хлопочутъ въ послѣднее время.

Двѣ линіи желѣзной дороги, изъ которыхъ одна тянется отъ береговъ Миссиссипи, другая отъ береговъ Тихаго океана, готовы сблизиться и подать другъ другу руку черезъ Скалистыя горы. Покамѣсть переѣздъ этотъ совершаетъ конная эстафета, и уже теперь гораздо выгоднѣе отправлять письма сухимъ путемъ въ Санъ-Франсиско чѣмъ черезъ Панаму. Перешеекъ, соединяющій Сѣверную Америку съ Южною, по которому такъ удобно уже переѣзжать въ настоящее время на различныхъ пунктахъ, составляетъ еще предметъ изслѣдованій для проведенія новыхъ путей. Наши телеграфическія линіи къ Тихому океану подвигаются быстро, и по всѣмъ вѣроятностямъ Нью-Йоркъ, этою же зимой, соединенъ будетъ съ Санъ-Франсиско, и нашъ царственный городъ будетъ отдѣленъ отъ Калифорніи лишь нѣсколькими часами.

Г. Матиль.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ.

Вы изъявили мнѣ желаніе, чтобъ я изложилъ вкратцѣ тѣ новые взгляды, къ которымъ привело меня сравнительное изученіе индо-европейскихъ языковъ. Не такъ давно, посылая г. Адольфу Пикте (въ Женевѣ) мои замѣчанія на его сочиненіе: *Les origines indo-européennes*, я сообщилъ ему нѣкоторые выводы изъ моихъ лингвистическихъ изслѣдованій, и позволяю себѣ передать вамъ выписку изъ моего письма къ женевскому лингвисту.

«Сравнивая языки индо-европейскіе и отыскивая первоначальное значеніе всякаго слова, писалъ я г-ну Пикте, находимъ, что почти всѣ глагольные корни выражаютъ понятіе: *находиться въ состояніи движенія, двигаться*, и что почти всѣ имена существительныя и прилагательныя значатъ собственно *движеніе, нѣчто движущееся.* По воззрѣнію первобытныхъ людей, *бытіе, существованіе* есть *движеніе*; *существовать*, значитъ то же, что̀ *находиться въ состояніи движенія, двигаться.* Совершеннаго, безусловнаго покоя нѣтъ въ природѣ; въ природѣ есть безпрестанное движеніе. Потому-то даже глаголы, выражающіе понятія: *стоять, сидѣть, лежать, покоиться, безмолвствовать*, значатъ первоначально: *находиться въ движеніи, двигаться.* Придти въ состояніе безусловнаго покоя, значитъ то же, что̀ возвратиться на лоно Божіе, перестать существовать во временной жизни.

«Изъ первоначальнаго представленія, изъ этого, такъ-сказать, основнаго понятія: *бытіе* есть *движеніе, быть, существовать—находиться въ движеніи, двигаться*, развиваются всевозможныя понятія. Глаголъ выражаетъ дѣйствіе или состояніе предмета. Всякое дѣйствіе есть движеніе (actio est motio entis), а коль скоро самое *существованіе, бытіе* есть *движеніе*, то, разумѣется, всѣ дѣйствія, всѣ состоянія суть разные виды *движенія.* Изъ глагольныхъ корней образуются имена существительныя и прилагательныя; слѣдовательно, въ нихъ заключается то же первоначальное понятіе—*движеніе, нѣчто движущееся*, то-есть существующее.

«Глагольные корни первоначально значащіе: *находиться въ состояніи движенія, двигаться*, выражаютъ тѣмъ самымъ и понятіе—*быть, существовать*, и, слѣдовательно, они могутъ означать всевозможныя дѣйствія и состоянія, такъ напримѣръ:

«1) Находиться въ состояніи движенія, существовать, двигаться, ходить, бѣгать, скакать, летать, плавать, купаться, мыться, дѣйствовать, дѣлать, пахать, пасти, торговать, покупать, продавать, давать, брать, ловить, хватать, бросать, переть, давить, жать, наносить удары, бить, поражать, сражаться, расти, цвѣсти, горѣть, пылать, бродить, гнить и проч.

«2) Находиться въ состояніи движенія, двигаться и *издавать звукъ, свѣтъ* (ire, se movere; sonare; lucere). А) Издавать *звукъ, голосъ*, говорить, пѣть, звать, кричать, шептать, заговаривать, колдовать, благословлять, клясть, порицать, хвалить, хулить, хаять, и пр. Б) Издавать *свѣтъ*, сіять, блестѣть, свѣтиться и пр. Напримѣръ, санскр. *Am*—ire, sonare; *ab*—ire, sonare. Санскр. *Pi*—ire, se movere, славян. пѣти, пою;—санскр. *Val*—ire, adire, латин. volare, польск. wołam (voco, кличу, зову). Древне-нѣмецк. *scrîan* (clamare), исландск. *skrîa* (vagari), латышск. *skrêf* (скрѣть)—laufen, rennen, fliegen, fliessen, (оттуда: крило, польск. skrzydło), санскрит. *krî*—покупать, торговать, собственно находиться въ состояніи движенія. Польск. *rypać*—laufen, rennen; knarren. Санкр. *judh*—ire; pugnare, dimicare; литовск. *judeti*—двигаться, шевелиться; работать; ссориться, латинск. jubeo вмѣсто judheo, славянск. велѣти, казати, собств. *издавать звукъ, голосъ*, оттуда также латинск. juba, jubar вмѣсто judha, judhar. Нынѣ наука доказываетъ, что *движеніе, свѣтъ* и *звукъ* въ сущности явленія тожественныя. Первобытный человѣкъ безсознательно выражалъ понятія: *движеніе, свѣтъ и звукъ* одними и тѣми же словами, тоесть тѣ же глагольные корни нерѣдко выражаютъ понятія: *двигаться, идти, издавать звукъ и свѣтъ* (ire, se movere; sonare; lucere).

«*Думать* значитъ говорить съ самимъ собою; *рѣчь* есть мышленіе вслухъ. Потому глаголы, выражающіе понятіе *говорить* (собственно: издавать звукъ), значатъ также — думать, мыслить, полагать, думать о чемъ, заботиться; напримѣръ, санскритское *gad* (gadati), loqui, dicere, польское *gadac* (говорить), русское гадать, болгарское—*думамъ* (говорю), русское—думать, и пр.

«3) Находиться въ состояніи движенія, *воспринимать впечатлѣнія посредствомъ чувствъ*, чувствовать, ощущать, осязать, видѣть, слышать, обонять, напримѣръ санкритское—*чью* (двигаться), славянское *чюти*—sentire, audire.

Оттого-то, одинъ и тотъ же глагольный корень выражаетъ нерѣдко самыя различныя понятія, напримѣръ двигаться, ходить, летать, видѣть, слышать, блестѣть, сіять, бить, поражать, вязать, соединять, мѣшать, смѣшивать, понимать, знать, говорить, думать и пр. Напримѣръ санкритское U (avatê), sonare; *av*

(avati), ire, adire, intrare; juvare, tueri, servare, conservare (литовское auti—обувать, славян. ути, об-уть, раз-уть); amare; gaudere; exhilarare; audire (оттуда литовское — au-sis. латинское — auris, вмѣсто ausis, славян. ухо); cognoscere, scire (оттуда славянское—*умъ*); valere, posse; petere, rogare; facere; optare; splendere (оттуда санскритское—*umâ*—splendor); adipisci, amplexari; occidere, ferire; capere; urere; esse; dividere; crescere, augeri; comedere.

«Итакъ, что бы ни означалъ глагольный корень, нужно всегда помнить, что въ немъ подразумѣвается первоначальное значеніе—*находиться* въ *состояніи движенія*, *двигаться*.»

Позволю себѣ также привести въ подлинникѣ то, что г. Пикте писалъ мнѣ въ отвѣтъ:

«Votre idée de ramener toutes les racines aux trois notions primitives de *mouvement*, de *lumière* et de *son*, se trouve coincider si parfaitement à mes propres vues, que je trouve dans cet accord une précieuse confirmation. Un travail que j'ai commencé depuis plus de dix ans sur la formation des radicaux indo-européens, et qui paraitra peut-être au jour, est exactement fondé sur cette triple division, sous laquelle j'ai classé autant que possible, toutes les racines.»

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что современемъ мысли мои сдѣлаются аксіомою. А между тѣмъ не могу не замѣтить здѣсь при настоящемъ случаѣ, что моего разсужденія объ этомъ предметѣ не угодно было напечатать ни второму отдѣленію академіи наукъ, ни редакціи *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*. Перепишу мой трудъ, и пошлю его г. Пикте, пусть хоть онъ воспользуется имъ.

Въ заключеніе, убѣдительнѣйше прошу васъ перепечатать въ вашемъ журналѣ, столь распространенномъ во всѣхъ частяхъ Россіи, слѣдующее воззваніе мое къ жителямъ Литвы и Жмуди, которое я напечаталъ въ № 61 *Виленскаго Вѣстника:*

«Горы исчезли съ лица земли, моря перемѣнили свои русла, а литовскій языкъ въ продолженіи столькихъ вѣковъ, остался почти неизмѣннымъ. Прекрасный, богатый и старинный литовскій языкъ составляетъ неоцѣненное сокровище для науки; въ немъ сохранилось понынѣ неисчерпаемое богатство первобытной рѣчи и преданія первобытныхъ поколѣній. Въ каждомъ уголкѣ Литвы и Жмуди, можно собрать тысячи старинныхъ словъ и множество грамматическихъ формъ, которыя въ другихъ мѣстахъ совсѣмъ забылись и вышли изъ употребленія. Не станемъ пренебрегать рѣчью нашихъ прадѣдовъ, не будемъ легкомысленно ни во что ставить святое достояніе отдаленнѣйшей старины, не позволимъ исчезать безвозвратно такимъ драгоцѣннымъ остаткамъ, наслѣдству послѣ праотцевъ, соберемъ ихъ тщательно и передадимъ

письменно наукѣ и слѣдующимъ поколѣніямъ. Въ противномъ случаѣ наука и потомство осудятъ насъ во вѣки.

«Во имя истины и науки приглашаю васъ, достойные граждане Литвы и Жмуди, особенно же васъ, достопочтенные пастыри, стараться, на сколько вамъ позволятъ ваши священныя и трудныя обязанности, собирать и записывать литовскія слова, особенно устарѣлыя и мало употребляемыя, и пересылать оныя по почтѣ, *franco*, въ редакцію ***Виленскаго Вѣстника***, или на мое имя въ главную библіотеку варшавскаго учебнаго округа въ Варшаву. Эти слова съ ученою обработкой будутъ помѣщаемы по временамъ въ *Виленскомъ Вѣстникѣ*. Такимъ образомъ, мало-по-малу, соберется настоящее сокровище литовской рѣчи и неоцѣненный матеріялъ для ученыхъ изслѣдованій. Заслуга будетъ принадлежать всѣмъ, потому что здѣсь каждый можетъ прибавить свою лепту.»

Станиславъ Микуцкій.

РАЗКАЗЪ ОЧЕВИДЦА О ГРАФѢ ГРАБЯНКѢ.

(***Письмо М. Н. Лонгинову.***)

Прочитавъ въ № 16 ***Русскаго Вѣстника***, статью: ***Одинъ изъ магиковъ XVIII вѣка***, не излишнимъ считаю разказать нѣкоторыя подробности о концѣ исторіи графа Грабянки, которыхъ я былъ свидѣтелемъ.

Въ 1807 году, въ февралѣ, я пріѣхалъ въ Петербургъ опредѣляться въ гвардію, и остановился въ домѣ моей бабки Е. Д. Волковой. Тутъ я встрѣтилъ графа Грабянку. Меня ему рекомендовали, какъ юношу достойнаго принять его ученіе. По молодости я даже не понялъ, что̀ значило это выраженіе (мнѣ было семнадцать лѣтъ). Я принялъ графа за лицо, принадлежащее католической церкви, или за проповѣдника.

Графъ назначалъ у своихъ адептовъ дни собранія. Они за нимъ посылали по очереди карету, которая и привозила его къ обѣду. Послѣ обѣда съѣзжались слушатели. Назову нѣкоторыхъ,

кого помню: М. И. Данауровъ, М. А. Лѣнивцевъ, А. Ѳ. Лабзинъ, П. И. Озеровъ-Дерябинъ (въ статьѣ названный Деравинымъ). Н. Ѳ. Плещеевой (жены покойнаго Сергѣя Ивановича Плещеева) на съѣздахъ никогда не было, но знаю, что она графа принимала у себя, и у нея также многіе съѣзжались. За обѣдомъ графу Грабіянкѣ подавали любимыя имъ блюда. Особенно отличались роскошью обѣды М. А. Лѣнивцева, въ то время управлявшаго откупными дѣлами графа Зубова, котораго въ послѣдствіи онъ раззорилъ. Онъ былъ главный другъ и адептъ графа Грабянки. Всѣ лица, мною названныя, были или друзья, или родственники Н. Ѳ. Плещеевой, Графъ открывалъ засѣданіе, вынувъ изъ портфеля тетрадь, писанную на французскомъ языкѣ. Примѣшивая безпрестанно польскія слова: *якъ се зове*, онъ проповѣдывалъ или толковалъ религіозные тексты, прибавлялъ анекдоты и легенды изъ своей святой жизни. Слушатели были въ восхищеніи; особенно дамы почти боготворили его, посылали ему свои работы и проч., а мущины дѣлали ему значительные подарки. Одинъ разъ, на съѣздѣ у П. И. Озерова (тогда служившаго гофмаршаломъ при дворѣ великаго князя Константина Павловича), графу сказали, что М. А. Озерова, супруга хозяина, больна, и отъ того не можетъ присутствовать на засѣданіи. Графъ сталъ успокоивать мужа и насъ насчетъ ея болѣзни. При этомъ разказалъ онъ намъ слѣдующій анекдотъ: «Въ Парижѣ, во время террора, сказалъ онъ, я былъ посаженъ въ тюрьму. Вдругъ увидѣлъ я передъ собою Іоанна Крестителя. Я палъ къ его ногамъ, и просилъ его спасти меня. Іоаннъ отвѣчалъ мнѣ, что, зная мою невинность, онъ для этого и пришелъ въ темницу. При этихъ словахъ, двери тюрьмы отворились, и онъ вывелъ меня на улицу, гдѣ далъ мнѣ три зернышка на память и прибавилъ: ежели хочешь кого вылѣчить, то положи эти зерна въ стаканъ воды, и дай выпить больному.» П. И. Озеровъ сталъ просить графа Грабянку, чтобъ онъ помогъ его женѣ, что̀ онъ сейчасъ исполнилъ. Я самъ видѣлъ эти зернышки. М. А. Озерова выздоровѣла! Вѣроятно, такъ было бы и безъ зернышекъ, но это обстоятельство адепты разказывали за чудо. Замѣчательно, что всѣ они были люди образованные.

Такимъ образомъ продолжались при мнѣ болѣе мѣсяца обѣды и собранія. Однажды вечеромъ, тетка моя Озерова поручила мнѣ отнести записку къ графу въ которой она приглашала его къ себѣ. Я всталъ рано утромъ и пошелъ къ нему. Къ удивленію моему, меня въ воротахъ остановилъ полицейскій офицеръ, спрашивая, зачѣмъ я иду къ графу? Въ невинности своей, я откровенно сказалъ, что несу ему записку. Меня къ нему ввели, велѣли прочитать ему записку вслухъ, дозволили остаться на малое время и потомъ велѣли уйдти. Графъ просилъ меня кланяться многимъ лицамъ,

увѣрить ихъ, что Богъ знаетъ его невинность, и что онъ взятъ подъ стражу, вѣроятно, по какому-либо недоразумѣнію. Я поспѣшилъ передать дядѣ Озерову эту катастрофу. Его удивленіе, въ первыя минуты, такъ было велико, что онъ мнѣ не повѣрилъ и приписалъ мой разказъ какимъ-нибудь сплетнямъ. Но вскорѣ пріѣхали къ нему нѣкоторые изъ адептовъ, и удостовѣрили его въ истинѣ нежданнаго происшествія. Много толковали они между собою, и положили ходатайствовать у начальства объ освобожденіи графа Грабянки. Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ и другіе его друзья лично просили за него государя, который однако, лучше ихъ зная тайныя продѣлки графа Грабянки, приказалъ его посадить въ крѣпость. Тамъ онъ вскорѣ умеръ, какъ говорили, принявъ яду. Всѣ единогласно тогда увѣряли (разумѣется, кромѣ его друзей), что графъ Грабянка былъ агентъ или шпіонъ Наполеона, что̀ можетъ-быть и было вѣроятно. Но на съѣздахъ его адептовъ никогда ни слова не было говорено о политикѣ.

Итакъ графъ Грабянка умеръ въ крѣпости. Дѣло о его адептахъ, слушателяхъ или сообщникахъ частію потушили по ходатайству важныхъ лицъ, а частію оно само прекратилось, потому что, по извѣстіямъ изъ арміи, привезеннымъ княземъ Богратіономъ, послѣ прейсишъ-эйлаускаго сраженія, гвардія выступила въ Пруссію, чѣмъ всѣ прочіе интересы были заглушены. Впрочемъ, я ушелъ въ походъ, и ничего болѣе не слыхалъ объ этомъ дѣлѣ.

У многихъ хранятся портреты графа Грабянки. Между прочимъ у С. И. Миллера, которому достался онъ въ наслѣдство отъ его матери, рожденной Волковой.

Графъ Грабянка былъ средняго роста, широкъ въ плечахъ, имѣлъ лѣтъ подъ шестьдесятъ, волосы у него были сѣдые, коротко остриженные, носъ орлиный, зубы бѣлые, которыми онъ гордился, грызъ орѣхи и любилъ кожу ветчины, которую жевалъ свободно.

М. Муромцовъ.

УБІЙСТВО ВЪ СТЕПНЕѢ.

Процессъ объ этомъ убійствѣ, кромѣ внутренняго интереса, замѣчателенъ по способу его производства, и знакомитъ какъ съ бдительностью англійской полиціи, такъ и съ добросовѣстностью здѣшнихъ судей и адвокатовъ.

Для правильнаго разрѣшенія этого дѣла, возбудившаго по своей таинственности всеобщее вниманіе, приняты были со стороны судебной администраціи всевозможныя мѣры.

Обвиняемый имѣлъ, по собственному избранію, весьма дѣльнаго адвоката, г. Беста; преслѣдователемъ преступленія назначенъ былъ одинъ изъ первоклассныхъ адвокатовъ, котораго я неоднократно имѣлъ удовольствіе слышать въ вестминстерскихъ судахъ, г. Парри (serjeant Parry) (1). Наконецъ, судьею въ этомъ дѣлѣ былъ всѣми уважаемый ученый предсѣдатель одного изъ трехъ высшихъ судовъ общаго закона, г. Поллокъ (Lord Chief Baron of the Exchequer Chamber Pollock.) Г. Поллокъ окончилъ курсъ наукъ въ Кембриджскомъ университетѣ въ 1806 году и потомъ исполнялъ всевозможныя обязанности при судахъ общаго закона.

Обстоятельства этого дѣла довольно просты по своему содержанію, но способъ совершенія преступленія былъ покрытъ такою тайной, что всѣ усилія къ обнаруженію виновника оставались тщетными въ продолженіи почти трехъ мѣсяцевъ.

Всеобщее вниманіе къ этому дѣлу было еще болѣе возбуждено по случаю обвиненія, взведеннаго подсудимымъ на другое лицо, такъ что гнусность клеветы превышала самый ужасъ, внушаемый предположеніемъ о преступленіи подсудимаго.

Не буду приводить всѣхъ подробностей этого процесса, а ограничусь самымъ краткимъ изложеніемъ дѣла; постараюсь въ особенности обратить вниманіе читателей на выводъ изъ обстоятельствъ дѣла, сдѣланный однимъ изъ знаменитѣйшихъ судей Англіи. Выводъ этотъ послужитъ подтвержденіемъ тому, что̀ было прежде высказано мною объ отношеніяхъ, существующихъ въ Англіи между судьею и присяжными.

Подсудимый, работникъ Моллинзъ (Mullins), 58 лѣтъ отъ роду, былъ обвиняемъ въ убійствѣ 72-лѣтней старухи, Маріи Эмзлей. Марія Эмзлей была вдова, имѣвшая весьма странныя привычки и жившая одна безъ всякой прислуги, въ одной изъ многолюдныхъ и торговыхъ улицъ Лондона. Она имѣла собственность, состоявшую изъ доходовъ, приносимыхъ нѣсколькими домами. Не довѣряя никому полученія этихъ доходовъ, она сбирала каждый понедѣльникъ сама и возвращалась обыкновенно домой, съ суммой отъ 30—50 фунтовъ стерлинговъ.

Въ пятницу, 17 августа настоящаго года, г-жа Эмзлей была найдена мертвою въ своей квартирѣ.

Очевидно было, что смерть была насильственная и послѣдо-

---

(1) *Serjeant*—есть одна изъ высшихъ степеней адвоката.

вала отъ ударовъ по головѣ. Не было, равнымъ образомъ, сомнѣнія и во времени совершенія убійства. Сосѣди видѣли въ послѣдній разъ г-жу Емзлей въ понедѣльникъ, въ 7 часовъ вечера. Многія лица приходили по разнымъ дѣламъ въ домъ старухи во вторникъ и стучались у дверей ея квартиры, но безъ успѣха. Притомъ, съ вечера, въ самой квартирѣ не было видно никакого свѣта. Всѣ эти обстоятельства устраняли всякое сомнѣніе въ томъ, что старуха была убита между семью часами вечера и восьмью часами утра съ понедѣльника на вторникъ. Затѣмъ предстояло лишь привести въ извѣстность: кто именно былъ виновникомъ убійства. Преступленіе это произвело сильное впечатлѣніе въ околоткѣ. Обличителю обѣщана была награда, сперва во 100, а послѣ въ 300 фунтовъ стерлинговъ. Наконецъ, 8 сентября текущаго года, Моллинзъ сдѣлалъ донесеніе секретной полиціи *(detective police)*, обвиняя въ убійствѣ работника Эмма. Моллинзъ и Эммъ знали умершую старуху, которая имѣла къ нимъ нѣкоторое довѣріе, почему оба они исполняли различныя порученія умершей.

Моллинзъ объявилъ полиціи, что онъ сторожилъ домъ Эмма, въ субботу 8 сентября, и видѣлъ, какъ Эммъ вышелъ оттуда между 8 и 9 часами вечера и, отправившись къ находившимся футахъ въ пятидесяти отъ дома развалинамъ, взялъ оттуда большой бумажный свертокъ, съ которымъ и вошелъ снова въ домъ. Затѣмъ Эммъ, по показанію Моллинза, снова вышелъ изъ своего дома и отправился въ находившійся въ его полѣ шалашъ (shed), въ которомъ онъ спряталъ свертокъ поменьше.

По указанію Моллинза, полицейскіе сдѣлали осмотръ въ шалашѣ Эмма, и нашли тамъ бумажный свертокъ, перевязанный навощенною веревкой. Въ этомъ сверткѣ нашли ложки и нѣкоторыя другія принадлежавшія умершей вещи, кромѣ того, выданный ей билетъ (чекъ) на 10 фунтовъ стерлинговъ, по которому деньги были уплачены умершей въ понедѣльникъ той недѣли, когда совершено было убійство.

Такимъ образомъ вся сущность обвиненія заключалась въ томъ, чтобы доказать, что упомянутый свертокъ былъ спрятанъ въ шалашъ не Эммомъ, а самимъ Моллинзомъ.

Виновность Моллинза въ совершеніи преступленія подтверждалась многочисленными и разнообразными фактами, обнаруженными при слѣдствіи. Такъ напримѣръ, многіе свидѣтели показали, что въ ночь совершенія убійства, то-есть съ понедѣльника на вторникъ, Эммъ былъ со многими другими лицами въ Страфордѣ. Независимо отъ того, свидѣтели показали, что 8-го сентября Эммъ, по случаю болѣзни, не выходилъ цѣлый день изъ дома, и потому свидѣтельство Моллинза въ томъ, что онъ видѣлъ, какъ Эммъ выхо-

дилъ въ тотъ день изъ дома и спряталъ свертокъ въ шалашѣ, оказалось ложнымъ. Другіе свидѣтели показали, что они видѣли Моллинза вечеромъ, въ день совершенія убійства, въ окрестностяхъ дома Эмзлей. Наконецъ другія улики противъ Моллинза состояли въ томъ, что у него найдена были ложка, подобная ложкамъ умершей, спрятаннымъ въ упомянутый свертокъ, веревка весьма похожая на ту, которою свертокъ былъ перевязанъ, молотъ, находившійся въ извѣстномъ соотношеніи съ ранами, найденными на головѣ убитой; наконецъ, кромѣ всего этого, сапогъ Моллинза совпадалъ со слѣдами, оставшимися на полу, обагренномъ кровью убитой женщины.

Послѣ обычнаго допроса и передопроса свидѣтелей (*examination* и *cross examination*), адвокатъ подсудимаго, г. Бестъ, приступилъ къ исполненію своей, какъ онъ самъ весьма справедливо замѣтилъ, тяжелой обязанности. Дѣйствительно, г. Бестъ несъ въ этомъ дѣлѣ едва ли не самую трудную и самую непріятную обязанность. Обстоятельства дѣла были слишкомъ ясны. Тѣмъ не менѣе, избираемый подсудимымъ адвокатъ обязанъ, изъ человѣколюбія, принять на себя его защиту. Знаменитѣйшій изъ англій- адвокатовъ, г. Эрскинъ, о которомъ я имѣлъ случай упомянуть въ прежнихъ своихъ письмахъ, неоднократно выражалъ то мнѣніе, что адвокатъ, отказывающій подсудимому въ защитѣ, тѣмъ самымъ бросаетъ на него преждевременную тѣнь, и такимъ образомъ быть-можетъ способствуетъ его обвиненію.

Впрочемъ, какія бы ни были причины, побудившія г. Беста взять на себя защиту Моллинза, во всякомъ случаѣ надо сознаться, что онъ исполнилъ свою непріятную обязанность чрезвычайно добросовѣстно, и если подсудимый не избѣгъ приговора, то конечно не по винѣ его защитника. Представляя во всей подробности обстоятельства дѣла, г. Бестъ въ особенности обращалъ вниманіе присяжныхъ на отсутствіе свидѣтелей въ совершеніи Моллинзомъ убійства, и въ заключеніе своей длинной рѣчи, убѣждалъ присяжныхъ предоставить ему, согласно съ духомъ англійскаго законодательства, выгоду сомнѣнія (the benefit of the doubt).

Преслѣдователь преступленія, г. Парри, въ возраженіе противу доводовъ г. Беста, повторилъ вкратцѣ улики, выведенныя имъ въ обвинительномъ актѣ, и, разобравъ въ подробности всю темную сторону дѣла, выразилъ въ заключеніе надежду, что присяжные объявятъ приговоръ согласно съ долгомъ и убѣжденіемъ.

Затѣмъ судья приступилъ къ выводу обстоятельствъ всего дѣла (summing up).

Лордъ главный баронъ Поллокъ (1) прежде всего замѣтилъ, что обстоятельство и время совершенія убійства не подлежали никакому сомнѣнію, что убійство, по мнѣнію его, не подлежало также сомнѣнію, что убійство совершено было человѣкомъ, хорошо извѣстнымъ умершей, то-есть лицомъ, къ которому умершая имѣла извѣстное довѣріе. Весь вопросъ состоялъ въ томъ, чтобы признать, кто именно виновникъ убійства. Присяжные слышали доводы преслѣдователя преступленія и защитника подсудимаго. Судья не одобряетъ системы, принятой преслѣдователемъ, который останавливался преимущественно на обстоятельствахъ, обличающихъ, по его мнѣнію, виновность подсудимаго, и вообще велъ дѣло въ такомъ видѣ, какъ будто онъ ходатайствовалъ по гражданскому процессу въ судѣ Nisi Prius.

Въ прежнія времена преслѣдованіе преступленія производилось неблагопріятнымъ для подсудимаго образомъ, но теперь этотъ порядокъ вещей измѣненъ, и преслѣдователь долженъ представлять присяжнымъ всѣ вообще обстоятельства дѣла, безъ всякаго различія въ томъ, служатъ ли они въ пользу, или во вредъ обвиняемому. Далѣе г. Поллокъ замѣтилъ, что вещи умершей, найденныя у Моллинза, также какъ молотъ и сапогъ, и показаніе свидѣтелей о томъ, что они видѣли Моллинза въ вечеръ совершенія преступленія близь дома убитой, не имѣютъ, по его мнѣнію, существеннаго значенія въ этомъ дѣлѣ. Гораздо важнѣе было опредѣлить: находился ли Моллинзъ въ такихъ отношеніяхъ къ убитой, что она впустила бы его въ свою комнату. Но самый важный и главный вопросъ, подлежавшій разрѣшенію присяжныхъ, состоялъ въ томъ: кто именно спряталъ свертокъ съ вещами убитой въ шалашъ Эмма, потому что, по мнѣнію судьи, не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что спрятавшій туда этотъ свертокъ былъ лицомъ, прикосновеннымъ къ убійству. По показанію подсудимаго свертокъ былъ спрятанъ Эммомъ. Но спрашивается, съ какою цѣлію Эммъ сталъ бы его прятать? Можно было бы предположить, что Эммъ хотѣлъ скрыть свертокъ отъ своихъ домашнихъ; но такое предположеніе опровергается объясненіемъ самого подсудимаго, что Эммъ носилъ свертокъ обратно въ домъ и тамъ сдѣлалъ выборъ вещамъ, которыя были послѣ въ немъ найдены. Притомъ, для чего именно спряталъ бы Эммъ такія бездѣлки, какъ ложки и другія мелкія вещи? Что касается до найденнаго вмѣстѣ съ этими вещами билета на полученіе 10 фунтовъ (check), то такъ какъ эти деньги были уже получены умершею и билетъ потерялъ свою силу, то первою мыслію

(1) Судьи суда казначейства называются баронами; предсѣдатель главнымъ барономъ.

убійцы, казалось, должно было бы быть уничтоженіе этого признака преступленія, при первомъ приближеніи къ свѣчѣ или камину. Такъ, казалось, долженъ былъ бы поступить воръ и убійца. Съ гораздо бо́льшимъ вѣроятіемъ можно предположить, что свертокъ, найденный въ шалашѣ Эмма, былъ положенъ туда съ цѣлію возбудить подозрѣніе въ совершеніи имъ убійства. Если присяжные вѣрятъ показанію свидѣтелей, утверждающихъ, что въ ночь совершенія убійства Эммъ былъ въ Страфордѣ, и что онъ, по болѣзни, не могъ выйдти изъ дому въ тотъ день, когда онъ, по показанію Моллинза, будто бы спряталъ свертокъ въ шалашъ, то Эммъ совершенно очищается отъ взведеннаго на него подсудимымъ обвиненія. Присяжные должны прежде всего рѣшить, кто положилъ свертокъ въ шалашъ Эмма? Обстоятельства дѣла показываютъ, что за исключеніемъ Эмма никто, кромѣ подсудимаго, не могъ спрятать туда этотъ свертокъ. Защитникъ подсудимаго объясняетъ, что билетъ на полученіе 10 фунтовъ (check) могъ выйдти изъ рукъ г-жи Эмзлей и перейдти во владѣніе подсудимаго. Но Моллинзъ не объяснилъ, какимъ образомъ онъ получилъ его, и если онъ дѣйствительно получилъ этотъ билетъ, то присяжные въ правѣ потребовать отъ него по этому предмету объясненій. Принадлежность умершей ложекъ, найденныхъ въ сверткѣ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, такъ какъ онѣ найдены вмѣстѣ съ билетомъ, по которому она, какъ также нѣтъ сомнѣнія, получила деньги въ день совершенія убійства. Въ домѣ подсудимаго найдена еще одна ложка, сходная съ ложками, найденными въ сверткѣ, и отъ присяжныхъ зависитъ опредѣлить: въ какой степени обстоятельство это связываетъ подсудимаго со сверткомъ, найденнымъ въ шалашѣ Эмма, и показываетъ, что онъ туда спряталъ его. Присяжные должны помнить, что подсудимый не долженъ быть обвиненъ по одному только подозрѣнію, но что основаніемъ ихъ приговора должны послужить фактическія доказательства (circumstantial evidence). При этомъ судья объяснилъ присяжнымъ значеніе фактическаго доказательства и различіе его отъ подозрѣнія.

Затѣмъ, лордъ главный баронъ замѣтилъ, что присяжные должны объявить приговоръ, основанный на убѣжденіи. Нельзя допустить, чтобы невинный человѣкъ пострадалъ, но общество требуетъ также, чтобы виновный не избѣгъ наказанія. При постановленіи приговора по уголовному дѣлу не слѣдуетъ разсуждать о томъ, что̀ было бы справедливѣе: обвинить ли невиннаго, или оправдать виновнаго. Присяжные не должны допускать подобнаго разчета. Если совокупность фактическихъ доказательствъ убѣждаетъ ихъ въ совершеніи подсудимымъ убій-

ства, то на нихъ лежитъ обязанность признать его виновнымъ; въ противномъ случаѣ они должны оправдать его. Но сомнѣніе, которымъ бы могъ воспользоваться подсудимый, не должно основываться на одномъ предположеніи, что дѣло могло бы произойдти иначе, то-есть присяжные не должны руководствоваться однимъ предположеніемъ, что билетъ на 10 ф. (check) могъ перейдти законнымъ образомъ въ руки подсудимаго и т. д. Вопросъ состоитъ въ томъ: что̀ именно по ихъ мнѣнію случилось, и допускаютъ ли они дѣйствительность этого событія до такой степени вѣроятія, которая бы послужила основаніемъ ихъ дѣйствія въ ихъ собственномъ важномъ дѣлѣ. На этотъ вопросъ присяжные должны отвѣчать и, заключилъ судья, «такимъ образомъ, чтобъ отдать справедливое подсудимому и удовлетворить свою собственную совѣсть».

Во время этого обзора, продолжавшагося болѣе 3 часовъ, подсудимый неоднократно перебивалъ судью и дѣлалъ свои замѣчанія.

За тѣмъ присяжные удалились для совѣщанія и возвратились черезъ часъ съ приговоромъ о виновности подсудимаго *(guilty)*.

На обычный вопросъ клерка, не имѣетъ ли подсудимый чего-либо возразить противъ приговора, онъ обратился къ судьѣ съ слѣдующими словами; «Милордъ, позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ. Я не виновенъ. Я знаю, что мнѣ не долго остается жить на свѣтѣ, и потому я говорю теперь всю правду. Я считаю себя счастливымъ, что имѣлъ такихъ внимательныхъ присяжныхъ и такого защитника. Въ понедѣльникъ, 13 августа, я работалъ на Темпльской площади. Я оставался тамъ до 7 часовъ вечера и за тѣмъ пришелъ домой и, какъ видитъ Богъ, оставался тамъ до 8 часовъ слѣдующаго утра.» Затѣмъ, подсудимый приводилъ доводы въ опроверженіе показанія нѣкоторыхъ свидѣтелей о томъ, что они видѣли его вечеромъ, въ день совершенія убійства близь дома, гдѣ жили г-жа Эмзлей, и ссылался на то, что найденный у него молотокъ и сапогъ его не имѣютъ ничего общаго съ убійствомъ старой вдовы. Въ заключеніе, подсудимый вновь изъявилъ свою благодарность присяжнымъ, судьѣ и обоимъ адвокатамъ, какъ своему защитнику, г. Бесту, такъ и преслѣдователю, г-ну Парри, за ихъ терпѣливое и внимательное разсмотрѣніе дѣла.

Затѣмъ главный судья, надѣвъ черную шапку и обратившись къ подсудимому, произнесъ слѣдующій приговоръ:

«Яковъ Моллинзъ, вы признаны виновнымъ въ умышленномъ убійствѣ вдовы Маріи Эмзлей, вечеромъ 13 августа текущаго года. Вы сами совершенно справедливо замѣтили терпѣніе присяжныхъ

и добросовѣстность адвокатовъ, которымъ ввѣрены были ваше преслѣдованіе и ваша защита. Присяжные, послѣ двухдневнаго процесса и по тщательномъ обсужденіи дѣла, признали васъ виновнымъ. Вы обратились къ суду съ возраженіемъ противъ тѣхъ обвиненій, которыя были взведены на васъ различными свидѣтелями. Я былъ бы болѣе удовлетворенъ, еслибы вы обратили свои замѣчанія на ту часть процесса, которая была признана мною какъ доказательство противъ васъ. Между тѣмъ вы обратили свои замѣчанія исключительно на тѣ части дѣла, которыя я представлялъ присяжнымъ какъ не заслуживающія особеннаго вниманія. Еслибы вы въ своемъ воззваніи къ суду желали обратить вниманіе на важную и существенную сторону дѣла, то вы бы сказали намъ, былъ ли билетъ на 10 фунтовъ (check) въ вашемъ владѣніи, и было ли обвиненіе, взведенное вами на Эмма, справедливо или нѣтъ. Если билетъ находился въ вашемъ владѣніи, то вы бы объяснили намъ, какимъ образомъ вы получили его. Я упоминаю обо всемъ этомъ, для того чтобы показать, что всѣ приведенныя вами замѣчанія не имѣютъ непосредственнаго отношенія ко взведенному на васъ обвиненію. Присяжные признали васъ виновнымъ, и при отсутствіи всякаго съ вашей стороны объясненія, я думаю, никакой благоразумный человѣкъ не могъ бы придти къ другому заключенію какъ то, что взведенное вами на Эмма обвинненіе ложно, и что вещи, найденныя въ сверткѣ, обличаютъ вашу виновность. Разрѣшеніе процесса было предоставлено на безусловное усмотрѣніе присяжныхъ. Приговоръ ихъ меня вполнѣ удовлетворяетъ, и я не могу себѣ представить, чтобы, при имѣющихся противъ васъ уликахъ, присяжные могли придти къ иному заключенію. Мнѣ остается только посовѣтовать вамъ употребить съ пользой время, которое вамъ остается жить на свѣтѣ. Мой долгъ велитъ мнѣ произнести приговоръ, который полагается закономъ за такое ужасное злодѣйство. Впрочемъ, если вы даже теперь можете представить существенныя доказательства вашей невиновности, то я не сомнѣваюсь въ томъ, что такія доказательства будутъ приняты во вниманіе тѣми, на комъ лежитъ долгъ приведенія приговора въ исполненіе. Но это не мой долгъ. Мой долгъ велитъ мнѣ лишь произнести законный приговоръ.»

Въ заключеніе, судья объявилъ въ обычной формѣ приговоръ, подвергающій Моллинза смертной казни.

Приведенный мною въ этомъ краткомъ очеркѣ процессъ объ убійствѣ въ Степнеѣ, несмотря на трагическую его развязку, не долженъ, по моему мнѣнію, производить на читателя особенно тяжелаго впечатлѣнія.

Мнѣ кажется, что всякій присутствовавшій при разсмотрѣніи настоящаго процесса лично, или слѣдившій за ходомъ дѣла по газетамъ, долженъ былъ предвидѣть его развязку.

Процессъ Моллинза представляетъ, по моему мнѣнію, одинъ изъ тѣхъ немногихъ уголовныхъ процессовъ, въ которыхъ изчезаетъ всякое сомнѣніе въ дѣйствительности преступленія, совершеннаго подсудимымъ.

Хотя Моллинзъ и не былъ на мѣстѣ преступленія застигнутъ, но тѣмъ не менѣе совокупность всѣхъ имѣвшихся противъ него уликъ составила возможно полное и ясное доказательство его виновности.

Адвокатъ подсудимаго представлялъ присяжнымъ, что въ дѣлѣ нѣтъ очевидныхъ и несомнѣнныхъ доказательствъ его виновности, и, напоминая великую отвѣтственность, которая лежала на ихъ совѣсти, убѣждалъ ихъ предоставить Моллинзу выгоду сомнѣнія.

Г. Бестъ затронулъ такимъ образомъ самую чувствительную струну въ совѣсти присяжныхъ и прибѣгнулъ къ крайнему средству, употребляемому адвокатами въ опасныхъ для ихъ кліентовъ случаяхъ.

Но еслибы присяжные постоянно увлекались подобными напоминаніями о несовершенствѣ человѣческаго дознанія, то бо́льшая часть преступленій оставалась бы безнаказанною, и судъ присяжныхъ утратилъ бы всякое значеніе.

Еслибы только тѣ изъ преступниковъ подвергались наказанію, которые обличены на мѣстѣ преступленія, то въ такомъ случаѣ не было бы надобности ни въ судѣ, ни въ присяжныхъ, и всякое уголовное дѣло могло бы разрѣшаться самымъ суммарнымъ порядкомъ.

При всемъ несовершенствѣ человѣческой природы, судъ присяжныхъ представляется едвали не самымъ справедливымъ и непогрѣшимымъ судамъ на землѣ.

Такая справедливость и непогрѣшимость тѣмъ болѣе возможны въ тѣхъ странахъ, гдѣ, подобно Англіи, присяжные пользуются полною независимостію, а судьи отличаются глубокимъ знаніемъ своего дѣла и чувствомъ своего долга.

Настоящее дѣло представляетъ одинъ изъ превосходныхъ образцовъ безпристрастія и гуманности англійскаго суда. Несмотря на ясность имѣвшихся противъ подсудимаго уликъ и на гнусность совершеннаго имъ злодѣйства, въ настоящемъ процессѣ нельзя не замѣтить выраженія, свойственнаго духу англійскаго законодательства принципа, по которому всякій обвиняемый считается невиновнымъ, пока виновность его не будетъ признана присяжными.

Моллинзъ имѣлъ, какъ я уже замѣтилъ, весьма образованнаго и дѣльнаго адвоката, употребившаго всѣ средства, представляемыя опытностію и знаніемъ дѣла для его защиты. Въ судѣ выслушаны были всевозможные свидѣтели, показанія которыхъ могли клониться въ пользу подсудимаго, не исключая и малолѣтнихъ его дѣтей.

Послѣ обвинительной и защитительной рѣчей, въ которыхъ выразилось невольное увлеченіе въ ту и другую сторону, опытный и безпристрастный судья сдѣлалъ возможно полный и ясный обзоръ всего дѣла, и такимъ образомъ предохранилъ присяжныхъ отъ всякаго увлеченія.

Судья замѣтилъ, что преслѣдователь преступленія слишкомъ настаивалъ на обвиненіи подсудимаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ объяснилъ присяжнымъ, что въ уголовномъ дѣлѣ не слѣдуетъ слишкомъ легко предоставлять подсудимому выгоду сомнѣнія, о которой упоминалъ адвокатъ Моллинза.

Объяснивъ затѣмъ темную сторону дѣла, судья вывелъ съ замѣчательною логичностію подлежавшій обсужденію присяжныхъ вопросъ, отъ котораго зависѣло разрѣшеніе всего дѣла.

Подсудимый неоднократно перебивалъ судью своими замѣчаніями, и судья выслушивалъ ихъ съ полнымъ хладнокровіемъ и вниманіемъ.

При такой обстановкѣ процесса, при всеобщемъ вниманіи къ судьбѣ подсудимаго, которое было замѣчено даже и имъ самимъ, можно, мнѣ кажется, имѣть полное довѣріе къ послѣдовавшему по этому дѣлу приговору присяжныхъ.

Позволю себѣ сдѣлать смѣлое сравненіе между англійскимъ уголовнымъ процессомъ и трагедіею Шекспира.

Герои Шекспира страдаютъ подъ вліяніемъ дѣйствительныхъ или мнимыхъ бѣдствій и часто падаютъ ихъ жертвами. Тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ эти ужасы, зритель Шекспировской трагедіи испытываетъ и оставляетъ театръ съ спокойнымъ духомъ и съ убѣжденіемъ, что все произошло такъ, какъ слѣдовало, на основаніи всеобщихъ, неисповѣдимыхъ законовъ судьбы.

То же убѣжденіе долженъ, мнѣ кажется, ощущать и тотъ, кто оставляетъ залу англійскаго уголовнаго суда. По крайней мѣрѣ я неоднократно испытывалъ это чувство. Въ настоящемъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, я имѣлъ полную вѣру въ справедливость приговора присяжныхъ.

Для того чтобы представить нагляднымъ образомъ всю гуманность, выразившуюся въ процессѣ Моллинза, я напомню здѣсь читателямъ о способѣ производства въ другой странѣ процесса, возбудившаго въ свое время всеобщее любопытство.

Я говорю о процессѣ по обвиненію Леоніи Шеро въ похищеніи чужаго ребенка (1).

Сравнивать процессъ Моллинза съ процессомъ Шеро можно только относительно формы ихъ производства, такъ какъ между самыми подсудимыми и взведенными на нихъ обвиненіями нѣтъ, очевидно, ничего общаго.

Тамъ подсудимымъ лицомъ являлась 17-лѣтняя дѣвушка, почти ребенокъ, дѣйствовавшая не изъ корыстной цѣли, но подъ вліяніемъ болѣзненнаго увлеченія и, по самой молодости своей, возбуждавшая къ себѣ состраданіе.

Здѣсь подсудимымъ представлялся человѣкъ по обвиненію въ убійствѣ съ корыстною цѣлію, и сдѣлавшій въ огражденіе себя доносъ на другаго невиннаго человѣка. Къ этому надобно присовокупить, что Моллинзъ былъ уже прежде подъ уголовнымъ судомъ, и высидѣлъ за другое дѣло шесть лѣтъ въ тюрьмѣ.

Между тѣмъ способъ производства этихъ двухъ дѣлъ находился въ совершенно-обратномъ отношеніи къ общимъ понятіямъ о полѣ и возрастѣ обвиняемыхъ.

Тамъ судья безъ всякаго вниманія къ полу подсудимой и безъ всякаго сожалѣнія къ ея лѣтамъ, подвергаетъ ее публичной, жестокой инквизиціи, касаясь безъ всякой существенной надобности такихъ вопросовъ, которые составляютъ неприкосновенную тайну женскаго сердца. Преслѣдователь преступленія (procureur general) съ неистовствомъ бьетъ себя въ грудь, и настоятельно требуетъ отъ присяжныхъ обвиненія подсудимой, ссылаясь на свой долгъ, какъ человѣка и гражданина. Судья и прокуроръ соединяютъ свои силы, и съ яростію нападаютъ на безоружную и нравственно-убитую семнадцати-лѣтнюю дѣвочку.

Здѣсь, по самому духу законовъ страны, подсудимый избавляется отъ всякой инквизиціи. Преслѣдователь преступленія не только не можетъ требовать отъ присяжныхъ приговора противъ подсудимаго, но не имѣетъ даже права, какъ ясно видно изъ настоящаго случая, останавливаться преимущественно на тѣхъ обстоятельствахъ, которыя, по его мнѣнію, клонятся къ обвиненію подсудимаго.

Въ процессѣ Леоніи Шеро, судья и прокуроръ употребляли всѣ усилія, для того чтобы вселить противъ нея предубѣжденіе въ присяжныхъ.

Въ процессѣ Моллинза судья не только не настаиваетъ на обвиненіи, но, напротивъ, упрекаетъ преслѣдователя въ из-

---

(1) Процессъ этотъ подробно описанъ въ январской книжкѣ *Журнала Министерства Юстиціи* за 1860 годъ.

лишнемъ увлеченіи и въ безпристрастномъ выводѣ, спѣшитъ загладить его ошибку, стараясь представить присяжнымъ одну возможно-полную истину.

Независимо отъ того, судья съ терпѣніемъ выслушивалъ всѣ замѣчанія перебивавшаго его подсудимаго.

Наконецъ, послѣ приговора присяжныхъ, судья выслушиваетъ, очевидно, неправдоподобное объясненіе обвиненнаго, и, объявляя ему смертный приговоръ, вмѣстѣ съ тѣмъ не лишаетъ его послѣдней надежды...

Въ этой оригинальной бесѣдѣ между преступникомъ, стоящимъ на краю эшафота, и судьею, исполняющимъ съ душевнымъ прискорбіемъ свой тяжкій долгъ, выражается снова тотъ мирный, высоко-патріархальный характеръ, о которомъ я неоднократно упоминалъ при описаніи англійскихъ судебныхъ учрежденій въ прежнихъ своихъ письмахъ.

Этотъ характеръ, составляющій основу всѣхъ отношеній между гражданами Англіи, представляется вѣрнѣйшимъ объясненіемъ различія въ способѣ производства дѣлъ Моллинза и Леоніи Шеро.

Въ этомъ послѣднемъ процессѣ все было направлено противъ подсудимой. Но, тѣмъ не менѣе, и вѣроятно именно вслѣдствіе того, французскіе присяжные признали Леонію Шеро невиновною.

Въ заключеніе очерка процесса о степнейскомъ убійствѣ, я приведу мнѣніе по этому предмету могущественнаго органа здѣшняго общественнаго мнѣнія, *Times*.

«Никто не будетъ удивленъ извѣстіемъ, говоритъ *Times*, что процессъ объ убійствѣ въ Степнеѣ былъ разрѣшенъ въ Олдъ-Белеѣ приговоромъ подсудимаго Моллинза къ смертной казни. Виновность его въ совершеніи убійства не подлежитъ никакому сомнѣнію. Убійство, за которое онъ подлежитъ казни, отличается особеннымъ злодѣйствомъ, и кромѣ того соединяется еще съ самою гнусною клеветой. Преступникъ подвергнется своей участи и не возбудитъ ни въ комъ сожалѣнія. Настоящій случай обнаруживаетъ одинъ изъ тѣхъ путей Провидѣнія, которые ведутъ къ открытію преступленія. Во многихъ случаяхъ убійства, виновникъ его самъ стремится, подъ вліяніемъ непреодолимой силы, къ обнаруженію своей виновности. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Моллинзъ хотѣлъ воспользоваться обѣщанною наградой въ 300 фунтовъ, и что, въ огражденіе себя отъ всякаго подозрѣнія, онъ оклеветалъ невиннаго Эмма. Но его злыя ухищренія обрушились на него самого. Онъ самъ попалъ въ сѣти, разставленныя имъ для Эмма, и послѣ процесса, который, по показанію самого подсудимаго, отличался своимъ безпристрастіемъ и полнотою, онъ справедливо признанъ виновникомъ ужас-

нѣйшаго изъ преступленій... Послѣдовавшій надъ Моллинзомъ приговоръ присяжныхъ, заключаетъ *Times*, удовлетворивъ судью, безъ сомнѣнія вполнѣ согласенъ и съ общественнымъ мнѣніемъ страны.»

М. Зарудный.

Кембриджъ.
17 (29) октября 1860.

Смертный приговоръ исполненъ надъ Моллинзомъ 19-го ноября передъ Ньюгетскою тюрьмой, при громадномъ стеченіи народа. По обѣщанію судьи, объясненіе его было представлено на усмотрѣніе короны, отъ которой зависитъ помилованіе преступника. Но государственный секретарь внутреннихъ дѣлъ, по тщательномъ разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла, не нашелъ ничего, что̀ бы могло сколько-нибудь послужить къ оправданію обвиненнаго, и не счелъ согласнымъ съ своимъ публичнымъ долгомъ совѣтовать королевѣ нарушать дѣйствіемъ милости законное теченіе дѣла. Въ запискѣ своей, Моллинзъ, взывая къ обществу о поддержкѣ его семьи, настаиваетъ на своей невинности, но снимаетъ обвиненіе съ Эмма. Онъ до конца сохранилъ спокойствіе, и принялъ должнымъ образомъ напутствіе религіи отъ католическаго священника, ибо онъ принадлежалъ къ католической церкви.

По произнесеніи судебнаго приговора, шерифомъ получены были разныя свѣдѣнія объ обстоятельствахъ жизни Моллинза, и, между прочимъ письмо одного изъ смотрителей Лестерской тюрьмы, гдѣ преступникъ содержался по другому дѣлу въ продолженіи шести лѣтъ. Сообщаемыя въ этомъ письмѣ свѣдѣнія мало говорятъ въ пользу нравственности преступника. Но слѣдуетъ замѣтить, что присяжнымъ, какъ требуетъ правило, не были сообщаемы подобныя свѣдѣнія, и вообще обнародованы уже по совершеніи приговора.

ВОЗРАЖЕНІЯ НА ЗАМѢТКУ Г. ГЕРСЕВАНОВА О ЖАЛОВАНЬИ ПРЕДВОДИТЕЛЯМЪ ДВОРЯНСТВА.

I.

Въ № 17 *Русскаго Вѣстника* помѣщена замѣтка г. Герсеванова «О жалованьи предводителямъ дворянства». Въ этой замѣткѣ г. Герсевановъ, указывая на опредѣленія дворянства Херсонской губерніи и Бессарабской области относительно жалованья чиновникамъ, служащимъ по выборамъ, въ томъ числѣ и предводителямъ, старается доказать, что назначеніе жалованья предводителямъ не только безполезно, но даже и вредно.

Находя доказательства г. Герсеванова мало убѣдительными, а самое изложеніе причинъ, побудившихъ дворянство Херсонской губерніи назначить жалованье предводителямъ, не совсѣмъ вѣрнымъ, мы, не будучи уполномочены говорить ни отъ чьего лица, считаемъ себя однакоже въ правѣ высказать свое личное мнѣніе по этому предмету, тѣмъ болѣе что для неблизко-знакомыхъ съ дѣломъ, слова г. Герсеванова могутъ показаться убѣдительными.

Г. Герсевановъ начинаетъ свою замѣтку такъ: «Въ послѣднее время проявилась въ обществѣ мысль, что недостаточность содержанія чиновниковъ есть главная причина лихоимства, и что прибавка жалованья будетъ важною мѣрой для исправленія публичной нравственности. *Вслѣдствіе того*, на съѣздахъ дворянъ нѣкоторыхъ губерній, между прочимъ, Херсонской и Бессарабской, положено дать лицамъ, служащимъ по выборамъ, *въ томъ числѣ и предводителямъ*, какъ губернскимъ, такъ и уѣзднымъ, достаточное жалованье, разложивъ потребную для того сумму на дворянскія имѣнія.»

Слова эти не совсѣмъ справедливы.

Если и дѣйствительно мысль объ исправленіи нравственности чиновниковъ руководила херсонскимъ дворянствомъ при составленіи опредѣленія о жалованьи, то конечно, она не относилась къ предводителямъ, потому что вопросъ о назначеніи имъ содержанія былъ поднятъ въ херсонскомъ собраніи еще въ 1847 году, то-есть въ то время, когда мысль эта не проявлялась ни въ обществѣ, ни въ печати. Притомъ, мы полагаемъ не встрѣтить ни съ чьей стороны возраженія, если скажемъ, что, по счастію,

херсонское дворянство никогда не нуждалось въ исправленіи нравственности своихъ представителей. Потому г. Герсевановъ ошибочно думаетъ, что херсонское дворянство положило дать жалованье предводителямъ *вслѣдствіе* мысли объ исправленіи нравственности.

Далѣе г. Герсевановъ говоритъ: «Званіе предводителя сопряжено съ большими издержками и доступно только богатымъ людямъ. Многія достойныя лица отказываются по недостаточности средствъ отъ этого званія, которое попадаетъ въ руки менѣе достойныхъ.» Высказавъ эти слова, г. Герсевановъ восклицаетъ: «Вотъ главный доводъ сторонниковъ мысли о назначеніи жалованья предводителямъ», и затѣмъ прибавляетъ весьма лаконически: «все это неосновательно.»

Напрасно авторъ Замѣтки такъ рѣзко осудилъ приведенное доказательство, говоря: «Все это не основательно». Онъ потомъ вовсе не опровергаетъ ни того, что званіе предводителя сопряжено съ большими издержками, ни того, что многія достойныя лица отказываются отъ этого званія; онъ только доказываетъ далѣе, что огромное большинство предводителей состоитъ изъ достойныхъ людей. Съ этимъ послѣднимъ положеніемъ нельзя не согласиться, но нельзя также отвергать и того, что если многія достойныя лица отказываются отъ званія предводителя по недостаточности средствъ, то выборъ изъ меньшаго числа лицъ становится затруднительнѣе чѣмъ изъ бóльшаго, и если не часто, такъ иногда, можетъ пасть на лицо *менѣе достойнóе.*

«Нравственное вліяніе, которымъ пользуется предводитель, говоритъ г. Герсевановъ, основано единственно на увѣренности въ его безкорыстіи, нелицепріятіи, и на убѣжденіи, что онъ служитъ дѣлу, а не лицамъ, что онъ служитъ изъ чести, что онъ представитель первенствующаго сословія.»

Все это очень справедливо; но неужели полученіе предводителемъ жалованья можетъ измѣнить понятіе о его нравственномъ характерѣ и дать поводъ подозрѣвать его въ корыстолюбіи? Въ такомъ случаѣ не только всѣ чиновники, получающіе жалованье, но и всѣ люди, пользующіеся вознагражденіемъ за свой трудъ, какъ физическій, такъ и умственный, могутъ быть заподозрѣны въ корыстолюбіи.

«Дать ему (предводителю) жалованье, продолжаетъ г. Герсевановъ, значитъ обратить неподкупнаго представителя дворянства въ чиновника. Едва предводитель распишется въ полученіи жалованья, какъ мгновенно лишится всякаго уваженія; въ тотъ же день явятся просители съ подачкой или благодарностью; черезъ недѣлю ему намекнутъ, что пора дѣлиться, и увы! благородное званіе предводителя потеряетъ всякое значеніе.»

Нельзя не сознаться, что г. Герсевановъ весьма живо рисуетъ печальную картину паденія предводителя, рѣшающагося расписаться въ полученіи жалованья, но признаемся также, мы не можемъ понять, какимъ путемъ г. Герсевановъ дошелъ до такихъ заключеній, и что̀ хотѣлъ онъ сказать словами: «обратить неподкупнаго представителя дворянства въ чиновника.» Всѣ ли чиновники, по мнѣнію автора, могутъ быть подкуплены, или они подкупаются именно потому, что получаютъ жалованье? Допуская мысль о необходимости увеличить содержаніе чиновниковъ, г. Герсевановъ вѣроятно самъ не имѣлъ въ виду такихъ выводовъ. Но послѣ того, какъ же понять фразу объ обращеніи неподкупнаго предводителя въ чиновника? Судя по этой фразѣ, для уничтоженія лихоимства не слѣдуетъ вовсе давать жалованья чиновникамъ. И неужели г. Герсевановъ серіозно убѣжденъ въ томъ, что безкорыстный предводитель—безкорыстенъ и на самомъ дѣлѣ, и во мнѣніи общества, только потому, что онъ не получаетъ жалованья? Неужели г. Герсевановъ допускаетъ возможность явиться съ подачкой или благодарностью ко всякому лицу, получающему жалованье? Нельзя не удивляться такому невыгодному мнѣнію и объ обществѣ, и о предводителяхъ, и о людяхъ, получающихъ жалованье.

Желая доказать справедливость своего убѣжденія, г. Герсевановъ привелъ только одинъ доводъ защитниковъ мысли о назначеніи содержанія предводителямъ, и назвавъ его главнымъ, упустилъ изъ виду другую причину, вызвавшую эту мысль, причину болѣе уважительную и болѣе естественную.

Званіе предводителя сопряжено не только съ трудомъ и исполненіемъ многочисленныхъ обязанностей, но и съ большими издержками, чего не отвергаетъ и г. Герсевановъ. Уѣздный предводитель, живя по большей части въ уѣздномъ городѣ, и поэтому не рѣдко на долгое время покидая свое семейство и хозяйство, обязанъ сверхъ того дѣлать частыя поѣздки по уѣзду и въ губернскій городъ, отстоящій иногда отъ мѣстопребыванія предводителя не на одну сотню верстъ. Все это требуетъ значительныхъ расходовъ, которые онъ долженъ дѣлать на свой счетъ. Такимъ образомъ предводитель не только отдаетъ обществу свой трудъ и свою умственную дѣятельность, которые онъ могъ бы употребить для себя и своего семейства, но вмѣстѣ съ тѣмъ находится въ необходимости причинять ущербъ собственнымъ матеріяльнымъ средствамъ. Мы понимаемъ, что общество, дѣлая честь своему члену избраніемъ его въ свои представители, имѣетъ право требовать отъ него той дѣятельности, которая необходима въ его званіи; но мы полагаемъ также, что оно не желаетъ и не имѣетъ надобности пользоваться матеріяльными поте-

рями одного лица, всегда болѣе или менѣе чувствительными, каковы бы ни были его средства. И если находятся лица, не останавливающіяся передъ такимъ затрудненіемъ, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ общество въ свою очередь не должно было заботиться объ устраненіи такого неудобства.

Эта мысль, думаемъ мы, была главною причиной назначенія содержанія предводителямъ, и содержаніе это скорѣе можетъ быть признано возмѣщеніемъ издержекъ по должности предводителя нежели вознагражденіемъ за его труды. Такая мысль очень естественна, и предполагать, что полученіе предводителемъ содержанія для этой цѣли можетъ лишить его уваженія общества,—кажется намъ неосновательно. Мнѣніе наше, какъ нельзя лучше, подтверждается слѣдующимъ обстоятельствомъ:

При избраніи депутатовъ въ губернскій комитетъ по крестьянскому дѣлу, куда они избирались только на полгода, общество нашло нужнымъ назначить имъ приличное содержаніе, и конечно никто не думалъ видѣть въ этомъ назначеніи неуваженіе къ званію депутата. Безъ сомнѣнія, здѣсь общество не имѣло въ виду вознагражденія депутатовъ за ихъ труды, а желало только избавить ихъ отъ издержекъ, сопряженныхъ съ возложенными на нихъ обязанностями.

Почему же г. Герсевановъ такъ возмущается при мысли о возможности избавить предводителей дворянства отъ подобныхъ и гораздо значительнѣйшихъ издержекъ?

Что̀ касается до насъ, то мы вполнѣ убѣждены въ справедливости этой мысли, и думаемъ, что приведеніе ея въ исполненіе не только не уронило бы предводителей въ глазахъ общества, а напротивъ, увеличивъ ихъ средства и тѣмъ усиливъ ихъ дѣятельность, еще болѣе возвысило бы то уваженіе, которымъ они пользуются въ настоящее время.

А. Эрдéли.

Новомиргородъ.
16 октября.

II.

Нельзя было безъ удивленія и горечи прочесть въ *Русскомъ Вѣстникѣ* статью г. Герсеванова: «О жалованьи предводителямъ дворянства (1).»

---

(1) См. *Русскій Вѣстникъ* № 17.

Г. Герсевановъ начинаетъ такъ: «Въ послѣднее время проявилась въ обществѣ мысль, что недостаточность содержанія чиновниковъ есть главная причина лихоимства, и что прибавка жалованья будетъ важною мѣрой для исправленія публичной нравственности. Вслѣдствіе того, на съѣздахъ дворянъ нѣкоторыхъ губерній, между прочимъ Херсонской и Бессарабской, положено дать лицамъ, служащимъ по выборамъ, въ томъ числѣ и предводителямъ, какъ губернскимъ, такъ и уѣзднымъ, достаточное жалованье, разложивъ потребную для того сумму на дворянскія имѣнія.» Самъ г. Герсевановъ лично съ этимъ не согласенъ; онъ только передаетъ мысль общества.

Поздравляю же гг. губернскихъ и уѣздныхъ предводителей! По утвержденію г. Герсеванова, въ послѣднее время въ обществѣ проявилась мысль, а въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, между прочимъ въ Херсонской и въ Бессарабіи, осуществилась и на дѣлѣ (стало-быть была въ томъ дѣйствительная надобность): дать жалованье лицамъ, служащимъ по выборамъ, а въ томъ числѣ и предводителямъ, какъ губернскимъ, такъ и уѣзднымъ, — для прекращенія лихоимства и для исправленія публичной нравственности. Мы позволимъ себѣ попросить фактовъ. Подобныя утвержденія не должны оставаться бездоказательными въ видахъ той же публичной нравственности, ради которой дворянство нѣкоторыхъ губерній, а между прочими херсонское и бессарабское, будто бы дало жалованье своимъ выборнымъ, даже и предводителямъ, даже и губернскимъ предводителямъ. Просимъ фактовъ.

Чиновникъ, лицо выборное, предводитель и даже губернскій предводитель, по свидѣтельству г. Герсеванова, одно и то же въ общественномъ сознаніи.

Далѣе авторъ излагаетъ свое личное мнѣніе, не навязывая его обществу. Остановимся на томъ, что̀ авторъ выдаетъ за мысль общества: вѣрно ли она передана? По моему убѣжденію, невѣрно. Не могу этого утверждать относительно Херсонской губерніи и Бессарабской области, о которыхъ авторъ счелъ нужнымъ упомянуть особо, слѣдовательно имѣетъ, вѣроятно, на то положительныя данныя, но вѣдь Херсонская губернія и Бессарабія—еще не вся Россія. Слѣдовало бы выражаться опредѣлительнѣе: въ какихъ это нѣкоторыхъ губерніяхъ? И въ Бѣжецкомъ напримѣръ уѣздѣ (Тверской губерніи) дворянство постановило протоколомъ 5-го мая этого года давать жалованье своимъ предводителямъ, *избраннымъ дворянами*, но только не вслѣдствіе того, чтобы видѣло въ предводителѣ чиновника, которому надо дать достаточное жалованье для прекращенія лихоимства и для исправленія нравственности.

Нельзя безъ удивленія и безъ горечи читать такое искаженіе общественной мысли. Вопросъ объ отношеніи общества къ

чиновнику и *чиновника* къ обществу, въ дворянскомъ сословіи нѣкоторыхъ губерній, хоть бы, напримѣръ, Тверской, пережилъ фазисъ неясныхъ стремленій и остановился весьма опредѣлительно: общество знаетъ чего хочетъ... Вопросъ этотъ, вызванный настоятельными интересами, не остановился на той или другой частности, какъ, напримѣръ, лихоимство, но пошелъ глубже... Лихоимство есть конечно зло, и зло большое, тяжелое, но есть другое зло, большее, худшее, родоначальникъ всякаго зла, это—произволъ, и безотвѣтственность. Не буду выходить за предѣлы статьи г. Герсеванова. Не только главная, но и единственная причина лихоимства—не недостаточность содержанія, а произволъ и безотвѣтственность. Недостаточность содержанія, не только не главная, но даже и вовсе не причина, а слѣдствіе—чего? того же лихоимства. Потому и могутъ довольствоваться недостаточнымъ содержаніемъ, что лихоимство даетъ все нужное нѣкоторымъ образомъ служитъ орудіемъ примиренія общества съ произволомъ. Кредитный билетъ наклоняетъ произволъ въ ту или другую сторону, и общество дѣлается такимъ образомъ его участникомъ. Для дворянскаго общества, конечно, было бы желательно прекращеніе лихоимства, но что же оно можетъ сдѣлать для этого? Дать отъ себя жалованье чиновникамъ для увеличенія ихъ содержанія? Но къ чему же поведетъ это? Никакое увеличеніе содержанія не остановитъ лихоимства. Это историческая истина, твердо сознанная обществомъ. Бѣжецкое дворянство, давъ жалованье своимъ предводителямъ, не дало однако отъ себя жалованья чиновникамъ, и не дало не потому, чтобъ остановилось передъ жертвой. По величинѣ уѣзда и по многочисленности помѣщиковъ, жертва для каждаго въ отдѣльности была бы весьма незначительна; даже еслибъ и потребовалась значительная жертва, дворянство не остановилось бы передъ ней, когда бы имѣло хоть тѣнь сомнѣнія во ея безцѣльности. Оно не дало отъ себя жалованья чиновникамъ, потому что очень хорошо знаетъ, что можно застраховаться отъ пожара, отъ падежа, но нельзя застраховаться отъ лихоимства, — и не давъ жалованья чиновникамъ, оно дало жалованье своему предводителю, и дало именно потому, что видитъ въ немъ лицо по своему положенію недоступное лихоимству

Далѣе авторъ излагаетъ свое личное мнѣніе: «Не споря о томъ, что увеличеніе содержанія служащимъ по коронной службѣ и вообще получающимъ жалованье, есть мѣра, вызываемая необходимостію (что совершенно несправедливо при настоящемъ отношеніи чиновниковъ къ обществу), мы однако держимся мнѣнія, что дать содержаніе предводителямъ дворянства не только без-

полезно, а напротивъ вредно: мѣра эта уничтожила бы уваженіе, которымъ предводители пользуются теперь, и въ которомъ заключается главная причина ихъ нравственнаго вліянія.»

Итакъ, по мнѣнію г. Герсеванова, главная причина уваженія и нравственнаго вліянія, которыми пользуются *теперь* предводители дворянства, — безвозмездное исполненіе ими своей обязанности. Богъ съ нимъ, съ этимъ уваженіемъ и нравственнымъ вліяніемъ, которыя держатся на такихъ жалкихъ подмосткахъ! Богъ съ ними и съ предводителями! Стоило ли бы и толковать о представителяхъ такого сословія, котораго жизнь опредѣлялась бы такими уродливыми началами! На все свое время. Потому-то дворянство и признаетъ не только не безполезнымъ и не вреднымъ, но и необходимымъ дать жалованье предводителямъ, чтобы *впредь* основою уваженія къ нимъ и нравственнаго ихъ вліянія была не безвозмездность исполненія ими своей обязанности; оно сознало потребность въ другой основѣ. Признать богатство патентомъ на службу обществу, на нравственное вліяніе, на уваженіе, значитъ допустить дворянство въ дворянствѣ, олигархію, и прибавьте, олигархію богатыхъ, самую отвратительную изъ всѣхъ возможныхъ олигархій. Допустите это дворянство въ дворянствѣ — тогда смерть дворянству! Русское дворянство можетъ и должно имѣть великое и благотворное значеніе не только въ будущемъ, но и въ недальнемъ настоящемъ, и именно потому, что становится чуждо тѣхъ нравственныхъ вліяній, которыя такъ нравятся г. Герсеванову.

«Званіе предводителя сопряжено съ большими издержками и доступно только богатымъ людямъ. Многія достойныя лица отказываются, по недостаточности средствъ, отъ этого званія, которое попадаетъ въ руки менѣе достойныхъ. Вотъ главный доводъ сторонниковъ мысли о назначеніи жалованья предводителямъ дворянства.»

Это отчасти такъ, но не совсѣмъ. Справедливо, что необходимость дать предводителямъ жалованье состоитъ главное въ томъ, чтобы сдѣлать это званіе доступнымъ не однимъ только богатымъ, или правильнѣе, чтобы дворянство, выбирая въ это званіе, въ настоящее время столь трудное, могло не стѣсняться посторонними условіями и выбирать лица, которыхъ находитъ наиболѣе къ тому способными; но несправедливо, будто это званіе необходимо сопряжено съ большими издержками. Величина издержекъ въ этомъ случаѣ совершенно зависитъ оттого, въ какой степени необходимо поддерживать то уваженіе и то нравственное вліяніе, которыя такъ нравятся г. Герсеванову, и только въ томъ дворянскомъ обществѣ, которое живетъ этими

уваженіями и нравственными вліяніями, дѣйствительно необходимы при этомъ званіи и большія издержки.

«Все это не основательно», то-есть приведенная авторомъ мысль сторонниковъ назначенія жалованья. «Вопервыхъ, огромное большинство предводителей состоитъ изъ достойныхъ людей. Недостойныхъ, обманувшихъ ожиданіе дворянскаго сословія, забрасываютъ черняками на слѣдующихъ выборахъ, а не рѣдко общее мнѣніе заставляетъ ихъ выйдти въ отставку ранѣе. Если же избранный предводитель не утвержденъ или оставляетъ должность по болѣзни, то заступаетъ его мѣсто не коронный чиновникъ, а кандидатъ или судья, служащій тоже по выборамъ. Видѣть въ должности предводителя человѣка недостойнаго этого званія есть исключеніе изъ обыкновеннаго порядка дѣлъ. Вовторыхъ, предводитель въ сущности не имѣетъ никакой власти. Нравственное вліяніе, которымъ онъ пользуется, основано единственно на увѣренности въ его безкорыстіи, нелицепріятіи, и на убѣжденіи, что онъ служитъ дѣлу, а не лицамъ, что онъ служитъ изъ чести, что онъ преставитель первенствующаго сословія.»

Всѣ эти фразы отзываются приторностію, официяльностію и официяльностію-то даже затхлою. Что̀ такое достойные люди? Достоинство достоинству рознь. Понятіе о достойномъ человѣкѣ въ нашемъ обществѣ весьма широко. И Пехлецовы и князья Иваны—достойные и даже весьма достойные люди. Можно быть весьма достойнымъ человѣкомъ, но, въ качествѣ предводителя дворянства, никуда не годнымъ. Что огромное большинство предводителей состоитъ и состояло изъ достойныхъ людей, это видимъ по судьбѣ крестьянскаго вопроса, и не можемъ не согласиться съ г. Герсевановымъ. Но что̀ это за нравственное вліяніе, которымъ пользуется достойный предводитель, основанное на увѣренности въ его безкорыстіи, то-есть, что онъ не воръ, на убѣжденіи въ его нелицепріятіи, и что онъ служитъ дѣлу, а не лицамъ, то-есть, что онъ не мошенникъ,—что онъ служитъ изъ чести! Какая это честь—интересно бы знать. Вѣдь тоже и честь чести рознь. Иная честь хуже безчестія.

Описавъ такимъ образомъ всѣ достоинства достойнаго предводителя дворянства, что онъ не воръ, не мошенникъ и служитъ изъ чести, г. Герсевановъ переходитъ весьма логично къ слѣдующему удивительному заключенію: «Дать предводителю жалованье, значитъ превратить неподкупнаго представителя дворянства въ чиновника. Едва предводитель распишется въ полученіи жалованья, какъ мгновенно лишится всякаго уваженія; въ тотъ же день явятся просители съ подачкой или благодарностію, чрезъ

недѣлю ему намекнутъ, что пора дѣлиться, и увы! благородное званіе предводителя дворянства потеряетъ всякое значеніе.»

Будемъ читать далѣе: «Кажется, что званіе предводителя дворянства не довольно у насъ оцѣнено. Это единственное званіе въ Россіи, подходящее подъ образцовое учрежденіе мировыхъ судей въ Англіи.» И дѣйствительно мы еще не можемъ достаточно оцѣнить это высокое званіе, если полагаемъ, что для того, чтобы быть достойнымъ его, надо быть не воромъ, не мошенникомъ, служить изъ чести, безъ жалованья, и непремѣнно безъ жалованья, а то дай имъ жалованье, такъ того и гляди, что въ острогъ попадутъ. Чтобы достаточно оцѣнить все значеніе такого званія, надо по крайней мѣрѣ обратиться къ Англіи.

Куріозенъ выводъ, дѣлаемый авторомъ изъ сравненія между русскимъ предводителемъ дворянства и мировымъ судьей Англіи. Сходство между ними большое: оба изъ достаточныхъ землевладѣльцевъ, и оба занимаются весьма разнообразными дѣлами; къ этому сходству можно бы еще прибавить: оба ходятъ во фракѣ, курятъ и т. п. Самая же большая между ними разница только въ томъ, что мировой судья облеченъ обширною властію, а предводитель дворянства не имѣетъ ровно никакой (какъ, по нашему крайнему убѣжденію, и быть должно). Если прибавимъ къ этой разницѣ, замѣченной авторомъ, еще другую, авторомъ не замѣченную, что предводитель дворянства лицо сословное, представитель сословныхъ интересовъ, а мировой судья не имѣетъ сословнаго значенія, то сходство между ними будетъ поразительное, и на основаніи-то этого сходства выходитъ въ такомъ родѣ поученіе: мировой судья Англіи пользуется большимъ уваженіемъ и довѣріемъ, и жалованья не получаетъ; правда, онъ получаетъ раціоны за каждый присутственный день, но вѣдь то жалованье, а то раціоны, то съѣдобное, а то съѣстное. Ergo: предводители дворянства Россіи не должны получать жалованья, то-есть съѣдобнаго, иначе они потеряютъ всякое значеніе и довѣріе. Но не дать ли имъ съѣстнаго, то-есть раціоновъ? можетъ быть это не отниметъ у нихъ ни значенія, ни довѣрія, — авторъ объ этомъ умалчиваетъ.

Непонятно, почему авторъ, отправившись въ Англію для настоящей оцѣнки званія предводителя, которое, оставаясь въ Россіи, нельзя было достаточно оцѣнить при тѣхъ великихъ достоинствахъ, какія, по его мнѣнію, требуются отъ этого званія, почему авторъ остановился на мировыхъ судьяхъ; въ Англіи есть другія должности, къ которымъ лучше можно было бы подвести наше предводительство.

Въ заключеніи авторъ наноситъ самъ себѣ сильный ударъ,

вѣроятно того не замѣчая. «Все вліяніе предводителей происходитъ отъ нравственной силы, основанной на мнѣніи о ихъ безкорыстіи и нелицепріятіи. Дать имъ жалованье, значитъ подорвать главную ихъ силу, уничтожить это безкорыстное и самостоятельное званіе, обратить ихъ въ чиновниковъ, которымъ будутъ давать, положимъ, мало, ибо они власти не имѣютъ, но у которыхъ будутъ много требовать, ибо они болѣе или менѣе причастны почти всему въ уѣздѣ.» Авторъ и не подумалъ, что найдутся многіе, которые, до этого заключенія, можетъ-быть и согласились бы съ нимъ, что давать жалованье предводителямъ не слѣдуетъ, что это убьетъ ихъ безкорыстіе и нелицепріятіе, но вѣдь изъ его заключенія кое-гдѣ сдѣлаютъ, пожалуй, и слѣдующій выводъ: дать предводителямъ жалованье, значитъ сдѣлать ихъ чиновниками, которымъ можно будетъ давать мало, а требовать отъ нихъ много. Ну, что жь! такъ и дадимъ имъ жалованье! Будутъ, по крайней мѣрѣ, дешевые чиновники.

А. Невѣдомскій.

Сельцо Подобино.
8 октября 1860 года.

III.

Въ № 17 *Русскаго Вѣстника*, г. Герсевановъ помѣстилъ статью, въ которой старается доказать, что жалованье, данное предводителямъ дворянства, принесетъ болѣе вреда, чѣмъ пользы, и вмѣстѣ съ тѣмъ выводитъ сравненіе нашихъ предводителей дворянства съ мировыми судьями въ Англіи.

Сравненіе это съ перваго взгляда кажется весьма основательнымъ; но тому, кто поближе всмотрится въ бытъ нашего общества и въ обязанности предводителей дворянства и мировыхъ судей, легко замѣтить большую между ними разницу. Мировой судья въ Англіи занимается дѣлами своего округа, не выѣзжая изъ него. Бо́льшую часть времени онъ можетъ проводить въ своемъ имѣніи; а потому и расходы, сопряженные съ занятіями по должности, не превысятъ его средствъ, хотя бы средства эти были и не очень велики. Хозяйство мироваго судьи не страдаетъ

отъ недостатка надзора за нимъ; между тѣмъ какъ наши предводители должны почти совершенно бросить личный присмотръ за своимъ имѣніемъ, потому что живутъ постоянно въ городѣ. Кромѣ того, представитель дворянства, какъ предводитель цѣлаго сословія, а во многихъ случаяхъ ходатай въ нуждахъ дворянства, обязанъ входить въ сношенія съ людьми значительными и богатыми. Поддерживать знакомство съ такими лицами сто́итъ не дешево, и совершенно не подъ силу человѣку съ маленькими средствами. Нужно людей богатыхъ. А много ли у насъ въ уѣздахъ людей съ состояніемъ?

Устройство и привычки нашего общества далеко не подходятъ подъ устройство и привычки въ Англіи. Мы давно привыкли видѣть, какъ все дворянство наше, богатое средствами и значеніемъ, сосредоточивается въ двухъ нашихъ столицахъ. Аристократія наша стремится ко двору, а за нею выѣзжаютъ изъ деревень въ Петербургъ и Москву всѣ имѣющіе хоть сколько-нибудь свободныхъ денегъ. Правда, есть исключенія; но они очень рѣдки, и тамъ, гдѣ встрѣчается больше этихъ исключеній, дѣла дворянъ идутъ лучше, и жизнь общественная развивается быстрѣе. Совсѣмъ другое направленіе общества видимъ мы въ Англіи. Тамъ первыя аристократическія фамиліи не считаютъ скучнымъ заниматься хозяйствомъ и посвящать почти цѣлую жизнь интересамъ своего округа, а потому и выборъ мировыхъ судей дѣло легкое. Правительству въ Англіи есть изъ кого выбирать достойныхъ мировыхъ судей, не обезпечивая ихъ жалованьемъ; между тѣмъ какъ уѣзды наши бѣдны людьми достаточными. Баллотируя предводителей, мы поневолѣ должны дѣлать выборъ между двумя, тремя личностями, можетъ-быть не совсѣмъ намъ симпатичными.

Легко было г. Герсеванову сказать, что людей, обманувшихъ ожиданія общества, закидаютъ черняками на слѣдующую баллотировку; да легко ли это сдѣлать? Когда не изъ кого выбирать, то поневолѣ довольствуешься чѣмъ Богъ послалъ. Да и странныя понятія у г. Герсеванова о безкорыстіи. Развѣ всякій, берущій плату за труды свои, долженъ необходимо подвергнуться сомнѣнію въ своемъ безкорыстіи? Развѣ тотъ, кто беретъ жалованье, непремѣнно обязанъ служить лицу, а не дѣлу? Развѣ всякій чиновникъ, расписывающійся въ полученіи жалованья, непремѣнно будетъ брать подачки и благодарность, а черезъ недѣлю дѣлиться своей подачкой? Странныя, грусть наводящія понятія!

Кромѣ предводителей дворянства есть много лицъ, служащихъ по выборамъ, и между ними не мало людей совершенно честныхъ и благородныхъ. Всѣ они берутъ жалованье, и нисколько не подвергаются недовѣрію общества. Почему же это должно

случиться съ предводителями? Не жалованье можетъ подорвать довѣріе къ человѣку, а его поступки. Честный человѣкъ всегда сумѣетъ остаться честнымъ, между тѣмъ какъ человѣкъ безъ правилъ найдетъ, какъ набить себѣ карманъ и безъ жалованья, что̀, къ несчастію, случается весьма нерѣдко.

Сколько прекрасныхъ и достойныхъ людей должны мы обходить потому только, что они не имѣютъ достаточнаго состоянія! Сколько пользы и добра, могли бы сдѣлать эти люди, еслибъ имѣли возможность быть предводителями дворянства! Должность эта имѣетъ большое значеніе, особенно въ настоящее время; а потому я думаю, что деньги, затраченныя на жалованье предводителямъ, будутъ не даромъ затраченныя деньги, ибо дадутъ возможность выбрать людей отличныхъ, которые, будучи честными и энергическими дѣятелями, могли бы принести большую пользу для общества.

А. Готовцовъ.

1860 года 23 октября.
Быково.

КИРГИЗОМАНІЯ.

Старинный нашъ знакомый (не по личнымъ сношеніямъ, а по литературѣ), г. Павелъ Небольсинъ, недавно выступилъ *(въ Русскомъ Вѣстникѣ*, № 17, въ статьѣ *Путешествующіе Киргизы)*, съ теплымъ и задушевнымъ словомъ о Киргизахъ. Въ коротенькой статейкѣ онъ наговорилъ кучу любезностей нашимъ степнякамъ, посѣщавшимъ въ прошломъ августѣ Петербургъ. Дѣло похвальное. Отчегожь, въ самомъ дѣлѣ, и не заявить публикѣ о личностяхъ симпатическихъ, достойныхъ уваженія и сочувствія по своимъ нравственнымъ качествамъ, о личностяхъ, «готовыхъ на откликъ всему благородному, честному, прямодушному» и т. д.? Все это прекрасно, все это дѣлаетъ честь г. Небольсину, а пожалуй и всей Россіи, потому что изъ теплаго и задушевнаго слова степнякамъ,—послѣдніе, если и не познаютъ въ совершенствѣ, то будутъ, по крайней мѣрѣ, предощущать «благоденствіе и силу Россіи», а главное, «торжество науки надъ матеріяльною природой» и т. п. Все это, повторимъ, прекрасно. Но... «зачѣмъ же стулья-то

ломать?» Мы хотимъ сказать: г. Небольсинъ, восхваляя Киргизовъ, прокатился насчетъ уральскихъ козаковъ! Вотъ это, по нашему, далеко не прекрасно. Уральскій козакъ и Русскій человѣкъ суть лица тождественныя, потому что уральскій козакъ и Русскій человѣкъ, напримѣръ, купецъ, мѣщанинъ, крестьянинъ и т. п., живутъ одинаковою жизнью, духовною и нравственною: обычаи, нравы, взглядъ на вещи одинаковы какъ у козака, такъ и у Русскаго! Слѣдовательно, упрекъ (о которомъ будетъ сказано ниже), сдѣланный авторомъ *Путешествующихъ Киргизовъ* уральскимъ козакамъ, одинаково относится и ко всѣмъ Русскимъ. Увы! патріотизмъ г. Небольсина и его горячее увлеченіе воспѣть похвальное слово Киргизамъ и выказать передъ ними «благоденствіе и силу Россіи» повергли послѣднюю въ стыдъ и срамоту! Что̀ подумаетъ о Россіи Европа, прочитавъ *Путешествующихъ Киргизовъ* г. Небольсина? Что̀ скажетъ Азія вообще и Блистательная Порта въ особенности? А сирійскія дѣла, чего добраго, примутъ исходъ неблагопріятный для христіянъ и выгодный для мухамеданъ!.. Что̀... Однако, остановимся. Мы слишкомъ бы далеко зашли, еслибы стали перечислять всѣ непріятности и огорченія, ожидающія Россію отъ выходки краснорѣчиваго и восторженнаго панегириста Киргизовъ. Приступимъ прямо къ дѣлу.

Исчисляя добродѣтели и благотворительные подвиги одного изъ Киргизовъ, г. Исенбаева, г. Небольсинъ говоритъ: «Полагаю не лишнимъ прибавить еще одну черту о г. Исенбаевѣ. Сосѣди Киргизовъ, уральскіе козаки (1) нехристіянски, негуманно смотрятъ вообще на мухамеданъ, а на Киргизовъ въ особенности (2).

---

(1) Сосѣди Киргизовъ, замѣтимъ съ нашей стороны, не одни уральскіе козаки, а и пограничные жители западной Сибири, пограничные жители Оренбургской губерніи, живущіе по рѣкѣ Уралу и Илеку, выше уральскихъ козаковъ; наконецъ, все русское населеніе за лѣвымъ берегомъ Волги, примѣрно отъ Саратова и до Астрахани, и въ томъ числѣ *Нѣмцы*-колонисты! Численность уральскихъ козаковъ къ численности остальныхъ Русскихъ, живущихъ по сосѣдству съ Киргизами, относится какъ, напримѣръ, одна капля къ полному стакану воды.

(2) Желательно бы знать, какъ смотритъ на Киргизовъ и другихъ поклонниковъ Мухамеда, напримѣръ, на Башкиръ, остальное, кромѣ уральскихъ козаковъ, русское населеніе, живущее по сосѣдству съ мухамеданами, и часто претерпѣвающее огромные убытки, а въ иную пору и совершенныя разсоренія отъ ихъ хищничества, конокрадства и тому подобныхъ доблестей? Положимъ, это частность. Но поговорка: «*не вовремя гость хуже Татарина*», и теперь еще въ ходу у всего русскаго народа; *нехристь, погань* и тому подобное, суть слова, доднесь Русскими употребляемыя въ смыслѣ словъ бранныхъ и унизительныхъ. Такова сила исторіи! Слѣдовательно, дѣлать укоръ однимъ уральскимъ козакамъ за неблагосклонный взглядъ ихъ на Киргизовъ—довольно несправедливо.

притѣснить, опозорить, облаять, обмануть Киргиза ни почемъ; Уралецъ изстари смотрѣлъ на Киргиза, какъ на предметъ, которымъ можно всячески поживиться; человѣческихъ правъ его Уралецъ никогда не признавалъ; время, конечно, взяло свое, но Уральцы, какъ закоренѣлые, до послѣднихъ годовъ, раскольники, были не очень воспріимчивы къ теплотѣ лучей западнаго просвѣщенія (1). Въ общественной жизни они мало подвигались впередъ, и благотворнаго вліянія на развитіе благосостоянія своихъ сосѣдей-Киргизовъ ничѣмъ оказать не могли; до сихъ поръ они болѣе враждебно чѣмъ братски смотрятъ на этихъ своихъ согражданъ. *Для того, чтобъ этому, изстари враждующему съ Киргизами населенію дать средства завести школы для образованія своихъ христіянскихъ дѣтей, г. Исенбаевъ въ нынѣшнемъ году принесъ въ даръ войсковой ихъ казнѣ тысячу рублей* (2).»

Въ этихъ краснорѣчивыхъ словахъ заключается двоякаго рода смыслъ: первый, что уральскіе козаки, какъ народъ отсталой, несогрѣтый лучами западнаго (иного, восточнаго или сѣвернаго, мы не знаемъ) просвѣщенія, не могли оказать благотворнаго вліянія на Киргизовъ. Объ этомъ мы скажемъ слова два послѣ. Второй же, и самый существенный, смыслъ этихъ словъ слѣдующій: *Козаки-христіяне обижаютъ Киргизовъ-мухамеданъ, а мухамедане за зло платятъ добромъ—приносятъ въ даръ деньги на пользу христіянскихъ дѣтей!*

Сказанное г. Небольсинымъ можетъ быть сносно въ устахъ Киргиза, которому бы вздумалось поднять голосъ въ защиту своего племени, но въ устахъ Русскаго, человѣка образованнаго, сказанное г. Небольсинымъ отзывается крайнею натяжкой, парадоксомъ, пустымъ фразерствомъ, жалкимъ желаніемъ сдѣлать упрекъ козакамъ, упрекъ, нисколько незаслуженный ими,—короче, слова г. Небольсина въ высшей степени пахнутъ *киргизоманіей!*

---

(1) ... «закоренѣлые, *до послѣднихъ годовъ*, раскольники!» Что̀ этимъ хотѣлъ сказать г. Небольсинъ? Мы понимаемъ, что г. Небольсинъ дѣлаетъ намекъ, что *съ послѣднихъ годовъ* козаки-раскольники уже не раскольники. Это правда, но такъ бы и слѣдовало сказать прямо, ясно. Да, не дальше какъ года два тому назадъ, *когда отнеслись* къ Уральцамъ *разумно*, если не всѣ раскольники, сколько ихъ было на Уралѣ, то огромное большинство ихъ обратилось въ нѣдра православной церкви! А это доказываетъ, что уральскіе козаки не до такой же степени были закоренѣлы; по крайней мѣрѣ лучи западнаго просвѣщенія, о которыхъ толкуетъ г. Небольсинъ, при разумномъ направленіи, не всегда могли отскакивать отъ нихъ, какъ горохъ отъ стѣны. Впрочемъ, что касается этого вопроса, то-есть лучей западнаго просвѣщенія, мы скажемъ нѣсколько словъ ниже.

(2) *Русскій Вѣстникъ* № 17, *Совр. Лѣт.*, стр. 45.

На это мы представимъ такъ-сказать осязательныя доказательства въ своемъ мѣстѣ, а теперь займемся благотворительностію г. Исенбаева, которою г. Небольсинъ колетъ глаза Уральцамъ.

Всякое даяніе благо. Безспорно, всякая благотворительность достойна похвалы, а благотворительность Киргиза на пользу христіянъ достойна еще большей похвалы. Она во всякомъ случаѣ стóитъ того, чтобы заявить о ней міру печатно, но заявляя о ней міру, къ чему примѣшивать тутъ разсужденія и замѣчанія, которыя не только не возвышаютъ цѣны добраго дѣла, но напротивъ, извращаютъ дѣло, само по себѣ чистое и доброе? Къ чему, говоря о благотворительности Киргиза, сопоставлять ей враждебность населенія, въ пользу котораго принесенъ даръ? Мы такого убѣжденія, что лишнія разглагольствія о благотворительныхъ подвигахъ не поставятъ ихъ выше того, чего они сами по себѣ стóятъ. Напротивъ, нужно опасаться, какъ бы не выискались такіе скептики, которые могутъ не сойдтись во взглядахъ съ г. Небольсинымъ, какъ съ восторженнымъ панегиристомъ, которые могутъ заподозрить чистоту побужденій благотворителя, которые могутъ, чего добраго, подумать, что благотвореніе и сдѣлано-то именно съ тою цѣлію, чтобы, при случаѣ, было чѣмъ попрекнуть Русскихъ, или имѣть основательную причину получить, напримѣръ, золотую медаль!.. Жаль, что г. Небольсину, какъ слишкомъ усердному панегиристу, не пришла на умъ такая простая мысль, когда онъ писалъ свою похвальную оду.

Мы, съ своей стороны, нисколько не сомнѣваемся въ чистотѣ побужденій Киргиза, принесшаго даръ войсковой козачей казнѣ, и не думаемъ умалять цѣны его филантропическаго подвига, но за всѣмъ тѣмъ не можемъ не заявить нашего мнѣнія, что какъ бы ни были чисты побужденія Киргиза, принесшаго казнѣ даръ, уральскіе козаки не должны изъ-за его дара нести упрекъ, какой сдѣлалъ имъ г. Небольсинъ. Еслибъ уральскіе козаки, въ отношеніи къ этому дару, остались въ совершенномъ невѣдѣніи, то и въ такомъ случаѣ совѣсть ихъ никакого угрызенія не испытаетъ, и не потому, что они, какъ говоритъ г. Небольсинъ, закоренѣлые раскольники, не очень воспріимчивые къ теплотѣ лучей западнаго просвѣщенія, а потому, что даръ этотъ сдѣланъ безъ ихъ вѣдома (подъ словомъ: *ихъ*, мы разумѣемъ народъ), помимо ихъ воли и желанія, — короче: даръ этотъ принесенъ не непосредственно имъ, а казнѣ, находящейся въ завѣдываніи администраціи! Итакъ, пустое фразерство г. Небольсина: «*Для того чтобъ этому, изстари враждующему съ Киргизами населенію, дать средства завести школы для образованія своихъ христіянскихъ дѣтей, г. Исенбаевъ принесъ въ даръ войсковой ихъ казнѣ тысячу рублей*» — да мимо идетъ уральскихъ козаковъ! Пускай утѣшается имъ авторъ *Путешествующихъ Киргизовъ* и его *protégé*!..

Кстати о казнѣ. Уральскіе козаки, что̀ касается до ихъ казны, не нищіе; у козаковъ уральскихъ есть довольно порядочный капиталъ (болѣе милліона рублей сер.), скопленный въ недавнихъ годахъ отъ казачьихъ трудовъ. Капиталъ этотъ каждый годъ нарастаетъ и процентами, и новыми доходами. На этотъ капиталъ, безъ всякихъ стороннихъ, а тѣмъ болѣе киргизскихъ, пожертвованій, можно завести и содержать не только нѣсколько школъ, но и гимназію (при народонаселеніи въ 60—70 тысячъ). Но расходованіе этого капитала зависитъ не отъ козаковъ, а отъ администраціи. Справедливъ ли упрекъ, направленный противъ Уральцевъ краснорѣчивымъ авторомъ *Путешествующихъ Киргизовъ?*

Вотъ что̀ еще:

Уральскіе козаки, хотя и «закоренѣлые раскольники», не мало, въ свою очередь, жертвуютъ денегъ не только на заведеніе и поддержаніе школъ для своихъ дѣтей, но и на памятники нѣкоторымъ русскимъ лицамъ. Правда, мы не слыхали, чтобъ уральскій козакъ или другой кто изъ Русскихъ, самъ по себѣ, принесъ въ даръ деньги на заведеніе татарскаго «медрессе»; этой добродѣтели мы ни за кѣмъ изъ Русскихъ не знаемъ; этой добродѣтели, положительно можно сказать, нѣтъ и быть не можетъ за Русскими. И тому есть причина натуральная: Русскіе живутъ подъ державой государя христіянскаго. Русскіе не знаютъ *ни пашей, ни кадіевъ, ни муфтіевъ* и т. п., а знаютъ *губернаторовъ, атамановъ, архіереевъ* и т. п. А будь наоборотъ, напримѣръ управляй Уральскими козаками не *Аркадій Дмитріевичъ Столыпинъ*, свиты Русскаго Императора генералъ, а какой-нибудь *паша* Блистательной Порты, въ родѣ, напримѣръ, *Ахметъ-аги*, недавно разстрѣляннаго въ Дамаскѣ, *за гуманное обращеніе* съ христіянами;—тогда, можетъ-статься, и Уральскій козакъ принесъ бы что-нибудь, по силѣ-мощи, въ даръ мусульманскому медрессе,—тогда, можетъ-статься, и г. Исенбаеву, хотя онъ «на видъ и чрезвычайно добрый», едва ли бы пришла въ голову такая благая мысль—нести казнѣ въ даръ деньги для христіянскихъ школъ! Ну, какъ бы г. Небольсину не понять такой простой вещи? Все киргизоманія виновата.

Вотъ что̀ еще:

Между христіянскимъ населеніемъ въ Уральскомъ Казачьемъ Войскѣ есть довольно и мухамеданъ, Татаръ и Башкирцевъ (первыхъ болѣе 3.000, а послѣднихъ болѣе 5.000 душъ). Татары живутъ частію въ однихъ селеніяхъ съ Русскими, а частію въ особыхъ селеніяхъ между Русскими. Башкирцы же составляютъ особый сплошной кантонъ или *Отдѣленіе*, примыкающее южными границами къ Киргизской Букеевской Ордѣ, родинѣ и мѣсту дѣйствій г. Исенбаева. Какъ въ селеніяхъ, гдѣ живутъ козаки-

Татары, напримѣръ, на *Узеняхъ* и *Чижахъ* (эти мѣста близко къ Киргизской Букеевской Ордѣ, особенно Узени, рядомъ съ Ордой),—такъ и въ *Башкирскомъ Отдѣленіи*, въ послѣдніе два-три года, много заведено школъ собственно для Татарчатъ и Башкирятъ. Здѣсь мы ставимъ *точку*, а за нею вопросъ: «Не для этихъ ли питомцевъ, своихъ единовѣрцевъ, г. Исенбаевъ принесъ казнѣ въ даръ тысячу рублей (1)?»

Въ видѣ дополненія, коснемся еще лучей западнаго просвѣщенія.

«Уральцы, какъ закоренѣлые, до послѣднихъ годовъ, раскольники, были не очень воспріимчивы къ теплотѣ лучей западнаго просвѣщенія...» сказалъ г. Небольсинъ въ видѣ упрека Уральскимъ козакамъ (см. выше, выписку изъ панегирика г. Небольсина г. Исенбаеву).

Неодержимые, благодаря Бога, никакою *маніей*, мы противъ этого не споримъ. Но, кстати, скажемъ вотъ о чемъ: какимъ путемъ лучь западнаго (еще разъ замѣтимъ, что иного, восточнаго или сѣвернаго, не знаемъ) просвѣщенія можетъ проникнуть къ Уральскимъ козакамъ? Уральскіе козаки живутъ на востокѣ, на рубежѣ Россіи съ Азіей, стало-быть не близко отъ Запада. Для того, чтобъ освѣтить и согрѣть Уральскихъ козаковъ, лучь западнаго просвѣщенія долженъ пройдти черезъ всю Россію, и совершить свое путешествіе, напримѣръ, отъ Москвы черезъ Владиміръ, Судогду, Муромъ, Арзамасъ, Ардатовъ, Алатырь, Корсунь, Сызрань и другіе города, и черезъ множество деревень и селъ государственныхъ, помѣщичьихъ и разнаго другаго наименованія крестьянъ! Видите ли, какой длинный и многотрудный путь лучу западнаго просвѣщенія!.. Не скоро проберешься черезъ такую трущобу. Лучи западнаго просвѣщенія не атласъ, не бархатъ и тому подобные предметы роскоши; лучи западнаго просвѣщенія нельзя провезти на Уралъ ни на телѣгѣ, ни въ вагонѣ, ни даже на аэростатѣ: они сами собой могутъ проникнуть на Уралъ, въ этотъ удаленный уголокъ Россіи, *но не прежде, какъ сама Россія ими согрѣется.* Мы, конечно, не

---

(1) На этотъ вопросъ мы никакого отвѣта не даемъ: чего положительно не знаемъ, о томъ утвердительно и говорить не можемъ; но покорнѣйше просимъ кого-нибудь изъ Уральцевъ, живущихъ на Уралѣ и хорошо знакомыхъ съ этимъ дѣломъ, разъяснить его, насколько возможно. Что, если, въ самомъ дѣлѣ, г. Исенбаевъ, принося казнѣ даръ, имѣлъ въ виду не христіянскихъ, а мухамеданскихъ дѣтей, или, по крайней мѣрѣ, не однихъ христіянскихъ, но и мусульманскихъ дѣтей вмѣстѣ? Тогда упрекъ, сдѣланный отъ г. Небольсина Уральскимъ козакамъ, а въ лицѣ ихъ и всѣмъ Русскимъ, будетъ болѣе чѣмъ неосновательный!

ставимъ въ укоръ Россіи, что она, до послѣднихъ годовъ (выраженіе, заимствованное у г. Небольсина), не очень была воспріимчива къ теплотѣ лучей западнаго просвѣщенія; но въ извиненіе Уральцевъ не можемъ не сказать, что если въ комнатѣ холодно, то на чердакѣ тепла нечего искать. Какъ человѣку, толкующему о лучахъ западнаго просвѣщенія, г. Небольсину, грѣшно этого не знать!—азбука не мудреная, и потому вовсе не слѣдовало бы пускаться въ ненужное краснорѣчіе о явленіи, всѣмъ и каждому извѣстномъ и понятномъ, и ставить Уральцамъ въ упрекъ, что они не могли оказать благотворнаго вліянія на развитіе благосостоянія Киргизовъ, тѣмъ болѣе не слѣдовало, что сосѣди Киргизовъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, не одни Уральскіе козаки, а и пограничные жители Западной Сибири, и проч. и проч. А если ужь неотвязчивая киргизоманія вынуждала сдѣлать упрекъ за Киргизовъ, то приходится сдѣлать его не Уральскимъ козакамъ, этой горсти Русскихъ, занесенной въ такую даль отъ Россіи, а всей Россіи, потому что не на комъ другомъ, а на самой Россіи лежитъ призваніе согрѣвать лучами просвѣщенія Киргизовъ и иныхъ многихъ инородцевъ, потому что Уральскіе козаки, въ свою очередь, ждутъ этой теплоты отъ Россіи.

Іоасафъ Желѣзновъ.

Москва.
8-го октября, 1860 г.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ И ЗАМѢТКИ.

НОВАЯ КОНСТИТУЦІЯ АВСТРІЙСКОЙ МОНАРХІИ.

Главная новость послѣднихъ дней, составляющая предметъ разсужденій во всѣхъ журналахъ Европы, отодвинувшая на второй планъ все другое, пришла неожиданно изъ императорской Франціи и имѣетъ своимъ источникомъ волю Наполеона III. Императоръ Французовъ призналъ за благо, декретомъ 24 ноября,

расширить французскую конституцію. Отнынѣ законодательное сословіе и сенатъ будутъ отвѣчать адрессами на тронную рѣчь; при составленіи этихъ адрессовъ они будутъ подвергать своему разсмотрѣнію всю внутреннюю и внѣшнюю политику имперіи. Кромѣ того, законодательное сословіе, которое доселѣ имѣло право разбирать и обсуждать проекты законовъ, но могло выражать результаты своихъ совѣщаній только отвѣтомъ: *да* или *нѣтъ* на проектъ закона, и потому въ сущности было мѣстомъ регистративнымъ, а не законодательнымъ, получаетъ право предлагать поправки, *amendements*,—право, которое составляетъ необходимое условіе серіознаго участія въ дѣлѣ законодательства. Наконецъ, пренія сената и законодательнаго сословія, публиковавшіяся доселѣ лишь въ скудномъ и запоздаломъ офиціяльномъ извлеченіи, мало интересовавшемъ публику, будутъ отнынѣ обнародываться вполнѣ и своевременно, и слѣдовательно будутъ происходить передъ всею націей и передъ всею Европой; въ самый день засѣданія, редакціи парижскихъ журналовъ будутъ получать стенографическіе экземпляры всѣхъ рѣчей, произнесенныхъ въ засѣданіи. Этотъ декретъ и слѣдовавшія за нимъ новыя назначенія показываютъ, что императоръ Наполеонъ III рѣшился на серіозное измѣненіе системы, господствовавшей во Франціи въ послѣднія восемь лѣтъ, и намѣренъ повести свою имперію по пути либеральной политики. Съ небольшимъ черезъ мѣсяцъ откроются засѣданія парижскихъ законодательныхъ собраній, и хотя эти собранія составлены опекунскою рукой императорскаго правительства, но тѣмъ не менѣе Европа, вѣроятно, будетъ присутствовать при интересныхъ и знаменательныхъ преніяхъ, которыя не останутся безъ вліянія на общеевропейскую политику.

Мы ограничимся на этотъ разъ простымъ заявленіемъ важнаго шага, сдѣланнаго Франціей на либеральномъ пути, и не будемъ слѣдовать за европейскими газетами въ догадкахъ насчетъ побужденій къ этому шагу. Мы возвратимся къ декрету 24 ноября, когда представится болѣе данныхъ для сужденія о немъ, и когда его значеніе болѣе разъяснится, а покамѣсть займемся изученіемъ другаго европейскаго событія, имѣющаго также первоклассную важность и уже успѣвшаго обрисоваться въ главныхъ чертахъ.

Мы говорили уже довольно много о засѣданіяхъ австрійскаго государственняго совѣта. Теперь, когда они не только окончились, но и привели къ важнымъ политическимъ мѣрамъ, явившимся какъ результатъ совѣщаній этого собранія, и когда начали оказываться послѣдствія даже тѣхъ политическихъ мѣръ, которыя были приняты австрійскимъ правительствомъ во внима-

ніи къ мнѣніямъ, высказаннымъ въ государственномъ совѣтѣ, теперь наступаетъ удобная минута для общаго обозрѣнія и этихъ мнѣній, и этихъ мѣръ, и наконецъ того новаго положенія Австрійской имперіи, которое уже можно предусматривать среди хаоса самыхъ разнообразныхъ и запутанныхъ отношеній. Австрійскій вопросъ тѣсно связанъ съ вопросомъ о европейскомъ равновѣсіи. Если Австріи удастся освободиться отъ системы, возстановившей противъ нея общественное мнѣніе, то это государство, постоянно распадающееся и никакъ не могущее распасться, очень легко можетъ сдѣлаться главнымъ орудіемъ при разрѣшеніи восточнаго вопроса. Уже теперь нельзя не замѣтить, что Австріи становится все легче и легче получитъ довольно блистательное вознагражденіе за тѣ утраты, которыя она понесла и можетъ-быть еще понесетъ въ ближайшемъ будущемъ.

Но если теперь только отчасти раскрывается передъ проницательнымъ взоромъ отдаленная перспектива возможныхъ послѣдствій новой политической системы, провозглашенной австрійскимъ государственнымъ совѣтомъ и, повидимому, принятой австрійскимъ правительствомъ, то мотивы недавнихъ мѣръ вѣнскаго кабинета, можно сказать, уже вполнѣ разъяснились, и объ этихъ мотивахъ можно говорить положительно. Теперь очевидно, что австрійское правительство прибѣгло къ созванію усиленнаго государственнаго совѣта, какъ къ единственному благоприличному средству, которое представлялось ему для того, чтобы выйдти изъ затрудненій, окружавшихъ его со всѣхъ сторонъ. Разстройство финансовыхъ дѣлъ и рѣшительная невозможность поддерживать въ Венгріи новый порядокъ, введенный послѣ междуусобной венгерской войны, — вотъ главныя причины, принудившія австрійское правительство пригласить въ Вѣну тѣхъ людей, которыми былъ дополненъ составъ государственнаго совѣта, и которые были извѣстны правительству за противниковъ направленія, господствовавшаго въ Австріи въ послѣднія десять лѣтъ. Хороши или дурны будутъ для Австріи послѣдствія политической реформы, совершающейся нынѣ, Австрія обязана ею преимущественно Венгріи. Тотчасъ послѣ италіянской войны, эта страна явственно дала Вѣнѣ почувствовать, что твердо помнитъ свои древнія льготы и намѣрена настаивать на ихъ возвращеніи. Съ упорствомъ накипѣвшей злобы, съ единодушіемъ, которое могло установиться лишь вслѣдствіе продолжительнаго гнета, съ самоувѣренностію сильнаго, не сомнѣвающагося въ скорой и полной побѣдѣ, Венгрія взялась за дѣло сопротивленія, мелочнаго по внѣшнему виду, но неутомимаго и всеобщаго, единодушнаго относительно плана дѣйствій, непреклоннаго относительно ихъ цѣли, неумолимо-грознаго

по тѣмъ послѣдствіямъ, къ которымъ очевидно вело оно. Австрійское правительство должно было рѣшиться на одно изъ двухъ: на отчаянный вооруженный отпоръ, для котораго ему не доставало и нравственной поддержки и финансовыхъ средствъ, или на полную уступку требованіямъ страны, ежедневно грозившей возстаніемъ. Правительство Франца-Іосифа предпочло послѣдній путь и не могло поступить иначе. Другаго выбора не было; выборъ не зависѣлъ отъ воли австрійскаго правительства; онъ былъ вынужденъ обстоятельствами. Волей или неволей, надобно было рѣшиться на крутой поворотъ во внутренней политикѣ, и чтобы сколько-нибудь замаскировать его, чтобы сколько-нибудь соблюсти приличіе, былъ созванъ усиленный государственный совѣтъ, составленный, какъ теперь оказалось, изъ лицъ, большинство которыхъ было расположено стать подъ знамя своихъ венгерскихъ сотоварищей. Въ государственный совѣтъ были призваны люди изъ разныхъ частей Австрійской имперіи, и потому согласіе правительства на ихъ предположенія и совѣты получило благовидную форму: это была уступка не одной Венгріи, а какъ бы заявленіе готовности сообразоваться съ общимъ желаніемъ всѣхъ земель, соединенныхъ подъ австрійскою короной. Крутой поворотъ внутренней политики предстоялъ австрійскому правительству; голосъ государственнаго совѣта могъ дать этому повороту благовидную форму: вотъ секретъ созванія усиленнаго государственнаго совѣта. Въ виду имѣлась преимущественно Венгрія, въ этомъ теперь нельзя сомнѣваться.

Многіе старались уменьшить значеніе новыхъ мѣръ, принимаемыхъ теперь въ Австріи, указаніемъ на ихъ недобровольность. Но въ политикѣ элементъ силы всегда останется преобладающимъ элементомъ, и великія реформы, въ особенности реформы прочныя, всегда будутъ дѣломъ не столько движеній личнаго чувства и личной воли, сколько неизбѣжной силы обстоятельствъ. Съ этой стороны, австрійскія реформы не подлежатъ порицанію и стоятъ на одномъ ряду со всѣми важными реформами, совершавшимися въ исторіи. Ихъ невольность можетъ, напротивъ, служить ручательствомъ въ ихъ прочности. Намъ кажется, что если подвергать австрійскія реформы сомнѣнію и вопросу, то надобно взглянуть на нихъ съ другой стороны, надобно указать на противорѣчіе между ихъ формой и сущностію, заключающееся уже въ самомъ источникѣ, изъ котораго онѣ возникли. Онѣ имѣютъ наружный видъ общихъ мѣръ, принимаемыхъ для всей имперіи, а между тѣмъ, настоятельность реформы чувствовалась почти только относительно Венгріи, а потому опасность состоитъ не въ томъ, что уступки 20 октября были вообще недобровольны, а въ томъ, что онѣ были недо-

бровольны собственно только относительно Венгріи. На сколько новое направленіе австрійской внутренней политики касается Венгріи, на столько оно прочно. Но какъ великъ будетъ выигрышъ другихъ австрійскихъ земель, это подлежитъ еще сомнѣнію и вопросу. Реформа, вызванная положеніемъ дѣлъ въ Венгріи, можетъ оказаться дѣйствительною только для Венгріи; внутренняя политика относительно другихъ частей имперіи имѣетъ еще довольно большое свободное поле, и можетъ еще выбирать направленіе по своему произволу, не очень стѣсняясь заключеніями усиленнаго государственнаго совѣта. Сила обстоятельствъ слабѣе на почвѣ не-венгерскихъ земель; для добровольныхъ рѣшеній здѣсь болѣе мѣста, и есть не мало обстоятельствъ, показывающихъ, что австрійское правительство въ настоящую минуту еще не намѣрено дѣйствовать внѣ Венгріи въ томъ же духѣ, которымъ проникнуты теперь всѣ дѣйствія его въ Венгріи. За маленькою рѣчкой Лейтой, отдѣляющею Венгрію отъ Австріи, вполнѣ господствуетъ чистосердечная рѣшимость вступить безъ оглядки на конституціонный путь. На другомъ берегу Лейты, на западъ отъ нея, дѣла идутъ нѣсколько иначе, — чтобы не сказать: совершенно иначе. Венгрія подняла знамя историческаго права, чтобъ оградить самостоятельность своего движенія впередъ; она держится на исторической почвѣ прошедшаго, чтобъ имѣть въ своихъ рукахъ свое будущее. Въ другихъ австрійскихъ земляхъ это самое знамя историческаго права можетъ осѣнять собой направленіе совершенно противоположное, ищущее въ прошедшемъ не опоры, а отпора будущему, и эта возможность начинаетъ, повидимому, уже переходить въ дѣйствительность. Усиленному государственному совѣту было поручено трудиться для всей монархіи; но главнымъ поводомъ къ этому порученію была Венгрія. Очень можетъ статься, что государственный совѣтъ трудился только для Венгріи, хотя и имѣлъ въ виду цѣлое государство.

Впрочемъ, если Венгрія завоевала себѣ предпочтеніе своимъ энергическимъ образомъ дѣйствій, то успѣхъ ея былъ значительно облегченъ общимъ состояніемъ австрійскихъ финансовъ, имѣющимъ равную силу и относительно не-венгерскихъ земель имперіи. Это обстоятельство позволяетъ давать въ извѣстной степени вѣру заявленіямъ чистосердечія и доброжелательства, слышащимся со стороны австрійскаго министерства и съ особенною торжественностію высказаннымъ въ депешѣ графа Рехберга къ австрійскимъ дипломатическимъ агентамъ при нѣмецкихъ дворахъ. Мы уже не разъ замѣчали, что политическія реформы, совершающіяся нынѣ въ Австріи, имѣютъ характеръ дѣла серіознаго особенно вслѣдствіе своей связи съ крайнимъ финансо-

вымъ затрудненіемъ государства. Считаемъ не лишнимъ привесть общее сужденіе австрійскаго государственнаго совѣта о состояніи австрійскихъ финансовъ и причинахъ его разстройства, — сужденіе, высказанное языкомъ уклончивымъ и умѣреннымъ, но тѣмъ не менѣе сильнымъ. «Нѣтъ сомнѣнія, сказано въ докладѣ бюджетнаго комитета, что финансовое положеніе, подобное нашему теперешнему положенію, не можетъ быть разсматриваемо какъ явленіе преходящее, какъ слѣдствіе временныхъ потрясеній. Причины его должны лежать глубже, его корни должны далеко простираться. Потому необходимо обратить испытующій взоръ на финансовые результаты всего послѣдняго десятилѣтія. Въ этотъ финансовый періодъ—правда, отчасти вслѣдствіе присоединенія Венгріи и принадлежащихъ къ ней земель—было собрано около 800 милліоновъ лишнихъ податей противъ предшествовавшаго десятилѣтія; тяжесть государственнаго долга увеличилась болѣе нежели 1300 милліонами, а государственныя имущества уменьшились болѣе нежели на 100 милліоновъ гульденовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что на эти плачевные финансовые результаты послѣдняго десятилѣтія имѣли большое вліяніе страшныя потрясенія, происшедшія въ началѣ его. Нѣкоторая доля этихъ результатовъ, конечно, должна быть отнесена къ тѣмъ событіямъ, которыя нѣсколько разъ въ продолженіе послѣднихъ десяти лѣтъ нарушали миръ Европы. Но какой бы вѣсъ ни давали мы тяжести финансовыхъ усилій, вызванныхъ упомянутыми черезвычайными событіями, а равно и экстраординарными издержками на военныя надобности,— которымъ обыкновенно приписываютъ теперешнее положеніе нашихъ финансовъ, — все-таки значительная доля вины падетъ на чисто-внутреннія обстоятельства, на неумѣренный, истощающій силы расходъ по администраціи, на частую смѣну административныхъ учрежденій, наконецъ на финансовыя операціи, которыя, по времени, для нихъ избранному, по своему плану и своимъ результатамъ, едвали могутъ быть вообще названы счастливыми и удачными.» Таково порицаніе, которое бюджетный комитетъ и вслѣдъ за нимъ весь государственный совѣтъ сочли своею обязанностію высказать на общую политику послѣдняго десятилѣтія, и таковы плачевные результаты этой политики, обозначенные въ самыхъ крупныхъ чертахъ. Все это имѣетъ, очевидно, силу не только относительно Венгріи, но и относительно другихъ коронныхъ земель. Государственный совѣтъ не отрицаетъ того, что событія 1848 года сдѣлали на время, и на время,—довольно продолжительное,—необходимымъ начало диктаторской власти и принудили вѣнское правительство взять ее въ свои руки, но государственный совѣтъ съ настойчивостію высказываетъ убѣжде-

ніе, что при этихъ диктаторскихъ мѣрахъ былъ упущенъ изъ виду истинный характеръ Австрійской монархіи. Въ этомъ согласны и большинство, и меньшинство государственнаго совѣта, различающіяся только по вопросу о томъ, что̀ составляетъ этотъ «истинный» характеръ Австрійской монархіи. Само австрійское правительство, рѣшившись на мѣры 20 октября, признало необходимость измѣненія своей внутренней политики для всего государства, а не для одной Венгріи, и если съ тѣхъ поръ Венгрія получила больше знаковъ монаршаго вниманія, нежели другія части Австріи, то тѣмъ не менѣе реформа должна, въ намѣреніи самого правительства, имѣть обще-австрійскій характеръ.

Венгерскіе члены государственнаго совѣта сами настаивали на томъ, что они не желаютъ исключительныхъ привилегій для своей страны, потому что не находятъ ихъ выгодными для нея. «Мы думаемъ, говорилъ графъ Сеченъ, одинъ изъ главныхъ политическихъ дѣятелей въ государственномъ совѣтѣ, мы думаемъ, что преобразованіе монархіи только тогда можетъ быть твердо и прочно, когда оно не приведетъ съ собой противоположности между разными землями ея. Мы считаемъ необходимымъ, чтобъ одно политическое начало было признано для всѣхъ частей монархіи, мы полагаемъ, что всѣ онѣ должны принимать равноправное участіе въ государственныхъ дѣлахъ, конечно не всѣ въ одной и той же формѣ, а въ разнообразной постепенности, впрочемъ такъ, чтобы ни одна страна не была лишена вліянія на общія дѣла.» Графъ Сеченъ, говоря объ этомъ началѣ равноправности, не затруднился назвать человѣка, котораго имя пользуется въ Венгріи громадною популярностію и не можетъ быть очень пріятно австрійскому правительству. Онъ помянулъ съ приличнымъ въ устахъ Венгерца сочувствіемъ и уваженіемъ знаменитое имя графа Стефана Сечени, этого истиннаго аристократа, посвятившаго всѣ свои силы и средства на пользу своей родины, заводившаго фабрики и академіи, строившаго мосты и пароходы, неутомимо заботившагося о большихъ и малыхъ дѣлахъ своей страны, помогавшаго всякому начинанію своими познаніями и своими средствами: извѣстно, что знаменитый патріотъ окончилъ жизнь въ домѣ умалишенныхъ, близь Вѣны, вслѣдствіе душевнаго разстройства, причиненнаго событіями 1849 года и приведшаго его къ горестному концу черезъ самоубійство, въ началѣ нынѣшняго года. «Графъ Стефанъ Сечени, сказалъ графъ Сеченъ, — человѣкъ, который, несмотря на самую рѣшительную оппозицію австрійскому правительству въ продолженіи послѣдней части своей жизни, никогда не отказывался отъ убѣжденія въ важности связей Венгріи съ

Австріей и сохранялъ притомъ привязанность къ своему ближайшему отечеству, человѣкъ, которому его пламенная любовь къ отечеству, его неутомимая патріотическая дѣятельность обезпечили вѣчную память между нами,—графъ Стефанъ Сечени, когда заходила рѣчь объ общихъ дѣлахъ монархіи, очень часто употреблялъ выраженіе, что соединеніе Венгріи и Австріи имѣетъ, правда, всѣ невыгоды смѣшаннаго, неровнаго брака, но что надобно переносить эти невыгоды съ взаимною снисходительностію и предупредительною уступчивостію, ради великой цѣли этого брака, который долженъ оставаться неразрывнымъ для обоюдной пользы. Нынѣ, продолжалъ графъ Сеченъ, наступило время вѣрноподданнически заявитть его величеству императору, какъ слѣдуетъ поступать, чтобы бракъ этотъ пересталъ быть неровнымъ бракомъ, а сдѣлался союзомъ, основаннымъ на равныхъ правахъ и одинаковыхъ взглядахъ. Требуется упрочить такой порядокъ вещей, чтобы каждое опасеніе, возникающее въ какой-либо странѣ за права ея — а такія опасенія не можетъ совершенно устранить и самое доброжелательное правительство—чтобы каждое опасеніе, если оно будетъ относиться къ венгерскимъ правамъ, равно чувствовалось и въ Прагѣ и въ Зальцбургѣ, а если оно будетъ относиться къ правамъ Богеміи, равно чувствовалось въ Пештѣ и Загребѣ (въ Хорватіи), — чтобы чувства одной страны находили отголосокъ въ другой странѣ, и если намъ удастся упрочить такой порядокъ, тогда можно будетъ сказать, что мы упрочили истинное единство монархіи, тогда станетъ она тѣмъ, чѣмъ она должна быть, оплотомъ и гарантіей для всѣхъ, не ограниченіемъ одного въ пользу другаго, а ограждающею силой для совокупнаго преуспѣянія всѣхъ.» Другой венгерскій магнатъ, также одинъ изъ передовыхъ членовъ государственнаго совѣта, графъ Аппони высказался въ томъ же духѣ. Оговорившись, что онъ не имѣетъ полномочія подавать голосъ отъ имени Венгріи, а высказываетъ только свое личное мнѣніе, которое онъ однакоже всячески старался сообразовать съ мнѣніемъ своей страны, графъ Аппони такъ выразился о важности политическаго равенства всѣхъ земель для интересовъ самой Венгріи: «Я полагаю, что не ошибусь,—я даже навѣрное не ошибусь, когда скажу, что Венгрія только тогда сочтетъ достаточно обезпеченнымъ свое право и свое существованіе, когда будетъ признано начало равноправности всѣхъ австрійскихъ земель безъ исключенія, и именно такъ, чтобы тѣ начала, которыхъ Венгрія, опираясь на свои историческія права, требуетъ для себя и для прочности своего существованія, были распространены и на всѣ другія земли и части монархіи. Дуализмъ въ политическихъ началахъ не успокоитъ Венгрію.» На этотъ дуализмъ, допускав-

шій въ Венгріи то, въ чемъ отказывалось другимъ австрійскимъ землямъ, было указано еще венгерскимъ сеймомъ 1849 года, какъ на главную причину неудовлетворительнаго хода дѣлъ въ самой Венгріи. Въ адресѣ, которой былъ поданъ тогда королю Венгріи (австрійскому императору), мы читаемъ слѣдующія достопримѣчательныя слова: «Если мы обратимъ взоръ на нашу исторію, то она напомнитъ намъ, что въ продолженіи трехъ послѣднихъ столѣтій мы не только не могли развивать нашу конституцію сообразно съ требованіями духа времени, но что напротивъ мы принуждены были полагать всѣ наши силы лишь на сохраненіе ея. Причина этого заключается въ томъ, что правительство вашего величества не слѣдуетъ конституціонному направленію, и потому не могло быть въ гармоніи ни съ самостоятельностію нашего правительства, ни съ нашею конституціонною жизнію. Доселѣ такое направленіе только препятствовало дальнѣйшему развитію нашей конституціи, но теперь мы того мнѣнія, что если ваше правительство будетъ продолжать идти тѣмъ же путемъ, то монархія, въ силу прагматической санкціи драгоцѣнными узами соединенная съ нами, будетъ вовлечена въ затрудненія, исходъ которыхъ нельзя предвидѣть, а нашему отечеству будетъ причинено несказанное зло.»

Такъ какъ опытъ послѣднихъ десяти лѣтъ долженъ былъ еще болѣе укрѣпить Венгрію въ этомъ убѣжденіи, то нельзя, кажется, сомнѣваться, что сама Венгрія будетъ всѣми силами настаивать на либеральномъ устройствѣ остальныхъ частей монархіи. Венгріи опасно стоять особнякомъ среди другихъ австрійскихъ странъ; для нея очень важно, чтобы дорогія ей начала получили признаніе и нашли себѣ защитниковъ во всей монархіи. Венгріи это нужно, безъ этого Венгрія не можетъ считать прочною свою конституцію, а Венгрія теперь могущественна, и по всему вѣроятію потребность ея будетъ исполнена. Къ тому же, политическое положеніе Австріи въ Европѣ таково, что въ виду огромныхъ выгодъ, которыя могутъ представиться Австріи при совершенномъ измѣненіи ея политики относительно коронныхъ земель, императору Францу-Іосифу будетъ довольно легко освободиться отъ неохоты, весьма впрочемъ естественной, которою всегда сопровождается рѣшимость отказаться отъ старыхъ преданій и привычекъ. По новому пути, ведущему въ безвѣстную даль, трудно идти не оглядываясь назадъ и не останавливаясь. Такихъ оглядокъ и остановокъ будетъ вѣроятно не мало у австрійскаго правительства; но сила обстоятельствъ будетъ, по всему вѣроятію, могущественно увлекать его по новому направленію. Не одно финансовое разстройство, не одна воля Венгріи будутъ дѣйствовать на рѣшенія вѣнскаго кабинета. Недо-

статочность энергіи въ однѣхъ, недостаточность образованія въ другихъ изъ коронныхъ земель Австріи, будутъ восполняемы, если не ошибаемся, тѣми совершенно исключительными особенностями внѣшняго положенія Австріи, которыхъ значеніе, по всему вѣроятію, не замедлитъ обнаружиться.

Austria felix (1)—есть старинная поговорка. Она основана на австрійской исторіи, хотя эта исторія такъ обильна сильными пораженіями. Народы Австріи не имѣютъ недостатка въ мужествѣ; австрійскія арміи бывали побѣждаемы не потому, чтобы сражались дурно. Неудачи происходили обыкновенно отъ дурныхъ распоряженій. Въ дѣлахъ внутреннихъ, австрійское правительство тоже рѣдко обнаруживало дѣятельность, заслуживающую сочувствія и успѣха. Оно славилось, правда, дипломатическою ловкостію, но эта ловкость почти никогда не была одушевляема какимъ-нибудь дѣйствительно-высокимъ убѣжденіемъ и почти всегда состояла въ одномъ искусствѣ выжиданія, искусствѣ дешевомъ, которое можетъ оказаться полезнымъ лишь при благопріятной обстановкѣ. Нельзя не видѣть, что именно этой благопріятной обстановкѣ Австрія обязана и успѣхами своей мнимо-ловкой дипломатіи, и безнаказанностію всѣхъ промаховъ своихъ какъ на полѣ войны, такъ и на мирномъ поприщѣ гражданской жизни. Австріи все сходило съ рукъ, потому что Австрія составляла историческую необходимость, какъ для народовъ ей подвластныхъ, такъ и для европейскаго равновѣсія. Даже въ недавнее время, когда общественное мнѣніе Европы въ одинъ голосъ порицало австрійскую внутреннюю и внѣшнюю политику, когда австрійскій гнетъ въ Италіи признавался всѣми за великую язву въ политическомъ тѣлѣ Европы, когда сочувствіе къ Италіи готово было проявиться въ англійскомъ обществѣ и правительствѣ съ тою силой, съ которою оно дѣйствительно проявилось на нашихъ глазахъ,—даже въ это недавнее время война Франціи съ Австріей была встрѣчена въ Англіи крайне-неблагопріятно, и еще почти на дняхъ тотъ же самый лордъ Джонъ Россель, который удивилъ Европу своею депешей 27 октября, довольно грозно предостерегалъ правительство Виктора-Эммануила отъ увлеченій, могущихъ вовлечь его въ войну съ Австріей. Открыто порицая австрійскую политику, выражаясь о ней такъ, какъ не принято выражаться между офиціяльными лицами, англійскіе министры обѣихъ партій, виги и торіи, заботливо ограждали Австрію и съ отеческою нѣжностію оберегали ея существенные интересы. Многіе видѣли въ этомъ непослѣдовательность; многіе

(1) Счастливая Австрія.

упрекали Англію въ двуличности, въ недостаткѣ сочувствія къ дѣлу либерализма и законнымъ, благороднымъ желаніямъ Италіи. Но для объясненія этой загадки нѣтъ надобности прибѣгать къ такимъ предположеніямъ. Она объясняется гораздо проще и легче, объясняется историческимъ убѣжденіемъ, что сильная Австрія необходима для европейскаго равновѣсія. Дѣйствительно, Австрія, по самому составу своему, менѣе чѣмъ какая-либо изъ великихъ державъ европейскаго материка имѣетъ возможность дѣйствовать завоевательно; могущество ея не опасно для европейскаго мира. Съ другой стороны, центральное положеніе Австріи въ Европѣ не позволяетъ Австріи смотрѣть равнодушно на европейскія дѣла. Она имѣетъ важные интересы и въ Средиземномъ, и въ Черномъ морѣ, и на Апеннинскомъ и на Балканскомъ полуостровѣ, и наконецъ на всѣхъ границахъ Германскаго Союза; самымъ положеніемъ своимъ она принуждена стоять на стражѣ европейскаго равновѣсія. Потому-то Англія, сильно заинтересованная европейскимъ миромъ, считала для себя необходимымъ постоянно поддерживать Австрію и даже содѣйствовать ея усиленію. Потому-то, очень мало вмѣшиваясь во внутреннія дѣла другихъ европейскихъ державъ и нисколько не расположенная тревожить другихъ своими совѣтами, Англія не переставала, въ послѣднія десять лѣтъ, предостерегать Австрію отъ опасныхъ послѣдствій ея новой централизаціонной политики внутри и слѣпаго противоборства національнымъ и либеральнымъ стремленіямъ внѣ монархіи. Англійскіе министры не разъ находили нужнымъ говорить объ этомъ офиціяльно; а общественное мнѣніе Англіи внимательно слѣдило за всѣмъ, что̀ происходило въ Австріи, и журналы безпощадно и неутомимо преслѣдовали пагубное направленіе австрійскаго правительства; они принимали въ австрійскихъ дѣлахъ такой интересъ, какой англійская печать не привыкла принимать въ дѣлахъ иностранныхъ государствъ. Все это показываетъ, какъ велики интересы, которые соединены для Англіи съ существованіемъ Австрійской имперіи.

Но теперь англійскій взглядъ, повидимому, перемѣнился. Общественное мнѣніе настоятельно требуетъ, чтобъ Австрія согласилась на продажу Венеціи и на уступку Италіи того знаменитаго четыреугольника крѣпостей, который доселѣ считался самымъ твердымъ оплотомъ Австрійской имперіи. Правительство Великобританіи, соображаясь съ общественнымъ мнѣніемъ своей страны, вѣроятно будетъ содѣйствовать этой сдѣлкѣ, которая лишитъ Австрію значительной провинціи и чрезвычайно важныхъ стратегическихъ пунктовъ. Какъ же объяснить такое измѣненіе въ политическихъ взглядахъ Англіи, слагавшихся вѣками? Неужели Англія надѣется, что роль Австріи

въ политическомъ равновѣсіи Европы можетъ быть хотя отчасти исполнена Италіей? Но Италія, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, можетъ только защищать свою самостоятельность противъ Франціи и Австріи. Крѣпостями четыреугольника она почти не можетъ пользоваться противъ Австріи, а противъ Франціи она можетъ пользоваться ими, какъ несокрушимымъ, хотя и послѣднимъ отпоромъ, только въ случаѣ своего союза съ Австріей. Ни въ германскихъ, ни въ восточныхъ дѣлахъ Италія не можетъ принимать дѣятельное участіе, она не имѣетъ средствъ дѣйствовать на свою руку для поддержки европейскаго равновѣсія. Во всякомъ случаѣ, она не можетъ замѣнить собой Австрію. Какъ же объяснить, что Англія повидимому измѣнила Австріи?

Лордъ Пальмерстонъ не разъ входилъ въ интимныя сношенія съ императоромъ Наполеономъ III; говорятъ, что даже прошлогодняя италіянская война была дѣломъ предварительно условленнымъ между ними. Эти предварительныя соглашенія, не могли, конечно, простираться на Савоію и Ниццу; но нанести Австріи серіозный ударъ, отнять у нея Ломбардо-Венеціянское королевство, чтобы передать его Виктору Эммануилу, все это хитрый великобританскій *премьеръ*, говорятъ, позволялъ своему могущественному собесѣднику, и все это онъ могъ позволить, не отказываясь отъ своей прежней національной политики. Вѣдь Англіи нужна не Австрія, сама по себѣ, какова бы она ни была, а сильная дунайская держава, служащая оплотомъ европейскаго равновѣсія. Англія видѣла, что тотъ путь, на который вступило правительство Франца-Іосифа, долженъ повести Австрію не къ могуществу, а къ распаденію. Въ Вѣнѣ могли смотрѣть иначе на новоизобрѣтенные тамъ порядки, могли ожидать отъ нихъ и могущества и благоденствія Австріи; пестрая смѣсь абсолютистовъ и демократовъ, заправлявшая въ Вѣнѣ всѣми дѣлами, усердно и даже съ увлеченіемъ занималась постройками и перестройками этого новаго великаго зданія Австрійской имперіи, которое однакоже строилось болѣе въ умахъ строителей нежели въ дѣйствительности; новомодныя демократическія замашки благодѣтельствовать, не справляясь съ желаніями благодѣтельствуемыхъ, совпадали въ этомъ случаѣ съ преданіями временъ меттерниховскихъ, и Австрія, какъ теперь оказалось, шла быстрыми шагами къ совершенному разстройству, между тѣмъ какъ правительство полагало, что находится на прямомъ пути къ небывалому дотолѣ величію и могуществу. Все это было очень возможно въ Вѣнѣ, гдѣ и люди меттерниховскаго закала, и люди въ родѣ новоиспеченнаго барона отъ демократіи, Баха, не считали ни нужнымъ, ни полезнымъ обращать вниманіе на

общественное мнѣніе своей страны и Европы, но такіе опытные политическіе люди, какъ англійскій первый министръ, должны были предусматривать будущія потрясенія, которыя могли совершенно ослабить Австрію и слѣдовательно совершенно нарушить европейское равновѣсіе. Между тѣмъ убѣжденія и доводы сентъ-джемсскаго кабинета оказывали въ Вѣнѣ столь же мало дѣйствія, какъ и голосъ общественнаго мнѣнія Европы. Нуженъ былъ сильный ударъ, чтобъ Австрія одумалась, и Англія дала Франціи нанести ей этотъ ударъ. Послѣдствія показали, что онъ былъ очень полезенъ для Австріи, и что доброжелатели Австріи могли чистосердечно желать, чтобъ этотъ ударъ былъ нанесенъ ей и возвратилъ ее къ разуму. Къ тому же италіянскія провинціи были скорѣе элементомъ слабости нежели силы для Австріи. Либеральныя учрежденія были невозможны въ этихъ провинціяхъ, и только ускорили бы отдѣленіе ихъ отъ Австріи, а отказывая въ либеральныхъ учрежденіяхъ Ломбардо - Венеціянскому королевству, австрійское правительство не могло допустить ихъ и въ другихъ частяхъ имперіи. Италіянскія провинціи требовали отъ Австріи значительныхъ военныхъ силъ, и въ то же время замедляли и дѣлали невозможнымъ примиреніе австрійскаго правительства съ австрійскими народами, въ особенности съ Венгріей. Поглащая силы Австріи, онѣ ослабляли ее на всѣхъ пунктахъ, заставляя ее поддерживать неестественное положеніе во всѣхъ коронныхъ земляхъ, не позволяя ей вступать на тотъ путь, который одинъ могъ вести ее къ возстановленію ея могущества. Впрочемъ, какъ ни очевидна была необходимость для Австріи отказаться отъ господства въ Италіи, тѣмъ не менѣе Англія почти до самой послѣдней минуты неохотно смотрѣла на ту сторону италіянскаго вопроса, которая могла имѣть своимъ послѣдствіемъ ослабленіе Австріи.

Опытъ италіянской войны долженъ былъ однако показать Англіи, что не совсѣмъ безопасно ввѣрять другимъ совершеніе великихъ историческихъ дѣлъ. Франція, начавъ воевать за идею, окончила тѣмъ, что присоединила Савоію и Ниццу, и принудила Англичанъ потратить громадныя средства на увеличеніе своихъ военныхъ силъ. Этотъ опытъ говоритъ очень убѣдительно, и потому нельзя полагать, чтобъ Англія захотѣла и впредь слѣдовать той же политикѣ, какой она держалась въ италіянскомъ вопросѣ. Ея громадныя вооруженія стóятъ ей очень дорого; не только увеличивать ихъ съ каждымъ годомъ, какъ дѣлается теперь, но даже долго поддерживать ихъ въ теперешнихъ размѣрахъ было бы очень обременительно. Налогъ на

доходъ, высокая пошлина съ чая и сахара не популярны въ Англіи. Всякое правительство принуждено въ Англіи заботиться если не объ отмѣнѣ этихъ налоговъ, то по крайней мѣрѣ объ уменьшеніи ихъ. Поэтому, едва ли можно ожидать, чтобъ Англія не поспѣшила воспользоваться своимъ теперешнимъ колоссальнымъ военнымъ могуществомъ для скорѣйшаго разрѣшенія тѣхъ европейскихъ вопросовъ, которые потребовали бы значительныхъ вооруженій съ ея стороны въ будущемъ. Между этими вопросами стоитъ на первомъ планѣ восточный вопросъ, а потому должно думать, что и опытъ французскаго вмѣшательства въ италіянскія дѣла, и громадныя вооруженія, которыми теперь располагаетъ Англія, будутъ побуждать ее къ скорой и дѣятельной инціативѣ въ восточномъ вопросѣ. *Больной человѣкъ* не вылѣчился вслѣдствіе прошлой войны; эта фраза сдѣлалась теперь ходячею фразой въ Англіи. Балканскій полуостровъ, очевидно, не въ силахъ управиться самъ собой, турецкое владычество не имѣетъ будущности въ Европѣ. Рано или поздно, Балканскій полуостровъ долженъ сдѣлаться театромъ иностраннаго вмѣшательства. Можно отсрочивать кризисъ, но нѣтъ возможности предотвратить его, и чѣмъ болѣе отсрочивать рѣшеніе восточнаго вопроса, тѣмъ болѣе можно опасаться неожиданной вспышки, могущей произвести обще-европейскій пожаръ. Не выгодно ли Англіи предварить возможность европейской войны и заблаговременно взять это дѣло въ свои руки? Не совѣтуетъ ли ей простое благоразуміе взяться за это дѣло именно теперь, когда Англія могущественнѣе чѣмъ когда-либо прежде, а европейскія обстоятельства особенно благопріятствуютъ ей? Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что Англія поспѣшитъ воспользоваться такою удобною минутой. Нѣтъ спора, что англійская политика всегда отличалась ловкостію, передъ которою обращается въ ничто вся дипломатія меттерниховской школы, основанная на коварствѣ и хитрости.

При такихъ обстоятельствахъ особенное значеніе имѣетъ повышеніе великобританской миссіи въ Вѣнѣ на степень посольства. До сихъ поръ въ Вѣнѣ резидировалъ англійскій *посланникъ*, *envoyé;* отнынѣ при вѣнскомъ дворѣ будетъ состоять *посолъ* королевы Викторіи, *ambassadeur*. Эта маловажная, повидимому, перемѣна, которую, если угодно, можно относить къ этикету, въ другое время была бы едва замѣчена, но теперь она заключаетъ въ себѣ важное указаніе на тотъ вѣсъ, который Англія придаетъ своимъ сношеніямъ съ Австріей. При разрѣшеніи восточнаго вопроса, преобразованная Австрія можетъ сдѣлаться лучшею союзницею Англіи; тогда представится самый удобный

случай возвратить Австріи или, лучше, тому государственному союзу, который можетъ занять мѣсто ея, то могущественное положеніе въ Европѣ, которое, съ англійской точки зрѣнія, составляетъ рѣшительную необходимость для европейскаго равновѣсія. Г. Глэдстонъ недавно сказалъ волонтерамъ, въ рѣчи, о которой мы говорили въ предыдущей книжкѣ *Русскаго Вѣстника*, что онъ самъ не знаетъ, за кого и противъ кого придется стоять Англичанамъ въ ближайшемъ будущемъ, когда восточный вопросъ созрѣетъ для своего разрѣшенія. Можно однакоже предполагать, что Англія будетъ въ этомъ дѣлѣ не противъ народовъ, населяющихъ Австрію. Можно также догадываться, что и Пруссія не будетъ въ числѣ противниковъ Англіи, особенно если Пруссія получитъ какія-нибудь уступки относительно первенства въ Германскомъ Союзѣ. Австрія не пользовалась популярностію въ придунайскихъ странахъ; причиною тому было превратное направленіе ея внутренней политики. Даже и теперь еще она хлопочетъ, какъ бы удержать за собой Венецію и знаменитый четыреугольникъ. Мелкія нѣмецкія государства, инстинктивно привязанныя къ *statu quo*, затѣваютъ гарантировать за Австріей Венецію; замышляется протоколъ, признающій, что господство Австріи надъ Венеціей необходимо будто бы для безопасности южныхъ границъ Германскаго Союза. Если Франція, говорятъ эти такъ-называемые велико-германскіе политики, имѣла право гарантировать Ломбардію за Піемонтомъ даже на случай наступательной войны со стороны Піемонта, то во сколько разъ болѣе права имѣетъ Германія гарантировать за Австріей Венецію и четыреугольникъ на случай необходимой обороны? Но едва ли могутъ имѣть какую-нибудь практическую силу всѣ эти теоретическія истины и политическіе парадоксы. Скорѣе распадется Германскій Союзъ нежели Пруссія рѣшится гарантировать за Австріей Венецію не противъ Франціи, разумѣется, а противъ Италіи. Съ одной стороны дѣла Германскаго Союза, съ другой стороны венгерскія дѣла будутъ затруднять для Австріи сохраненіе за собой Венеціи, и повидимому, никакъ нельзя сомнѣваться, что очень скоро все вниманіе Австріи сосредоточится на восточномъ вопросѣ. Уже и теперь извѣстія съ Дуная согласны въ томъ, что не далѣе какъ будущею весной всѣ ожидаютъ какихъ-то великихъ событій на югѣ Венгріи. Уже и теперь, несмотря на необходимость обороны въ Италіи, Австрія нашла нужнымъ стянуть значительный корпусъ въ предѣлахъ Трансильваніи. Съ другой стороны, на правомъ берегу Дуная усердно дѣйствуетъ и анти-австрійская пропаганда; особенно французскіе консулы, говорятъ, развиваютъ большую дѣятельность; не только Сербія и Болгарія, но даже и Черная Гора представляютъ

поприще для ловкости французскихъ агентовъ. По поводу смерти князя Даніила рѣзко обнаружилась ненависть Черногорцевъ къ Австріи; новый сербскій князь Михаилъ или, какъ его зовутъ въ Сербіи, Міяилъ продалъ въ Вѣнѣ свой домъ и вообще ограничиваетъ свои сношенія съ Австріей самыми необходимыми дѣлами. Такая антипатія очень понятна. Но она, очевидно, относится къ Австріи послѣдняго десятилѣтія. Она не можетъ относиться къ венгерской Австріи, потому что Венгерцы умѣли въ послѣднее время пріобрѣсти себѣ сочувствіе во всѣхъ сосѣднихъ странахъ, и между Сербами, и между Румынами. Тѣмъ еще менѣе можетъ относиться эта антипатія къ Австріи славянской, а Австрія должна стать славянскою державой, если только будутъ чистосердечно исполнены требованія, высказанныя большинствомъ государственнаго совѣта. Отношенія Сербовъ и Болгаръ къ новой славянской державѣ будутъ совершенно иныя чѣмъ къ теперешней Австріи, и это измѣненіе имѣетъ, конечно, въ виду сентджемскій кабинетъ при составленіи плановъ для разрѣшенія восточнаго вопроса. На дняхъ телеграфическая депеша сообщила намъ, что Болгары, недовольные своимъ греческимъ высшимъ духовенствомъ и находя въ Константинополѣ сильное противодѣйствіе своему желанію имѣть, по прежнему примѣру, своего особеннаго патріарха, готовы на унію съ Римомъ. Болгары — народъ безпомощный, не вооруженный; они нисколько не похожи на собратовъ и сосѣдей своихъ, Сербовъ, издавна отличающихся воинственностію. Но у Болгаръ, какъ видно по всему, сильно пробудилось теперь національное чувство, и они съ благодарностію примутъ всякую помощь противъ Турокъ и противъ Грековъ, которые вызываютъ въ нихъ еще болѣе ненависти нежели Турки. Если правда, что Болгары, несмотря на свою несомнѣнную привязанность къ церкви отцовъ, съ прискорбіемъ рѣшаются даже на унію, то задумаются ли они примкнуть къ преобразованной Австріи, то-есть къ такому государству, которое, по словамъ графа Сечена, будетъ служить оплотомъ и гарантіей, а не ограниченіемъ самостоятельности странъ, находящихся подъ одною короной, и гдѣ, стало-быть, вмѣстѣ съ народною самостоятельностью, они будутъ имѣть возможность сохранить въ чистотѣ свое православіе? Исторія показываетъ намъ, что всѣ эти страны, лежащія по обоимъ берегамъ нижняго Дуная, легко могутъ составлять одно цѣлое. Было время, когда Болгары и Валахи были соединены политически. Было время, когда Венгрія владѣла Босніей. Было также время, когда Трансильванія и Валахія владѣли Венгріей. Наконецъ было время, когда почти вся Венгрія, вмѣстѣ съ Сербіей и Болгаріей, принадлежала Турціи. Страны эти нѣсколько разъ въ исторіи вступали между собой въ разныя политическія комбинаціи, и никакъ нельзя считать не-

возможнымъ ихъ возсоединеніе подъ защитою ѳедеративной монархіи, которая не будетъ угрожать своею централизацiей, своею бюрократіей и полиціей, самостоятельности и національности своихъ земель. Пожелаемъ, чтобы среди предстоящаго броженія славянскія племена этихъ странъ, такъ долго страдавшія, нашли силы въ самихъ себѣ и родственную поддержку въ своихъ соплеменникахъ для прочнаго огражденія своей равноправности съ сосѣдними имъ иноплеменными народностями.

Австрійскій государственный совѣтъ не касался вопросовъ внѣшней политики, но большинство его смотрѣло на будущее устройство Австріи именно съ той точки зрѣнія, которая соотвѣтствуетъ указаннымъ нами особенностямъ международнаго положенія Австріи. Ограничиваясь теперешнимъ составомъ Австрійской имперіи, — которую, замѣтимъ мимоходомъ, члены большинства называютъ почти всегда не имперіей, а монархіей, — они старались доказать, что и теперь источникомъ силы для Австріи можетъ служить возможно-полная самостоятельность ея главныхъ составныхъ частей. Нѣмецкіе члены государственнаго совѣта, составившіе меньшинство, разошлись въ этомъ отношеніи съ большинствомъ; они настаивали на необходимости болѣе-тѣснаго единства. Только одинъ изъ членовъ меньшинства, г. Маагеръ, трансильванскій Саксъ, рѣшился откровенно высказать свое мнѣніе о свойствѣ этого болѣе тѣснаго единства. Онъ требовалъ для Австріи представительнаго правленія, съ однимъ парламентомъ, засѣдающимъ въ Вѣнѣ и издающимъ законы для всей Австріи. Это мнѣніе имѣетъ цѣну по крайней мѣрѣ по своей откровенности, хотя едва ли кому-нибудь кромѣ Нѣмцевъ придетъ въ голову считать его удобнымъ для такой разноплеменной и разнохарактерной страны какъ Австрія. Общій австрійскій парламентъ долженъ былъ бы совѣщаться на нѣмецкомъ языкѣ, и уже одно это обстоятельство возбудило бы противъ него враждебныя чувства австрійскихъ народовъ. Кромѣ того, общій парламентъ имѣлъ бы естественную наклонность проводить законы общіе для всей имперіи, и слѣдовательно сглаживалъ бы тѣ историческія и политическія особенности, которыми такъ дорожатъ очень многія австрійскія земли. Наконецъ, общій парламентъ сдѣлалъ бы невозможнымъ возстановленіе древней венгерской конституціи, составляющее предметъ непреклоннаго требованія Венгріи. Можно съ увѣренностію сказать, что Венгрія не захотѣла бы послать своихъ депутатовъ въ вѣнскій парламентъ, и что слѣдовательно общій парламентъ не могъ бы даже и состояться. Другіе члены меньшинства говорили просто о единствѣ, не позволяя себѣ вести рѣчь о парламентѣ. Одинъ изъ предводителей меньшинства, г. Гейнъ, даже счелъ за благо прямо объявить, что ни

онъ самъ, ни друзья его вовсе не имѣютъ и мысли о конституціи. И тѣмъ не менѣе они отстаивали единство. Такой образъ дѣйствій много повредилъ имъ въ общественномъ мнѣніи, несмотря на поддержку, оказанную имъ почти всѣми безъ исключенія вѣнскими газетами. Было очевидно, что имѣется собственно въ виду преобладаніе германскаго элемента и противодѣйствіе Венгріи. Но противодѣйствовать Венгріи было невозможно. Правительство не соблазнилось увѣреніемъ, что меньшинство свободно отъ всякихъ помысловъ о конституціи. Публика не была подкуплена разглагольствіями о томъ, что всѣ члены изъ аристократовъ примыкаютъ къ большинству какъ бы по обязанности, что меньшинство представляетъ собой средніе классы, что побѣда большинства надъ меньшинствомъ есть побѣда аристократіи надъ средними классами и консерватизма надъ либерализмомъ. Либерализмъ, не желающій ни самостоятельности коронныхъ земель, ни общаго имперскаго парламента, не встрѣтилъ себѣ симпатіи ни въ публикѣ, ни въ правительствѣ. Сила обстоятельствъ побудила правительство склониться на сторону большинства, и потому только мнѣніе большинства представляетъ теперь для насъ интересъ.

Прежде нежели мы приступимъ къ изложенію этого мнѣнія, считаемъ нужнымъ замѣтить, что по многимъ пунктамъ всѣ партіи государственнаго совѣта были согласны. Такъ напримѣръ всѣ партіи самымъ рѣшительнымъ образомъ высказались противъ бюрократической централизаціи. Всѣ партіи были согласны въ томъ, что централизація зашла въ Австріи слишкомъ далеко, что кругъ вѣдомства центральной власти долженъ сузиться, что необходимо значительно сократить теперешніе чудовищные размѣры бюрократической администраціи. Часъ бюрократіи пробилъ для Австріи невозвратно. О французскихъ порядкахъ всѣ говорили такимъ тономъ, что слово: *французскій*, чуть не считалось бранньмъ словомъ. Никто въ государственномъ совѣтѣ не сказалъ слова въ защиту бюрократіи. Всѣ оттѣнки мнѣній спѣшили заявить свою антипатію къ началу, ставящему форму выше жизни, бумагу выше дѣла, для котораго она пишется. Очень много сильнаго и рѣзкаго было высказано въ государственномъ совѣтѣ о послѣдствіяхъ канцелярскаго устройства государственной администраціи, о произволѣ и безотвѣтственности чиновниковъ, прикрывающихся предписаніями отдаленнаго начальства, о безсиліи закона, приводимаго въ исполненіе административнымъ порядкомъ. Улики были на-лицо; тутъ сидѣли министры, и съ удивленіемъ слушали о вопіющихъ нарушеніяхъ справедливости и закона, и должны были признаваться, что они ничего объ этомъ не знаютъ. Особенно сильное впечатлѣніе произвели разказы г. Петринò о томъ, что̀ дѣлалось въ Буковинѣ, въ какомъ бѣдственномъ положеніи

находятся тамъ православныя церкви и школы, несмотря на то, что Буковина имѣетъ очень значительный церковный и училищный фондъ. Этотъ фондъ было запрещено употреблять согласно съ его назначеніемъ, пока не придетъ разрѣшеніе изъ Вѣны, а такъ какъ разрѣшеніе десять лѣтъ не приходило, то съ жителей Буковины стали собирать деньги на училища, и тѣмъ не менѣе потомъ, когда деньги были собраны офиціяльнымъ порядкомъ, православнымъ жителямъ Буковины объявили, что они могутъ собирать деньги частнымъ порядкомъ, если хотятъ имѣть школы, а что деньги, собранныя офиціяльно, должны идти на школы, въ которыхъ учителями могутъ быть только католики, но что, къ сожалѣнію, кандидатовъ-католиковъ на учительскія мѣста не оказалось. Изъ министровъ самымъ сильнымъ нападеніямъ подверглись: министръ юстиціи, г. Надашдь, и министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, графъ Тунъ. Теперь они оба уволены.

Когда рѣчь шла о бюрократіи и централизаціи, всѣ члены государственнаго совѣта были согласны. Замѣчанія высказывались, не возбуждая спора, и выслушивались, какъ нѣчто само собой разумѣющееся. Единогласно, или, вѣрнѣе, большинствомъ всѣхъ противъ одного, было принято еще заключеніе о пользѣ гласности и важномъ значеніи періодической печати. Тема эта была развита въ блистательныхъ рѣчахъ и заняла почти цѣлое засѣданіе. Печать въ Австріи не подлежитъ предварительной ценсурѣ, но полиція имѣетъ право останавливать продажу газетъ и книгъ, а администрація — давать журналамъ предостереженія административнымъ порядкомъ, не выслушивая объясненій обвиняемой стороны; три предостереженія ведутъ къ запрещенію журнала. Этотъ порядокъ, изобрѣтенный нынѣшнимъ императоромъ Французовъ и еще имѣющій нѣкоторый смыслъ во Франціи, гдѣ правительство видитъ передъ собой систематическую и династическую оппозицію, былъ заимствованъ Австріей у Франціи изъ одного подражанія. Онъ былъ полезенъ развѣ только бюрократіи, которой удавалось вынуждать у литературы молчаніе о своихъ грѣхахъ и о слабыхъ сторонахъ своихъ законодательныхъ и административныхъ проектовъ. Какъ много въ обоихъ случаяхъ проигрывали интересы высшаго правительства, которому оставались невѣдомыми злоупотребленія чиновниковъ, и которое нерѣдко принуждено было принимать мѣры, оказывавшіяся неудобными на дѣлѣ, когда уже было трудно поправлять ихъ, объ этомъ было говорено подробно въ государственномъ совѣтѣ. Одинъ за другимъ поднимались съ мѣста, чтобы сказать свое слово, графъ Кламъ-Мартиницъ, считающійся представителемъ консервативно-аристократическаго направленія, г. Гейнъ, членъ меньшинства, отрекавшійся отъ помысловъ о конституціи, гг. фонъ-Майлатъ, фонъ-Сёдьенъ и графъ Сеченъ, венгерскіе члены, князь Сальмъ, одинъ изъ пер-

выхъ магнатовъ имперіи, и наконецъ г. Маагеръ, отважно высказавшій свою непрактическую мысль о конституціи съ однимъ обще-австрійскимъ парламентомъ. Всѣ эти люди разныхъ состояній и разнообразныхъ политическихъ мнѣній говорили съ равнымъ жаромъ и равнымъ убѣжденіемъ за освобожденіе австрійской печати отъ стѣсненій, которыя были наложены на нее въ ущербъ государству и обществу. Теперь, сказалъ графъ Кламъ, когда самъ государственный совѣтъ съ такимъ чистосердечіемъ раскрылъ недостатки государственной администраціи и господствующей правительственной системы, теперь невозможно лишать печать принадлежащаго ей права откровенно обсуждать общественныя дѣла. Если Австрія хочетъ управлять своими землями согласно ихъ потребностямъ и желаніямъ, она не можетъ добровольно отказаться отъ самаго удобнаго средства для разъясненія этихъ потребностей и желаній.

По этимъ двумъ вопросамъ о бюрократической централизаціи и правахъ печати въ государственномъ совѣтѣ оказалось единодушіе; когда подавались голоса о заступничествѣ за литературу, всѣ члены государственнаго совѣта поднялись съ своихъ мѣстъ—за исключеніемъ одного. Серіозное разногласіе обнаружилось лишь по дальнѣйшему, болѣе глубокому вопросу объ отношеніи мѣстной автономіи къ единству имперіи. Представители нѣмецкаго элемента въ государственномъ совѣтѣ требовали, правда, измѣненій, какъ въ средствахъ, которыми дѣйствовало австрійское правительство, такъ и въ самыхъ предѣлахъ вѣдомства центральной власти. «Политическія учрежденія, сказалъ даже г. Гейнъ, намекая на выраженіе, употребленное императоромъ, могутъ быть названы *счастливыми* только тогда, когда изъ вѣдомства администраціи, чрезмѣрно обремененной, будетъ выдѣлено все то, что̀ можетъ быть ввѣрено рукамъ людей, которые сильно и близко заинтересованы правильнымъ исполненіемъ того или другаго дѣла, то-есть общинамъ и областямъ, и когда свободное самоопредѣленіе отдѣльнаго гражданина будетъ избавлено отъ чиновнической опеки. Меньшинство согласно въ этомъ отношеніи съ большинствомъ. Весь докладъ бюджетнаго комитета есть жалоба на то, что чиновническое вмѣшательство переступило должный предѣлъ, что оно проникаетъ даже въ семейную жизнь.» Но съ другой стороны, меньшинство считало нужнымъ отстаивать единство законодательства для всей имперіи и вообще тѣ связи, которыя сплочали бы Австрію въ одно неразрывное цѣлое. Оно предоставляло мѣстной автономіи только то, что̀ касается собственно благоустройства; все остальное оно старалось удержать за центральною властію. Члены меньшинства хорошо понимали, кажется, что чѣмъ теснѣе будутъ соединены части имперіи, тѣмъ болѣе силы долженъ имѣть нѣмецкій элементъ, соединяющій ихъ. Виды въ эту

сторону, очевидно, одушевляли ихъ, и ихъ программа несомнѣнно имѣетъ національно-нѣмецкій характеръ. Большинство, напротивъ, имѣло въ виду огражденіе національностей отъ притязаній нѣмецкаго элемента, а потому старалось дать мѣстной автономіи большее значеніе. «Истинный и дѣйствительный характеръ Австрійской монархіи, говорилъ графъ Сеченъ, состоитъ въ томъ, что она *не есть единое государство* въ нынѣшнемъ смыслѣ этого слова, что она сложилась изъ различныхъ элементовъ, изъ различныхъ земель и національностей, которыя всѣ, въ разнообразной постепенности, сохранили чувство своей особенности, своей исторической индивидуальности. Было бы опаснымъ самообольщеніемъ думать, что элементы, на которые опирается этотъ характеръ, и изъ которыхъ онъ развился, потеряли силу и подверглись разложенію,—думать такъ только на томъ основаніи, что законное заявленіе ихъ было пріостановлено. Они живутъ и дѣйствуютъ, эти индивидуальные элементы; они становятся разрушительнымъ ядомъ, когда имъ отказывается въ признаніи, въ этомъ необходимомъ и предварительномъ условіи ихъ законнаго и правильнаго проявленія.» Графу Сечену принадлежитъ изобрѣтеніе термина: *историко-политическая индивидуальность*, термина, который выразилъ собой сущность программы большинства и такъ часто употреблялся въ преніяхъ государственнаго совѣта, что подъ конецъ преній, особенно въ устахъ ораторовъ менѣе опытныхъ, повторялся почти машинально. Графъ Сеченъ былъ первымъ докладчикомъ большинства бюджетнаго комитета; вторымъ докладчикомъ былъ графъ Кламъ, богемскій магнатъ, котораго Чехи не признаютъ однакоже за Чеха. Онъ большой консерваторъ, и прежде былъ даже приверженцемъ вотчинныхъ (патримоніальныхъ) порядковъ. Ему принадлежитъ мысль основать новую газету, которая начала выходить въ Вѣнѣ мѣсяцъ тому назадъ, подъ названіемъ *Vaterland*, и служитъ органомъ аристократической партіи. Въ государственномъ совѣтѣ онъ игралъ важную роль, въ числѣ первенствующихъ членовъ, и нельзя не замѣтить, что эта его роль, при сильномъ недовѣріи къ нему публики за прежнее его направленіе, имѣла невыгодное вліяніе на популярность программы большинства. Въ преніяхъ онъ держалъ себя очень хорошо и ловко, и старинныя дворянскія понятія проглянули только въ словахъ его о правѣ *пропинаціи* (исключительномъ правѣ продажи крѣпкихъ напитковъ, принадлежащемъ помѣщикамъ, на господскихъ и крестьянскихъ земляхъ ихъ селеній). Онъ высказался очень рѣшительно противъ легкаго и невиннаго замѣчанія, сдѣланнаго въ государственномъ совѣтѣ объ этомъ правѣ; этотъ промахъ сильно повредилъ въ общественномъ мнѣніи и ему, и всему большинству государственнаго совѣта. Но онъ говорилъ много по другимъ вопросамъ, и говорилъ въ либеральномъ смыслѣ. Онъ много содѣйствовалъ

разъясненію высказаннаго графомъ Сеченомъ начала историко-политической индивидуальности австрійскихъ земель и старался доказать, что это начало провозглашается не въ интересѣ одной Венгріи, а въ общемъ интересѣ всѣхъ частей Австріи. «Сознаніе историко-политической индивидуальности, говорилъ онъ, привязанность къ историко-политической индивидуальности не есть исключительная особенность Венгріи. Это чувство и это сознаніе есть достояніе всѣхъ австрійскихъ земель, великихъ и малыхъ. Оно срослось со взглядами, оно глубоко укоренилось въ сердцахъ народовъ. Лишь желѣзное владычество силы или все сметающая буря внутренней революціи могли бы сломить это чувство. Нивеллирующему могуществу бюрокатіи не удалось одолѣть его, а въ этомъ заключается не малое доказательство его силы и права на жизнь. Ходъ дѣлъ по части административныхъ организацій въ не-венгерскихъ земляхъ представляетъ въ этомъ отношеніи замѣчательное явленіе. Въ 1849 году, вслѣдствіе внутреннихъ потрясеній, оказалось необходимымъ коренное преобразованіе административныхъ мѣстъ. Тогда былъ сдѣланъ опытъ ослабить значеніе провинціяльныхъ центровъ, придавъ болѣе вѣса ново-организованнымъ окружнымъ правленіямъ. Окружныя правленія были непосредственно подчинены министерству; за намѣстникомъ остался крайне ограниченный кругъ дѣйствій; провинціяльный союзъ округовъ долженъ былъ сдѣлаться чѣмъ-то въ родѣ простой *unio personalis*, если позволительно такъ выразиться. Явственно видно было намѣреніе совершенно отмѣнить намѣстничество въ надеждѣ, что изъ личинки округа выпорхнетъ нѣчто похожее на французскій департаментъ. И что̀ же? Благодаря силѣ обстоятельствъ, не только намѣстники не были сбиты съ сѣдла, но окружныя правленія потеряли свое значеніе и принуждены были отойдти на задній планъ.» Графъ Аппони, венгерскій членъ, еще болѣе пояснилъ этотъ пунктъ. «Величайшая ошибка, говорилъ онъ, — которая была сдѣлана въ австрійской внутренней политикѣ не только въ послѣднее время, но уже за цѣлый рядъ лѣтъ передъ симъ, состоитъ, по моему мнѣнію, въ томъ, что у насъ не только не содѣйствовали духовному развитію провинціяльной жизни, а напротивъ, старались усыплять и парализировать ее; гдѣ она тѣмъ не менѣе держалась въ силѣ, тамъ съ нею систематически боролись, какъ со зломъ. Что̀ въ этомъ отношеніи было сдѣлано въ продолженіи послѣдняго десятилѣтія, должно преисполнить горестью каждаго вѣрнаго приверженца династіи и каждаго истиннаго друга Австріи.» «Представители меньшинства, сказалъ графъ Аппони въ той же рѣчи, изъ которой мы заимствовали приведенное мѣсто, — стараются упрочить государственную связь преимущественно внѣшними госу-

дарственными учрежденіями и возможно-точнымъ опредѣленіемъ ихъ. Большинство, напротивъ, признаетъ необходимость единаго, концентрическаго верховнаго руководства государственными дѣлами, а равно и установленія, обезпеченія и представительства общей связи государства, но съ тѣмъ, чтобъ автономія отдѣльныхъ земель оставалась серіознымъ дѣломъ. Большинство придаетъ особенный вѣсъ этой нравственной связи, которая можетъ быть основана на признаніи равноправности всѣхъ земель и совершенномъ обезпеченіи ихъ правомѣрныхъ взаимныхъ отношеній.» Пренія государственнаго совѣта показали, что между членами большинства состоялось предварительное полное соглашеніе относительно главныхъ началъ. Всѣ говорили въ одинъ голосъ и поддерживали другъ друга. Обращаясь къ своему специяльному отечеству, Богеміи, графъ Кламъ сказалъ слѣдующее: «Если вы воспретите Богемцу чувствовать себя Богемцемъ или научите его забыть о томъ, что онъ Богемецъ, онъ не найдетъ замѣны этого чувства въ принадлежности къ общему государству. Именно какъ Богемецъ, знаетъ онъ, что Моравъ, Штиріецъ, Венгерецъ—его братья, члены одного общаго великаго семейства. Именно въ этомъ сознаніи и чувствѣ принадлежности къ своей отдѣльной странѣ лежитъ та могущественная духовная связь, которая соединяла далекія страны Австрійской монархіи, которая соединяетъ ихъ и всегда сводитъ воедино, та связь, передъ таинственною силой которой преклонился даже великій завоеватель, въ началѣ нашего столѣтія низвергавшій и создававшій царства по своему произволу. Когда онъ, побѣдоносный, стоялъ передъ вратами Вѣны, въ немъ возникала мысль сокрушить Австрійскую монархію. Но онъ скоро убѣдился,—онъ самъ сознавался въ этомъ,—что Австрійская монархія до такой степени коренится въ потребностяхъ, желаніяхъ и въ чувствахъ, взглядахъ и священнѣйшихъ преданіяхъ народовъ, что даже полнота могущества Наполеонова была безсильна передъ нею; и вскорѣ послѣ того, возвращавшійся побѣжденный императоръ вступилъ въ столицу своихъ предковъ и былъ привѣтствованъ ликованіемъ, сердечнѣе котораго едва ли встрѣчали когда-нибудь побѣдители. То было, несмотря на удары судьбы, время гордости для Австріи: то было время истиннаго, живаго единства имперіи.»

Нельзя не замѣтить впрочемъ, что въ то время, о которомъ говоритъ графъ Кламъ, вопросъ о національностяхъ еще не возникалъ, средніе и низшіе классы еще не пользовались самостоятельностію, и уваженіе къ автономіи отдѣльныхъ странъ относилось лишь къ историческимъ учрежденіямъ и преданіямъ ихъ,

а всего болѣе къ правамъ двухъ высшихъ сословій, дворянства и духовенства. Теперь положеніе Австріи сдѣлалось въ тысячу разъ труднѣе. Интересы, имѣющіе право на уваженіе, сдѣлались теперь такъ разнообразны, что невозможно предвидѣть, удастся ли и какъ удастся согласить ихъ. Повидимому не одинъ г. Маагеръ, считающій возможнымъ примирить всѣхъ и все дарованіемъ одной общей конституціи, упускаетъ изъ виду разнообразные и не рѣдко взаимно-противоположные интересы, заявляющіе теперь свое право. Многіе изъ членовъ большинства, повидимому, тоже слишкомъ легко смотрятъ на вопросъ о національности. «Я думаю, говорилъ графъ Баркоцъ,—что вопросъ о національности въ Австріи можетъ быть очень легко разрѣшенъ. Стóитъ только предоставить людямъ, чтобъ они сами выбирали себѣ языкъ. Еслибы не было въ этомъ дѣлѣ никакого насилія, и еслибы съ извѣстныхъ сторонъ прекратились поджигательства къ враждѣ, то народности, которыя жили вмѣстѣ шестьсотъ, семьсотъ, восемьсотъ лѣтъ, ужились бы и впредь, и по прежнему продолжали бы говорить на своихъ языкахъ. Нельзя отрицать, что не задолго до 1848 года, особенно же съ 1846 года, было сдѣлано много незаконныхъ притязаній съ венгерской стороны. Я самъ возставалъ на каждомъ сеймѣ и на каждомъ комитатскомъ собраніи противъ этихъ притязаній, я всегда былъ того мнѣнія, котораго держусь и теперь, а именно, что всякое насиліе и всякая неумѣренность въ этомъ дѣлѣ неестественны и несправедливы. Я думаю, надобно людей защищать, чтобъ одинъ не угнеталъ другаго и не позволялъ себѣ черезмѣрныхъ притязаній; а въ остальномъ пусть каждый дѣйствуетъ, какъ ему заблагоразсудится. Тогда этотъ трудный вопросъ, устрашающій многихъ, будетъ разрѣшенъ и приведенъ въ правильный порядокъ очень легко.» Такъ говорилъ графъ Баркоцъ, одинъ изъ венгерскихъ членовъ, и нельзя не встрѣтить съ сочувствіемъ это откровенное признаніе объ ошибкахъ венгерской національной партіи, но съ другой стороны нельзя согласиться съ ораторомъ насчетъ легкости вопроса о національностяхъ въ Австріи. Въ государственномъ устройствѣ есть очень много такихъ учрежденій и такихъ степеней, гдѣ выборъ языка не можетъ зависѣть отъ произвола каждаго изъ гражданъ. Община, въ которой живутъ одни Словаки, будетъ, конечно, употреблять словацкій языкъ и будетъ жить мирно. Но какой языкъ будетъ офиціяльнымъ языкомъ въ тѣхъ общинахъ, гдѣ вмѣстѣ съ Словаками живутъ Мадьяры? Еще болѣе, какъ будетъ рѣшенъ вопросъ объ офиціяльномъ языкѣ въ тѣхъ комитатахъ Венгріи, гдѣ народонаселеніе смѣшанное? А изъ такихъ комитатовъ состоитъ почти вся Венгрія. Наконецъ, какъ разрѣшить вопросъ о національностяхъ на венгерскомъ сеймѣ, особенно если

въ немъ будутъ участвовать, какъ желаютъ Венгерцы, представители Хорватіи, Славоніи, Баната и Воеводины? Прежде на венгерскомъ сеймѣ говорили по-латыни. Теперь будутъ, вѣроятно, говорить по-мадьярски, и какъ ни либерально будетъ дѣйствовать венгерскій сеймъ относительно Славянъ, все-таки первое мѣсто на немъ будетъ принадлежать мадьярской національности. Славяне будутъ чувствовать свое второстепенное положеніе, а это чувство не будетъ пріятно имъ. Мы не говоримъ уже о представительствѣ австрійскихъ земель въ Вѣнѣ, гдѣ Нѣмцы будутъ всегда находиться въ болѣе-выгодномъ положеніи нежели Славяне или Мадьяры. Та легкость разрѣшенія вопроса о національностяхъ, о которой говорилъ графъ Баркоцъ, можетъ имѣть мѣсто только относительно добровольныхъ соединеній людей, каковы напримѣръ: ученыя общества, торговыя компаніи и тому подобное, а не относительно тѣхъ принудительныхъ соединеній, которыя имѣютъ государственный характеръ. Единственное средство для примиренія національностей заключается въ томъ, чтобы сила принудительныхъ союзовъ вообще была ограничена самымъ тѣснымъ кругомъ необходимыхъ отправленій. Національности могутъ входить въ столкновеніе не только съ общимъ имперскимъ единствомъ, но и съ провинціяльнымъ единствомъ и даже съ единствомъ общины, по скольку провинція и община имѣютъ государственный характеръ. Національное чувство не можетъ быть умиротворено тѣмъ, что измѣнится распредѣленіе вѣдомствъ между государствомъ, провинціей и общиной. Если центральная власть передастъ значительную часть своихъ прежнихъ дѣлъ провинціямъ и общинамъ, то черезъ это вопросъ о національностяхъ не много подвинется къ своему разрѣшенію. Что могло бы оказаться удовлетворительнымъ въ другихъ государствахъ, гдѣ разныя національности живутъ сплошными массами, того будетъ мало въ Австріи, потому что во многихъ австрійскихъ земляхъ разныя національности живутъ вмѣстѣ и настланы пластами одна на другую, какъ вѣрно выразился графъ Сеченъ. Для Австріи спасеніе заключается въ томъ, чтобы вообще государственныя отправленія, то-есть отправленія, отличающіяся принудительнымъ характеромъ, были ограничены и сосредоточены на самомъ необходимомъ. Мало того, что центральная власть передастъ часть своихъ аттрибуцій провинціямъ. Обширность провинціяльной автономіи можетъ иногда оказаться еще болѣе стѣснительною для національностей нежели могущество центральнаго управленія. Равнымъ образомъ недостаточно и того, чтобы провинціи не стѣсняли автономіи общинъ, потому что дарованіе обширной политической власти общинѣ можетъ также повести къ подчиненію одной національности другой. Самымъ

удовлетворительнымъ образомъ разрѣшится вопросъ о національностяхъ лишь въ томъ случаѣ, когда и государство, и провинція, и община откажутся отъ значительной доли своей власти въ пользу автономіи личной и автономіи общества, то-есть тѣхъ общественныхъ союзовъ, которые не имѣютъ принудительнаго государственнаго характера. На этотъ путь начинаютъ теперь указывать въ Австріи. Мы имѣли уже случай привести мнѣнія барона Этвеша, основанныя на этомъ взглядѣ, и не можемъ не радоваться тому извѣстію, что теперь партія гг. Этвеша и Деака пріобрѣла рѣшительную популярность въ Венгріи. Если людямъ, стоящимъ во главѣ этой партіи, удастся привести въ исполненіе свои убѣжденія, то политическій міръ обогатится новымъ, еще нигдѣ не бывавшимъ доселѣ явленіемъ, которое будетъ имѣть величайшій интересъ для публицистовъ Европы. Эманципація общества отъ государства, доведенная до крайнихъ предѣловъ, возможныхъ безъ ущерба для великаго начала законности и порядка,—вотъ въ чемъ заключается главная задача политическаго устройства этихъ странъ, въ которыхъ народности такъ перемѣшаны между собою, что политически раздѣлить ихъ нѣтъ никакой возможности, и такъ дорожатъ своею самостоятельностію, что никакая сила не подчинитъ ихъ на долго одну другой.

Большинство государственнаго совѣта сосредоточило свои усилія на томъ, чтобъ отстоять историко-политическую индивидуальность отдѣльныхъ земель. Нельзя, кажется, отрицать, что вопросъ о національностяхъ, дѣйствительно, какъ полагаютъ члены большинства, всего удобнѣе можетъ быть разрѣшенъ въ предѣлахъ историко-политической индивидуальности отдѣльныхъ странъ, а не внѣ ея. Держаться исторіи и историческихъ границъ всегда безопаснѣе нежели рѣшаться на новыя построенія, которыхъ успѣхъ неизвѣстенъ. Историческая индивидуальность австрійскихъ земель сложилась вслѣдствіе множества событій, въ которыхъ принимали участіе и географическіе и энтографическіе элементы. Но тѣмъ не менѣе слѣдуетъ имѣть въ виду и главный характеръ нашего времени, главное отличіе его отъ предыдущихъ временъ, заключающееся въ пробужденіи національности. Если мы не ошибаемся, члены большинства, отстаивая историко-политическую индивидуальность отдѣльныхъ земель Австрійской монархіи, не вполнѣ оцѣнили эту новую силу. Это можетъ особенно относиться къ венгерскимъ членамъ, и дальнѣйшія событія не замедлятъ показать, сумѣютъ ли Венгерцы удачно обойдти эту величайшую трудность новаго устройства своей страны.

Что̀ касается отношеній историко-политической индивидуальности отдѣльныхъ земель къ центральной власти, то мнѣніе большинства принято теперь австрійскимъ правительствомъ. Большин-

ство настаивало на томъ, чтобы вѣдомства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, юстиціи и внутреннихъ дѣлъ, были переданы автономіи отдѣльныхъ земель. Австрійское правительство обязалось отмѣнить подлежащія министерства и уже приступило къ этому дѣлу. Прочія министерства остаются въ силѣ; отъ нихъ, говорили члены большинства, не страдаетъ историко-политическая индивидуальность огдѣльныхъ земель. Сюда относится, вопервыхъ, министерство иностранныхъ дѣлъ. Сюда же относится, вовторыхъ, министерство торговли, объ учрежденіи котораго государственный совѣтъ ходатайствовалъ, съ тою однакоже оговоркой, чтобы при учрежденіи этого министерства не были вводимы употребительныя доселѣ бюрократическія формы, соединенныя съ большими трудностями и издержками, а практическихъ результатовъ приносящія очень мало. «Есть министерства торговли, сказалъ графъ Баркоцъ, устроенныя очень практически. Не говоря уже о великой Англіи, о которой здѣсь не можетъ быть рѣчи, я укажу на маленькую Бельгію и Голландію. Въ этомъ духѣ и на этихъ началахъ, оправдавшихся на опытѣ, желательно видѣть устроеннымъ и у насъ министерство торговли.» Вѣдомство финансовъ и военныхъ дѣлъ, по мнѣнію большинства, должно также составлять принадлежность центральной власти. На эти два вѣдомства указываетъ докладъ бюджетнаго комитета, упоминая о *великихъ политическихъ необходимостяхъ, отъ признанія которыхъ не можетъ уклониться ни одна изъ земель монархіи*. Редакція этого мѣста имѣетъ очень важное значеніе, потому что устраняетъ всякое сомнѣніе относительно того, распространяется ли это замѣчаніе и на Венгрію. *Ни одна изъ земель не можетъ уклониться отъ признанія того, что̀ составляетъ политическую необходимость.* Слѣдовательно, не можетъ уклониться и Венгрія, а между тѣмъ до 1848 года Венгрія имѣла отдѣльные финансы и отдѣльное войско. Венгерскіе члены государственнаго совѣта рѣшились такимъ образомъ на важную уступку. Но такъ какъ они рѣшились на эту уступку отъ своего имени, а не отъ имени своей націи, то дѣло еще не можетъ считаться рѣшеннымъ. Въ Венгріи поднимаются теперь сильные голоса противъ слiянія венгерскихъ финансовъ и венгерской военной силы съ австрійскими. Венгерцы хотятъ, чтобы финансы и рекрутскій наборъ зависѣли въ Венгріи отъ венгерскаго сейма, а не отъ общаго государственнаго совѣта, засѣдающаго въ Вѣнѣ и состоящаго изъ лицъ, отчасти избираемыхъ земскими сеймами, а отчасти назначаемыхъ властію императора.

Таково отношеніе отдѣльныхъ земель къ центральной власти, слегка намѣченное въ заключительномъ постановленіи государственнаго совѣта и признанное государственными актами 20

октября. Императоръ Францъ-Іосифъ рѣшилъ упразднить министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, юстиціи и внутреннихъ дѣлъ, и выразилъ намѣреніе учредить министерство торговли, впрочемъ такъ, чтобъ оно не имѣло административнаго характера. Предметы вѣдомства упраздненныхъ министерствъ будутъ переданы сеймамъ и мѣстнымъ управленіямъ королевствъ и коронныхъ земель монархіи. Новыя мѣры по всѣмъ частямъ законодательства будутъ принимаемы не иначе какъ на основаніи соглашенія между короной и мѣстными сеймами, если эти мѣры относятся къ вѣдомствамъ упраздненныхъ министерствъ, или между короной и государственнымъ совѣтомъ, если касаются предметовъ, остающихся за центральнымъ правительствомъ. Содѣйствіе государственнаго совѣта объявлено необходимымъ для законодательства о монетной системѣ и кредитѣ, о пошлинахъ и торговлѣ, о банкахъ, выпускающихъ безпроцентные билеты, о почтѣ, телеграфахъ и желѣзныхъ дорогахъ, о способахъ отбыванія рекрутской повинности, о введеніи новыхъ податей и сборовъ, объ увеличеніи существующихъ податей и сборовъ, о возвышеніи цѣны на соль, о заключеніи новыхъ займовъ, объ измѣненіи процентовъ по существующимъ займамъ, объ отчужденіи и отягощеніи государственныхъ недвижимыхъ имуществъ. Для всѣхъ этихъ законовъ требуется согласіе государственнаго совѣта, а не мѣстныхъ сеймовъ. Относительно бюджета постановлено, что бюджетъ расходовъ подлежитъ разсмотрѣнію въ государственномъ совѣтѣ, а о бюджетѣ доходовъ не упомянуто, изъ чего слѣдуетъ, что бюджетъ доходовъ не будетъ подлежать утвержденію государственнаго совѣта, если подати и сборы будутъ оставаться безъ увеличенія. Государственный совѣтъ не будетъ имѣть права отказывать правительству въ податяхъ и сборахъ, уже существующихъ. Ему не предоставлено той полной самостоятельности, которая составляетъ принадлежность настоящаго парламента. Руководители теперешняго движенія сами желали дать государственному совѣту такое скромное положеніе, чтобъ онъ не могъ затмить собой провинціяльные сеймы, и особенно, чтобы венгерскій сеймъ не имѣлъ равносильнаго соперника. Впрочемъ, составъ государственнаго совѣта расширенъ, сообразно увеличившимся правамъ его. Число членовъ, избираемыхъ отъ королевствъ и земель, будетъ 100.

Права Венгріи возстановлены на основаніи ея историческихъ конституцій и прагматической санкціи 1713 года, за исключеніемъ только тѣхъ дѣлъ, которыя остались за центральнымъ правительствомъ и государственнымъ совѣтомъ. Венгерскіе комитаты съ ихъ самоуправленіемъ, венгерскій сеймъ и вѣнская венгерская канцелярія будутъ организованы по прежнему, съ тѣми только измѣ-

неніями, которыя оказываются необходимыми вслѣдствіе важнѣйшихъ изъ мѣръ, принятыхъ въ 1848 и 1849 годахъ. Сюда относятся: отмѣна привилегированнаго положенія дворянства, дарованіе всѣмъ права на государственную службу и на пріобрѣтеніе поземельной собственности, отмѣна барщины и крестьянскихъ повинностей въ пользу помѣщиковъ, а также и равное подчиненіе всѣхъ военной службѣ и государственнымъ налогамъ. Венгерскій сеймъ состоялъ до 1847 года изъ привилегированныхъ сословій и немногихъ представителей городовъ. Не возстановляя вполнѣ законодательства 1848 года, императоръ предписываетъ пригласить въ Гранъ, древнюю столицу Св. Стефана, людей замѣчательныхъ по своему положенію, заслугамъ, талантамъ и общественному довѣрію, для составленія конференціи, которая, подъ предсѣдательствомъ архіепископа-примаса Венгріи, должна выработать временныя правила для выбора членовъ въ венгерскій сеймъ. Императоръ выразилъ желаніе, чтобъ эти приготовленія къ сейму были по возможности ускорены, дабы открытіе сейма и коронація венгерскаго короля могли совершиться въ непродолжительномъ времени. Вмѣстѣ съ возстановленіемъ венгерскаго сейма, въ составѣ, измѣненномъ сообразно новымъ обстоятельствамъ, возстановлена и венгерская канцелярія въ Вѣнѣ, также съ важнымъ измѣненіемъ противъ прежняго. Измѣненіе это состоитъ въ томъ, что венгерскій канцлеръ будетъ членомъ вѣнскаго министерства. Въ должность канцлера назначенъ баронъ Вай; вторымъ канцлеромъ назначенъ баронъ Сёдьень.

Чтò касается земель, составлявшихъ принадлежность венгерской короны, то въ Хорватіи и Славоніи повелѣно созвать уважаемыхъ людей для разрѣшенія вопроса объ отношеніи этихъ странъ къ Венгріи, а для разрѣшенія вопроса объ отношеніи Сербской Воеводины и Темешскаго Баната къ Венгріи назначенъ особый коммиссаръ, генералъ графъ Менсдорфъ-Пульи, который въ настоящее время уже оканчиваетъ свои порученія. Если вѣрить извѣстіямъ газетъ, то вопросъ этотъ будетъ рѣшенъ въ пользу возсоединенія Воеводины и Баната съ Венгріей. Большинство народонаселенія этихъ областей, говорятъ, видитъ для себя болѣе гарантій, даже по вопросу о національностяхъ, въ тѣсной связи съ Венгріей нежели въ отдѣленіи отъ нея. Въ Воеводинѣ популярность Венгріи такъ велика теперь, что сербская газета *Позоръ* восклицаетъ: «Нѣтъ ни одного Серба, который бы желалъ, чтобы наша страна сохранила хоть имя Воеводины. Каждый изъ насъ видѣлъ, что теперешняя Воеводина была чистою насмѣшкой надъ сербскою націей и не приносила ей никакой пользы.» Венгрія, очевидно, находится теперь въ самомъ выгодномъ положеніи. Она пожинаетъ плоды ошибокъ австрійскаго

правительства, и если сама удержится отъ своихъ прежнихъ ошибокъ, то легко отстоитъ нераздѣльность своей короны, а можетъ-быть еще и упрочитъ свое единство съ Трансильваніей, для которой теперь оставленъ особый канцлеръ и возстановленъ ея сеймъ, на тѣхъ же основаніяхъ, которыя приняты относительно венгерскаго сейма.

Остальнымъ королевствамъ и землямъ Австрійской монархіи дипломъ 20 октября также обѣщаетъ сеймы, но сношенія этихъ сеймовъ съ центральнымъ правительствомъ и короной будутъ происходить не черезъ отдѣльныхъ канцлеровъ, какъ установлено для Венгріи и Трансильваніи, а черезъ одного особеннаго министра, который получаетъ титулъ государственнаго министра. Этотъ министръ будетъ слѣдовательно стоять въ болѣе-независимомъ положеніи относительно отдѣльныхъ сеймовъ, нежели въ какое поставленъ венгерскій канцлеръ относительно венгерскаго сейма. Государственнымъ министромъ назначенъ бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Голуховскій, вѣроятно чтобъ угодить дворянству вообще и въ особенности дворянству Галиціи. Впрочемъ ново-учрежденная должность государственнаго министра едва ли будетъ пользоваться популярностью. Государственный министръ будетъ общимъ посредникомъ между короной и всѣми сеймами не-венгерскихъ земель. Объ отвѣтственности его передъ отдѣльными сеймами не можетъ быть рѣчи. Относительно не-венгерскихъ земель можетъ повториться еще въ большей степени то явленіе, которое мы видѣли въ старое время въ Венгріи. Неотвѣтственный канцлеръ былъ постояннымъ препятствіемъ для всѣхъ новыхъ мѣръ, и законодательство почти вовсе не двигалось впередъ. Венгрія тяготилась этимъ положеніемъ и потерпѣла отъ него много вреда; неподвижность законодательства и черезмѣрный консерватизмъ сдѣлались постояннымъ явленіемъ венгерской политической жизни, но въ Венгріи по крайней мѣрѣ было что̀ сохранять, тогда какъ въ не-венгерскихъ областяхъ предстоитъ теперь многое создавать. Нельзя поэтому много удивляться, если уже теперь слышатся голоса, особенно изъ Богеміи, требующіе, чтобы при каждомъ провинціяльномъ сеймѣ былъ отвѣтственный передъ сеймомъ канцлеръ, засѣдающій въ имперскомъ совѣтѣ министровъ. Замѣтимъ еще, что въ государственномъ министерствѣ будетъ учреждено особое отдѣленіе для Хорватіи и Славоніи. Въ этомъ отдѣленіи обѣщано, правда, предоставить всѣ мѣста людямъ хорватскаго и славонскаго происхожденія, но уравненіе Хорватіи и Славоніи, странъ, составлявшихъ принадлежность венгерской короны, съ землями не венгерскими не понравится Венгріи и, вѣроятно, не понравится даже и королевствамъ Хорватіи и Славоніи. Трансильванія будетъ имѣть своего

канцлера; Хорватія и Славонія едва ли удовольствуются новообѣщаннымъ отдѣленіемъ въ государственномъ министерствѣ. По послѣднимъ извѣстіямъ, онѣ уже просятъ объ особой канцеляріи и особомъ канцлерѣ.

Признаніе равенства національностей и полной свободы вѣроисповѣданій подтверждено государственными актами 20 октября. Православная церковь, еще доселѣ не принадлежавшая въ Венгріи къ числу вѣроисповѣданій, признаваемыхъ закономъ, поставлена теперь на равныхъ правахъ съ другими христіянскими вѣроисповѣданіями и получила самоуправленіе. Въ Германштадтѣ и Карловицѣ созваны теперь православные синоды. Католическое духовенство въ Венгріи показываетъ самое лучшее настроеніе. Въ числѣ лицъ, которыхъ самъ примасъ Венгріи выбралъ для гранской конференціи, есть очень много протестантовъ. Вопросъ о языкѣ совершенно предоставленъ въ Венгріи самоуправленію. Возстановляя мадьярскій языкъ въ Пештскомъ университетѣ, Францъ-Іосифъ не забылъ и древняго университета Ягеллоновъ. Рескриптомъ, даннымъ на имя графа Голуховскаго, новоназначеннаго государственнаго министра, императоръ поручаетъ ему особенно заняться возстановленіемъ Краковскаго университета въ его прежнемъ значеніи. Замѣтимъ здѣсь кстати, что члены изъ Галиціи были въ государственномъ совѣтѣ предметомъ особеннаго вниманія. Изъ всѣхъ членовъ государственнаго совѣта, избранныхъ въ бюджетный комитетъ, всего болѣе голосовъ получилъ г. Краиньскій. Онъ и гг. Старовѣйскій и Поляньскій дѣятельно защищали интересы своей народности, и графъ Сеченъ, въ своей главной рѣчи, посвятилъ Галиціи особый отдѣлъ, въ которомъ, не называя Галиціи по имени, говорилъ о ней съ чувствомъ очень деликатнымъ.

Новое устройство не-венгерскихъ земель во многомъ будетъ зависѣть отъ сеймовыхъ статутовъ, теперь изготовляемыхъ. До сихъ поръ обнародованы статуты для Каринтіи, Штиріи, Зальцбурга и Тироля; они не съ сочувствіемъ были приняты общественнымъ мнѣніемъ, и дѣйствительно, они черезчуръ отзываются средними вѣками. Подождемъ появленія остальныхъ статутовъ, чтобы подробнѣе говорить о нихъ, а теперь пока замѣтимъ вообще, что по всѣмъ признакамъ судьба не-венгерскихъ земель сосредоточится въ рукахъ дворянства этихъ земель, и на немъ будетъ лежать отвѣтственность за дальнѣйшій ходъ событій. Теперь не подлежитъ сомнѣнію, что аристократія будетъ въ Австріи ближайшею наслѣдницей бюрократіи. Будетъ ли дѣйствовать аристократія какъ высшій классъ, представляющій собой всю націю и всѣ земскіе интересы, или она предпочтетъ явиться опять съ характеромъ сословія, противопола-

гающаго себя другимъ сословіямъ? Отъ отвѣта на этотъ вопросъ зависятъ теперь и судьбы самого австрійскаго дворянства и судьбы всей Австріи. Въ государственномъ совѣтѣ магнаты высказывались по большей части въ хорошемъ духѣ; въ статутахъ, доселѣ обнародованныхъ, уже вѣетъ другой духъ; въ намѣреніи богемскаго дворянства не принимать участія въ сельскихъ общинахъ и стоять особнякомъ, образуя изъ себя отдѣльную дворянскую общину, видно уже совершенное отчужденіе отъ земства. Что будетъ далѣе? Самоуправленіе и муниципальныя учрежденія могутъ только тогда съ успѣхомъ замѣнить собой бюрократическую опеку, когда имѣютъ не сословный, а общій земскій характеръ.

ТУРЦІЯ И СИРІЯ.

Страшныя сцены рѣзни, театромъ которыхъ была Сирія въ іюлѣ нынѣшняго года, опять выдвинули на первый планъ такъ-называемый восточный вопросъ и вмѣстѣ показали, что этотъ вопросъ можетъ вызвать новыя столкновенія европейскихъ государствъ. Европа приняла на свою отвѣтственность сохранить Турцію до тѣхъ поръ, пока ея мѣсто можетъ занять что-либо другое, пока не созрѣютъ для этого новые элементы. Турецкое правительство есть не болѣе какъ юридическая фикція; къ нему неприложимо понятіе о возрожденіи,—оно представляетъ собою только внѣшнюю силу, которая подражаетъ болѣе или менѣе правительственной власти европейскихъ государствъ, но которая никогда не можетъ найдти для себя какое-либо европейское основаніе. Замѣчательно, что сами Турки не имѣютъ никакого понятія объ отечествѣ: первый завоеватель можетъ собрать въ предѣлахъ Турціи цѣлую армію, которая станетъ подъ его знамя, подобно тому, какъ Англичане набирали свои войска изъ Индѣйцевъ и даже изъ Китайцевъ, ведя войну въ Индіи и Китаѣ. О внутренней связи правительства съ народомъ не можетъ быть и рѣчи; народъ повинуется, но не живетъ государственною жизнію, онъ состоитъ изъ племенъ, ненавидящихъ другъ друга и употребляющихъ турецкую власть какъ орудіе во взаимной враждѣ. Въ однѣхъ провинціяхъ это орудіе обходится очень дорого, за него платятъ тяжелый налогъ; въ другихъ частяхъ дѣло ограничивается тѣмъ, что въ присутствіи паши, въ торжественныхъ случаяхъ читается ин-

веститура султана, или только тѣмъ, что султану докладывается о важныхъ принимаемыхъ тамъ правительственныхъ мѣрахъ.

Такимъ образомъ турецкое правительство вездѣ является формою, условнымъ предположеніемъ. Вмѣсто султана дѣйствуютъ представители европейскихъ государствъ; они даютъ ему совѣты въ дѣлахъ внутренняго управленія, они обѣщаютъ войско для поддержанія власти султана, они судятъ своихъ единоземцевъ, требуютъ вознагражденія за ихъ обиды, и проч. Этотъ европейскій судъ и европейская власть имѣютъ такую привлекательность, что турецкіе «подданные» толпами покидаютъ свое подданство и становятся подъ покровительство иностранныхъ посланниковъ. Въ нынѣшнемъ году, 14 сентября, турецкое правительство разослало меморандумъ къ иностраннымъ дворамъ, въ которомъ объявлено о мѣрахъ, принятыхъ имъ, для того чтобъ остановить частый выходъ изъ подданства Турціи. Такъ, всѣ лица, вышедшія изъ турецкаго подданства, подчинены турецкимъ законамъ по дѣламъ, возникшимъ до перемѣны ихъ національности; они не наслѣдуютъ послѣ оттоманскихъ подданныхъ и обязаны оставить имперію въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, а также продать въ этотъ срокъ свою недвижимую собственность. Неизвѣстно, на сколько будутъ дѣйствительны подобныя мѣры, и въ какой степени онѣ остановятъ турецкихъ подданныхъ; но появленіе меморандума доказываетъ, что выходъ изъ подданства принимаетъ большіе размѣры, и что очень выгодно жить въ Турціи, не подчиняясь ея правительству. Въ дипломатическихъ нотахъ слишкомъ часто говорится о независимости султана, хотя это вѣжливое выраженіе нисколько не измѣняетъ существа дѣла; всѣмъ извѣстно, что если перемѣняются министры въ Константинополѣ, то эта перемѣна зависитъ отъ того, какой изъ европейскихъ посланниковъ въ данное время получилъ перевѣсъ, или какому двору желаетъ угодить султанъ. Въ Константинополѣ отражается вся сложная игра европейской дипломатіи, которой здѣсь самое обширное поле для дѣятельности. Истинная власть въ Турціи принадлежитъ европейскимъ державамъ. Въ этомъ положеніи дѣлъ есть много опаснаго, но оно необходимо до тѣхъ поръ, пока новая жизнь не пробьется наружу съ такою силой, что внѣшнія средства сдержать территоріяльное единство нынѣшней Турціи окажутся безплодными и незаконными. Дипломатическая фикція о власти султана и о турецкомъ правительствѣ можетъ быть допущена какъ необходимость временная, но только въ такой мѣрѣ и въ такомъ объемѣ, чтобы не мѣшать развитію того элемента, который дѣйствительно способенъ къ возрожденію и къ организаціи прочной; дипломатія въ правѣ поддерживать единство Турціи, но только подъ условіемъ, что это средство временное, и

что необходимо обращать вниманіе на будущее. Интересъ Европы состоитъ не въ томъ, чтобъ усиливать турецкое правительство, а въ томъ, чтобъ окончательное разрушеніе его произошло вóвремя, и чтобъ этотъ кризисъ совершился, по возможности, съ наименьшими пожертвованіями. Мы понимаемъ откровенное выраженіе одного корреспондента парижской газеты *La Presse*: «Конечно, говоритъ онъ съ негодованіемъ, никто не ожидалъ, чтобы рѣзня въ Сиріи, гдѣ на сцену выступали турецкіе солдаты, турецкіе полковники, турецкіе паши, чтобъ эта рѣзня обратилась въ пользу турецкаго вліянія въ этой несчастной странѣ. Однакожь, кажется, Фуадъ-паша готовитъ намъ этотъ сюрпризъ.»

Дѣйствительно, это будетъ сюрпризъ для Европы, гдѣ общество не вѣритъ въ живучесть турецкаго правительства и всякое новое усиленіе его встрѣчаетъ неблагосклонно, если только при этомъ не замѣшаются какіе-либо особые личные счеты, удача или неудача одного изъ правительствъ. Даже въ Англіи, гдѣ общественное мнѣніе высказывалось прежде въ пользу поддержанія Турціи, теперь смотрятъ на это дѣло иначе. «Пора покончить съ Турціей», такимъ восклицаніемъ начинается одна изъ статей пальмерстоновскаго журнала *Morning Post*; а г. Глэдстонъ въ честерской рѣчи своей указалъ на близость великой катастрофы на Востокѣ. «Мы напрасно стали бы обманывать себя, говорилъ онъ, еслибы вздумали оставить безъ вниманія, что война съ Россіей вовсе не была возрожденіемъ Турціи, и что Европѣ остается еще много сдѣлать въ этой части земли, для того чтобы причины зла исчезли, и чтобы политическій горизонтъ прояснился. Какіе вопросы возникнутъ по поводу этого громаднаго дѣла, когда и какъ они возникнутъ, на которой сторонѣ вы очутитесь, и кто будетъ противъ васъ,—я не знаю.»

Одинъ изъ частныхъ вопросовъ этого дѣла уже возникъ теперь. Европа была встревожена вѣстью объ истребленіи христіянъ въ Сиріи, въ тѣхъ городахъ, гдѣ находились турецкіе гарнизоны, и теперь тревожится мыслью о томъ, какъ предотвратить повтореніе подобнаго рода ужасовъ на будущее время. Европа уже одинъ разъ, именно въ 1840 году, завоевала Сирію для Турціи у Мехмета-Али, паши египетскаго, который владѣлъ ею около десяти лѣтъ. И чтò же? Черезъ двадцать лѣтъ потомъ Европа принуждена поручить французскимъ войскамъ умиротвореніе Сиріи, необходимо открывать вездѣ подписки въ пользу ея жителей, пришлось пострадать отъ пріостановленія торговли съ этою страной, и—чтò важнѣе всего—узнать о восьми тысячахъ новыхъ жертвъ турецкой анархіи. Это значитъ платить

слишкомъ дорого за дипломатическое изобрѣтеніе единой Турціи. Кто поручится въ томъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ не забудется страхъ, внушенный теперь иностранными войсками, и что не повторятся іюльскія сцены?

Узкая полоса земли, идущая вдоль Средиземнаго моря и разрѣзанная параллельно ему горами, по своему географическому положенію весьма важна для государствъ европейскихъ; она примыкаетъ къ долинѣ Евфрата, слѣдовательно можетъ служить удобнымъ путемъ въ Индію, путемъ, который уже одинъ разъ былъ избранъ Наполеономъ I; она примыкаетъ далѣе къ новому всемірному пути, который можетъ открыться съ прорытіемъ Суэсскаго канала. Все это условія, весьма важныя для Европы вообще и для Англіи въ особенности. Эти условія заставили лорда Пальмерстона, въ 1840 году, такъ настойчиво дѣйствовать въ пользу присоединенія Сиріи къ Турціи. Такъ-называемыя сирійскія пустыни остаются въ этомъ положеніи только вслѣдствіе безпечности Турокъ; въ другихъ рукахъ онѣ могли бы составить источникъ огромныхъ богатствъ. Все здѣсь остается въ томъ же видѣ, въ какомъ было нѣсколько вѣковъ тому назадъ: и земля, и жители; «въ Сиріи ничто не исчезло и ничто не развилось.» На 28.000 квадратныхъ миль англійскихъ приходится только два милліона жителей. Изъ нихъ 1.200.000 мусульманъ, 700.000 христіанъ, около 80.000 Друзовъ и 24.000 Евреевъ. Эти главныя вѣроисповѣданія имѣютъ еще свои подраздѣленія. Такъ Маронитовъ-христіянъ считается до 250.000; остальные христіяне принадлежатъ къ уніатамъ (40.000) и къ греческой церкви. Что̀ касается до Друзовъ, то о нихъ и объ ихъ религіи, составляющей безобразную смѣсь язычества съ магометанскими и христіянскими вѣрованіями, мы имѣли случай говорить подробно при первыхъ извѣстіяхъ о событіяхъ въ Сиріи.

Всѣ эти племена ненавидятъ другъ друга; даже мусульмане шіитскаго и суннитскаго толка находятся въ непримиримой враждѣ между собою и заодно презираютъ Евреевъ; мусульманская пословица говоритъ: «Въ день страшнаго суда, Евреи поѣдутъ въ адъ верхомъ на спинѣ Езидовъ» (1). Къ христіянамъ они питаютъ глухую ненависть, но боятся ее высказывать. Племенной и религіозной враждѣ жителей Сиріи былъ полный просторъ, при томъ управленіи, которое существовало въ странѣ. Паши, посылавшіеся изъ Константинополя, не выѣзжали изъ Дамаска и Сенъ-Жанъ-д'Акра и интриговали другъ противъ друга; строгая диктатура, введенная Мехметомъ-Али Египетскимъ, по свидѣтельству

(1) Секта, живущая въ Сиріи и Курдистанѣ,—поклонники Сатаны.

нѣкоторыхъ, еще болѣе деморализировала народонаселеніе, а новое управленіе турецкое не въ состояніи было исправить зла. Это управленіе должно было соотвѣтствовать общей системѣ управленія имперіею. Извѣстно, что въ послѣднее время Турція ловила призракъ государственнаго порядка въ безуспѣшныхъ стремленіяхъ къ строгой и сильной централизаціи.

По этому случаю мы приведемъ здѣсь нѣсколько словъ изъ статьи г. Ксавье Ремона, напечатанной въ *Revue des Deux Mondes*, тѣмъ болѣе что все сказанное имъ о Сиріи почти въ равной степени примѣняется и къ другимъ провинціямъ Турціи. Слѣдующими чертами рисуетъ французскій публицистъ теперешнее управленіе Сиріи:

«Изъ боязни, чтобы не явились вновь эти феодалы, эти паши, которые возмущались такъ часто, введена организація, основанная на раздробленіи власти, и это раздробленіе доведено до такой степени, что власть уничтожена совершенно. Мѣстная аристократія замѣнена бюрократіею; чиновниковъ стараются перемѣнять ежегодно и никогда не оставляютъ ихъ на мѣстѣ родины, такъ что они оказываются повсюду безъ кредита, безъ корней, безъ будущности. Къ этому присоединяется еще новое зло: бо́льшая часть ихъ, можно сказать, почти все люди безнравственные и безъ образованія. Создавая систему, не позаботились о людяхъ, необходимыхъ для ея исполненія; всѣ были въ такомъ восторгѣ отъ централизаціи, что воображали, будто необходимо для полнаго успѣха ея дѣлать всѣ назначенія въ Константинополѣ. Это значило поставить всѣ мѣста въ зависимость отъ гарема, или отъ милости какого-нибудь вліятельнаго паши, или отъ его креатуръ. Вотъ почему, можно сказать, почти всѣ мѣста продаются, и чиновники держатся на нихъ, уплачивая по начальству значительную сумму. Въ послѣднемъ результатѣ, централизація, которая составляетъ тягость для самыхъ образованныхъ государствъ, въ Турецкой имперіи служитъ причиной безчисленныхъ золъ. Лишь въ одномъ успѣла она до сихъ поръ какъ нельзя лучше: она усовершенствовала подкупы и продажность. На Западѣ противъ недостойнаго выбора лицъ, которымъ воспользовалась бы централизація, существуетъ множество препятствій. Такъ напримѣръ необходимо имѣть университетскую степень для занятія административныхъ мѣстъ, или получать эти мѣста не иначе какъ по конкурсу; сюда же относятся законы о повышеніи въ должностяхъ и въ особенности существованіе средняго класса, многочисленнаго, богатаго и образованнаго, при которомъ правительство, изъ опасенія упасть слишкомъ низко, принуждено выбирать людей, стоящихъ не ниже общаго уровня по своимъ знаніямъ, образованію и нравственности. На Вос-

стокѣ не существуетъ ничего подобнаго; и еслибы тамъ появился новый Калигула, то я, право, не знаю, что̀ помѣшало бы ему сдѣлать свою лошадь консуломъ или *муширомъ* какой-нибудь провинціи. Но это безпорядочное всемогущество власти сто̀итъ очень дорого, и, такъ какъ крайности сходятся, — истина, имѣющая силу равно на востокѣ какъ и на западѣ,—оно покупается цѣною уваженія къ самой власти и ея дѣйствительности. Власть желала имѣть служителей, которые не могли бы противиться ей ни въ какомъ случаѣ, и она получила такихъ, которые ничему не могутъ противиться. Чиновники, удивленные своимъ собственнымъ положеніемъ, понимаютъ ничтожество, изъ котораго они вышли, и въ которое они могутъ легко обратиться снова при первой перемѣнѣ вѣтра въ Константинополѣ. Они думаютъ только о томъ, какъ бы оградить себя отъ слишкомъ вѣроятныхъ случайностей въ будущемъ и обогатиться насчетъ управляемыхъ, которые имъ незнакомы, или насчетъ правительства, которое завтра изгонитъ ихъ изъ своей среды. Къ несчастію, очень многіе изъ нихъ получили мѣста такими путями, которыхъ они сами стыдятся, и несмотря на свою мусульманскую гордость, сознаютъ свое униженіе. Они смѣлы только на интриги, во всемъ остальномъ они робки, и при разложеніи государства, выказываютъ позорную слабость преимущественно въ отношеніи къ иностранцамъ и къ христіанскимъ подданнымъ имперіи, въ которыхъ, какъ имъ извѣстно, Европа принимаетъ живое участіе. Правительство такимъ образомъ парализовано на всѣхъ степеняхъ административной іерархіи, начиная отъ послѣдняго *каваса* и восходя до самого султана.»

Понятно, что такая, хотя и сложная административная машина не была страшна, и что безпорядки были безчисленны. Безопасности личной не существовало вовсе, такъ что офиціяльный караванъ, ежегодно отправляюшійся въ Мекку, долженъ былъ по дорогѣ платить подать, чтобъ избѣжать разграбленія. Христіяне, опираясь на покровительство своихъ консуловъ, а отчасти на свое богатство, ставили ни во что жалкихъ турецкихъ чиновниковъ, и если вѣрить разказамъ корреспондентовъ, открыто презирали «высокія власти»; католическій епископъ Тобія съ каѳедры церковной проповѣдывалъ изгнаніе Турокъ, а одного изъ мѣстныхъ купцовъ, г. Фрейи во время смутъ Друзы хотѣли убить, какъ самаго злаго врага своего. При поголовной подкупности чиновниковъ, весьма естественно, что на людей богатыхъ падала ненависть, потому что въ нихъ могли видѣть дѣйствительныхъ властелиновъ. Пріѣздъ Фуадъ-паши, слѣдствіе и судъ, произведенные имъ, не въ состояніи исправить зла; необходима радикальная реформа. Между тѣмъ Фуадъ-паша, воспользовавшись

случаемъ, опираясь на войско, присланное Европой въ интересахъ человѣколюбія, сдѣлалъ еще новый шагъ на пути централизаціи турецкой. Онъ совершенно инкорпорировалъ друзскій каймаканатъ, раздѣливши его на четыре округа и назначилъ въ нихъ начальниковъ или *муширов*. Фуадъ-паша, по словамъ корреспондента *La Presse*, имѣетъ въ виду сдѣлаться намѣстникомъ Сиріи, принявши въ свое управленіе два округа; другіе два, то-есть, каймаканатъ христіянскій, онъ хочетъ передать Юссефъ-Карамъ-бею, молодому Мароениту, который пользуется большимъ вліяніемъ и уваженіемъ.

Можетъ-быть, эти смѣлые замыслы Фуадъ-паши были причиною того, что онъ показалъ большую дѣятельность при открытіи виновныхъ; ему необходимо было не только пріобрѣсти довѣріе сирійскихъ христіянъ, но и доказать Европѣ, что онъ сумѣетъ сохранить спокойствіе въ Сиріи на будущее время. Казни слѣдовали одна за другою. Всего до 21 сентября было повѣшено 70 человѣкъ, разстрѣляно 115, приговорено къ пожизненной каторжной работѣ 147, къ временной 186, и осуждено на изгнаніе 248 человѣкъ. Эти цифры сами по себѣ довольно значительны, но трудно поручиться, чтобы приговоръ надъ всѣми лицами былъ вполнѣ справедливъ. При всеобщемъ смятеніи трудно было различить виновныхъ отъ невинныхъ; теперь должники дѣлаютъ показанія противъ своихъ кредиторовъ, чтобъ избавиться отъ уплаты долговъ, съ другой стороны дѣйствительныя улики опровергаются свидѣтелями. Такъ напримѣръ, по словамъ корреспондента *Times*, русскій консулъ, г. Макѣевъ, началъ обвиненіе противъ одного мусульманина и представилъ очень сильныя улики; но тотъ, къ удивленію даже самихъ турецкихъ властей, представилъ свидѣтельство двухъ христіянъ, которые утверждали, что онъ спасъ многихъ изъ нихъ. Какъ видно, сирійскихъ христіянъ также легко купить, какъ и турецкихъ чиновниковъ. Европейскіе консулы такъ мало довѣряютъ Фуадъ-пашѣ, что посылали своихъ шпіоновъ удостовѣриться, дѣйствительно ли казненъ Ахмедъ-ага, или вмѣсто него поставили кого-нибудь другаго. При слѣдствіи присутствуютъ также консулы и бываютъ свидѣтелями того, какъ часто показанія подсудимыхъ извращаются въ протоколѣ. Всѣ виновные въ недѣятельности власти отговариваются страхомъ; они приводятъ предшествовавшіе примѣры, изъ которыхъ видно, что всѣ, кто вмѣшивался въ религіозную вражду, поплатились за это очень дорого. Впрочемъ, этотъ турецкій судъ можетъ внушить страхъ, который теперь необходимъ. Но безъ помощи Французовъ, и этого не могло бы достигнуть турецкое правительство: у него тамъ не болѣе 7.000 войска, такъ что французскій шеститысячный корпусъ, прибывшій 15 сентября подъ начальствомъ генерала Бофора,

былъ необходимъ. Изъ тридцати пяти друзскихъ шейховъ только четырнадцать явились на призывъ суда, остальные укрылись въ Гауранъ, куда послѣдовали за ними Французы. Спокойствіе далеко еще не можетъ считаться возстановленнымъ: уже 31 октября, едва только Фуадъ-паша выѣхалъ изъ Дамаска, какъ въ этомъ городѣ снова началась рѣзня. Сирія до сихъ поръ представляетъ самое грустное зрѣлище. Въ Дамаскѣ магазины всѣ заперты, кофейни превращены въ казармы. Христіянскій кварталъ остается въ развалинахъ; греческая церковь и при ней находившіяся русскія школы уничтожены; церковная утварь и все серебро похищено. Г. Бужадъ пишетъ, что въ Деиръ-эль-Камарѣ до сихъ поръ остаются непогребенными двѣ тысячи христіянскихъ труповъ; французскіе солдаты, по его словамъ, не могли удержаться отъ слезъ при этой картинѣ. Въ городахъ бродятъ толпы нищихъ-христіянъ, и помощь, оказываемая имъ, далеко недостаточна. Фуадъ-паша, выгнавши мусульманъ изъ ихъ жилищъ, далъ пріютъ шести тысячамъ христіянъ; англо-американскій фондъ содержитъ до 30.000 христіянъ; изъ Франціи прислано 730 тысячъ рублей и проч. Но всѣ эти суммы едва только спасаютъ отъ голодной смерти, и не удовлетворяютъ самымъ первымъ потребностямъ. Въ довершеніе всего Фуадъ-паша потребовалъ въ Алеппѣ съ христіянъ около 50.000 руб. сер. за освобожденіе ихъ отъ военной службы.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что турецкое правительство не въ состояніи вознаградить и десятой доли убытковъ, понесенныхъ христіянами. Финансы имперіи въ такомъ дурномъ состояніи, что армія не получала жалованья за три мѣсяца. Много говорили о займѣ, который будто бы реализируется г. Ротшильдомъ, во сто милліоновъ рублей; но до сихъ поръ ничего опредѣленнаго объ этомъ займѣ неизвѣстно. У константинопольскихъ банкировъ сдѣланъ заемъ въ 45 милліоновъ піастровъ (3.000.000 р. сер.) на самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Каиме или ассигнаціи упали значительно въ цѣнѣ; онѣ возвысились было на 12% вслѣдствіе слуховъ о займѣ, но потомъ снова упали. Вообще всякій разъ, когда заключается новый заемъ въ Турціи, дается обѣщаніе, что онъ имѣетъ цѣлію выкупъ каиме; но потомъ, неизвѣстно какимъ образомъ, деньги идутъ на другіе предметы, преимущественно на содержаніе двора, что очень легко, при отсутствіи опредѣленнаго бюджета на дворъ; покупаются драгоцѣнныя вещи, которыя потомъ исчезаютъ неизвѣстно куда. Такъ недавно въ сералѣ исчезъ золотой столъ съ инкрустаціями изъ драгоцѣнныхъ камней. Англичане особенно негодуютъ на такую безплодную трату денегъ, тѣмъ болѣе, что одинъ изъ ихъ согражданъ, г. Фальконеттъ, состоитъ членомъ коммиссіи уничтоженія каиме, и всѣ его

усилія въ этомъ дѣлѣ до сихъ поръ оставались напрасными; новыя каиме выпускаются въ обращеніе безъ вѣдома публики, которая узнаетъ о новомъ выпускѣ только по упадку ихъ цѣны. Одно лишь предпріятіе, дѣйствительно полезное, приведено теперь къ окончанію, но и то Англичанами и на англійскія деньги: мы разумѣемъ желѣзную дорогу отъ Черноводы до Кюстенджи, открытую съ 1-го ноября. Эта дорога соединяетъ Дунай съ Чернымъ моремъ, такъ что путь сокращается на 500 верстъ и товары не должны проходить черезъ Сулинское гирло, которое, несмотря на всѣ усилія, все болѣе и болѣе заносится пескомъ.

Неизвѣстно, какой результатъ будетъ имѣть новое предложеніе главныхъ европейскихъ дворовъ относительно финансовыхъ и административныхъ реформъ въ Турціи. Европейскіе дворы согласились наконецъ предложить планъ такихъ реформъ и настаивать на его исполненіи. Турецкому правительству переданъ былъ этотъ планъ черезъ англійскаго посланника сэръ-Генри Литтона Бульвера, и оно отвѣчало готовностію исполнить желаніе Европы; но эта готовность высказывается не въ первый разъ и до сихъ поръ не вела ни къ чему; турецкіе министры сначала принимались за дѣла, но скоро потомъ все входило въ прежнюю колею...

Что касается собственно до Сиріи, то дипломатія не высказалась еще о будущности этой страны. Повидимому, Франція желаетъ продлить пребываніе въ ней своихъ войскъ; англійскій флотъ сосредоточенъ въ Корфу, чтобы быть готовымъ на всякій случай; долина Евфрата такой важный пунктъ для Англичанъ, что они не могутъ остаться равнодушными къ ея занятію. Вопросъ долженъ разрѣшиться скоро, потому что приближается послѣдній срокъ пребыванія французскихъ войскъ, означенный въ конвенціи.

Но въ европейскомъ обществѣ и въ его органахъ высказано было нѣсколько предположеній о томъ, какъ устроить Сирію. Въ *Times* предлагаютъ образовать изъ нея отдѣльное государство и отдать власть Абдель-Кадеру или кому-либо изъ членовъ царствующихъ теперь домовъ. Лордъ Стратфордъ-Редклифъ полагаетъ достаточнымъ учредить общеевропейскую коммиссію, которая наблюдала бы за турецкими дѣлами и управляла ими. Наконецъ *Morning Post* совѣтуетъ дать автономію Друзамъ и Маронитамъ и предоставить смѣшанному суду, избранному отъ той и отъ другой стороны, замиреніе Ливана и приговоръ надъ виновными въ послѣдней рѣзнѣ.

Изо всѣхъ этихъ плановъ, самостоятельность Сиріи едва ли не лучше всего разрѣшаетъ вопросъ. Самоуправленіе Друзовъ и

Маронитовъ само по себѣ весьма полезно, но необходимо дать его и другимъ племенамъ, населяющимъ Сирію; притомъ оно не противорѣчитъ существованію независимаго государства, которое могло бы пожалуй служить нейтральнымъ барьеромъ для огражденія англійской Индіи. Но это новое государство необходимо избавить отъ всякаго вассальнаго отношенія къ Турціи, иначе его владѣтель будетъ постоянно подъ грозою константинопольскихъ интригъ.

УСТАНОВЛЕНІЕ НОВАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ВЪ НЕАПОЛѢ.

Седьмое ноября было днемъ окончательнаго присоединенія бывшаго королевства Обѣихъ Сицилій къ Италіи. «Послѣдній король сардинскій», какъ называютъ его теперь Англичане, имѣлъ торжественный въѣздъ въ Неаполь. Гарибальди съ своимъ министерствомъ представилъ королю въ тронной залѣ плебисцитъ, и г. Конфорти произнесъ слѣдующую рѣчь: «Государь, народъ неаполитанскій провозгласилъ васъ своимъ королемъ. Девять милліоновъ Италіянцевъ присоединяются къ остальнымъ провинціямъ, которыми вы мудро управляете; они оправдываютъ ваше торжественное обѣщаніе, что Италія должна принадлежать Италіянцамъ.» Въ тотъ же день министерство диктатора подало въ отставку, и новое правительство, съ г. Фарини во главѣ, начало свою дѣятельность.

Итакъ, правленіе Гарибальди и его призваніе въ настоящую минуту окончилось; диктаторъ удалился на время съ политическаго поприща; по его выраженію, «достигнута цѣль, которую имѣла національная война», и потому власть передается въ руки «того короля, которому, по волѣ Промысла, выпало счастіе образовать одну семью изъ отдѣльныхъ провинцій италіянскаго отечества.» Гарибальди извѣстилъ объ этомъ сентджемскій и тюльерійскій дворы чрезъ своихъ повѣренныхъ въ дѣлахъ, подписалъ послѣдніе декреты о передачѣ своей власти, и отправился на свой островокъ Капреру. Этотъ островокъ находится недалеко отъ Эльбы, куда, пятьдесятъ лѣтъ назадъ, одинъ изъ великихъ политическихъ дѣятелей нынѣшняго столѣтія удалился съ своими неисполненными замыслами, и откуда онъ вышелъ на послѣднюю борьбу.

Гарибальди оставилъ политическую дѣятельность, также не вполнѣ совершивши дѣло, которому отдалъ всего себя. Ему не суждено было провозгласить единство Италіи съ высоты Квиринала; Римъ и Венеція политически все еще остаются внѣ Италіи, дѣло еще не кончено, но въ настоящую минуту оно не могло идти далѣе, и Гарибальди передалъ его въ другія руки, въ которыя съ полною увѣренностію можно передать не только единство, но и свободу Италіянцевъ. Въ дѣлѣ государственнаго строенія необходимо не только разрушать, но и созидать; и Піемонтъ, на опытѣ доказавшій свою творческую силу, лучше всего можетъ утвердить прочное зданіе Италіи, положивши ему въ основаніе тѣже великія политическія начала, которыя оказали уже свое благотворное вліяніе въ одной части полуострова. Теперь уже разрушено достаточно, и есть мѣсто, гдѣ строить. Будущій годъ начнется для полуострова открытіемъ италіянскаго парламента; къ 1-му января приготовляется въ Туринѣ новая зала, способная помѣстить всѣхъ депутатовъ отъ вновь-присоединенныхъ провинцій. Общеиталіянскій парламентъ утвердитъ Италію, и послужитъ для нея самою прочною формой признанія.

Южная Италія съ почетомъ проводила того, кто былъ представителемъ силы разрушающей, и съ восторгомъ привѣтствовала тѣхъ, кто пришелъ для созиданія, и кого она призвала единогласно. Личность Гарибальди осталась чистою отъ всякаго упрека въ эгоизмѣ или въ мелкихъ страстяхъ; ему выпало на долю стать во главѣ революціи, но онъ не видѣлъ конечной цѣли въ революціи, и какъ скоро въ состояніи былъ отказаться отъ нея, онъ отказался. Онъ съ такимъ самоотверженіемъ служилъ своему дѣлу, что король Викторъ-Эммануилъ не рѣшился предложить ему никакой награды; пришлось награждать помощниковъ главнаго вождя народнаго движенія, обходя наградами его самого. Король, вся Италія—и не одна Италія—почтили Гарибальди выраженіемъ своего сочувствія и удивленія къ его личнымъ качествамъ, и приняли на себя обязанность доказать, что его дѣло не было безцѣльнымъ потрясеніемъ порядка; на нихъ лежитъ теперь отвѣтственность въ оправданіи Гарибальди.

Эту мысль высказалъ король Викторъ-Эммануилъ въ своей прокламаціи къ народу. «Всеобщая подача голосовъ, сказано здѣсь, вручаетъ мнѣ верховную власть надъ провинціями Неаполя и Сициліи. Я принимаю это постановленіе народной воли не изъ честолюбія, но по сознанію, что я Италіянецъ. Мои обязанности и обязанности всѣхъ Италіянцевъ увеличиваются. Болѣе чѣмъ когда-либо необходимы полное согласіе и постоянное самоотверженіе. Всѣ партіи обязаны съ преданностію прекло-

ниться передъ величіемъ Италіи, которой помогаетъ Господь. Здѣсь мы должны установить правительство, которое обезпечиваетъ свободную жизнь народамъ и строгую прямоту общественному мнѣнію. Я полагаюсь на энергическое содѣйствіе всѣхъ честныхъ людей. Повсюду, гдѣ законъ ограничиваетъ произволъ власти и обезпечиваетъ свободу, правительство можетъ сдѣлать многое для общаго блага, а народъ для своего усовершенствованія. Мы обязаны доказать Европѣ, что если неотразимою силой событій уничтожены трактаты, поддерживавшіе вѣковое несчастіе Италіи, то мы умѣемъ возстановить въ соединенномъ народѣ господство тѣхъ непреложныхъ началъ, безъ которыхъ всякое общество находится въ болѣзненномъ состояніи и всякая власть непрочна.»

Это цѣлая программа, съ которою король обращается не къ одной Италіи, но и ко всей Европѣ. Умиротвореніе полуострова и его разумная политическая жизнь становятся теперь болѣе чѣмъ когда-либо возможны, и потому всѣхъ занимаетъ вопросъ: прочно ли утвердилась конституціонная власть Виктора-Эммануила въ южной Италіи, съ какими элементами предстоитъ ей бороться, и на сколько вѣроятна ея побѣда?

На первый разъ, хотя положеніе дѣлъ не обрисовалось еще въ рѣзкихъ чертахъ, однако новой власти уже приходится считаться съ тѣми лицами, отъ которыхъ она получила наслѣдство. Положеніе короля въ этомъ случаѣ чрезвычайно трудно: онъ обязанъ многимъ Гарибальди и его сподвижникамъ, а между тѣмъ не можетъ признать всѣхъ дѣйствій прежняго диктатора; приходится дѣлать безпрестанно уступки и не отступать отъ своихъ началъ, отклонять отъ себя порицаніе въ неблагодарности и не обязываться слишкомъ много на будущее время.

Въ какихъ отношеніяхъ къ королю находился Гарибальди въ послѣднее время—рѣшить трудно. Самъ король до послѣдней минуты разставанья называлъ его *золотымъ человѣкомъ*, бывшій диктаторъ постоянно выражалъ самое глубокое уваженіе къ особѣ Виктора-Эммануила; но онъ, какъ кажется, подчинялся совѣтамъ и внушеніямъ своихъ друзей и словно не былъ убѣжденъ въ томъ, что передаетъ осуществленіе своей задушевной идеи объ единствѣ Италіи въ надежныя руки. Въ немъ какъ будто снова возникло подозрѣніе въ томъ, что сардинское правительство черезчуръ умѣренно и робко. Съ другой стороны, Гарибальди не могъ примириться съ тѣми рѣшительными мѣрами, какія приняло новое правительство для водворенія общественнаго порядка, и былъ недоволенъ тѣмъ, что это правительство не признало положенія дѣлъ, которое онъ ему передалъ. Піемонтцы явились повсюду на первомъ планѣ, они заняли фортъ Сантъ-Эльмо, который Гарибальди

велѣлъ срыть, піемонтскіе генералы и солдаты вытѣсняли повсюду его вѣрныхъ друзей *cacciatori*, вездѣ чувствовалась рука графа Кавура. Разказываютъ, что неудовольствіе Гарибальди высказалось еще при взятіи Капуи; онъ не участвовалъ въ дѣлѣ, которое приготовлено было имъ, потому что ему доставалась второстепенная роль и приходилось стать подъ начальство піемонтскаго генерала Делла-Рока; вмѣсто себя Гарибальди послалъ генерала Медичи. Затѣмъ онъ былъ оскорбленъ пренебреженіемъ, которое оказано было его другу, г-ну Мордини: въ день въѣзда короля, о немъ никто не заботился, въ послѣдствіи сицилійскій продиктаторъ не получилъ никакой награды, тогда какъ неаполитанскому продиктатору данъ орденъ Аннунціаты. Это послужило поводомъ къ раздору между Гарибальди и маркизомъ Паллавичино. Маркизъ пріѣхалъ къ нему съ новымъ знакомъ отличія, и диктаторъ съ горечью сталъ говорить ему объ обидѣ, нанесенной его другу, г. Мордини; г. Паллавичино снялъ съ себя орденъ и уѣхалъ огорченный до такой степени, что въ тотъ день не могъ явиться къ королю. Ссора эта была непродолжительна: на другой день, 9-го ноября, генералъ Тюрръ объявилъ въ газетахъ, что бывшій диктаторъ помирился съ бывшимъ продиктаторомъ. Тѣмъ не менѣе, Гарибальди считалъ себя обиженнымъ, и съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на то, что власть перешла къ людямъ, ему несочувственнымъ, а его вѣрные сподвижники ждали, какъ милости, рѣшенія своей судьбы. Король не зналъ, что̀ дѣлать съ гарибальдійцами, между которыми было множество генераловъ и болѣе пятисотъ полковниковъ. Онъ утвердилъ въ званіи генераловъ только гг. Биксіо, Медичи, Козенца и Маленкини, а положеніе прочихъ предоставилъ опредѣлить особой коммиссіи изъ піемонтскихъ и гарибальдійскихъ генераловъ; волонтерамъ далъ отпускъ на шесть мѣсяцевъ, съ сохраненіемъ жалованья, а самъ Гарибальди названъ *Generale dell' Armata* (генéралъ ополченія). Можетъ-быть, король разчитываетъ, что это званіе будетъ скоро не однимъ почетнымъ титуломъ, но потребуетъ дѣйствительной службы. Декретомъ 16 ноября опредѣлено, что гарибальдійцы составятъ особую армію, съ обязанностію служить въ теченіи двухъ лѣтъ; въ правахъ и обязанностяхъ волонтеры, какъ офицеры, такъ и солдаты, уравнены съ регулярною арміей. Многіе изъ нихъ получили уже знаки военнаго ордена савойскаго.

Эти колебанія не могли удовлетворить бывшаго диктатора. Онъ нѣсколько разъ бывалъ у короля, долго разговаривалъ съ нимъ, и выходилъ отъ него не совсѣмъ довольный. Гарибальди хотѣлъ бы дѣйствовать помимо всѣхъ государственныхъ соображеній, только на правѣ завоевателя. Такъ онъ конфисковалъ частное иму-

щество короля Франциска II, шесть милліоновъ дукатовъ, въ пользу пострадавшихъ 15-го мая 1848 года. Пострадавшихъ явилось множество, но декретъ былъ встрѣченъ неодобреніемъ даже со стороны лучшихъ изъ Неаполитанцевъ, которые находили безнравственнымъ и оскорбительнымъ награждать деньгами за пожертвованія отечеству. И эти самыя лица, протестовавшія противъ распоряженій Гарибальди, заняли теперь высшія государственныя мѣста, вмѣстѣ съ г. Фарини. Все это не нравилось бывшему диктатору, такъ что онъ какъ бы жалѣлъ о переданной власти и просилъ у короля о возвращеніи ему диктатуры. Извѣстіе объ этомъ, какъ оно ни странно, повторено было корреспондентами всѣхъ иностранныхъ газетъ и подтверждено въ *Opinione;* оно показываетъ всю силу негодованія Гарибальди. Не было возможности уговорить его остаться на службѣ короля; онъ уѣхалъ на Капреру, и оттуда будетъ служить грознымъ упрекомъ графу Кавуру, если италіянское правительство забудетъ объ единствѣ Италіи или замедлитъ его осуществленіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Гарибальди можетъ служить самымъ опаснымъ центромъ оппозиціи; его имя само по себѣ есть такое знамя, около котораго соберутся тотчасъ же тысячи недовольныхъ.

Въ послѣдніе дни передъ своимъ отъѣздомъ, Гарибальди еще разъ заявилъ свои желанія не только королю, но всей Италіи и Австріи. Онъ подарилъ своему другу, венгерскому генералу Тюрру, двѣ батареи нарѣзныхъ пушекъ и десять тысячъ ружей, а также отъ имени всѣхъ Италіянцевъ обѣщалъ Венгріи помощь на случай ея возстанія. Въ другой разъ Гарибальди произнесъ сильную рѣчь противъ папы, называя его злымъ геніемъ Италіи, противникомъ ея величія и силы; наконецъ, въ прощальной прокламаціи къ войску, 8-го ноября, слѣдовательно уже послѣ въѣзда короля въ Неаполь, бывшій диктаторъ не удержался отъ намека на *доктринеровъ*, и убѣждалъ Италіянцевъ полагаться не на нихъ, а на собственныя силы. «Еще разъ, писалъ Гарибальди,— я повторяю вамъ мой кличъ: къ оружію всѣ, всѣ! Если въ мартѣ 1861 года не будетъ милліона вооруженныхъ Италіянцевъ, то горе свободѣ, горе существованію Италіи! О нѣтъ! прочь отъ меня эта мысль, отъ которой я отвращаюсь, какъ отъ яда. Въ мартѣ 1861 года, или если нужно въ февралѣ, мы будемъ всѣ на нашихъ постахъ.»

Таково послѣднее политическое завѣщаніе Гарибальди, которое онъ исполнитъ самъ, если правительство Виктора-Эммануила не позаботится объ его исполненіи. Это ультиматумъ народнаго вождя, отъ котораго онъ не отступится ни на шагъ, или объявитъ правительству непримиримую войну. Милліонъ вооруженныхъ Италіянцевъ — это мечта Гарибальди, которая едва ли осуще-

ствится, но которая можетъ быть замѣнена сильнымъ дисциплинированнымъ войскомъ. Если планы короля Виктора-Эммануила будутъ выполнены въ теченіи нынѣшней зимы, то къ веснѣ Италія выставитъ огромную военную силу для борьбы за Венецію и за Римъ. Предполагается устроить 177 полковъ арміи и 54 батальйона стрѣлковъ. Это весьма значительное войско, если вспомнимъ, что во Франціи, первой военной державѣ Европы, считается вмѣстѣ съ гвардіею 208 полковъ и 21 батальйонъ стрѣлковъ. Сверхъ того въ Анконѣ, Специи и Генуѣ снаряжается флотъ, экипажи котораго быстро увеличиваются волонтерами; Венеціянцы, по приглашенію своего національнаго комитета, спѣшатъ подъ трехцвѣтное знамя и покидаютъ купеческіе и военные корабли Австріи, которой микроскопическій флотъ состоитъ почти исключительно изъ италіянскихъ матросовъ.

Итакъ, судя по началу, Гарибальди можетъ остаться доволенъ, и очень вѣроятно, что къ веснѣ можетъ разыграться война съ Австріею, если эта держава не уступитъ добровольно Венеціи. Новый главнокомандующій австрійскій, г. Бенедекъ, въ своей прокламаціи указываетъ прямо на возможность столкновенія. На этотъ случай Австрія собрала около 150.000 войска собственно въ Венеціи и до 250.000 между Тріестомъ и Лайбахомъ. Борьба должна быть кровавая, и на нее рѣшится Піемонтъ только съ вѣрнымъ разчетомъ на успѣхъ. Силы противниковъ будутъ почти равныя, съ тою разницей, что у Австріи нѣтъ флота, денегъ, и противъ нея народонаселеніе страны, которая должна сдѣлаться театромъ войны. Правительство Виктора-Эммануила держитъ въ своихъ рукахъ рѣшеніе этого вопроса: Австрія положительно не станетъ нападать на Ломбардію, а графъ Кавуръ, несмотря на возможную оппозицію Гарибальди и его сторонниковъ, сумѣетъ отдалить развязку дѣла. «Если правительство, справедливо замѣчаютъ въ *Journal des Débats*, пойдетъ впередъ, то парламентъ единогласно будетъ въ его пользу; если же оно остановится, то за него будетъ большинство.»

Но прежде чѣмъ думать о новой войнѣ, необходимо выждать окончанія той, которая уже начата. Гаэта и Мессина до сихъ поръ еще находятся въ рукахъ приверженцевъ Франциска II, который, повидимому, рѣшился защищаться до послѣдней возможности и ждать какого-либо благопріятнаго для себя оборота дѣлъ. Въ Гаэтѣ остались только самыя преданныя королю войска, въ количествѣ не болѣе десяти тысячъ; остальныя, около 30.000, укрылись въ Террачинѣ, гдѣ отдали свое оружіе Французамъ. Хотя Террачина и не принадлежитъ къ «достоянію Св. Петра», однакожь генералъ Гойонъ занялъ этотъ городъ и не дозволилъ Піемонтцамъ преслѣдовать армію Франциска II; эта

армія находится теперь въ Папской Области, на томъ же основаніи, на какомъ армія герцога моденскаго находится въ Венеціянской Области. Впрочемъ, положеніе дѣлъ въ Гаэтѣ безнадежное; генералы одинъ за другимъ подаютъ въ отставку; самъ король совѣтовалъ иностраннымъ посланникамъ выѣхать изъ крѣпости, и, слѣдуя этому совѣту, они уже прибыли въ Римъ, равно какъ и супруга покойнаго короля Фердинанда II. По всему вѣроятію, самъ король переѣдетъ также въ Римъ, а не въ Испанію, какъ думали прежде.

По этому случаю нельзя не вспомнить о протестѣ испанскаго правительства и о странномъ документѣ, который былъ имъ вызванъ. Испанскій протестъ былъ напечатанъ въ первый разъ въ *Allgemeine Zeitung* только на дняхъ; въ немъ правительство О'Доннеля защищаетъ династическіе интересы и становится охранителемъ правъ Бурбоновъ. На эти права объявилъ свои притязанія одинъ изъ претендентовъ испанской короны, донъ Хуанъ. Не имѣя дипломатическихъ агентовъ, онъ напечаталъ въ журналахъ декларацію, въ которой торжественно передалъ Неаполь королю Виктору-Эммануилу, въ качествѣ единственнаго законнаго представителя бурбонской династіи. Донъ Хуанъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы снова заявить свои права на испанскій престолъ, и, въ ожиданіи короны, предложилъ европейской биржѣ дать ему въ займы 75 милліоновъ франковъ. Разумѣется, банкиры не рѣшились довѣриться обѣщанному имъ не прочному обезпеченію, а король Викторъ-Эммануилъ не думалъ, что его власть нуждается въ признаніи со стороны донъ-Хуана.

Несмотря на протестъ Испаніи и на то, что въ Гаэтѣ и Мессинѣ царствуетъ еще король неаполитанскій, правительство Виктора-Эммануила утвердилось въ Неаполѣ. Подача голосовъ совершилась съ рѣдкимъ единодушіемъ. Въ Неаполѣ оказался милліонъ голосовъ въ пользу присоединенія, при 10.000 противъ него; въ Умбріи изъ 123.000 голосовъ было 98.000 за присоединеніе, въ Мархіяхъ 134.000 изъ 135.000. Даже въ тѣхъ округахъ Папской Области, гдѣ находятся французскія войска, жители подавали голосъ въ пользу присоединенія, какъ напримѣръ въ Витербо, Чивита-Кастеллана и въ Канино; объ этомъ каждый разъ составляется протоколъ, въ заглавіи котораго стоятъ слова: «Италія, Римъ и Викторъ-Эммануилъ.» Графъ Кавуръ доказалъ, что въ Южной Италіи умѣютъ вотировать такъ же согласно, какъ въ Савоіи и Ниццѣ; онъ можетъ теперь выставить то же самое основаніе единства Италіи, какое было выставлено императоромъ Французовъ въ пользу присоединенія Савоіи и Ниццы.

Къ сожалѣнію, всеобщая подача голосовъ не рѣшаетъ тѣхъ затрудненій, съ которыми приходится бороться новому правительству. Диктатура Гарибальди оставила замѣтные слѣды. Его министры не отличались особенными способностями; они не могли отдѣлаться отъ безчисленныхъ искателей мѣстъ, которые предъявляли свои права въ качествѣ жертвъ 1848 года. Разказываютъ, что министры не смѣли выѣзжать изъ своихъ домовъ; ихъ останавливали на улицѣ, осыпали просьбами, а иногда и побоями, такъ что приходилось спасаться бѣгствомъ. Государственная казна была истощена, и сверхъ того оказалось въ обращеніи чрезмѣрное количество бумажныхъ денегъ, о судьбѣ которыхъ временное правительство не заботилось: оно было увѣрено, что въ короткій срокъ его дѣятельности ассигнаціи не успѣютъ сильно упасть въ цѣнѣ. Эта масса неспособныхъ чиновниковъ, еще болѣе неспособныхъ претендентовъ на мѣста, наконецъ масса бумажныхъ денегъ досталась по наслѣдству правительству Виктора-Эммануила. Всѣ участвовавшіе въ національномъ движеніи считаютъ себя кредиторами, которыхъ трудно удовлетворить; къ этому присоединилось много обманутыхъ самолюбій, тревожное безпокойство, овладѣвающее страною въ періоды возбужденнаго состоянія, и особенная впечатлительность и подвижность южнаго народонаселенія. Масса народа желала единства Италіи, не сознавая вполнѣ, въ какой формѣ оно должно выразиться, и какихъ условій оно потребуетъ; на первомъ шагу это единство имѣло слѣдствіемъ появленіе Піемонтцевъ, холодныхъ, спокойныхъ, распоряжающихся всюду, завладѣвшихъ цитаделью, измѣняющихъ по своему администрацію страны, вводящихъ вездѣ порядокъ. Не удивительно, что весьма многимъ не понравилась отвѣтственность, что они пожалѣли о прежней распущенности, съ которою сжились, къ которой привыкли и приноровились. Агитаторы увидѣли, что насталъ конецъ ихъ дѣятельности, что скоро соберется парламентъ, законы котораго будутъ исполняться безпрекословно,—и рѣшились сдѣлать еще послѣднюю попытку. Враги новаго порядка, ретроградная партія и республиканцы, подали другъ другу руки. Въ Неаполѣ, въ Сициліи, особенно же въ Калабріи и Реджіо, начались безпорядки. Въ одномъ мѣстѣ стали требовать возвращенія Гарибальди, въ другомъ агитація происходила въ пользу Франциска II. На просторѣ распускаются разные неблагопріятные слухи, кричатъ о неблагодарности къ Гарибальди, даютъ обѣщанія отъ имени Фрациска II, и толпа легко увлекается всѣмъ этимъ. *Abasso Farini! abasso Vittorio Emmanuele! Vogliamo nostro generale!* Эти клики раздавались почти ежедневно, такъ что правительство вы-

нуждено было объявить нѣкоторыя провинціи въ осадномъ положеніи. Народъ такъ мало понимаетъ настоящее положеніе дѣлъ, что одинъ разъ собрался около священника и сталъ кричать вслѣдъ за нимъ: «Да здравствуетъ Викторъ-Эммануилъ, который издалъ декретъ, возвращающій тронъ Франциску II!»

Впрочемъ всѣ подобные безпорядки, сколько можно судить по извѣстіямъ корреспондентовъ, не имѣютъ серіознаго характера; при появленіи піемонтскихъ войскъ, толпа расходится, и нѣтъ сомнѣнія, что мало-по-малу спокойствіе возстановится и самымъ влiятельнымъ агитаторамъ придется перенести борьбу на другое поприще, то-есть организовать парламентскую оппозицію. Только въ Сициліи народное волненіе имѣетъ болѣе угрожающій характеръ; королевскій намѣстникъ, г. Монтедземоло, не рѣшается ѣхать туда, не имѣя съ собою достаточнаго войска для водворенія порядка, и самъ король уже нѣсколько разъ отдалялъ срокъ своей поѣздки на островъ.

Невозможно судить объ успѣшномъ приложеніи новой организаціи Неаполя, которая существуетъ лишь нѣсколько дней. Она утверждена декретомъ 6-го ноября и состоитъ въ слѣдующемъ. Г. Фарини сдѣланъ намѣстникомъ южной Италіи; до собранія парламента ему предоставлено право принимать всѣ мѣры, необходимыя для соединенія Неаполя съ италіянскимъ королевствомъ; въ дѣлахъ, касающихся внѣшнихъ сношеній, войска и флота, вся власть принадлежитъ центральному правительству; намѣстникъ охраняетъ только международныя отношенія частныхъ лицъ. При намѣстникѣ учрежденъ совѣтъ изъ нѣсколькихъ лицъ; одни изъ нихъ управляютъ особою отраслью дѣлъ или министерствами (dicasteri), другія же суть министры безъ портфеля (incarico di dicastero). Членами совѣта назначены Неаполитанцы, бывшіе долго въ Піемонтѣ, а именно: г. Даффити въ дикастеро внутреннихъ дѣлъ, г. Сильвіо Спавента—полиціи, г. Пизанелли — юстиціи и духовныхъ дѣлъ, г. Шалойя — финансовъ, г. де Винченци — земледѣлія и торговли. Совѣтники безъ портфеля суть: гг. Манчини, Ферриньи и Караччіоло (маркизъ де-Белла).

Это устройство находится въ связи съ общею системою управленія, которая введена въ провинціяхъ, присоединившихся къ Піемонту въ 1859 году, и планъ которой принадлежитъ г-ну Ратацци. Бывшій президентъ совѣта министровъ учредилъ губернаторовъ съ политическимъ характеромъ въ городахъ, бывшихъ прежде столицами, такъ что кромѣ общей столицы, еще не избранной или не завоеванной, должны существовать посредствующіе главные города, гдѣ сосредоточивается мѣстное управленіе. Къ этой системѣ мы обратимся еще, когда она получитъ

окончательное утвержденіе; до сихъ поръ графъ Кавуръ былъ противникомъ ея, а новый министръ внутреннихъ дѣлъ въ Туринѣ, г. Мингетти, въ своихъ дѣйствіяхъ не высказался еще по этому вопросу.

ЗАМѢТКА.

Объясненіемъ нашимъ въ № 20 *Русскаго Вѣстника* (Современная Лѣтопись стр. 431), вызвано было въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* возраженіе г-жи Евгеніи Туръ, издательницы открывающейся съ будущаго года газеты, подъ названіемъ *Русская Рѣчь.* Наше объясненіе принято г-жою Евгеніею Туръ за «оскорбительное нападеніе», направленное противъ изданія, еще не появившагося въ свѣтъ.

Считаемъ не лишнимъ возстановить значеніе нашей замѣтки, въ надеждѣ, что почтенная издательница *Русской Рѣчи*, выслушавъ наши доводы, не откажется измѣнить свое о ней мнѣніе.

Наша замѣтка не была ни наступательнымъ, ни оборонительнымъ дѣйствіемъ.

Мы были далеки отъ всякой мысли нападать на изданіе, которое еще не родилось на свѣтъ. Читателямъ нашимъ извѣстно, какъ мало позволяемъ мы себѣ пускаться въ оцѣнку другихъ изданій, не только не явившихся въ свѣтъ, но и давно существующихъ на свѣтѣ. Мы всегда избѣгали говорить о редакціи какихъ бы то ни было журналовъ. О новыхъ изданіяхъ, существующихъ еще только на программѣ, мы либо вовсе не считаемъ себя въ правѣ высказываться, либо высказываемся съ сочувствіемъ. Были примѣры изданій, возникавшихъ, какъ полагали, изъ нѣкотораго антагонизма относительно *Русскаго Вѣстника*, но не было примѣра, чтобы мы чѣмъ-нибудь старались вредить имъ при ихъ рожденіи. Тѣмъ менѣе могли мы имѣть что-либо враждебное противъ изданія, предпринимаемаго г-жою Евгеніею Туръ. Литературная размолвка, происшедшая между ею и нами,—размолвка, отвѣтственность за которую мы все-таки не беремъ на себя,—не могла заставить насъ забыть о добрыхъ отношеніяхъ, существовавшихъ между ею и нашимъ журналомъ. Но такъ какъ голословныя заявленія не убѣдительны, то мы укажемъ на свидѣтельство факта. Нѣкоторыя изъ близкихъ намъ лицъ остаются и къ г-жѣ Евгеніи Туръ въ близкихъ отношеніяхъ, и изъявили готовность участвовать въ ея изданіи. Г-жа Евгенія Туръ сама свидѣтельствуетъ о добрыхъ отношеніяхъ своихъ къ М. Н. Капустину, и ей не могло быть неизвѣстно о связи, не со вчераш-

няго дня, но издавна соединяющей его съ редакціей *Русскаго Вѣстника.* Не служитъ ли это свидѣтельствомъ, что атмосфера *Русскаго Вѣстника* не содержитъ въ себѣ ничего враждебнаго г-жѣ Евгеніи Туръ и ея литературному предпріятію?

Наше объясненіе не было также и оборонительнымъ актомъ. Мы не стали бы защищаться даже и тогда, еслибы встрѣтили въ программѣ г-жи Евгеніи Туръ что-нибудь, еще сильнѣе и опредѣлительнѣе высказанное противъ нашего журнала. Мы предоставляемъ каждому имѣть о насъ и о нашемъ журналѣ какое угодно мнѣніе, и не считаемъ приличнымъ оспаривать то, что̀ о насъ высказывается. Г-жа Евгенія Туръ можетъ взять любую газету и любой журналъ, за исключеніемъ весьма немногихъ, умѣющихъ сохранять свое достоинство, и найдти всегда, какую-нибудь выходку противъ *Русскаго Вѣстника,* сдѣланную кстати или не кстати. Какъ ни скромно значеніе нашей дѣятельности, но по характеру своему она есть дѣятельность публичная, и потому должна подлежать всякаго рода оцѣнкамъ, толкамъ и приговорамъ. Не такъ давно, и кажется по поводу размолвки нашей съ г-жою Евгеніею Туръ, было высказано въ одномъ журналѣ мнѣніе, что *Русскій Вѣстникъ* заслуживалъ вниманія чуть ли нетогда только, когда онъ еще не появлялся или когда только что появился на свѣтъ, но что потомъ съ каждымъ годомъ онъ становился все хуже и хуже и съ каждымъ годомъ терялъ права на вниманіе публики. Мы не можемъ судить, заслуженнымъ ли успѣхомъ пользуется *Русскій Вѣстникъ,* но очевидно, что по мѣрѣ того, какъ возросталъ успѣхъ его въ публикѣ, уменьшались съ каждымъ годомъ благопріятные отзывы о немъ въ литературѣ, и умножались неблагопріятные. Успѣхъ обязываетъ, и мы безъ малѣйшаго неудовольствія встрѣчаемъ въ журналахъ неблагопріятныя сужденія о насъ, никогда не чувствуя никакой потребности защищаться.

Итакъ, объясненіе наше не было ни нападеніемъ, ни обороной; оно было объясненіемъ и болѣе ничѣмъ. Мы не имѣли въ виду ни г-жи Евгеніи Туръ, ни ея газеты, мы желали только устранить недоразумѣніе, которое бросало странную тѣнь на отношенія наши къ нѣкоторымъ лицамъ и ставило ихъ передъ публикой въ фальшивое положеніе.

Нужно ли напоминать читателямъ о полемикѣ, возникшей назадъ тому нѣсколько мѣсяцевъ между нами и г-жою Евгеніею Туръ? Полемика эта была намъ крайне непріятна, и г-жѣ Евгеніи Туръ хорошо извѣстно, какъ желали мы уклониться отъ публичнаго состязанія по поводу десяти невинныхъ строчекъ нашего примѣчанія къ ея статьѣ. Но дѣло было сдѣлано: напечатано было письмо г-жи Евгеніи Туръ къ редактору и нашъ отвѣтъ на это

письмо. Нашъ отвѣтъ потребовалъ въ свою очередь отвѣта, и вотъ, спустя нѣкоторое время, въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* появилась цѣлая поэма о нашихъ подвигахъ. Защитникъ г-жи Евгеніи Туръ, чтобы придать *дѣлу* величественные размѣры, явился съ тѣмъ вмѣстѣ ходатаемъ за притѣсненныя права сотрудниковъ. Онъ поднялъ вопросъ о цѣломъ сословіи сотрудниковъ, и взялся быть органомъ страданій, ропота и бѣдствій этого несчастнаго и до тѣхъ поръ неслыханнаго сословія. Картина, изображенная имъ, была ужасна. Искусный адвокатъ, чѣмъ сильнѣе хотѣлъ онъ возбудить общее негодованіе противъ редакціи, тѣмъ живѣе старался изобразить бѣдственное положеніе этого сословія. Въ этомъ положеніи онъ готовъ былъ видѣть нѣчто похожее на состояніе крѣпостное, или по крайней мѣрѣ обязательное. Онъ утверждалъ, что редакція смотритъ на сотрудниковъ, какъ на *фермеровъ*, а въ себѣ видитъ *ландлорда*. Когда ему замѣтили, что такая защита можетъ только оскорбить и унизить достоинство защищаемыхъ, что описанныя имъ деспотическія дѣйствія не возможны, и что ропотъ, котораго взялся онъ быть органомъ, неприличенъ свободному человѣку,—онъ въ новой статьѣ отперся отъ печатнаго и объявилъ, что ничего подобнаго не было имъ сказано; но тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ обвинять насъ въ нетерпимости, въ мелочности, и другихъ подобныхъ качествахъ, ссылаясь на цѣлую Россію и даже на Европу. Онъ свидѣтельствовалъ, что разговоры, которые велись въ кабинетѣ редактора *Русскаго Вѣстника*, отзывались во всѣхъ странахъ Европы, и что нетерпимость редакціи *Русскаго Вѣстника* служитъ предметомъ толковъ и жалобъ во всѣхъ городахъ обширной Руси, большихъ и малыхъ. Ничего страннѣе и забавнѣе не случалось намъ читать, а между тѣмъ эти поэмы печатались въ одномъ изъ распространенныхъ органовъ, какъ что-то серіозное, въ интересѣ гласности. Нельзя было безъ смѣха читать эти странныя писанія, но нельзя было также не скорбѣть о томъ презрѣніи, съ которымъ еще можно относиться у насъ къ публикѣ. Со временемъ, всѣ эти характеристическія мелочи получатъ своего рода интересъ, и будущій историкъ нашей литературы, конечно, не оставитъ ихъ безъ нѣкотораго вниманія.

Но вотъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и г-жа Евгенія Туръ объявляетъ о своемъ намѣреніи издавать газету. Появляется программа новаго изданія, и программа эта начинается именно тѣмъ самымъ мотивомъ, который употребленъ былъ въ дѣло адвокатомъ притѣсненныхъ сотрудниковъ. Программа начинается именно тѣмъ самымъ аккордомъ, которымъ заключилась прогремѣвшая противъ насъ филиппика. Вотъ то мѣсто въ программѣ *Русской Рѣчи*, которое подало поводъ къ нашему объясненію:

«Но и это направленіе, отличающееся по искреннему убѣжденію нашему столь благодѣтельнымъ характеромъ, не избѣгло многихъ печальныхъ крайностей. Желаніе прослѣдить его съ непреклонною строгостью не въ главныхъ только основаніяхъ, но въ малѣйшихъ подробностяхъ и мелочахъ, желаніе подвести все разнообразіе мнѣній подъ одинъ масштабъ и нетерпимость ко всякому мнѣнію, которое сколько-нибудь уклоняется отъ этого масштаба, — вотъ односторонность, противъ которой часто раздавались въ послѣднее время голоса въ нашей литературѣ. Что же было необходимымъ слѣдствіемъ подобнаго явленія? Крайнее раздробленіе силъ, печальное разъединеніе въ той сферѣ, которая только строгимъ согласіемъ и можетъ достигнуть торжества дорогихъ ей началъ. Крайность и исключительность одного направленія вызывали неминуемо крайность и исключительность другихъ, и можно положительно сказать, что если вмѣсто двухъ прежнихъ партій, о которыхъ мы говорили выше, существуетъ ихъ въ наше время несравненно больше, то едва ли разъединенность эта условливается состояніемъ нашего общества и литературы. Указанные сейчасъ недостатки опредѣляютъ тотъ путь, по которому мы сами рѣшились слѣдовать неизмѣнно. Изданіе наше будетъ служить, по мѣрѣ силъ, органомъ соглашенія для всѣхъ людей, желающихъ постепеннаго и правильнаго прогресса въ Россіи. Не допуская никакихъ рѣзкихъ крайностей, никакого доктринерства, проникнутое убѣжденіемъ въ необходимости всесторонняго, самостоятельнаго развитія общественныхъ интересовъ, въ излишествахъ чрезмѣрной централизаціи, наше изданіе никогда не измѣнитъ одному великому правилу: оно не забудетъ, что уваженіе къ постороннему мнѣнію, уваженіе къ праву каждаго изъ людей, стремящихся вмѣстѣ съ нами къ одной общей цѣли— мыслить независимо есть главное основаніе настоящей свободы сужденій. Всматриваясь пристально въ обстоятельства, среди которыхъ мы находимся, намъ кажется, что мысль о соединеніи литературныхъ силъ, способныхъ служить великому дѣлу постепеннаго и мирнаго прогресса русскаго общества, отвѣчаетъ, какъ нельзя лучше, современнымъ нашимъ потребностямъ. Такъ поняли ее многочисленные наши сотрудники, которые обнаружили лестную для насъ готовность содѣйствовать успѣху задуманнаго нами предпріятія.»

Не будь тутъ сказано, что нижеписанные сотрудники раздѣляютъ мысль, высказанную выше, мы не сочли бы нужнымъ писать объясненіе. Объяснять было бы нечего, и намъ не было бы никакой надобности разбирать намеки, высказанные въ простомъ объявленіи о новомъ изданіи. Но послѣднія слова возобновляли смѣлую гипотезу о гонимомъ сословіи сотрудниковъ. Смыслъ вышеприведеннаго мѣста таковъ, что самъ собою, безъ малѣйшихъ натяжекъ, даетъ поводъ къ толкованію, будто всѣ лица, помѣщенныя въ числѣ сотрудниковъ новаго изданія, свидѣтельствуютъ украдкой и коллективно объ испытанной ими нетерпимости, и ищутъ соединить свои разрозненныя силы на служеніе постепенному и мирному прогрессу русскаго общества подъ знаменемъ *Русской Рѣчи*. Протестація выражена не прямо, а намекомъ, но намекъ во всякомъ случаѣ хуже прямаго заявленія; тамъ, гдѣ нѣтъ никакого препятствія высказаться прямо, ясно и безъ двусмыслія, форма намека только усиливаетъ значеніе про-

тестаціи и бросаетъ тѣнь на протестующихъ. Мы считали нужнымъ довести дѣло до чистоты, и устранить всякое двусмысліе. Выписанное мѣсто не намъ однимъ показалось намекомъ. Кто читалъ его не вскользь, а съ нѣкоторымъ вниманіемъ, тотъ не могъ не принять его въ смыслѣ протестаціи. Надобно было или уничтожить этотъ смыслъ, или признать его открыто.

Г-жа Евгенія Туръ, въ своемъ отвѣтѣ на наше объясненіе, «прямо и положительно» объявила, что никакой протестаціи нѣтъ въ ея программѣ. Этимъ объявленіемъ намекъ уничтоженъ, устранено всякое двусмысліе и всякая возможность другаго толкованія. Наше объясненіе достигло своей цѣли, и все, что̀ могло казаться въ немъ оскорбительнымъ для почтенной издательницы *Русской Рѣчи*, уничтожается само собою съ уничтоженіемъ ложныхъ толкованій, къ которымъ подала поводъ эта программа. Какимъ образомъ, однако, могло произойдти такое рѣшительное разногласіе между ея намѣреніями и выраженіями ея программы, которыя могли быть поняты за намекъ и протестъ? Мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія сомнѣваться въ искренности словъ самой издательницы, и невольно думаемъ, что программа писана не ею самой; въ этомъ убѣждаетъ насъ еще и то обстоятельство, что эта программа не отличается тѣми достоинствами изложенія, къ которымъ пріучило своихъ читателей искусное и опытное перо г-жи Евгеніи Туръ. А потому очень можетъ быть, что вышеприведенное мѣсто обязано своимъ появленіемъ лишь случайному недосмотру издательницы. Во всякомъ случаѣ, это не имѣетъ никакого существеннаго значенія послѣ ея прямаго объясненія передъ публикой.

Намъ жаль однако, что наше объясненіе не только не принято г-жою Туръ въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно было написано, но что она даже не досмотрѣла нашихъ выраженій. Мы сказали, что извѣстныя намъ лица, упомянутыя въ ея программѣ, изъявили желаніе содѣйствовать ея изданію, но что они были удивлены, встрѣтивъ себя въ числѣ его *протестующихъ* сотрудниковъ. Г-жа Евгенія Туръ, приводя наши слова, не досмотрѣла слова: *протестующихъ*, пропустила это слово въ своей выпискѣ, и заставляетъ насъ, въ противность нашему собственному показанію, утверждать, будто означенныя лица упомянуты въ спискѣ ея сотрудниковъ безъ ихъ на то согласія.

Въ заключеніе повторимъ съ полною искренностію, что желаемъ полнаго успѣха изданію г-жи Евгеніи Туръ. За устраненіемъ неясности въ ея программѣ, подававшей поводъ къ странному недоразумѣнію, мы не чувствуемъ себя къ этому изданію ни въ какихъ иныхъ отношеніяхъ, кромѣ самыхъ доброжелательныхъ.

Коснувшись новыхъ изданій, открывающихся съ будущаго года, мы считаемъ своимъ долгомъ пожелать также полнаго успѣха газетѣ *Вѣкъ*, которую будутъ издавать въ Петербургѣ П. И. Вейнбергъ при постоянной редакціи В. П. Безобразова, К. Д. Кавелина и А. В. Дружинина, и при соучастіи весьма многихъ изъ нашихъ уважаемыхъ литераторовъ и публицистовъ. Цѣль этого предпріятія предлагать, въ изданіи доступномъ, по изложенію и по цѣнѣ, для многочисленнѣйшей массы читателей, свѣдѣнія о текущихъ событіяхъ, вопросахъ и явленіяхъ во всѣхъ областяхъ жизни и мысли.

Важно то, что за подобное изданіе взялись лица, пользующіяся самою заслуженною извѣстностію въ нашей литературѣ. Популярныя изданія могутъ достигать своей цѣли и оказывать добрыя дѣйствія именно лишь при условіи, если за такое дѣло съ полнымъ вниманіемъ принимаются люди, принадлежащіе къ первымъ рядамъ литературы.

Опечатки и поправки.

Въ № 18:

Совр. Лѣт. Статья М. Н. Лонгинова: «Алексѣй Степановичъ Хомяковъ»
стр. 152 стр. 1 снизу нап. *шестеро*, чит. *семеро*.

Въ № 19:

Политическое обозрѣніе и замѣтки. Статья: «Европейская дипломатія и неаполитанскія дѣла»
стр. 293 стр. 15 св. нап. *спегу*, чит. *силу*.

Въ № 20:

Въ стихотвореніи Н. Ѳ. Щербины: «Йово и Мара», слѣдующій стихъ:

Кто двухъ милыхъ въ любви разлучаетъ

слѣдуетъ читать не въ началѣ 929 страницы, а на 930 страницѣ послѣ стиха:

Проклинаютъ молодыхъ и старыхъ,

Въ этой книжкѣ, въ статьѣ: «Письма о крестьянахъ и земледѣліи во Франціи»,
стр. 99 стр. 20 ошибочно напечатано *Франциска* вмѣсто *Генриха*.

ВЪ КОНТОРѢ
ТИПОГРАФІИ КАТКОВА и К°

въ Армянскомъ переулкѣ,

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

СѢВЕРЪ и ЮГЪ. Романъ. Переводъ съ англійскаго. М. 1857. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА, или жизнь негровъ въ невольничьихъ штатахъ Сѣверной Америки. Романъ г-жи Бичеръ Стоу. Переводъ съ англійскаго. М. 1858. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

УЗКІЙ ПУТЬ. Романъ въ двухъ частяхъ, соч. Криницкаго. М. 1858. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

ВЪ СТОРОНѢ ОТЪ БОЛЬШАГО СВѢТА. Романъ Ю. Жадовской. М. 1857. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

ОСАДА ЛЕЙДЕНА въ 1573 и 1574 г. Эпизодъ изъ исторіи войнъ за независимость Нидерландовъ. Соч. П. Кудрявцева. М. 1855. Цѣна 50 к., съ пер. 75 к.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ по античному отдѣленію Эрмитажа. Соч. академика Стефани. М. 1856. Ц. 70 к., съ пер. 1 р.

ТРИ ОТКРЫТІЯ въ естественной исторіи пчелы. К. Ф. Рулье. М. 1857 г. Ц. 70 к., съ пер. 1 р.

РАЗБОРЪ КОМЕДІИ ГРАФА СОЛЛОГУБА «ЧИНОВНИКЪ». Н. Ф. Павлова. М. 1857. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

БІОГРАФЪ-ОРІЕНТАЛИСТЪ. Н. Ф. Павлова. М. 1857. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ Евгеніи Туръ. Выпускъ I. На Рубежѣ. Выпускъ II. Ошибка. Выпускъ III. Заколдованный кругъ и Двѣ сестры. Выпускъ IV. Старушка. Цѣна 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА. О трактатахъ. Издалъ проф. М. Капустинъ. М. 1859. Ц. 1 руб. сер.

ОБРАЗЦЫ или МАНЕРЫ оконныхъ рамъ, двупольныхъ и однопольныхъ дверей, растворовъ, паркетовъ, глухихъ и рѣшотчатыхъ заборовъ, воротъ, деревянныхъ зонтиковъ и колодцевъ, изданные для плотниковъ и столяровъ, полезные также для домовладѣльцевъ, при выборѣ означенныхъ предметовъ, дѣлаемыхъ безъ пособія архитектора. М. 1860. Цѣна тетради, состоящей изъ 165 рисунковъ, помѣщенныхъ на 12-ти листахъ, 1 р. сер.; съ пер. 1 р. 30 к. сер.

ОПЫТНОЕ РУКОВОДСТВО КЪ РАЗВЕДЕНІЮ КУРЪ, ПѢТУХОВЪ и КАПЛУНОВЪ. Размноженіе и откармливаніе ихъ въ городахъ и деревняхъ. Съ 20-ю политипажными рисунками. П. Преображенскаго. М. 1860. Цѣна 1 р. с.; съ пересылкою 1 р. 30 к. На клеенной бумагѣ, съ иллюминованными рисунками, 2 р.; съ пересылкою 2 р. 30 к. сер.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ОБЪ ИЗДАНІИ ГАЗЕТЫ

LE NORD

Если Россія чувствуетъ потребность ближайшаго знакомства съ наукою и жизнію Запада, то съ своей стороны Европа ясно сознаетъ необходимость знать Россію и ея народъ, великаго члена европейской семьи. Проникнутый необходимостію дѣятельнаго и добросовѣстнаго посредничества для сближенія западной Европы съ Россіей, журналъ *Le Nord* всегда былъ того убѣжденія, что это стремленіе къ ознакомленію Европы съ Россіей не можетъ осуществиться безъ содѣйствія самихъ Русскихъ. Не говоря уже о трудности русскаго языка для иностранцевъ, онъ всегда сознавалъ, что даже, еслибы это препятствіе могло быть устранено, безъ содѣйствія самихъ Русскихъ, цѣль не была бы вполнѣ достигнута; изученіе офиціяльныхъ актовъ и литературныхъ произведеній не достаточно; не одна буква жизни, а самая жизнь русская особенно интересуетъ Европу; понять и выразить существенныя стороны этой жизни, постигнуть смыслъ совершающихся явленій общественныхъ во всемъ ихъ разнообразіи, правильно оцѣнить ихъ значеніе могутъ только люди того же общества, отъ плоти и костей его.

Сознавая это, *Le Nord*, поставившій одною изъ главнѣйшихъ задачъ своихъ содѣйствовать этому посредничеству, съ самаго основанія своего заботился о пріобрѣтеніи сотрудниковъ по всѣмъ отраслямъ занятій русскаго образованнаго міра. Твердо убѣжденный, что великій народъ, имѣющій передъ собою славную будущность, не можетъ чуждаться открытаго сознанія въ своихъ недостаткахъ, и что истина всегда должна стоять выше предразсудковъ ложнаго патріотизма, онъ всегда вѣрилъ, что иностранцы, ближе узнавая Россію, будутъ находить въ ней все болѣе и болѣе предметовъ для сочувствія, и что это знакомство, храня въ себѣ залогъ общей пользы, должно успокоить національныя предубѣжденія. Въ надеждѣ встрѣтить отголосокъ и сочувствіе въ лучшихъ представителяхъ русскаго общества, *Le Nord* призывалъ и постоянно призываетъ всѣхъ Русскихъ, кто дорожитъ пользою отечества, во имя этой пользы содѣйствовать ему къ достиженію священной цѣли. Издаваемый на языкѣ общеевропейскомъ, на нейтральной территоріи, въ которой свобода слова есть одно изъ политическихъ основаній, *Сѣверъ*, при содѣйствіи многихъ замѣчательныхъ ученыхъ и передовыхъ людей Россіи, пользуется этою свободой для общей пользы Запада и Россіи.

Въ отношеніи прочихъ занятій своихъ, *Сѣверъ*, вѣрный программѣ, предначертанной имъ себѣ со времени принятія характера журнала международнаго: *Journal International*, постоянно заботится о развитіи своихъ связей съ представителями народностей, не жалѣетъ ни труда, ни средствъ для пріобрѣтенія во всѣхъ странахъ образованнаго міра сотрудниковъ, которые бы, и по своимъ убѣжденіямъ, и по способностямъ, соотвѣтствовали неуклонному стремленію его быть сподвижникомъ и представителемъ всеобщаго и всесторонняго прогресса человѣчества. Представитель національныхъ интересовъ, онъ Италіянецъ въ италіянскомъ дѣлѣ, Славянинъ—въ славянскомъ. Вѣруя въ успѣхъ будущаго развитія Россіи, онъ поставилъ себѣ задачей, по мѣрѣ силъ, содѣйствовать мирному преобразованію нашего отечества. Русскіе читатели могли убѣдиться въ этомъ, встрѣчая въ немъ многочисленныя статьи по всѣмъ жизненнымъ вопросамъ, занимающимъ и заботящимъ каждаго истинно-Русскаго.

Участіе публики, соотвѣтствующее его стараніямъ и посильнымъ успѣхамъ, сочувствіе образованнаго міра служатъ ему лучшимъ поощреніемъ къ постоянному и неусыпному служенію великому дѣлу человѣчества.

Въ виду возобновленія подписки на 1861 годъ, мы считаемъ не излишнимъ предварить публику, что во избѣжаніе задержки въ полученіи журнала *Le Nord* надлежитъ подписываться на оный не позже 30 ноября сего года.

Подписка принимается на почтѣ: въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ, Вильно, Ригѣ, Митавѣ, Гельсингфорсѣ и Одессѣ, куда и слѣдуетъ высылать деньги и требованія подписки съ обозначеніемъ адресовъ.

ЦѢНА ПОДПИСКИ.

Въ С.-Петербургѣ:	на 6 мѣсяцевъ	9 р.,	за годъ 18 р. сер.
— губерніяхъ:	— — —	10 —	— — 20 — —

По дѣламъ редакціи и съ публикаціями просятъ обращаться къ коммиссіонерамъ журнала: въ С.-Петербургѣ, къ книгопродавцу Якову Исакову, въ Гостиномъ дворѣ № 24; въ Москвѣ, къ книгопродавцу Владиміру Готье, на Кузнецкомъ мосту, домъ Торлецкаго.

БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ

СОЕДИНЕННЫЯ ИЗДАНІЯ:

КОММЕРЧЕСКАЯ ГАЗЕТА И ЖУРНАЛЪ ДЛЯ АКЦІОНЕРОВЪ

Съ 1861 года *Биржевыя Вѣдомости* будутъ выходить ежедневно, съ прибавленіями.

Въ *Биржевыхъ Вѣдомостяхъ* будутъ помѣщаться политико-торговыя телеграфическія депеши.

Извѣстно, какъ быстро и въ какой сильной степени проявилось у насъ, въ послѣднее пятилѣтіе, общественное вниманіе ко всякаго рода экономическимъ вопросамъ. Однимъ изъ убѣдительнѣйшихъ свидѣтельствъ этого новаго, и для Россіи столь знаменательнаго явленія, служитъ, между прочимъ, образованіе многихъ періодическихъ изданій, предназначенныхъ для спеціяльнаго изслѣдованія различныхъ сторонъ государственной и народной хозяйственной дѣятельности. Бо́льшая часть этихъ газетъ и журналовъ дѣйствительно соотвѣтствуютъ, въ извѣстной сферѣ, важнымъ общественнымъ требованіямъ; но донынѣ не было у насъ публичнаго органа, въ которомъ сосредоточивались бы изслѣдованія и свѣдѣнія по всѣмъ частямъ экономической и промышленной дѣятельности, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, *ежедневно* сообщались бы текущія извѣстія о замѣчательныхъ событіяхъ въ области кредита и торговли, которыми такъ рѣшительно обусловливаются всѣ соображенія не только лицъ собственно-коммерческихъ, но и производителей мануфактурныхъ, сельскихъ хозяевъ, владѣльцевъ фондовъ, акцій и вообще капиталистовъ, большихъ и малыхъ. Напрасно было бы распространяться объ общественномъ значеніи и необходимости подобнаго рода ежедневнаго изданія—въ наше время обширныхъ финансовыхъ и экономическихъ реформъ, предстоящаго образованія повсемѣстнаго вольнонаемнаго труда, упорнаго стремленія къ развитію всѣхъ отраслей промышленности, многосторонняго участія публики въ акціонерныхъ предпріятіяхъ; — въ наше время усиливающихся сношеній по желѣзнымъ дорогамъ и быстраго сообщенія извѣстій при посредствѣ телеграфовъ, и къ тому же, присовокупимъ еще, въ наше столь трудное, хотя, конечно, и преходящее, время денежнаго кризиса, когда въ возможно-полномъ пониманіи экономическихъ интересовъ и въ постоянномъ наблюденіи за ихъ движеніемъ представляется общественная потребность, несравненно бо́льшая, нежели при обычномъ, спокойномъ теченіи хозяйственныхъ дѣлъ.

Мы избрали для соединенныхъ изданій «Коммерческой Газеты» и «Журнала для Акціонеровъ» наименованіе *Биржевыя Вѣдомости*. Этимъ наименованіемъ мы заявляемъ, что, при нашихъ воззрѣніяхъ, мы пре-

*

имущественно будемъ руководиться тѣми мнѣніями, взглядами и требованіями, которые, по отношенію къ практически-экономическимъ вопросамъ, какъ извѣстно, всего вѣрнѣе выясняются въ многочисленныхъ свободныхъ совѣщаніяхъ коммерческихъ дѣятелей, гдѣ, при непрестанномъ столкновеніи самыхъ разнохарактерныхъ видовъ и стремленій, такъ-сказать, само собою образуется всестороннее, строгое, точное сужденіе о томъ, что̀ нужно для благоуспѣшнаго осуществленія экономическихъ потребностей, и что̀ препятствуетъ ихъ развитію. Но, сознавая всю неоспоримую важность этихъ указаній опыта, мы, съ тѣмъ вмѣстѣ, конечно, не преминемъ постоянно провѣрять ихъ съ непреложными началами, выработанными наукой.

Приступая къ изданію ежедневной газеты, которою удовлетворялись бы современные интересы торговли въ обширнѣйшемъ ея значеніи, мы считаемъ долгомъ предувѣдомить заранѣе, что намъ предстоитъ бороться съ большими затрудненіями, — затрудненіями весьма естественными у насъ при скудости точныхъ статистическихъ матеріяловъ, составляющихъ исходную точку для всякихъ соображеній въ области кредита и промышленности. Мы не остановимся, однако, ни предъ какими препятствіями; напротивъ, мы постараемся превозмочь ихъ силой труда и тѣхъ средствъ, которыя находятся въ нашемъ распоряженіи.

Имѣя въ виду служеніе общественной пользѣ, мы въ правѣ ожидать, что *Биржевыя Вѣдомости*, какъ по ихъ цѣли и направленію, такъ и по своему содержанію, восполнятъ такъ сильно ощущаемый у насъ недостатокъ въ ежедневномъ финансово-коммерческомъ органѣ.

Въ составъ *Биржевыхъ Вѣдомостей* войдутъ слѣдующіе постоянные отдѣлы:

I. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ ПОСТАНОВЛЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ, относящіяся до финансовъ, промышленности, торговли, акціонерныхъ компаній и т. п.

II. ТЕЛЕГРАММЫ (отъ агентовъ Телеграфнаго Бюро К. В. Трубникова) о всякаго рода важныхъ политическихъ и другихъ событіяхъ, имѣющихъ вліяніе на состояніе цѣнъ и коммерческихъ дѣлъ вообще. Кромѣ того, изъ главныхъ промышленныхъ центровъ русскихъ и иностранныхъ будутъ сообщаемы, прямымъ телеграфнымъ путемъ, постоянно торговыя депеши (1).

---

(1) Для образца сообщаемъ тѣ торговыя депеши, о доставленіи которыхъ уже сдѣлано распоряженіе.

Изъ Лондона: Вексельные курсы. Цѣны на русскіе фонды: 5% втораго займа и новыя $4\frac{1}{2}$ и 3%-ные. Цѣны на англійскіе консоли. Положеніе сальнаго рынка: запасъ и отдача сала за недѣлю. Цѣны: на сало 1-го сорта желтое (наличное и срокомъ за послѣдніе три мѣсяца), чистую пеньку петербургскую и рижскую, сахаръ гаванскій наличный и въ пути, мѣдь отборную, пшеницу русскую: кубанку и обыкновенную, овесъ русскій, сѣмя льняное моршанское, оливковое масло галлипольское, свинецъ William Blackett, индиго хорошій средній бенгальскій. Состояніе погоды. Цѣны на золото.

Изъ Америки: Цѣны на сало.

III. ПОЛИТИКА, исключительно по отношенію къ торговлѣ.

IV. Статьи, теоретическаго и практическаго содержанія, *о кредитѣ*, во всѣхъ его проявленіяхъ, *о коммерческой экономіи*, *статистикѣ* и *о торговомъ правѣ*.

V. ТОРГОВЛЯ внѣшняя и внутренняя. Повременныя извѣстія о движеніи торговли въ Россіи и другихъ государствахъ. Соображенія и виды по торговымъ и другимъ обстоятельствамъ, имѣющимъ вліяніе на состояніе цѣнъ и на ходъ коммерческихъ дѣлъ вообще.

VI. СВѢДѢНІЯ О РАЗНЫХЪ ПРЕДМЕТАХЪ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ВООБЩЕ. Урожай хлѣба и другихъ продуктовъ въ Россіи и за границей, сбытъ сельскихъ произведеній, состояніе разныхъ отраслей земледѣлія и мануфактурной промышленности, извѣстія о замѣчательныхъ фабрикахъ, горныхъ, рыбныхъ, звѣриныхъ и другихъ промыслахъ, и проч.

VII. АКЦІОНЕРНЫЯ КОМПАНІИ. Изложеніе этого отдѣла представится въ той же полнотѣ, какъ было донынѣ въ *Журналѣ для Акціонеровъ*.

Изъ Ливерпуля: Положеніе торговли хлопкой: запасъ и отдача за недѣлю. Цѣны на хлопку middling Georgia и Orleans.

Изъ Дунди: Цѣны на ленъ.

Изъ Гамбурга: Вексельные курсы. Цѣны на русскіе фонды: 5%-ные 2-го и 6-го займовъ,—на рожь ($^{115}/_{116}$ ф.) петербургскую наличную и будущую, и на овесъ. Положеніе торговли кофеемъ: привозъ и запасъ. Цѣны на кофе Rio. Цѣны на золото и серебро.

Изъ Амстердама: Цѣны на русскіе фонды 5%-ные 5-го и 6 го займовъ и 4%-ные,—оплаченныя и неоплаченныя акціи Главнаго Общества Россійскихъ Желѣзныхъ Дорогъ. Вексельные курсы. Цѣны: на рожь петербургскую ($^{115}/_{116}$ ф.), наличную и будущую, одесскую и архангельскую, олово Banca, сахаръ яванскій обыкновенный (№ $^{17}/_{18}$), сѣмя льняное моршанское и архангельское, поташъ казанскій перваго сорта, индиго хорошій средній яванскій, крапъ (марену), кофе яванскій хорошій ординарный, зеленоватый.

Изъ Гавра: Цѣны на хлопокъ Georgia и Orleans, индиго бенгальскій bon violet, сало, мѣдь, шерсть донскую мытую.

Изъ Парижа: Вексельные курсы. Цѣны на акціи, оплаченныя и неоплаченныя, Главнаго Общества Россійскихъ Желѣзныхъ Дорогъ,—французскую ренту,—золото и серебро въ слиткахъ,—на полуимперіялъ. Учетный процентъ Цѣны на русское сало, русскую пшеницу, ленъ, мѣдь и щетину.

Изъ Берлина: Вексельные курсы. Цѣны на русскіе фонды: 5%-ные 2-го, 5-го и 6-го займовъ, $4^1/_2$ % и 3%-ные послѣднихъ займовъ. Цѣна на полуимперіялъ. Учетный процентъ. Цѣны на хлопку.

Изъ Риги: Вексельные курсы: Цѣны на 5%-ные банковые билеты, русскіе фонды 5%-ные 1-го и 5-го займовъ, 6%-ные и 4%-ные. Цѣны на рожь, пеньку, сѣмя льняное, овесъ, пшеницу и ленъ.

Изъ Одессы: Вексельные курсы. Цѣны на 5%-ные банковые билеты, золото, рожь, пшеницу гирку и сандомирку, сѣмя льняное, овесъ, маисъ (кукурузу), сало. Фрахты за тоннъ сала. Количество кораблей. Направленіе вѣтра.

Съ Нижегородской ярмарки: Цѣны на 5%-ные банковые билеты. Состояніе торговли на главные товары и цѣны на оные.

Изъ Рыбинска, Болакова, Самары, Бузулука, Промзина и Меленковъ: О значительномъ измѣненіи цѣнъ на главные предметы мѣстной торговли.

**

VIII. ТОРГОВОЕ МОРЕПЛАВАНІЕ И СУДОХОДСТВО. Свѣдѣнія о движеніи купеческихъ кораблей при портахъ русскихъ и иностранныхъ. Извѣстія о кораблекрушеніяхъ и другихъ морскихъ происшествіяхъ, относящихся до торговли.—Судоходство по внутреннимъ водянымъ сообщеніямъ.

IX. КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ. Рецензіи и указанія о замѣчательныхъ сочиненіяхъ, русскихъ и иностранныхъ, по части государственнаго хозяйства, промышленности и торговли.

X. ОБЪЯВЛЕНІЯ отъ кредитныхъ установленій, правленій акціонерныхъ компаній, *отъ русскаго и иностраннаго купечества,* отъ администрацій по дѣламъ несостоятельныхъ должниковъ, и проч. (1)

Примѣчаніе. Одною изъ главныхъ заботъ редакціи ***Биржевыхъ Вѣдомостей*** будетъ показаніе самыхъ точныхъ курсовъ векселей, фондовъ, облигацій, акцій и цѣнъ товарныхъ, которые будутъ составляться по возможно-вѣрнымъ источникамъ.

Биржевыя Вѣдомости будутъ выходить *ежедневно,* кромѣ дней, слѣдующихъ за праздниками, въ форматѣ ***Берлинской Биржевой Газеты.***

Подписная цѣна на ***Биржевыя Вѣдомости*** остается та же, которая опредѣлялась, совокупно, для ***Коммерческой Газеты*** и ***Журнала для Акціонеровъ.***

Въ настоящее время полученіе однѣхъ *торговыхъ телеграфическихъ депешъ*, печатаемыхъ въ *Посредникѣ*, стóитъ въ С.-Петербургѣ 150 р. и въ другихъ городахъ 180 р. Мы сдѣлали все, что только было возможно, для общедоступности ***Биржевыхъ Вѣдомостей*** массѣ публики.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

НА ГОДЪ:

Въ С.-Петербургѣ, безъ доставки . . .	15 руб.	—	коп.
Въ —— съ доставкою . . .	16 —	50	—
Съ пересылкою въ другіе города . . .	18 —	—	—

НА ПОЛГОДА:

Въ С.-Петербургѣ, безъ доставки . . .	8 руб.	50	коп.
Въ —— съ доставкою . . .	9 —	—	—
Съ пересылкою въ другіе города . . .	10 —	—	—

Подписка принимается *въ С.-Петербургѣ:* въ конторѣ ***Биржевыхъ Вѣдомостей*** (бывшей конторѣ Журнала для Акціонеровъ), на Новоисакіевской улицѣ, въ домѣ Ладыженскаго, и въ книжныхъ магазинахъ: г. Дюфруа, у Полицейскаго Моста, въ домѣ Голландской церкви, и г. Сенковскаго, на углу Большой Морской и Кирпичнаго переулка, въ домѣ № 20; ***въ Москвѣ:*** въ конторѣ ***Биржевыхъ Вѣдомостей***, на Тверскомъ бульварѣ, въ домѣ кн. Ухтомской, и въ книжномъ магазинѣ г. Свѣшни-

---

(1) Объявленія, для напечатанія въ *Биржевыхъ Вѣдомостяхъ*, принимаются въ конторахъ означенныхъ Вѣдомостей: въ С.-Петербургѣ на Новоисакіевской улицѣ, въ домѣ Ладыженскаго, и въ Москвѣ на Тверскомъ бульварѣ, въ домѣ кн. Ухтомской.

кова, на Страстномъ Бульварѣ, а также въ газетныхъ экспедиціяхъ С.-Петербургскаго и Московскаго почтамтовъ.

Редакція *Биржевыхъ Вѣдомостей* принимаетъ на себя полную отвѣтственность за исправное доставленіе газеты только въ такомъ случаѣ, когда газета выписана иногородными подписчиками непосредственно изъ вышеозначенныхъ мѣстъ. Каждый иногородный подписчикъ получаетъ нумера газеты въ запечатанномъ пакетѣ съ печатнымъ адресомъ.

Къ сему редакція считаетъ долгомъ объяснить, что пересылка въ города нумеровъ *Биржевыхъ Вѣдомостей* производится газетною экспедиціею с.-петербургскаго почтамта, подобно тому, какъ пересылаются всѣ газеты и журналы, независимо отъ издателей, и потому, въ случаѣ неисправнаго доставленія нумеровъ иногороднымъ подписчикамъ, всѣ жалобы должны быть присылаемы прямо на имя г. директора почтоваго департамента и с.-петербургскаго почтъ-директора. Редакція проситъ подписчиковъ сообщать ей съ тѣмъ вмѣстѣ обо всѣхъ подобныхъ случаяхъ, для того, чтобъ она, съ своей стороны, могла принять зависящія отъ нея мѣры для удовлетворенія всѣхъ справедливыхъ требованій.

Издатель К. Трубниковъ.

ТЕЛЕГРАФНОЕ БЮРО

К. В. Трубникова,

въ С.-Петербургѣ.

Съ разрѣшенія господина главноуправляющаго Путями Сообщенія и Публичными Зданіями, съ 1-го декабря 1860 г., будетъ открыто, въ конторѣ К. В. Трубникова, Телеграфное Бюро, имѣющее цѣлію, подобно таковымъ же учрежденіямъ Рейтера въ Лондонѣ, Вольфа въ Берлинѣ, и др., сообщать частнымъ лицамъ телеграммы о всякаго рода событіяхъ, а также торговыя депеши, на основаніи существующихъ для сего телеграфныхъ правилъ. Депеши, періодически получаемыя въ Телеграфномъ Бюро, будутъ печататься съ декабря сего года въ *Журналѣ для Акціонеровъ* и въ *Коммерческой Газетѣ*, а съ 1-го января 1861 г. въ *Биржевыхъ Вѣдомостяхъ*. Означенныя телеграммы будутъ появляться въ печати на другой день по полученіи, и инымъ образомъ отъ Телеграфнаго Бюро въ С.-Петербургѣ выдаемы не будутъ; но для иногородныхъ жителей, коимъ дѣлается въ этомъ случаѣ исключеніе, депеши эти, сообразно требованіямъ, будутъ имъ сообщаемы телеграммою немедленно по полученіи оныхъ въ Бюро, которое формулируетъ ихъ со всевозможною экономіей въ словахъ.

Желающіе получать непрерывно одинъ или нѣсколько разъ въ недѣлю телеграммы обращаются съ своими требованіями въ С.-Петербургъ въ Телеграфное Бюро *К. В. Трубникова*, которое немедленно сообщаетъ какъ о стоимости депешъ, такъ и о другихъ подробностяхъ по сему предмету. Тѣ лица, кои имѣютъ надобность не въ періодическихъ депешахъ, а въ повременныхъ, случайныхъ справкахъ или извѣстіяхъ изъ С.-Петербурга, о разныхъ предметахъ, ихъ интересующихъ, высылаютъ въ Бюро, предварительно, извѣстную сумму, впередъ до разчета за депешу, которая не можетъ однакоже составлять болѣе 20-ти словъ. Это правило не распространяется на подписчиковъ ***Биржевыхъ Вѣдомостей***, которые, внесши плату за годовое изданіе, и тѣмъ самымъ уже гарантируя уплату расходовъ за депешу, имѣютъ право требовать телеграфнаго отвѣта на ихъ вопросы безъ предварительной присылки денегъ. При чемъ какъ тѣмъ, такъ и другимъ изъ обращающихся въ Телеграфное Бюро слѣдующая депеша можетъ быть отправлена только по окончаніи разчета за первую депешу, сообразно счету Бюро, то-есть за стоимость депеши по тарифу телеграфнаго управленія и за коммиссію. Для полученія бо́льшаго числа депешъ, всякое лицо можетъ входить въ особое письменное соглашеніе съ Телеграфнымъ Бюро.

Всѣ депеши, какъ полученныя въ Бюро, такъ и получаемыя изъ онаго, сохраняются безусловно въ совершенной тайнѣ.

Телеграммы адресуются слѣдующимъ образомъ: Петербургъ, Трубникову,

а письма: въ Телеграфное Бюро К. В. Трубникова, въ С.-Петербургъ.

Московское отдѣленіе Телеграфнаго Бюро помѣщается на Тверскомъ бульварѣ, въ домѣ княгини Ухтомской.

ной поэзіи въ древней русской литературѣ. — О народности въ древне-русской литературѣ и искусствѣ.—Памятники древне-русской духовной письменности. — Изображеніе Страшнаго суда по русскимъ подлинникамъ. — Смоленская легенда о св. Меркуріи и ростовская о Петрѣ, царевичѣ ордынскомъ.—Византійская и древне-русская символика по рукописямъ отъ XV до XVI вѣка.—Древне-русская борода.—Идеальные женскіе характеры древней Руси. — Новгородъ и Москва.—Для исторіи русской живописи XVI вѣка.—Литература русскихъ иконописныхъ подлинниковъ.—Видѣніе Мартарія, основателя Зеленой пустыни.—Для біографіи царскаго иконописца Симона Ѳедоровича Ушакова. — Русская эстетика XVII вѣка.—Подлинникъ по редакціи XVII вѣка.

СБОРНИКЪ РУССКИХЪ ДУХОВНЫХЪ СТИХОВЪ. Сост. В. Варенцовымъ. Изданіе Д. Е. Кожанчикова. Содержаніе: Общіе историческіе.—Раскольничьи стихи.—Вирши XVII и XVIII столѣтій.—Бѣлорусскіе и малороссійскіе стихи. Спб. 1860 г., ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 коп.

ПУТЕВЫЯ ПИСЬМА изъ Новгородской и Псковской губерній Павла Якушкина. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1860 г., ц. 75 к. съ пер. 1 руб.

ГОДЪ НА СѢВЕРѢ. С. Максимова. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Два большихъ тома. Томъ I-й: Бѣлое море и его прибрежья. II-й: Поѣздка по сѣвернымъ рѣкамъ. Спб. 1859 г., ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

БОГДАНЪ ХМЕЛЬНИЦКІЙ. Соч. Н. И. Костомарова. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Два большихъ тома. Спб. 1859 г., ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 коп.

БУНТЪ СТЕНЬКИ РАЗИНА. Соч. Н. И. Костомарова. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1859 г., ц. 75 к., съ пер. 1. р.

ЗАПИСКИ СОВРЕМЕННИКА съ 1805 по 1819 годъ. Томъ 1-й: Дневникъ студента. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1859 г., ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

ОБЛОМОВЪ. Романъ, соч. И. А. Гончарова. Изд. Д. Е. Кожанчикова, 4 части, въ 2 томахъ. Спб. 1859 г., ц. 3 р. 50 коп. съ пер. 4 рубля.

УКРАИНСКІЕ НАРОДНЫЕ РАЗКАЗЫ, Марка Вовчка. Переводъ И. С. Тургенева. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1859 г., ц. 50 коп., съ пер. 75 коп.

ГОРЬКАЯ СУДЬБИНА, драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ, соч. А. Ѳ. Писемскаго. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1860 г., ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

ТЫСЯЧА ДУШЪ. Романъ, соч. А. Ѳ. Писемскаго. Изд. Д. Е. Кожанчикова, 4 части, въ 2 томахъ. Спб. 1858 г., ц. 3 р., съ пер. 3 р. 50 к.

1861

НУВЕЛЛИСТЪ,

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ФОРТЕПIАНО,

ДВАДЦАТЬ-ВТОРОЙ ГОДЪ.

Нувеллистъ въ теченiи слишкомъ двадцатилѣтняго своего существованія уже достаточно зарекомендовалъ себя своимъ подписчикамъ, а потому редакція *Нувеллиста* считаетъ излишнимъ входить въ подробныя объясненія насчетъ цѣли, назначенія и характера этого журнала, Благосклонное вниманіе публики, которымъ пользовался *Нувеллистъ* въ продолженіи столь значительнаго періода времени, показываетъ, что направленіе и характеръ, избранные журналомъ, по возможности соотвѣтствовали требованіямъ нашихъ дилеттантовъ, и что дѣло изданія подобнаго журнала у насъ въ Россіи достаточно вѣрно угадано редакціей. Тѣмъ не менѣе, вступая въ двадцать-второй годъ своего существованія, *Нувеллистъ* считаетъ обязанностію снова заявить публикѣ полную готовность вести дѣло съ тѣмъ же стараніемъ, какъ и прежде, и стремиться по прежнему къ тому, чтобы содержаніе журнала постоянно соотвѣтствовало современнымъ требованіямъ, какъ публики, такъ и искусства, однимъ изъ представителей котораго онъ является въ нашемъ отечествѣ.

Програма журнала остается прежняя. Сохраняя эту программу, редакція неуклонно стремится къ тому, чтобы сдѣлать содержаніе журнала сколь можно полнѣе и разнообразнѣе. Съ этою цѣлію редакторъ *Нувеллиста* предпринялъ путешествіе въ нынѣшнемъ году за границу и такимъ образомъ вошелъ въ непосредственное сношеніе со многими знаменитыми композиторами, а равно и главнѣйшими издателями музыки, которые и обѣщали ему свое содѣйствіе. Вслѣдствіе этого, въ будущемъ 1861 году въ *Нувеллистѣ*, сверхъ значительнаго числа замѣчательнѣйшихъ новостей по части фортепіанной музыки, издаваемыхъ за границею, будетъ помѣщено много піесъ, написанныхъ композиторами для *Нувеллиста*, и совершенно соотвѣтствующихъ назначенію этого изданія—служить сборникомъ современной фортепіанной музыки какъ для дилеттантовъ, уже вполнѣ владѣющихъ искусствомъ игры на фортепіано, такъ и для юнаго музыкальнаго поколѣнія, нуждающагося въ выборѣ музыки, соотвѣтствующемъ ихъ артистическимъ средствамъ и могущемъ быть руководствомъ для правильнаго развитія музыкальнаго вкуса.

Вмѣстѣ съ тѣмъ редакція журнала надѣется въ будущемъ году значительно пополнить отдѣлъ литературнаго прибавленія къ *Нувеллисту*,

содержащій въ себѣ статьи о музыкѣ и современныя музыкальныя извѣстія. Непосредственныя сношенія, установленныя редакторомъ со многими корреспондентами иностранныхъ музыкальныхъ газетъ, помогутъ *Нувеллисту* и въ этомъ случаѣ слѣдить съ наивозможною точностію за всѣми сколько-нибудь интересными событіями заграничнаго музыкальнаго міра.

Нувеллистъ съ 1-го января 1861 года будетъ выходить тетрадями отъ 60 до 65 страницъ, аккуратно въ первое число мѣсяца. Каждая тетрадь будетъ заключать въ себѣ:

1. Пять салонныхъ піесъ для фортепіяно.
2. Два или три новые танца.
3. Одинъ или два русскіе романса для пѣнія.
4. Двѣ легкія піесы для фортепіяно, подъ названіемъ «Альбомъ молодыхъ піянистовъ», съ обозначеніемъ аппликатуры, и
5. Литературное прибавленіе, въ видѣ музыкальной газеты, содержащее въ себѣ музыкальныя статьи и современныя музыкальныя извѣстія.

Сверхъ того, въ теченіе года въ *Нувеллистъ* будутъ помѣщены четыре болѣе или менѣе трудныя піесы въ четыре руки, и приложены портреты знаменитыхъ музыкантовъ и полный каталогъ музыкальныхъ новостей. Такимъ образомъ за десять рублей серебромъ подпищикъ будетъ имѣть къ концу года собраніе музыкальныхъ піесъ, которое обошлось бы ему, при покупкѣ отдѣльно каждой піесы, по крайней мѣрѣ во сто рублей серебромъ, и, что еще важнѣе, собраніе піесъ, не только тщательно выбранныхъ редакціей, но и одобренныхъ первѣйшими піянистами столицы.

Редакція покорнѣйше проситъ господъ иногородныхъ, желающихъ получать *Нувеллистъ*, подписываться заблаговременно, въ отклоненіе всякаго замедленія въ доставленіи журнала. Желающіе помѣщать въ *Нувеллистъ* свои музыкальныя произведенія увѣдомляются, что редакція признаетъ возможнымъ отвѣчать только тѣмъ изъ нихъ, сочиненія которыхъ будутъ напечатаны въ журналѣ.

Цѣна годовому изданію *Нувеллиста*, состоящему изъ 12 тетрадей, 10 р. сер., съ пересылкою или доставкою на домъ 11 руб. 50 коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО:

Въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ *Нувеллиста*, въ магазинѣ М. Бернарда, на Невскомъ проспектѣ, противъ Малой Морской, № 10.

Въ Москвѣ, у П. Ленгольда; въ Харьковѣ, у Гергарда; въ Одессѣ, у Цанотти.

Иногородные благоволятъ адресоваться въ газетную экспедицію с.-петербургскаго почтамта.

Редакція отвѣчаетъ за вѣрную доставку только тѣхъ экземпляровъ, на которые подписка принята въ означенныхъ мѣстахъ. На полгода подписка не принимается.

Редакторъ и издатель **М. Бернардъ.**

ОБЪ ИЗДАНІИ
ЖУРНАЛА ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ И НАСТАВНИКОВЪ

ВОСПИТАНІЕ

(ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ВОСПИТАНІЯ) ВЪ 1861 ГОДУ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. ЧУМИКОВА.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

Съ января будущаго 1861 года *Воспитаніе* будетъ издаваться въ Москвѣ по той же программѣ и въ томъ же направленіи, которыми руководствовалась редакція въ продолженіи четырехлѣтняго существованія этого журнала. Перенося свое изданіе въ центръ Россіи, въ городъ славный своимъ университетомъ и ученою и литературною дѣятельностію, редакція убѣждена, что она еще вѣрнѣе исполнитъ свою задачу—быть постояннымъ руководителемъ и органомъ домашняго и общественнаго воспитанія.

Въ составъ журнала «Воспитаніе» входятъ статьи слѣдующаго содержанія:

I. СОБСТВЕННО ВОСПИТАНІЕ. Воспитаніе тѣлесное; уходъ за дѣтьми въ здоровомъ и больномъ состояніи. Средства къ развитію силъ физическихъ, умственныхъ способностей, эстетическаго вкуса и правилъ нравственности въ дѣтяхъ. Искусства, ремесла, гимнастика и игры для дѣтей обоего пола. Обозрѣніе педагогическихъ системъ. Исторія воспитанія.

II. ОБРАЗОВАНІЕ общественное и домашнее, мужеское и женское. Наставленія и руководства какъ для элементарныхъ занятій, такъ и систематическаго обученія (дидактика и методика). Обзоръ извѣстнѣйшихъ методъ преподаванія. Опыты и пріемы преподаванія, почерпнутые изъ практики извѣстныхъ педагоговъ. Описанія извѣстнѣйшихъ учебныхъ заведеній. Исторія просвѣщенія и исторія учебныхъ заведеній.

III. РАЗКАЗЫ педагогическаго содержанія, физіологическіе очерки наставниковъ и воспитанниковъ. Воспоминанія изъ школьной жизни. Біографіи замѣчательнѣйшихъ дѣятелей на педагогическомъ поприщѣ.

IV. ОТКРЫТЫЕ ВОПРОСЫ И ОТВѢТЫ. Критическія статьи, касающіяся различныхъ современныхъ вопросовъ, съ цѣлію указывать на все ложное и нераціональное въ дѣлѣ воспитанія и преподаванія.—Курьозныя явленія въ современномъ воспитаніи.

V. СМѢСЬ. Мелкія статьи, заключающія въ себѣ общеполезныя свѣдѣнія для родителей и наставниковъ. Мысли и совѣты знаменитыхъ педагоговъ.

VI. КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ. Критическая оцѣнка лучшихъ произведеній современной педагогической литературы; разборъ сочиненій по части воспитанія, учебниковъ, книгъ и журналовъ для дѣтскаго чтенія, русскихъ и иностранныхъ.

VII. ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ. Всякаго рода извѣстія по части воспитанія, какъ отечественныя, такъ и иностранныя. Нововведенія, касающіяся воспитанія, устройства и содержанія учебныхъ и воспитательныхъ заведеній за границей. Торжественные акты и замѣчательнѣйшія рѣчи. Лѣтопись важнѣйшихъ правительственныхъ узаконеній и распоряженій по части учебной.

Къ тексту, по мѣрѣ надобности, будутъ прилагаться рисунки и проч.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 12 книжекъ, въ Москвѣ 6 руб. 50 коп., въ Петербургѣ 7 руб., съ пересылкою въ другіе города 8 руб. сер.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

отъ гг. иногородныхъ, кромѣ жителей Петербурга, *исключительно* въ редакціи журнала «Воспитаніе».

Отъ жителей Москвы: въ книжныхъ магазинахъ Ѳ. О. Свѣшникова, на Страстномъ бульварѣ и на Никольской улицѣ.

Отъ жителей Петербурга: въ книжномъ магазинѣ В. А. Исакова, на Невскомъ Проспектѣ, противъ католической церкви.

Редакція проситъ г. иногородныхъ надписывать на своихъ требованіяхъ единственно слѣдующій адресъ: *въ Редакцію журнала «Воспитаніе», въ Москвѣ.* Казенныя вѣдомства и учебныя заведенія, пользующіяся уступкой, могутъ присылать деньги въ теченіе 1861 года, но не иначе, какъ непосредственно въ редакцію.

Изданія журнала 1859 и 1860 годовъ можно получать на этихъ же условіяхъ. Экземпляровъ «Журнала для Воспитанія» за 1857 и 1858 годы болѣе не имѣется.

Редакторъ и издатель А. А. Чумиковъ.

ПОДПИСКА НА 1861 (одиннадцатый) ГОДЪ.

РУССКІЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЛИСТОКЪ

В. ТИММА

Въ наступающемъ 1861 году, «Русскій Художественный Листокъ,» какъ и въ предшествовавшія десять лѣтъ, будетъ помѣщать на 36 листахъ большаго формата, на веленевой хорошей бумагѣ, изящно исполненные, литографированные и въ два тона отпечатанные рисунки (часто и хромолитографированные *) *оригинальные* рисунки, относящіеся до настоящаго и прошедшаго времени Россіи; на рисункахъ будутъ изображаться: замѣчательнѣйшія событія и общественныя торжества, портреты нашихъ знаменитыхъ и извѣстныхъ соотечественниковъ прошлаго и настоящаго времени, виды городовъ, живописныя и замѣчательныя мѣста въ Россіи, сцены изъ русскихъ нравовъ, типы и костюмы народовъ, населяющихъ Россію, снимки съ замѣчательныхъ произведеній русскихъ художниковъ и т. п., а также современныя, случающіяся за границей событія, имѣющія близкое отношеніе къ Россіи (послѣдніе рисунки, по большей части, доставляются редакціи «Р. Х. Листка» отъ ея заграничныхъ корреспондентовъ.

Къ каждому нумеру «Р. Х. Листка» будетъ прилагаться сообразный съ содержаніемъ рисунковъ текстъ, который въ концѣ года составитъ большой томъ, in-4° до 200 страницъ. Однимъ словомъ, «Р. Х. Листокъ» представитъ, по возможности, полную картину *всего* замѣчательнаго изъ совершающагося въ Россіи, въ рисункахъ *вѣрныхъ*, *невымышленныхъ*, а рисованныхъ съ натуры, частію самимъ издателемъ В. Тиммомъ, во время его путешествія по Россіи, частію же многочисленными художниками-корреспондентами «Р. Х. Листка» въ разныхъ мѣстахъ нашего обширнаго отечества.

«Русскій Художественный Листокъ» смѣло можно назвать художественною лѣтописью Россіи, столь же драгоцѣнною и необходимою въ извѣстномъ отношеніи для исторіи и потомства, какъ и всякое достовѣрное важное письменное свидѣтельство очевидца совершившихся событій, или состояніе государства въ современную ему эпоху. Вышедшіе, десять лѣтъ тому назадъ, нумера «Р. Х. Листка» имѣютъ теперь такой-же интересъ, какой имѣли и прежде, а современемъ рисунки этого изданія, будучи сняты съ натуры, займутъ даже видное мѣсто въ библіотекѣ ученаго этнографа и историка.

По примѣру прошедшихъ десяти лѣтъ, «Р. Х. Листокъ» и въ наступающемъ 1861 году будетъ выходить по *три раза въ мѣсяцъ*, 1, 10 и 20-го чиселъ (36 нумеровъ въ годъ). Подписная цѣна остается прежняя: съ доставкою на

---

*) Въ прошедшемъ 1859 году, половина рисунковъ, т.-е. 18 №№, отпечатаны разноцвѣтными рисунками, а въ 1860 году двадцать пять №№.

домъ въ С. Петербургѣ, и съ пересылкою во всѣ города имперіи, Царства Польскаго и Велик. Княж. Финляндскаго;

9 руб. серебромъ

сложенные, въ наглухо-заклеенныхъ кувертахъ съ печатными адресами, разсылаемые немедленно по выходѣ въ свѣтъ (три раза въ мѣсяцъ);

12 руб. серебромъ

несложенные, навернутые на палку и обшитые холстомъ, съ печатными адресами, разсылаемые не три раза, а *одинъ* разъ въ мѣсяцъ (1-го числа), по три нумера вдругъ; и 14 руб. сер. несложенные, обшитые клеенкой.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться къ самому издателю, Академику Василію Өедоровичу Тимму, въ С.-Петербургъ, на Васильевскомъ островѣ, въ 3-й линіи, въ собственн. домъ подъ № 24.

Подписка принимается для жителей С. Петербурга на Невскомъ проспектѣ, у всѣхъ болѣе извѣстныхъ книгопродавцевъ, и въ конторѣ редакціи «Сѣверной Пчелы», на Мойкѣ, въ домѣ Греча. Въ Москвѣ, у И. В. Базунова, на Страстномъ бульварѣ, и въ газетныхъ экспедиціяхъ с.-петербургскаго и московскаго почтамтовъ.

Желающіе имѣть полное годовое изданіе «Р. X. Листка» за прежніе (1851—1860) годы благоволятъ обращаться непосредственно къ *самому издателю*, по вышесказанному адресу, прилагая за каждый годъ за несложенный экземпляръ 12 руб. сер., за сложенный 9 р. с., съ пересылкою или безъ нея. Къ сему издатель считаетъ, однако, долгомъ присовокупить, что текстъ 1851, 1852 и 1854 г. разошелся весь, а оставшіеся еще рисунки имѣются въ такомъ незначительномъ числѣ, хотя и *совершенно полныхъ* экземпляровъ, что чрезъ нѣкоторое время эти годы «Р. Х. Листка» сдѣлаются библіографическою рѣдкостію.

Нижеслѣдующее оглавленіе рисунковъ, вышедшихъ донынѣ нумеровъ «Русск. Художественнаго Листка» лучше всего можетъ дать понятіе о нашемъ изданіи.

Въ № 1. Портретъ (верхомъ) Е. И. В. Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Николая Александровича. (Печат. красками).—Въ № 2. Къ разказу Марка Вовчка «Чумакъ» три рисунка, К. И. Трутовскаго (печатанн. красками).—Въ № 3. Эпизоды изъ взятія Гуниба, съ рисункомъ Г. Горшельта, рисов. съ натуры: а) Переправа войскъ чрезъ р. Кара-Койсу. б.) Взятіе перваго завала на Гунибѣ.—Въ № 4. Продолженіе эпизодовъ изъ взятія Гуниба: а.) Сдача Шамиля, б) Возвращеніе кн. А. И. Барятинскаго съ Гуниба, в.) Въѣздъ его въ Тифлисъ.—Въ № 5. Китайцы и Японцы (16 фигуръ) изъ альбома лейг. Усова, снятые имъ съ натуры (печат. красками).—Въ № 6. Прощаніе малоросс. косаря, съ рисунка И. И. Соколова (печат. красками). Въ № 7. Мароканецъ, рисов. съ натуры В. Тиммъ (печат. красками).—Въ № 8. Слѣдующіе портреты замѣчательныхъ простолюдиновъ: 1.) И. П. Кулибина, 2.) Ө. А. Семенова, астронома, 3.) Крест. М. А. Гвоздкова, машиниста, 4.) А. Е. Ковязина, столяра-слѣпца и 5.) Проектъ Кулябина дерев. моста чрезъ р. Неву 1776 г. — Въ № 9. Портреты: 1.) Шаунетъ, жены Шамиля, съ фотограф., получ. отъ г. Руновскаго изъ Калуги, 2.) Магометъ-Амина и 3.) съ рисунка г. Горшельта: Спускъ плѣнныхъ мюридовъ съ Гуниба. — Въ № 10. Семь портретовъ членовъ семейства Шамиля, съ фотограф., получ. отъ г. Руновскаго. — Въ № 11. Юмористическая сцена, «Зима» К. И. Трутовскаго (печат. красками).—Въ № 12. Видъ г. Кіева (Крещатикъ), печат. красками. Въ № 13. Женскіе наряды въ Россіи: а.) Бессарабск. Области, б.) Орловской и в.) Иркутской губерн. (Бурятка) (печат. красками).— Въ № 14. Музыкальные инструменты, употребляемые въ Россіи. а) Бандура, б.) Лира, (въ Малороссіи), рисов. К. И. Трутовскій.—Въ № 15. Портретъ барона Дель-

вига, 5 видовъ московск. Мытищенскаго водопровода и 12 фонтановъ въ Москвѣ (печ. тремя тонами). — Въ № 16. Татары, выходящіе изъ мечети въ Бахчисараѣ, рисунокъ г. Раффе. — Въ № 17. Православн. русск. церкви за границею: 1.) въ Висбаденѣ, 2.) въ Аѳинахъ, 3.) въ Александровкѣ, близь Берлина, 4.) строющ. церковь въ Парижѣ и 5.) Дарохранительница въ ц. виллы Санъ-Донато, А. Демидова. 6 и 7) Развалины православ. церкви въ Аѳинахъ (печат. красками).—Въ № 18. Спускъ 111-го пушечн. винтов. фрегата «Императоръ Николай I,» въ Спб. 18 мая 1860 г. 2.) 3-я Публичная выставка Россійск. обществ. садоводства; 3.) Гонка на р. Невѣ (печат. красками). — Въ № 19. Два рисунка К. Н. Трутовскаго къ украйнск. народ. разказу Марка Вовчка «Сестра».— Въ № 20. Портреты: 1.) Н. И. Костомарова, и 2.) М. П. Погодина, 3.) Призваніе Варяжскихъ князей (съ грав. Ѳ. А. Бруни). — Въ № 21. Двѣнадцать видовъ Петергофа (печат. красками).— Въ N 22. Баядерки въ Шемахѣ, рисунокъ кн. Г. Г. Гагарина.—Въ № 23. Русс. Старина: а.) теремъ Олега въ Рязани, б.) домъ въ Калугѣ, гдѣ, по преданію, скрывалась Мар Мнишекъ, со втор. самозванцемъ, в.) древ. ц. Св. Чудотворца Николая въ Серпуховѣ, г) ц. Покрова Пр. Богородицы, въ окрестн. Владиміра на Клязьмѣ (печат. красками).—Въ № 24. Невскіе острова, въ Спб. (печат. красками).— Въ № 25. 1-й листъ картинъ съ выставки Импер. Акад. Художествъ 1860 г. «Дѣти, играющіе на кладбищѣ, въ Константинополѣ», съ карт. П. И. Соколова (печат. красками).—Въ № 26. 2-й листъ: «Отъѣздъ парубковъ, поступающ. въ рекруты», съ карт. И. И. Соколова (печат. красками). —Въ № 27. Портретъ преосвящ. Григорія, митрополита Новгор. и Спб., и а.) мѣсто погребенія и б.) домъ, въ которомъ имѣетъ жительстзо митрополитъ Новгор. и Спб., въ Александро-Невской лаврѣ, в.) колоколъ «Благовѣстникъ» и г.) часовня въ Соловецкомъ монастырѣ, въ которой будетъ помѣщенъ колок. «Благовѣстникъ».—Въ N 28. 3-й листъ карт. съ выставки И. Акад. Художествъ въ 1860 г. «Малороссійскія дѣвушки, гадающ. на вѣнкахъ (печат. красками).—Въ N 29. Шесть рисунковъ, представл. сцены изъ Спб. воскресныхъ школъ.—Въ N 30. 4-й листъ карт. съ выставк. И. Акад. Художествъ 1860 г. «Петръ Великій объявляетъ народу о заключеніи Ништадтск. мира, 4 сентября 1721 г.»—Въ N 31. 1.) Портретъ А.Е.Мартынова, артиста Имп. Спб. театровъ, сконч. въ Харьковѣ 16 августа 1860 г., 2.) перенесеніе тѣла А. Е. Мартынова со станц. Никол. жел. дор. въ ц. Знаменія въ Спб.; 3.) погребальное шествіе; 4.) похороны на Смоленск. кладбищѣ, въ Спб.—Въ N 32. Выставка Имп. Вольн. Экон. Общест., въ Спб., въ сент. 1860 г. (печат. краск.). Въ N 33. Портретъ Е. И. В. Гос. Имп. Александры Ѳеодоровны, скончавш.. въ Царскомъ Селѣ, 20 октября 1860 г.—Въ N 34. Выносъ тѣла Е. И. В. изъ церкви Чесменской богадѣльни въ Петропавл. соборъ и парадный одръ Е. И. В. въ Петропавл. соборѣ, въ Спб. — Въ N 35. Сорокъ типовъ поселянъ Воронежской губ. (печ. красками).—Въ N 36. Воспоминаніе о пребываніи Е. И. В. Вел. Кн. Государя Наслѣдника въ г. Ригѣ, августа 1860 г. (печат. красками).

За полгода подписка не принимается. Отдѣльные нумера «Р. Х. Листка» не продаются.

РАЗВЛЕЧЕНІЕ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ СЪ ПОЛИТИПАЖАМИ.

Если мы, открывая подписку на полученіе нашего журнала въ будущемъ году, прежде всего скажемъ, что успѣхъ его въ нынѣшнемъ превзошелъ всѣ наши ожиданія,—это будетъ отнюдь не пустая фраза: число нашихъ подписчиковъ на 1860 годъ почти утроилось противъ прошлаго. Мы, однакоже, не думаемъ приписывать себѣ это сочувствіе къ *Развлеченію*, очень хорошо зная, что болѣе всего оно поддерживается ограниченностью количества подобныхъ изданій. Но каковъ бы ни былъ источникъ того впечатлѣнія, которое производитъ на публику наше скромное предпріятіе, ея расположеніе обязываетъ насъ принести ей изъявленіе нашей признательности за поощреніе нашихъ трудовъ, и—усилить нашу дѣятельность въ будущемъ. За послѣднимъ, просимъ быть увѣренными, дѣло не станетъ.

Въ 1861-мъ году *Развлеченіе* будетъ издаваться въ томъ же духѣ, направленіи и объемѣ, въ тѣ же сроки и съ тою же неизмѣнною исправностію, какъ въ нынѣшнемъ. Придать еще болѣе разнообразія статьямъ и умножить число каррикатуръ, при возможномъ улучшеніи внѣшности изданія, — вотъ къ чему мы приложимъ наше особенное стараніе. Хроника *Развлеченія*, этотъ единственный московскій фельетонъ, будетъ продолжаться съ тою же аккуратностію и принадлежать тому же автору. Мѣста и условія подписки остаются тѣ же. Мы прибавимъ только слѣдующее:

Многіе изъ нашихъ подписчиковъ выражали намъ желаніе получать при *Развлеченіи парижскія модныя картинки*. Мы готовы удовлетворить этому желанію, и немедленно сдѣлаемъ въ Парижѣ заказъ модныхъ картинокъ журнала «Le Moniteur de la Mode», рисуемыхъ извѣстнымъ живописцемъ Жюлемъ Давидомъ, въ Парижѣ, и тамъ же раскрашиваемыхъ. Такихъ картинокъ мы будемъ давать по одной въ мѣсяцъ; но, не желая сдѣлать полученіе ихъ обязательнымъ для всѣхъ нашихъ подписчиковъ, просимъ тѣхъ, кто пожелаетъ въ 1861 году получать *Развлеченіе* съ модными картинками, прибавлять къ подписной цѣнѣ *одинъ* рубль серебромъ. При этомъ, редакція покорнѣйше проситъ всѣхъ, желающихъ получать *Развлеченіе* въ будущемъ году, присылать свои требованія до 1-го января, чтобы можно было заблаговременно озаботиться печатаніемъ достаточнаго числа экземпляровъ и выпискою надлежащаго количества модныхъ картинокъ. Казенныя мѣста могутъ присылать свои требованія въ редакцію, высылая деньги по третямъ.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ конторахъ журнала *Развлеченіе:* при книжномъ магазинѣ И. В. Базунова, на Страстномъ бульварѣ; въ С.-Петербургѣ, при книжн. магазинѣ А. И. Давыдова, на Невскомъ проспектѣ въ домѣ Завѣтнова, и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ обѣихъ столицъ.

Цѣна: въ Москвѣ, безъ доставки на домъ 3 р. с., въ С.-Петербургѣ 4 р. с., съ пересылкою во всѣ города 5 р. с.

За доставку на домъ въ Москвѣ прилагается 1 руб. сер., точно такъ же и за модныя картинки отъ желающихъ получать ихъ.

Иногородные книгопродавцы, выписывающіе не менѣе *десяти* экземпляровъ, могутъ обращаться въ редакцію, прилагая за каждый экземпляръ 4 р. 50 к. с., а съ модными картинками 5 р. 50 к. сер.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться въ Москву, въ редакцію журнала *Развлеченіе*, на имя редактора.

Издатель и редакторъ Θ. Миллеръ.

ЖИЗНЬ ЗА ЖИЗНЬ

(A LIFE FOR A LIFE)

РОМАНЪ

Соч. автора *Джона Галифакса*

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

ГЛАВА I.

Ея разказъ.

Да, я ненавижу военныхъ.

Не могу удержаться, чтобъ этого не написать; мнѣ это какъ-то облегчаетъ душу. Цѣлое утро мы разъѣзжали по этому несносному лагерю, покрывшему нашу милую, уединенную поляну, взадъ и впередъ, во всѣхъ направленіяхъ, съ южной стороны на сѣверную, по указаніямъ полупьяныхъ солдатъ, вынося любопытные взгляды разфранченныхъ офицеровъ, задыхаясь отъ дыма, трясясь по дорогамъ, заваленнымъ грудами золы, или же совсѣмъ обходясь безъ дороги, и вездѣ, вездѣ встрѣчая лѣнивыя, праздныя группы ярко-красныхъ мундировъ — какъ глаза отъ нихъ не разболѣлись! Какъ отрадно, наконецъ, вернуться домой, запереться въ свою комнатку—самую уютную и уединенную во всемъ Рокмонтѣ, — и излить свою досаду самыми

черными чернилами, и самымъ размашистымъ почеркомъ! Что̀ за бѣда? Никто вѣдь не прочтетъ этихъ строкъ, а этимъ, какъ сказано, я облегчаю себѣ душу.

Я терпѣть не могу военныхъ, и никогда терпѣть не могла, съ самаго дѣтства. Вдругъ война на Востокѣ поразила всѣхъ какъ громовой ударъ. Что̀ это было за время, года два тому назадъ! Какъ пошлы казались всѣ старые мои романы, передъ современнымъ романомъ, который ежедневно записывался въ газетахъ; какъ исчезало все прошлое передъ грознымъ настоящимъ, со всѣмъ его неизмѣримымъ горемъ, со всѣмъ ужасомъ его такъ-называемой славы! Кто тогда читалъ историческія книги, или повѣсти, или стихотворенія? Кто могъ читать что-либо кромѣ страшныхъ листовъ газеты *Times?*

А теперь все прошло; опять воцарился миръ; и сегодня, 20-го сентября, 1856 года, я начинаю писать свой журналъ въ новой книжкѣ (да какой еще: съ отличнымъ замкомъ и ключомъ, купленной на деньги, назначенныя для лѣтней шляпки, безъ которой я обошлась). И зачѣмъ я буду портить этотъ день,—какъ два года тому назадъ,—оплакивая погибшихъ героевъ?

Несмотря на эти слезы, совѣсть вовсе не упрекаетъ меня за чувство досады, внушившее мнѣ предыдущія строки, когда я вспомню о ненавистномъ лагерѣ, устроенномъ подлѣ насъ, для воспитанія военныхъ умовъ и укрѣпленія военныхъ тѣлъ, откуда красные мундиры цѣлыми роями распространяются по нашимъ милымъ окрестностямъ, точно стрекозы надъ хмѣлемъ; народъ безвредный, конечно, но докучный до-нельзя; то и дѣло налетаетъ вамъ прямо въ лицо, или заберется къ вамъ въ комнату черезъ отворенное окно и пойдетъ ползать по вашему столу. Несносныя красныя насѣкомыя! Еслибъ убійство не считалось грѣхомъ, мнѣ бы часто хотѣлось раздавить ногой полдюжину изъ нихъ, съ ихъ эполетами, саблями, усами.

Можетъ-быть, это упорство, любовь къ противорѣчію. И не мудрено. Вѣдь я съ утра до вечера только и слышу разговоры про военныхъ. На обѣдахъ или вечерахъ, я ни съ кѣмъ не могу заговорить—и, кажется, не много я говорю съ кѣмъ бы то ни было, чтобъ *она* (я нарочно употребляю женское мѣстоименіе) не свернула рѣчи на *лагерь!*

Надоѣлъ мнѣ этотъ лагерь. Хорошо было бъ, еслибъ онъ также прискучилъ и моимъ сестрамъ. Лизабели, конечно, извинительно: она такая молоденькая, хорошенькая! Но Пенелопѣ слѣдуетъ быть благоразумнѣе.

Папа рѣшился поѣхать сегодня на балъ, къ Грантонамъ. Я, право, не вижу въ томъ особенной надобности, и, на сколько могла,

убѣждала сестеръ остаться дома. Но что же дѣлать? Никто не обращалъ на меня вниманія; такъ уже заведено, съ тѣхъ поръ какъ я себя помню. Итакъ бѣдному папа придется оставить свое мягкое, покойное кресло, придется трястись по плохой зимней дорогѣ и, наконецъ, торжественно возсѣдать въ углу гостиной, не смѣя даже зайдти въ комнату, гдѣ играютъ въ карты, потому что онъ представитель духовенства. А между тѣмъ, онъ обязанъ улыбаться самою любезною, спокойною улыбкой, какъ будтобъ ему было очень весело. Ахъ! отчего люди не могутъ говорить то, что̀ они думаютъ, и дѣлать то, что̀ хотятъ? Отчего они должны связывать себя несносными цѣпями этикета даже до семидесятилѣтняго возраста? Отчего папа не можетъ сказать: «дѣти, мнѣ гораздо пріятнѣе остаться дома, поѣзжайте однѣ и веселитесь сколько душѣ угодно.» Или еще лучше: «Двѣ изъ васъ могутъ поѣхать, а Дора останется со мной.»

Нѣтъ, онъ этого никогда не скажетъ. Ни одна изъ насъ ему не нужна, я же и подавно. Я и не старшая, и не младшая, ни миссъ Джонстонъ, ни миссъ Лизабель—просто миссъ Дора. Теодора—даръ Божій, на сколько я знаю греческій языкъ. Даръ, но кому? для чего? Правда, съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню ребенкомъ, одинокимъ, не красивымъ ребенкомъ, напрасно мечтавшимъ о ласкахъ матери, съ тѣхъ поръ даже, какъ я стала взрослою дѣвицей, я никогда не могла рѣшить этотъ вопросъ.

Что̀ жь! Видно не все на свѣтѣ можно перемѣнить. Папа будетъ жить по своему, а дочки по своему. Онѣ думаютъ, что главная цѣль жизни *общество;* и онъ думаетъ то же—по крайней мѣрѣ для молодыхъ дѣвушекъ, когда есть кому ввести ихъ, представить и сопровождать всюду. Итакъ три миссъ Джонстонъ (бѣдныя, робкія голубки!) не имѣютъ другаго *chaperon*, или покровителя; онъ приноситъ себя въ жертву на алтарѣ отеческаго долга или приличій, и выѣзжаетъ съ ними.

Тутъ сестры позвали меня внизъ, чтобы полюбоваться ими. Да, онѣ точно были хороши: Лизабель, величественная, медленная, бѣлая,—кажется, ничто на свѣтѣ не въ состояніи нарушить невозмутимаго спокойствія ея сонныхъ, голубыхъ глазъ и мягкаго, кроткаго рта—точно большая, тихая, великолѣпная браминская корова. Наша Лизабель имѣетъ большой успѣхъ, и не мудрено. Этотъ бѣлый барежъ сведетъ съ ума полъ-лагеря. Она собиралась было надѣть розовое платье, но я ей замѣтила, что розовый цвѣтъ очень нейдетъ къ пунцовому; и похохотавъ вдоволь, миссъ Лиза послѣдовала моему совѣту. Ей хочется явиться сегодня въ наилучшемъ видѣ.

И Пенелопа также; но я бы желала, чтобы Пенелопа не носила такихъ воздушныхъ платьевъ и такого множества поддѣль-

ныхъ цвѣтовъ, тогда какъ ея волосы стали такъ рѣдки и щеки такъ впалы.

Славные у нея были волосы лѣтъ десять тому назадъ. Я помню, въ какое негодованіе я пришла, подсмотрѣвъ, какъ, въ бесѣдкѣ, Францисъ Чартерисъ отрѣзалъ у нея локонъ волосъ; мы тогда еще не знали, что они помолвлены.

Мнѣ кажется, она ожидала его сегодня вечеромъ. Мистриссъ Грантонъ навѣрное пригласила его вмѣстѣ съ нами; но, конечно, онъ не пріѣхалъ. Сколько я помню, ему ни разу не случилось пріѣхать тогда, когда онъ обѣщалъ.

Пора бы и мнѣ пойдти одѣваться; но на эту церемонію мнѣ достаточно десяти минутъ, больше и не сто́итъ на это тратить времени. Эти двѣ дѣвушки — какую милую онѣ составляютъ противоположность! Одна—маленькая, смуглая, живая, чтобы не сказать, колкая; другая—высокая, тихая и бѣлокурая. Отецъ можетъ ими гордиться; вѣроятно онъ и гордится ими въ душѣ.

Да, красота—дѣло хорошее! А послѣ красоты, ничего нѣтъ лучше, можетъ-быть, какъ положительное безобразіе; но безобразіе оригинальное, интересное, привлекательное, какое я встрѣчала у иныхъ женщинъ; я даже читала гдѣ-то, что женщины безобразныя часто внушали самую сильную любовь.

Но быть совершенно обыкновеннымъ существомъ, обыкновеннаго роста, обыкновеннаго склада, съ лицомъ... вотъ, кстати, я взгляну въ зеркало, висящее передо мной... съ лицомъ, увы! вполнѣ обыкновеннымъ,—дѣло грустное. Что̀ жь дѣлать! Я такова, какою создалъ меня Богъ; не надобно черезчуръ уничижать себя, хоть изъ благоговѣнія къ Творцу.

Право, я слышу внизу голосъ капитана Трегерна. Неужели этотъ молодой человѣкъ намѣревается поѣхать на балъ въ нашемъ экипажѣ? Онъ какъ будто бы уже причисляетъ себя къ нашему семейству. Вотъ, папа насъ зоветъ. Что̀ онъ намъ скажетъ?

Папа почти ничего не сказалъ; Лизабель также молчала, медленно сходя съ лѣстницы, съ серебряною лампой въ рукахъ; но за то ея лицо!...

Пословица говоритъ, что «каждый милъ кому-нибудь». Вопросъ: если одна моя знакомая доживетъ до лѣтъ Маѳусала, будетъ ли она когда-нибудь мила кому бы то ни было?

Что̀ за вздоръ! Нѣтъ, ты былъ правъ, «веселый мельникъ на рѣчкѣ Ди.»

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,
Мнѣ дѣла нѣтъ,
Ни до кого,
Другимъ нѣтъ дѣла до меня.

Теперь же пора запирать бюро, и одѣваться къ балу.

Въ самомъ дѣлѣ, балъ былъ не дуренъ. Я нахожу это даже теперь, на слѣдующее утро, сидя спокойно въ своей комнатѣ, между тѣмъ какъ листья клена шумятъ у моего окна, и яркіе солнечные лучи озаряютъ далекія равнины.

Балъ не дурной, даже для меня, хоть я обыкновенно съ великолѣпнымъ презрѣніемъ смотрю на подобнаго рода удовольствія...

Конечно по мелочной причинѣ, что я люблю танцовать, а почти никогда не бываю приглашена, что мнѣ ровно двадцать пять лѣтъ, а на меня вообще обращаютъ такъ же мало вниманія, какъ будто бы мнѣ было лѣтъ сорокъ пять. Разумѣется, я безпрестанно утверждаю, что мнѣ до этого никакого нѣтъ дѣла (опять мелочность). Вѣдь въ душѣ, въ глубинѣ души я очень объ этомъ сокрушаюсь. Сколько разъ я прислоняла голову сюда, — моя добрая, старая конторка, ты не выдашь меня! — и плакала, да, просто плакала о томъ, что я и не красива, и не привлекательна, и не молода.

Моралисты говорятъ, что отъ всякой женщины зависитъ быть, въ нѣкоторой мѣрѣ, и тѣмъ, и другимъ, и третьимъ; что, если ея не любятъ, если ею не восхищаются, хотя немногіе, то это значитъ, что она не заслуживаетъ ни любви, ни восхищенія. Должно-быть это относится между прочимъ и ко мнѣ. Должнобыть я очень непріятное созданіе. Пенелопа часто это говоритъ съ обычною своею рѣзкостью, а Лизабель—флегматическимъ своимъ тономъ. Лиза употребила бы тотъ же самый эпитетъ, говоря о комарѣ, сѣвшемъ къ ней на руку, или о кинжалѣ, готовомъ вонзиться въ ея сердце. «Милѣйшая женщина, милѣйшій характеръ!» Я же никогда не была, и никогда не буду милою женщиной.

Возвратимся къ балу. И въ самомъ дѣлѣ, я бы не прочь возвратиться на этотъ балъ, вновь пережить его; а это рѣдко когда можно сказать про какіе-либо часы жизни, особливо послѣ того какъ намъ стукнетъ двадцать пять лѣтъ. Очень было весело. Большія комнаты, прекрасно освѣщенныя, наполненныя нарядною толпой. Обыкновенно, наши деревенскія сборища выходятъ далеко не такъ блестящи, но Грантоны со всѣми знакомы и всѣхъ приглашаютъ. Никто бы не могъ устроить такого бала, кромѣ доброй мистриссъ Грантонъ съ ея Колиномъ, у котораго конечно умъ не далекій, но за то самое доброе сердце и самый полный кошелекъ во всемъ околоткѣ.

Я увѣрена, что мистриссъ Грантонъ съ пріятнымъ чувствомъ гордости смотрѣла на свою красивую анфиладу, испещренную, точно движущаяся клумба, всѣми цвѣтами радуги, отѣненными достодолжнымъ прибавленіемъ неминуемыхъ черныхъ фраковъ.

Но вотъ стали показываться у дверей обожаемые красные мундиры, и мало-по-малу, распространяясь по всей залѣ, придали картинѣ еще болѣе яркій колоритъ.

Эти красныя пятна были очень эффектны издали. Нѣкоторыя изъ нихъ были очень молоденькіе люди, совсѣмъ почти мальчики; волосы ихъ, обстриженные по формѣ, какъ-то особенно гладко были зачесаны, и казалось, они не совсѣмъ еще привыкли къ своему воинственному наряду.

— Разумѣется, это изъ милиціи, замѣтила подлѣ меня дама, повидимому большой знатокъ этого дѣла.— Наши офицеры никогда безъ особой надобности не надѣваютъ мундировъ.

Но эти мальчики, казалось, очень ими гордились. Они съ какою-то храброю и воинственною осанкой расхаживали по комнатамъ, пока ихъ не настигала судьба, увлекая ихъ къ какой-нибудь прелестной дамѣ, которую они наконецъ рѣшались пригласить, и передъ которою тотчасъ же терялись и робѣли,—дѣлались совершенными болванами, могла бы я сказать. Но не были ль они будущими надежными защитниками отчизны? и въ эту самую минуту, не отдыхали ли ихъ грозные мечи на самомъ удобномъ для отдыха мѣстѣ, на зеленомъ сукнѣ билліарда мистриссъ Грантонъ?

На все это смотрѣла я изъ своего угла съ какимъ-то полусоннымъ удовольствіемъ, задавая себѣ вопросъ: очень ли скучно просидѣть такъ цѣлый вечеръ и смотрѣть какъ другіе веселятся?

Мистриссъ Грантонъ подбѣжала ко мнѣ.

— Милая моя, вы не танцуете?

— Кажется, нѣтъ, отвѣчала я смѣясь, и стараясь поймать ее и усадить подлѣ себя. Напрасное стараніе! Мистриссъ Грантонъ ни за что̀ не усядется, пока ей кажется, что она можетъ сдѣлать что-нибудь пріятное кому бы то ни было. Она уже собралась облетѣть всю залу, какъ добрая суетливая пчела, чтобъ отыскать несчастнаго кавалера, которому могла бы навязать меня. Но любовь къ танцамъ не такъ во мнѣ сильна, чтобы довести меня до подобнаго униженія.

Чтобы спастись отъ угрожавшей бѣды, я побѣжала за ней и умѣла затронуть слабую струнку доброй старушки. Къ счастію, она попалась на удочку, и вскорѣ у насъ завязалось горячее разсужденіе о раздачѣ теплыхъ одѣялъ и мяса бѣднымъ семействамъ, и о томъ, слѣдуетъ ли также раздавать пиво,—великій вопросъ, поселившій раздоръ во всемъ нашемъ приходѣ. Я должна признаться, къ своему стыду, что мнѣ очень мало извѣстны дѣла приходскія, несмотря на то что я дочь ректора. И, хотя сперва я немного раскаивалась въ своей хитрости, замѣтивъ, что, вслѣдствіе глухоты мистриссъ Грантонъ, нашъ разговоръ долженъ былъ раздаваться на всю залу, однако мало-по-малу я такъ

заинтересовалась ея разказами, что мы такимъ образомъ проговорили около получаса, пока кто-то изъ гостей не отозвалъ старую леди.

— Очень жаль мнѣ васъ оставить, миссъ Дора; но я васъ оставляю въ хорошемъ обществѣ, сказала она, улыбаясь и кивая кому-то сидѣвшему за моимъ диваномъ, предполагая вѣроятно, что я съ нимъ знакома. Но я съ нимъ знакома не была, и вовсе не желала этой чести. Я не люблю новыхъ знакомствъ на балѣ, они никогда почти не ведутъ къ занимательному или путному разговору. Итакъ, когда мистриссъ Грантонъ удалилась, я даже не обернула головы.

Я смотрѣла ей вслѣдъ, подавляя полу-вздохъ, и спрашивая себя, будетъ ли у меня въ шестьдесятъ лѣтъ хоть половина дѣятельности, веселости и добродушія этой милой старушки.

Никто не прерывалъ моихъ размышленій. Папенькина сѣдая голова виднѣлась мнѣ вдали, на противоположномъ концѣ залы; сестры же давно исчезли въ вихрѣ нарядной толпы. Отъ времени до времени, передо мной мелькало воздушное розовое платье Пенелопы, ея блѣдное лицо, ея вѣчная улыбка, и бѣлые зубы, составляющіе странную противоположность съ напряженнымъ, тревожнымъ взглядомъ ея черныхъ глазъ; мнѣ всегда бываетъ грустно видѣть на балѣ мою старшую сестру. Изрѣдка также миссъ Лизабель медленно плыла по залѣ, совершенно затмевая собой тоненькаго, молоденькаго капитана Трегерна, который, казалось, очень радъ былъ исчезать въ ея лучахъ. Казалось также, онъ придерживался моего мнѣнія, что бѣлое съ пунцовымъ—самое лучшее сочетаніе цвѣтовъ; онъ ни съ кѣмъ не хотѣлъ танцовать кромѣ нашей Лизабели.

Я замѣтила, что многіе изъ гостей смотрѣли на нихъ и улыбались. Какая-то дама, невдалекѣ отъ меня, прошептала что-то про «дочь бѣднаго ректора» и про «сэръ-Уилльяма Трегерна».

Я почувствовала, что кровь бросилась мнѣ въ лицо. О, еслибы мы были гдѣ-нибудь въ раю, или въ монастырѣ, или вообще въ такомъ мѣстѣ, гдѣ бы не было рѣчи о свадьбахъ, о выгодныхъ партіяхъ и тому подобномъ!

Я рѣшилась поймать Лизу и сказать ей два слова лишь только кончится вальсъ. Она вальсируетъ хорошо, даже чрезвычайно граціозно для своего большаго роста, но я бы желала, я бы желала... Мое желаніе было прервано на половинѣ, какимъ-то столкновеніемъ между танцующими; я невольно вскочила, чтобы побѣжать на помощь. Но въ слѣдующую же минугу, Трегернъ и сестра опять пришли въ равновѣсіе и продолжали плавно кружиться по залѣ. Я, разумѣется, тотчасъ же сѣла на прежнее мѣсто.

Но лицо мое должно-быть измѣнило мнѣ, потому что за мной кто-то сказалъ, какъ бы въ отвѣтъ на мою мысль:

— Успокойтесь; право, молодая дама никакъ не могла ушибиться.

Я изумилась; хотя голосъ былъ вѣжливый, даже добродушный до крайности, но не принято заговаривать безъ предварительнаго представленія. Я, конечно, отвѣчала по возможности учтиво, но должно-быть въ моемъ тонѣ слышалось какое-то недоумѣніе, потому что незнакомецъ сказалъ:

— Извините, я думалъ, что споткнулась ваша сестра, и что вы о ней безпокоитесь.

Съ этими словами онъ поклонился и отступилъ назадъ.

Мнѣ стало неловко; я не знала, слѣдуетъ ли мнѣ отвѣчать ему или нѣтъ; кто это рѣшился такъ безъ обиняковъ заговорить со мной? И могла ли я, не роняя своего достоинства, продолжать такъ неожиданно завязавшійся разговоръ?

Наконецъ простой, здравый смыслъ порѣшилъ дѣло.

«Дора Джонстонъ, сказала я себѣ,—бросьте эти дурачества; неужели вы себя считаете до такой степени выше своихъ ближнихъ, что не рѣшаетесь дать учтивый отвѣтъ на учтивое замѣчаніе, очевидно сдѣланное съ самымъ добрымъ намѣреніемъ? И все это по той же причинѣ, какую привелъ тотъ господинъ, котораго умоляли спасти жизнь утопавшаго человѣка: «Очень бы радъ, да я не былъ ему представленъ.»

Такъ вотъ оно ваше презрѣніе ко всему условному, ваша хваленая привычка думать и разсуждать самостоятельно, ваша благородная независимость отъ всѣхъ общественныхъ глупостей! Стыдитесь, стыдитесь!

Чтобы не наказать себя за свое малодушіе, я рѣшилась обернуться и взглянуть на этого господина.

Наказаніе это оказалось очень легкое. У него было пріятныя черты, темные волосы и темный цвѣтъ лица: онъ былъ не высокъ ростомъ, худъ, но крѣпко сложенъ, и во всей его наружности было что-то чинное и сдержанное. Взглядъ его былъ задумчивъ, но въ немъ искрился какой-то добродушный юморъ, отъ котораго, казалось, не скрылось мое глупое замѣшательство и смѣшная нерѣшимость. Въ первую минуту мнѣ это было непріятно, но потомъ я улыбнулась, оба мы улыбнулись, и между нами завязался разговоръ.

Разумѣется, этого бы не случилось, еслибъ онъ былъ молодой человѣкъ. На видъ ему было лѣтъ около сорока.

Тутъ къ намъ подошла мистриссъ Грантонъ съ своимъ всегдашнимъ довольнымъ видомъ, появляющимся на ея лицѣ, когда она воображаетъ, что другіе люди взаимно довольны собою; она сказала съ обычнымъ своимъ добродушіемъ, настраивающимъ и другихъ людей къ добродушію:

— Вы, какъ я вижу, съ своимъ кавалеромъ, миссъ Дора. И отлично. Я вамъ сейчасъ составлю кадриль, докторъ.

Докторъ! Я была рада услышать это званіе. Онъ могъ бы быть чѣмъ-нибудь хуже; борода его навела меня даже на мысль, что онъ одинъ изъ лагерныхъ офицеровъ.

— Наша добрая хозяйка слишкомъ быстро выводитъ заключенія, сказалъ онъ съ улыбкой.—Мнѣ приходится самому представить себя. Имя мое Эрквартъ.

— Докторъ Эрквартъ?

— Да.

Здѣсь начала составляться кадриль, а я принялась застегивать перчатки безъ всякаго ропота на судьбу.

— Я боюсь, что присваиваю себѣ не принадлежащее мнѣ право, сказалъ онъ;—я во всю жизнь свою ни разу не танцовалъ. Вы же, я вижу, танцуете. Я боюсь лишить васъ другаго кавалера.

И неизвѣстный мой другъ, такъ ясно, повидимому, понимавшій мои намѣренія и желанія, снова отошелъ отъ меня.

Разумѣется, я, какъ водится, не была приглашена на эту кадриль. Когда докторъ снова появился подлѣ меня, я искренно обрадовалась ему. Не подавая вида, что замѣчаетъ мое унизительное одиночество, онъ сѣлъ подлѣ меня, на одно изъ освободившихся мѣстъ, и продолжалъ начатый нами разговоръ, какъ будто онъ никогда не прерывался.

Часто въ большомъ обществѣ два человѣка, не очень занятые имъ, нападаютъ на предметы разговора, вовсе не касающіеся настоящей минуты, и, сами того не замѣчая, сближаются скорѣе чѣмъ могло бы это случиться при другой обстановкѣ. Мнѣ теперь странно вспомнить о томъ множествѣ разнородныхъ предметовъ, о которыхъ мистеръ Эрквартъ и я толковали вчера вечеромъ. Онъ успѣлъ много мнѣ сообщить любопытнаго. Я убѣждена, что онъ много путешествовалъ и наблюдалъ; что̀ же касается меня, я теперь удивляюсь, вспоминая, какъ свободно я говорила съ нимъ, выражала свое мнѣніе о вещахъ, о которыхъ мнѣ рѣдко случается говорить, частію отъ застѣнчивости, частію оттого, что дома никому нѣтъ дѣла до этихъ вещей. Между прочимъ разговоръ коснулся современнаго вопроса,—войны.

Я сказала, что война, по моему убѣжденію, есть дѣло совершенно не христіянское, что я не могу понять, какъ человѣкъ религіозный, христіянинъ, рѣшается поступить въ военную службу.

Услышавъ эти мои слова, докторъ Эрквартъ уперся локтемъ на ручку дивана и пристально взглянулъ мнѣ въ лицо.

— Хотите ли вы этимъ сказать, что христіянину ни при какихъ

обстоятельствахъ не слѣдуетъ защищать свое отечество, свою жизнь, свою свободу? Или, что онъ въ мирное время можетъ щеголять своимъ мундиромъ, но при первомъ сраженіи долженъ бросить свое ружье, вспомнить слова Писанія и удалиться съ поля брани?

Слова эти, болѣе свободныя чѣмъ я привыкла слышать, были сказаны безъ всякаго цинизма. Они смутили меня. Я почувствовала, что позволила себѣ выразить очень рѣшительно мнѣніе о предметѣ, о которомъ не имѣю ни малѣйшаго понятія. Но тѣмъ не менѣе я не хотѣла сдаться.

— Докторъ Эрквартъ, позвольте мнѣ напомнить вамъ, что я сказала: «не понимаю, какъ можетъ онъ поступить въ военную службу.» Что̀ же христіянину, уже разъ поступившему на службу, подобаетъ дѣлать, я не берусь рѣшить. Но я нахожу, что избирать военную службу, когда всѣ другія дороги открыты, получать жалованье за пролитую кровь—безсмысленно, чудовищно. Какъ тамъ ни прикрашивай, ни расписывай военную славу, она, въ виду простой заповѣди: «Не убей», кажется мнѣ не многимъ лучше живописной формы убійства.

Я выражалась рѣзко, слишкомъ быть-можетъ рѣзко для дѣвушки, мнѣнія которой были скорѣе основаны на чувствѣ чѣмъ на твердомъ убѣжденіи. Если такъ, совершенное молчаніе доктора Эркварта было должнымъ мнѣ порицаніемъ.

Онъ въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ даже не глядѣлъ на меня, но поникъ головой, такъ что я могла видѣть очертанія его лба, носа и густой бороды. Усы вообще и противны и неприличны, бакенбарды не многимъ лучше, но настоящая восточная борода очень красива и придаетъ достоинство лицу.

Наконецъ докторъ Эрквартъ заговорилъ снова:

— Итакъ вы «ненавидите военныхъ;» я слышалъ, какъ вы это сказали мистриссъ Грантонъ. «Ненавижу»—слово рѣзкое для христіянки.

Собственное мое оружіе было обращено противъ меня.

— Да, я ненавижу военныхъ: мои убѣжденія, чувства, наблюденія утверждаютъ меня въ справедливости моего отвращенія отъ нихъ. Въ мирное время, они праздны, ничего дѣльнаго не дѣлаютъ, повѣсничаютъ, даромъ ѣдятъ хлѣбъ, и годны только для бальной залы. Въ военное время — вы знаете, что̀ они въ военное время.

— Будто бы знаю! сказалъ онъ съ легкою усмѣшкой.

Досада начинала разбирать меня.

— И еслибъ у меня была хоть искра воинственности, она бы потухла, я увѣрена, въ продолженіи послѣдняго года. Всѣ эти куклы,

не скажу люди, въ красныхъ мундирахъ, всегда возбуждаютъ во мнѣ сильнѣйшее презрѣ....

Я остановилась на полусловѣ. Въ эту минуту медленно прошла мимо меня сестра моя Лизабель, опираясь на руку капитана Трегерна, и съ такимъ выраженіемъ на лицѣ, какого я никогда не видала на немъ прежде. Мнѣ вдругъ представилось, что̀ могло случиться, что̀ быть-можетъ уже случилось. Неужели я осуждала своего... странная мысль!—своего зятя, когда съ такимъ жаромъ выражала свои предубѣжденія? Гордость, если не лучшее чувство, заставила меня теперь замолчать въ нѣкоторомъ замѣшательствѣ.

Докторъ Эркв̂артъ проговорилъ самымъ спокойнымъ тономъ:

— Я долженъ вамъ сказать, и мнѣ бы слѣдовало предупредить васъ, что я самъ принадлежу къ арміи.

Должно-быть я очень глупо на него посмотрѣла; по крайней мѣрѣ я чувствовала себя совершенною дурой. «Вотъ что̀ значитъ, подумала я, говорить все, что̀ вспадетъ на умъ, особенно съ незнакомымъ!»

О, когда это я выучусь держать на привязи свой языкъ или же болтать милый вздоръ, какъ другія дѣвушки? Что это мнѣ вздумалось серіозно говорить съ этимъ господиномъ? Я его не знала, мнѣ дѣла никакого не было до него; мнѣ бы и не слѣдовало слушать его и ему отвѣчать, пока, по выраженію моихъ сестеръ, мнѣ бы не *представили* его какъ слѣдуетъ; пока я не узнала бы, гдѣ онъ живетъ, и кто его родители, и чѣмъ онъ занимается, и сколько у него годоваго дохода.

Однако, не смотря на все это, незнакомецъ пробудилъ во мнѣ невольное участіе. Я чувствовала, что мнѣ слѣдуетъ сказать что-нибудь; мнѣ хотѣлось, по мѣрѣ возможности, поправить свою ошибку.

— Но вѣдь вы—*докторъ* Эркв̂артъ; у военнаго медика свое отдѣльное поприще; его назначеніе спасать жизнь людей, а не посягать на нее. Вѣдь, конечно, вамъ не приходилось никогда убить человѣка?

Лишь только я выговорила этотъ вопросъ, я поняла, до какой степени онъ былъ неумѣстенъ. Совершенно растерявшись, я отвернулась въ другую сторону. Къ великой моей радости, въ эту же минуту ко мнѣ подошла Лизабель съ капитаномъ Трегерномъ. Она замѣтила, съ сіяющею улыбкой, что балъ великолѣпный; потомъ спросила, съ кѣмъ это я танцовала.

— Ни съ кѣмъ.

— Да какъ же, я видѣла сама, что ты разговариваешь съ какимъ-то незнакомымъ господиномъ. Кто это былъ такой? Довольно странная фигура...

— Тише; это былъ докторъ Эркв̂артъ.

— Нашъ Эрквартъ? воскликнулъ молодой Трегернъ.—Какъ же онъ мнѣ говорилъ, что не пріѣдетъ, или, во всякомъ случаѣ, останется не болѣе десяти минутъ? Онъ, знаете, слишкомъ серіозенъ для такихъ удовольствій; впрочемъ славный малый; отличный малый, можно сказать. Да гдѣ же онъ?

Но *отличный малый* рѣшительно исчезъ.

Остальной вечеръ прошелъ для меня чрезвычайно весело, то-есть довольно пріятно. Впрочемъ, не вполнѣ, какъ вспоминаю теперь, хотя я натанцовалась вдоволь, благодаря заботливости капитана Трегерна, который то и дѣло подводилъ кавалеровъ къ намъ съ Пенелопой (NB только не къ Лизабели); но всякій разъ, какъ мнѣ случалось завидѣть вдали темную бороду доктора Эркварта, меня упрекала совѣсть за мою глупость и безтактность. Боже мой! отчего такъ трудно высказать откровенное мнѣніе, чтобы притомъ не обидѣть кого-нибудь

Но точно ли онъ обидѣлся? Онъ долженъ былъ видѣть, что я говорила безъ дурнаго намѣренія; да кажется, онъ не изъ тѣхъ щепетильныхъ людей, которые ото всего вздрагиваютъ, какъ будто наступаютъ на хвостъ воображаемой змѣи. Однако онъ больше со мной не заговаривалъ въ продолженіи цѣлаго вечера, о чемъ я въ душѣ сожалѣла, отчасти потому, что мнѣ хотѣлось чѣмъ-нибудь загладить свою вину, отчасти потому, что онъ мнѣ казался занимательнѣе всѣхъ остальныхъ присутствующихъ.

Меня все больше и больше удивляетъ: что̀ могутъ найдти сестры въ молодыхъ людяхъ, съ которыми онѣ танцуютъ или болтаютъ? Мнѣ они кажутся нелѣпыми, самонадѣянными, совершенно нестерпимыми. А между тѣмъ иные изъ нихъ могутъ имѣть и хорошія стороны. *Могутъ*?

Нѣтъ, во всякомъ человѣческомъ существѣ *должно* быть что-нибудь хорошее. Увы! Правду говорилъ вчера докторъ Эрквартъ, что только молодость, неопытность, неразвитость, скоры на рѣзкіе приговоры.

Я должна прибавить, что когда, изнемогая отъ усталости, мы ожидали у подъѣзда свою коляску, докторъ Эрквартъ вдругъ появился подлѣ насъ. Папа держалъ подъ руку Пенелопу; Лизабель перешептывалась съ капитаномъ Трегерномъ. Да, кажется, этому молодому человѣку быть моимъ зятемъ. Я стояла у дверей и въ раздумьи смотрѣла на хмурую, темную ночь, какъ вдругъ кто-то за мной проговорилъ:

— Сдѣлайте милость, не стойте на сквозномъ вѣтру. Вы, молодыя дамы, не умѣете беречь своего здоровья. Позвольте.

И съ какою-то особенною важностью, мой новый другъ-медикъ сталъ теплѣе закутывать меня въ мою шаль.

— Пледъ—хорошая вещь. Ничто на свѣтѣ такъ не защищаетъ

отъ холода, какъ хорошій пледъ, сказалъ онъ съ улыбкой, по которой, даже оставивъ въ сторонѣ его странное имя и чуть-чуть выдающійся акцентъ, я не могла не догадаться, въ какой части королевства родился докторъ Эрквартъ. Я чуть было, съ обычною моею неосторожностію, не предложила ему прямаго вопроса объ этомъ, но спохватилась вовремя, подумавъ, что уже довольно и безъ того наговорила глупостей въ одинъ вечеръ.

Въ эту самую минуту раздался крикъ: «Экипажъ мистера Джонсона!» (Увы, никогда намъ не удастся упрочить въ своемъ плебейскомъ имени аристократическое *т!*) Я поспѣшила на крыльцо; но докторъ не послѣдовалъ за мной, не подалъ мнѣ руки; онъ стоялъ на порогѣ, медвѣдь-медвѣдемъ, и даже не двинулся.

Вотъ и все.

ГЛАВА II.

Его разказъ.

Госпитальный журналъ, сентября 21-го. Уилльямъ Картеръ, рядовой, двадцати четырехъ лѣтъ, принятый недѣлю тому назадъ. Гастрическая горячка, тифозные признаки, легкій бредъ — больной опасный. Просилъ меня написать къ его матери, не сказалъ куда. *Замѣчаніе.* Узнать въ его дивизіи, не извѣстно ли что-нибудь о его роднѣ.

Капралъ Томасъ Гардманъ, пятидесяти лѣтъ. Delirium tremens, поправляется. Я его зналъ въ Крыму; онъ былъ тогда человѣкъ совершенно трезваго поведенія и желѣзнаго здоровья. «Сгубили меня траншеи, говоритъ онъ, — а потомъ зима, проведенная въ совершенномъ бездѣйствіи.» *Зам.* Послать за нимъ, какъ только онъ выпишется изъ госпиталя, и придумать, что̀ для него можетъ быть сдѣлано; не забыть также зайдти завтра, изъ госпиталя, къ этой славной женщинѣ, его женѣ.

«Максъ Эрквартъ. М. Э. Максъ Эрквартъ, Д. М.—Д. М.

...который, какъ лѣнивый школьникъ, отъ нечего-дѣлать, исписываетъ листъ этотъ своимъ именемъ.

Отъ нечего-дѣлать! Никогда въ продолженіи этихъ послѣднихъ двадцати лѣтъ не былъ я такъ празденъ.

Что̀ за мерзкій уголъ этотъ лагерь! Онъ во сто разъ хуже нашего крымскаго. Въ особенности сегодня. Дождь льетъ какъ изъ ведра, вѣтеръ воетъ, на улицѣ грязь непроходимая, и мнѣ

нечего дѣлать, не о чемъ думать, нечего даже терпѣть, или нѣтъ! мнѣ есть что̀ терпѣть: флейта Трегерна сведетъ меня съ ума.

Нечего сказать, мало же въ самомъ дѣлѣ у меня должно-быть занятій, когда я такимъ образомъ изъ журнала болѣзней перехожу въ личный дневникъ самаго непріятнаго паціента, съ какимъ когда-либо мнѣ случалось имѣть дѣло, самаго неблагодарнаго, неудобнаго, безнадежнаго. Врачъ, исцѣлись самъ! Но какъ?

Я вырву этотъ листъ, или, нѣтъ, я сохраню его, какъ замѣчательный психологическій фактъ, и примусь за свою статью о ранахъ, наносимыхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ...

....къ которой, оказывается, два дня спустя, я прибавилъ ровно десять строкъ.

Вотъ, вѣроятно, при какого рода обстоятельствахъ люди принимаются писать свои дневники. Съ свойственною человѣку опрометчивостію, я всегда горько порицалъ такое препровожденіе времени, но сегодня я начинаю понемногу понимать то состояніе ума, при которомъ это странное явленіе становится возможнымъ.

Дневникъ врача, — такъ что ли мнѣ его назвать? Кто-то, кажется, написалъ книгу подъ этимъ заглавіемъ. Она мнѣ попалась въ руки, помнится, на кораблѣ; это романъ, но мнѣ рѣдко приходится читать произведенія такъ-называемой легкой литературы. Мнѣ никогда не хватаетъ на это времени. Къ тому же, всѣ вымыслы становятся пошлы и блѣднѣютъ въ сравненіи съ дѣйствительностію жизни, съ мрачными слѣдствіями преступленія, съ ужасными картинами бѣдности и горя, которыя мнѣ, какъ врачу, приходится видѣть на каждомъ шагу. Говорите мнѣ послѣ этого о романахъ!

Были ли у меня когда-либо наклонности болѣе романическія? Были нѣкогда, быть-можетъ, или могли быть.

Никакое ремесло, въ самомъ дѣлѣ, не пришлось бы мнѣ такъ, какъ мое. Оно снабжаетъ меня безпрерывнымъ дѣломъ, я живу имъ. Ежедневно благодарю я Небо за то, что оно дало мнѣ силу и рѣшимость взяться за него, съ тою цѣлію, чтобы, согласно съ слышанными мною вчера словами, спасать жизнь, вмѣсто того чтобъ убивать ее.

Бѣдная дѣвочка, она сказала это безъ всякой цѣли; она не имѣла понятія о томъ, что̀ сама говорила.

Это ли меня такъ разстроило на весь нынѣшній день?

Быть-можетъ, съ моей стороны, было бы разсудительнѣе никогда не бывать въ обществѣ. Я гораздо больше чувствую себя на своемъ мѣстѣ въ госпиталѣ чѣмъ въ бальной залѣ. Тамъ всегда есть дѣло, здѣсь видишь одно только удовольствіе, а нужно умѣть имъ наслаждаться.

И я убѣдился, что есть люди, которые могутъ наслаждаться этимъ удовольствіемъ. Я увѣренъ напримѣръ, что дѣвушкѣ этой было очень весело. Нѣсколько разъ въ продолженіи вечера я ловилъ на ея лицѣ такое беззаботное, такое счастливое выраженіе. Мнѣ рѣдко приходится видѣть счастливыхъ людей.

Неужели же мы по природѣ нашей обречены на вѣчныя страданія? Неужели страдать и существовать значитъ одно и то же? Можетъ ли это быть закономъ Провидѣнія? Или Оно допускаетъ такія послѣдствія только въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, невозвратныхъ, безвыходныхъ, подобно...

Что̀ я пишу? что̀ осмѣливаюсь я писать?

Врачъ, самъ исцѣлись! И конечно, это одна изъ первыхъ обязанностей врача. Болѣзнь, вогнанная внутрь — всякій неопытный студентъ знаетъ какъ надобно опасаться такой болѣзни. Мнѣ иногда кажется, что я шелъ по совершенно-ошибочной дорогѣ, по крайней мѣрѣ съ тѣхъ поръ, какъ возвратился въ Англію.

Только настоящее въ рукахъ человѣка: прошедшее для него потеряно невозвратно, вполнѣ. Онъ можетъ страдать вслѣдствіе своего прошедшаго, можетъ извлекать изъ него много мудрости житейской, можетъ до нѣкоторой степени исправить свои ошибки. Но есть случаи, когда вдумываться въ свое прошедшее значитъ сходить съ ума.

Я на вѣку своемъ изучалъ не мало разныхъ случаевъ сумашествія, происходящаго какъ отъ нравственныхъ, такъ и отъ физическихъ причинъ. Нравственнымъ сумашествіемъ, если мнѣ позволено будетъ дать ему это имя, я называю тотъ родъ болѣзни, который развивается въ сравнительно-здоровыхъ умахъ вслѣдствіе поглощенія ихъ одною мыслію; тотъ родъ болѣзни, который мы находимъ въ женщинахъ, впавшихъ въ меланхолію отъ несчастной любви, или въ мущинахъ — отъ необузданнаго честолюбія, ненависти, или эгоизма, и который, если не остановить его вовремя, неминуемо переходитъ въ нѣкотораго рода сумашествіе. Всѣ мономаніи этого рода, которыя я отличаю отъ сумашествія, происходящаго отъ болѣзней мозга, я изучалъ тщательно и не безъ успѣха. Метода моя была очень проста; сама природа указывала мнѣ ее. Я крѣпко держался закона замѣненія, старался уничтожать эти *idées fixes*, замѣняя ихъ другими, подъ вліяніемъ которыхъ, укоренившаяся мысль, хотя на время, исчезаетъ съ перваго плана.

Почему же не могу я еще разъ испробовать эту методу? Почему не сдѣлать для себя того, что̀ столько разъ дѣлалъ для другихъ?

Мысли, нѣсколько подобныя этимъ, побудили меня отправиться вчера на балъ; мнѣ было немножко любопытно видѣть безыменную красавицу Трегерна, о которой онъ не перестаетъ

дить съ своимъ мальчишескимъ увлеченіемъ. Да, но несмотря на все его безразсудство и ребячество, онъ добрый и честный мальчикъ, и мнѣ было бы грустно, еслибы съ нимъ приключилось что-нибудь непріятное.

Эта высокая и стройная дѣвица была, вѣроятно, предметъ его нѣжной страсти; а другая, маленькая и не такъ красивая, но, по мнѣ, болѣе пріятная, была, безъ сомнѣнія, ея сестра. И разумѣется имя ея тоже *Джонстонъ*.

И имя это могло до такой степени поразить человѣка, что онъ, какъ вкопаный, остановился въ дверяхъ передней, съ замирающимъ сердцемъ, дрожащими членами!—что онъ теперь, написавъ его на бумагѣ, долженъ остановиться и призвать на помощь весь свой разсудокъ, всю силу духа... А между тѣмъ душа моя исполнена такого страха, такой непростительной трусости, словно противъ меня, въ углу этой комнаты, стоитъ...

Здѣсь я остановился; вскорѣ за тѣмъ меня потребовали въ госпиталь, гдѣ я и пробылъ до этой минуты. Уилльямъ Картеръ умеръ. Мать ужь не нужна ему. Какъ мало значитъ жизнь или смерть, если подумаешь! Какъ быстръ этотъ переходъ!

Пишу это я на томъ самомъ листѣ, который я заложилъ куда-то, когда меня позвали въ госпиталь, и потомъ долго искалъ, съ намѣреніемъ тотчасъже его сжечь. Но я убѣдился, что въ написанномъ мною нѣтъ ничего такого, чего бы мнѣ слѣдовало бояться, ничего такого, что̀ могло бы быть понятно для кого бы то ни было, развѣ только то, что я подчеркнулъ это имя.

Неужели же я никогда не отдѣлаюсь отъ этого безразсудства, отъ этой мономаніи? Когда каждый можетъ встрѣтить десятки людей, носящихъ это имя, — когда и имя-то это не совсѣмъ то самое!..

Вотъ въ какомъ я положеніи. Описываю я его въ надеждѣ, что это усиліе надъ самимъ собою, это признаніе въ своемъ безуміи будетъ для меня полезно, что средство это подѣйствуетъ на меня, какъ дѣйствовало оно на многихъ паціентовъ.

Я тотчасъ же отошелъ отъ дверей этой передней. Я не подумалъ сдѣлать, да и не могъ бы сдѣлать, простой вопросъ, который тотчасъ же успокоилъ бы меня. Я отправился бродить по полямъ, я прошелъ нѣсколько миль, самъ того не замѣчая, и все слѣдилъ за луной. Она взошла, показалось мнѣ, точно такъ же, какъ всходила девятнадцать лѣтъ тому назадъ,—девятнадцать лѣтъ и десять мѣсяцевъ безъ двухъ дней, — я въ счетѣ этомъ никогда не могу ошибиться. Она, какъ грозный призракъ, поднялась надъ волнистою поляной, и своимъ краснымъ зловѣщимъ свѣтомъ, какъ въ ту ночь, освѣтила поле и

пощаднымъ взглядомъ, отъ котораго ничего не скроешь, ничего не утаишь.

Чтò я пишу? На меня, кажется, опять хотятъ напасть старинные призраки. Этого допустить нельзя. Нужно мнѣ себя превозмочь.

Стучатся въ дверь: да, это сержантъ роты бѣднаго Ка ра. Пора, пора мнѣ за работу; я ею только и живу.

ГЛАВА III.

Его разказъ.

Сентября 30. Больныхъ въ госпиталѣ не прибавилось. Воздухъ здѣшній, кажется, лучшее лѣкарство. *Практики* у меня теперь очень мало.

Фактъ этотъ меня очень радуетъ, или, скорѣе, причина его, которую, сказали бы циники, человѣкъ моего званія легко сумѣлъ бы устранить, еслибъ онъ былъ городскимъ, а не полковымъ врачомъ. Тѣмъ не менѣе праздность для меня невыносима. Я посѣтилъ немногіе, находящіеся по близости, поселки, но главная ихъ болѣзнь такого рода, что вышеупомянутому полковому врачу, не имѣющему почти ничего, кромѣ своего жалованья, трудно дать имъ облегченіе; бѣдность самая опасная болѣзнь.

Сегодня я долго прохаживался по длиннымъ прямымъ улицамъ лагеря, взадъ и впередъ отъ госпиталя до моста; старался съ участіемъ вглядываться въ прохожихъ, въ солдатъ, играющихъ въ мячь, въ ученіе новобранцевъ. Въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ я наблюдалъ, какъ, по истеченіи каждаго, часовой всходилъ на маленькій укрѣпленный пригорокъ и оглашалъ весь лагерь знакомымъ гуломъ большаго севастопольскаго колокола. И затѣмъ я вернулся къ себѣ, заперъ свою дверь, взялся за книги, и занимался до тѣхъ поръ, пока у меня не разболѣлась голова.

Съ вечернею почтой я получилъ два письма, разумѣется, дѣловыя. Я рѣдко получаю письма другаго рода. Кто же бы могъ мнѣ писать? Кому же бы могъ я писать?

Мнѣ иногда случалось жалѣть объ этомъ случалось желать, чтобъ у меня былъ другъ, съ которымъ бы я могъ переписываться о чемъ-нибудь другомъ, кромѣ дѣлъ. Но, *cui bono?* Ни съ какимъ другомъ не могъ бы я быть откровененъ, въ моихъ письмахъ не

было бы ничего искреннаго и вѣрнаго, ничего вполнѣ принадлежащаго мнѣ, кромѣ угрюмой подписи *Максъ Эрквартъ.*

Еслибы судьба моя была иная, еслибъ было человѣческое существо, которому бы я могъ излить всю свою душу, повѣрить тайну моей жизни... но́ нѣтъ, это уже теперь совершенно невозможно.

Довольно объ этомъ.

Довольно до поры до времени. Конецъ уже не такъ далекъ, этотъ конецъ, который разомъ разрѣшитъ всѣ затрудненія моей жизни. Мнѣ около сорока лѣтъ, а жизнь доктора бываетъ обыкновенно короче жизни другихъ людей. Я скоро буду старикъ. Да, конецъ не такъ далекъ. Какъ и какимъ образомъ я покончу это дѣло, я еще не вполнѣ рѣшилъ. Но все будетъ сдѣлано до моей смерти или послѣ.

«Максъ Эрквартъ, Д. М.»

Я безсознательно подписалъ свое имя, въ сопровожденіи этихъ двухъ дѣловыхъ буквъ, и мнѣ пришло въ голову, какъ странно было бы подписывать его какъ-нибудь иначе, какъ странно было бы, еслибы кто-нибудь съ участіемъ взглянулъ на мою подпись, забывъ о томъ, что я служащее лицо, *Докторъ Медицины.* Но не менѣе странно то, что все это мнѣ пришло въ голову, и что я не постыдился написать весь этотъ вздоръ. Всему причиной праздность,—та же праздность, что̀ заставляетъ Трегерна, который, помню я, цѣлые сутки не сходилъ съ траншей, былъ бодръ и дѣятеленъ, — заставляетъ лежать, курить, зѣвать и играть на флейтѣ. Звуки ея и теперь раздаются. Вотъ они умолкли. Я слышалъ, какъ почтальйонъ постучался въ его дверь. Молокососъ получилъ письмо

Что̀, еслибъ я, Максъ Эрквартъ, доведенный до этой крайности благодѣтельнымъ правительствомъ, двинувшимъ нашъ полкъ въ этотъ уголокъ, высокій и сухой, но такой же разобщенный и печальный, какъ вершина Арарата, гдѣ остановился ко́вчегъ Ноя, еслибъ вздумалъ, для препровожденія времени и отъ хандры, переписываться съ воображаемымъ лицомъ? Почему бы нѣтъ?

Итакъ начну сразу по принятой формѣ.

«Дорогой» —

Какъ странно, подумаю, было бы мнѣ написать это слово передъ какимъ-нибудь именемъ. Осиротѣвъ съ дѣтства, давно потерявъ единственнаго брата, въ кочевой моей жизни почти забывъ родину, и совершенно забытый ею,—я не думалъ объ этомъ прежде; но, въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, нѣтъ такого существа, которое я имѣлъ бы право назвать по имени, данному ему или ей при крещеніи, которому могло бы придти въ голову

назвать меня также по имени: «Максъ!» Какъ давно я не слыхалъ звука этого имени!

Не сердись на меня, мой дорогой воображаемый корреспондентъ, мой безыменный другъ, а посердись лучше на моего друга, капитана Августа Трегерна: онъ, кажется, вообразилъ себѣ, что если при Балаклавѣ мнѣ случилось спасти его жизнь, то она, и вмѣстѣ съ ней, всѣ его сумасбродства должны на вѣки вѣковъ остаться на моей отвѣтственности. Онъ ежеминутно является ко мнѣ, наполняя мою опрятную комнатку запахомъ табака и грога, и надоѣдаетъ мнѣ своими сентиментальными бреднями. Богу одному извѣстно, зачѣмъ я долженъ выслушивать ихъ. Вѣроятно затѣмъ, что онъ время свое могъ бы проводить хуже чѣмъ толкуя со мной о своей страсти, и также затѣмъ, что онъ добръ и честенъ, а я всегда предпочиталъ глупенькихъ негодяямъ. Но полно мнѣ однако великодушничать: этотъ юноша и любовь его мнѣ подчасъ страшно надоѣдаютъ и были бы совершенно невыносимы вездѣ, кромѣ этого скучнаго лагеря. Я терплю его общество, слушаю его разглагольствія больше потому, что люблю изучить характеры, люблю заглядывать въ души людей.

А забавно изучить не только этого влюбленнаго юношу, но и его богиню: я въ одинъ вчерашній вечеръ успѣлъ совершенно прочесть ее. Трегернъ и не подозрѣваетъ этого, онъ не представилъ меня ей, даже не называетъ при мнѣ ея имени, и не знаетъ, что оно мнѣ извѣстно. О чемъ онъ заботится и хлопочетъ? Неужели онъ боится, чтобы сердце его Ментора не погибло при встрѣчѣ съ его божествомъ? Мой воображаемый корреспондентъ знаетъ, какъ напрасны эти опасенія.

Даже еслибъ я и принадлежалъ къ числу людей, желающихъ жениться, никогда бы выборъ мой не палъ на эту красавицу, никогда бы она не привлекла моего вниманія. Я мало знаю женщинъ, однако на столько понимаю ихъ, чтобы видѣть какъ подъ этою красивою оболочкой кроется сердце, не способное на глубокое чувство, умъ, лишенный всякой оригинальности. Но у нея видъ очень добродушный и добронравный; въ этомъ она похожа на Трегерна.

Легокъ же онъ на поминѣ. Въ корридорѣ, слышу, уже раздается его вѣчное «Donna e mobile,» — какъ я ненавижу эту арію! Онъ вѣрно относилъ на почту отвѣтъ на одну изъ этихъ отвратительно-раздушенныхъ записокъ, которыя онъ вѣчно норовитъ выронить изъ кармана въ моемъ присутствіи: уронитъ, да и поглядываетъ на меня, чтобы видѣть, замѣчаю ли я его трофеи; но я ему не доставляю этого удовольствія. Что за щенокъ онъ до

сихъ поръ! И ласковъ онъ какъ щенокъ, даже ко мнѣ, хотя я часто ворчу на него. Молодъ онъ, зеленъ, но отъ этого порока всѣ исправляются, и я могу теперь только желать, чтобъ онъ пока не попалъ въ слишкомъ-дурное общество.

Я по опыту знаю, что̀ значитъ для молодаго, вѣтренаго, неопытнаго мальчика не имѣть друга.

Вечеръ того же дня.

Мнѣ смѣшно даже подумать, чѣмъ я наполняю этотъ госпитальный журналъ. Хорошъ журналъ болѣзней, нечего сказать! Лучше бы ужь откровенно вырвать немногія страницы, относящіяся до нихъ, чтобъ исключительно заняться новыми представляющимися мнѣ образчиками нравственнаго разстройства. Напримѣръ:

№ 1. — О немъ я лучше умолчу.

№ 2. — Августъ Трегернъ, 22 лѣтъ; перемежающаяся лихорадка, переходящая иногда въ желтую, какъ, напримѣръ, сегодня. Пульсъ быстрый, языкъ невоздержный, въ особенности же когда онъ говоритъ о мистерѣ Колинѣ Грантона. Цвѣтъ лица блѣдный, почти мертвенный. Случай весьма опасный.

Больной врывается въ мою комнату, словно локомотивъ: съ неистовымъ свистомъ, въ облакѣ дыма. Я молча указываю ему на его сигару.

— Извините, докторъ. Я все забываю. Что̀ вы однако за деспотъ!

— Не спорю. Но вы должны бы привыкнуть, что я никому не позволяю курить у себя. Я не допускалъ этого даже въ Крыму.

Юноша съ громкимъ вздохомъ опустился въ кресла.

— Клянусь честью, докторъ, я желалъ бы быть такимъ человѣкомъ, какъ вы.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Вы всегда такъ спокойны; васъ ничто, кажется, не можетъ встревожить. Вы никогда не чувствуете неопредѣленнаго влеченія взяться за сигару или что-нибудь другое, чтобъ успокоить свои нервы, привести себя въ лучшее расположеніе духа. Вы никогда не дѣлаете глупостей; у васъ нѣтъ матери, вѣчно читающей вамъ наставленія, нѣтъ вѣчно ворчащаго старика.

— Не довольно ли объ этомъ?

— Не дѣлайте такого строгаго лица. Онъ славный, впрочемъ, старикашка. Вы это знаете, и вотъ отчего я и позволяю себѣ при васъ не стѣсняться въ словахъ. Прочтите-ка это.

Онъ бросилъ мнѣ одно изъ скучныхъ и длинныхъ посланій

сэръ-Уилльяма; старый джентльменъ, я увѣренъ, очень гордится ими и воображаетъ, что въ своемъ родѣ они не уступятъ письмамъ лорда Честерфильда къ сыну. Я усмѣхнулся бы, еслибъ я былъ одинъ.

— Вы видите, какого онъ мнѣнія о васъ. Клянусь честью, еслибъ я не былъ ангелъ кротости, всегда готовый слушаться добраго совѣта, я бы давно прекратилъ знакомство съ вами. «Слушайтесь всегда совѣтовъ доктора Эркварта.» — «Я бы желалъ, чтобы вы брали примѣръ съ доктора Эркварта.» — «Ваша вѣтреность очень безпокоила бы меня, еслибы вы не были въ одномъ полку съ докторомъ Эрквартомъ.» — «Мнѣ рѣдко случалось встрѣчать такого достойнаго человѣка, какъ докторъ Эркартъ,» и т. д. Что̀ вы объ этомъ скажете?

Я ничего не сказалъ; такого рода слова заставляютъ меня жестоко страдать. Мнѣ было очень тяжело, и я промолчалъ нѣсколько минутъ.

— Трегернъ, сказалъ я наконецъ, — я не знаю или пожалуй знаю, до какой степени я заслуживаю хорошее мнѣніе вашего отца; но я не причастенъ одной, общей многимъ юношамъ слабости: тщательно скрывать свои хорошія качества и хвастаться дурными.

Юноша покраснѣлъ.

— Вы, разумѣется, говорите обо мнѣ.

— Вамъ лучше знать. А теперь, не хотите ли вы напиться со мною чаю?

— Очень буду радъ. Меня томитъ такая же жажда, какъ тогда, когда вы меня нашли на берегу Черной Рѣчки. Право, докторъ, гораздо бы мнѣ меньше было хлопотъ, еслибы вы меня не нашли тогда. Развѣ бы только старикъ мой огорчился, что имя его погибнетъ, а состояніе пойдетъ Богъ вѣсть кому, то-есть двоюродному моему братцу, который очень былъ бы радъ узнать, что я готовъ...

— Что такое готовъ? Къ чему готовъ?

— Не стыдно ли вамъ, докторъ, придираться къ словамъ такого злополучнаго человѣка, какъ я? И, сверхъ того, вы еще лишаете меня сигары. Видно, вы никогда не были влюблены, и никогда не знали, что̀ значитъ имѣть привычку курить.

— Почемъ вы знаете?

— Потому что вы бы никогда не отказались ни отъ того и ни отъ другаго. Это невозможно, это свыше силъ человѣческихъ.

— Будто бы? Когда-то, въ продолженіи двухъ лѣтъ, я выкуривалъ по шести сигаръ въ день.

— Что вы! И вы никогда объ этомъ не говорили мнѣ? Какіе же вы скрытные! Быть-можетъ современемъ откроется и другой

фактъ. Кто знаетъ? Мистриссъ Эрквартъ и полдюжина птенцовъ проживаютъ быть-можетъ въ какомъ-нибудь захолустьѣ,— въ Корнвалисѣ, напримѣръ, или Джерсеѣ, или посереди салисберійскихъ полей... Ахъ, извините, докторъ!

Не ужасно ли, что столько лѣтъ борьбы съ самимъ собой, столько усилій, еще не достаточно укрѣпили мои нервы, чтобъ извѣстныя слова, имена, воспоминанія, не заставляли меня вздрагивать, не поражали меня какъ острый ножъ! Безъ сомнѣнія, умъ Трегерна сохранитъ теперь впечатлѣніе, если онъ только способенъ что-нибудь сохранить, что я гдѣ-то скрываю жену и семейство. Смѣшная мысль, еслибъ она не находилась въ связи съ другими подозрѣніями, — но нѣтъ, она скорѣе можетъ отвлечь отъ нихъ.

Конечно, мнѣ невозможно было объяснить ему мое смущеніе. Я могъ только стараться обратить все дѣло въ шутку, и свернуть разговоръ на куреніе.

— Да, въ продолженіи двухъ лѣтъ слишкомъ, я выкуривалъ по шести сигаръ въ день.

— А потомъ совсѣмъ перестали курить? Удивительно!

— Не черезчуръ, когда у человѣка есть твердая воля да нѣкоторыя сильныя побудительныя причины.

— Какія же эти причины? Скажите мнѣ ихъ пожалуста. Не то, чтобъ я собирался ими воспользоваться... я неисправимъ.

— Конечно. Вопервыхъ, я былъ бѣднымъ студентомъ медицины, а шесть сигаръ въ день обходились мнѣ по четырнадцати шиллинговъ въ недѣлю, тридцать одинъ фунтъ восемь шиллинговъ въ годъ. Сумма порядочная, для чисто-искусственной потребности; на эти деньги можно было бы прокормить и одѣвать ребенка.

— Вы какую-то слабость питаете къ ребятамъ, Эрквартъ. Помните вы эту маленькую русскую дѣвочку, которую мы нашли въ подвалѣ, по занятіи Севастополя? Я думаю, что вы бы привезли ее съ собой въ Англію, и стали бы воспитывать на мѣсто дочери, еслибъ она такъ скоро не умерла.

Можетъ-быть. Но, какъ сказалъ Трегернъ, она умерла.

— Вовторыхъ, такую значительную сумму, какъ тридцать одинъ фунтъ восемь шиллинговъ въ годъ, мнѣ совѣстно было тратить на такое эгоистическое удовольствіе, на привычку докучную для всѣхъ, кромѣ самого курящаго, тягостную и для него въ тѣ минуты, когда ему курить нельзя, потому что она непремѣнно перейдетъ изъ прихоти въ непреодолимую потребность, совершенно порабощающую человѣка. А по моему тотъ, кто дѣлается рабомъ какой-либо привычки, не болѣе какъ получеловѣкъ.

— Браво, докторъ! Все это слѣдовало бы напечатать въ газетѣ *Ланцетъ*.

— Вовсе нѣтъ, потому что все это относится не къ медицинской точкѣ зрѣнія, а къ обще-практической сторонѣ вопроса; именно къ тому, что создавать себѣ такую пустую роскошь, непріятную для всѣхъ окружающихъ, и такъ мало отрадную для насъ самихъ, съ вашего позволенія, величайшая глупость, какую только можетъ сдѣлать молодой человѣкъ. Эту-то глупость я и не намѣренъ поощрять. Вотъ и конецъ моей проповѣди, а кстати чай готовъ, если вы не предпочитаете сигары на открытомъ воздухѣ.

Онъ предпочелъ остаться, и мы усѣлись вмѣстѣ, «четыре ноги у одного камина», какъ говоритъ пословица.

— Увы! пословица говоритъ о четырехъ ногахъ да не въ мужскихъ ботфортахъ, грустно промолвилъ Трегернъ.—Надоѣла мнѣ жизнь! хоть сейчасъ ложись въ могилу.

Я замѣтилъ, что его тщательно завитые усики, его раздушенные волосы и тонкій, аристократическій профиль были бы очень эффектны — въ гробу.

— Э! что вы за безчувственный человѣкъ!

Я самъ готовъ былъ раскаяться въ своихъ словахъ, смертью никогда не слѣдуетъ шутить. Но меня сердило, что этотъ молодой человѣкъ, полный жизни и силы, имѣющій все, чѣмъ только красится жизнь, — и здоровье, и богатство, и родныхъ, и друзей,—меня сердило, что онъ тутъ можетъ сидѣть пригорюнясь, и жаловаться такимъ пошло-сентиментальнымъ тономъ.

— Да въ чемъ же дѣло? Зачѣмъ это вы хотите лишить міръ вашего драгоцѣннаго присутствія? Развѣ та молодая дама выразила то же самое желаніе?

— Она?—Чортъ съ ней! Не хочу больше о ней думать, проговорилъ онъ угрюмо. И наконецъ, помолчавъ съ минуту, излилъ свое смертельное горе, свое безвыходное отчаяніе, въ слѣдующихъ словахъ:

— Я сегодня встрѣтилъ ее, верхомъ, съ Грантономъ, Колиномъ Грантономъ, на собственной его гнѣдой лошади; они цѣлый вечеръ разъѣзжали по сѣверному лагерю.

— Ужасное зрѣлище! А вы — вы молча имъ смотрѣли вслѣдъ съ тоской невыразимою?

— Докторъ!

Я остановился; въ голосѣ его слышалось болѣе истиннаго чувства чѣмъ я сперва предполагалъ въ Трегернѣ. Да и врядъ ли позволительно смѣяться, даже надъ ребяческою, мимолетною страстью.

— Извините, я не зналъ, что дѣло зашло такъ далеко. Впрочемъ, вамъ, кажется, не изъ чего еще ложиться въ гробъ?

— Да что это ей вздумалось разъѣзжать съ этимъ деревенскимъ медвѣдемъ? Какъ онъ смѣлъ предложить ей свою лошадь? ворчалъ Трегернъ, подкрѣпляя свою рѣчь разными прибавленіями, которыя считаю излишнимъ помѣщать здѣсь. Наконецъ мнѣ надоѣло разыгрывать роль фра-Лоренцо съ такимъ неинтереснымъ Ромео; я ему посовѣтовалъ, если ему не нравится поведеніе молодой дѣвушки, откровенно на этотъ счетъ объясниться съ нею, или съ ея отцомъ; или же, такъ какъ женщины хуже понимаютъ другъ друга, поручить это дѣло леди Августѣ Трегернъ.

— Матушкѣ! Она никогда и не слыхала о ней. Помилуйте, Эрквартъ, вы говорите такъ определительно, какъ будто бы я ужь рѣшился жениться!

— Извините, отвѣчалъ я, принимая довольно серіозный тонъ,— мнѣ не могло придти въ голову, чтобы молодой человѣкъ позволялъ себѣ такъ свободно разсуждать съ своими знакомыми о молодой дѣвушкѣ, такъ явно высказывать свое влеченіе къ ней, вмѣшиваться въ ея отношенія къ другимъ лицамъ, не имѣя намѣренія на ней жениться. Лучше намъ перемѣнить разговоръ.

Трегернъ покраснѣлъ до ушей, но принялъ къ свѣдѣнію мой намекъ, и болѣе не докучалъ мнѣ своими сентиментальными жалобами.

Послѣ этого, у насъ, завязался интересный разговоръ по поводу нѣкоторыхъ случаевъ болѣзни, замѣченныхъ мною по сосѣдству и не принадлежавшихъ къ разряду моей офиціяльной полковой практики. Еслибы, по какимъ-либо причинамъ, мнѣ пришлось оставить армію, я вѣроятно избралъ бы себѣ специяльностію гигіеническія улучшенія, изученіе здоровья, болѣе чѣмъ болѣзни, способовъ предупрежденія зла, болѣе чѣмъ лѣченія. Мнѣ часто кажется, что мы, медики, начинаемъ дѣло не съ того конца, что дѣятельность, посвященная нами на облегченіе неизлѣчимыхъ недуговъ, была бы полезнѣе употреблена на разысканіе и приложеніе средствъ для сохраненія здоровья.

Итакъ, я старался объяснить Трегерну (который современемъ будетъ человѣкомъ богатымъ и вліятельнымъ), что по крайней мѣрѣ половина смертности въ нашей крымской арміи могла быть приписываема не случайностямъ войны, а послѣдствіямъ пьянства и всякаго рода неумѣренности, невѣдѣнію самыхъ простыхъ гигіеническихъ законовъ, что, впрочемъ, достаточно доказали отчеты нашей врачебной коммиссіи.

— Точно также мнѣ грустно, говорилъ я ему,—изучать въ моихъ прогулкахъ положеніе такъ-называемыхъ *благородныхъ земледѣльческихъ классовъ*, и видѣть столько случаевъ болѣзни и смерти, отъ причинъ, которыя такъ легко было бы устранить.

Вотъ, напримѣръ, нѣсколько случаевъ, взятыхъ наудачу изъ моей записной книжки.

Амосъ Фелль, лѣтъ около сорока, десять дней боленъ горячкой; жена и пять человѣкъ дѣтей; занимаетъ одну комнату въ домикѣ, гдѣ живутъ два другія семейства; говоритъ, что радъ бы перейдти въ болѣе-здоровое жилище, да не можетъ; землевладѣлецъ не строитъ новыхъ коттеджей. Хотѣлъ бы себѣ выстроить хоть торфяной шалашикъ, но не знаетъ, будетъ ли и это ему разрѣшено.

Семейство Пекъ; также горячка; живутъ на грязномъ концѣ деревни, въ большой нечистотѣ; въ нѣсколькихъ шагахъ протекаетъ рѣчка, воды которой хватило бы на очищеніе цѣлаго города.

Вдова Деннъ; ревматизмъ отъ полевой работы; живетъ въ сырой комнаткѣ, почти подъ землей; женщина скромная и почтенная, получаетъ полъ-кроны въ недѣлю отъ прихода, но въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ не будетъ въ состояніи ничего заработать. Чтò станется съ ея дѣтьми?

Трегернъ разрѣшилъ этотъ вопросъ и нѣсколько другихъ; бѣдный малый! въ настоящую минуту у него кошелекъ такъ же открытъ, какъ его сердце; впрочемъ, въ числѣ другихъ роскошей, ему не худо испробовать роскошь благодѣянія. Ему это полезно; не сегодня, такъ завтра, онъ будетъ сэръ-Августомъ. Любопытно знать, разчитываетъ ли на это его богиня?

Какъ! неужели ко всѣмъ моимъ недостаткамъ присоединяется цинизмъ? да еще относительно женщины? и женщины, о которой я не знаю рѣшительно ничего. Я видѣлъ ее всего нѣсколько минутъ на балѣ.

Она, показалось мнѣ, принадлежитъ къ общему разряду провинціяльныхъ красавицъ, которыя сводятъ съ ума полковыхъ офицеровъ; впрочемъ, можетъ-быть въ ней есть кой-что и хорошее. Въ ея сестрѣ, этой дѣвушкѣ съ темными, большими глазами, навѣрное много хорошаго. Да не мнѣ объ этомъ судить, я никогда не имѣлъ случая изучать женщинъ.

Мы не возвращались къ этому предмету, пока, очевидно соскучившись по сигаркѣ, мой другъ Ромео не началъ безпокойно вертѣться на стулѣ, и наконецъ всталъ.

— Послушайте, докторъ, вы не станете говорить моему старику? Онъ бы страшно взбѣсился.

— О чемъ же?

— Да вотъ, на счетъ миссъ... вы знаете. Можетъ-быть, я очень глупо поступалъ, но когда молодая дѣвушка такъ съ вами любезна... да какая еще красавица! вѣдь вы ее видѣли, кажется, на томъ балѣ? Согласитесь, что она прелесть какъ хорòша.

Я согласился.

— А какъ подумаешь, что она достанется этому Грантону! Такому неучу, медвѣдю! Чортъ бы его побралъ!

— Онъ честный человѣкъ, и будетъ ей добрымъ мужемъ; другимъ же честнымъ людямъ, которые не намѣрены предложить ей свою руку, гораздо бы лучше избѣгать встрѣчи съ нею.

Трегернъ опять покраснѣлъ, но старался принять шутливый тонъ.

— Право, докторъ, вы все проповѣдуете супружество. Да на что̀ мнѣ связывать себя, въ мои года? Но будьте увѣрены, что я не сдѣлаю ничего такого, что̀ было бы недостойно джентльмена. Итакъ прощайте, старый другъ.

И онъ удалился, съ лѣнивою, самоувѣренною осанкой, которую иногда, совершенно напрасно, величаютъ аристократическою.

А между тѣмъ, мнѣ не разъ случалось видѣть, и какъ эти изнѣженные франты, эти новѣйшіе раздушенные Алкивіады, дрались какъ Алкивіадъ, и умирали, какъ не умѣлъ умирать ни одинъ Грекъ, умирали, какъ истинные Британцы.

Недостойно джентльмена! Что̀ это за слово для большей части людей, особенно въ военной службѣ! Я помню, что одинъ офицеръ, въ полномъ смыслѣ слова благородный человѣкъ, въ спорѣ о дуэляхъ, слѣдующимъ образомъ опредѣлилъ мнѣ выраженіе *джентльменъ:* тотъ, кто никогда не сдѣлаетъ ничего такого, чего бъ ему пришлось стыдиться, или отъ чего могла бы пострадать его честь.

Онъ говорилъ о *свѣтской чести,* потому что считалъ ее запятнанною, еслибы человѣкъ отказался отъ дуэли. Но нѣтъ ли болѣе высокаго мѣрила добродѣтели, болѣе возвышеннаго понятія о чести? А если есть, гдѣ его найдти?

ГЛАВА IV.

Ея разказъ.

Насилу-то онъ кончился, этотъ скучный обѣдъ. Я заперлась въ своей комнатѣ, раздѣлась, распустила волосы, и, скрестивъ руки на груди, долго смотрѣла на огонь.

Въ нашемъ огнѣ есть что-то совершенно особенное. Мы жжемъ болѣее ловыя дрова, и вотъ отчего этотъ пріятный особеный, запахъ. Какъ люблю я ель и сосну, вездѣ и во всякое время года! Съ какимъ

наслажденіемъ, и какъ часто бродила я по нашимъ сосновымъ лѣсамъ, между высокими, прямыми, неизмѣнными деревьями, темными и почтенными лѣтомъ, зелеными и свѣжими зимой! Сколько разъ прислушивалась я къ вѣтру, колеблющему ихъ верхушки, собирая еловыя и сосновыя шишки, эти драгоцѣннѣйшія мои сокровища, свалившіяся на зеленый мохъ! Съ какимъ восторгомъ я собирала ихъ въ свой передникъ, и складывала въ кучу въ углу классной, и потомъ понемножку жгла въ каминѣ! Какъ ярко бывало онѣ горѣли!

Я и теперь была бы не прочь пойдти собирать еловыя шишки. Это во сто разъ было бы для меня пріятнѣе и занимательнѣе этихъ парадныхъ обѣдовъ.

Отчего задали мы этотъ обѣдъ, который намъ стоилъ такъ много заботъ, хлопотъ и денегъ, и былъ такъ невыносимо скученъ, на мой взглядъ по крайней мѣрѣ? Отчего считаемъ мы своею обязанностію всегда задавать обѣды, когда Францисъ здѣсь? Какъ будто онъ не можетъ прожить недѣлю въ Рокмонтѣ въ одномъ нашемъ обществѣ? Этого не было прежде. Я помню время, когда онъ не желалъ никого видѣть у насъ, никуда не стремился отъ насъ. Все время, свободное отъ занятій (и папа, кажется, былъ учителемъ не черезчуръ строгимъ), онъ проводилъ съ Пенелопой. Какъ много намъ, маленькимъ, приходилось страдать отъ нихъ обоихъ! Всегда, бывало, найдутъ предлогъ, чтобы выслать насъ изъ комнаты, во время прогулокъ забудутся, забудутъ о насъ и потеряютъ насъ, и наконецъ, о жестокость!—заставятъ себя ждать по цѣлымъ часамъ къ обѣду. Имъ случалось ссориться, и тогда уже къ нимъ лучше и не подходи. Однимъ словомъ, любовь Пенелопы къ Францису была намъ не въ радость; мы съ Лизабелью утѣшались только ожиданіями свадьбы; она мечтала о нарядахъ, а я о томъ, какъ хорошо будетъ, когда все кончится, и я изъ миссъ Доры превращусь въ миссъ Джонстонъ, и буду полною хозяйкой дома.

Бѣдная Пенелопа! Она и до сей поры миссъ Джонстонъ, и по крайней мѣрѣ я не предвижу пока перемѣны въ ея судьбѣ. Я не удивлюсь, если въ нашемъ семействѣ, какъ во многихъ другихъ, младшая дочь первая выйдетъ замужъ.

Мнѣ сегодня было болѣе обыкновеннаго досадно на Лизабель. Про нее непремѣнно станутъ говорить всякій вздоръ; мнѣ дѣла нѣтъ до сплетенъ, но вести себя, какъ она, не годится. Дѣвушка не можетъ быть до такой степени одинаково расположена къ двумъ молодымъ людямъ, чтобы въ ея обращеніи съ ними нельзя было замѣтить ни малѣйшей разницы; или ужь обращеніе ея должно быть совершенно равнодушно. Но про Лизабель этого сказать нельзя. Я каждый день наблюдаю за ней и говорю себѣ:—Да,

ей рѣшительно нравится этотъ молодой человѣкъ. И счастливцемъ оказывается всегда тотъ молодой человѣкъ, который у ней подъ рукой, капитанъ Трегернъ или Грантонъ, «мой Колинъ,» какъ называетъ его мать. Съ пятнадцатаго своего года наша Лиза вѣчно окружена поклонниками, но сколько мнѣ извѣстно, никто серіозно не былъ влюбленъ въ нее; еслибы было что-нибудь подобное, Лизабель непремѣнно бы сообщила объ этомъ мнѣ и всѣмъ своимъ подругамъ: что̀ другое, а въ скрытности ее упрекнуть нельзя.

Я начинаю, кажется, злословить, и о комъ же? о родной сестрѣ, добронравной, безхитростной дѣвушкѣ, которая всѣмъ пріятна, и которую всѣ любятъ гораздо больше.

Сидя здѣсь у этого огня, я иногда задумываюсь о себѣ и строго разбираю себя.

Теодора Джонстонъ, двадцати пяти лѣтъ; наружность посредственная; способности посредственныя; нравъ посредственный; во всѣхъ отношеніяхъ олицетвореніе посредственности. Вотъ до какого заключенія о себѣ я дошла мало-по-малу; но я не всегда была такого мнѣнія о себѣ.

Теодора Джонстонъ пятнадцати лѣтъ. Это было совершенно другое существо. Я и теперь могу себѣ представить его, съ длинными кудрями и короткими платьями, подъ надзоромъ Пенелопы сберегаемыми до послѣдней возможности; я вижу дикую, счастливую, мечтательную дѣвочку, бѣгающую по полямъ, или съ книгой скрывающуюся въ саду, исписывающую всякій клочокъ бумаги глупыми стихами. Какъ все ей казалось тогда легко, возможно! какъ довольна она была собой и всѣмъ, что̀ ее окружало!

И что̀ изъ нея вышло? Вышеупомянутая двадцатипятилѣтняя Теодора Джонстонъ.

Умѣть углубляться въ себя, разбирать каждое свое чувство, называютъ добродѣтелью, обязанностью каждаго человѣка. Я съ этимъ не согласна. По моему, это трудъ совершенно безполезный, лишній, къ добру не ведущій. Онъ развиваетъ эгоизмъ, вмѣсто того чтобъ излѣчивать отъ него. Онъ ведетъ къ самоуничиженію, къ лицемѣрію.

Если мнѣ не о чемъ, или не о комъ думать, кромѣ самой себя, такъ я лучше совершенно откажусь отъ всякихъ размышленій, буду жить только поверхностною изъ двухъ моихъ жизней, которыя мнѣ удалось наконецъ такъ тѣсно связать между собой, что не видно границы между ними; точно новые бурнусы сестеръ: каждый, глядя на нихъ, скажетъ, что они скромнаго сѣраго цвѣта, и очень не многіе разсмотрятъ, что изнанка сукна красная.

Это мнѣ напоминаетъ о яркости и блескѣ мундира, въ кото-

ромъ капитанъ Трегернъ явился на нашъ скромный обѣдъ. Онъ объявилъ, что приглашенъ на какой-то вечеръ, и долженъ уѣхать тотчасъ же послѣ обѣда, а все-таки остался. Жалѣли ли объ его отсутствіи на этомъ вечерѣ, хотѣла бы я знать. У насъ же, кажется, присутствіе его было не совсѣмъ пріятно для двухъ людей, для Колина Грантона и Франсиса Чартериса.

Какъ странно, что до сегодняшняго вечера капитанъ Трегернъ не зналъ, что его двоюродный братъ помолвленъ съ нашею Пенелопой, не зналъ даже, что онъ съ нами знакомъ! Странно даже, что онъ не узналъ объ этомъ отъ постороннихъ! Правда, это такая старинная исторія, что давно перестали о ней говорить, а намъ не могло придти въ голову торжественно объявить объ этомъ обстоятельствѣ капитану Трегерну: о немъ самомъ мы только и знали, что онъ одинъ изъ знатныхъ родственниковъ Франсиса. Но какъ же самъ Франсисъ даже не намекнулъ этимъ знатнымъ родственникамъ о своемъ сватовствѣ?

Еслибъ я была на мѣстѣ Пенелопы!.. Но я не должна судить другихъ. Мнѣ говорятъ, что я никогда не была влюблена.

Встрѣча этихъ двухъ господъ вышла преуморительная, точно сцена изъ комедіи. Франсисъ сидѣлъ на диванѣ подлѣ Пенелопы, разговаривая съ мистриссъ Грантонъ, ея пріятельницей, и миссъ Эмери, и отъ времени до времени какъ-то лѣниво любезничая съ своею невѣстой. Вдругъ, передъ самымъ обѣдомъ, вбѣгаетъ капитанъ Трегернъ. Онъ прямо подходитъ къ папенькѣ, и раскланивается съ нимъ особенно привѣтливо и любезно; потомъ кланяется Лизабели особенно холодно и равнодушно (мнѣ показалось однако, что, при видѣ ея, онъ покраснѣлъ до ушей); потомъ спѣшитъ поздороваться съ миссъ Джонстонъ, и тутъ сталкивается носъ съ носомъ съ мистеромъ Франсисомъ Чартерисомъ.

— Чартерисъ! что̀ за... ч... что̀ за неожиданное удовольствіе!

Франсисъ пожалъ ему руку съ извѣстною намъ обворожительною любезностію.

— Миссъ Джонстонъ!—Въ изумленіи своемъ капитанъ Трегернъ совсѣмъ было о ней позабылъ. — Прошу васъ извинить меня. Я и не подозрѣвалъ, что вы знакомы съ моимъ двоюроднымъ братомъ.

И повидимому, это открытіе не черезчуръ обрадовало молодаго человѣка.

Пенелопа быстро взглянула на Франсиса, потомъ сказала,— какъ это она умѣла сказать такъ небрежно и спокойно:

— Да, мы уже много лѣтъ знакомы съ мистеромъ Чартерисомъ. Франсисъ, усадите вашего двоюроднаго брата на диванъ.

При имени Франсиса, капитанъ Трегернъ оглянулся въ недоумѣніи, и усѣвшись между Франсисомъ и Пенелопой, проговорилъ

что-то разсѣяннымъ тономъ. Наконецъ, въ ту самую минуту, какъ онъ готовился подать руку Пенелопѣ, чтобы повести ее къ обѣду, его какъ будто озарила лучезарная мысль. Онъ засмѣялся, уступилъ мѣсто двоюродному брату, и предложилъ мнѣ свой пунцовый локоть. Проходя по залѣ, онъ сказалъ мнѣ въ полголоса:

— Я, кажется, чуть было не сдѣлалъ глупости. Но кто же могъ это угадать?

— Вы хотите сказать?..

— Да вотъ, на счетъ этихъ двухъ особъ. Я зналъ, что ваша сестрица съ кѣмъ-то помолвлена... но Чартерисъ! Кому бы пришло въ голову, что Чартерисъ намѣренъ жениться! Такая уморительная мысль!

Я отвѣчала, что къ этой мысли успѣла привыкнуть, потому что Францисъ обрученъ съ сестрой уже около десяти лѣтъ.

— Десять лѣтъ! Быть не можетъ!..

Потомъ должно-быть въ его тяжеловѣсномъ умѣ промелькнула мысль, какъ неучтиво его изумленіе; онъ пробормоталъ какія-то неловкія поздравленія, и занявшись обѣдомъ, прекратилъ разговоръ.

Вѣроятно, ему было уже не до того: противъ насъ сидѣла Лизабель рядомъ съ Колиномъ Грантономъ; и не диво, что любовь и ревность совершенно помрачали умъ моего кавалера. Право, Лизабель и ея несчастные поклонники постоянно напоминаютъ мнѣ стихи Томсона, описывающіе бѣшеную борьбу двухъ молодыхъ быковъ въ то время, какъ прелестная корова, предметъ ихъ страсти, стоитъ подлѣ и раздуваетъ ихъ гнѣвъ.

Мнѣ совѣстно, что я это написала; мнѣ совѣстно, что я могла подумать такъ о родной сестрѣ, а вѣдь это такъ. Сколько разъ мнѣ случалось видѣть подобныя сцены! Я убѣждена, что это дурно и грѣшно; такіе священные предметы, какъ женская любовь и женская красота, созданы не для того, чтобы людей натравливать другъ на друга, какъ дикихъ звѣрей.

Я увѣрена также, что отъ женщины зависитъ не допустить этого. Мущины могутъ ревновать, тосковать и досадовать; но они не станутъ положительно *ненавидѣть* другъ друга изъ-за женщины, если эта женщина сама въ нѣкоторой мѣрѣ не виновата. Пока она свободна и никому не выказываетъ предпочтенія, изъ-за нея нельзя ссориться, потому что всѣ имѣютъ одинаковыя права и надежды; если же она въ душѣ уже избрала кого-нибудь, то хотя она можетъ и скрывать это чувство, но уже ни въ какомъ случаѣ не должна оказывать предпочтеніе кому-нибудь другому. Таково, по крайней мѣрѣ, мое личное мнѣніе.

Впрочемъ, я, можетъ, слишкомъ серіозно смотрю на это дѣло,

тѣмъ болѣе что никакого не имѣю права въ него вмѣшиваться. Я давно рѣшилась не давать никакихъ совѣтовъ; Лизабель сама можетъ все разсудить; можетъ «сама себѣ выбрать ворота», какъ говоритъ шотландская пословица. Кстати, капитанъ Трегернъ спрашивалъ, не шотландскіе ли мы уроженцы, и не принадлежимъ ли мы къ знаменитому клану Джонстоновъ?

Было время, когда, несмотря на прибавочное *т*, мы всѣ досадовали на свое плебейское имя и горячо желали промѣнять его на болѣе-аристократическое прозвище. Какъ мы гордились тогда Франсисомъ Чартерисомъ! Какъ лестно намъ казалось адресовать письма «Франсису Чартерису, эсквайру», или говорить о будущемъ зятѣ, «состоящемъ на государственной службѣ.» Мы были твердо убѣждены, что эта государственная служба поведетъ его далеко, что онъ рано или поздно будетъ первымъ министромъ и перомъ.

Вышло не такъ. Франсисъ все еще говоритъ, что онъ не довольно обезпеченъ для того, чтобы жениться. Я вчера спрашивала Пенелопу, какое было состояніе у папа, когда онъ женился на первой своей женѣ—не на нашей покойной маменькѣ? Вѣроятно, у него было гораздо меньше чѣмъ Франсисъ имѣетъ теперь. Но сестра отвѣчала, что я этихъ дѣлъ не понимаю, что тутъ совсѣмъ другаго рода обстоятельства. Вѣроятно, она права.

Она очень любитъ Франсиса. Прошлую недѣлю, приготовляя все къ его пріѣзду, она сдѣлалась совсѣмъ другимъ человѣкомъ; расцвѣла вдругъ и помолодѣла; правда, это не продлилось; съ тѣхъ поръ какъ онъ здѣсь, она опять часто бываетъ сердита и ворчлива, съ нами конечно, но никакъ не съ нимъ, но все же видно, что его присутствіе большая для нея отрада. Они не такъ уже нѣжничаютъ другъ съ другомъ, какъ въ былые годы; оно и было бы смѣшно въ ихъ лѣта — обоимъ за тридцать лѣтъ. Но, однако, мнѣ бы не совсѣмъ было пріятно, еслибы мой женихъ, въ какія бы то ни было лѣта, проводилъ полвечера за чтеніемъ романа, а другую половину въ пріятномъ сообществѣ своей сигары. Разумѣется, я бы не желала, чтобъ онъ постоянно со мною сидѣлъ и за мною «ухаживалъ». Для меня это было бы совершенно нестерпимо. Къ чему же служитъ любовь, если люди не могутъ довольствоваться просто присутствіемъ любимаго существа, или даже, въ его отсутствіи, мыслью о немъ, не мѣшая другъ другу заниматься своимъ дѣломъ, и исполнять его какъ можно лучше? Право! я была бы самою удобною въ мірѣ невѣстой или возлюбленною; мы могли бы по цѣлымъ вечерамъ сидѣть, спокойные и счастливые,—онъ на одномъ концѣ комнаты, я на другомъ,—только бы мнѣ знать, что ему хорошо, только бы мнѣ встрѣчать изрѣдка его взглядъ, его улыбку, и быть увѣренною,

что этотъ взглядъ, эта улыбка принадлежатъ мнѣ, и никому другому.

Что̀ за вздоръ я пишу? И ни слова о нашемъ званомъ обѣдѣ. Неужели онъ на меня такъ мало произвелъ впечатлѣнія?

Все шло обычнымъ порядкомъ. Папа сидѣлъ на одномъ концѣ стола, съ важностью, приличною его сану, и съ чуть-замѣтнымъ выраженіемъ скуки на лицѣ. Пенелопа на другомъ концѣ, въ качествѣ хозяйки. Франсисъ, какъ всегда, красивый и изящно одѣтый, разыгрывалъ роль *друга дома*. Что̀ у него за великолѣпно-вышитая манишка! Что̀ за воздушный галстухъ! И сколько труда, должно-быть, стоило ему такъ граціозно завязать этотъ галстухъ! Лизабель—но о Лизабели я уже говорила, и о себѣ также. Что̀ же касается до остальныхъ гостей, они держали себя точно такъ же, какъ обыкновенно держатъ себя гости на званыхъ обѣдахъ въ нашемъ краю: «*ex uno disce omnes*» могла бы я сказать, припоминая прежнія свои познанія въ латинскомъ языкѣ, за которыя Франсисъ когда-то прозвалъ меня *юною педанткой*.

Случилось ли въ продолженіе всего вечера что-нибудь, что̀ бы стоило припомнить? Да, благодаря припадку ревности, мнѣ удалось кой-что путное извлечь изъ капитана Трегерна. Онъ казался такъ скученъ, такъ растерянъ, что мнѣ стало жаль его, и я захотѣла какъ-нибудь развлечь его; ухватясь за первую вспавшую на умъ тему для разговора, я спросила его, давно ли онъ не видалъ своего пріятеля, доктора Эркварта?

— Кого? извините...

Его глаза невольно обращались въ ту сторону, гдѣ Лизабель, облокотясь на столъ своею бѣлою рукой, потупивъ глаза, играла вѣткой винограда, и кокетничала съ «моимъ Колиномъ».

— Доктора Эркварта, котораго я встрѣтила у Грантоновъ прошлую недѣлю. Вы, кажется, говорили, что дружны съ нимъ.

— Конечно, конечно, у меня никогда не было лучшаго друга (отрадно было видѣть, какъ молодой человѣкъ оживился вдругъ), я обязанъ ему жизнію. Безъ него я теперь лежалъ бы съ крестомъ надъ головой, внутри этой печальной ограды, на вершинѣ Каткартовой горы.

— Вы говорите о крымскомъ кладбищѣ — какого рода это мѣсто?

— Да вотъ именно, какъ я вамъ говорилъ, — просто верхушка горы, обведенная каменною оградой, а тамъ разные камни, памятники, кресты. Всѣ наши офицеры тамъ похоронены.

— А солдаты?

— Гдѣ попало; не все ли равно?

Да, точно все равно, подумала я, только не съ точки зрѣнія

Трегерна. Впрочемъ съ такимъ человѣкомъ, какъ онъ, невозможно было заводить спора объ отвлеченныхъ предметахъ. Я бы не удержалась, можетъ-быть, еслибы на его мѣстѣ былъ докторъ Эрквартъ.

— Докторъ Эрквартъ все время былъ тамъ, въ Крыму?

— Да, онъ сдѣлалъ всю кампанію, отъ Варны до Севастополя; сперва волонтеромъ, а потомъ его приписали къ нашему полку. Счастіе для меня! Какіе три мѣсяца я выдержалъ послѣ Инкермана! Никогда не забуду, какъ въ первый разъ я выползъ на чистый воздухъ и усѣлся на скамью передъ госпиталемъ, на балаклавскихъ высотахъ, надъ самымъ Чернымъ моремъ.

Никогда еще онъ не говорилъ съ такимъ жаромъ. Во мнѣ пробудилась симпатія къ капитану Трегерну.

— Былъ онъ когда-нибудь раненъ, — докторъ Эрквартъ, хочу я сказать?

— Разъ или два, и то очень легко. Онъ нѣжиться не охотникъ, и тотчасъ же выздоравливалъ. Знаете, онъ человѣкъ такой умѣренный и благоразумный во всемъ, у него характеръ такой спокойный, онъ такую власть имѣетъ надъ собою, что ужь этимъ самымъ онъ огражденъ отъ многихъ болѣзней и опасностей. Онъ говоритъ, что тамъ въ Крыму почти столько же померло отъ пьянства, обжорства, отъ безмѣрнаго куренья, какъ отъ русскихъ пуль.

— Вашъ другъ долженъ быть замѣчательный человѣкъ.

— Онъ, просто сказать, козырь! Извините за выраженіе... его бы не слѣдовало употреблять въ присутствіи дамъ.

— Если оно позволительно вообще, то позволительно и въ дамскомъ обществѣ.

Молодой человѣкъ посмотрѣлъ на меня съ недоумѣніемъ.

— Ну, хорошо, миссъ Дора; такъ онъ настоящій козырь, если вамъ понятно это слово. Впрочемъ, онъ притомъ человѣкъ довольно странный, довольно тугой; съ нимъ не такъ-то легко вести дѣло; онъ васъ какъ будто бы держитъ на привязи, точно родной отецъ. Чартерисъ! Слыхали ль вы когда-нибудь, какъ мой старикъ отзывается о докторѣ Эрквартѣ?

Можетъ-быть сэръ-Уилльяму и случалось при немъ называть это лицо, но, къ сожалѣнію, мистеръ Чартерисъ не могъ этого припомнить. Впрочемъ, кажется, онъ слышалъ это имя въ клубѣ; но трудно запомнить всѣ слышанныя имена, или даже людей, съ которыми встрѣчаешься.

— Вы бы этого человѣка не такъ-то скоро забыли, увѣряю васъ. Онъ стóитъ цѣлой дюжины такихъ... ахъ, извините!

Если извиненіе это относилось ко взгляду, брошенному имъ на двоюроднаго брата, мнѣ не трудно было ему простить. Меня всегда сердитъ, когда Францисъ принимаетъ такой небреж-

ный тонъ. Въ иныхъ отношеніяхъ для меня сноснѣе откровенная глупость капитана Трегерна, у него ничего нѣтъ въ головѣ, такъ ничего отъ него и не ожидаешь,—повторяю, она для меня сноснѣе презрительной небрежности Франсиса Чартериса, который, мы знаемъ, считаетъ излишнимъ выказывать передъ нами сокровища своего ума. Желала бы я знать, лучше ли онъ себя держитъ передъ графиней такою-то, или леди такою-то, о которыхъ онъ все толковалъ съ миссъ Эмери?

Я невольно сравнивала его красивое, гладкое лицо съ исхудалымъ лицомъ Пенелопы, и думала о томъ, какъ быстро въ сравненіи съ нимъ старѣется она, хотя они совершенно однихъ лѣтъ—но въ эту минуту дамы встали изъ-за стола.

Капитанъ Трегернъ и Колинъ бросились отворять намъ дверь, Франсисъ не взялъ на себя этого труда,— и Лизабель, проходя мимо, одинаково любезно улыбнулась обоимъ своимъ поклонникамъ. Колинъ сказалъ ей какой-то глупый комплиментъ; другой же, молча, взглянулъ ей прямо въ лицо. Еслибы кто-нибудь посмѣлъ на меня *такъ* взглянуть, я бы пожелала уничтожить его на мѣстѣ.

Въ гостиной я пріютилась подлѣ мистриссъ Грантонъ, съ которою мнѣ всегда пріятно разговаривать. Опять зашла рѣчь о раздаваніи пива приходскимъ бѣднымъ, и она мнѣ сказала, что въ этомъ дѣлѣ нашла энергическаго союзника: «человѣка, который еще сильнѣе меня съ вашимъ батюшкой возстаетъ противъ пива. Я говорила сегодня мистеру Джонстону, какъ хорошо бы ему съ нимъ познакомиться.»

Вопросъ шелъ о томъ, раздавать ли пиво нашимъ бѣднымъ за святочнымъ обѣдомъ. Папа, который постоянно возстаетъ противъ горячительныхъ напитковъ, и самъ ихъ никогда не употребляетъ, ежегодно выдерживаетъ за это самые ожесточенные нападки. Я спросила: кто же этотъ драгоцѣнный союзникъ?

— Ужь, конечно, не изъ сосѣдей нашихъ. Онъ служитъ при лагерѣ; вы, кажется, встрѣтили его у меня на балѣ: докторъ Эрквартъ.

Я не могла удержать улыбки и не замѣтить мистриссъ Грантонъ, какъ странно, что мнѣ такъ часто приходится слышать про доктора Эркварта.

— Да такой человѣкъ вездѣ будетъ замѣченъ, даже въ нашемъ тихомъ краю; конечно, не въ обществѣ,—онъ почти никуда не ѣздитъ, и Колинъ насилу могъ затащить его къ намъ;—но онъ дѣлаетъ много такого, о чемъ мы, люди обыкновенные, только разговоры ведемъ.

Я спросила, какія же это такія дѣла; вѣроятно, по части медицины?

— Да, но у него эта медицинская часть принимаетъ такіе размѣры! Вообразите себѣ, онъ пришелъ къ Колину попросить его, въ качествѣ землевладѣльца, заняться осушкою и разчисткою Боурнской деревни. Онъ написалъ лорду ***, увѣряя его, что двадцать новыхъ коттеджей, выстроенныхъ на его землѣ, принесутъ болѣе нравственной пользы чѣмъ всевозможные пріюты для бѣдныхъ. Онъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые не боятся высказывать свое мнѣніе, и умѣютъ заставить другихъ выслушивать его.

Я спросила, знаетъ ли она что-нибудь про личныя обстоятельства доктора Эркварта? Есть ли у него семейство? Женатъ ли онъ?

— О, нѣтъ, не женатъ. Впрочемъ, я никогда его объ этомъ не спрашивала, да онъ бы вѣрно самъ мнѣ объ этомъ проговорился. Во всякомъ случаѣ, Колинъ долженъ знать это. Не прикажете ли о васъ замолвить словечко, миссъ Дора?

— Нѣтъ, благодарю васъ, отвѣчала я смѣясь: — вы знаете, что я не люблю военныхъ.

Единственный недостатокъ доброй мистриссъ Грантонъ — ея страсть къ такого рода шуткамъ. Еслибы не это, я бы охотно поподробнѣе разспросила ее о докторѣ Эркварте. Увижу ли я его еще когда-нибудь? Врядъ ли; обыкновенно полки не долго стоятъ въ лагеряхъ.

Я подошла къ камину, у котораго сидѣли сестры съ миссъ Эмери. Послѣдняя говорила много и скоро; Пенелопа выслушивала ее съ выраженіемъ лица, немного-насмѣшливымъ; она говоритъ, что ей скучно съ дамами, особенно съ дамами среднихъ лѣтъ. Лизабель, какъ всегда, улыбалась своею неизмѣнно-добродушною улыбкой.

— Мнѣ очень пріятно было видѣть, говорила миссъ Эмери, — какъ радушно встрѣтились мистеръ Чартерисъ и капитанъ Трегернъ; я слышала, что между ними было что-то такое, была какая-то холодность. Очень понятно: сэръ-Уилльямъ, конечно, могъ бы что-нибудь сдѣлать для своего племянника, — вѣдь послѣ капитана мистеръ Чартерисъ ближайшій ему наслѣдникъ. У сэръ-Уилльяма великолѣпное помѣстье; были ли вы когда-нибудь въ Трегернъ-Кортѣ, миссъ Джонстонъ?

Пенелопа отрывисто отвѣчала «*нѣтъ*», а Лизабель прибавила добродушнымъ тономъ, что мы очень рѣдко выѣзжаемъ, — что папа любитъ круглый годъ проводить въ Рокмонтѣ.

Я сказала, отъ любви ли къ противорѣчію, или изъ опасенія сплетенъ болтливой миссъ Эмери, что мы даже не знаемъ, гдѣ находится Трегернъ-Кортъ, а съ капитаномъ Трегерномъ познакомились случайно, у мистриссъ Грантонъ.

Лиза ущипнула меня; Пенелопа сердито нахмурила брови. Хорошо ли я сдѣлала, что такимъ образомъ раздосадовала обѣихъ моихъ сестеръ? Увы! я чувствую, что мой характеръ съ каждымъ днемъ становится непріятнѣе. Чѣмъ же это кончится?

Должно-быть, Лизабель избрала себѣ девизомъ на этотъ вечеръ: «кто первый пріѣдетъ, тому первому мѣсто.» Лишь только появился капитанъ Трегернъ, онъ исключительно овладѣлъ ея вниманіемъ; его ярко-пунцовый мундиръ совершенно затмилъ скромный черный фракъ его соперника. Пришлось мнѣ разыгрывать роль Милосердія и проливать елей моего пріятнаго разговора на раны, нанесенныя блестящими глазами моей сестрицы; въ награду я получила полнѣйшія свѣдѣнія на счетъ торфяной почвы, сажанія рѣпы и наилучшей методы откармливать овецъ.

О, Колинъ мой милый, о, Колинъ мой другъ,
Привыкшій безъ страху ходить по горамъ!
О, гдѣ твое стадо, что̀ быстро такъ скачетъ,
Земли не касаясь, летитъ по полямъ?

Мнѣ помнится, что послѣдній этотъ фактъ нѣсколько смущалъ мой дѣтскій умъ. А какъ же конецъ?

Гдѣ вѣтки березы сплелись надъ ручьемъ,
Туда мы подъ вечеръ съ тобою придемъ.

Не хочу я смѣяться надъ этою незатѣйливою пѣсенкой съ ея милымъ шотландскимъ напѣвомъ — сколько разъ я мурлыкала ее про себя, въ моихъ длинныхъ прогулкахъ! Вѣдь въ дѣтствѣ я сама была безнадежно влюблена въ *друга Колина!* Любовь эта выражалась только тѣмъ, что я всячески ухаживала за его матерью, и изрѣдка рѣшалась подносить ему самому отборныя ягоды или орѣхи. Наконецъ, оскорбленная гордость взяла свое, и я исцѣлилась отъ несчастной страсти. Но до сихъ поръ я съ нѣкоторою нѣжностью смотрю на розовое, круглое лицо *друга Колина,* хотя и знаю, какъ мало толку въ его головѣ, и какъ мало онъ подходитъ къ моему теперешнему идеалу мущины.

Неужели онъ женится на нашей Лизѣ? Вообще рѣдко случается, чтобы люди женились на подругахъ своего дѣтства, отъ любви ли къ новизнѣ, или отъ того, что часто самые близкіе намъ по положенію люди всего дальше бываютъ отъ насъ по своимъ симпатіямъ, интересамъ, требованіямъ.

Но, однако, пора мнѣ кончить и запереть бюро.

. . . .

Къ счастію, я успѣла все прибрать! Что, еслибы Лизабель застала меня за писаньемъ, въ такой поздній часъ ночи, — какъ

бы она стала меня дразнить, даже при теперешнихъ обстоятельствахъ, которыя, скажу мимоходомъ, не слишкомъ-то сильно на нее подѣйствовали.

Она постучалась ко мнѣ въ дверь, досадуя на то, что она была заперта. Я впустила ее, и она сѣла у камина, точно картинка, въ голубомъ пенюарѣ, съ распущенными золотистыми волосами, съ глазами, невѣроятно блестящими для втораго часа ночи. Я молча показала ей свои часы.

— Что̀ за вздоръ! Я не дамъ тебѣ такъ рано лечь въ постель. Мнѣ нужно съ тобою потолковать, Дора; тебѣ должно быть лестно, что я прежде всѣхъ пришла къ тебѣ. — Ну, отгадай, что̀ случилось сегодня вечеромъ?

Ничего дурнаго, конечно, подумала я, глядя на ея сіяющее, смѣющееся лицо.

— Ты никакъ не отгадаешь, потому что ты никакъ не думаешь, чтобъ это могло случиться когда-нибудь. Дѣло въ томъ, что Трегернъ сегодня сдѣлалъ мнѣ предложеніе.

При этой вѣсти я остолбенѣла, потомъ стала сомнѣваться въ достовѣрности ея.

— Онъ просто говорилъ тебѣ вздоръ, какъ всегда; онъ не имѣетъ никакихъ серіозныхъ намѣреній. Зачѣмъ ты не положишь конца этимъ дурачествамъ?

Лизабель не обидѣлась, — она никогда не обижается, — она только засмѣялась.

— Я говорю тебѣ, Дора, что это сущая правда. Вѣрь не вѣрь, онъ посватался за меня.

— Когда же? Гдѣ? Какимъ образомъ?

— Въ оранжереѣ, у большаго померанцеваго дерева, за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ какъ онъ ушелъ.

Видя, что она мнѣ отвѣчаетъ такъ опредѣлительно и аккуратно, я попросила ее повторить мнѣ собственныя его слова, если она ничего противъ этого не имѣетъ.

— О, ничего, конечно! У насъ шелъ разговоръ о померанцевой вѣточкѣ, которую мнѣ далъ Колинъ, а Трегернъ уговаривалъ меня бросить ее. Но я отвѣчала: «нѣтъ, я люблю этотъ запахъ. Въ день моей свадьбы я непремѣнно надѣну гирлянду изъ живыхъ померанцевыхъ цвѣтовъ.» Тутъ онъ вдругъ разгорячился и сталъ клясться, что съ ума сойдетъ, если я выйду замужъ за кого-нибудь другаго. Потомъ онъ схватилъ мою руку—и... какъ обыкновенно водится... (Тутъ она немного покраснѣла.) Кончилось тѣмъ, что я ему сказала, что ему лучше всего поговорить съ папенькой, а онъ отвѣчалъ, что поговоритъ съ нимъ завтра. Вотъ и все.

— Все?

— А что̀ же? подхватила Лизабель, глядя на меня вопросительно.

Конечно странно было принять такимъ образомъ извѣстіе о помолвкѣ сестры, но я не въ силахъ была выговорить слова. Меня что-то душило, какое-то жгучее негодованіе подступало мнѣ къ горлу, давило меня тоской.

Что̀ же это такое, наконецъ? Праздное кокетничанье, вспышка страсти въ молодомъ мальчикѣ, холодный разчетъ со стороны дѣвушки... «Какъ обыкновенно водится...» и «Поговорите съ папенькой!» — Вотъ и все! Неужели это любовь?

— И ты ни слова не говоришь мнѣ, Дора? Лучше бы я разказала Пенелопѣ, да она устала и заперлась у себя въ комнатѣ. Къ тому же, ей это можетъ быть не совсѣмъ пріятно. А вѣдь, право, грустно. Такое важное событіе въ моей жизни, а никто даже и не поздравитъ, не приметъ участія.

Я спросила, чѣмъ же эта вѣсть можетъ быть непріятна Пенелопѣ?

— Развѣ ты не понимаешь? Большая разница для Франсиса, будетъ ли Трегернъ жить холостякомъ и кочевать по бѣлому свѣту, или если онъ женится и оснуется дома. Что ты на меня смотришь такъ убійственно? — я никого не подозрѣваю, никакихъ не дѣлаю предположеній, — я беру дѣло съ самой простой, практической стороны. Да и что̀ за бѣда? Если не на мнѣ Трегернъ женится, такъ вѣдь женится же онъ когда-нибудь; Франсису и Пенелопѣ легче отъ этого не будетъ.

— Ты очень благоразумна и предусмотрительна: мнѣ бы это и въ голову не пришло.

— Очень вѣроятно. Дай-ка мнѣ щетку.

И она принялась методически расчесывать свои длинные волосы и заплетать ихъ въ безчисленныя косички, отъ которыхъ они у нея такъ изящно волнуются. Проходя мимо зеркала, она остановилась, окинула себя взглядомъ и проговорила вздохнувъ:

— Бѣдный малый! Онъ такъ любитъ меня.

— А ты?

— Я... я конечно люблю его, очень люблю. Иначе пошла ли бы я за него замужъ?

— Разумѣется!

— Папенькѣ одно можетъ не понравиться: то, что Трегернъ моложе меня, — конечно, очень немногимъ моложе. Какъ папенька удивится, когда завтра получитъ письмо!

— Сэръ-Уилльямъ уже знаетъ?

— Нѣтъ еще, но Трегернъ говоритъ, что можетъ уладить все очень скоро. Онъ уговоритъ мать, а она отца. Да что̀ же они могутъ имѣть противъ меня?

Она опять взглянула въ зеркало. Разумѣется, противъ такой

невѣстки трудно было имѣть что-нибудь, даже въ Трегернъ-Кортѣ.

— Надѣюсь, что Пенелопа не станетъ сердиться, продолжала она.—Для нея это можетъ-быть еще лучше. Я вѣрно буду имѣть вліяніе на родныхъ мужа, и уговорю старика какъ-нибудь получше устроить Франсиса, или выхлопотать папенькѣ болѣе выгодный приходъ, если только онъ согласится оставить Рокмонтъ. А тебѣ я найду хорошаго мужа, не такъ ли, Дора?

— Благодарю тебя, не нужно. Мнѣ и слово это опротивѣло. Лучше бы намъ прожить всѣмъ вмѣстѣ, не разлучаясь...

И, отъ усталости ли, отъ волненія ли, или отъ того, что мнѣ вдругъ стало невыразимо тяжело видѣть мою сестру, подругу моего дѣтства, мою хорошенькую Лизу, поступающую такимъ образомъ, говорящую такія рѣчи, — я вдругъ залилась слезами.

Она была удивлена, и нѣсколько растрогана, потому что сама немножко прослезилась, и мы крѣпко обнялись и поцѣловались, что̀ не часто съ нами бываетъ. Но вдругъ я вспомнила про Трегерна, про померанцевое дерево, про «какъ водится», и поцѣлуи Лизы стали жечь меня.

— О Лиза, не дѣлай этого, не дѣлай этого, ради Христа.

— Не дѣлать — чего? Ты не хочешь, чтобъ я вышла замужъ?

— Не такимъ образомъ.

— А какимъ же образомъ?

Я не умѣла ей отвѣчать, я не знала, какъ выразить свою мысль.

— Ужь не въ родѣ ли Франсиса и Пенелопы? Влюбиться другъ въ друга малыми дѣтьми, не зная еще, чего именно хочешь, а потомъ чувствовать себя связанными навѣки и тянуть эти безсмысленныя, тяжелыя отношенія, пока она сдѣлается совершенною старухой, а онъ... Нѣтъ, покорно благодарю, наглядѣлась я на эти пламенныя страсти и неопредѣленныя отсрочки. Я давно ужь положила себѣ, что если уже выходить замужъ, такъ устроить это сразу, и дѣло съ концомъ.

Въ ея словахъ была нѣкоторая доля правды, но еще больше неправды. Я не могла опровергать ее, спорить съ нею, но я чувствовала, что *не такъ* она смотритъ на вещи. Любовь не всегда оказывается обманомъ.

Мы еще поговорили немного, и наконецъ она встала, сказавъ, что ей пора спать.

— Такъ неужели ты не пожелаешь мнѣ счастія? Это не хорошо съ твоей стороны.

Я отвѣчала ей напрямикъ, что иначе смотрю на вещи, но

что такъ какъ выборъ ея сдѣланъ, то я надѣюсь, что она не ошиблась.

— Я въ этомъ увѣрена. А теперь, ложись спать, и не плачь больше, — право, не о чемъ плакать. Я куплю тебѣ къ свадьбѣ очаровательное платье, и тебѣ такъ весело будетъ ѣздить ко мнѣ въ гости, въ Трегернъ-Кортъ. Прощай, Дора, покойной ночи!

Странно, очень странно! Даже сегодня утромъ, записывая все это въ свой дневникъ, я не могу привыкнуть къ этой мысли; она мнѣ кажется все страннѣй и страннѣй!

ГЛАВА V.

Его разказъ.

Я запишу всѣ происшествія нынѣшняго дня, хотя бы для того, чтобы сколько-нибудь отдѣлаться отъ ихъ неотвязнаго впечатлѣнія.

Происшествія пустыя, маловажныя для всякаго, но меня потрясли они такъ, что я долго, долго сидѣлъ, закрывъ лицо руками, вздрагивая каждый часъ, при звукѣ колокола, взятаго нами въ Севастополѣ, вздрагивая и трясясь какъ больной, нервный ребенокъ.

Странное дѣло! Тамъ, въ Крыму, среди опасностей, трудовъ, лишеній всякаго рода, я былъ спокоенъ, даже счастливъ. Жизнь какъ будто взяла свое, какъ будто изгладила изъ памяти тотъ день, — что̀ я говорю? — тотъ единый часъ, то мгновеніе... Неужели это мгновеніе можетъ, перевѣсить цѣлую жизнь? или, какъ говорятъ иные, цѣлую вѣчность? Да что̀ же время, что̀ же вѣчность? И что̀ значитъ человѣкъ, съ тою частицей добра или зла, которую ему пришлось совершить или претерпѣть, передъ лицомъ Бога?

Все это пустыя разсужденія, довольно я потратилъ на нихъ времени, пока каждый доводъ не сдѣлался мнѣ мучительно знакомымъ. Лучше ихъ оставить и обратиться къ обыкновеннымъ предметамъ. Дорогой невидимый корреспондентъ, разказать тебѣ весь нынѣшній день?

Начался онъ мирно. Я всегда отдыхаю по воскресеньямъ, если только могу. Я думаю, что еслибы даже Небо не освятило одного изъ семи дней недѣли,—все-таки былъ бы нуженъ день отдохновенія, и этотъ день по тому самому былъ бы днемъ благо-

словеннымъ. Неясное чувство, старинная привычка и позднее убѣжденіе, все заставляетъ меня праздновать *шабашъ*, конечно, не совсѣмъ по строгому обычаю моихъ предковъ, но какъ мирный, счастливый, священный день отдыха между двумя недѣлями, день, въ который мы наслаждаемся миромъ, назначеннымъ въ удѣлъ сынамъ Божіимъ! Да, сынамъ Божіимъ; для нихъ только и существуетъ миръ, даже на землѣ.

Трегернъ, вскорѣ послѣ завтрака, проходя мимо моей палатки, постучался ко мнѣ въ окно, довольно не кстати, потому что я только что принялся за хорошую книгу; я рѣдко когда позволяю себѣ какое-нибудь чтеніе, кромѣ ученаго.

Онъ спросилъ, не хочу ли я съ нимъ отправиться въ церковь.

Я почти постоянно посѣщаю нашу походную капеллу; несмотря на то, что добрый нашъ полковой капелланъ преплохой проповѣдникъ, я хожу туда, какъ на всякое другое христіянское богослуженіе, потому что вижу въ этомъ самый простой и прямой способъ выразить свое благоговѣніе передъ Творцомъ.

Поэтому, я не улыбнулся необычайному припадку набожности въ Трегернѣ, а просто изъявилъ согласіе, что, кажется, было нѣсколько досадно ему.

— Вы видите, я дѣлаюсь, человѣкомъ солиднымъ, начинаю въ церковь ходить. Я удивляюсь, что вы, Эрквартъ, такой набожный и серіозный человѣкъ, не уговаривали меня и прежде бывать въ церкви.

— Если вы идете противъ воли, потому только, что такъ прилично солидному человѣку, то лучше остаться дома.

— Очень вамъ благодаренъ; а если я на это имѣю особыя причины?

Онъ скрываться не умѣетъ, все у него такъ и просится наружу; оттого-то нельзя и сердиться на его недостатки.

— Такъ разкажите же мнѣ попросту, въ чемъ дѣло; не въ первый разъ намъ съ вами говорить откровенно.

— Ну, такъ я вамъ признаюсь, гмъ! (Брянча своею саблей и опуская глаза съ какою-то необычайною застѣнчивостію). Дѣло въ томъ, что *она* этого пожелала.

— Кто?

— Вы знаете, та дѣвушка. Да я вамъ ужь все разкажу, — тѣмъ болѣе что я васъ хотѣлъ попросить переговорить съ ея отцомъ, и моего старика предупредить. Я послушался вашего совѣта и все дѣло покончилъ разомъ.

— Какъ! вы обвѣнчались съ нею?

Онъ говорилъ такимъ страннымъ тономъ, что, пожалуй, возможно было и это.

— Нѣтъ еще, не совсѣмъ, но почти что такъ. Я сдѣлалъ ей предложеніе, и она согласилась. Да, докторъ, съ прошлой пятницы я женихъ ея.

Въ его голосѣ и манерахъ проглядывало искреннее чувство и вмѣстѣ какой-то комическій страхъ собственнаго своего положенія.

Я не совсѣмъ ожидалъ подобной развязки; но могло бы случиться что-нибудь и хуже. Богатый молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати, окруженъ разными опасностями, которая гораздо хуже ранней женитьбы. Итакъ, я поздравилъ его обычнымъ порядкомъ и спросилъ, знаетъ ли объ этомъ его отецъ.

— Нѣтъ еще. Я хочу попросить васъ быть посредникомъ между нами. Впрочемъ, онъ навѣрное согласится,— ея отецъ препочтенный человѣкъ,—здѣшній ректоръ; а она—такая красавица! Она дѣлаетъ честь моему вкусу. Къ тому же она меня любитъ— немножко!

И онъ съ гордою радостію покручивалъ себѣ усы.

Я не видѣлъ причины въ томъ сомнѣваться. Онъ былъ красивъ собою, могъ нравиться женщинамъ; невѣста же его, судя по лицу, казалось мнѣ, ума не далекаго, но милаго и добродушнаго нрава. Другая сестра, съ которою я говорилъ, гораздо замѣчательнѣе. Видно было, что онѣ принадлежатъ къ весьма-почтенному семейству, и сэръ-Уилльямъ, постоянно желавшій видѣть сына женатымъ, ничего не могъ имѣть противъ его выбора. Однако, слѣдовало увѣдомить его тотчасъ же; слѣдовало бы даже напередъ посовѣтоваться съ нимъ. Я сказалъ это Трегерну.

— Что̀ жь дѣлать! я не виноватъ: оно случилось такъ неожиданно. Право, когда я пріѣхалъ къ нимъ, я такъ же мало помышлялъ о женитьбѣ, какъ вашъ сѣрый котъ, докторъ! Видно, отъ судьбы своей не уйдешь. Но теперь все кончено, и я радъ отъ души. Такъ вы напишете отцу и скажете ему объ этомъ?

— Напишите сами, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше: такія дѣла не терпятъ отлагательства.

Я подвинулъ къ нему чернильницу съ перомъ и листъ бумаги, а самъ взялся за книгу; но я не могъ вполнѣ заняться чтеніемъ; я невольно поглядывалъ на Трегерна; его смущенное, растерянное лицо и смѣшило меня, и наводило на меня раздумье.

Признаться, мнѣ чрезвычайно было грустно, что Трегернъ посватался, не предупредивъ отца. Самъ я своихъ родителей не помню; они скончались, когда я былъ еще ребенкомъ; но врядъ ли человѣкъ можетъ дожить до моихъ лѣтъ, не сознавъ до какой степени священны права отца, хорошаго отца?

Конечно, все это дѣло нисколько меня не касалось. Трегернъ

только въ шутку могъ сказать, что *послушался моего совѣта*, приложивъ къ дѣлу совершенно отвлеченное замѣчаніе, сдѣланюе мною, чтобъ пресѣчь его пустую болтовню. Я и отказался принять какое-либо участіе въ его сватовствѣ, хотя уступилъ его настойчивой просьбѣ отправиться съ нимъ въ деревенскую церковь, и быть представленнымъ отцу его невѣсты, тамошнему священнику.

— Онъ человѣкъ довольно таки крутой,— тонокъ какъ игла и твердъ какъ камень; право, меня вчера морозъ пробиралъ, какъ пришлось говорить съ нимъ наединѣ.

— Но вѣдь онъ согласился?

— Да, теперь все уладилось, то-есть будетъ улажено, какъ только я получу отвѣтъ отъ моего старика.

До сихъ поръ, по странности, свойственной большей части влюбленныхъ, онъ ни разу не упомянулъ фамиліи и имени своей красавицы. Я его и не разспрашивалъ, потому что зналъ это имя, и потому также, что звукъ этого имени всегда мучительно дѣйствуетъ на меня.

Въ церковь мы пришли довольно поздно; было чудное сентябрьское утро; солнечные лучи ярко озаряли и церковь и окружающія равнины. Мнѣ въ первый разъ случилось быть въ этой деревнѣ, и я не могъ не полюбоваться красивымъ мѣстоположеніемъ и старинною живописною колокольней. Въ церкви было довольно много народу, но все народъ бѣдный, кромѣ одного семейства, повидимому семейства священника. Самъ онъ только что взошелъ на каѳедру.

— Вотъ ея отецъ, шепнулъ мнѣ Трегернъ.

Я ничего не отвѣчалъ и не былъ въ силахъ тотчасъ на него взглянуть. Несмотря на всѣ доводы разсудка, на меня находятъ минуты непреодолимой слабости, при встрѣчѣ съ человѣкомъ, носящимъ имя сколько-нибудь похожее на *то имя*.

Наконецъ я поднялъ голову и взглянулъ на него.

Лицо правильное, спокойное, строгое; красивыя черты, узкій лобъ, орлиный носъ, типъ совершенно противоположный тому, который такъ глубоко впечатлѣлся въ мою память, что меня какъ громомъ поражаетъ малѣйшее, случайное сходство съ нимъ.

Я могъ теперь спокойно сѣсть и вслушиваться въ молитвы, читанныя священникомъ; читалъ онъ ясно, отчетливо, съ толкомъ, голосомъ спокойнымъ и мелодичнымъ, вполнѣ соотвѣтствовавшимъ его лицу. И прихожане почтительно прислушивались какъ прислушиваются люди къ очень-умнымъ разсужденіямъ о предметахъ, мало имъ доступныхъ. За исключеніемъ не яснаго бормотанья въ рядахъ воскресной школы и громкаго «А-а-минь!» клерика, раздавался только голосъ пастора.

Я сидѣлъ въ раздумьи, спрашивая себя, неужели необходимо это полумашинальное повтореніе словъ, лишенныхъ смысла для бо́льшей части слушателей, когда случайно, приподнявъ голову, я встрѣтилъ взглядъ, устремленный на меня.

То была одна изъ дочерей пастора, младшая вѣроятно, если судить по тому, что она занимала самое неудобное мѣсто на скамьѣ. Кажется, та самая, съ которою я разговаривалъ у мистриссъ Грантонъ; я, впрочемъ, не былъ въ этомъ увѣренъ; шляпки такъ измѣняютъ лицо у дамъ.

Этотъ взглядъ, спокойно испытующій, съ чуть-замѣтнымъ оттѣнкомъ жалости, поразилъ меня. Много мнѣ случалось встрѣчать тревожныхъ, пытливыхъ взглядовъ, но всегда они искали на моемъ лицѣ своего собственнаго приговора или приговора близкихъ имъ существъ; до меня, до моей судьбы имъ не было никакого дѣла. Этотъ же взглядъ искалъ *меня.*

Мнѣ всегда тягостно, когда меня *разсматриваютъ*, даже съ участіемъ. Невольно повернулся я такъ, что одна изъ колоннъ пришлась между мною и этими глазами. Когда мы встали для общаго пѣнія, ея глаза были опущены на молитвенникъ, она больше не поднимала ихъ ни на меня, ни на кого другаго.

Такъ какъ она сидѣла между мной и каѳедрой, я не могъ не видѣть ея въ продолженіи всей проповѣди, которая была умна, занимательна, изящно обработана, въ чисто-классическомъ стилѣ, какъ и слѣдовало ожидать по наружности произносившаго ее.

Дочь на него не похожа. Когда она молчитъ, черты ея довольно обыкновенны; онѣ ни на минуту не напоминали мнѣ молодаго, оживленнаго лица, полнаго энергіи, которымъ я любовался въ тотъ вечеръ у мистриссъ Грантонъ. На нѣкоторыхъ лицахъ такъ живо отражается минутное впечатлѣніе, что каждый разъ они измѣняются совершенно. Другія, спокойно красивыя, не мѣняются почти никогда, и эти-то лица, мнѣ кажется, должны скоро прискучить. Вообще, въ лицахъ неправильныхъ бываетъ больше жизни и выраженія. Венера Медицейская, по моему, была бы довольно скучная сожительница, и я не слишкомъ бы надѣялся, чтобы мальчикъ съ профилемъ Бельведерскаго Аполлона вышелъ дѣльнымъ ученымъ.

Трегернъ, повидимому, придерживается другаго мнѣнія. Онъ не сводилъ восхищеннаго взгляда съ этой статной, бѣлой, правильной красавицы, которая повернулась такъ, что ея чистый греческій профиль ярко обрисовывался на красной драпировкѣ каѳедры.

Кажется, она сознавала сама, какъ хороша она въ этомъ положеніи. Она непремѣнно понравится сэръ-Уилльяму, онъ большой поклонникъ красоты; а манеры ея такъ изящны, что даже леди Августа Трегернъ должна остаться ею довольна.

Я думалъ про себя, что нашъ капитанъ счастливо напалъ; во всякомъ случаѣ, можно было навѣрное предсказать, что онъ женится чисто случайнымъ образомъ: онъ не такой человѣкъ, чтобы сумѣть выбрать и рѣшиться, или чтобы настойчиво добиваться чьей-нибудь любви.

Когда кончилось богослуженіе, Трегернъ спросилъ, меня какъ она мнѣ показалась. Я отвѣчалъ ему почти то же, что̀ написалъ здѣсь, и онъ остался весьма доволенъ.

— Теперь я васъ познакомлю съ ними; отецъ остается въ церкви, а я провожу ихъ до дому. А, вотъ она насъ увидала!

Онъ весь вспыхнулъ отъ удовольствія; видно, онъ въ самомъ дѣлѣ ее любитъ.

— Ну пойдемте же, докторъ, прошу васъ, сдѣлайте это для меня.

Онъ видѣлъ, что я не совсѣмъ рѣшался.

Впрочемъ, поздно было раздумывать, Трегернъ взялъ меня подъ руку и сталъ рекомендовать. Онъ говорилъ такъ скоро и неясно, что я не могъ вполнѣ разслышать ихъ имени, но мнѣ послышалось, какъ въ первый разъ: *Джонсонъ*.

Красавица встрѣтила Трегерна самою сіяющею улыбкой. Онъ пошелъ съ ней рядомъ, съ гордою и рѣшительною осанкой; старшая сестра присоединилась къ нимъ, къ видимому неудовольствію обоихъ. Я ея прежде не замѣчалъ; она маленькая особа съ рѣзкими манерами и черными какъ смоль глазами; красивая, но уже значительно поблекшая.

Другая сестра осталась со мною. Мы рядомъ прошли по погосту и вышли на дорогу. Въ то время какъ я отворялъ ей калитку, она взглянула на меня и сказала съ улыбкой:

— Вы меня, вѣрно, не узнали, докторъ Эрквартъ?

Я отвѣчалъ, что напротивъ тотчасъ же узналъ молодую леди, *ненавидящую военныхъ*.

Она покраснѣла до ушей, взглянула на Трегерна, и проговорила съ нѣкоторымъ достоинствомъ:

— Къ чему припоминать всѣ глупости, которыя мнѣ случалось говорить, особливо въ этотъ вечеръ?

— Я не считалъ это глупостями; мнѣ казалось, что у насъ шелъ разговоръ очень интересный, гораздо дѣльнѣе обыкновенныхъ бальныхъ разговоровъ.

— Вы рѣдко бываете на балахъ?

— Очень рѣдко.

— Вы скучаете на нихъ?

— Не всегда.

— Вы находите, что не слѣдуетъ на нихъ бывать?

Я не могъ не улыбнуться ея разспросамъ, въ которыхъ слышалось простосердечіе и безыскусственность ребенка.

— Право, я никогда до сихъ поръ не разбиралъ этого вопроса; для меня это просто дѣло личнаго вкуса. Я поѣхалъ къ мистриссъ Грантонъ, потому что она, по добротѣ своей, этого пожелала, а я радъ исполнить малѣйшее ея желаніе. Я очень ее люблю и многимъ ей обязанъ.

— Она отличнѣйшая женщина, отвѣчала она съ жаромъ. — А у Колина добрѣйшая въ мірѣ душа.

Я согласился, хотя меня нѣсколько смѣшила ея юношеская восторженность; впрочемъ, тонъ этотъ былъ здѣсь какъ-то умѣстенъ.

— Вы знаете Колина Грантона? Не встрѣчали ли вы его на дняхъ—вчера, то-есть? Капитанъ Трегернъ не видалъ его вчера?

Безпокойство, съ которомъ она сдѣлала этотъ вопросъ, привело мнѣ на умъ, что Трегернъ когда-то ревновалъ свою невѣсту къ Колину Грантону. Можетъ-быть, эта добренькая душа опасалась, что въ нашемъ лагерѣ произойдетъ поединокъ между двумя соперниками. Но я успокоилъ ее, сказавъ, что, сколько мнѣ извѣстно, мистеръ Грантонъ отправился въ Лондонъ, въ субботу утромъ, и возвратится не ранѣе вторника. Наши взгляды встрѣтились, и мы увидѣли, что понимаемъ другъ-друга; но, разумѣется, ни однимъ словомъ на это не намекнули.

Я замѣтилъ вообще, что Грантонъ предобрый малый, конечно, не черезчуръ чувствительной комплексіи, не способный что-либо слишкомъ принимать къ сердцу, но одаренный практическимъ умомъ и здравымъ смысломъ; изъ него могъ бы выйдти отличный деревенскій сквайръ, лучшій хозяинъ во всемъ графствѣ, еслибы только онъ могъ понять всю важность своего положенія.

— Въ какомъ же отношеніи?

— Отвѣтственность, возложенную на него его большимъ состояніемъ; обязанность употребить его въ пользу.

— Но какъ? Что̀ же онъ можетъ сдѣлать?

— Очень многое, если только захочетъ.

— Да не можете ли вы ему посовѣтовать?

И въ ея глазахъ блеснуло прежнее одушевленіе.

— Я? я не такъ близокъ съ нимъ.

— Но вы такое имѣете вліяніе на всѣхъ окружающихъ; мнѣ мистриссъ Грантонъ говорила... Я Грантоновъ знаю съ самаго моего дѣтства...

Судя по ея робкимъ манерамъ, по румянцу, который безпрестанно вспыхивалъ на ея щекахъ, можно было предположить, что время дѣтства не такъ еще далеко, пока она не сказала что-то про *младшую мою сестру*, и мнѣ стало ясно, что я ошибся въ ея лѣтахъ.

Мнѣ легче было разговаривать съ одинокою молоденькою

дѣвушкой въ углу бальной залы чѣмъ среди бѣлаго дня со взрослою дѣвицей, сопровождаемою двумя нарядными сестрами, поразившими мои непривычные глаза своею фашонабельною осанкой. Про нее нельзя было сказать того же; казалось, она въ семействѣ играла послѣднюю роль, на нее не обращали вниманія, даже пренебрегали ею. Въ манерахъ ея ничего не было вѣтренаго или кокетливаго; напротивъ, несмотря на свою живость и оригинальность, она держала себя донельзя скромно и серіозно.

Слѣдуя своей привычкѣ, я наблюдалъ за нею въ промежуткахъ разговора а промежутки эти повторялись часто. Я думаю, что я ей показался чрезвычайно скучнымъ и угрюмымъ, особенно въ сравненіи съ Трегерномъ, который, идя впереди насъ, болталъ и смѣялся съ обычною беззаботностію.

А между тѣмъ, мнѣ весело было идти, не торопясь, по мягкой, песчанистой почвѣ, усыпанной сухими листьями; въ здѣшнихъ окрестностяхъ вездѣ такой грунтъ: можно идти цѣлыми милями по лѣсамъ и полямъ, увязая по щиколку въ топкомъ, сухомъ пескѣ, и не замарать даже башмаковъ. Весело было видѣть лучи солнца, игравшіе на вершинахъ деревьевъ или падавшіе на дорогу широкими свѣтлыми полосами, гдѣ только оказывался промежутокъ между густыми рядами великолѣпныхъ елей, — подобныхъ елей я не видалъ даже на моей родинѣ. Притомъ, почти совершенное отсутствіе другаго лѣса, возвышенное мѣсто, песчанистый грунтъ, придаютъ здѣшнему воздуху что-то свѣжее и живительное, благотворно-дѣйствующее и на душу, и на тѣло.

Я бы радъ былъ пройдти такимъ образомъ нѣсколько миль, не говоря ни слова, но невозможно было позволить себѣ такое упорное молчаніе, и потому, за неимѣніемъ болѣе-занимательнаго и оригинальнаго предмета для разговора, я рѣшился замѣтить, что «здѣшнія окрестности должны быть очень милы весной.»

Моя собесѣдница отвѣчала съ внезапною, почти дѣтскою горячностію:

— Милы? Да, онѣ очаровательны! Вы никогда не были здѣсь весною?

Я отвѣчалъ, что полкъ нашъ вернулся въ самомъ концѣ мая, и что нынѣшнюю весну я встрѣтилъ въ Крыму.

— Ахъ, я слышала, что тамъ весна великолѣпная и цвѣты гораздо лучше нашихъ!

Видя, что она охотница до цвѣтовъ, я сталъ разказывать ей про чудные крымскіе подснѣжники, про нарциссы, про дикіе гіацинты, испещрявшіе окрестности Балаклавы и берега Черной Рѣчки, между тѣмъ какъ на скалахъ, въ каждой скважинѣ, пуками росъ нѣжный, желтый жасминъ, падая внизъ длинными гирляндами.

— Что̀ за прелесть! Знаю я эти дикіе гіацинты. Сколько разъ мнѣ за нихъ доставалось, когда, весной, я выбѣгала въ поле, унося изъ кухни ножикъ и корзинку, чтобъ выкапывать ихъ и пересаживить въ нашъ садикъ! Много я переломала кухонныхъ ножей надъ этимъ напраснымъ трудомъ. Знаете ли, какъ трудно добраться до луковицы дикаго гіацинта?

— А что̀?

— Да, сколько разъ мнѣ случалось выбрать красивый, крупный гіацинтъ, и терпѣливо обкапывать его, вершковъ на десять глубины, воображая, что наконецъ я добралась до корня, но вдругъ одно неосторожное движеніе, и все пропало! Часто я сидѣла съ отрѣзаннымъ стеблемъ въ рукѣ, вы знаете, съ этимъ длиннымъ, бѣлымъ, тонкимъ стебелькомъ, который кончается двумя нѣжными, зелеными листьями и крошечною почкой,—долго сидѣла и плакала, не только съ досады на неудачу, но также отъ жалости, что уничтожила это бѣдное растеніе и никакъ не могу опять оживить его.

Она смотрѣла мнѣ прямо въ лицо своими невинными глазами. Но должно-быть у нея крайне-впечатлительная натура и удивительная память даже на самыя бездѣльныя обстоятельства, потому что, лишь только она выговорила послѣднія слова, она вдругъ вся покраснѣла, какъ будто бы боясь, что оскорбила меня. Я рѣшился прямо отвѣчать на ея мысль.

— Я съ вами согласенъ, что грѣшно безъ нужды убивать, даже цвѣтокъ. Но напрасно вы боитесь высказать это при мнѣ, я не могъ принять на свой счетъ то, что̀ вы говорили о военныхъ людяхъ на балѣ у мистриссъ Грантонъ. Мое ремесло состоитъ не въ томъ, чтобъ убивать людей, напротивъ. Впрочемъ, я могъ бы найдти доводы и въ пользу собственно военной службы.

— Вы полагаете, что есть нѣчто выше и дороже жизни, для чего можно жертвовать даже жизнію другихъ? Мнѣ также это приходило на умъ въ послѣднее время. Вы заставили меня задуматься серіозно, и я вамъ благодарна за это.

Я не нашелся ей ничего отвѣчать, и она продолжала:

— Если я и говорила въ тотъ вечеръ вещи безразсудныя и несправедливыя, то это, можетъ-быть, оттого, что мнѣ до сихъ поръ приходилось видѣть довольно плохіе образчики военной службы,—за исключеніемъ, конечно, капитана Трегерна, поспѣшно добавила она.

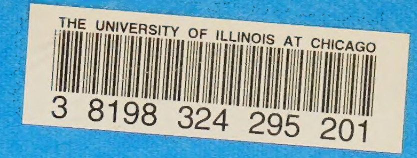
Онъ услышалъ свое имя.

— Надѣюсь, что вы обо мнѣ ничего дурнаго не говорите! воскликнулъ онъ.—Во всякомъ случаѣ, я полагаюсь на доктора Эркварта. Онъ меня такъ часто бранитъ въ лицо, что вѣрно не станетъ нападать на меня за глаза.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ

Печатать позволяется.

Ноября 28-го. Цензоръ *А. Петровъ.*

THE UNIVERSITY OF ILLINOIS AT CHICAGO
3 8198 324 295 201